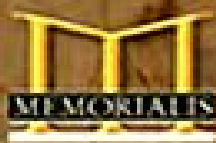

МИТРИДАТ

Адриенна Мэйор

ОТВАЖНОЙ ВОЙНЫ

БЛЕСТАЩИХ СРАЖЕНИЙ

ЗЛОТЫХ МОМЕНТОВ

120-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

Annotation

Адриенна Мэйор, преподаватель древней истории Стэнфордского университета, впервые преподносит читателю полную историю одного из самых безжалостных царей, мятежника-мечтателя, бросившего вызов власти Рима в I веке до н. э., Митридата. Макиавелли восхищался его военной гениальностью, европейские короли гонялись за его секретным противоядием... Одаренный высоким интеллектом и пылкими амбициями, став правителем, Митридат мечтал о Великой восточной империи, которая могла бы соперничать с Римом... Чарующий и пугающий властитель, проклятие Римской империи, агрессивный, очаровательный, хитрый, жестокий тиран; геноцид, террор, алхимия — все это Митридат.

-
- [Адриенна Мэйор](#)
 - [От переводчика](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12.](#)
 - [Глава 13.](#)
 - [Глава 14.](#)

- [Глава 15.](#)
- [Приложения](#)
 - [Приложение 1.](#)
 - [Приложение 2.](#)
- [Основные персонажи истории Митридата](#)
- [Хронология](#)
- [Библиография](#)
- [Благодарности](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)

- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)

- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)

- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)

- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)

- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)

- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)

- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)

- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)

- [546](#)
 - [547](#)
 - [548](#)
 - [549](#)
 - [550](#)
 - [551](#)
 - [552](#)
 - [553](#)
 - [554](#)
 - [555](#)
 - [556](#)
 - [557](#)
 - [558](#)
 - [559](#)
 - [560](#)
-

Адриенна Мэйор

Митридат

**Отважный воин, блестящий стратег,
зловещий отравитель**

120–63 гг. до н. э.

От переводчика

В биографии Митридата Адриенны Мэйор содержится много цитат из античных историков. В основном она пользуется английскими переводами греческих и римских авторов (их библиографические данные указаны в списке литературы). В то же время автор не всегда буквально цитирует Юстина, Страбона, Диодора и многих других писателей: зачастую, пытаясь приблизить древний текст к нашему пониманию, она не цитирует, а пересказывает отдельные пассажи, сокращает их, меняет третье лицо на первое. Например, если Юстин сообщает, что Митридат сказал, что «со стороны матери он происходит от Александра Великого», то А. Мэйор как бы передает прямую речь Митридата и пишет: «Со стороны матери я происхожу от Александра Великого». Во многом такой подход объясняется методом «исторической реконструкции», который применяет А. Мэйор: его принципы она детально разъясняет во вступлении к книге.

В русском переводе мы в основном пользовались существующими русскими переводами античных авторов; их список также приведен в библиографии. При этом мы постоянно были вынуждены сокращать текст, объединять несколько фраз или частично пересказывать отдельные цитаты так, как это сделано у автора книги. В ряде мест, правда, наш текст несколько ближе к тексту оригинала, чем у А. Мэйор. Названия русскоязычных книг, процитированных А. Мэйор, приводятся в библиографии по-русски (в скобках).

*Посвящается Джерри (1941–2006)
Пусть Рим, когда в кольцо огня он попадет,
Не ведам, где ты, везде тебя найдет^[1].*

Расин. Митридат. 1673

Введение

Давным-давно в одном маленьком приморском царстве сверкающая комета на Востоке предсказала рождение знаменитого царевича, который осмелится вступить в войну с могущественной империей. Еще когда он младенцем лежал в колыбели, молния отметила его для будущего величия. Когда он еще был мальчиком, враги в замке отравили его царя-отца. Его собственная мать-царица пыталась с ним расправиться. Но он спасся и, как Робин Гуд, прожил семь лет в лесах. Царевич стал сильным и смелым и узнал тайны ядов и противоядий. Тогда царевич вернулся в свое царство и убил злую царицу. Он стал всеми любимым царем и правил множеством народов. Когда та самая могущественная заморская империя вторглась в его царство, люди из самых разных стран стали участниками его великой войны. Всю свою жизнь царь продолжал сражаться с империей. Многие прекрасные царицы разделяли с ним трон, но истинной любовью царя оказалась женщина столь же отважная в битве, как и он сам. Когда царь умер, его кончина была ознаменована страшным землетрясением. И тысячи лет спустя люди помнили о легендарных подвигах великого царя и рассказывали о них друг другу.

Все это похоже на волшебную сказку^[2]. Но добавьте к этой сказке задокументированные факты — и вот перед вами История. Примерно в 120 г. до н. э. Митридат VI Евпатор Великий, царь Понтийский, унаследовал маленькое, но богатое царство на Черном море (северо-восток Турции). Митридат — это персидское имя, означающее «Посланный Митрой», древним иранским богом солнца. В древности использовались два разных написания — в греческих надписях царя чаще называли Митрадатом, римляне предпочитали Митридата. Как наследник персидской царской семьи и Александра Великого, Митридат считал, что его долг — объединить Восток и Запад и защитить Восток от римского господства. Сложный человек, вождь, обладавший выдающимся умом, жестокий и амбициозный, Митридат отважно бросил вызов поздней Римской республике, сначала устроив

чудовищную резню, а затем — целый ряд войн, которые длились почти сорок лет^[3].

Отравление было традиционным политическим оружием. Отец Митридата погиб от яда, и сам Митридат смог раскрыть множество заговоров, где яд собирались использовать против него самого. Еще в детстве он мечтал приобрести иммунитет перед ядами. После сотен экспериментов Митридат обнаружил фармакологический парадокс, который все еще изучают сегодня: яды могут быть как полезными, так и смертельными. Многие считают, что собственное особое противоядие было причиной прославленной энергичности и долгожительства этого царя. После кончины Митридата его особый эликсир пили и римские императоры, и китайские мандарины, и европейские короли и королевы; он породил целое море научных трактатов о царя ядов — необыкновенном знатоке токсикологии. Перед вами — первая книга, где объясняются, какие научные принципы лежали в основе царского противоядия и чем вдохновлялся царь, создавая его.

Митридат был ученым покровителем искусств и наук. Его военные инженеры построили первую водяную мельницу и технологически продвинутые осадные машины. Загадочный механизм с Антикитеры — первая в мире вычислительная машина — мог быть одним из драгоценных сокровищ Митридата.

Собрав огромную армию, состоявшую из воинов разных наций из далеких земель, Митридат мечтал об огромной Черноморской империи, которая могла бы соревноваться с мощью Рима. Он одерживал поразительные победы и страдал от опустошительных поражений в некоторых из самых величественных сражений Античности. Заманивая римлян все глубже во враждебные земли, Митридат заставлял их завоевывать и оккупировать богатую территорию, которую они собирались только разграбить. Самые лучшие полководцы Рима выигрывали битву за битвой, но они так никогда и не смогли схватить последнего «неукрощенного» монарха, который осмелился бросить вызов римской военной машине. Его последователи почитали Митридата как долгожданного спасителя Востока. Римляне называли его Восточным Ганнибалом.

Митридат стал легендой уже при жизни. После долгих Митридатовых войн даже римляне с неохотой стали восхищаться

своим самым беспощадным врагом. Митридату была суждена красочная посмертная судьба: его образ отразился в искусстве, музыке и литературе (см. приложение 2). Средневековые художники иллюстрировали захватывающие моменты его царствования, изображая его как благородного Черного рыцаря, который сражался с жестокими тиранами Рима. Макиавелли восхвалял его, как отважного героя; его царствование зачаровывало Людовика XIV. Французский драматург Расин обессмертил Митридата и его обреченный гарем; та же тема вдохновила и четырнадцатилетнего Моцарта на написание первой оперы. Поэты восхваляли царя ядов: «Я слышал, люди говорят, что умер старым Митридат»^[4]. Но и подробности последних часов жизни Митридата, его смерти и погребения окутаны тайной.

В течение двух тысячелетий необыкновенные военные и научные достижения Митридата сделали его широко известной личностью, одним из главных светил в поистине «звездном ансамбле» персонажей Римской республики наряду с Ганнибалом, Спартаксом, Клеопатрой и Юлием Цезарем. Однако за последние полвека имя и дела Митридата стали исчезать из памяти широкой публики. Один писатель жаловался, что из всех народов, «которые вступили в смертный бой с Римом», «ни один не оказался столь прочно забытым, как Понтийское царство. Его основные памятники уничтожены, его храмы пали, и от его самого могущественного правителя остались лишь смутные легенды»^[5].

Но есть и признаки того, что звезда Митридата восходит снова: историки и археологи снова заговорили о древней борьбе против империализма, а ученые возрождают древнюю мечту о всеобщем противоядии от токсического оружия. Новые кризисы превратили в горячие точки многие стратегически важные территории, которыми Митридат когда-то правил, где он сражался и завоевывал себе союзников. Этот список знаком нам из заголовков сегодняшних СМИ: Греция, Турция, Армения, Украина, Россия, Крым, Грузия, Чечня, Азербайджан, Сирия, Курдистан, Иран, Ирак. Исследуя поразительный подвиг Митридата — переход через Кавказские горы, когда он собирался оказать врагу последнее сопротивление в Крыму, я изучала карты этого малоизвестного, но такого важного для истории уголка мира. В августе 2008 г. Кавказ ворвался в заголовки мировых новостей, когда Российская армия атаковала Грузию (Древняя Колхида) — бывшую независимую советскую республику — из-за спорных

регионов. Южной Осетии и Абхазии. Воины и беженцы шли по тому же самому скалистому горному перевалу, где прошла отступавшая армия Митридата 2 тысячи лет назад.

Имя Митридата сегодня, может быть, неизвестно на Западе, но его репутация борца с империализмом не была забыта на Востоке. «Все знают историю борьбы между Римом и Митридатом, — заявил великий русский историк Михаил Ростовцев, — и все помнят, что последним оплотом Митридата» стала Южная Россия. В некоторых бывших республиках Советского Союза Митридат до сих пор остается местным кумиром. Например, в 1965 г. появилась грузинская биография Митридата, а в 1993 и 2004 гг. появились русские романы о царе Митридате Евпаторе. В промежутках между войнами в Черноморской империи Митридата иногда имеют место научные и археологические исследования. Принимая во внимание недавний вал политических отравлений на Украине и в России, название бара в городе царя Митридата, Пантикапее (теперь Керчь), звучит как черный юмор: если не боитесь, можно заказать напиток в кафе «Митридат»^[6].

В тех землях, где Митридат когда-то правил или которые были ему союзниками, его вспоминают как харизматичного лидера, сопротивлявшегося наступлению с Запада. Например, в Армении и Курдистане многие считают Митрадата (Мехрдада, Мирдада, Мхртата) национальным героем^[7]. После долгого периода забвения Турция также начинает интересоваться Митридатом — первым правителем, который объединил и защитил различные народы Анатолии от иноземных захватчиков. В 2007 г. историк Мурат Арслан опубликовал свою диссертацию *Mithradates VI Eupator, Roma'nin Biiyuk Diismani* («Величайший враг Рима») о «древнем анатолийском герое, который известен мало и забыт почти до сего дня». Арслан сравнивает Митрадата, который защищал Анатолию от римлян, с Александром Великим, спасшим Азию от Персидской империи. Ведущий турецкий историк Сенджер Шахин сравнивает Митридата с турецким национальным героем Ататюрком, который успешно сражался с чужеземными завоевателями^[8].

Древние источники о жизни Митридата

Почти все, что мы знаем о Митридате, было написано с точки зрения его врагов, наследниками римской имперской культуры, которые смотрели через призму римской точки зрения на Восток, на расширяющиеся границы империи. Существующие (и не дошедшие до нас) древние источники о жизни и эпохе Митридата были всесторонне оценены современными историками Древнего Рима^[9]. Примерно пятьдесят древних текстов приводят подробности о жизни Митридата; нашими основными источниками являются изложение Юстином утраченной истории Помпея Трога; «Митридатовы войны» Аппиана; «Римская история» Диона Кассия; «География» Страбона, сохранившаяся во фрагментах история Гераклеи Понтийской Мемнона; речи Цицерона и жизнеописания римских полководцев Плутарха (биографии Суллы, Лукулла, Помпея), которые сражались в войнах с Митридатом. Важные материалы фигурируют также в «Естественной истории» Плиния, во фрагментах Саллюстия и Ливия, а также Диодора Сицилийского, Аммиана Марцеллина, Галена и других латинских и греческих авторов.

Эти древние писатели имели возможность пользоваться трудами многих других историков и множеством записей, архивов, воспоминаний современников и устным фольклором — все это для нас потеряно навеки. Поскольку дошедшие до нас тексты были написаны с точки зрения победоносной Римской империи, необъективность — как открытая, так и неявная — была неизбежна. Чтобы рассказать историю Митридата с его собственной перспективы, нужно было бы находиться на берегу Черного моря и смотреть не только на Запад, на Рим и Грецию, но и в другую сторону — во все стороны от Митридатова царства и союзных ему земель, которые сопротивлялись Риму; все эти страны обладали своими собственными жизнеспособными культурами и империями. В этой книге мы взяли на себя трудную задачу: попытаться рассказать о Митридате не со стороны Рима, воскресить то время, когда еще не было воздвигнуто помпезное здание торжествующей Римской империи.

Часто говорят о том, что некоторые враги Рима стали более знамениты, чем те, кто их завоевал. Сам Рим был очарован своими опасными врагами; римляне восхищались их смелостью, их идеализмом и оставили о них множество биографических сведений. Некоторые римские писатели (Цицерон, Тацит и Диодор) резко

критиковали жестокий империализм Рима и жадность римлян. По меньшей мере три автора (Страбон, Плутарх и Трог) лично имели отношение к Митридатovým войнам. Они понимали враждебность, которую вызывала поздняя Римская республика, и с благожелательностью рассказали о некоторых сторонах жизни Митридата. К сожалению, мы не можем прочесть утраченные рассказы современников Митридата, которые лично участвовали в войнах, таких как Рутилий Руф, Луций Корнелий Сисенна, Ленея, Метродор и Ипсикрат^[10].

Интригующие намеки в древних и средневековых текстах — практически все, что осталось теперь от богатой сокровищницы увлекательных баек, которые некогда ходили о Митридате. Каждый фрагмент в этой литературной истории ценен — наряду с художественными, нумизматическими и археологическими данными, многие из которых были обнаружены лишь недавно. Можно собрать необыкновенный объем материала о Митридате и его времени. У нас получится освещенная неровным светом картина: его воспитание и образование; люди, которые стали его героями и повлияли на него; его речи и призывы, обращенные к сторонникам; военная стратегия, научные эксперименты и досуг; его любовные приключения, надежды, сомнения, мотивы и сложная психология — записаны даже перемены настроения царя, его шутки и его сны.

Исторические методы

Неполнота древних источников иногда заставляет историков заниматься гаданием на кофейной гуще. В таких случаях вполне уместен подход, которому следовал великий детектив Шерлок Холмс. Холмс так объяснял свой метод: мы должны «взвесить возможности и выбрать самое вероятное. Это — научное использование воображения, но у нас всегда должно быть некое материальное основание, от которого мы должны отталкиваться»^[11].

Собирая связанное историческое повествование из «битых черепков», дабы реконструировать пропавшие фрагменты — то, что считалось само собой разумеющимся, но не было описано в древних свидетельствах, — специалисты по истории Античности основывались

на современных и древних знаниях, чтобы заполнить детали исторического фона — экономики, культурных воздействий, климата, географии, топографии, естественной истории, политических событий и т. д. Историческая реконструкция необходима для восстановления полностью реалистичного жизнеописания любого древнего персонажа. Однако, когда мы пытаемся примирить нашу верность истории с верностью человеку из прошлого, его характер и мотивации «нельзя полностью и со всей точностью представить или выразить в области истории» — и одной лишь истории. Чтобы остаться верными Митридату, историческому деятелю, которого мы никогда не можем подлинно узнать, можно применить «научное использование воображения», дабы заполнить пробелы между дошедшими до нас рассказами и встроенными в контекст фактами. Это особенно уместно для Митридата — уникального, нетипичного эллинистического правителя^[12].

В последние годы историки также стали использовать условные, «виртуальные» мыслительные эксперименты — «а что, если...» — как инструмент для понимания значимости и возможности развития исторических событий, представляя себе альтернативные результаты и заполняя пробелы. Такая техника не является современным изобретением. Например, уже в V в. до н. э. греческий историк Геродот и драматург Еприпид рассказывали альтернативные варианты истории Плены Троянской, согласно которой Елена никогда не уезжала в Трою, но на протяжении всей Троянской войны находилась в Египте. Римский историк Ливий задавался вопросом, что бы случилось, если бы Александр Великий не умер, а отправился завоевывать Италию (Ливий считал, что Рим победил бы и его)^[13].

«Ландшафт истории» Джона Льюиса Гэддиса (2002) повлиял на меня и помог «нанести на карту» белые пятна в жизни Митридата, оставаясь верной исторической правде. Гэддис также объясняет, как построение «сценариев» позволяет историку пользоваться своим воображением, чтобы заново посетить прошлое и «переиграть» его, задавая себе методологически правильные вопросы о том, что могло бы случиться при определенных обстоятельствах^[14].

Чтобы рассказать историю Митридата (а иногда и сделать ее более драматичной), я иногда дополняла отсутствующие детали в исторических свидетельствах, основываясь на известных фактах,

литературных и археологических данных, похожих событиях и возможностях. В этих случаях я следую общепринятым правилам для методологически обоснованной альтернативной истории, установленным в «Виртуальной истории» Ниалла Фергюсона (2000): детали должны быть возможными или вероятными для того времени и места, где действовал Митридат, и они должны соответствовать опыту людей того времени, который мы можем узнать из древней литературы, искусства и истории и/или археологии. Такие пассажи обозначены выражениями вроде «могло бы быть», «вероятно» и «возможно», однако я также четко указываю в тексте или примечаниях все те случаи, когда я заполняю пробелы или тупики, добавляю исторически уместные детали, примиряю противоречащие между собой версии или предлагаю логически вероятные сценарии того, как могли бы разворачиваться события. Предлагая такие сценарии, я сохраняю верность известным основным историческим событиям и «условиям возможности» в древних источниках. Такой подход значительно отличается от обычного исторического романа: в этом случае романист свободен и может противоречить известным фактам, создавать новых персонажей и условия^[15].

Современные взгляды на Митридата и его Черноморскую империю

Несмотря на свои необыкновенные достижения и роль в падении Римской республики, Митридату необыкновенно мало внимания уделяли как ученые, так и широкая публика.

Магистерская работа Теодора Рейнака «Митридат Евпатор, царь Понтийский» (Mithridate Eupator, roi du Pont), изданная на французском (1890) и немецком (1895) языках, остается весьма авторитетным трудом по Митридату, несмотря на воззрения автора, характерные для «Прекрасной эпохи». Со времен Рейнака появилось множество нового материала — научные исследования, исторический анализ и археологические данные, — которые объясняют токсикологические исследования Митридата, его богатую посмертную «биографию», черноморский контекст его политики, его амбиции и достижения. «Царь ядов» — это первая полномасштабная биография

Митридата с рождения до смерти и после смерти — почти за целый век.

Первая работа на английском, посвященная исключительно Митридату, — это популярная биография исторического романиста Альфреда Даггана: «...Умер старым Митридат: Митридат Евпатор, царь Понтийский» (1958). Такие выражения Даггана, как «раболепные азиаты» и «краснокожие индейцы», ярко говорят о том, в какие годы написана книга. Стереотипный портрет Митридата, жестокого, декадентского «восточного султана», «азиатского врага культуры и цивилизации, зародился еще в 1850-х гг. в трудах великого историка Рима Теодора Моммзена. В работе Латифы Саммерер о восприятии Митридата в Европе подчеркиваются расистские идеи Моммзена, который сравнивал Митридата с оттоманскими султана-милеспотами, и Германа Бенгстона (писавшего сто лет спустя), который заявил, что мысль о резне 88 г. до н. э. «могла зародиться только в уме варвара-азиата». Как отмечает Саммерер, Рейнак, восхвалявший интеллект Митридата, заявлял, что на его портретах заметны «широкие ноздри, толстые губы и полный подбородок потакавшего своим желанием восточного султана» — по контрасту с совершенными профилями классических греков. Стереотип Моммзена сохранен, например, в романе Колин Маккалоу «Травяной венец» (1991).

Роман Майкла Куртиса Форда «Последний царь» (2004), где повествование ведется от лица сына Митридата, изображает царя как блестящего греческого полководца. Митридат фигурирует как «амбициозный деспот» с Востока, «бессердечный и жаждущий славы» в «Рубиконе» Тома Холланда (2003), а поенная история Филиппа Матышака изображает Митридата диким и мстительным, «почти что чудовищем», но величественным в своем поражении^[16].

Европейские ученые после Рейнака сосредоточились на отдельных аспектах правления Митридата. Брайан Мак-Гинг анализирует его пропаганду и дипломатию в «Военной политике Митридата VI Евпатора» (1986). Кампании против Митридата с римской точки зрения освещаются в «Кембриджской древней истории», том 9 (Crook et al. 1994). «Митридат Евпатор, царь Понтийский» Луиса Баллестьероса Пастора (1996) показывает Митридата в его столкновениях с Римом как независимого эллинистического монарха, а «Исследования о Митридатовых войнах»

Атгилио Маччочинкве (1999) говорят о том, как необъективность древних влияет на современные взгляды на этого царя.

Земли вокруг Черного моря начинают привлекать внимание ученых сами по себе. Двухтомное исследование Стивена Митчелла «Анатолия» (1993–1995) стало первым полным исследованием, посвященным Древней Малой Азии. Проект «Черноморская торговля» (1996) Музея археологии и антропологии Университета Пенсильвании использовал современные археологические технологии для исследования древней Синопы — столицы царства Митридата. В 2006 г. археолог Гоша Цецхаладзе основал междисциплинарный журнал *Ancient West & East*. Институт истории Китайской академии общественных наук финансирует исследования по истории Евразии; Евразия при этом определяется как территория от Желтого моря до Дуная. Дениз Бурджу Эрджияс (2006) подготовила обзор археологии династии Митридата по берегам Черного моря; «археология памяти» Сьюзан Элкок помогает обнаружить след римского империализма в Армении, а в 2009 г. появилось исследование воздействия Митридатовых войн на гражданское население (Тони Ньячо дель Хойо и его коллеги). Датский центр черноморских исследований (основан в 2002 г.) организовал международную конференцию ведущих специалистов по Митридату в 2007 г.; великолепное собрание статей — «Митридат VI и Понтийское царство» также было опубликовано в 2009 г.^[17]

Многим читателям история Митридата может напомнить последние события на Среднем Востоке, в Закавказье и в бывших советских республиках на побережье Черного моря. Как специалист по античному фольклору и историк античной науки, я попала под обаяние биографии и легенды Митридата, исследуя необычные способы ведения войны и использование ядов г Античности^[18]. Первые мои исследования начались в тени атаки террористов 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Пентагон, организатором которых стал харизматический исламский лидер Усама бен Ладен, сумевший избежать плена, «растворившись» в горах между Афганистаном и Пакистаном. Писать я начала в период «войны с террором» и вторжения в Ирак в 2003 г., которое президент Джордж Буш начал, используя вымышленный *casus belli*, заявив, что иракский правитель Саддам Хусейн якобы располагает не только оружием массового поражения, но и укрывает

террористов, ответственных на 11 сентября. На момент, когда я писала эти строки (весной 2009 г.), американские войска так и не смогли схватить или убить Усаму бен Ладена и все еще участвовали в войнах в Ираке и Афганистане^[19]. Другие уже проводили параллели с задачей поймать Митридата, которая десятилетиями стояла перед Римом.

Удары, которые Митридату удалось нанести западной супердержаве 2 тысячи лет назад, снова начали привлекать внимание как западных комментаторов, так и сторонников исламских мятежников. Как и в предшествующие 2 тысячи лет, имя Митридата продолжает вызывать разноречивые чувства. Итальянские журналисты сравнивали Усаму бен Ладена с Митридатом в 2003 г. В 2007 г. ученый-античник и консервативный журналист Э. Христиан Копфф заметил, что «Рим пережил свое собственное 11 сентября в 88 г. до н. э.», когда Митридат «истребил 80 000 римских и италийских деловых людей и торговцев вместе с семьями». Хотя многие римские полководцы и побеждали Митридата на поле боя, он «в общем и целом оставался героем на Ближнем Востоке», представляя угрозу для национальных интересов Рима, пока был жив^[20].

«Об истории Рима и Митридата стоит подумать и сегодня, — отмечает Роберт У. Мерри, эксперт по международной экономике. — Имперская экспансия всегда создает таких, как Митридат, на дальних окраинах имперских владений». Именно десятилетия войн на Ближнем Востоке, не приводивших ни к какому определенному результату, вызвали те самые «внутренний хаос и насилие», которым суждено было завершить «четырёхсотлетнюю историю Римской республики»^[21].

Исламисты и те, кто им симпатизирует, нередко выражают свое сопротивление западным супердержавам, сравнивая их с сопротивлением Румии — арабское название Древнего Рима. Бывший индийский посол в Турции, Азербайджане и Иордане К. Гаджендра Сингх видит «эхо Митридата» в иракской войне. Он считает, что западная гегемония на Среднем Востоке началась, когда римская армия впервые вторглась в Анатолию. С тех пор, говорит Сингх, «Запад превратил в чудовище Митридата VI Понтийского только за то, что он сопротивлялся Риму». С точки зрения Сингха, Запад эксплуатирует нефтяные ресурсы Среднего Востока «с согласия правителей-клиентов» точно так же, как Римская империя

«безжалостно эксплуатировала и облагала налогами своих подданных в Азии»^[22].

Удивительные параллели между современными мировыми кризисами и Митридатскими войнами возникали, пока я завершала эту книгу. В открытых морях снова появились пираты — сомалийские пираты захватывали международные нефтяные танкеры и удерживали их за выкуп; это напоминает о могущественных пиратских флотах I в. до н. э., союзниках Митридата. Пиратство процветает, когда власть не пользуется авторитетом и супердержавы заняты другими делами. Рим, пытаясь разобраться с гражданскими смутами и мятежами в провинции наряду с теми вызовами, которые бросал ему Митридат, испытывал серьезные помехи из-за пиратов, которые заполнили Черное и Средиземное моря.

Глобальный экономический коллапс 2008–2009 гг. удивительно похож на ту финансовую катастрофу, которую пережил Рим после вторжения Митридата в римскую провинцию Азия, когда в 88 г. до н. э. римское присутствие там прекратилось. Как объяснил великий государственный муж Цицерон^[23], «когда очень многие люди потеряли в Азии большие деньги, в Риме, как мы знаем, платежи были приостановлены и кредит упал. Ибо многие граждане одного и того же государства не могут потерять свое имущество, не вовлекая в это несчастье еще большего числа других людей»^[24].

С точки зрения Митридата

Харизматичные личности, впадающие в крайности, всегда привлекали воображение людей. Объясняя привлекательность «плохих парней Античности» (и наших дней), Эдвард Чемплин, биограф двух римских императоров, пользующихся особенно дурной славой, — Нерона и Тиберия — высказал вечную истину: люди, которых считают героями, — не всегда хорошие люди^[25]. Многие исторические деятели, пользующиеся славой, совершали скверные поступки. И даже окончательная неудача не пятнает статуса героя: благородство в поражении тоже может помочь прославиться.

Сочетая историю науки, военную историю и биографию, я рассказала историю о гении, одаренном харизмой и идеализмом,

который в конце концов был уничтожен могущественной империей, не терпевшей себе соперников. Митридат, способный как на чудовищную жестокость, так и на рыцарское сострадание, был живым парадоксом. Он был персидским монархом, который идеализировал демократическую Грецию и презирал римлян — нецивилизованных варваров. Типичная точка зрения на классическую древность — это «цивилизованный» Запад (Греция, Рим) против «варварского» Востока (Персия)^[26]. Мечтой Митридата было объединить великие культуры Греции и Востока, чтобы противиться, казалось бы, неостановимой волне римского нашествия. Стремясь к этой романтической цели, ведя неравную борьбу, Митридат почти полвека старался осуществить мечту Александра Македонского о новой, разнообразной греко-азиатской империи.

Моя цель — показать трехмерный, цельный портрет Митридата и его мира и попытаться объяснить его сложное наследие. Открытый, ученый поклонник всего греческого, «фанат» Александра Великого, гордый наследник персидских царей — Кира и Дария, он был отважным воином, блестящим стратегом, зловещим отравителем, отважным игроком, ученым-исследователем, страстным любовником, непредсказуемым отцом, знатоком искусства и театра, мастером побегов, иногда — террористом и непреклонным врагом Римской империи. Яркая посмертная жизнь Митридата в искусстве, музыке, литературе и науке — важная часть этой истории. Это — первая биография, где учитываются народные предания, окружающие Митридата с рождения и до сегодня. Чтобы осветить его жизнь и легенду о нем, я пользовалась как можно большим количеством источников от Античности до исследований современных историков разных стран и от последних нумизматических, археологических, эпиграфических и фармакологических открытий до средневековых хроник, готского фольклора, европейских трагедий, опер, современной литературы и поэзии.

Как те парадоксальные яды и противоядия, которыми он пытался овладеть, Митридат был обоюдоострой личностью: он разрушал хищническую Римскую республику и защищал тех, кто мог стать добычей Рима. В конце концов Рим победил. Однако Митридат показал всему миру, что новая Римская империя не является непобедимой. Он заставил римлян завоевывать и оккупировать Средний

Восток, который стал для них отныне горячей точкой. Популярность того, за что он боролся, заставила римлян пересмотреть свою имперскую политику. Длительное преследование этого страшного врага совпало с гибелью римских идеалов чести и свободы. Митридат помог людям Античности определить пределы насильственного сопротивления и подготовил путь новым методам борьбы с тиранией при переходе от республики к империи — от «до Рождества Христова» к «Рождеству Христову».

История Митридата заслуживает нашего внимания. Современные параллели могут обострить наш интерес. Но когда любопытный читатель глубже погрузится в древние повествования, он должен увлечься необыкновенной отвагой, эпическим бесстрашием, своего рода «светотенью» предательства и мести на фоне великодушия и идеализма, благородных мечтаний и страшных кошмаров и занимательных, еще не разгаданных тайн. Невероятная сага о Митридате — еще и потрясающе интересная история.

Глава 1.

Убивайте всех — боги узнают своих

Весной 88 г. до н. э. в десятках городов по всей Анатолии (Малая Азия, современная Турция) заклятые враги Рима вступили в тайный заговор. Они поклялись, что в определенный день через месяц убьют каждого римлянина, римлянку и их детей на своей территории.

Организатором заговора стал царь Митридат Великий, который тайно переписывался с многочисленными местными предводителями в новой римской провинции Азия. (В то время Азией назывались земли от востока Эгейского моря до Индии; римская провинция Азия охватывала Западную Турцию.) Как Митридату удалось сохранить заговор в тайне, остается одной из величайших тайн «войн спецслужб» Древнего мира. Заговорщики обещали схватить и убить всех римлян и италийцев, которые жили в их городах, в том числе женщин, детей и рабов италийского происхождения. Они договорились конфисковать всю собственность римлян и выбросить их тела собакам и воронам. Любой, кто попытался бы предупредить или защитить римлян или похоронить их тела, должен был быть жестоко наказан. Рабы, говорившие на каких-либо других языках, кроме латинского, должны были остаться в живых, а те, кто присоединился бы к убийству своих господ, должны были получить награду. Людям, убивавшим римских ростовщиков, прощали их долги. Доносчикам и убийцам прятавшихся римлян были предложены награды^[27].

Смертельный заговор осуществился так, как и было задумано. Согласно многим древним историкам, по меньшей мере 80 тысяч (может быть, даже 150 тысяч) римских и италийских жителей Анатолии и Эгейских островов были убиты в тот самый день. Эти цифры шокируют — может быть, они и преувеличены, но вполне реалистичны.

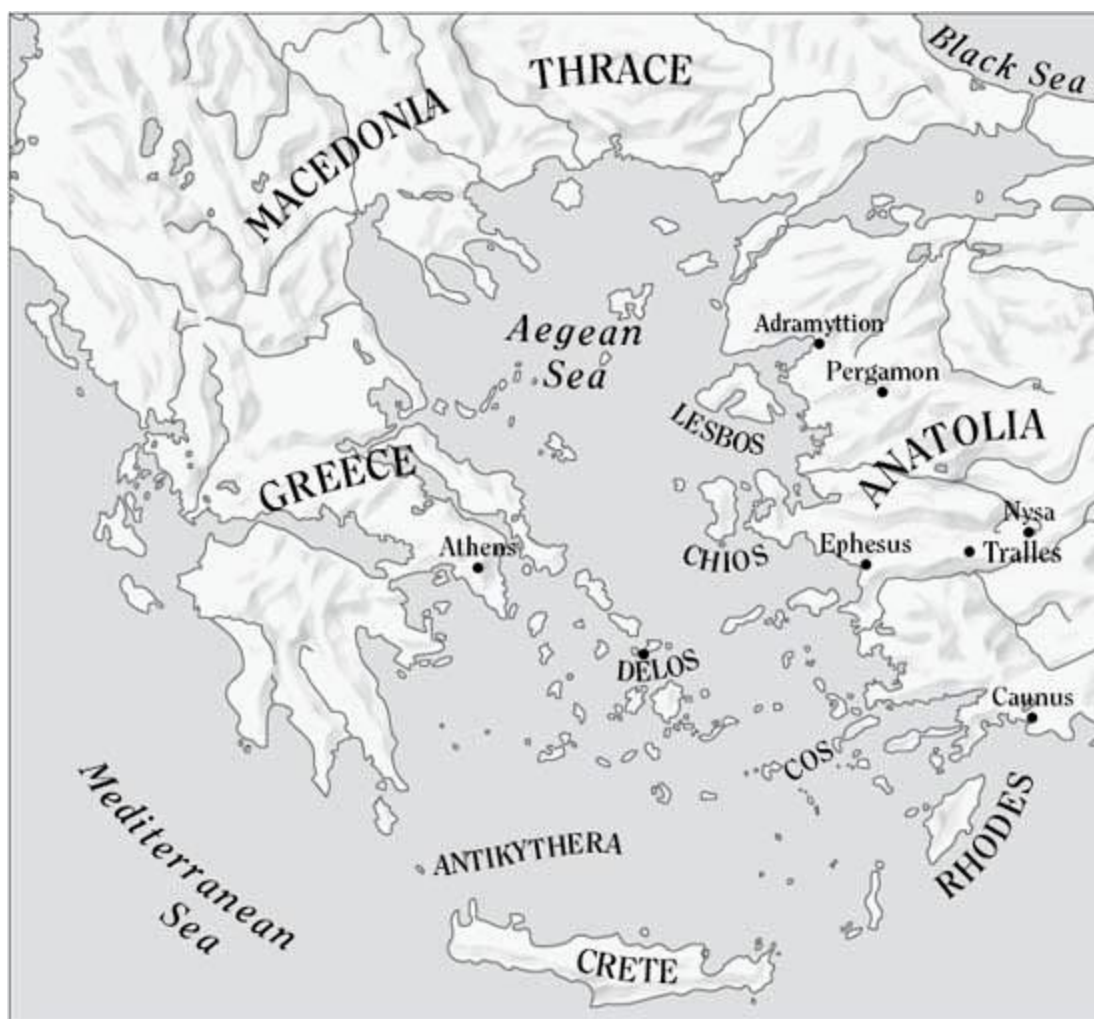

Рис. 1.1. Митридат Великий. Серебряная тетрадрахма, 86–85 гг. до н. э. Национальная библиотека Франции

Точная численность населения в I в. до н. э. неизвестна. Однако множество италийских купцов и новых римских граждан отправлялись в недавно завоеванные земли, когда Рим расширял свою империю в последние годы республики. Подробности смертельной атаки были записаны римским историком Аппианом: цифры, которые он приводит, были основаны отчасти на мемуарах Корнелия Суллы, римского полководца, посланного сенатом, чтобы отомстить за убийства. Другие детали можно узнать из рассказов свидетелей и выживших, таких как Публий Рутилий Руф, римский чиновник, который спасся и написал историю нападения и о том, что случилось потом. Дополнительные сведения можно было получить от вражеских воинов и из сообщений, перехваченных Суллой во время войны, разразившейся после этой резни. Древняя статистика часто была основана на догадках или преувеличениях. Даже если самая низкая оценка численности погибших — 80 тысяч человек — является завышенной, как полагают некоторые историки, и, если мы снизим это число наполовину, истребление ни о чем не подозревавших невинных людей все равно было чудовищным. В масштабах резни сомневаться не приходится:

современные историки согласны с древними в том, что практически все римляне и италийцы, проживавшие в провинции Азия, были уничтожены [28].

План был тщательно выверен и осуществлен с большой жестокостью. На заре рокового дня толпы людей стали уничтожать римские статуи и надписи, воздвигнутые на их общественных площадях. У нас есть живые рассказы о том, что случилось потом в пяти из многочисленных городов, где римлян стали истреблять.

Карта 1.1. Греция, Эгейские острова и Западная Анатолия. (Автор карты — Мишель Энджел)

Пергам, процветающий город в Западной Анатолии, по легенде был основан сыном Геракла. Как и многие эллинистические города, населенные греками, вступавшими в браки с местными жителями, после смерти Александра Великого (323 г. до н. э.) Пергам превратился в гибрид демократии и монархии персидского типа. Культурный центр Малой Азии, Пергам мог похвастаться огромной библиотекой в 200 тысяч свитков, величественным театром на 10 тысяч мест и монументальным Великим алтарем, украшенным скульптурами олимпийских богов, побеждающих титанов. Люди стекались со всего Средиземноморья, надеясь получить исцеление в знаменитом храме Асклепия, бога врачевания. Римляне выбрали Пергам столицей своей новой провинции. Но к 88 г. до н. э. большая часть Западной Азии вступила в союз с царем Митридатом, который занял царский дворец в Пергаме и сделал его своей штаб-квартирой^[29].

Когда в тот день в Пергаме начались убийства, тысячи римских семей в ужасе бросились к городским воротам, к храму Асклепия. По древнему греческому обычаю все храмы считались святыми и нерушимыми: земля, на которой стоял храм, должна была быть убежищем от войны и насилия; храм был под защитой богов. По праву убежищ (*asylia*) любой человек — гражданин, чужеземец, раб, невинный или преступник — мог найти убежище в храме. Обычно преследователи не осмеливались совершить кощунство и убить свою жертву на глазах у богов. Но в тот день люди, столпившиеся вокруг статуй бога-целителя, не дождались милосердия. Пергамины ворвались в святилище и хладнокровно расстреляли попавших в ловушку людей — мужчин, женщин и детей — стрелами с близкого расстояния.

Тем временем, когда ночь пала на порт Адрамиттий, где занимались и кораблестроительством, жители города отогнали римских поселенцев к берегу. Отчаявшиеся люди бросались в темные воды. Убийцы шли за ними вброд. Они убивали мужчин и женщин и топили детей в морских волнах.

В Эфесе, космополитическом городе с населением почти в четверть миллиона, храм Артемиды был запятнан такой же жестокостью. Эфесцы очень гордились своим храмом; он считался одним из семи чудес Древнего мира. Амазонки поклонялись здесь богине, а первый храм на этом месте построил легендарный богач — царь Крез. Говорили, что сама богиня с помощью волшебства подняла

колоссальный камень-притолоку над входом. Святилище было заполнено драгоценными сокровищами, посвященными Артемиде, покровительнице всех просящих. Римляне называли ее Дианой, на Ближнем Востоке она была Кибелой или Анахитой; Артемиду почитали как греки, так и варвары. Когда через столетие после резни в Эфесе проповедовал апостол Павел, он признавал, что Артемиду «почитает вся Азия»^[30].

С храмом Артемиды была связана древнейшая традиция предоставления убежища. Эфесцы любили рассказывать о том, как их храм посетил Александр Македонский и широким жестом увеличил территорию, на которую распространялось право убежища. Два века спустя царь Митридат взобрался на крышу храма и объявил, что теперь граница убежища находится там, куда он сможет попасть своей стрелой (а его стрела пролетела целый стадий — около 200 ярдов).

Рис. 1.2. Храм Артемиды Эфесской, место, где истребляли римлян по приказу Митридата в 88 г. до н. э. (Андре Кастань, 1897)

Все в греческом мире понимали, что убийство в священном месте — это табу. На самом деле граждане по меньшей мере одной общины, союзной Митридату, а именно жители острова Кос, пощадили римские семьи, которые собрались в храм в день резни. Когда в Эфесе горожане стали громить статуи, римляне, естественно, бежали в великий храм Артемиды. Однако эфесцы нарушили освященную веками традицию убежища. Пробившись через резные кипарисовые двери храма, они изрубили людей, пытавшихся умолить богов и цеплявшихся за статуи Артемиды^[31].

Дальше на юге, в городе Кавн продолжалась кровавая баня. Кавн, славившийся вкусным инжиром, был известен и солеными малярийными болотами. На момент резни основными статьями экспорта в Кавне были соль и рабы для римлян. Издавна этот город был мишенью для шуток по поводу зеленом кожи местных жителей, измученных малярией, а летние заболевания списывали на то, что люди тут едят слишком много инжира. Невеселая репутация Кавна сохранилась до византийских времен. «Эти жалкие кавнийцы! — возмущался один раннехристианский оратор. — Был ли среди них хоть когда-нибудь достойный гражданин? Все беды у них — из-за их невероятной глупости и подлости».

В 167 г. до н. э. римляне «освободили» Кавн из-под власти могущественного острова Родос. Однако в 88 г. до н. э. кавнийцы повели себя особенно свирепо. В день нападения проживавшие в городе италийцы сгрудились вокруг римской статуи Весты, богини, защищавшей семью и обеспечивавшей выживание Рима. Кавнийцы преследовали их: они хватали детей и убивали их на глазах родителей; затем они перерезали отчаянно кричавших женщин. Мужчин истребили последними, свалив их тела поверх трупов членов их семей.

Траллы, богатый торговый город, известный полями разноцветных львиных зевов и гелиотропов, долго сопротивлялся Риму, В отместку римский сенат отобрал у города привилегию чеканить монету. Когда граждане Тралл получили тайный приказ Митридата, они были в нерешительности, боясь, что на них падет кровь их жертв. Собрание граждан проголосовало за то, чтобы нанять кого-нибудь для этой грязной работы: это оказался профессиональный убийца по имени Феофил из Пафлагонии (эта область славилась

прекрасными лошадьми, но при этом считалась родиной злобных и суеверных сельских хамов). В назначенный день Феофил и его банда въехали в Траллы, одетые в шлемы, плетенные из ивовых прутьев, в высоких кожаных сапогах, вооруженные кривыми ножами. Они загнали италийцев в храм Согласия, который построили сами римляне и посвятили Миру. Тех, кто выжил, преследовало воспоминание о том, как убийцы полосовали ножами по рукам жертв, и отрубленные руки оставались висеть, вцепившись в священные статуи^[32].

Подобные сцены разыгрывались во многих других городах, союзных Митридату. Мы, например, знаем, что римлян убивали на острове Хиос, поскольку потом Митридат обвинял хиосцев в том, что они не поделились с ним конфискованной у римлян собственностью. В Нисе к востоку от Тралл древние надписи говорят о том, что проживавших здесь италийцев убивали в Храме Зевса^[33].

«Такое бедствие постигло бывших в Азии италийцев и римлян, всех вместе, — писал историк Аппиан, — и мужчин, и детей, и женщин, и вольноотпущенных, и их рабов, которые были италийского происхождения». Пятьсот лет спустя эта резня оставалась символом ужаса. На закате Римской империи, когда вандалы и готы прошли через Северную Африку, святой Августин (родившийся в 354 г. на территории сегодняшнего Алжира) описывал страшные катастрофы, выпавшие на долю римлян, когда те еще были язычниками. Он вспоминал про тот страшный день, когда «царь Азии, Митридат, приказал умертвить в один день повсеместно всех римских граждан, которые путешествовали по Азии и в бесчисленном множестве занимались там своими делами». «Какая-то была жалкая картина», — продолжал Августин. Ведь стоит пожалеть и тех, кто совершал убийства: «Пораженный получал раны в тело, а поражающий — в душу. Какая жестокая необходимость, — говорил Августин, — для людей, оказывавших гостеприимство, не только видеть в своем доме эти безбожные убийства, но и самим совершать их; от дружественной ласки человеколюбия, неожиданно меняя вид, переходить к враждебным действиям»^[34].

Так кем же были эти убийцы? Историки долгое время предполагали, что исполнителями убийств были люди из низших слоев населения, чернь. Однако внимательное чтение античных источников сейчас заставляет ученых прийти к выводу, что обычные

люди всех классов, этнических групп и разного образа жизни участвовали в народном заговоре по уничтожению римлян. Убийцы были местными, жителями Анатолии, греками и евреями; это было ответом на жестокое правление Рима и коррумпированную систему налогообложения, из-за которой и отдельные люди, и целые города оказывались в долговой яме. В 88 г. до н. э. Митридат, который противостоял Риму, казался привлекательным как для богатых, так и для бедных. Даже если количество убитых было меньше чем от 80 до 150 тысяч человек, о чем сообщали древние, очевидно, что резня произвела огромное впечатление на современников. Как написал Аппиан в своем повествовании о Митридатовых войнах, эти зверства отчетливо показали, насколько глубоко ненавидели Римскую республику за ее хищническую политику. Римляне в то время признавали, что для атаки были причины. В Азии, как предупреждал великий государственный муж Цицерон, «наше имя вызывает ожесточение, пастбищный сбор, десятина, пошлины равносильны смерти»^[35].

Италийские поселенцы с их домочадцами и рабами «были вплетены в структуру этих анатолийских городов, добившись экономической силы и политического положения». К 88 г. до н. э. среди греко-азиатов жили — как соседи — множество римских купцов, ростовщиков, сборщиков налогов, работоторговцев, предпринимателей, лавочников и др. Многие новые поселенцы приобрели землю у местных жителей, которые разорились из-за римских налогов. Римляне говорили друг с другом на латинском или на италийских диалектах, но на рынке торговались по-гречески. Они делали ставки на петушиных боях, молились в храмах, смеялись и плакали в театрах. Однако смешаться с местными полностью им не удалось. Одежда и обычаи у них были иными. Все знали, кто тут римлянин. Как указывает историк Сьюзен Элкок: «Они знали, где они живут. И они, как могли, показывали свою смертельную ненависть»^[36].

Рабство было как соль на рану. Хотя многие греки держали рабов, огромная потребность Рима в рабском труде столкнулась со смесью демократических традиций и местных монархий в Анатолии; тут не было дискриминации. Древний закон и религия персов запрещали рабство. Римляне предпочитали обращать в рабство тех, кто не был

жителями Италии, прежде всего жителей Ближнего Востока. Расширившиеся границы империи предоставляли, казалось бы, безграничный наплыв рабов; пираты разбойничали по всему Черному морю и Восточной Эгеиде: им нужен был живой товар, люди, которых они могли продать рабовладельцам в средиземноморском мире. Говорят, что за один день на большом римском рынке рабов на некогда священном острове Делос могли продавать до 10 тысяч пленников. Чудовищные налоги были еще одной формой рабства: они заставляли даже богачей влезать в долги и вынуждали некоторые семьи продавать в рабство детей. Типичный римлянин из элиты владел несколькими сотнями рабов, торговец — двумя или тремя. Согласно последним оценкам, в то время в Италии было около полутора миллионов рабов. В римской провинции Азия соотношение — рабы — господа» было еще выше. Например, в Пергаме рабы составляли до одной трети населения^[37].

Большинство рабов говорили не на италийских языках, но даже без языкового признака распознать раба было нетрудно. У многих на лбу были грубо вытатуированы латинские слова, которые говорили о том, что они — собственность римлян. Рабы (и соль) были товарами, которые облагались налогом на римских таможнях. Согласно юридической надписи того периода, найденной в Эфесе, у ввозимых сюда рабов должна была быть татуировка с надписью «Налог уплачен». (В более поздний период империи хозяева высекали на лбах рабов другие слова — «Останови меня, я сбежал».)^[38]

За несколько лет до резни римляне наказали эфесцев за то, что они защитили беглого раба, нашедшего убежище в храме Артемиды. Эфесцы (которые считали себя потомками тысячи беглых греческих рабов) не дали римскому чиновнику войти в храм и забрать свою собственность; может быть, это был местный житель, попавший в рабство за долги. В записях об исцелениях, которые люди искали в храме Асклепия, археологи обнаружили имена рабов, которые молились богу-целителю о том, чтобы у них со лба исчезли татуировки. Беглецы нередко носили что-то вроде «пиратских бандан», чтобы спрятать отметины рабства; другие пытались снять татуировки едкими мазями. После резни около 6 тысяч освобожденных рабов присоединились к людям Митридата, увеличив его армию: это были бойцы с высокой мотивацией, исполненные ненависти к Риму^[39].

Когда весть об убийствах 88 г. до н. э. широко распространилась, воины-наемники, которыми командовали римские офицеры, стали массово дезертировать. Римский флот, костяк которого составляли греческие моряки, размещенные на Черном море, переметнулся к Митридату, увеличив его армию на сотни кораблей. И все города-убийцы — все их население — теперь скрепили свое сообщничество с Митридатом кровью римлян. Генеральный план Митридата подразумевал то, что исследователи международных отношений называют «надежным обязательством». В дипломатическом тупике или во время войны одна из сторон может улучшить свою стратегическую позицию, намеренно уменьшив число своих возможностей для действия, сделав таким образом свои угрозы более вероятными. Вся римская Азия теперь была связана «надежным обязательством» воевать с Римом.

Тем временем в Италии реакцией людей был шок, негодование, ужас. Митридат безошибочно выбрал время. В Италии разразилась чудовищная гражданская война; римские потери в Азии ускорили финансовый кризис в Риме. Целый ряд страшных предзнаменований напугал Город. В чистом и ясном небе послышалась длинная, печальная нота небесной грубы. Этрусские предсказатели (которые издревле разъясняли вести от богов) объявили, что этот звук говорит о конце эры и наступлении нового мирового порядка. Появилась комета Галлея (как мы сегодня ее называем) — еще одно жуткое предсказание. Сенат объявил Митридата самым опасным врагом Рима и отправил безжалостного полководца Суллу, поручив ему найти и уничтожить врага^[40].

Резня 88 г. до н. э. была уникальной даже в ту кровавейшую эпоху. Она случилась не в городах, охваченных войной; это не было буйством разгоряченной после битвы солдатни. Ни в одном другом случае в Античности не было такого, чтобы обычные люди убивали так много специально выбранных безоружных людей и чтобы это еще и было так тщательно запланировано заранее. Ни одна древняя «террористическая атака» не была устроена одновременно в столь многих городах^[41]. Мятеж местных жителей в Римской Британии под руководством царицы-воительницы Боудикки иногда сравнивают с резней 88 г. до н. э. Ее восстание в 59 г. н. э. вылилось в истребление примерно 70 тысяч римлян и сочувствовавших им бриттов, но эти убийства были

стихийными, а не заранее и методично спланированными. (См. врезку на с. 31, где проводится сравнение массовых убийств и смертей в природных катастрофах в древности и в Новое время.)^[42]

Геноцид — понятие, за которым лежит множество смысловых оттенков, однако, как нам кажется, можно назвать резню 88 г. до н. э. геноцидом. По определению, данному ООН в 1948 г., геноцидом называется убийство или членовредительство с намерением уничтожить целиком или отчасти определенную национальную, этническую, расовую или религиозную группу. План Митридата уничтожить римлян, проживавших в Анатолии, был отчетливым образом основан на их языковой и этнической принадлежности. Его целью было истребление врага путем полного уничтожения всех носителей италийских языков в Малой Азии^[43].

Сравнение предполагаемой численности погибших в некоторых природных катастрофах и массовых убийствах от античности до наших дней

Чума в Афинах в начале Пелопоннесской войны в 430–420 гг. до н. э.: умерло около 75 тысяч человек.

Мятеж Боудикки в Римской Британии в 59 г. н. э.: около 70 тысяч погибших.

Геноцид нацистской Германии против европейских евреев в 1940–1945 гг.: 6 миллионов погибших.

Атомные бомбы, которые США сбросили на Японию: 80 тысяч убитых во время первоначального взрыва в Хиросиме; 40 тысяч убитых во время первоначального взрыва в Нагасаки (в последующие месяцы численность погибших удвоилась).

Погибшие во время режима «красных кхмеров» при диктатуре Пол Пота в Камбодже в 1976–1979 гг.: от 750 тысяч до 1,7 миллиона погибших.

Атаки Саддама Хусейна на курдские деревни в Северном Ираке в 1988 г.: около 50 тысяч погибших.

Истребление сербами боснийских мусульман в июле 1995 г.: около 8 тысяч погибших.

Истребление народности тутси народностью хуту в Руанде в 1994 г.: 800 тысяч погибших за 100 дней (около 8 тысяч в день).

Атака «Аль-Каиды» на Всемирный торговый центр в Нью-Йорк и Пентагон (Вашингтон, округ Колумбия) 11 сентября 2001 г.: почти 3 тысячи погибших.

Цунами в Индийском океане в декабре 2004 г.: 174 тысячи погибших.

Циклон «Наргис» и наводнения в Бирме/Мьянме в мае 2008 г.: около 100 тысяч погибших или пропавших без вести.

Землетрясения и последующие подземные толчки в Китае в мае — июне 2008 г.: более 68 тысяч погибших.

Была ли эта резня актом терроризма, как мы понимаем его сейчас? Терроризм — это еще одно весьма спорное понятие, но большинство из нас должны согласиться, что терроризм — это неприемлемый образ действий; обычно его определяют как использование насилия против невинных людей, чтобы внушить страх ради какой-то политической цели. В 88 г. до н. э. ничего не подозревавшие римляне — гражданские лица — были систематически истреблены, и те, кто совершил это, хотели убедить Рим изменить свою внешнюю политику и уйти из Азии. Конечно, римляне также осуществляли акты терроризма и дома, и за рубежом. Как заметил историк Грегори Болич в недавней статье про терроризм в Античности; «Везде, где римляне занимались государственным терроризмом, покоренные народы отвечали той же монетой». Те, кто прибегают к терроризму, всегда считают, что их идеалы и цели оправдывают их действия (как отмечает Болич) и именно жертвы в конечном счете решают, что именно считать терроризмом^[44].

Однако официальное определение терроризма является спорным. Часто говорят, что те, кто для одного народа являются «террористами», для другого — «борцы за свободу», а война — это «террор в определенных границах», хотя терроризм и выходит за границы того ужасного, что мы ожидаем от войны. Сегодня некоторые люди считают, что организованные государством массовые убийства гражданских лиц не обязательно являются актами терроризма. Даже ООН не смогла прийти к определению, которое признавали бы все ее члены. Согласно проекту постановления ООН от 2005 г., «нападения и намеренное убийство мирных и невооруженных граждан не может

быть оправдано или узаконено никакой целью или чувством обиды», и любая такая акция с целью «запугать население или заставить правительство [что-то сделать] не может быть оправдана ни на каком основании». Однако примечательно то, что слова, которые первоначально стояли в конце этого предложения; «...и она представляет собой акт терроризма», в окончательном варианте были вычеркнуты^[45].

Конечно, трудно приложить понятия, почерпнутые из современного международного права к прошлому, не впадая в анахронизм, предупреждает нас Р. Брюс Хитчнер, историк Рима и директор Дейтонского проекта по мирным соглашениям. Хитчнер указывает, что сами римляне и другие народы в Античности постоянно совершали во время войны и мира действия, которые явно входят в категорию геноцида, терроризма и преступлений против человечности. Древние общества по сути своей были основаны на насилии (как считает Хитчнер) и I в. до н. э. изобиловал частными, коллективными и организованными государством актами террора. «Пора нам увидеть темную сторону Античности. Резня 88 г. до н. э., безусловно, выглядит как терроризм, геноцид, а также преступление против человечности», — заключает Хитчнер^[46].

Если принять во внимание масштабы операции и хладнокровное ее планирование, тот черный день в 88 г. до н. э. был самым жутким и самым успешным актом террора в древней истории (дальнейшие подробности тех событий приведены в гл. 8). Однако большинство современных историков Древнего Рима обычно стараются затушевать этот «неприятный эпизод». Эта тенденция отражает своего рода «научную амнезию», как называет это Сьюзен Элкок, — попытка сгладить жестокость и насилие, с которыми проходил захват Римом Востока, и вместо этого сосредоточиться на мирной «высокой культуре» и всеобщем согласии, которыми были отмечены более поздние годы Римской империи. Но вместо того чтобы так легко забыть о резне 88 г. до н. э., историки, как пишет Элкок, должны были бы исследовать сложную «предысторию», чтобы понять культурное столкновение, которое помогло создать мир Митридата^[47].

Весьма огорчает то, что историки не уделяли этому «необыкновенному событию Античности» должного внимания — соглашается Дениз Бурджу Эрджияс, молодой турецкий историк.

«Вплоть до сего дня, — отметила Эрджияс, — очень мало какие события превзошли этот уровень геноцида». Конечно, в наше время, когда массовые убийства и терроризм стали слишком знакомыми, кажется, следует обратить внимание на исторический акт такого масштаба и такой жестокости на древнем Ближнем Востоке — момент, когда население Азии, состоявшее из разных, но одинаково недовольных народов, объединилось, чтобы нанести свирепый удар по господствующей имперской власти^[48].

После резни армии Митридата пошли на Грецию, освобождая греков на материке от римского господства. Митридата приветствовали как освободителя, приход которого был предсказан древними оракулами: блестящий стратег стал самым могущественным правителем Западной Азии, присоединяя к своим владениям территории и завоевывая лояльность ревностных сторонников от Черного моря до Древнего Ирака. Таким образом римляне — измученные длительным гражданским противостоянием и мятежами рабов в Италии — были втянуты в долгую войну на Ближнем Востоке, которая стоила им бесчисленных жизней, истощила казну, да и ореол непобедимости Рима поблек.

Лучшие полководцы Рима — от Суллы и Лукулла до Помпея Великого — стремились уничтожить Митридата, но ему удавалось избегать плена. Каждый раз, когда римляне вроде уже держали его в руках, он ускользал и планировал новые атаки со своими, казалось бы, неистощимыми войсками. Митридат стал самой опасной угрозой Риму после Ганнибала и одерживал поразительные победы в сражениях: некоторые из них принадлежат к самым впечатляющим битвам Древнего мира^[49]. Однако при этом он переживал и страшные поражения, после которых от его армии оставалась лишь горстка выживших. От почти мистической способности этого харизматического правителя возрождаться снова, еще более сильным после каждого поражения, у римлян опускались руки. Тактика Митридата нередко была «подпольной», демонической, опустошающей. Однако у него были и кое-какие благородные идеалы: Митридат освобождал тысячи рабов, прощал военнопленных, гарантировал широкие демократические права голоса и делился царскими сокровищами со своими приспешниками. Именно такие противоречия помогли создать ореол легенды вокруг этого царя.

Двойственный облик Митридата — трагического героя, бросившего вызов военной машине империи, и воплощения жестокости — бытовал во время всего Средневековья и дожил до Нового времени как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Хотя греко-персидское наследие и облик Митридата сочетали восточные и западные традиции, его извечное противостояние Риму, как казалось, воплощая для многих противостояние Востока и Запада. Для римлян принадлежность Митридата к грекам делала его в культурном отношении выше, а персидско-анатолийское наследие превращало в низшее существо — варвара.

Карта 1.2. Вверху: владения Римской республики около 100 г. до н. э.; внизу: идеальная Черноморская империя Митридата. Серым цветом показано наибольшее распространение колеблющейся области власти и влияния Митридата в ходе Митридатовых войн, в том числе его царства, его завоевания и его основные союзники — земли, где он мог вербовать воинов. (Автор карт — Мишель Энджел)

Цицерон, который был современником всех Митридатовых войн, показывает двойственное отношение римлян к человеку, который совершил «чудовищное и бесчеловечное истребление всех римских граждан в стольких юрдах, в один и тот же момент», намереваясь «стереть всякую память о римском имени и все следы его господства». Люди называли Митридата богом, продолжал Цицерон; они называли его своим богом-отцом и спасителем Азии, они именовали его Освободителем. Однако после смерти Митридата сам Цицерон назвал его «величайшим монархом после Александра» и самым опасным врагом, с которым когда-либо встречался Рим. Спустя поколения после того, как Митридат ушел из жизни, о нем не могли говорить без «страха, смешанного с восхищением», как заметил римский автор Веллей Патеркул в 30 г. до н. э. Митридат, заявил он, обладал исключительной отвагой и великой душой, но в своей ненависти к Риму он был вторым Ганнибалом^[50].

И сегодня для многих Митридат остается неоднозначной фигурой: для некоторых — герой и «ролевая модель», для других — преступник, совершивший чудовищные преступления против человечности. Как этот человек смог мобилизовать столь яростную враждебность против могучей империи? Кем был этот человек — и почему он питал такую убийственную ненависть к Риму?

Глава 2.

Спаситель, рожденный в замке у моря

Кометы

Звезда явилась на Востоке, столь светлая, что казалось, она соперничает с Солнцем, и ночное небо пылало огнем. Светящийся хвост кометы прочертил четверть небесного свода — хвост длиной с Млечный Путь. Был 135 г. до н. э.

По всей Анатолии и от Кавказа до Персии комету встречали ликованием. Согласно хорошо известным пророчествам, яркий новый свет в небесах возвещал приход царя-спасителя, мессии или великого вождя, который победит всех своих врагов. Четыре поколения спустя другая удивительная звезда на востоке привела волхвов в крошечный городок Вифлеем, чтобы почтить смиренное рождение еще одного Спасителя. Но до Вифлеемской звезды была звезда Синопская. Комета 135 г. до н. э. совпала с рождением Митридата VI Евпатора Диониса в Синопе — столице Понта на Черном море.

Семейное имя ребенка — Митридат (древнеперсидское Митрадата, «Посланный Митрой») включало древнее иранское (персидское) имя бога Солнца, Света и Истины. По древним персидским традициям великий огонь или свет с небес сопровождал рождение Митры. Согласно римскому историку Юстину, два небесных знамения предсказали будущее величие новорожденного понтийского царевича. «В год, когда был зачат Митридат, и опять, когда он начал впервые править, кометы сверкали с таким блеском, что все небо, казалось, было в огне»^[51].

Рассказ Юстина о двух кометах был основан на утраченной ныне истории Помпея Трога. Трог основывался на сообщениях очевидца — своего дяди, кавалерийского офицера из галльского племени воконтиев, сражавшегося в Митридатовых войнах. Древние источники о жизни Митридата фрагментарны. За исключением некоторых речей,

замечаний, надписей и писем царя, то, что осталось нам от биографии Митридата, было написано с точки зрения императорского Рима, который в конечном счете одержал победу после гибели царя в 63 г. до н. э.

Многие из тех легенд и фольклора, что окружали рождение и первые годы жизни Митридата, еще в древности поворачивали и так и этак. Однако современные и более поздние греческие и римские авторы сохранили то, что было известно о жизни Митридата, и описали исторические события до, во время и после его длительного царствования. Если мы объединим то, что дошло до нас из Античности, с тем, что известно о царских персидских, анатолийских и македонско-греческих обычаях эллинистической эпохи. — мы можем составить реалистичную картину рождения Митридата, его детства, образования и первых лет его царствования. И мы можем попытаться понять, чем же он так привлекал своих сторонников.

Были ли «кометы» просто грандиозной пропагандой, выдумкой сторонников Митридата уже после смерти великого царя? Может быть, это еще одна фантастическая история, «придуманная в древности, дабы добавить блеска репутации Митридата»? Таково было общепринятое мнение современных историков. Эта точка зрения была высказана в 1890 г. Теодором Рейнаком, великим авторитетом по понтийскому царю, который не знал, что европейские астрономы еще в 1783 г. обнаружили, что кометы существовали в действительности. Большинство историков Античности продолжают считать, что история о кометах — это политически мотивированный «миф», основанный на древних иранских (персидских) легендах. Чтобы узнать правду, мы должны искать сведения не в книгах о классической древности, а в другом месте^[52].

На самом деле кометы были не просто выдумкой, созданной, дабы прославить память Митридата. Две величественные кометы действительно появились именно так, как об этом написал Юстин. Доказательство пришло с другого конца света. В Китае императорские астрономы эпохи Хань наблюдали ту же самую пару отчетливо видимых комет. Археологи обнаружили их удивительно подробные астрономические записи и зарисовки на древних шелковых манускриптах в гробницах династии Хань.

Записи эпохи Хань говорят о том, что две исключительно редких звезды — «похожих на военные знамена» — появились примерно на два месяца поздним летом и осенью 135 г. и снова, в 119 г. до н. э. За ними тянулись огненные хвосты, похожие на боевые штандарты; эта пара комет вызвала огромное волнение в Китае. Если верить китайским предсказателям, кометы-«знамена» предвещали резню, страшные войны и появление великого завоевателя. Описания китайских астрономов и их зарисовки отвечают уникальным особенностям комет, описанным Юстином. Необыкновенно яркие, с очень длинными, изогнутыми хвостами из космической пыли, заполняющими полнеба; каждая комета восходила и заходила по четыре часа, и их можно было видеть в течение семидесяти дней^[53].

Джон Т. Рэмзи, историк, изучающий древние наблюдения событий на небе, недавно снова обратился к этим независимым китайским наблюдениям комет, пытаясь определить год рождения Митридата и начало его царствования. Древние греческие и латинские источники не согласуются друг с другом относительно хронологии этого периода; единственная точно известная дата — это смерть Митридата в 63 г. до н. э. Рэмзи сравнил римские и китайские астрономические данные и показал, что Митридат, видимо, родился весной 134 г. (будучи зачат осенью 135-го) и был коронован как царь примерно в 119 г., когда ему было 14 или 15 лет. По крайней мере два римских источника подтверждают дату рождения — 135/134 г.^[54]

Кометы решают и еще одну загадку — нумизматическую. Целая серия маленьких монет небольшого достоинства была выпущена в первые годы правления Митридата. Эти маленькие бронзовые «пенсы» со звездой и крылатым конем Пегасом на одной стороне и кометой на другой имели хождение на окраинах Митридатова царства. Они были предназначены для обычных людей на восточных побережьях Черного моря — в Колхиде и в Крыму, — которые использовали их, чтобы покупать еду и другие предметы повседневной необходимости.

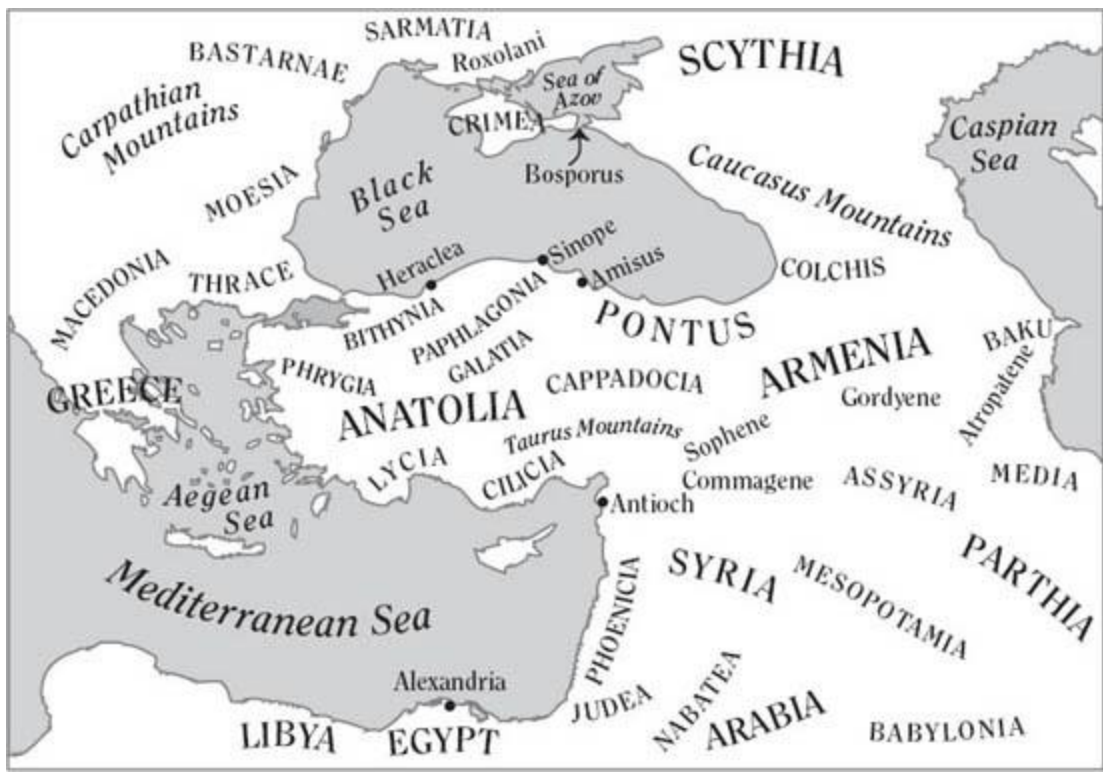

Рис. 2.1. Монета «с кометой». Небольшая бронзовая монетка, отчеканенная в начале правления Митридата, показывает звезду на шее Пегаса (слева). Обратная сторона (справа) изображает комету 135 г. до н. э., которая считалась знаменем рождения царя-спасителя. Государственный музей, Берлин. (Фото Роберты Дююю-Девлин. По Джону Т. Рэмзи)

Комета на этих монетах долгое время приводила в недоумение нумизматов, специалистов по античным монетам. Во время рождения Митридата греки и римляне боялись комет, считая их вестниками злого рока. Само английское слово *disaster* — «катастрофа» происходит от латинского «страшная звезда» или комета — кометы по традиции были вестниками войн или насильственного свержения правителей. Другие монеты Понтийского царства обычно несли на себе портрет царя с символом полумесяца и звезды. Насколько известно историкам-античникам, ни одна другая древняя монета не изображала зловещие предметы — и ни на одной другой монете того времени не изображена комета^[55]. Почему же — задавались вопросом ученые — Митридат пошел на такой риск и отчеканил монеты с таким зловещим изображением?

Однако оказалось, что монеты Митридата с изображением кометы не уникальны и в его стране кометы не считались плохим предзнаменованием. Монеты с кометами чеканились в этот период и в Армении (о чем историки Античности на Западе не знали). В 2004 г. я наткнулась на небольшую заметку в журнале «Астрономия и геофизика» (*Astronomy & Geophysics*), где описывалось изображение кометы на серебряных и медных монетах, которые чеканил армянский

царь Тигран II между 83 и 69 гг. до н. э. Соавторы-армяне, физик и нумизмат, были заинтересованы в идентификации этой кометы, а не в ее историческом значении. Эта заметка была неизвестна западным историкам греко-римского мира, пока я не обратила на нее внимания Джона Рэмзи, который включил эти новые данные в свой каталог древних комет, вышедший в 2006–2007 гг.

Карта 2.1. Восточное Средиземноморье и Причерноморье: сфера влияния Митридата. (Автор карты — Мишель Энджел)

Рис. 2.2. Монета Тиграна II, царя Армении: большая серебряная тетрадрахма 83–69 гг. до н. э. Тиара Тиграна украшена кометой с изогнутым хвостом; это связывает царя с

редкими кометами 135 и 119 гг. до н. э. — эмблемами сторонников Митридата.

(Изображение предоставлено Spink of London, рисунок — Мишель Энджел)

Монеты Древней Армении обычно изображали царей в традиционной тиаре, украшенной двумя орлами и восьмиконечной звездой. Однако на этих необычных монетах показан Тигран II, увенчанный тиарой, которая украшена кометой с длинным, изогнутым хвостом. Армянские ученые пришли к выводу, что комета на монете — одно из древнейших художественных изображений кометы Галлея, которая появлялась в 87 г., во время царствования Тиграна^[56].

Но кто такой Тигран и почему именно он — из всех древних правителей его времени — также решил показать комету на своих монетах? Тигран Великий, царь персидско-аланского происхождения, правил Армянским царством. Он был самым верным союзником Митридата; его супруга-царица была любимой дочерью Митридата. Тигран распространил свои обширные владения от Кавказских гор до Месопотамии. Эти два могущественных царя были близкими друзьями, и по ходу нашей истории мы узнаем об их отважных совместных подвигах в кампаниях против римлян.

Если посмотреть на данные с персидской — а не с римской или греческой — точки зрения, то мы можем разгадать «тайну» удивительных монет с кометой, которые выпускали и Тигран, и Митридат. Кометы ужасали греков и римлян, но на Ближнем Востоке великое сияние в небе было знаком надежды, предвестником появления могущественного вождя. Когда в 87 г. явилась комета Галлея (это было через год после целиком резни римлян союзниками Митридата), вся Италия тряслась от ужаса: здесь кометы были предзнаменованием зла. Но на Ближнем Востоке величественная пара комет 135 и 119 гг. *уже* была интерпретирована как благоприятное явление, связанное с рождением Митридата и его приходом к власти. Итак, когда в 87 г. до н. э. явилась третья комета, ее считали еще одной гарантией великой судьбы Митридата. На Востоке комета Галлея, как казалось, возвещала божественное одобрение побед Митридата и Тиграна, одержанных до сих пор.

Комета на тиаре Тиграна — с явно изогнутым хвостом. Этот изгиб — редкая черта, которая очевидным образом присутствовала в кометах-«знаменах» 135 и 119 гг. до н. э. По контрасту с ними хвост кометы Галлея всегда был прямым. Эти факты заставляют предполагать, что тиара Тиграна и его монеты намекали на две отдельные кометы с изогнутыми хвостами, появившиеся в 135 и 119 гг., — кометы, связанные с Митридатом, а не на комету Галлея. Комета, которую повелел изобразить Тигран, не только подтверждает положительное значение комет на Востоке, но может быть и публичным изъявлением преданности Тиграна делу Митридата^[57].

Кометы Митридата 135 и 119 гг. появились в созвездии Пегаса. Такое положение их на небе помогает понять, почему он выбрал этого крылатого коня своей личной эмблемой. Пегас был символом, объединяющим Восток и Запад, как и сам Митридат. В греческих мифах Пегас был носителем молнии Зевса, но бессмертная крылатая лошадь пришла из месопотамской мифологии. Более того, комета в «лошадином» созвездии имела еще более глубокое значение для Митридата и его последователей, находившихся под влиянием персидской культуры. Солнечный бог Митра всегда признавал нового царя, посылая ему знамение через свое священное животное — коня^[58].

Изогнутая форма хвостов двух комет также имела особое значение. В Анатолии такие хвосты-«полумесяцы» у новых звезд могли напоминать полумесяц и звезду — символ Понта. Но еще более внушало ужас сходство с определенным оружием. В мире Митридата кометы ассоциировались с войной потому, что они были похожи на огромные мечи, подвешенные в небе. У редких комет 135 и 119 гг. были изогнутые хвосты; китайцам они напоминали военные знамена. Но на Ближнем Востоке очертание полумесяца напоминало особенный меч — *harpe* в форме серпа, персидскую саблю-скимитар, особое оружие самого Митры^[59].

Местное население Анатолии, Армении, Мидии, Сирии, Скифии и других земель древней Персидской империи (в отличие от римлян, которые комет боялись) — толковали кометы как знаки надежды, а не повод для отчаяния. Монеты с изображением комет Митридата и Тиграна обещали, что пришел великий царь, дабы исполнить древние предсказания о новой звезде на Востоке и спасти людей от тирании. С

восточной точки зрения монеты указывали на поразительный и никем не замеченный факт. Еще за 130 лет до того, как Вифлеемская звезда привела волхвов, дабы они признали Спасителя в другом новорожденном, надежды на спасение сосредоточились на Митридате.

Пророчества

Мистические пророчества о разрушении последней в мире империи циркулировали задолго до рождения Митридата. В древности оракулы, сны, знамения и «продигии» (удивительные и пугающие события) зачастую интерпретировали как несущие в себе политическое значение, особенно во времена кризиса. По мере того как возрастали мощь и жестокость Рима, также росло и чувство грядущего краха. Многие оракулы и римляне, и неримляне трактовали так предсказание о конечной гибели республики. Некоторые поэтические версии включали в себя образы священного символа Рима — волчицы, вскормившей младенцев, близнецов-основателей Ромула и Рема. Кое-кто предупреждал, что потомство дикого хищника некогда разорвет свою собственную родину-мать на куски^[60].

После поражения великого врага Рима Ганнибала во Второй Пунической войне (202 г. до н. э.) римляне захватили территории в Испании, Северной Африке, Греции и на Ближнем Востоке. Эта ранняя римская экспансия осуществлялась отнюдь не по имперскому генеральному плану. Вместо этого сенат давал свое одобрение амбициозным полководцам, которые жаждали славы и богатств лично для себя, завоевывая чужие страны. В тех странах, которые римляне завоевали или которым это завоевание угрожало, римлян боялись, считая их кровожадными, жаждущими золота и триумфов. Историк Полибий рассказывал, что римские воины даже гордились тем, что воюют аморально. По его словам, римлянам приказывали систематически убивать все живые существа перед тем, как начать грабить. Легионы, писал Полибий, оставляли за собой дымящиеся поля сражений и опустошенные города, улицы и поля, усеянные трупами убитых мужчин, женщин и детей и даже собак, овец и коров, порубленных на куски^[61].

На Востоке надежды на спасение все возрастали. Самым знаменитым апокалипсическим откровением стало древнее иранское пророчество, известное как «Оракул Гистаспа» — персидско-вавилонского мудреца. Этот оракул предсказывал разрушение Рима огнем и мечом и приход царя-спасителя с Востока: о его рождении возвестит яркий свет с небес. Другое пророчество, зороастрийское апокалиптическое сочинение III в. до н. э. под названием «Бахман Яшт», говорило о мстителе, князе-спасителе, который родится под знаком кометы; этот князь изгонит чужеземных тиранов из Азии. Древний египетский оракул обещал, что боги пошлют великого царя с Востока. Иудейское предсказание (Дан., 2: 7) о падении «последней великой империи» было написано в 165 г. до н. э. — всего за тридцать лет до рождения Митридата. Во время царствования Митридата пользовалась популярностью египетская книга о предсказаниях по звездам: кометы означали огромные военные потери для Рима в Азии^[62].

Рис. 2.3. Волчица, священный символ Рима, вскармливающая братьев-близнецов основателей Рима — Ромула и Рема. Серебряная дидрахма, Италия, 269–266 гг. до н. э., 1944.100.15, дар Э.Т. Ньюэлла. (Изображение предоставлено Американским нумизматическим обществом)

Мрачные события, как казалось, подтверждали пророчества оракулов. После 191 г. до н. э. стала ходить страшная история, которую записал один собиратель народных преданий. В этом году римляне победили греко-вавилонского царя Антиоха III (из династии Селевкидов) при Фермопилах в Греции. Когда римляне-победители грабили тела погибших на поле боя, сирийский кавалерийский командир по имени Буплаг восстал из мертвых. Кровь лилась из двенадцати страшных ран. Хриплым голосом призрак предупредил, что Зевс пошлет «народ с отважным сердцем», дабы наказать римлян. Римские воины впали в панику, и их предводители, «весьма потрясенные этими словами», обратились к Дельфийскому оракулу. Однако Дельфийский оракул также высказался в зловещем тоне, угрожая страшным наказанием за преступления римлян в Греции и Азии.

На следующий день» римский полководец Публий впал в безумный транс; он бредил, говоря о страшных будущих войнах, о кровавых ужасах и «неописуемом опустошении» в Риме. Испуганные воины бросились в его палатку — многие даже погибли в давке. Римляне слышали, как их любимый командир воет: «Я вижу Великого царя из страны восходящего солнца; он соберет великое войско из множества народов, дабы уничтожить Рим!». Публий залез на дерево и заявил, что его самого пожрет волк, священный символ Рима. Люди в ужасе смотрели на то, как волк напал на уважаемого ими полководца и сожрал его. От Публия осталась только голова — и голова продолжала предсказывать страшный конец. Вот такая якобы случилась кошмарная история; она широко разошлась, и люди в нее верили. В будущем многие вспомнили о ней^[63].

Когда хищнические амбиции Рима стали возрастать, жутких предзнаменований стало еще больше: кровавые дожди, эпидемии, рождение страшных уродов, говорящие коровы... В тяжелые для Рима минуты еще с основания Города жрецы сверялись с Сивиллиными книгами — древними текстами, записанными на пальмовых листьях и хранившимся в каменном сундуке под храмом Юпитера в Риме. Эти загадочные писания говорили о том, что «великий пожар с неба упадет на землю», и предсказывали страшное опустошение, насилие и войну для Рима.

Так называемая Третья книга оракулов Сивиллы (не путать с прорицаниями римской Сивиллы) была еще одним источником плохих новостей для римлян. Некоторые пассажи в ней были древними, но другие, очевидно, были составлены антиримски настроенными иудеями, жившими в Анатолии во время римской экспансии (160–140 г. до н. э. и 80–40 г. до н. э.).

Рис. 2.4. Волчица и голова. Свинцовая скульптура XVII в. Роца Волчицы и головы в Версале. (Reunion des Musies Nationaux / Art Resource, N. Y.)

Третья книга Сивиллы широко ходила в народе; она объявляла, что грядущий распад и уничтожение Рима произойдет, когда появится комета — «знак меча... и смерти» (кометы Митридата напоминали изогнутые мечи). «И тогда, — провозглашал оракул, — все народы Востока восстанут и объединятся, заставив Рим трижды вернуть те

богатства, что он награбил. Они обратят в рабство двадцать римлян за каждого жителя Азии, что находится в рабстве в Риме»^[64].

В 88 г. до н. э. (год, когда произошла великая резня римлян) греческий философ Афинион встретился с Митридатом и принес весть надежды Афинам. Завоевание Римом Греции (с 200 до 146 г. до н. э.) принесло с собой множество страданий. Например, в 167 г. до н. э. в Эпире римляне систематически обратили в рабство все население. Разрушение Коринфа в 146 г. до н. э. было еще одной трагедией, о которой греки никогда не забывали. Как раз перед резней 88 г. до н. э. Афинион произнес зажигательную речь перед отчаявшимися жителями Афин: «Оракулы отовсюду обещают, что Митридат — которого в Азии уже приветствуют как бога! — одержит победу»^[65].

Эти сенсационные события и предзнаменования из стольких различных источников, предсказывающие падение великой империи и пришествие царя-спасителя, рожденного под восточной звездой, переплелись и стали играть огромную роль в истории Митридата при его жизни. Эти оракулы и кометы питали тот образ, в котором предпочитал видеть себя царь, и его официальную пропаганду. Пророчества помогли создать плодородную почву для народной поддержки его кампании против тирании Рима. Митридат — «восточный царь-спаситель оракулов и пророчеств» надеялся, что все народы «увидят в нем царя с Востока, которому судьбою предназначено осуществить разрушение Рима, предсказанное в оракулах»^[66].

Широко распространенное на Древнем Ближнем Востоке поверье, что небесный огонь или свет возвещает о рождении искупителя, объясняет еще одну историю, которую рассказывают о Митридате. Когда он был младенцем, в его колыбель ударила молния. Митридат не пострадал, но молния оставила отчетливо видный шрам — в виде диадемы или короны — у него на лбу. Некоторые говорили, что удар молнии послужил основой для его прозвища Дионис в честь греческого бога освобождения, изменений и нового начала. Будущее величие Диониса было отмечено божественной молнией Зевса, пока он еще был во чреве матери. Митридат использовал это имя в своей пропаганде и разместил изображение Диониса на своих монетах — немедленно узнаваемый символ его противостояния Риму. Поклонение Дионису было запрещено римским сенатом в 186 г. до н. э., поскольку

этот бог ассоциировался с мятежами рабов и восстаниями покоренных народов^[67].

В греко-римском фольклоре удар молнии (который не приводил к смерти) предвещал великую честь и славу. Подобные верования существовали и на Востоке. Согласно писаниям магов (персидских зороастрийских жрецов-астрономов), царя-спасителя должна была отличать особая отметина на теле. Маги во дворце его отца увидели в шраме от молнии у Митридата знак божественного одобрения; шрам в виде диадемы говорил о том, что бог «короновал» его еще при рождении. Многие персонажи в истории, мифах и легендах были отмечены молнией, предсказавшей их будущее величие, — от царя Персии Дария I и Александра Македонского до Гарри Поттера из школы Хогвартс. Историю про молнию и Митридата, конечно, нельзя проверить, но ничего невероятного в ней нет: два из трех человек, которых ударила молния, остаются в живых. Главное — то, что все эти накопившиеся предзнаменования, пророчества, оракулы, мифические традиции и необычные естественные явления во времена Митридата объединялись в одно целое. У царя была уникальная возможность воспользоваться к своей выгоде этими сливавшимися восточными и западными верованиями^[68].

Царская кровь

Еще одно притязание Митридата, которое долгое время отвергали, как сказку, также получило поддержку в генеалогических и исторических данных. Митридат прослеживал род своего отца к персидским царям, а происхождение семьи своей матери — к Александру Великому. Он также заявлял, что земли, доставшиеся ему от предков, были подарены Дарием I, великим правителем из династии Ахеменидов, который объединил обширную Персидскую империю (ум. 486 г. до н. э.). Современные ученые чаще всего считали, что пропагандисты изобрели для Митридата благородное происхождение.

Македонские и персидские генеалогии весьма сложны; еще одна сложность — принятая у древних практика использовать одни и те же царские имена в течение многих поколений. (К счастью, обычно использовались и прозвища, и иногда у людей было больше одного

прозвища — например, Митридат Евпатор Дионис.) Два исследователя истории Античности недавно пересмотрели данные античных источников, касающиеся происхождения Митридата. Их исследование показывает, что по отцовской линии Митридат, вполне возможно, был связан кровным родством с Дарием I, который женился на двух дочерях и на внучке Кира Вазраки, «Великого», основателя Персидской империи. Так что притязание Митридата на происхождение от Кира и Дария было не просто пропагандой. Дарий даровал земли предкам Митридата; они стали могущественной сатрапией (управляемая губернатором провинция), центром которой стал древний греческий город Синопа на Понте на Черном море.

Что же насчет происхождения от Александра? Митридат был родственником Барсины, персидской принцессы, которую Александр захватил после битвы при Иссе в 333 г. до н. э. У Барсины был сын от Александра; она поселилась в Пергаме, где поддерживала связь с семьей Митридата. Мать Митридата, Лаодика, царица из Антиохии (Сирия), была потомком македонского полководца Александра — Селевка Никатора, основателя новой Македонско-Персидской империи, простиравшейся от Анатолии и Центральной Азии до Вавилонии и Ирана^[69].

Мечтой Александра было смешать родословные греков и персов, а также и их культуры, основав великолепную гибридную цивилизацию. После того как Александр завоевал Персию, между македонскими и персидскими аристократами возникли в больших масштабах брачные альянсы. Родство Лаодики с Александром вполне вероятно, поскольку македонские аристократы имели общее происхождение, но это нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Современные исследования ДНК показывают, что генетический материал могущественных правителей, таких как Чингис-хан, был весьма щедро разбросан среди многочисленного «неофициального» потомства. Эта обычная практика — наряду с традицией содержания огромных гаремов среди македонских и персидских царей — служит дополнительным доказательством в пользу притязаний Митридата на то, что он являлся наследником — крови, земли и идеалов — величайших правителей Греции и Персии.

Как и с кометами и оракулами, действительно важным было то, что в Античности блестящее происхождение Митридата никто не

оспаривал. И сам Митридат, и его сторонники, и его враги — все видели в нем живое воплощение представления Александра о слиянии Персии и Греции.

До конца своей жизни Митридат бережно хранил плащ, который, как считалось, принадлежал Александру. Как Митридат мог получить такую реликвию? Передавалась ли эта одежда в благородной македонской семье его матери? Или же Барсина подарила плащ своего возлюбленного родственникам Митридата в Пергаме? Древний историк Аппиан невольно дает нам ключ к разгадке. Аппиан пишет, что после кончины Митридата в 63 г. до н. э. римляне нашли в крепости Митридата плащ Александра наряду с сокровищами, которые Митридат получил от Клеопатры III, жены Царя Египта Птолемея VIII. Во время кризиса наследования в Египте царица отправила свои сокровища на безопасное хранение на остров Кос. Несколько лет спустя, в 88 г. до н. э., Кос передал эти сокровища Митридату. Но как же плащ, принадлежавший Александру Великому, мог оказаться в сокровищнице Клеопатры III?

Генеалогическая детективная работа дает нам ответ. Клеопатра, ее муж и отец все были прямыми потомками лучшего друга и полководца Александра — Птолемея. Когда Александр в 323 г. скончался в Вавилоне, Птолемей увез его тело — а может быть, и плащ — в Египет, чтобы поддержать свои притязания на наследование Александру. Муж Клеопатры вполне мог унаследовать эту драгоценную реликвию от своих македонских предков^[70].

Опять-таки не так важно, откуда на самом деле взялся плащ. Все — в том числе и римляне — верили, что Митридат унаследовал плащ Александра и что это была подлинная, физическая связь с Александром Великим. Ношение плаща Александра было для Митридата не просто символом. В древних персидских придворных ритуалах платье, или хилат, почитаемого человека или правителя передавало, как считалось, и личные качества владельца, и его власть. Кир Великий подарил свое прекрасное пурпурное платье своему самому любимому другу; Дарий III видел сон, что Александр надел его царское платье; многочисленные другие примеры этого ритуала (подревнегречески «дорофорикэ») фигурируют и в Ветхом Завете, и в остальной ближневосточной литературе. Это древнее понятие послужило основой для хорошо известных легенд о плаще и платье

святого Павла, которые носил Иисус. Эта идея живет и сегодня в таких выражениях, как «рядиться в тогу» и «облечь властью», и в желании получить одежду, которую носят люди, приобретшие культовый статус. К 2006 г. относятся два поразительных современных примера. В Ливане мусульмане-шииты толпами стекались, чтобы увидеть абайя, или платье, которое носил лидер хезболлаха Насралла; его показывали во многих городах. Между тем в США знаменитая парчовая накидка, которую носил Элвис Пресли (тоже «Король»), ушла за огромную сумму на аукционе вещей, связанных со знаменитостями (накидка Пресли, кстати, была украшена узором из блесток в виде комет)^[71].

К временам Митридата биография Александра пользовалась культовым статусом, и, как мы увидим, у Митридата было много заметных общих черт с его идолом. Некоторые черты сходства были реальными, другие — приукрашены легендами, но последователи Митридата считали каждую параллель доказательством уготованной ему славной судьбы^[72].

Сценарий жизни мифического героя

Очень мало что известно о юности Митридата. При этом интересно, что детство, проведенное «в тени», типично для великих людей, чьи подвиги впоследствии станут легендарными. То, что мы знаем о ранних годах Митридата, происходит из нескольких пассажей у Юстина и мимолетных замечаний других древних историков. Некоторые эпизоды в этих рассказах похожи на отрывки из волшебных сказок. Это заставило современных историков отбросить многие события в жизни Митридата, как пропаганду, выдуманную задним числом сторонниками царя^[73].

Какая-то доля сомнения вполне оправданна. Митридат никогда не забывал о своем «публичном имидже», и некоторые его помощники были настоящими специалистами по пиару. Однако многие необычные детали в жизни царя считаются подлинными; их подтверждают исторические и археологические данные. Другие истории кажутся из ряда вон выходящими — однако ни одна из них не была невозможной. При этом значение увлекательной биографии Митридата выходит за пределы политической пропаганды. Действительно поразительно то,

что его биография представляет собой параллель к обычной последовательности событий, которая, как правило, встречается в биографиях мифических героев в различные времена и в разных культурах.

Общая схема признаков легендарных и исторических персонажей, которые определяют их как «героев», была впервые выделена психологом Отто Ранком и исследователем в области сравнительной мифологии Фицроем Рэгланом. Эта модель была усовершенствована и приложена к десяткам героических фигур в мифе, истории и народном творчестве по всему свету — от древности до наших дней. В приложении 1 перечислены двадцать три признака, отличающие мифического героя. Есть и различия в том, как разные ученые интерпретируют ключевые события отдельных биографий, но фольклористы подсчитали, сколько таких признаков мифического героя, например, в биографиях Моисея, Эдипа и Кира Великого (20–23 признака); Иисуса, Мухаммеда, Геракла и короля Артура (18–20); Александра Великого, Будды, Жанны д'Арк и Робина Гуда (13–16); Гарри Поттера (14); Спартака (12) и Джона Ф. Кеннеди (5)^[74].

Еще со времен Античности Митридатом восхищались многие, как борцом с империализмом, несмотря на то что в этой борьбе он явно потерпел поражение. Но современные западные историки обычно изображают Митридата как «восточный» злой рок Рима, а не героическую фигуру. Наверное, именно поэтому никто и никогда не пытался подсчитать, до какой степени жизнеописание Митридата отвечает признакам эпического героя. В какой мере его история соответствует уже устоявшимся критериям бессмертной легенды?

Отдельные подробности быстро складываются в характерную картину. Рождение и приход Митридата к власти предсказаны пророчествами. Его отец, царь Митридат V и мать, царица Лаодика, могли быть родственниками по переплетающимся македонско-персидским ветвям генеалогий. Зачатый под редкой звездой — кометой 135 г. до н. э. — младенец Митридат пережил удар молнии. Он ассоциировался с богами Митрой и Дионисом и — как и Александр Великий — считал своим божественным предком Геракла. Юношей Митридату удалось не стать жертвой заговоров с целью его убийства, устроенных его опекунами, экспериментируя с противоядиями; в конце концов он изобрел секретное питье, которое

защищало от всех ядов. Подростком Митридат куда-то исчез. В течение семи лет никто не знал, жив или мертв наследник понтийского трона. Как покажут следующие главы, к годам юности Митридат уже набрал впечатляющее количество признаков — 10 — по шкале эпического героя. Я постараюсь избежать дальнейших «спойлеров», но к концу своей долгой и драматичной жизни Митридат исполнил все оставшиеся требования для того, чтобы попасть в список мифических героев, набрав полный счет в 23 пункта (см. приложение 1).

Исторические персонажи, для которых есть полные письменные свидетельства, обычно набирают 5–10 пунктов. Высокий «счет» Митридата говорит о том, что многие аспекты его биографии сохранялись в устной традиции, в фольклоре. Некоторые события (кометы и пророчества, генеалогия, токсикологические эксперименты, мастерство в верховой езде) задокументированы, в то время как другие выкристаллизовались вокруг зерен истины или же были преувеличены или вообще выдуманы — хотя ничто из того, что сообщается в источниках, не является совсем уж невероятным. Митридат блестяще представлял себя как спасителя греческой и персидской цивилизаций и бич Рима. Несомненно, он поощрял положительные интерпретации оракулов и предзнаменований, покушений на его жизнь, чудесных спасений, славных подвигов, дерзких поступков и других жизненных событий в свою пользу. Но многое из того, что историки считают намеренной выдумкой, изобретенной в качестве пропаганды, скорее всего было результатом постепенного естественного процесса. В «эффекте снежка», свойственном фольклорной традиции, факты биографии Митридата смешивались с возможными, потом — с просто вероятными событиями. Между романом и реальностью, пропагандой и возможностью лежит подлинная история. Когда мы будем рассматривать те события в жизни Митридата, которые кажутся нам невероятными, стоит помнить, что в научной теории возможности/вероятности возможность приложима только к будущим, а не к прошлым событиям. Даже если что-то, произошедшее в прошлом, вряд ли могло случиться, это не означает, что этого не было. Конечно же со временем в истории Митридата возникло все больше и больше деталей повествования, которые соответствовали архетипу героя. Высокий «счет» Митридата — это результат накопления мифических мотивов в устной традиции вокруг подлинных событий, работа

современных Митридату «пиарщиков» и действительно удивительная биография царя^[75].

Можно подумать, что и сам Митридат где-то понимал «сценарий» жизни мифического героя и старался его осуществлять. Обстоятельства своего рождения и многие другие события он, конечно, контролировать не мог, однако кажется, что с самого раннего возраста Митридат вполне сознательно делал из себя героя своей собственной эпической саги. Еще ребенком Митридат слышал оракулы, окружавшие его рождение, и жадно впитывал биографии знаменитых предков и других «ролевых моделей» из мифа и истории. Под его кудрявыми локонами был скрыт тот самый, Особенный шрам от молнии в виде диадемы. Было бы совсем не удивительно, если бы сам Митридат стал считать себя мифическим героем и решил вести себя как таковой. Большинство ключевых элементов «героического сюжета» были ему доступны — еще за 2 тысячи лет до того, как современные исследователи мифов назвали персидского царя Кира Великого воплощением исторического героя. Другой кумир из реальной жизни — Александр Македонский — также следовал героическим образцам, которые можно было проследить и в мифах о божественных Митре, Дионисе и Геракле^[76].

Фольклористы даже придумали слово, которым называется то, как действия людей в реальной жизни определяются легендами, — *ostension*. Остенсия объясняет, как широко известные мифы и легенды иногда определяют модели поведения обычных людей, заставляя их разыгрывать или исполнять определенные элементы из мифологических повествований, таким образом перенося миф в реальность. События вдохновляют рассказы о них, а рассказы влияют на события^[77]. Понятие остенсии — это еще одна причина, по которой некоторые эпизоды из жизни Митридата, как кажется, отражают греческие мифы и театральные пьесы. Если Митридат руководствовался чем-то вроде сценария жизни мифического персонажа, это помогает объяснить его феноменальную самоуверенность и способность снова действовать после чудовищных неудач. Вера Митридата в то, что он — герой классического типа, с рождения предназначенный для славной судьбы, была истоком его упорства и изобретательности в моменты кризиса. Он твердо решил, что его будут помнить во все времена.

Митридата показали его отцу только тогда, когда мальчику исполнилось пять лет (это был персидский обычай: это должно было защитить царя от горя на тот случай, если дитя умрет во младенчестве). До этих пор маленький царевич жил с матерью, царицей Лаодикой, наложницами и детьми в гареме. Митридат слушал захватывающие мифы и легенды, которые пересказывали женщины, а также их охранники и доверенные лица — евнухи, кастрированные мужчины, которые были надежными доверенными лицами, полководцами и могущественными советниками при дворах, находившихся под влиянием персов. Замечательно, что из множества имен евнухов, которые дошли до нас от Античности, половина — из времен правления Митридата; этот факт напоминает о постоянных придворных интригах той эпохи^[78]. Действительно, дворцовые заговорщики хотели разделаться с молодым царем после безвременной кончины его отца. Но все это пока в будущем. Пока старый царь был еще жив, он наблюдал за образованием своего наследника. Как только мальчик отпраздновал свой пятый день рождения, наставники начали погружать его в культуру классической Греции и персидскую науку царствовать.

Глава 3

Образование юного героя

Мальчика посадили на широкую спину нервного жеребца. Крутясь, брыкаясь, конь ускакал с маленьким всадником, который цеплялся за поводья и за свое маленькое, детское копьё. Царевичу было только десять, но для своего возраста он был высоким и плотным. Но конь, только что прибывший с высокогорных пастбищ Каппадокии, оказался необъезженным. Жеребец летел по полю, и, казалось, конь сейчас сбросит Митридата — но каким-то образом тот держался в седле. Ему удалось взять лошадь под свой контроль, и он бросил копьё с силой и умением, удивительными для такого маленького мальчика.

Кое-кто во дворце подозревал, что юный царевич только что пережил покушение на его жизнь: кто-то пытался организовать «несчастный случай» во время езды верхом. Другие могли вспомнить о том, что бог Митра всегда благоволил новому правителю, послав знамение с помощью коня. Может быть, иные греческие конюхи шептались и о том, что злобные признаки — тараксиппы («пугатели лошадей», духи погибших колесничих) испугали животное. И все вспомнили про юного Александра Великого, который впечатлил старших, укротив дикого жеребца^[79].

Кроме краткого упоминания у Юстина о том, как мальчик чуть не погиб из-за взбрыкнувшего коня, большая часть детства Митридата — белое пятно. Древние авторы описывали необыкновенный рост взрослого Митридата, его силу и выносливость; его достойный Гаргантюа аппетит, приземленный юмор и сексуальные предпочтения. Все согласны в том, что он был блестящим военным стратегом, бегло говорил на многих языках, был отважным бойцом и одаренным токсикологом.

Рис. 3.1. Маленький мальчик на вставшей на дыбы лошади. Эллинистическая бронзовая скульптура в натуральную величину. Эпоха Митридата, ок. 150–125 гг. до н. э. Национальный археологический музей в Афинах, Греция (Vanni / Art Resource, N. Y.)

Образованный покровитель музыки и искусств, царь любил представления и величественные жесты. Есть обширные свидетельства о неумолимой ненависти Митридата к Риму, о том, что он гордился своими персидско-греческими предками и подражал Александру Великому. Его благородные идеалы и харизматическая — и часто параноидальная — личность засвидетельствованы хорошо, как и поразительные противоречия в его характере. Став царем, Митридат мог быть милосерден или жесток, рыцарски щедр, но при этом безжалостен. Заполняя пробелы и «дорисовывая» сцены в неполных свидетельствах древности с помощью известных нам фактов и данных об эпохе и месте, где жил Митридат, отталкиваясь от того, что мы знаем о Митридате-мужчине, мы можем вообразить мальчика, которым он был [\[80\]](#).

Этот подход поднимает новые вопросы о Митридате. Что сформировало его характер и то, каким он хотел быть на публике? Кто — кроме Александра и Кира Великого — были его кумирами? Какие мифические, исторические и современные события произвели на него сильное впечатление? Откуда такая глубокая враждебность к Риму? Каковы были его окончательные цели? Что вдохновило его научные интересы? Где исток его поисков идеального противоядия? Давайте

сначала установим декорации для сцены в Синопе, где юный Митридат получил образование, а потом попытаемся представить го, что, вероятно, могло повлиять на него в годы формирования его характера.

Понт — культурный перекресток

Отец Митридата, Митридат V Эвергет («Благодетель»), унаследовал богатое Понтийское царство около 150 г. до н. э. Эвергет распространил влияние Понта, аннексируя земли и вступая в выгодные брачные союзы. У него и царицы Лаодики было семь детей. Продолжая традицию (которая ставит в тупик историков), царская чета назвала обоих своих сыновей Митридатами и первых двух дочерей — Лаодиками. У мальчиков были прозвища: нашего Митридата прозвали Дионисом в детстве, а впоследствии добавили Евпатор («Добрый Отец»). Младший брат был Митридатом Хрестом («Хорошим»), Трех младших сестер звали Нисса, Роксана и Статира.

Чтобы получить власть над Каппадокией, царством к югу от Понта, Эвергет выдал свою старшую дочь Лаодику (старшую сестру Митридата) за царя-мальчика Ариата VI, мать которого посадила его на трон, отравив пятерых его братьев. Отравление было типичным способом обеспечить наследование трона в ту эпоху. Вскоре после того, как самоуверенная Лаодика (она была несколькими годами старше мужа) прибыла в Каппадокию, ее злодейская свекровь очень кстати была убита^[81].

Лучшим другом Митридата Евпатора был Дорилай, который рос во дворце, как его брат. Дорилай был оставшимся сиротой племянником полководца Дорилая, лучшего друга и военного советника отца Митридата. Семейство Дорилая было связано с историком Страбоном, который родился в Амасии (Понт) в 63 г. до н. э. (год смерти Митридата). Страбон пространно и ностальгически рассказывал о своей родине и окружающих ее странах. Он описывал впечатляющие укрепления Синопы, прекрасные сады, старые персиковые и оливковые рощи, красивые мраморные постройки, изящные храмы, оживленный рынок и новый гимнасий. Из

повествования Страбона мы также можем узнать, какое образование мальчик-аристократ мог получить в Понте.

Страбон рассказал и о том, как его собственная семья раскололась из-за Митридатовых войн. Его мать была правнучкой полководца Дорилая, и дядя его матери Моаферн (персидское имя) был другом Митридата. Двоюродные деды Страбона служили Митридату, а его дед по отцу был у него одним из полководцев и командовал крепостями Понта. Ближе к концу Митридатовых войн дед Страбона сдал форты римлянам, но так никогда и не получил обещанной награды — это продолжало мучить Страбона^[82].

Есть и другие данные, которые связывают Страбона и Митридата. Мать Страбона послала его в школу в Нисе близ Тралл; эти города участвовали в резне римлян в 88 г. до н. э. Потом Страбон учился у Тиранниона, ученого друга Митридата. Страбон упоминает родственника по имени Феофил. Это имя (учитывая связи Страбона на стороне Митридата) заставляет современного биографа Страбона задаться вопросом, не был ли Страбон родственником Феофила из Пафлагонии, того самого, которого народ Тралл нанял, чтобы перерезать римлян в 88 г. до н. э. Это, конечно, всего лишь интересная догадка, но Страбон, уроженец Понта, который многое может рассказать нам о мире Митридата, был типичным представителем многонационального наследия и сложной политики в Анатолии в I в. до н. э.^[83]

Уроженцы Анатолии, греческие колонисты и македонцы Александра Великого оказывали серьезное влияние на жизнь родины Митридата. Греческая культура была сильна в больших городах на побережье Эгеиды, но гораздо менее ярко проявлялась в портах вокруг Черного моря. Великий русский историк М. Ростовцев характеризовал эллинское влияние на черноморском побережье как «тонкую греческую скорлупу вокруг твердого местного ядра». В сердце Анатолии и в Понте доминировала местная культура, находившаяся под персидским влиянием^[84].

В то же самое время отец Митридата был филэллин и греческий был официальным языком двора. Посланники и евнухи, странствующие греческие философы и пираты Черного моря, торговцы-полиглоты и татуированные фракийцы, заклинатели змей и мрачные маги, ученые доктора и шаманы, воины и сказочники из

множества стран встречались в синопском дворце. Окруженный представителями столь многих разных народов, диалектов и культур, Митридат с детских лет мог оттачивать свой природный дар к усвоению чужих языков. В этом динамичном, космополитическом окружении удивительные истории о персидских героях Кире и Дарии естественным образом смешивались с подвигами Александра Македонского и Ганнибала из Карфагена^[85].

В таком «плавильном котле» религиозные верования и практики также были пестрыми и накладывались друг на друга. Юный Митридат исполнял греческие ритуалы для богов-олимпийцев, но он также почитал древних анатолийских и иранских божеств. Отец Митридата был поклонником Аполлона и Зевса, но, будучи царем, одновременно являлся и верховным жрецом или магом зороастрийской религии иранских солнечных божеств Ахурамазды и Митры. Еще мальчиком Митридат видел, как его отец приветствует восходящее солнце и советуется с магами насчет предзнаменований и снов. Когда его отец приносил огненные жертвы на горных алтарях, юный Митридат учился религиозным обязанностям, которые ему предстояло унаследовать.

Многое в персидской религии остается тайной, однако историки согласны в том, что идеалом персов была Истина. Ключевым понятием морали — свободная воля. Персы почитали Солнце и Свет. Священным был и огонь. Уважение и почтительный страх перед огнем вполне естественны в богатых нефтью пустынях Месопотамии и у нефтяных скважин Крыма, и в Баку у Каспийского моря. Это были места, где целые фонтаны летучей сырой нефти и озера асфальта внезапно загорались — и горели вечно чудовищно горячим, оранжево-синим пламенем, которое невозможно потушить водой. Такие священные огненные вещества — обычные в странах, где правил Митридат, но незнакомые римлянам — оказались полезны на войне.

Геродот, Ксенофонт, Страбон и другие греческие историки описывали дуалистические воззрения персов: Свет и Истина (по-древнеперсидски Арта) вечно сражается со злой силой Тьмы и Лжи (Друдж). Нечестность была позорной. Долг считался чем-то дурным с точки зрения нравственности, потому что человека, у которого есть долги, можно обмануть и поработить. Должники и рабы были не способны осуществлять свою свободную волю: они не могли сделать

свой собственный выбор в борьбе против Тьмы. Эти убеждения объясняют, почему ненависть к римлянам была так глубока в находившейся под влиянием персов провинции Азия. При римской жадной и коррумпированной политике взимания налогов ростовщики брали чудовищные проценты и могли конфисковать все владения должника, если он не мог платить; затем должник попадал в рабство и его продавали римским хозяевам. Римские налоги погружали целые города в пучину долгов: они были вынуждены продавать произведения искусства и другие сокровища, землю и собственных граждан. Даже самые богатые цари могли оказаться банкротами и подвергнуться шантажу. Противостоять римлянам — значило сражаться на стороне Истины и Света^[86].

Школьные дни

Как Кир и Александр, Митридат воспитывался множеством опекунов, наставников и учителей. Его товарищами по играм были Дорилай, Гай (сын Гермеса, также считавшийся названным братом) и другие мальчики из аристократических греческих, персидских, каппадокийских и местных, анатолийских семей. Образование мальчика было смешением греческой и персидской культуры и спортивной подготовки. Многие преподаватели были греками, хорошо знакомыми с пайдейей, традиционной эллинской литературой, классическим искусством и музыкой, мифологией и историей, читали Аристотеля, Платона, Фукидида, Ксенофонта и Геродота. Мальчики заучивали «Илиаду» Гомера, греческую поэзию и пьесы. Александр любил цитировать пьесы Еврипида. Любимой драмой Митридата могли быть «Персы»: эту трагедию написал грек Эсхил после того, как греки победили Ксеркса при Саламине в 480 г. до н. э. Эсхил яркими красками рисует персидских воинов и их оружие и говорит о персидском царе с симпатией, как об отважном, благородном деспоте, который трагическим образом недооценил любовь греков к свободе — этой ошибки царю Митридату удастся избежать^[87].

Образование Митридата включало ботаническую медицину с персидскими ризотомистами и греческими собирателями корней. Маги были специалистами по растительным ядам и противоядиям. Родной

дед Митридата Фарнак I открыл растение, которое называли фарнакеон, считавшееся панацеей. Аристотель, наставник Александра, внушил своему ученику любовь к естественной истории и медицине. Митридата тоже очаровывали естественные науки и медицина — но с довольно необычной стороны. Страстью Митридата были яды. Он понимал двойственность *pharmaka*, лекарств, полученных из сильных растительных, минеральных и животных субстанций. Парадоксальным образом, эти субстанции могли быть фатально токсичными или же служить тониизирующим средством, дарующим здоровье. Все зависело от дозы. И для каждого яда Природа изобрела противоядие — фактически некоторые яды можно было нейтрализовать с помощью других ядов^[88].

Один древний историк, Мемнон, объявил, что Митридат был серийным отравителем с раннего детства^[89]. Это кажется маловероятным, хотя в ходе своего длительного царствования Митридат действительно пользовался ядом как оружием. Слухи, которые записал Мемнон, видимо, появились потому, что молодой Митридат экспериментировал с ядами, основываясь на том принципе, что токсины можно использовать как к благу, так и ко злу. Вполне вероятно, что он начал исследовать легкодоступные яды еще мальчиком. Понт был одарен огромным количеством смертельных природных ресурсов. Дети учились узнавать широко распространенные ядовитые растения, такие как аконит (монаший капюшон), чемерица, белладонна, тис, белена, болиголов. Начинаящий токсиколог мог ловить ядовитых пауков, ос и змей и экспериментировать с ядами на маленьких животных.

Были у царевича и вполне безобидные увлечения — он собирал красивые агаты, кристаллы и минералы. Став царем, Митридат писал трактаты о камнях и янтаре, и его знаменитая коллекция утонченной резьбы агатовых кубков и колец-камей оказалась в руках разных богатых римлян после его кончины, а впоследствии оказалась в королевских музеях Европы.

Воспитание персидского царевича было описано во всех увлекательных подробностях греческими историками Геродотом и Ксенофонтом, чьи книги читал и Митридат. Оба автора много путешествовали по древней Персидской империи и, как и Эсхил, восхищались некоторыми персидскими обычаями и ценностями,

которые внушали детям с ранних лет, такими как справедливость, благодарность, ответственность и самоконтроль. Мы можем быть уверенными, что юный Митридат слышал множество семейных преданий от родственников — о происхождении его царства и славных предках. Но Митридат мог также жадно читать и интересные рассказы о своих предках у Геродота и Ксенофонта и узнавать из книг, как стать достойным греко-персидским монархом.

История жизни самого Ксенофонта также была необыкновенной и увлекательной: он был командиром 10 тысяч греческих наемников, которые сражались за персидского узурпатора Кира Младшего, потерпевшего поражение в борьбе за власть в Месопотамии около 400 г. до н. э. Мемуары Ксенофонта — «Анабасис», или «Поход десяти тысяч», рассказывали о долгом, мучительном возвращении домой через Понт. Огромная армия Ксенофонта разбила лагерь под каменными стенами Синопа — родной город Митридата дал воинам Ксенофонта еду и припасы^[90].

Исторический роман Ксенофонта «Киропедия» («Воспитание Кира») изобилует волнующими историями о детстве, военной карьере и рыцарской доблести Кира Старшего, основателя Персидской империи (ок. 550 г. до н. э.). Ксенофонт рассказывает о том, как Кир Великий стал добрым и просвещенным царем, преданным делу Истины и Света, управляя тысячами независимых племен от Парфии до Черного моря с их полного согласия. Уважение Кира к Истине также подразумевало справедливость, милосердие и щедрость. Ксенофонт открывает секрет власти великого монарха — этот вопрос интересовал и Митридата. Это была способность Кира внушать почтительный страх и ужас, в то же время завоевывая верность и преданность своих сторонников. Персы считали, что самый лучший царь — это волевой, добрый отец своего народа. Интересно, что Митридат впоследствии выбрал прозвище Евпатор («Добрый Отец») ^[91].

Рис. 3.2. Александр Вагнер. «Гонки на колесницах». 1898. Манчестерская галерея искусств

Ксенофонта рассказывает о том, как Кир, опытный колесничий, преобразил древнюю боевую колесницу. Он дал ей более мощные и длинные оси и высокую, обитую бронзой «башенку», которая защищала колесничего; кроме того, царь одел колесничего и всех четырех коней в плетеные кольчуги. Затем Кир добавил зловещее завершение своего замысла: острые кривые лезвия, которые на 3 фута выступали из колес. Кир модифицировал колесницу, превратив ее из легкого, элегантного «кеба» в чудовищную машину уничтожения, которая могла продавить себе путь через ряды врага. Некоторые самые увлекательные пассажи Ксенофонта описывают чудовищный эффект от применения трехсот колесниц Кира, снабженных еще и острыми серпами^[92].

Сам Митридат стал чемпионом в гонках на колесницах — опасные соревнования, зачинателем которых был Кир. Маленький царевич, возможно, стал управлять колесницей в возрасте 8 или 9 лет. Управлять упряжкой из двух или четырех коней в течение нескольких (до двенадцати) кругов вокруг забитого людьми стадиона с U-образными поворотами — и это были гонки без правил! — требовало необыкновенного умения и силы. Будучи взрослым, Митридат

выигрывал колесничные гонки на играх по всему эгейскому побережью и Анатолии. Его рост, сила и отвага позволяли царю заниматься этим весьма рискованным видом спорта, доходя при этом до неслыханного «экстрима». Кир правил восьмью конями, запряженными в одну линию. Митридат побил его рекорд, завоевав славу тем, что управлял колесницами с десятью галопирующими скакунами! Конечно, чем больше лошадей — тем больше адреналина. Этот эпизод позднее вдохновил молодого римского императора Нерона на написание поэмы: Нерон критиковал самонадеянность Митридата (ко временам Нерона число лошадей в царской колеснице было преувеличено и достигло шестнадцати). Позднее, состязаясь на Олимпийских играх в Греции, Нерон попытался повторить удивительный рекорд Митридата. Император разбился и чуть не погиб^[93].

Со времен Кира персидские мальчишки из знатных семей усваивали три «столпа» благородного образования: ездить верхом, стрелять и говорить правду^[94]. Мальчишки начинали ездить верхом сразу после того, как научились ходить. Как мы уже видели, заговорщики при дворе пытались устроить «несчастные случаи», чтобы устранить законного наследника понтийского престола. Были и попытки его отравить. Многие — в том числе и сам Митридат — считали, что причастной к этому была его мать, царица Лаодика. Подозрения древних должны были иметь под собой почву. Такие замыслы были обычным делом в том предательском мире, где жил Митридат.

Возможно, именно из-за тех опасных скакунов, которых ему давали для верховой езды, Митридат стал опытным всадником, одаренным легендарной выносливостью. Учиться стрелять — значило уметь обращаться с луком и стрелами и уметь бросать дротики со скачущего во весь опор скакуна: эти умения были ключевыми для охоты и войны. Митридат и его друзья жили как новобранцы в тренировочном лагере: они по очереди охраняли синопскую цитадель, практикуясь в рукопашном бою с персидским *harpe*, саблей и копьем. Они питались по-спартански: ели хлеб, водяной кресс и пили воду. Мальчишек брали на короткие экскурсии по сельской местности: они охотились на кроликов и другую мелкую дичь. В охотничьем парке отца-царя мальчишки практиковались в охоте на оленей и старых львов, а может быть, кабанов и медведей. Митридат любил охоту — царевич

и его товарищи не могли дожидаться того момента, когда они, как Кир, Ксеркс, Дарий и Александр, смогут отправиться в горы и охотиться на настоящую дичь. Мощная спортивная и военная подготовка была частью и греческой системы образования, и историки рассказывают нам, что Митридат — необыкновенно высокий и мощный подросток — блистал в борьбе, кулачном бою, беге, плавании, во владении кинжалом и мечом и в традиционном рукопашном бою гоплитов с копьем и щитом^[95].

Как будущий командир армии Понта, Митридат должен был научиться править и защищать богатство и независимость своего царства. Его отец ожидал, что сын будет знать историю, географию, экономику, природные ресурсы, города, дороги, крепости и торговые отношения Понта и соседних территорий^[96]. Митридат должен был унаследовать и заботы отца в области внешней политики, в том числе и столкновения с могущественными скифскими кочевниками из областей Северного Причерноморья и степей. Сложная дипломатия поддерживала равновесие между демократическими греческими городами и местными монархиями Востока. Очень сложно проследить за запутанными переговорами и постоянно менявшимися политическими союзами того времени по фрагментарным древним источникам: это предмет для постоянных споров среди современных историков. Однако ключевой проблемой для любого монарха в Анатолии было то, как относиться к растущей власти Рима и его имперским притязаниям на земли к востоку от Средиземноморья.

Во время последней Пунической войны отец Митридата помог Риму, послав свои войска, чтобы помочь победить Карфаген (в 146 г. до н. э.). Когда Митридат был ребенком, его отец снова встал на сторону Рима, помогая подавить народное восстание в Анатолии. Римский сенат признал Понтийское царство официальным «другом Рима» — другими словами, государством-клиентом, которое римляне надеялись контролировать^[97].

В тех землях, которые находились под влиянием освященных веками цивилизаций Греции и Персии, амбициозная, грубая сила выскочки Рима внушала презрение, смешанное со страхом. Рим прямо-таки славился тем, что внезапно обращал оружие против своих союзников. Еще ребенком Митридат узнал имена знатных фамилий Рима: Юлиев, Корнелиев, Луциниев, Аквилиев и др. Он хорошо знал

римскую историю и мифы. В своих позднейших речах он высмеивал римскую легенду о дикой волчице, которая выкормила близнецов — основателей города Ромула и Рема, и показывал свои глубокие знания римских завоеваний и войн. Митридат вырос, хорошо сознавая великую мощь Рима.

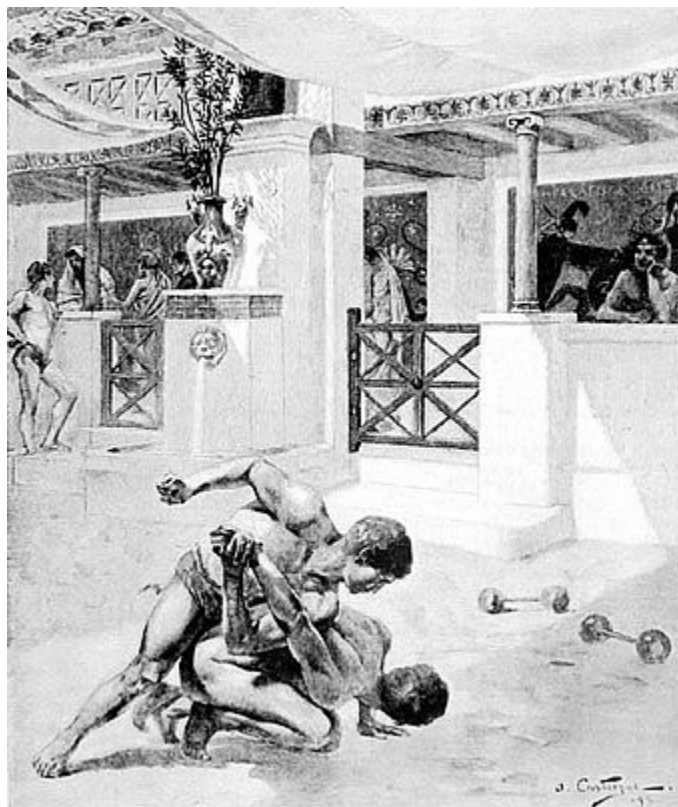

Рис. 3.3. Андре Кастань. Мальчики учатся борьбе. 1895

Переговоры с римлянами были похожи на прогулку по канату над глубоким ущельем: упасть легко, а отойти в сторону — нельзя. Было только две возможности, и обе опасные: стать «другом» Рима или вступить с ним в прямую конфронтацию. Для царя-спасителя, которому была суждена слава мифического героя, был только один-единственный выбор, позволивший не уронить свою честь.

Однако опасности таились и ближе к дому. Споры за власть, территории и независимость постоянно возникали среди

эллинистических монархий и внутри их: это были государства с непостоянными границами и нестабильными правящими династиями, которые остались от древней Персидской и от Македонской империи. Царские дворы кишели заговорщиками, интриганам, партиями; повсюду предательства, отравления и убийства. Еще в Синопе в раннем возрасте Митридат понял, что самыми страшными предателями и врагами могут быть его собственные друзья и члены семьи; даже его собственная мать была не свободна от подозрений.

Понт был богатым царством. Его флот контролировал черноморскую торговлю. Сколько люди помнили, быстрые пиратские корабли курсировали в тех же самых водах. Большие пиратские флотилии богатели, поставляя товар на все ширившийся рынок рабов в Риме на острове Делос: там каждый день высаживали на берег тысячи новых пленников. Во времена детства Митридата он слышал много разговоров про пиратов и определенно встречался с пиратскими командующими в пиршественных залах своего отца. Пираты все более нагло грабили корабли и прибрежные поселения и даже похищали римских аристократов, требуя выкупа. Больше тысячи пиратских судов бороздили Черное море и Эгейду в I в. до н. э. Они считали себя суверенным государством в открытом море. Понт долгое время получал выгоду от прибыльных соглашений с пиратами, предоставляя им безопасные гавани и рынки, где они могли продавать добычу. Военный советник отца-царя, Дорилай-старший, набирал для Понта наемников и пиратов в Эгейском и Черном морях. Во время своих собственных войн с Римом Митридат мог числить большие флотилии пиратов среди своих сильнейших союзников. То, что у Митридата всегда в течение всей жизни имелись деньги, было вечной загадкой для историков: пиратская добыча, безусловно, являлась одним из источников^[98].

Еще одним источником богатства Понта были тунец и макрель, которыми изобиловало Черное море. Тонны соленой рыбы ежегодно экспортировались в Средиземноморье. Персики, абрикосы, инжир, орехи, оливки и пшеница росли на берегу Понта с его мягким климатом; фруктовые сады орошались реками с больших горных хребтов. Система дорог связывала торговые порты Синопа и Амис с Амасией и другими городами внутри материка. Густые леса давали сосновое дерево для постройки кораблей, грецкий орех и клен для

мебели и дичь — мясо, кожи и даже *pharmaka*. Например, ценной статьей экспорта Понта были бобры. Семенные железы бобров ценились как лекарство от горячки; считалось, что они увеличивают иммунитет и потенцию (бобровая струя из мускусных желез бобра содержит салициловую кислоту, действующее вещество в аспирине: она происходит из ивовой коры, которая является основной пищей бобров). У Понта также были большие запасы золота, серебра, меди, железа, каменной соли, ртути, серы и многих других редких минералов, которые использовались как красители и лекарства — или же как яды^[99].

Понт поддерживал долговременные отношения с Пантикапеем (Керчь, Украина), городом и крепостью на Херсонесе (Крым), сторожившим Боспор Киммерийский (Керченский пролив), связывавший бурное, глубокое Черное море с неглубоким Азовским. Через пролив на полуострове Тамань лежала цитадель Фанагория. Эти два богатых порта контролировали игравшую ключевую роль торговлю соленой рыбой и пшеницей из скифских степей: их везли на средиземноморские рынки. Сейчас в этом регионе археологи (а заодно и грабители могил) раскопали множество курганов — гробниц эпохи Митридата. Великолепные золотые украшения, реалистичные золотые погребальные маски, оружие, прекрасная керамика, изысканные резные камни и другой погребальный инвентарь позволяют нам увидеть все богатство этих земель, которые позднее станут частью расширившегося царства Митридата^[100].

Широкие озера черной смолы, ревущие вулканы гудрона и фонтаны вечно бурлящей сырой нефти на обоих берегах Босфора Киммерийского давно внушали почтительный ужас. Время от времени этот регион опустошают землетрясения. Еще ребенком Митридат, наверное, слушал историка Феопомпа из Синопы, который рассказывал о том, как на полуострове Тамань внезапно раскололась земля и выплонула чудовищные скелеты монстров и титанов (на самом деле это были ископаемые мастодонты). Вместо того чтобы отнести эти священные реликвии в храмы, дабы выставить их там на всеобщее обозрение (как делали образованные греки), местные кочевники, как говорил Феопомп, просто бросили страшные кости в Азовское море. Юный царевич в Синопе, наверное, очень хотел бы сам увидеть эти удивительные места и странных людей — легендарные,

величественные пейзажи и восхитительные возможности, которые давал север Черного моря^[101].

Любой ребенок, который рос в Синопе, слышал байки про самого известного жителя того города — киника Диогена (р. ок. 403 г. до н. э.). Этот эксцентричный философ, который считал своим домом огромный винный кувшин и удовлетворял все свои естественные нужды на людях, был изгнан из Синопы, но его нестандартные идеи оказали большое влияние на Древний мир. Митридат знал знаменитую историю про встречу Диогена и Александра Великого, который восхищался образом жизни философа. Диоген говорил, что мудрость проистекает из решительных физических действий. Он выступал за то, чтобы странствовать на природе, имея с собой лишь несколько вещей, скромно жить продуктами земледелия и следовать строгому режиму, тренируя свою выносливость.

Оказал ли Диоген влияние на юного Митридата? Царевич вырос в мире персидско-македонской роскоши, среди фантастических резных лож и тронов под золотыми балдахинами, щедрых пиров и драгоценных ковров и других произведений искусства; слуги читали ему вслух и выдумывали всевозможные развлечения; его сапожки были подбиты серебряными гвоздями, он принимал ванны с ароматом мирры, и, говорят, на его детской площадке даже был золотой песок, который специально привезли из Египта. Став царем, Митридат собрал огромные богатства и наслаждался жизнью. Но в то же время он знал, что величайшие полководцы — Кир, Александр и Ганнибал — были суровыми воинами, которые презирали роскошную жизнь при дворе. Как и они, юный Митридат сам ухаживал за своими доспехами, оружием и лошадьми; ему нравилась жизнь на природе и трудности, которые были частью его образования. И, как мы увидим дальше, юношей Митридат многие годы избегал роскоши и жил подобно Диогену — спал на природе под звездами, бродил по горам и разработал свою собственную программу «бодибилдинга»^[102].

Однако еще до того, как начались все эти приключения, Митридат получил обширные знания по истории и географии. Синопа торговала с греческими и варварскими факториями по всему Черному морю.

Карта 3.1. Анатолия, Армения, Месопотамия и Ближний Восток. (Автор карты — Мишель Энджел)

*Рис. 3.4. Корабль «Арго» плывет к восходящему солнцу и Колхиде по Черному морю.
Неизвестный немецкий художник*

За устьем Дуная бродили полукочевнические воинственные племена Мезии и Фракии. Соседняя Вифиния стала традиционными воротами между Азией и Европой, и дальше внутрь материка находилась Галатия (в III в. до н. э. там поселились галлы) и грубая Пафлагония. Далеко на юге вздымались покрытые снегом горы Тавр в Каппадокии (по-персидски *Katpatuka*, «Страна прекрасных коней»). На востоке лежало богатое горное царство Армения, получившее свое название в честь одного из аргонавтов Ясона. Ганнибал нарисовал план мощно укрепленной царской столицы, Артаксаты (*Artashat*, «Радость истины») после того, как проиграл римлянам Вторую Пуническую войну (при Заме в 202 г. до н. э.). Даже Ганнибал побывал на родине Митридата^[103].

Ганнибал в Анатолии

Юный Митридат, возможно, запомнил приключения Ганнибала вплоть до мельчайших деталей, впитывая историю каждого успеха и провала безжалостных войн карфагенянина с Римом. Митридат знал, что еще мальчиком Ганнибал принял священную клятву никогда не прекращать войну с ненавистными римлянами. Ганнибал держал клятву вплоть до своей смерти в возрасте 70 лет в 182 г. до н. э. — примерно за пятьдесят лет до рождения Митридата.

После того как Рим нанес тяжкое поражение карфагенской армии, Ганнибал был вынужден бежать в Северную Африку (195 г. до н. э.). Остаток своей жизни он провел в Анатолии, давая советы другим врагам Рима. Именно он убедил сирийского царя Антиоха III начать войну с Римом, вторгнувшись в Грецию. Однако Ганнибал и Антиох понесли сокрушительное поражение при Фермопилах (191 г. до н. э.). Эта битва имела для Митридата особое значение из-за тех самых известных пророчеств сирийского призрака, восставшего из мертвых, и бреда римского полководца, который пророчествовал, что на востоке восстанет царь-спаситель, который накажет Рим.

После еще одного решительного поражения, которое римляне нанесли Антиоху при Магнесии (к югу от Пергама) в 189 г. до н. э., Ганнибала с радостью принял в Вифинии царь Персид. Вместе с новым союзником Ганнибал продолжал вести войну с Римом и подчиненными ему царями. В битве на море Ганнибал отступил перед превосходящими силами клиента Рима, царя Пергама Евмена II. Юный Митридат (который так интересовался ядовитыми змеями и хитрыми военными приемами) должен был оценить хитрость Ганнибала. Тот послал своих воинов на берег, чтобы собрать ядовитых гадюк, которых они посадили в глиняные кувшины. Ганнибал выиграл битву, катапультируя извивающихся змей на палубу кораблей Евмена.

Рис. 7.5. Ганнибал принимает яд, чтобы избежать римского плена. Иллюстрация к книге Боккаччо «О благородных мужчинах и несчастных женщинах». Ок. 1470–1483.

Британская библиотека (HIP / Art Resource, N. Y.)

Последние часы жизни старого полководца были драматичными, и он остался таким же непреклонным. В конце концов царь Пруссий предал Ганнибала римлянам. Когда римляне были уже близко, Ганнибал — одноглазый со времен перехода через замерзшие Альпы — забился в свой замок и Вифинии, где со всех сторон были тайные выходы. Но спастись теперь было уже невозможно. Его ожидала страшная смерть в руках врага. Ганнибал сам распорядился своей судьбой. Он снял золотое кольцо, которое всегда носил, открыл тайное отделение и проглотил драхму смертельного яда. С этим последним вызовом, брошенным римлянам, величайший враг Рима отошел в область легенд^[104].

Ядовитые сады безумного царя Аттала

Более близкие по времени эпизоды сопротивления Риму также распаляли воображение юного Митридата. Мятеж нескольких анатолийских городов против римского владычества, который произошел тогда, когда Митридат был еще мальчиком, был кровавым воспоминанием об имперской мощи. Восстанием руководил идеалистичный молодой мятежник по имени Аристоник. Он был сыном царя Пергама Евмена II и дочери арфиста из Эфеса. Аристоник был младшим единокровным братом Аттала III, наследовавшего Евмену. Царь Аттал был человеком странным, отшельником и параноиком. Его называли сумасшедшим из-за того, что он предпочитал царствованию занятия науками; наследников у него не было. Еще мальчиком Митридат слышал слухи, которые обвиняли Аттала в том, что он отравлял своих врагов и родичей. Удалившись от придворной жизни, отрастив длинные нечесанные волосы и бороду, Аттал оставил корону и стал носить простую одежду. Он проводил целые дни ухаживая за садами, изучая ботанику, фармакологию и металлургию. Аттал внезапно скончался от солнечного удара в 133 г. до н. э.

Но неужели Аттал действительно был таким сумасшедшим, каким его изображают Юстин и другие историки? В 1988 г. Кент Ригсби предложил новый взгляд на биографию Аттала. Ригсби предположил, что слухи о царе как о безумце и убийце распускали те, кто хотел бы, чтобы Аттал не смог сам назначить себе наследника. Указывая на то, что научные и философские интересы были характерны для образованных эллинистических монархов, Ригсби предположил, что «на самом деле Аттал был ученым и исследователем». Конечно, царь мог быть чудаком, но его деятельность говорит о серьезных научных исследованиях. Пергам с его огромной библиотекой, активным научным сообществом и храмом Асклепия-целителя был центром медицинской науки.

Однако и Ригсби, и другие историки не обратили внимания на другой значимый аспект исследований Аттала. Самый позорный, по мнению Юстина, пример безумия Аттала состоял в том, что он был помешан на том, чтобы «копать и сеять в саду», и его странной практике — «готовить микстуры из целительных и полезных растений,

пропитывая их соком растений ядовитых», которые он преподносил «как особые подарки своим друзьям». Историк Плутарх сообщает нам, что Аттал сажал токсичные растения, такие как «белена, чемерица, болиголов, аконит (монашій капюшон) и белладонна, в своих царских садах и стал специалистом по их сокам и плодам». Гален, прославленный врач из Пергама (р. 129 г. н. э.), добавляет, что Аттал также экспериментировал с противоядиями против яда пауков, скорпионов, ядовитых морских улиток и змей. Гален хвалил царя за то, что свои «лекарства» он тестировал только на приговоренных к смерти преступниках^[105].

Может ли быть совпадением то, что юный Митридат занимался точно такой же деятельностью и ставил такие же эксперименты, как и безумный царь Аттал? Мы знаем, что Митридат создал свое прославленное «универсальное противоядие» — «митридатиум», смешивая крошечные дозы ядовитых растений с противоядиями. Митридат — которому было суждено обрести вечную славу первого в мире токсиколога-экспериментатора — мог быть в юном возрасте вдохновлен открытием его дедом Фарнаком панацеи и необычным исследованием, которое впервые начал последний царь Пергама, «безумный» Аттал.

Внезапная кончина Аттала в 133 г. до н. э. — примерно через год после рождения Митридата — запустила в действие цепь событий, которые в конечном счете и приведут к войнам Митридата с Римом. Аттал шокировал всех: он завещал свое царство Риму. Это неожиданное наследство стало основой для обширной и приносящей огромную прибыль римской провинции Азия.

Было ли завещание Аттала римской подделкой, как заявлял впоследствии Митридат? Какой правитель в здравом уме мог бы завещать свое царство Риму? Единокровный брат Аттала Аристоник немедленно организовал народное восстание, чтобы предъявить притязания на трон и не дать римлянам аннексировать царство.

Аристоник и «граждане солнца»

Штаб-квартирой мятежников Аристоники стали Левки, которые основал предводитель персидских мятежников в IV в. до н. э. Флот

Аттала быстро присоединился к Аристоннику. Проримски настроенные чиновники в Пергаме попытались умиротворить население, даруя гражданство чужеземцам, наемникам и вольноотпущенникам, однако множество городов присоединились к Аристоннику, включая Колофон, Минд, Траллы, Нису, Фокею, Фиатеру, Стратоникею в Мисии, Аполлонию и остров Самос. Философ-стоик Блоссий, сторонник демократических принципов, изгнанный из Рима, также поддерживал дело Аристонника^[106].

Город Эфес, который в те времена был союзником Рима, послал флот против Аристонника в Кимы. Аристонник проиграл битву и бежал далеко в глубь страны. Казалось, все было потеряно. Но теперь история Аристонника становится по-настоящему интересной, и многое в ней должно было зачаровывать юного Митридата. Предводитель мятежников избежал плена, отправившись в находившуюся под персидским влиянием Центральную Анатолию, где базировались его сторонники. Здесь Аристонник основал утопический город-государство под названием Гелиополь — «город солнца». Все граждане были свободными и равными, и Аристонник обещал освободить всех рабов, отменить долги, искоренить то зло, которое в особенности связывалось с Римом. Он собрал огромную армию гелиополитов, «граждан солнца», состоявшую из местных анатолийцев и потомков македонцев Александра, из бедных и средних классов, должников и рабов. В своем новом убежище Аристонник чеканил монету, которая свидетельствовала о его притязаниях на престол. Все эти события сильно встревожили римлян, которые уже страдали от восстаний рабов и местных жителей в Италии.

Большинство современных историков, которые придерживаются точки зрения римлян, стараются затушевать революционный характер восстания Аристонника, предполагая, что в основе такой мобилизации «неимущих» и рабов лежало не что иное, как «отчаяние» после поражения на море. Они указывают, что Аристонник все-таки защищал монархию. Но в Анатолии независимая «демократическая монархия» была традиционным народным понятием, направленным против римлян. Идеология Аристонника и его кампания — первое народное восстание в Анатолии против римского господства — вполне могли стать образцом для войны с Римом самого Митридата: ведь он тоже бросал клич к своим сторонникам и его политикой было отменять

долги и освобождать рабов. История о юном мятежнике из Анатолии («Страны восходящего солнца»), вступившем в неравную борьбу и сражавшемся с римскими предателями, должна была нравиться Митридату, который был еще мальчиком, когда восстание подавили. Позднее собственные походы Митридата против Рима, как кажется, сохраняли дух мятежа Аристоника, как и детской клятвы Ганнибала. Как мы увидим дальше, Митридат часто намекал на мятеж Аристоника в своих речах^[107].

О названиях, избранных Аристиком, — Гелиополь и «граждане солнца», римские историки писали мало, и римляне того времени вряд ли тоже поняли их значение. Но эти названия в греко-персидских землях излучали мистическую ауру и были насыщены политическим символизмом. Одно зороастрийское племя в Армении называло себя похожим именем — Аревордик, «дети солнца»: они гордились тем, что никогда не подчинялись тиранам. Для Митридата и последователей Аристоника понятия «граждане» и «город» (полис) отражали греческие демократические традиции. Упоминание о «солнце» намекало на древнего персидского бога Митру — тезку Митридата. Название «граждане солнца» заявляло о том, что Аристик и его войско сражаются на стороне Света и Истины против сил Тьмы.

Отец Митридата и правители Вифинии, Каппадокии, Эфеса и Пафлагонии беспокоились, как к этому всему отнесется Рим. Они решили послать войска против Аристоника. Но «граждане солнца» сражались храбро. Было похоже на то, что Аристоника провозгласят царем Пергама и Великой Фригии. Римский сенат в 131 г. до н. э. послал свои легионы под командованием Публия Лициния Красса. Однако Красс вместо того, чтобы вести войска в поход, занялся грабежом дворца Аттала. Его слабо организованная армия потерпела поражение в битве при Левках. Крассе, находясь в окружении враждебно настроенной толпы, ткнул одного фракийца своей плетью в глаз. Взбешенный варвар заколол Красса ножом. Голову римлянина отправили Аристику.

«Граждане солнца» одержали и другие победы. Рим послал Марка Перперну, чтобы он подавил все больше распространявшееся восстание. Перперна, который только что разгромил мятежных рабов в Сицилии, захватил Аристоника живым. Хотя Перперна внезапно умер (как говорили, от болезни), Аристоника послали в Рим в цепях вместе

с баснословными сокровищами Аттала из Пергама. Мятежного вождя бросили в Туллианум — каменную тюрьму глубиной 12 футов (3,7 м), которую историк Саллюстий описывал как «отвратительную и страшную из-за ее заброшенности, тьмы и вони». Государственный палач задушил Аристоника в его камере в 129 г. до н. э.

В Кимах, где потерпел поражение флот Аристоника, говорили, что статуя Аполлона проливала слезы. Вдохновленные мученичеством своего вождя и неэффективностью военной кампании римлян — а может быть, и внезапной смертью Перперны, которая казалась хорошим предзнаменованием, — «граждане солнца» продолжали сопротивление. Сенат послал амбициозного консула Манья Аквиллия, чтобы он раздавил мятеж и установил правительство римской провинции в Пергаме. Митридата, видимо, впечатлило то, что лояльные Аристонику города продолжали сопротивление, защищая «граждан солнца» в своих укрепленных стенах.

Аквиллию пришлось вести целый ряд продолжительных осад, пока, наконец, ему не удалось занять страну и установить новую администрацию. Чтобы быстро закончить войну, Аквиллий принял жестокое решение. Он приказал своим людям залить яд в водопровод осажденных городов. Это биологическое оружие убивало как воинов, так и мирных жителей, и армия Аквиллия легко захватила города. Даже в Риме некоторые критиковали его, считая эту тактику варварством, и говорили, что легкая победа Аквиллия — позор для старой римской воинской доблести^[108].

Аквиллий захватил Пергам и стал взимать тяжелые налоги для своей личной выгоды. Мятеж Аристоника закончился, и союзники Рима были вознаграждены. Отец Митридата получил Великую Фригию в благодарность от римлян. Однако на территориях, которые римляне хотели заполучить, люди питали к ним утробную ненависть. Бесчестная победа Аквиллия с помощью яда и его удушающие налоги еще усилили неприязнь к Риму. Города, которые поддерживали мятеж Аристоника, были сурово наказаны. Однако даже официальные «друзья» Рима чувствовали скорее беспокойство, чем уверенность. Все начали уже понимать, что у римлян есть одна нехорошая привычка: нападать на бывших клиентов.

Еще в детстве Митридат должен был слышать множество подробностей об анатолийском мятеже Аристоника, которые уже

потеряны для нас. Наверное, он, например, знал, был ли Аристоник, внук арфиста, назван в честь отважного Аристоники, арфиста и друга Александра Великого, который умер славной смертью в битве. Митридат, наверное, знал и какой именно яд использовал Аквиллий, чтобы отравить колодцы. Возможно, причиной гибели людей стала чемерица — обычное растение, использование которого на войне имеет долгую и печальную историю. Митридат, изучавший токсичные растения и военное дело, мог вспомнить неприглядную историю о похожей осаде, которая случилась почти за пятьсот лет до того в Греции. Победоносные полководцы с помощью аморального врача уничтожили жителей города, отравив водопровод толченой чемерицей^[109].

Волшебные растения Медеи

Между Арменией и отвесными скалами, там, где горы Кавказа тонут в восточном Черном море, врезалась клином сказочная Колхида (Грузия) — суровая земля, богатая золотом, экзотическими минералами и растениями. В греческих мифах Зевс приковал Прометея, мятежного титана, который принес огонь смертным, на самой высокой вершине Кавказа и послал орла, который вечно должен был вырывать у него печень. Митридат и его друзья слышали волнующие мифы, действие которых происходило у них на родине. В эпической поэме о Ясоне, аргонавтах и их поиске Золотого руна корабль «Арго» поплыл на восток к «золотой сокровищнице Солнца» вдоль южного берега Черного моря, останавливаясь, переживая в пути разнообразные приключения и основывая города^[110]. В Синопе Митридат мог играть рядом с мраморной статуей основателя города, аргонавта Автол и ка.

Аргонавты дивились железным рудникам Понта и странным соляным башням реки Галис. Продвигаясь дальше в Фемискиру, великую крепость амазонок на реке Фермодонт, аргонавты отплыли к дальней Колхиде под сенью величественных и пугающих Кавказских гор. Там Ясон полюбил Медею, прекрасную варварскую колдунью.

Рис. 3.6. Медея в своей колеснице солнца. Колхидская колдунья одета в мантию и персидско-фригийскую шапочку, похожую на те, что носили маги-зороастрийцы и амазонки. Деталь луканского кратера-килика ок. 400 г. до н. э. Кливлендский музей искусств, фонд Леонарда К. Ханны, 1991.1

Владычица колдовства и ядов, внучка бога солнца, Медея смогла укротить таинственный пламя, бушевавшее на черных озерах нефти близ Баку на Каспийском море, и создать огонь, который нельзя было потушить. Ее снадобья давали нечеловеческую силу или могли ввести в похожий на смерть сон; они делали человека неуязвимым для огня или меча. Медея знала тайны смертельной крови дракона и все противоядия от яда змей. Легко представить себе юного Митридата, будущего токсиколога, замороженного описанием Медеи, спускающейся на своей солнечной колеснице, чтобы собрать снадобья.

...В воде постоянно текущей умылась,
Семь раз и семь раз призвала Бримо, молодежи опору,

Мертвых царицу Бримо подземную, только лишь ночью
В темных покаях бродящую в мраке ночном непроглядном.
Черная с ревом ужасным земля содрогнулась, лишь только
От цветка отторгнут был корень...
Вырос этот цветок оттого, что упали на землю
Капли божественной крови того Прометея страдальца,
Тело которого рвал на куски орел сыроядный.
Ростом в локоть растет цветок по склонам Кавказским,
На корикийский шафран похожий яркостью цвета.
Вверх он тянулся двумя стеблями, в земле залегая
Корнем глубоким, подобным куску кровавого мяса.
Сок его, сходный с темным соком горного дуба,
В ракушку с Каспия быстро Медея для колдовского
Зелья отжала... [\[11\]](#)

Могучий Геракл

В эклектичном пантеоне мифических «ролевых моделей» юного Митридата персидская колдунья Медея стояла рядом с Гераклом, греческим супергероем, который спас Прометея от пытки. В ходе своих приключений Геракл перешел через высокие Кавказские горы в Скифию, где выиграл поединок с Ипполитой, царицей амазонок. Уроженцы города Пергам считали, что они потомки сына Геракла — Телефа. Как и Александр, Митридат также притязал на то, что происходит от Геракла. Три замечательные мраморные статуи показывают, насколько глубоко Митридат отождествлял себя с Гераклом. Первая, скульптура в Пергаме (созданная, видимо, в 88–85 гг. до н. э., когда Митридат сделал его своей царской штаб-квартирой), показывает Геркулеса в роли отца семейства: он одет в свой «фирменный» плащ из львиной шкуры и держит маленького сына Телефа. Недавний анализ портретов на монетах и скульптуре того времени заставляет полагать, что моделью для маленького мальчика послужил не кто иной, как сам Митридат!

Профиль и прическа мальчика очень напоминают портреты уже взрослого Митридата на его ранних серебряных монетах. Пухлое

личико вряд ли должно было изображать точный портрет Митридата в ясельном возрасте. Но сходство с портретами Митридата на монетах, как и сам смысл изображения, было сразу видно любому. Сходство было настолько очевидным, что после поражения, нанесенного Митридату в 63 г. до н. э., римский полководец Помпей захватил эту статую маленького Митридата, чтобы продемонстрировать ее в Риме^[112].

Рис. 3.7. Геракл и его сын Телеф. Пергам. Мальчик должен был напоминать Митридата, который считал Геракла своим предком. Музей Кьярамонти, Ватикан. Scala / Art Resource, N. Y.

Еще одна группа статуй, обнаруженная в 1925 г. у великого Пергамского алтаря, показывает, как юный Геракл освобождает Прометея. Молодой человек в львиной шкуре очень напоминает портрет Митридата, вступающего в пору зрелости. Он похож на

другой хорошо известный портрет-статую в Лувре, которая прочно отождествляется со взрослым Митридатом; на ней тоже надета львиная шкура (рис. 6.1). Образ Митридата в роли Геракла, освобождающего прикованного титана, имел огромное символическое значение для греков и народов Востока, поскольку он изображал царя как спасителя и освободителя.

Александр и Дарий

Портреты на монетах показывают, что Митридат копировал пышную прическу Александра Македонского с волосами до плеч. Харизма, военный гений, великие мечты Александра — и его трагическая гибель незадолго до тридцать третьего дня рождения — сделали его культовой фигурой не только для таких греко-персов, как Митридат, но и для многих римлян. Еще ребенком Митридат понял, что в биографии Александра многое похоже на его собственную жизнь и в ней многому можно подражать. Чтобы изобразить Митридата как нового Александра — прямую противоположность нецивилизованным римлянам, Митридат и его окружение любили проводить параллели между ними. Такие случаи, как укрощение Митридатом дикого жеребца (описанное выше), заставляли людей ассоциировать любимого Александра с понтийским царевичем^[113].

Как и в случае с Александром, личность Митридата привлекала людей. Может быть, молодой Митридат сознательно подражал хорошо известным привычкам своего героя? У Александра была манера наклонять голову влево; некоторые скульптурные портреты молодого Митридата не только похожи на портреты Александра, но на них его голова тоже наклонена влево. Говорили и что у Александра был какой-то «чувствительный взгляд». Можно представить, как юный Митридат тренирует свой вариант «чувствительного взгляда» Македонца на своих друзьях — Дорилае и Гае, сестренках и других детях в Синопе. Друзья Александра говорили даже, что его тело и одежда испускали приятный сладкий аромат. Этого Митридат тоже вполне мог достичь с помощью мирры и других ароматов, которые использовали и мужчины и женщины при дворах, находившихся под влиянием персидской культуры^[114].

Рис. 3.8. Молодой Митридат в роли Геракла, освобождающего Прометея. Мраморная скульптурная группа, Пергам. Берлин, Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz / Art Resource, N.

У.

Митридат, возможно, мог пересказать биографию Александра (р. ок. 356 г. до н. э.), который в возрасте примерно 22 лет отправился завоевывать самую могущественную империю в мире. Персидская империя при Дарии III раскинулась на три континента и правила примерно 25 миллионами человек из разных народов. Однако к моменту смерти Александра (в 323 г. до н. э., почти за двести лет до рождения Митридата) империя Дария стала частью новой Македонской империи, простиравшейся от Греции и Анатолии до Египта и вплоть до самых Гималаев.

В завораживающей истории Александра и Дария III для Митридата оказалось много поучительного. Численно македонцы были в меньшинстве — их было вдвое меньше, чем персов, но тем не менее Александр победил армию Дария при Иссе (333 г. до н. э.). Отважный Дарий спасся в своей колеснице и собрал еще 200 тысяч воинов с дальних окраин империи; за ним стояли бронированные кавалеристы, ряды страшных колесниц, вооруженных серпами, и

боевые слоны. Две армии встретились снова в 331 г. до н. э. в битве при Гавгамелах. Но благодаря блестящим маневрам Александра персы снова были истреблены. На этот раз Дарию удалось бежать верхом на коне. Потерпев поражение, Дарий выразил свое восхищение Александром и даже согласился с тем, что он должен стать его наследником в качестве правителя Персидской империи. Спасаясь бегством на самых дальних рубежах империи, Дарий был убит своими ближайшими соратниками-военачальниками. Митридат знал прославленную историю о том, как Александр рыдал над телом Дария и похоронил его с величайшими почестями в Персеполе. Отвергая традиционную для греков неприязнь к варварам (негрекам), Александр с радостью сделал новых подданных членами своего ближайшего окружения. Взаимное уважение и рыцарственные жесты сделали Дария и Александра прекрасной парой благородных соперников — они были словно отважные крестоносцы в средневековом рыцарском романе. Митридат очень гордился своим родством с обоими полководцами и разделял благородную мечту о том, чтобы Персия и Греция объединились и одолели Рим — варварскую империю Запада.

После завоевания Персидской империи Александр принял персидские обычаи и персидское платье. Древние историки говорят нам, что и Митридат носил старомодные персидские костюмы. Этот с виду чудаческий поступок был способом почтить его персидских предков и еще раз привлечь внимание к своему персидскому происхождению, а заодно и еще одним способом подражать Александру. Мы знаем, что Митридат унаследовал антикварную мебель и другие сокровища от самого Дария I. В дождливые дни в синопском дворце мальчик мог заходить в кладовые и открывать сундуки из кедрового дерева, наполненные сокровищами — персидскими диадемами, золотыми серьгами, браслетами и ожерельями, кольцами и резными геммами; кувшины, благоухавшие экзотическими ароматами, древние наряды, длинные белые одеяния с пурпурными краями, вышитые золотыми ястребами и львами...

Митридат знал, что Александр старался не одеваться на слишком экстравагантный мидийский манер (просто одевавшиеся греки смеялись над мидийцами); мидийцы были древними родичами персидских царей. Не носил Александр и полного царского персидского одеяния — роскошного длинного платья, штанов и туфель

с загнутыми носами, а также корону. Вместо этого македонец объединил греческий и персидский стиль в простой, но элегантный костюм — эта мода была полна смысла: простая короткая чисто-белая туника с персидским пояском-кушаком, на котором висел кинжал; царь был обут в сандалии и не носил штанов и корону (македонцы считали персидскую тиару, а также штаны чем-то чужеродным). В некоторых частях доспеха Александра были древние украшения.

Молодой Митридат также придумал свой собственный яркий, смешанный костюм (возможно, поэкспериментировав над ним еще в отрочестве). Как и Александр, Митридат надевал простую диадему (повязывал голову пурпурной и белой лентами) и сверкающую белую тунику, скромно вышитую пурпурной оторочкой. Туника была подпоясана расшитым драгоценностями кушаком в персидском стиле; на нем, у бедра, висел царский кинжал в золотых ножнах. Старомодные персидские штаны и кожаные сапоги с загнутыми вверх носками дополняли одеяние монарха^[115].

Царь умер — да здравствует царь!

Когда Митридат еще был подростком, в Синопе его мысли занимали мифические подвиги, исторические образцы (как положительные, так и отрицательные) и научные исследования ядов. Мальчик проводил целые дни собирая камни и рептилий; он ездил верхом и охотился с друзьями, читал и мечтал. Наверное, это время казалось ему счастливым и идиллическим; лишь иногда на солнце набегали небольшие облачка.

Отец Митридата устраивал множество пиров для придворных и почетных гостей; все радостно пили, поглощали огромные куски оленины и баранины, а также черноморского тунца, хлеб и оливки, вишни и персики. В 120 или 119 г. до н. э. Митридат отпраздновал свой день рождения — четырнадцатый или пятнадцатый. По персидскому обычаю день рождения следовало отмечать особенно великолепным пиром. В гигантской печи из кирпича зажаривали целого быка, верблюда или осла. Каждое блюдо подавали отдельно с большим количеством вина. Затем на стол приземлилась целая эскадрилья медовых сладостей; в это время заклинатели из Парфии, индийские

заклинатели змей, сирийские акробаты и танцоры развлекали гостей, а арфисты и барабанщики наполняли огромный зал звуками музыки^[116].

На одном из таких пышных пиров отец Митридата внезапно схватился за горло. Вывалившись из кресла, он упал и умер; тяжелая серебряная чаша беззвучно покатилась по толстому ковру. В тот самый момент весь мир Митридата перевернулся.

Митридат V Эвергет был убит примерно в 120 г. до н. э. в Синопе; кто его отравил — неизвестно. Преступление было совершено, когда друг царя, полководец Дорилай, находился вдали от столицы, на Крите, и набирал воинов в армию Понта. Когда до него дошли новости об убийстве, возвращаться оказалось слишком опасно. Дорилай остался на Крите^[117].

Смутное недоверие Митридата к матери внезапно превратилось в настоящую паранойю. Может быть, он следующий? Кому же можно верить? Он обратился к своему ближайшему соратнику и верному другу, юному Дорилаю. Возможно, он также нашел поддержку у некоторых из своих учителей и придворных. Неизбежны были сравнения с убийством отца Александра Македонского — Филиппа, и эти параллели должны были иметь для Митридата жуткий смысл. Филипп был убит на свадебном пиру. Александр обвинял заклятых врагов своего отца, персов, но многие подозревали мать Александра, Олимпиаду. Древние историки считали Олимпиаду ревнивой ведьмой и убийцей: она пугала людей огромными дрессированными змеями, которых выращивала для дионисийских оргий. Митридат слышал жуткие истории про то, что случилось после насильственной смерти Филиппа. Олимпиада сожгла живьем маленького единокровного брата Александра и отравила другого ядом, который сделал его умственно отсталым^[118].

В Синопе кое-кто беспокоился: не стоят ли за гибелью отца Митридата римляне, — однако сведения древних историков говорят о том, что это был дворцовый переворот. Была ли мать Митридата, царица Лаодика, действительно такой же порочной ведьмой, какой якобы была Олимпиада? Для современных читателей сама мысль о матери-убийце скорее кажется похожей на страшную сказку братьев Гримм, однако Митридат слышал о многих амбициозных царицах в соседних царствах, которым удалось захватить власть с помощью интриг, убийства и яда. Мать каппадокийского царевича Армата,

например, отравила пять младших братьев Ариата одного за одним. Митридат заметил, что его мать очень любит младшего сына — Митридата Доброго. Убийство отца Митридата служит подтверждением слов Юстина о том, что был и заговор с целью убить самого Митридата. Как указывают современные историки, жизнь Митридата действительно была в опасности: неизвестные убийцы его отца находились во дворце — среди его охранников и наставников. Вполне легко поверить, что царица Лаодика была соучастницей преступления^[119].

После того как его отца похоронили в царском мавзолее в Амасии (древняя столица Понта), юный Митридат был коронован и стал царем Понта — в 120 или 119 г. до н. э. Отец, видимо, оставил царство в совместном владении царице Лаодике, самому Митридату и его брату Митридату Доброму. Поскольку оба царевича были еще несовершеннолетними, Лаодика, как регент, сохранила всю власть за собой, и ее любимцем был младший, более управляемый сын. Любовь Лаодики к роскоши сделала ее покорным клиентом Рима. В течение следующих нескольких лет она позволила римлянам себя подкупать, и ее расточительство втянуло царство в долги.

В 119 г. до н. э. в небе внезапно явилось чудесное предзнаменование. Яркая комета с длинным хвостом-мечом, которую видели перед рождением Митридата, вернулась как раз тогда, когда он был коронован. Маги и народ в землях, находившихся под влиянием Персии, ликовали: этот небесный знак утверждал, что Митридат действительно царь-спаситель, посланный Митрой, великий вождь, который спасет Восток от Рима, как обещала комета 135 г. до н. э. и всем известные пророчества. Редкие монеты, изображающие комету, могли быть отчеканены как раз после его коронации (см. рис. 2.1).

Однако Митридат знал, что ему нужно придумать план, как выжить, а то ему никогда не удастся исполнить свое предназначение. Царь стал постоянно носить с собой нож. ночью он держал кинжал под подушкой — точно так же, как это делал Александр^[120].

Что за яд убил его отца? Этот захватывающий вопрос напоминает и о других загадочных смертях царей — например, того же Александра. Спутники Александра считали, что он был убит неким безымянным ядом — таинственной субстанцией, о которой ходили странные легенды: это была холодная как лед «роса», которую собирали с мшистых скал там, где река Стикс лилась с высокой скалы в Греции. Эта «роса» была столь ядовита, что она растворяла металл и хранить ее можно было только в копыте мула. Современные токсикологи не смогли определить этот яд. Древние описания указывают на какой-то вид кислоты; возможный вариант и недавно открытая и встречающаяся в природе исключительно токсичная кислотная бактерия, которая водится в состоящей из карбоната кальция корке, скапливающейся на известковых скалах^[121].

Однако Митридат мог иметь в виду и более легкодоступные возможности — ближе к дому. Может быть, его отец стал жертвой какого-то ядовитого растения? Имя им легион: белена, тис, белладонна, болиголов, мандрагора, аконит, чемерица, маки, грибы, олеандр...

Митридат профессионально занимался токсикологическими экспериментами еще мальчиком: его подгонял страх быть отравленным. Но теперь это действительно превратилось в вопрос жизни и смерти. Если верить Юстину, когда попытки покушений на его жизнь «провалились, поскольку мальчик был сильнее и ловчее, то его стали пытаться истребить ядом». Он поспешно начал исследовать *pharmaka*, проверяя их тайно на других людях — и на самом себе. В качестве образца юный Митридат мог избрать мифическую колдунью Медею, но мог он думать и о «панацее» своего деда, о неправильно понятых токсикологических изысканиях Аттала в Пергаме и об отважных — почти роковых — научных экспериментах Александра в Вавилонии и Индии с сырой нефтью и мощными зельями. Александр прописывал лекарства и противоядия как своим друзьям, так и самому себе. Например, в Индии люди Александра умирали страшной смертью, получив раны от мечей, смазанных змеиным ядом. Александр мечтал о целебном растении, которое могло бы спасти воинов, и консультировался с индийскими врачами по поводу противоядий от змеиных укусов. Однажды случилось и так, что Александр оказался достаточно смелым, чтобы выпить кувшин

лекарства, от которого потерял сознание и чуть не умер. Теперь и Митридат должен предпринять смелые шаги и найти совершенную формулу, чтобы нейтрализовать все яды^[122].

Токсичные природные ресурсы в изобилии встречаются в области Черного моря. Скифские кочевники смачивали свои стрелы в сложной смеси из яда гадюк и других вредоносных веществ, а их шаманы были специалистами по противоядиям, основанным на ядах. В отдаленных озерах Армении скрывалась ядовитая рыба; своими ядами мог похвалиться и Понт. Дикий мед, который пчелы получали из нектара ядовитых рододендронов и олеандра (которых там много на побережье), мог убить человека. Даже мясо понтийских уток было ядовитым. Утки поедали чемерицу и другие вредные растения, а у пчел был странный иммунитет к ядам. Может быть, именно эти таинственные природные явления и вдохновили Митридата на поиск способов уберечь себя от яда?^[123]

В Понте добывали страшные и редкие минералы. Синопа была центром переработки и экспорта синопской «красной земли», реальгара, аурипигмента и других сверкающих темнокрасных и желтых кристаллов, которые были окружены магическими и зловещими преданиями. Известные под множеством разных названий, эти минералы встречаются вместе с ртутью, свинцом, серой, железной рудой, кобальтом, никелем и золотом. Рудники источали настолько вредные пары, что, как говорили, работали там только рабы, которых приговорили к смерти за страшные преступления. Одной из самых печально известных шахт был Сандаракаургион-Даг (гора Реальгар), которую описывает географ Страбон. На реке Галис близ Пимолисы отряд из двух сотен рабов трудился, выдалбливая изнутри всю гору. Страбон говорит, что рудники на горе Реальгар в конце концов были заброшены, как неприбыльные, поскольку было слишком дорого все время заменять рабов — они постоянно умирали от токсичных паров^[124].

Рис. 3.9. Рабы на рудниках: такие рабы трудились на ядовитой горе Реальгар

Различные древние термины для групп связанных между собой веществ сейчас трудно проанализировать и идентифицировать. Киноварь, зинджифра, вермильон, синопская красная земля, «рубиновая сера», синопская охра, синопия, аурипигмент, охра, сандарак, сандик, свинцовый глет, зарних, мышьяк, «арсеник», «археник», зирнихи, синдур, миний, «армянский пурпур», реальгар, драконова кровь... Все это — древние названия множества форм токсичных минералов, которые содержали ртуть, серу и/или мышьяк. Синопскую красную землю использовали для водоотталкивающей пропитки кораблей; многие из этих дорогих веществ использовали как блестящие краски, лаки и краски для тканей; они также играли важную роль в алхимии и медицине^[125].

Но Митридат исследовал и их более зловещие свойства. Мышьяк (название *arsenicum* происходит от арабского слова *zarnikh*, «желтый аурипигмент», по-арабски *al-zarnikhi*) был смертельным ядом без вкуса и запаха, который нельзя было различить в пище или еде, — идеальный токсин для убийства. Яд, который кто-то подложил в мясо или вино отцу Митридата, скорее всего был чистым мышьяком, который производился путем разогревания реальгара (тоже арабское

слово — *rliaj al ghar*, «рудничный порошок») — сульфат красного мышьяка.

Митридат обнаружил любопытное явление. Принимая ежедневно микроскопические дозы мышьяка, он понял, что человек может развить иммунитет к большим дозам, которые в противном случае оказались бы для него смертельны. Возможно, он приобрел иммунитет к мышьяку уже в раннем возрасте, поскольку, как говорит Юстин, заговорщикам во дворце не удалось отравить его, когда он еще был мальчиком. Митридат предпринимал и другие меры предосторожности, как, например, те, на которые намекал римский сатирик Ювенал:

Жизнь берегите, к блюдам никаким не имейте доверья, —
В этих бледных лепешках кипят материнские яды.
Пусть-ка откусит сперва кто-нибудь от того, что предложит
Мачеха; пусть-ка пригубит питье опасливый дядька^[126].

Митридат дополнил свои тайные исследования по токсикологии, усилив и физические тренировки. Охота была прекрасным предлогом для того, чтобы проводить время вдали от дворца. В то же время он планировал свой следующий ход. Из чтения книг Ксенофонта, своего образования в области мифов и истории Митридат должен был точно знать, что требуется от юного героя, жизнь которого в опасности. Однажды, вооруженный луком, кинжалом и дротиком, бесстрашный царевич выехал из врат Синопы со своими самыми верными друзьями. Они не вернулись.

Глава 4.

Потерявшиеся мальчики

Опасаясь, что врагам во дворце удастся сделать с помощью меча то, чего они не смогли достичь с помощью яда, Митридат решил во что бы то ни стало защитить себя^[127]. Было только две возможности. Молодой Митридат мог остаться в Синопе: ему пришлось бы слушаться своей матери-предательницы и надеяться выжить до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы вырвать власть из ее рук. Или же он мог приступить к решительным действиям — именно такой способ посоветовал бы синопский философ Диоген. Рок Митридата, возвещенный оракулами и кометами, требовал выбрать второе.

Разрабатывая свой план, Митридат мог обдумать опыт персидского царя Кира, Александра и Митридата I — основателя Понтийского царства. Каждому из них пришлось оставить дом и семью на какое-то время перед тем, как достичь власти. Будучи в изгнании, эти цари стали более мудрыми, приобрели верных друзей, политическое окружение и любовь простых людей. Предводитель мятежников Аристоник также нашел убежище и поддержку в сердце Анатолии.

Слушая персидские предания о своих предках и читая труды Ксенофонта, Митридат мог отождествлять себя с Киrom Великим. Враги Кира в детстве пытались его убить. В 13 лет Кир оставил царский дворец в Сузах и стал жить в Мидии, потом он вернулся и правил всей Персией. В насыщенных действием описаниях великолепных охот Кира на крупную дичь и других его приключений Ксенофонт рассказал и о том, как будущий персидский царь и его друзья учились полагаться на самих себя и принимать решения, вместе совершая отважные подвиги в нагорьях Ирана. В трактате Ксенофонта «Об охоте», написанном для молодых греческих аристократов, юный Митридат также мог найти увлекательные рассказы и практические советы. Совместная охота воспитывала в подростках из

аристократических семей добродетель, навыки лидерства и военную доблесть. Ксенофонт не только во всех подробностях описал, как должен одеваться охотник, какое у него должно быть оружие и как преследовать добычу: великий греческий полководец говорил и о том, что тот, что блистает на охоте, обязательно станет героическим воином и командиром.

Рис. 4.1. Юный Митридат. Мраморная голова (высота — 3 дюйма (2,5 см) от миниатюрной статуи, обнаруженной в 1992 г. на акрополе Пантикапея. Зинько 2004 и Керченский музей, «Античные скульптуры», Киев. 2004. Фото предоставлено Якобом Мунком Хейте

Герой Митридата Александр любил охотиться с друзьями: они расслаблялись, охотясь на кроликов и ласок, и доказывали свое мужество, убивая львов и медведей. Отважный и безрассудный подросток Александр славился тем, что рисковал брать на себя опасность как на охоте, так и в войне. Митридат, конечно, завидовал тому, что Александр мог уже в 16 лет по своей воле отправиться на битву, пока его отца не было дома. Позднее, в ходе семейного кризиса, Александр призвал своих товарищей и уехал в дикие области

Иллирии, на дальний запад Македонской империи. Тут Александр и его друзья жили самостоятельно, добывая пропитание охотой. Когда отец Александра был убит, Александру пришлось действовать быстро, чтобы завоевать доверие македонской армии. Идеи подобного предприятия, такого, которое могло бы сочетать охоту и управление государством, начали формироваться в уме Митридата^[128].

Если верить Юстину, Митридат «придумал отважный план, который требовал большого остроумия и упорства». Рассказ Юстина скуден, но весьма показателен: с самого детства основной целью Митридата было выживание. Он всегда опасался заговоров, прежде всего отравления, и укреплял свою позицию с помощью противоядий и атлетических упражнений. После кончины его отца (как говорит Юстин) Митридат и несколько его спутников исчезли из Синопы. В течение семи лет они не спали под крышей и жили охотой, разбивая лагерь в горах. Юный царь вырабатывал выносливость, охотясь на диких зверей пешком и убегая от них, когда они начинали на него нападать. Иногда (совсем как греческий супергерой Геракл) Митридат даже осмеливался помериться силой с опасными дикими животными, борясь с ними и убивая их голыми руками^[129].

Юстин описывает деятельность именно такого греко-персидского аристократического «бойскаута», о котором с таким энтузиазмом писал Ксенофонт. Такими средствами, говорит Юстин, Митридат не только избежал покушений на свою жизнь, но также развил огромную силу и совершил удивительные подвиги выносливости и отваги. Проведя семь лет вдаль от дворца (пишет Юстин в своей лаконичной манере), Митридат вернулся в Синопу, разобрался со своими врагами и начал царствовать.

К сожалению, немногословный Юстин — единственный дошедший до нас источник по этому важному периоду — времени между убийством отца Митридата примерно в 120 г. до н. э. до начала независимого правления царя примерно в 115 г. до н. э. Поскольку Юстин кратко пересказывал утраченный труд другого историка, Трога, в его версии некоторые события опущены, объединены или повторяются несколько раз. Если бы у нас только был первоначальный полный рассказ Трога! Некоторые современные историки, вынужденные иметь дело с такими неточными датами, совсем отбрасывают хронологию Юстина и указывают на то, что статуи и

надписи, где восхваляется Митридат и его младший брат, воздвигались на Делосе в 116/115 г. до н. э., пять лет спустя после убийства их отца, когда Митридат якобы отсутствовал в Синопе. Однако царица Лаодика, конечно, легко могла поставить статуи и надписи от имени юных сонаследников, даже если сам Митридат и отсутствовал. На самом деле это могло стать умной пропагандистской мерой, чтобы противодействовать слухам, что пропавший царевич уже убит. В ответ сторонники Митридата могли выпустить монеты, где изображалась появившаяся при его рождении комета, когда он еще был в изгнании, чтобы все знали о судьбе, ожидавшей юного царя, и готовились к его неизбежному возвращению. Обе партии имели веские основания пропагандировать его образ даже в отсутствие Митридата^[130].

Действительно, «семь лет» у Юстина — подозрительно мифическое число. «Семь» часто в фольклоре обозначает просто «много лет». Однако если убрать фольклорное украшательство, то в рассказе Юстина нет ничего особенно сенсационного или нелогичного. Нет ничего невероятного в том, что Митридат исчез после убийства отца. В Синопе он столкнулся с реальной опасностью; в эту эпоху есть много примеров, когда царственных детей убивали. Не приходится сомневаться в том, что наследник престола уехал с несколькими спутниками так, как это описывает Юстин (и, может быть, более детально описывал Трог). Мы не можем знать точно, сколько именно отсутствовал Митридат, но четыре или пять лет — разумный срок^[131].

Что же произошло в течение этого, самого таинственного периода жизни Митридата — в годы между убийством его отца и днем, когда Митридат возвратился к власти? Дальше мы предлагаем вероятный сценарий того, как могло проходить добровольное изгнание Митридата, основываясь на известных фактах и обоснованных догадках.

План

Путешествие царя было не внезапной шалостью: оно должно было потребовать месяцев тщательного планирования. Скрытный, творческий, смелый юноша, уверенный в том, что ему суждено занять

место в истории, Митридат изобрел стратегию, которая воплощала в себе различные эпизоды из жизни его героев, а также включала его любовь к охоте. Наследник понтийского трона был окружен друзьями — ровесниками и чуть постарше; в их числе было и несколько аристократов, которым уже было за двадцать. Этот круг друзей воспроизводил ту же элитную свиту, которая окружала Александра и Кира.

Лучший друг Митридата Дорилай помогал ему воплотить план в жизнь. Его собственная жизнь также была под угрозой. Он был племянником полководца убитого царя (которого тоже шали Дорилай): поэтому юный друг царя также стал целью дворцовых заговорщиков. Можно представить себе, как два подростка шептались поздно ночью, решая, кому из товарищей по учебе можно довериться, чтобы те могли их сопровождать. Испорченный младший брат Митридата — Митридат Добрый — в их число не входил. По надписям на портретных бюстах, найденных на Делосе, мы узнаем имена некоторых из ближайших соратников Митридата в первое время его правления. Некоторые из них могли быть членами его свиты в молодости: например, Гай, сын Гермeya, и Диофант, сын Митара, а также Гордий — каппадокиец, который стал особым послом Митридата.

Беглецы должны были быть в пути несколько лет, пока они не почувствовали бы себя достаточно сильными, чтобы обеспечить себе победу. Слишком большая группа людей могла привлечь внимание. Человек восемь — десять могли эффективно охотиться и добывать себе пищу. Митридат, видимо, излучал уверенность и ум уже в четырнадцати-пятнадцатилетнем возрасте, если у него оказались такие преданные спутники, которые согласились последовать за ним в изгнание. Ими двигали дружеские чувства и любовь к приключениям, но при этом они надеялись и на великую награду. Они знали, что товарищи Александра Македонского унаследовали его царство. У Митридата и Дорилая был другой мощный стимул — они спасали свою жизнь.

Итак, приблизительно составив план, Митридат стал без конца говорить про охоту: Юстин рассказывает, что царь «изобразил огромную страсть к охоте» перед тем, как испариться. Его отряд оставался в каждой экспедиции все дольше и дольше, не вызывая

подозрений. Может быть, юноши запасали провизию и деньги в каких-то тайных убежищах во время путешествий, пока не настал назначенный день. Молодой царь мог требовать дополнительных лошадей для царской конюшни, если охота затягивалась надолго. На самом деле охота действительно была его любимым делом — царь был просто на ней помешан. Я могу себе представить, что к 118/117 г. до н. э. Митридат и его товарищи были готовы к бегству. Митридат мог сказать, что это особенная охотничья вылазка, чтобы отпраздновать его шестнадцатый день рождения и первый год пребывания мальчика-царя на понтийском троне.

Когда Митридат и его товарищи ускакали прочь той весной после пира по случаю дня рождения царя, на каждом был практичный костюм неяркого цвета (таковы рекомендации Ксенофонта — никаких ярко-белых или пурпурных одежд!). Юноши надели бурые туники, шляпы, короткие шерстяные плащи и высокие кожаные сапоги; на некоторых были персидские штаны (как и на самом Митридате). Предводитель отличался от остальных простой диадемой и тяжелым золотым кольцом-печаткой: на нем была царская печать Понта. У каждого из охотников была пара дротиков, посох и дубинка, лук и стрелы, меч и кинжал. Любимые собаки трусили рядом с грузовыми лошадьми, нагруженными подстилками, сетями для крупной дичи и инструментами, личными вещами (такими, как музыкальные инструменты, настольные игры, рыболовные крючки и т. п., а также любимые книги). У каждого из юных любителей приключений с собой была кожаная сумка, набитая монетами для приобретения самого необходимого и еды, а также для того, чтобы награждать жителей Понта. Деньги должны были понадобиться и на приношения в храмы^[132].

Митридат мог заготовить карту Понта и сведениями о горных цепях, реках и ручьях; городах и деревнях, укреплениях, храмовых участках; царских дорогах, небольших проселках и тропках через горные перевалы^[133]. Охотники уже давно разведали свою первую стоянку — она была в целом дне езды. Мальчики небрежно попрощались с родными и друзьями; они вели себя так, будто собираются скоро вернуться, но знали, что не увидят близких еще несколько лет — если вообще увидят когда-нибудь.

Карта 4.1. Карта Понта. (Автор карты — Мишель Энджел)

Прочь от дворца

На восходе отряд выехал на юг из врат Синопы, свернув средней дорогой через холмы в долину реки Амний. Западное ответвление дороги вело по скалистому берегу в маленькие бухточки Пафлагонии; восточная дорога шла по берегу в Амис. Горы и долины Анатолии идут с востока на запад. Перейдя через подножия холмов, охотники перебрались через Амний и повернули коней на юг, по старой Персидской дороге вдоль реки Галис. Справа от всадников вздымались поросшие лесом горы с хорошими местами для лагеря, чистой водой, изобиловавшие дичью. Однако они не хотели оставаться вблизи Синопы. По каменному мосту через Галис всадники продолжали ехать мимо крошечных деревень вдоль древней дороги. Первые ночи в пути

были заполнены радостным возбуждением, смешанным с тревогой, когда они думали о величии своей задачи.

Наверное, они разговаривали о ядах, проезжая дорогу к крепости, которая охраняла шахты на горе Реальгар, где рабы падали замертво, вдыхая вредоносные пары синопской «красной земли». Это смертельное вещество — мышьяк, — возможно, убило и их царя Эвергета. Митридат хотел продолжать свои токсикологические исследования: ему так хотелось проверить свои новые зелья на месте. Чтобы прожить достаточно долго и достигнуть всех амбициозных целей, которые он ставил перед собой, царь должен был усовершенствовать свое противоядие.

Но сначала (помня о том первом, что сделал Александр после убийства своего отца) Митридат понимал, насколько жизненно необходимо завоевать доверие военных командиров своего отца в царстве. Многие могли считать его марионеткой могущественной матери и думать, что он вряд ли доживет даже до 20 лет. Ему надо было предоставить армиям Понта убедительное доказательство того, что Митридат VI Евпатор теперь является их вождем наделе, а не только на словах. Он должен был убедить их в том, что у него есть реальный план того, как вернуть себе власть в Синопе. Они должны были узнать, что Митридат должен принести царству славу и богатство, и победу — своим воинам.

В I в. до н. э. Понт и другие восточные земли Анатолии напоминали средневековую феодальную страну. Система дорог связывала основные города; небольшие дороги соединяли деревни, храмовые земли и наследственные поместья; было и много тропинок для лошадей и пеших странников. Замки и крепости охраняли стратегические пункты. Логичной первой целью Митридата была бы крепость Амасия, расположенная примерно в 150 милях (241,4 км) от Синопы.

На следующем большом перекрестке отряд Митридата дошел до реки Ирис и хорошо известного курорта под названием Фасемон; здесь путешественники сделали приношения богу-целителю Асклепию и очаровательным нимфам, которые, как говорили, резвились в теплых источниках. Отдохнувшие после приятного купания в целебных ваннах, юные всадники продолжали свой путь в Амасию. У них не было никаких причин избегать главных дорог: в Синопе еще не знали

об их отсутствии. Близ Амасии они поднялись на холм, к Храму Зевса-Стратия (предводителя войск), где Митридат часто видел, как его отец приносит жертвы на высоком алтаре (Митридат почитал Зевса, как один из аспектов Ахурамазды/Митры). Возможно, и сам Митридат теперь в первый раз совершил эту церемонию. Руины алтаря вместе с надписями, посвященными Зевсу, можно увидеть и сегодня^[134].

Власть царицы Лаодики распространялась на дворец в Синопе и, может быть, на несколько соседних городов. Друзья отца Митридата и его войска все еще контролировали укрепления Понта; они должны были приветствовать Митридата и его спутников. Обитатели хоры (сельской округи) остались верны убитому царю и его сыну, а Амасия была родиной семьи Дорилая. Историк Страбон расточает похвалы красоте и удобному стратегическому расположению своей родной Амасии — бывшей столицы (царская резиденция переместилась в Синопу примерно в 183 г. до н. э.). Плодородные долины хоры славилась хлебом и зерном, а к северо-западу отсюда лежали богатые серебряные рудники.

Амасию охраняла неприступная крепость, притулившаяся на двух вершинах, связанных естественным скальным мостом. Подземные лестницы и множество тайных резервуаров позволяли этому форту переносить длительные осады (все эти черты архитектуры можно видеть в руинах Амасии и сегодня). Когда прибыл Митридат и его товарищи, воины показали царю тайные проходы и резервуары с водой, а также лежавшие вдали сторожевые башни, которые служили для сообщения с крепостью Амасия. Это были как раз те ценные сведения, которые нужны были Митридату, чтобы стать настоящим командиром армий Понта^[135].

Страбон, писавший несколько десятилетий спустя после смерти Митридата, посетил все древние крепости Митридата. Он взобрался на древнюю каменную башню в Сагилионе в хоре Амасии, которая господствует над горячими источниками. В этой башне (как отмечает Страбон) был еще один большой резервуар, «некогда весьма полезный для понтийского царя». Однако по времени Страбона все тайные цистерны Митридата иссохли: они были забиты огромными булыжниками по распоряжению Помпея Великого после завершения Митридатовых войн^[136].

Однако в тот ясный весенний день 117 г. до н. э., когда ветер разносил аромат яблоневого цвета, Митридат и его друзья взошли на башню Сагилион и стены Амасии, дабы осмотреть укрепления и восхититься видом. С высот, охватывавших Амасию с севера, они могли посмотреть вниз, на лишенную деревьев равнину вокруг озера Стифане в нескольких милях оттуда. У озера можно было различить Лаодикею, основанную матерью Митридата после убийства его отца. Она приняла займы от римлян — деньги, полученные от рабов и налогов, выжатых из Анатолии, — чтобы построить себе роскошную виллу у озера и замок Икизари на известковом утесе. Обозревая эту сцену, Митридат, наверное, не мог удержаться от улыбки. Его мать построила свой замок вблизи горячих источников и очаровательного озера. Она думала об удобстве в путешествиях и о развлечениях вместо того, чтобы выбрать место, которое легко было бы оборонять.

После завершения Митридатовых войн Страбон посетил озеро Стифане и сообщил, что оно буквально кишит жирной рыбой. Однако при Страбоне дворец Лаодики уже превратился в кучу щебня: он порос диким виноградом и его окружали поля пшеницы. Замок царицы опустел, но все еще стоял. Сегодня можно видеть замок Икизари (Кисари) близ деревни, которая сохраняет имя царицы на турецком: Ладик. Археологи обнаружили здесь бронзовые монеты, на которых выгравировано имя Лаодики: они были отчеканены в отсутствие Митридата. Эти находки и другие монеты, на которых отпечатано ее имя и портрет наряду с эмблемой Понта — звезда и полумесяц, говорят о том, что Лаодика считала себя законной властительницей Понта. Некоторые историки предполагают, что она даже хотела сделать Лаодикею новой столицей Понта^[137].

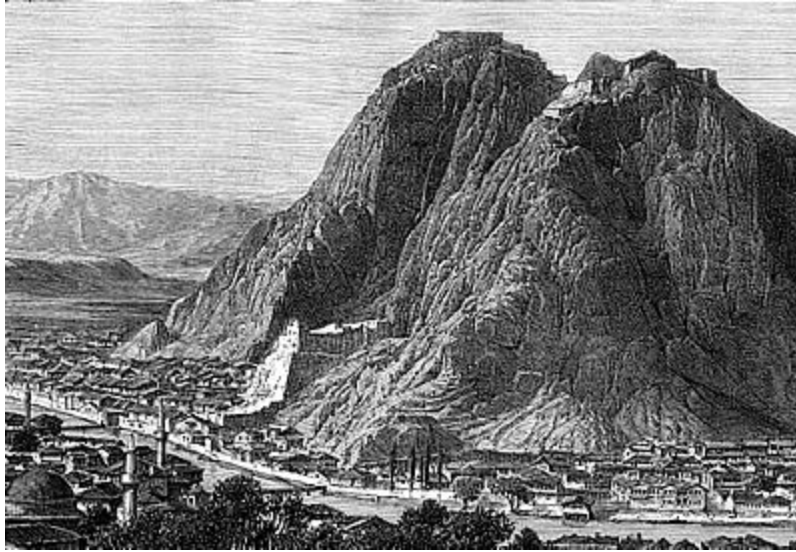

Рис. 4.2. Амасия, бывшая столица Понта. Руины крепости Митридата видны на вершине горных пиков высоко над горой Ирис. Гравюра (Тейлор, 1884) предоставлена Ф. Деховым

Рис. 4.3. Руины укреплений Амасии на горах над рекой Ирис. Фото предоставлено Диком Оссеманом, 2007

Митридат избегал этого региона, который контролировала его мать. Но весь остальной Понт был усеян сотнями других крепостей, креплений, башен и сторожевых пунктов, где стояли преданные царю войска и «знатные люди из древних персидских родов, которые управляли своими замкнутыми владениями из скалистых замков глубоко в лесах»^[138]. Они должны были приветствовать Митридата как своего вождя и давать ему провизию и новых лошадей. Митридат хотел посетить столько укреплений, сколько возможно, чтобы получить поддержку во всем своем царстве. Было также необходимо потребовать себе сокровища династии Митридатидов и сделать так, чтобы золото и серебро, которые хранил его отец в этих изолированных замках годами, было в безопасности. Завоевав доверие гарнизона Амасии, Митридат должен был получить информацию, необходимую для дальнейшего путешествия, и более подробные военные сведения о скрытых сокровищах, арсеналах и малоизвестных дорогах через горы.

Если сведения о деятельности римлян достигли Амасии, Митридат, наверное, мучительно размышлял об имперских планах на Западную Анатолию и о том, что его мать согласилась на них. Лаодика позволила римлянам занять Великую Фригию, которую римский сенат подарил его отцу после мятежа Аристоника и «граждан солнца». Примерно в 116 г. до н. э., пока Митридат еще был в изгнании, отряд из десяти римских официальных лиц прибыл в Синопу, чтобы организовать передачу этой новой провинции. Царица Лаодика увела понтийскую армию из Фригии и распустила войска своего царства. Она также посоветовала своей дочери, Лаодике Старшей, царице Каппадокии, стать союзницей Рима. Его мать продавала великие достижения, полученные в царствование отца Митридата^[139].

Одним из важных ключей к завоеванию лояльности понтийских армий было продемонстрировать преемственность царской династии. Например, Александр посетил гробницу Кира Великого, поскольку хотел, чтобы его считали следующим истинным царем Персии.

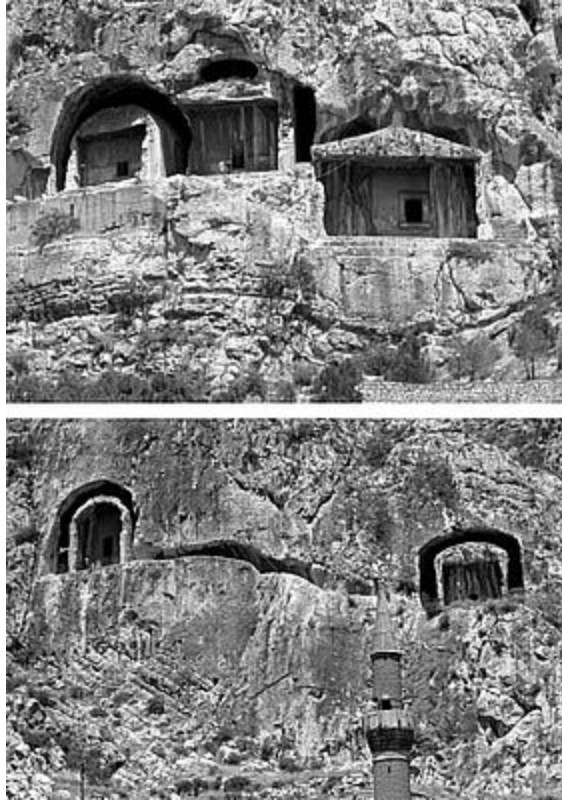

Рис. 4.4. Вырубленные в скалах гробницы царей из династии Митридатидов в Амасии. Вверху, гробницы Митридата I и II и Ариобарзана; внизу: гробницы Митридата III и Фарнака I. Митридат V Эвергет и Митридат VI Евпатор были также погребены здесь. В эти гробницы в персидском стиле можно было проникнуть, пользуясь длинными лестницами или по вырубленным в скале туннелям из укреплений Акрополя. Фото предоставлено Якобом Мунком Хейте

Чувства Митридата, наверное, обострились, когда он и его друзья посетили мавзолей его царственных предков в Амасии. Пять величественных гробниц царей Понта были вырублены в скалах высоко над рекой — в соответствии с древними иранскими и анатолийскими погребальными обычаями. Этот великолепный некрополь и красивые стены крепости на акрополе Амасии — самые впечатляющие археологические памятники во всем Понте. В 2002 г. археологи открыли внутренние лестницы и туннели, которые связывали гробницы с замком наверху. Одна из надписей указывает на

место упокоения деда Митридата — Фарнака I. У каждой гробницы была терраса, усаженная дикими цветами. Согласно зороастрийским верованиям, личный огонь царя после его смерти *рас*, но его *xvarnah* (дух) мог все еще витать над костями, погребенными в мавзолее. Если духи предков Митридата все еще были рядом, то, конечно, они улыбались смелым планам юноши избежать убийства и отомстить за гибель отца^[140].

Теплый прием в Амасии поддержал в Митридате уверенность в себе и энтузиазм его товарищей по поводу их великого приключения. Поклявшись вернуться тогда, когда в Амасии созреют прославленные золотые яблоки, Митридат отправился дальше, по реке Ирис, остановившись в другой крепости своего отца — Дадасе, расположенной на высоком утесе над деревней Газиура. Из Газиуры дорога вела на запад, к Зеле, которую защищала еще одна крепость — Скотий. В Зеле был большой храмовый участок, основанный несколькими столетиями раньше скифскими кочевниками: он был посвящен персидской богине Анахит. Если мальчикам из Синопы повезло и они прибыли во время ежегодного праздника, то они, наверное, смогли присоединиться к толпам опьяненных мужчин и женщин, одетых в скифские платья — вязаные штаны с узорами в виде зигзагов, кожаные туники и шапки с кисточками, — и, как говорил Страбон, они «обезумели от пьянства».

После Зелы мальчики вернулись на восточную дорогу, пересекли мост над Ирисом, чтобы посетить и другие крепости в Дазимоне и Талавре. Отсюда они могли заехать на юг, к реке Галис, направляясь в Каппадокию. При каждой личной встрече с полководцами своего отца Митридат получал их заверения в поддержке и обеспечивал свой контроль над своим наследством. Клады монет и сокровищ, спрятанные в каждом из этих фортов, окажутся очень важными для Митридата в грядущие годы^[141].

Люди башен

Когда листья начали становиться багряными и золотыми, Митридат повел свой отряд на север, к ласковому морскому берегу: это было прекрасное место для того, чтобы провести там первую зиму.

Дорога пролегла мимо Кабиры, укрепленного дворца древних царей Понта. Расположенное в стратегической точке на реке Ликос, это место, отличавшееся дикой красотой, легкое для обороны, произвело огромное впечатление на юного Митридата. Страбон отметил, что дворец был окружен густо поросшими лесом горами, где водилось множество дичи.

Одним из самых впечатляющих мест вблизи Кабиры был источник на высокой скале над рекой в нескольких милях к северо-западу, который струился круглый год. Источник бил мощным водопадом, который катился каскадом по отвесной скале в глубокую пропасть внизу. Рядом с укрепленной царской резиденцией в Кабире было и большое святилище, посвященное анатолийскому лунному богу Мена и лунной богине Селене. В храме, основанном Фарнаком I, цари Понта традиционно приносили свои священные клятвы, призывая Мена и моля даровать им здоровье, безопасность и процветание. Синопских юношей восхитило изображение бога, который держал дротик, сидя на коне; за плечом у него был молодой месяц^[142].

Из Кабиры Митридат мог решить поехать непроезжей извилистой дорогой по горам к Черному морю. Страбон описывает эту область с ее стадами газелей и полями зерна, виноградом, грушами, яблоками и орехами; их было так много, что человек мог собирать себе плодов на пропитание круглый год. Страбон даже говорит о глубоких коврах мертвых листьев, на которых путники могли устроить себе ночлег. Продолжая странствие по узкой прибрежной дороге к востоку, всадники из Синопы повторяли путь, по которому прошел Ксенофонт и его 10 тысяч греческих наемников, а также сам Ясон и аргонавты. Исследовав скалистый берег, группа нашла скрытые пещеры, куда заходили пираты, грабившие черноморские берега. Дорога исчезала, переходя в каменистую тропку в дальней хоре Трапезунда — города с великолепной гаванью. Из Трапезунда дорога шла к югу, через перевал Зигана в верховья реки Евфрат и в Армению. На северо-восток отсюда лежала Колхида — «легендарная земля золота, ядов и колдовства». Вдали высились неприступные Кавказские горы, а за ними — бескрайние степи Скифии^[143].

Когда их кони пробирались по прибрежной тропинке, Митридат заезжал в крепости в Сиде, Фабде, Хабаке и Фарнакии. Здесь жители

деревень зарабатывали себе на жизнь, добывая серебро и цинк и ловя тунца. Визит юного царя был огромной честью для каждой деревушки: селяне чествовали царскую охоту рыбой, хлебами и вином. Тремястами годами ранее Ксенофонт и его армия были столь же гостеприимно приняты предками жителей. Когда Митридат и его друзья прибыли в Трапезунд, они, наверное, вспомнили, как воины Ксенофонта, тосковавшие по дому, кричали от радости, наконец увидев здесь Черное море.

В ходе этих путешествий Митридат познакомился со своими будущими подданными, с природными ресурсами и географией своего царства, с его плодородными долинами, гаванями и крепостями в величественных горах. Он и его юные спутники столкнулись с опасностями и трудностями; они всегда были настороже: им угрожали и внезапные бури в горах, и множество видов диких змей, и свирепые волки, кабаны и медведи. Другой опасностью были изолированные народы и их смертельные травы. В горах Понта и Армении, где было множество шахт, где добывали серебро, цинк, олово и железо, обитало множество «странных первобытных народов» — париадры, санны, бизеры, керкиты и мосинеки (назовем лишь некоторых из тех, кого перечисляет Страбон). Митридат с его способностями к языкам мечтал встретиться с этими экзотическими народностями и проверить, удастся ли ему объясниться с ними. Местные шаманы должны были знать редкие яды и тайные противоядия. Может быть, лучники откроют тайные рецепты ядовитых стрел? Ядовитая чемерица, белладонна и голубой аконит пышным цветом цвели в долах и на склонах гор. Путешественникам нужно было быть уверенным, что их лошади не наедятся этих ядовитых трав. Митридат тщательно собирал образцы, делал заметки о свойствах растений и противоядиях.

Мальчишки, наверное, и раньше уже экспериментировали со стрелами, наконечники которых были намазаны чемерицей: ими пользовались галлы и другие племена для охоты на кроликов. Эта техника прекрасно работала, если только быстро срезать отравленное мясо с раны. Галлы носили с собой противоядия на тот случай, если сами поранятся стрелой (как и скифы). Митридат надеялся однажды встретиться и с соанами — племя в дальней Колхиде, которое славилось своим ядом для стрел. Страбон писал, что один

чудовищный запах соанской стрелы, пролетавшей мимо головы, мог убить человека!

Мосинеки («племя башен») были, как и все горцы, «совершенно дикими» и даже «превосходили в этом смысле прочих» (по крайней мере, так считал Страбон). Они питались каштанами, маринованной рыбой и мясом диких зверей; «люди башен» выдалбливали из дерева каноэ, сражались деревянными боевыми топорами и копьями и строили на деревьях дома на помостах в густых лесах рододендронов на горных склонах у моря. Ксенофонт, который провел свои 10 тысяч воинов через их территорию, сообщает, что это племя выбирало «царя», который должен был играть роль судьи. Это «царь» был пленником на самом высоком помосте. Если его суждения людям не нравились, то племя могло уморить его голодом. «Люди башен», как рассказывал Ксенофонт, любили заниматься сексом прилюдно, и на бледной коже мужчин и женщин (и даже детей!) было множество татуировок: «Они были покрыты разноцветными узорами из всевозможных красивых цветов». Люди башен с враждебностью встречали чужаков и были печально известны тем, что нападали на ничего не подозревавших путников, спрыгивая на них сверху, как обезьяны-убийцы, из своих башенок-«мосин». Наверное, именно так Митридат и его друзья познакомились с ними. Каким-то образом Митридату удалось привлечь на свою сторону этих воинственных людей: «племя башен» оказалось важным союзником в последних Митридатовых войнах^[144].

Когда пришла весна, «пропавшие мальчики» из Синопы повели своих коней по «американским горкам» в горы и исчезли в холодных горных лесах, где последние снежинки осыпались с вечнозеленых ветвей. Вопя от восторга, подростки отпраздновали первую годовщину своей свободы, когда они стали жить своим умом — как Робин Гуд и его веселые стрелки в Шервудском лесу. Они с нетерпением ждали будущего, бросая вызов любым властям, которые могли быть связаны с предателями, оставшимися в Синопе, и планируя свое триумфальное возвращение.

Жуя миндаль, фисташки, каштаны и сушеные фиги, которые они собрали в нижней части нагорья и подражая суровому образу жизни старика Диогена, жившего на «подножном корму», мальчики срезали нежные зеленые ростки весной и летом. Вспоминая о том, как юный

Кир наставлял своих спутников несколькими столетиями раньше в Персии, Митридат заявил, что чистая ледяная вода из растопленного снега — лучшее средство для утоления жажды и что сама земля — самое лучшее ложе. Золотые груши, *dziran* (абрикосы) и сливы созрели за несколько месяцев. Уходило лето, и юноши с удовольствием ели дикие вишни, которые растут в Понтийском царстве и в степях, и сушили их впрок. Отряд Митридата, может быть, встречался с селянами, которые учили их, как делать из молока кобыл творог с помощью вишневого сока и получить освежающий сбродивший напиток, так нравившийся скифским кочевникам. Вишня как будто бы облегчала тяготы их энергичной жизни на природе — и действительно, вишневый сок приносит облегчение от мышечных болей.

Проходили недели, месяцы, а потом и годы. Отряд Митридата охотился на зайцев, газелей, диких козлов, оленей, вешая трофеи своих охот на ветви деревьев, как приношение местным богам. Рыбалка в древних озерах и реках помогала им разнообразить стол. Юноши постарше показывали свою ловкость: они делали искусственных мушек — наживки, искусно привязывая перья к рыболовным крючкам: это была новая техника, изобретенная в Греции столетием раньше. Однажды охотники даже убили понтийского бобра и поспорили, что съедят яички, которые якобы укрепляли мужскую силу. Все опасались диких львов и медведей, которые все еще бродили там — совсем как в славные дни Геракла^[145].

Опасные досуги

Мальчики набирались уверенности и ловкости и начинали искать более опасной дичи. Самые опытные охотники хвастались тем, что брали свирепых диких кабанов. Охота на кабана была обязательной проверкой на мужественность в Македонии при Александре: только тот, кто лично убил кабана копьем (без сети), считался настоящим мужчиной. Вспоминая о великолепных кабаньих охотах мифических героев Греции (и одной героини — Аталанты), юноши задавались вопросом: неужели правда, что чем больше злится кабан, тем горячее его клыки? Старые охотники говорили, что раскаленные клыки могут опалить шерсть охотничьих собак.

Ксенофонт рассказал о том, как греки охотились на кабанов. Размахивая 9-футовыми (3-метровыми) боевыми копьями с 15-дюймовыми (40-сантиметровыми) лезвиями, снабженными перекрестьем (чтобы насаженный на копье зверь не смог приблизиться к охотнику), Митридат и его друзья, возбужденно крича, преследовали зверя, пока не загоняли его в угол. Осторожно мускулистый, отважный царевич подходит к зверю. Если он промахнется, то отчаявшийся зверь нападет: тогда обольются кровью и люди, и псы. Митридат убивает зверя точным ударом копья, и в этот вечер его отряд ест царский ужин^[146].

Однажды ранней весной близ Трапезунда, оставив своих новых друзей, «людей башен», отважные путники проехали через пышные заросли фиолетовых, розовых и белых цветов рододендрона. Они узнали, что ядовитый сок этих деревьев делает стрелы смертоносными. Вдоль извилистой тропинки в лесу они заметили множество ульев диких пчел; восковые соты сочались соблазнительным медом. Митридат, не перестававший думать о токсикологических экспериментах, вспомнил предупреждения «людей башен» — не есть мед в этих прекрасных лесах. Но что за «вкусный» парадокс — сладкая отравка! Внезапно он понял, почему вся греческая армия Ксенофонта внезапно лишилась сил и не могла встать три дня после того, как греки вкусили дикий мед Трапезунда. Ксенофонт пишет, что для него было загадкой, почему все его люди распростерлись на земле, оказавшись совершенно беззащитными в незнакомых местах.

Рис. 4.5. Юноши за охотой на кабана. Пьяцца Армерина, Сицилия. Scala/Art Resource, N. Y.

Митридат порадовал своих друзей мрачным описанием у Ксенофонта мощного воздействия нектара рододендрона^[147]. Мальчикам стало любопытно, и они решили познакомиться с предметом поближе: мед оказался жидким и текучим, красноватым, горьковатым — ничего похожего на золотистые медовые пироги, которые подавали на пирах в честь дня рождения у них дома. По пальцам у них течет темная жидкость. Слегка попробовали — кончик языка защипало... Митридат бросает друзьям вызов на адское соревнование. Он будет судьей. Кто сможет съесть больше этого меда, и у него при этом не будет заплетаться язык, не будет спотыкаться, как пьяный, не обделает штанов и, наконец, не умрет?

Несомненно, были и другие состязания: Митридат хладнокровно увеличивал свои научные знания о ядах и противоядиях, а молодые люди проверяли свою доблесть. Они получали уроки верности, работы в команде, доверия и лидерства, а также практические знания. Насколько далеко можно выстрелить стрелой или метнуть дротик? Сколько стадиев (8 стадиев = ок. 1 мили) можно проехать за день? Кто

может вынести больше укусов шершня? Какое самое лучшее лекарство от укуса змеи? Как быстро ты побежишь, когда за тобой будет гнаться разъяренный медведь? Состязания показали, кто лучше всех читает стихи Гомера, цитирует поэзию, борется, сражается в тренировочном бою, лучше плавает. Мальчики на спор бегали, устраивали скачки и бесчисленное множество других состязаний на спор.

Храм любви

Это был отряд энергичных и спортивных мальчиков-подростков: они радовались своей свободе, искали опыта и приключений. Какова была их сексуальная жизнь во время этих лет, которые они провели наедине друг с другом? Некоторые из юношей в этой группе были парами любовников — в традиционном стиле греческой аристократии. Другим нравились бисексуальные отношения, что напоминало хорошо известные наклонности Александра Великого и его македонских товарищей, а также многих римских аристократов эпохи Митридата. Однако у персов таких традиций не было, если верить греческому историку Геродоту: он считал, что персы научились терпимому отношению к гомосексуализму у греков. Римские историки отмечали (с удивлением, учитывая, что у них были учителя-греки), что Митридата привлекали только женщины, но никогда — мальчики или мужчины. Другие юноши его круга, возможно, разделяли эту интересную «причуду»^[148]. Однако где же молодой Митридат и его друзья находили сговорчивых девушек в сельской местности Понта?

На пирах своего отца Митридат, Дорилай, Гай и их школьные товарищи, конечно, слышали, как мужчины хвалятся своими сексуальными подвигами в некоторых печально известных храмовых святилищах Анатолии. Они были посвящены культам ближневосточных богинь любви (Милитты, Ма, Энио, Анахиты и Беллоны). В богатых храмовых комплексах были обширные участки священной земли, и там служили тысячи жрецов, жриц и рабочих. В Понте верховный жрец обладал огромной властью: единственным, кто стоял над ним, был царь, назначивший его.

Рис. 4.6. Юноши с длинными волосами. Позднеллинистическая бронзовая статуя из Понта, которую считают изображением Митридата. Обратите внимание на сходство головы и «львиную» прическу на эллинистическом портрете Александра на монете (рис. 5.2). Sothebys, Werner Forman / Art Resource, N. Y.

Огромное богатство храмам приносила священная проституция — хорошо известная, но малопонятная нам древняя практика. В Понте, Каппадокии, Армении, Вавилоне, Лидии и некоторых других древних культурах было обычаем, чтобы молодые женщины вступали в сексуальные отношения с посторонними людьми в храме до того, как выйти замуж. Они дарили заработанное ими серебро богине.

Самым прославленным из этих «храмов любви» была Комана Каппадокийская и Комана Понтийская. Историк Диодор описывал визит в Коману Понтийскую как приятное и веселое развлечение, а не торжественный религиозный ритуал. Еще будучи в Синопе, Митридат и его друзья мечтали, когда в один прекрасный день навестят этот «сад

земных наслаждений», и воображали, как их приветствуют стайки прекрасных девушек, жизнь которых посвящена тому, чтобы наслаждаться священным сексом с проходящими мимо странниками. Говоря цветистыми словами эпикурейского философа Лукреция, современника Митридата, который писал о любви и страсти:

К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность
Начало семя, в тот день, лишь в членах оно созревает,
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя
Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих.
Тут раздражаются в них надутые семенем части,
Так что нередко они, совершив как будто, что надо,
Вон выпуская струю изобильную, пачкают платье^[149].

А теперь у юношей появилась возможность осуществить свои мечты! Главный жрец в Комане Понтийской, в живописной долине реки Ирис был назначен отцом Митридата. Второй после самого царя, жрец мог знать множество тайн и мог оказать множество услуг и получить множество в ответ. Здесь Митридату представился уникальный шанс соединить приятное с полезным. Самое близкое доверенное лицо — родственник или близкий друг убитого царя — мог принять Митридата как своего нового монарха. Итак, ведомый тем, что Лукреций назвал «дикой похотью», которая приходит с «тою порою, когда возмужалое тело окрепло», Митридат и его друзья (по крайней мере, это вполне разумно предположить) не раз посещали сады Команы за те годы, что провели сами по себе.

То, что происходило в Комане, не выходило за пределы Команы. Однако перевод с латыни скромного, вполне научного описания идеального сексуального акта, описанного Лукрецием, передает то, что Митридат переживал во время этих свиданий в Комане:

...Ведь и в самый миг обладанья
Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит
влюбленных...
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.

И уж Венеры посев внедряется в женское лоно...

Многие древние авторы описывают обычаи этих храмов. Судя по всему, молодые особы могли отказываться от предложений и выбирать партнеров себе по вкусу, приглашая тех, чей статус и физические данные соответствовали их собственным. Мы можем представить себе, что Митридата и его юных аристократов — богатых, красивых «чужестранцев», которые, как известно, весьма щедро дарили серебряные монеты, — встретили с радостью^[150].

Общий опыт в Комане усилил связь между Митридатом и его другом Дорилаем. В какой-то момент Митридат обещал Дорилаю, что, как только ему удастся снова обрести власть над своим царством, он назначит его верховным жрецом Храма Любви.

Деревенские уроки

Жизнь в близости к природе, наблюдения за растениями, животными, насекомыми, птицами и рептилиями, нравилась Митридату. Как и Александр, он очень интересовался естественной историей и обладал умом экспериментатора. Например, обнаружение саламандры под гниющим деревом, когда собирали топливо, могло плохо кончиться для амфибии. Какой мальчик мог устоять перед тем, чтобы не проверить народные поверья, окружающие саламандру? Неужели они действительно огнеупорны? Сушеные шкурки «саламандр» использовали в древности, чтобы хранить наиболее ценные царские драгоценности. Торговцы в Синопе показывали целые простыни серой волокнистой «шерсти», которую якобы сбрасывали саламандры в дальней Индии (на самом деле это был природный асбест из Таджикистана). Якобы неуязвимость саламандр перед огнем могла зачаровывать юношу, который мечтал приобрести личную неуязвимость перед ядами и стать непобедимым. Митридат вспоминал утверждения наставника Александра, Аристотеля, что саламандры могут не только проходить через огонь, но и фактически его тушить. Если Митридат экспериментировал с саламандрами в огне, возможно, ему удалось доказать, что Аристотель ошибался. Мальчики могли

проверять и другой фольклор о саламандрах — они были ядовиты, однако их мясо, смешанное с медом, считалось афродизиак^[151].

Беседы у костра часто обращались к военной истории и тактике. Например, какие вещества лучше всего защищают деревянные осадные машины, каменные стены и палисады от горящих стрел или пылающей нефти? Некоторые военные эксперты рекомендовали пропитывать стены и осадные машины кислым вином (уксусом) в качестве защиты от огня. Уксус действительно задерживает огонь. Однако Митридат, вспоминая кампании Ганнибала против римлян, мог указать на то, что пропитанные уксусом камни могут треснуть и развалиться, если во время атаки огнем они перегреются. Все были согласны в том, что квасцы (если бы можно было импортировать достаточно этого редкого минерала из Египта или Сирии) были гораздо лучшим средством борьбы с огнем для военной обороны.

В течение всех этих лет, проведенных вдали от Синопы, Митридат и его друзья могли без перерыва продолжать свое образования, читая эпическую поэзию, обсуждая историю, споря о философии и читая книги. Новая техника переплета пергамента (бараньей кожи) в форму книги была изобретена в Пергаме примерно пятьдесят лет назад, чтобы заменить египетские свитки папирусов. Эта технология позволяла молодым аристократам носить с собой прочные, компактные издания их любимых книг. Книги на пергаменте также позволяли Митридату вести письменные записи своих научных исследований во время всех его путешествий и кампаний^[152].

Митридат знал, что Александр Великий бережно хранил свою копию «Илиады» Гомера с примечаниями его учителя Аристотеля. Даже во время военных походов Александр держал свиток рядом с кинжалом под своей постелью. Победив Дария III, Александр стал хранить «Илиаду» в богато украшенном ларце, одном из самых драгоценных сокровищ персидского монарха. Можно представить себе и то, что понтийский царевич копировал Александра и в этом и держал своего собственного Гомера в таком же драгоценном ларце — может быть, найденном среди наследства Дария I^[153].

В эпосе Гомера о первой «мировой войне» между Европой и Азией Митридат нашел захватывающие описания троянцев, которые защищали Анатолию от греческих захватчиков. С точки зрения Митридата, сопротивляться тем, кто вторгся с Запада, пришел в Азию,

чтобы грабить и захватывать добычу под предлогом возвращения похищенной супруги царя, — это дело справедливое и правое. Представьте себе презрение Митридата, когда его учителя в Синопе рассказывали ему, что невежды римляне на самом деле верят, что они происходят от великолепных троянцев из Анатолии.

Как и его персидские предки, у которых были собственные переводы «Илиады», Митридат оценивал эпос с точки зрения троянского царя Приама. Он знал, что Ксеркс совершил особое путешествие в Трою (в 480 г. до н. э.). Ксеркс взобрался на каменную лестницу самой высокой башни цитадели Приама, и его маги принесли в жертву духам троянских героев тысячу коров. Александр тоже посетил Трою и совершил возлияние греческому герою Ахиллу. Митридат надеялся однажды увидеть Трою, чтобы подивиться гигантскому бронзовому оружию троянского героя Гектора и арфе, на которой играл Парис. Царственный турист мог примерить и огромный бронзовый шлем Аякса и даже прикоснуться к великанским костям древних воинов.

Как и Ксеркс, Митридат, наверное, воображал царя Приама в его башне, наблюдающим за многоязычными войсками союзников Персии со всего Причерноморья и далее. Армии Приама собирались на равнине под горой Ида, на кургане царицы амазонок Мирины. Родные земли союзников Приама для древних греков были на краю света, и те называли их варварами. Но их имена, которые перечисляет Гомер, должны были для Митридата звучать удивительно знакомо. Там были пафлагонцы из дикой страны коней и скифские кочевники-лучники, чьи колчаны ершились ядовитыми стрелами, скакавшие на сильных степных малорослых лошадях. Опытные лучники прибыли из Понта, к ним присоединились воины Вифинии и Лидии, сиявшие золотыми доспехами. Таинственные провидцы из восточных земель стояли бок о бок с одетыми в бронзу воинами Карики, где будущее предсказывали птицегадатели. Отряды из изобиловавшей пещерами Каппадокии и богатой серебром Мисии и даже из дальней Армении прислали своих воинов, чтобы помочь защитить Трою. Наконец прискакал отряд амазонок, которыми командовала прекрасная царица-воительница Пенфесилея. Ей суждено было сразиться с самым могучим Ахиллом. Когда амазонки присоединились к массам пришедших издалека племен, собравшихся на троянской равнине, среди клубящейся пыли и

звона копий и стука конских копыт зазвучал крик воинов, «различный язык разноземных народов союзных». Однако троянцам удалось объединить все эти рассеянные племена ради единого дела — защиты Анатолии^[154].

Собственные земли Митридата были полны романтическими преданиями об амазонках. По всей стране были разбросаны курганы амазонок-воительниц; считалось, что амазонки основали многие анатолийские города, в том числе и Синопу, Амасию, Амастриду и Фемискрию на Понте, а также Эфес, Митилену на Лесбосе, Смирну, Приену, Кимы, Питану, Магнесию, Фиатиру, Амазонион и Мирину. Величайшие герои греческих мифов сражались с воительницами с Востока и влюблялись в них. Даже сами Кир и Александр встречались с волевыми царицами амазонок. Митридат, наверное, наизусть знал все эти истории. Такие независимые женщины древним грекам были чужды, однако в мире Митридата царицы были могущественными властительницами — как и его мать и сестра. Свирепые женщины-воительницы существовали не в фантазиях, а в реальной жизни. Среди воинственных сарматов, аланов, скифов, сиргиннов, массагетов и других кочевников, обитавших в Причерноморье, мужчины и женщины вступали в поединки перед браком, а женщины ехали на битву наравне с мужчинами. Углубляясь дальше в восточные земли, Митридат и его друзья поддразнивали друг друга — вот бы встретить целый отряд юных и независимых всадниц. Может быть, они бы согласились путешествовать вместе с юношами как отряд равных — совсем как в романтической истории о молодых скифских охотниках и воительницах-амазонках, которые объединились и стали племенем сарматов (про это рассказывают Геродот и Юстин)^[155].

Легендарную армию Приама превосходила армия Ксеркса. Геродот (родившийся в Карию в годы персидского правления) развернул перед читателями красочную панораму: миллионные войска Ксеркса, собранные с разных концов Персидской империи. На экзотическом параде множества воинов Ксеркса на равнине у каждого отряда были особые доспехи и оружие, характерные для их родины. Потрясая саблями, копьями, мечами, отравленными стрелами, колчанами, сделанными из дубленой кожи врагов-людей, они ехали на колесницах с серпами, боевых конях и боевых верблюдах^[156]. Царь Дарий командовал столь же разнообразным и обширным войском

персов и союзников, чтобы сражаться с Александром. И, как и царь Приам в «Илиаде» и великие персидские цари, Александр также нанимал воинов разных национальностей из дальних и таинственных стран, до самого Афганистана и Индии. Читая про эти разнообразные армии в мифе и истории, юный Митридат мог представить свою собственную многоязычную армию в будущем, набранную в тех же самых чудесных землях, которые описывали Гомер, Геродот и Ксенофонт.

Путь домой

Иногда до сельской местности долетали новости о римлянах, и Митридат создавал свою собственную сеть информации. Он знал, что римские работорговцы и сборщики дани кормились в Западной Анатолии, и слышал сообщения о конфликтах его матери с римлянами. По мере того как росло расстояние между ними и Синопой, Митридат и его отряд могли открыть людям, кто они на самом деле. Слухи о том, что Митридата где-то видели, наверное, просачивались обратно, к его матери и ее партии, и даже доходили до римлян в Пергаме. Возможно, Митридат хотел, чтобы часть этих новостей дошла и до его сторонников в Синопе — чтобы предотвратить любые попытки распространения его матерью слухов о том, что он уже мертв. Народные предания о его подвигах возвысили репутацию царя, в то время как его отряд оставался неуловимым и всегда был в дороге.

Люди на Востоке помнили две удивительные кометы и древние пророчества магов. Мужчины и женщины передавали из рук в руки мелкие монеты, на которых было отчеканено имя Митридата и его кометы каждый раз, когда шли на рынок. Они были в восторге, когда им удавалось лично встретиться с изгнанным царем или услышать удивительные слухи о нем и его отряде юных воинов: они-де путешествуют по Понтийскому царству и набираются сил. Наверное, ходили рассказы о приключениях красивого молодого царя с романтическими деталями про его подвиги и высказывания. Понт так и ждал того дня, когда Митридат VI Евпатор, царь-спаситель, выйдет из своего укрытия и начнет править — совсем как божественный герой Митра, явившийся из темной пещеры в потоке ослепительного света.

Размышляя о всем том, что он узнал за годы, проведенные вдали от Синопы, Митридат — наверное, теперь ему было лет восемнадцать — двадцать — чувствовал гордость, смешанную с беспокойством. Он знал, что Александр захватил трон Македонии в возрасте 20 лет. Будущее царства Митридата не давало ему покоя: он устал думать об убийстве отца и предательстве царицы. Остался ли его младший брат тем же безвольным мальчиком, которым командует расчетливая мать? Может быть, и его сестры тоже подпали под ее влияние? Негодование по поводу римского разбоя в Азии воспламеняло идеалистическую преданность всему истинному и светлому. Митридат чувствует себя сильным, непобедимым: ему не терпится приступить к делу. Его друзья согласны с ним: время захватить власть, время наказать порок, время исполнить пророчества, ниспосланные богами.

Глава 5.

Возвращение царя

Митридат и его друзья едут в Синопу: они пожинают плоды лет, проведенных в деревне. Теперь Митридат стал уверенным в себе юношей: он заставил быть преданными себе командующих крепостями, местных вождей и народ Понта, как и воинственные племена в дальних областях.

Древние источники говорят только одно: Митридат вернулся в Синопу и вернул себе трон. Мы можем только попытаться представить, как на самом деле произошли эти события. Когда Митридат направлялся домой, примерно в 115/114 г. до н. э. военнoслужашие гарнизонов и вооруженные отряды, видимо, присоединились к его первоначальному отряду: их воодушевляла миссия юного царя — отомстить за убийство отца. Это скромное ополчение, состоявшее из людей всех слоев общества со всех концов Понта, было предвестником больших армий, которые соберет царь в грядущих войнах с Римом. Это была первая демонстрация удивительной привлекательности Митридата как для элиты, так и для обычных людей разного происхождения.

Слухи (или тайные сообщения) могли подготовить некоторых к возвращению любимого монарха. Затем однажды утром благородные спутники Митридата въезжают в Синопу под руководством Дорилая. Юноши излучают уверенность. Толпа в восторге: граждане узнают давно потерянных мальчиков из знатных семей. Волнение возрастает: стражи на стенах видят приближающуюся армию. Митридат на великолепном коне наконец появляется в воротах города.

Граждане видят своего правителя, высокого, мускулистого: его красивое лицо обрамляют темные волосы, похожие на львиную гриву — в стиле великого Александра. Величественный рост Митридата, его мощное сложение и уверенность к себе впечатляли. Его цвет лица мог быть заметно бледным — от небольших доз мышьяка^[157]. Это свечение, прозрачность могли отделять его от спутников, которые

загорели от жизни на природе. Для тех, кто помнил предсказания оракулов, божественные молнии и яркие кометы, внезапное явление Митридата должно было напоминать образ долгожданного царя-спасителя, явившегося в ореоле света.

Переворот был бескровным: мать царя и ее приспешники почти не сопротивлялись. Царица Лаодика умерла в тюрьме при таинственных обстоятельствах; Митридат Добрый не пережил ее. Некоторые источники утверждают, что Митридат убил свою мать и брата. Современные историки пытаются разобраться в «невозможно сжатой» и запутанной хронологии ранней карьеры Митридата^[158]. Как же именно он пришел к власти, нейтрализовал своих врагов и выбрал себе жену? Вот правдоподобный сценарий мести и первого брака Митридата: он принимает во внимание то, что известно нам из древних источников, и заполняет отсутствующие детали разумными предположениями.

Мы можем предположить, что Митридат уже начал организовывать свою сеть информантов, на которую, как мы знаем, он полагался, уже став царем. Эти источники сообщали ему о том, что происходит с его матерью и ее свитой, и о любых передвижениях римских чиновников. Его целью было организовать безболезненный переход власти. Логичным ходом было бы, чтобы неожиданное появление царя в Синопе совпало с отсутствием Лаодики.

Царица часто пребывала в своей новой столице Лаодикее — она принимала гостей в своей дворцовой вилле на озере Стифане и нежилась в горячих банях. Давайте предположим, что избалованный юный царевич — Митридат Добрый — должен был быть рядом с матерью, а маленькие сестры Митридата — Нисса, Роксана и Статира — остались с нянюшками в Синопе под охраной евнухов. Пока Лаодика скучала на «курорте», римляне в Синопу не приезжали. Править там должны были верные матери Митридата придворные во главе с его юной сестрой, царевной Лаодикой Младшей. Была ли она такой же умной и красивой, как запомнилось Митридату?

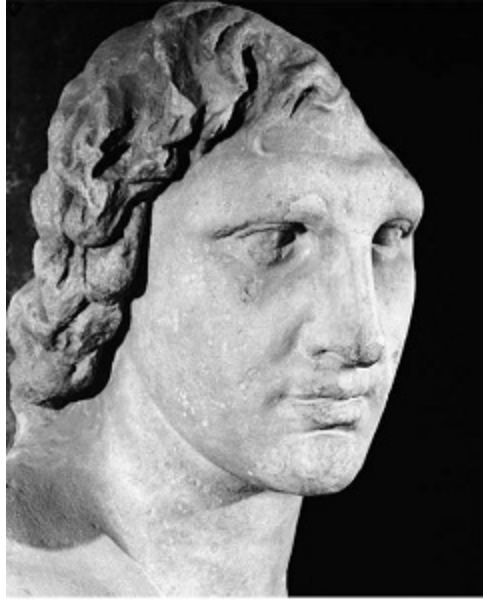

Рис. 5.1. Митридат VI Евпатор, большая мраморная голова (95 см высотой), обнаруженная в источнике Иноп вблизи памятника Митридата, Делос. Лувр, Erich Lessing / Art Resource, N. Y.

Настало время урожая яблок, и Митридат приказывает отправиться в Синопу. В Амасии он отправляет вооруженный контингент в Лаодикею. Охрана на вилле Лаодики считала ворон; Митридат уже знал, что защищать это место трудно. В ходе этой тщательно подготовленной «бархатной революции» его люди справились с охраной царицы и заняли замок Икизари и ее виллу. Лаодика и ее младший сын заперты внутри. В конце концов, было бы вполне уместно, если бы Митридат после возвращения на трон обеспечил «безопасность» своей матери, младшего брата и их друзей. Теперь царица Лаодика и ее приближенные стали пленниками своего золоченого дворца, пока Митридат совершает триумфальный въезд в Синопу.

Рис. 5.2. Слева — эллинистический бюст Александра. Много похожих копий были сделаны с кончины Александра в 323 г. до н. э. до эпохи Митридата, как и портреты на монетах. Справа — «львиный» портрет Александра на серебряной тетрадрахме, Македония, 90–75 гг. до н. э., выпущенной в период правления Митридата. Обратите внимание на большое сходство с бронзовой статуей, на которой, как считается, изображен Митридат: она относится к той же эпохе (рис. 4.6 на с. 116). Бюст: Александрия, Египет; Британский музей, GR 1872.5–15.1, фото Andrew Dunn. Изображение монеты предоставлено Joseph Sermarini, Forum Ancient Coins.

Запереть царицу на вилле должно было быть более умным шагом, чем публично бросить ее в тюрьму в Синопе. Но было бы опасным оставлять предательницу мать, ее слабовольного сонаследника и других врагов в живых, когда Митридат уже устанавливал свое новое правительство. Уволив поваров и царских дегустаторов матери, теперь Митридат мог устроить на ее вилле пышный пир. Мы можем представить себе, как он следит за приготовлением роскошных блюд; самые сочные фрукты, самые дорогие вина — и на десерт любимые медовые пирожки царицы.

Мышьяк — яд царей и царь ядов, — скорее всего, и был «секретным ингредиентом». Мышьяк — бесцветный, без запаха, без вкуса; его можно было добавить в любой напиток или блюдо. Митридат прекрасно знал, что достаточно всего лишь шестидесяти частиц на миллион (ppm), или же меньше одной десятой унции, — и кубок надушенной розовой воды или красного вина станет смертелен.

Но почему бы не позволить гостям его матери без помех наслаждаться этой роскошной «последней вечерей»? Митридат, вспомнив парадокс о ядовитом меде, наслаждается иронией: он создал сладко-горький десерт. Он размешивает порошок мышьяка в горшочке меда и брызгает им на сахарно-сладкие пирожки.

После десерта гости выходят полюбоваться закатом. В течение получаса царица и ее сын чувствуют на языке слабый металлический вкус. Капли пота сверкают на горячем лбу; они чувствуют тошноту и рези в желудке. Их рты наполняет слюна, но проглотить ее невозможно. Глаза приобретают странный красноватый оттенок. Внезапно царица и царевич начинают скрести ногтями горло, стеная и выплевывая слюну. После часа (или около того) тошноты и поноса мать Митридата и его единственный соперник извиваются в конвульсиях. Затем — шок. К полуночи оба мертвы.

Царь женится

На царских похоронах царицы и своего брата Митридат видит красоту и стать своей сестры Лаодики Младшей. Они практически незнакомы друг с другом: она была избалованной маленькой девочкой из детской, когда он последний раз видел ее; теперь ей шестнадцать или семнадцать. Если продолжить наш вероятный сценарий, то вообразим, что Лаодика обожала своего старшего брата Митридата — такого красивого, сильного, отважного. Жизнь была такой скучной, а правление ее матери — столь неприятным, когда его не было рядом. Как же ей его не хватало все эти годы!

Лаодика подсмеивается над ним: кого же ее брат возьмет в жены? Царь Митридат VI Дионис Евпатор должен завести себе настоящую царицу, а не просто гарем из легкомысленных красоток. Митридат вполне согласен. Новый властитель Понта должен выбрать достойную супругу. Она станет матерью его законных сыновей и обеспечит продолжение династии. Царская супруга должна быть совершенной, и ее родословная должна дополнять блистательное греко-персидское наследие Митридата. Кто же сможет выполнить эту роль? Наконец Митридат объявляет о своем решении. Царь Понта женится на своей собственной сестре, царевне Лаодике Младшей.

Выбор был неожиданным, но, скорее всего, никто не был шокирован. Египетские фараоны и македонские правители Египта всегда практиковали инцестуальные браки; двое царей Египта в период правления Митридата женились на своих сестрах. Митридат знал много таких пар при других эллинистических дворах: например, двоюродный дед Митридата Митридат IV (160–150 гг. до н. э.) женился на своей сестре, которую гоже звали Лаодика, а Антиох I, царь Сирии, женился на своей мачехе (280 г. до н. э.). В Армении Тигран IV женился на своей единокровной сестре Эрато (6 г. до н. э.). Брак между единокровными братом и сестрой царского происхождения был обычным делом в Древней Греции, а браки между царственными братьями и сестрами, у которых были общие отец и мать (*hvaetvodatha*), являлись древней зороастрийской практикой. Жениться на родственницах было общепринятым способом сохранить чистоту царской крови. Выбор Митридата, может быть, отражал и его знание «сценария» жизни мифического героя. Победив могущественного врага, традиционный герой женится на принцессе — часто на дочери своего врага или предшественника. Царевна Лаодика была и тем, и другим, и третьим^[159].

Итак, вскоре после того, как он потребовал себе корону (ему было около 21 года), Митридат женился на собственной сестре. Однако Митридат довел логику брака между братьями и сестрами до эксцентрической — и эгоцентричной — степени. Если ни одна другая семья не была достаточно знатной, чтобы породниться с такой выдающейся царской династией, тогда кто достоин жениться на его собственных сестрах? Только сам Митридат. А что будет, если у Лаодики Младшей не будет от него детей?

Чтобы контролировать генетическое наследие своей семьи и если ему понадобится позднее жениться на другой сестре, Митридат (как утверждают древние источники) решил оставить своих младших сестер — Ниссу, Роксану и Статиру — девами навсегда. У них никогда не будет потомков, которые могли бы беспокоить царя претензиями на престол. Старые девы были явлением в Античности неслыханным (если не считать жриц-девственниц). Как Рапунцель в своей башне, три сестры оказались в полном пожизненном заключении — но ни один принц из сказки так их и не спас. Решение запереть под замок младших сестер — одно из наиболее ранних указаний на жестокую и

расчетливую сторону характера Митридата. Как мы увидим, судьбы всех братьев и сестер Митридата окажутся печальными: они станут жертвами исключительной гордости и паранойи царя.

Царские причуды

Были и другие странности. Детские навязчивые идеи Митридата насчет непобедимости созрели и углубились. Как безумный царь Пергама Аттал, Митридат сажал ядовитые сады голубого аконита, полемонии («растение с тысячью свойств»), белладонны, белены и т. п. со своим греческим «знахарем» Кратеем (также уроженцем Пергама). Первый этноботаник, отец ботанической иллюстрации и собрат царя ядов по экспериментам, Кратей написал два влиятельных трактата, которые оказались среди сокровищ царя, привезенных в Рим после смерти Митридата. Автор «Естественной истории» Плиний Старший (23–79 гг. н. э.) описал эти, ныне уже утраченные, книги. Одна из них стала первой, куда вошли реалистичные цветные изображения сотен лечебных растений; другая представляла собой подробный учебник фармакологии. Митридат стал «первым, кто открыл множество различных противоядий», заметил Плиний, и «некоторые из этих растений даже носят имя Митридата». Кратей назвал несколько растений в честь своего патрона — например, розовую митридатию, растение из семейства лилейных — кандык (*Erythronium*) и посконник — *Eupatorium* с перистыми листьями^[160].

Кратей сотрудничал с царским врачом Папием и группой целителей. Древние авторы пишут, что Митридата всегда сопровождала группа шаманов из скифского племени, проживавшего к северу от Азовского моря, под названием «агры». Многим придворным эти шаманы должны были казаться страшными, но эти экзотические заклинатели змей знали, как превратить яд гадюки в лекарство (об этом приеме современная медицина узнала лишь недавно). Они также могли знать секреты ядовитых пластинчатых грибов, которые и получили свое название — агариковые, по области Агры в Скифии^[161].

Митридат держал целые стаи понтийских уток и кормил их ядовитыми растениями, которые им нравились, и сохранял утиные

яйца, кровь и мясо для своих экспериментов. Надеясь использовать их способность «питаться ядами», Митридат «примешивал к противоядиям кровь понтийских уток», как писал Плиний^[162]. Вполне вероятно, что медицинские сады Митридата находились в тайных местах в нескольких царских резиденциях. В его лабораториях, под бдительной охраной царь ядов мог хранить множество смертельных минералов и биотоксинов — ядов для стрел, кристаллизовавшихся змеиных ядов, иглы скатов-хвостоколов и медуз, скорпионов из Месопотамии и Ливии, ядовитую рыбу из Армении, ядовитые растения и грибы-поганки, мед с рододендронов, реальгар и другие токсичные пигменты — наряду с различными лекарствами-противоядиями со всего света.

Эти царские сокровища сильно отличались от тех, что собрали царственные предки Митридата. Они ценили такие вещи, как вода Дуная и египетский песок, чтобы показать всем огромные размеры своих царств. Однако персидские цари тоже держали у себя в сокровищницах экзотические яды. Другой римский натуралист, Элиан, описывал страшные — и редкие — природные биотоксины, которые можно было получить из Индии. Один яд, который извлекали из «пурпурной змеи» (*Azemiops*), был столь ядовитым, что капелька размером с зернышко сезама могла стать смертельной.

Самым дорогим индийским ядом был загадочный *dikairon*, который, как говорят, выделяла крошечная оранжевая «птичка», гнездившаяся в Гималаях. Нескольких зернышек дикайрона, как говорили, было достаточно, чтобы человек через несколько часов заснул навсегда, — идеальный яд для самоубийства. В другом месте я предположила, что дикайрон мог быть идентичен педерину, который выделяют большие оранжевые азиатские жуки-синекрылы; его часто находят в птичьих гнездах. Это один из самых мощных биотоксинов, известных современной науке, более мощный, чем яд кобры. Согласно Элиану, эта драгоценная субстанция «предоставлялась индийскими царями только царям Персии». Может быть, Митридат и его приобрел для своей «аптечки»?^[163]

Митридат коллекционировал научные трактаты о *pharmaka* и переписывался с учеными по поводу ядов и противоядий. Благодаря своим лингвистическим талантам он мог расшифровывать научные тексты на множестве языков — от древнеперсидского до санскрита.

Вполне возможно, что Митридат получил копии и древних индуистских текстов, таких как «Артхашастра» Каутильи, советника царя Чандрагупты — современника Александра. В этом руководстве было множество рецептов изготовления ядов и противоядий. Еще один индийский трактат — «Законы Ману» (500 г. до н. э.) не только советовал махараджам держать у себя на службе дегустаторов, но также советовал им «примешивать ко всем блюдам лекарства, являющиеся противоядиями против ядов»^[164]. Может быть, именно используя мысли древних индийцев, царь Аттал и Митридат «смешивали небольшие порции ядов с противоядиями», чтобы защитить себя и друзей? Мы этого никогда не узнаем, но именно Митридат приобрел широкую известность тем, что приложил научную методику к этому древнему принципу. Он без устали экспериментировал, чтобы усовершенствовать свое универсальное противоядие, и начал каждый день принимать лучшую микстуру, которую удалось до того времени придумать ему и его врачам.

Еще одной странностью был внешний вид Митридата. Он был одним из немногих эллинистических царей, носивших длинные волосы. Царь отрастил гриву кудрявых колос, которые напоминали прическу Александра. Это было также и мощным политическим заявлением. В то время длинные волосы у мужчин были чем-то явно неримским, атрибутом «варваров»^[165]. Царь сохранял привычку своей юности — носить старомодный царский персидский костюм — тунику с длинными рукавами из белого льна, обрамленную пурпуром, и штаны, присобранные на лодыжках. Митридат был ценителем агатовых колец, и его простая диадема из пурпурной и белой ленточки могла дополняться золотыми серьгами. И все знали, что Митридат всегда был вооружен — даже внутри своего дворца на пирах. Никто не мог не принимать во внимание его внушительный кинжал, который всегда был подвешен у него на бедре.

Митридат, наверное, предпочитал изогнутый кинжал в персидском духе или короткий меч (акинак — древнеперсидское *akinaka*, по-латыни *sica*), какой носили его иранские предки. Ксенофонт описывал короткий кинжал, который носил Кир Великий. Ко времени Митридата *sica* — сабля — стала ассоциироваться с пиратами и бандитами (римляне называли таких людей «сикарии»). Лезвие-полумесяц и сегодня напоминает нам о романтике «рыцарей

плаща и кинжала». Кинжал Митридат был, наверное, длиной 16 дюймов (40,6 см), заточен с обеих сторон, с короткой гардой и рукояткой, инкрустированной драгоценностями.

Рис. 5.3. Одежда Митридата в персидском стиле могла быть похожа на одеяния его современника Антиоха I, правителя Коммагены (69–43 гг. до н. э.) (слева). На гробнице в Немруд-Даге (современная Турция) он изображен в греческой и персидской одежде — персидская шара и корона, греческий плащ, туника персидского всадника, усыпанная звездами, персидские штаны. Он принимает символ власти из рук солнечного бога Митры-Ахурамазды; бог держит зороастрийский — «барсом» — пучок ростков мирта, он одет в традиционную фригийско-персидскую шапочку, украшенную звездами (этот «колпак свободы» стал в римское время символом свободы). Справа — царь Дарий I (VI в. до н. э.) в персидском «хилатс», или почетном одеянии, вышитом медальонами, в штанах и короне-тиаре.

Если вспомнить кольцо с тайным ядом, которое спасло Ганнибала от римского плена и казни, то Митридат, наверное, попросил своего мечника изготовить для него особую модель кинжала. Пишут, что головка рукоятки снималась и в ней было пустое отделение для яда.

Разукрашенные ножны свисали с богато расшитого пояса на правом бедре Митридата. Это было оружие, которым можно было колоть и пронзать, выхватив его из ножен во внезапной атаке. Широко известно, что Александр Великий лично убил двух врагов, имея только это оружие — такой вот кинжал^[166].

Царь носил кинжал, когда обедал с друзьями, и холодное лезвие покоилось под шелковыми подушками всегда, когда он спал или развлекался в постели с Лаодикой или одной из своих возлюбленных. Было у него, конечно, и другое личное оружие: страшные короткие ножи, которые можно было спрятать на теле, дротики для охоты и войны, а также лук и стрелы. Все видели, что лук и стрелы у Митридата всегда висели там, где он мог видеть их и дотянуться до них.

Все эти меры предосторожности, как и фобии по поводу ядов, отражали вполне оправданную потребность в самозащите, развившуюся у царя с детства. Ходившие в народе рассказы преувеличивали слухи о чрезмерной бдительности Митридата. Например, говорили, что царь был таким параноиком, что придумал дикую зоологическую «сигнализацию», чтобы защитить себя во сне. Сон царя охраняли олень, лошадь и бык. Их привязывали у палатки во время похода. Зверей-охранников натренировали, чтобы они улавливали дыхание любого, кто приближался к палатке, и тревожили царя громким сигналом тревоги — блеянием, ржанием и мычанием. Забавно представить себе такую картину, однако ничего неправдоподобного в этом нет — если вспомнить гогот шумных гусей, которые охраняли римский Капитолий^[167].

Когда царь был еще младенцем, молния сожгла колыбель Митридата, оставив шрам у него на лбу. В начале своего царствования он пережил еще один удар молнии. На сей раз тот попал в его колчан, висевший у ложа, и сжег стрелы. Призвали царских провидцев. Если верить Плутарху, они объявили, что это весьма счастливое предзнаменование, которое говорит о том, что его лучники одержат впечатляющие победы^[168].

В изгнании Митридат разрабатывал стратегии, как правитель Понта. Первым приоритетом было восполнить ущерб, нанесенный его матерью военной мощи и экономической независимости Понта. Следующим шагом было восстановление и расширение территории и статуса, которые принадлежали его отцу. Царь должен был избегать того, чтобы превратиться в римского сателлита. То, что сенат вывел Великую Фригию из-под контроля Понта (116 г. до н. э.), взбесило Митридата. Как же они осмеливаются брать то, что принадлежит Понту — официальному другу Рима?

Путем хитрых дипломатических ходов, интриг и разумного применения военной силы Митридат планировал укрепить союзы и распространить свое влияние на весь регион Черного моря. Римская военная политика была нестабильна: в Италии были гражданские беспорядки и восстания рабов, в Германии, Испании и Северной Африке — кризис; все это требовало военного вмешательства. Митридат хотел сделать свое царство Великий Понт достаточно мощным, чтобы противостоять агрессивным предателям — римлянам. Но все это нужно было проделать не привлекая их внимания.

Может быть, ему удастся убедить Рим поделиться властью, удовольствоваться гегемонией на Западе, в то время как он, Божий помазанник царь Митридат, будет править Востоком? Другие могучие лидеры до Митридата — Ганнибал, Антиох Великий, Югурта — пытались договориться с Римом или вести себя с ним на равных, или, по крайней мере, добиться какого-то равновесия, однако других сверхдержав рядом с собой Рим не терпел. Однако, наблюдая за кризисами, охватывавшими Римскую республику со своей «колокольни» в Понте, Митридат надеялся убедить римлян, что в их интересах — уйти из Анатолии, ограничить свою империю тем, чем они уже владели в Западном Средиземноморье, в Европе и в Северной Африке, в то время как он — законный наследник великого Македонско-Персидского царства — правил бы Грецией, Причерноморьем и Ближним Востоком.

Начало царствования Митридата было отмечено целым рядом быстрых и блестящих завоеваний. Точная хронология — спорный вопрос, но в пределах первых двух десятилетий Митридат утроил территорию Понта, завоевав важные ресурсы и союзников. Он укротил «диких» скифов и вмешивался в дела царств по всему

Причерноморью, контролируя их или заключая с ними союзы. Древние источники зафиксировали несколько исторических событий, но мы можем лишь догадываться, как именно они развивались. Как же, например, Митридат смог избежать недовольства Рима своими действиями и обратить их реакцию себе на пользу? Как же он смог вынудить римлян выступить в роли агрессора в то время, как он собирал силу и привлекал последователей? Каковы были его планы в дальней перспективе? Как он хотел организовать свое неизбежное противостояние с Римом?

Во-первых, Митридату нужно было узнать все, что можно, о недавней истории и нынешнем положении республики. Кто были самые могущественные люди в Риме — восходящие звезды на политическом небосклоне? Сколько войск Рим мог позволить себе разместить в провинции Азия? Какими их слабостями можно было воспользоваться? Мы знаем, что, прибыв в Синопу, Митридат призвал к себе советников отца и собрал шпионов, которые могли помочь ему оценить ситуацию по всему Средиземноморью. Его самым верным союзником был друг детства царя — Дорилай. Будучи офицером самого высокого ранга и главой царских телохранителей, Дорилай был ключевым членом группы «друзей царя» — внутреннего круга из греков, анатолийцев, персов и иностранных союзников всех общественных рангов. Дорилай был также верховным жрецом Храма любви в понтийской Комане — весьма доходный и роскошный пост, который автоматически делал его вторым человеком в царстве.

Поврежденный портрет Дорилая, где были указаны его имя и титулы, был обнаружен французскими археологами в 1930-х гг. Это был один из двенадцати мраморных бюстов «друзей царя», которые были поставлены на памятнике Митридата на острове Делос. Несомненно, в центре стояла статуя Митридата. В XVIII в. сильно поврежденная мраморная голова и торс от статуи крупнее натуральной величины, изготовленной около 100 г. до н. э., были найдены в русле реки Иноп вблизи памятника Митридата. Идентификация идеализированного царя в металлической диадеме, закутанного в плащ, оставалась спорной. Теперь считается, что эта статуя изображает Митридата; черты лица сильно напоминают его портреты на монетах того времени (см. рис. 5.1)^[169].

По надписям внутри памятника археологи отождествили десять из двенадцати друзей и союзников, которым Митридат хотел обеспечить «рекламу». Фриз, состоящий из бюстов, уникален, поскольку это был первый публичный монумент древности, который изображал греков и персов (а также сирийцев и парфян) в роли коллег; он доказывал, что Митридат рано стал союзником Сирии и Парфии. Подписанные портреты (они могли быть реалистично раскрашены) изображали Дорилая, Гая (сына Гермеса), личного секретаря Митридата, сына Антипатра (его имя стерто), Пафия, сына Менофила (врач Митридата), Асклепидора с Делоса (отец жреца), Диофанта (полководец Митридата, покоривший Скифию), двух безымянных должностных лиц из Парфянского царства Аршакидов; царя Каппадокии Ариата VII (юного племянника Митридата, сына его старшей сестры Лаодики) и царя Антиоха VIII Грипа («Крючконосого»), последнего царя Сирии из династии Селевкидов. Грип был весьма интересной фигурой, и с Митридатом у него было много общего. Грип также еще в юности овладел искусством ядов (после того как его старший брат был отравлен его расчетливой матерью). Примерно в то же время, когда Митридат избегал заговоров своей собственной матери (ок. 125 г. до н. э.), Грип потребовал свой трон, обманом заставив мать выпить кубок яда, который она приготовила для него^[170].

Монумент Митридата, посвященный в 102/101 г. до н. э. от имени римского народа, Делоса и афинян, показывает, насколько популярен Митридат был в Греции. Он также считался «другом римского народа»: монумент включал статую самого Митридата, одетую (это невероятно!) римским легионером. Голова отсутствует, однако надпись говорит, что это Митридат. Статуя могла представлять собой тело массового производства в костюме легионера, на которое надели голову Митридата — обычный прием в ту эпоху, когда судьба «друзей» Рима менялась с каждой минутой^[171].

А тем временем в Риме

Хаотичные кровавые события последних десятилетий Римской республики — до, во время и после Митридатовых войн — подробно описывают современные историки, основываясь на множестве историй

и свидетельств древнеримских авторов. Поскольку мы находимся в Понте вместе с Митридатом и смотрим на все его глазами, полагаясь на его шпионов, информантов и советников и на их интерпретацию событий, этот раздел показывает, что именно царь мог знать о римской истории и текущих событиях, и выделяет значительных персонажей, которым было предназначено судьбой иметь дело с Митридатом^[172].

Среди культур, находившихся под влиянием греков и персов, Рим считался наглым и нецивилизованным выскочкой, опасным и могущественным, однако с бедной культурной историей; даже язык их казался грубым и негибким по сравнению с греческим. И самые худшие враги Рима не могли бы придумать более неприятной истории его происхождения. Митридат понимал, насколько легко обратить священный римский миф о свирепой *lupa* — волчице, которая вскормила Ромула и Рема, — в мрачную пропаганду против Рима. Если верить собственным мифам римлян, то дети волчицы были убийцами: Ромул убил своего брата, а первые римляне были агрессивными беглецами от закона и насильниками. Любой, кто знал латинский, мог пошутить на тему, что *lupa* — еще и жаргонное название проститутки.

В древности волков боялись, как кровавых расхитителей, убийц домашних животных. Враги римлян в Италии и провинциях часто цитировали древнюю поговорку: «Вы, римляне, посылаете охранять свои стада не собак или пастухов, а волков». Уже в V в. до н. э. местные жители Италии сравнивали римлян с бешеными волками. В более поздний период своего царствования Митридат вступит в союз с италийскими мятежниками, которые объявили войну римской волчице, поклявшись уничтожить ее «логово» — город Рим. Бунтовщики чеканили монету, где изображался италийский бык, поднявший на рога римскую волчицу. Археологи нашли и золотые италийские монеты, похожие на понтийские монеты Митридата, где был показан Дионис — намек на прозвище Митридата и символ мятежа против Рима^[173].

Митридат изучал римскую историю — конечно, с греческой и анатолийской перспективы. Эти взгляды можно разглядеть в писаниях Страбона, уроженца Понта. Страбон указывал, что римляне «расширили свою страну, расчленив другие» — эта политика вела к частым мятежам. Древнегреческие историки и философы, враждебные Риму, говорили, что если бы Александр остался жив, то не было бы никакой Римской империи; эта точка зрения, безусловно, повлияла на

Митридата. Он привлекал в свое окружение множество философов и государственных мужей, среди них были Пелопид, Ксенокл, Диодор из Адрамиттия и Метродор из Скепсиса (близ древней Трои). Изобретатель запоминающих устройств и блестящего нового риторического стиля, Метродор столь ожесточенно критиковал римлян, что его даже прозвали Мисоромеем, «ненавистником римлян». Митридат одаривал Метродора исключительными почестями, даже называл его «отцом». Метродора назначили чем-то вроде судьи Верховного суда, решения которого были независимы от решений царя. Речи Митридата включали в себя много черт, которые предполагают участие Метродора, «ненавистника римлян»^[174].

Митридат узнал, как римская монархия сменилась республикой, которой управляли патриции — аристократические кланы, получившие особую политическую власть при старых царях. В ранней республике бедные граждане несли на себе огромное бремя долгов, они теряли землю, им не хватало еды. Бедные плебеи — плебс — собрались в V в. до н. э. и создали свою организацию, своего рода параллельное государство, избрав трибунов, которые должны были улучшить их жизнь. Плебс получил некоторое облегчение от долгов, и ему даровали земли на новоприобретенных территориях. Получая все больше политической власти, некоторые амбициозные богатые граждане объединились с плебеями. Исключительные привилегии старых знатных семей начали приходить в упадок, что ускорило прямое столкновение между патрициями и плебеями. Эта «война сословий» привела к возникновению новой элиты, состоящей из старых семейств и богатых союзников плебса. Эта элита правила Римом, господствуя в сенате. Действия и речи Митридата показывают, что он прекрасно понимал, как функционирует правительство сената и «римского народа».

После того как местные племена Италии были покорены, Рим начал заморские авантюры. Вызов, который бросил Рим великой Карфагенской империи в Северной Африке за власть над Сицилией, стал началом Пунических войн 264–146 гг. до н. э. Ганнибал вторгся в Италию во время Второй Пунической войны, но его блестящие победы ни к чему не привели. Ганнибал в 202 г. до н. э. потерпел поражение, но, как было известно Митридату и его союзникам, карфагенянин продолжал борьбу в Анатолии, пока не умер в Вифинии. Даже после

этого Рим опасался, что может появиться и другой могущественный враг масштабов Ганнибала. Митридат понял, что эта тревога заставляет их нетерпимо относиться к независимо мыслящим монархам.

После поражения Ганнибала образ Рима вызывал восхищение — пока римляне не начали ряд ожесточенных войн за завоевание Греции, Испании и Галлии. Жестокая римская культура войны и конфликтов породила целые поколения стойких людей, обладавших огромной физической и моральной силой. Многие в Древнем мире уважали традиционные римские ценности; их впечатляли мотивирующие истории о негибимой верности, патриотизме и честности римлян^[175]. Митридат и его союзники знали биографии величайших полководцев Рима, таких как Сципион Африканский, как знали они и истории благородных врагов Рима, таких как Ганнибал и Югурта.

Рассказы об отваге и славе продолжали окружать героев римских войн и их могущественных врагов. Но по мере того как старый римский порядок начал перерождаться в безжалостную машину имперского расширения и добычи ресурсов, начало ходить все больше и больше рассказов о римской жестокости и диком поведении. Еще задолго до того, как Митридат вступил на трон, события в Риме, как кажется, кипели всеми человеческими страстями, добродетелями и пороками. Были горы и долины эмоций, кипящие вулканы гнева и жестокости, источники милосердия и пропасти ужаса. Митридату нравилось, что некоторые римские государственные мужи оплакивали разрушение традиционных латинских ценностей — суровости, отваги, справедливости, благочестия, милосердия и моральной стойкости.

К началу I в. до н. э. люди от римского сената до дальних рынков по всему Средиземноморью обсуждали страшные предзнаменования, бросавшие тень на всю империю и ее жестоких — и суеверных — вождей, которыми руководила жажда власти. Казалось, что после каждой славной битвы и триумфа какой-нибудь римский командир сидит в глубокой задумчивости над руинами еще одного великого города и плачет над теми разрушениями, которые сотворила его армия, или же над своими собственными разрушенными амбициями.

К тому времени, как Митридат вступил на трон, Рим превратился в военную машину, смазанную кровью и разбоем, жаждущую еще больше рабов, больше земли, больше богатств; даже слишком много

было недостаточно. К I в. до н. э. Рим стал хищником, которому для выживания надо было атаковать и пожирать. Плебс, патриции, новые граждане, собиратели налогов, командующие армиями — все жирели на добыче, которую поглощал этот зверь войны. Каждая победа только разжигала аппетит и убийственные инстинкты хищника. Для Митридата и других внешних наблюдателей Рим был волчицей, которая должна была убивать, чтобы жить, и которая жила, чтобы убивать. В последнее время тот же образ волчицы использовали современные историки, чтобы объяснить успехи Рима: они сравнивали позднюю республику и империю с обжорливым хищником, который не может ни отдохнуть, ни повернуть назад. Ученые указывают, что Рим, подталкиваемый логикой хищнического имперского государства, не мог прекратить нападать и поглощать во всех направлениях^[176].

В десятилетия непосредственно перед правлением Митридата внимание Великой Волчицы переключилось на Грецию и Восточное Средиземноморье. Завоевания в Македонии и Греции побудили Рим вторгнуться в Малую Азию в 191–188 гг. до н. э., в результате чего сирийский царь Антиох Великий в конце концов потерпел поражение при Магнесии. Мятежи в свободолюбивой Греции были жестоко подавлены в 140-х гг. Уничтожение римской армией Коринфа в 146 г. до н. э. — город был сожжен — сопровождалось беспрецедентным грабежом и методичным истреблением населения; это было страшное событие^[177]. В дни Митридата память об этом все еще была жгучей и живой. В том же году римские легионы полностью уничтожили Карфаген и продали карфагенян в рабство: так завершилась Третья Пуническая война. Греция и Северная Африка стали римской провинцией. В 133 г. до н. э. Рим унаследовал Фригию, которая была передана ему сомнительным завещанием Аттала.

В результате завоевания Рим получал огромное богатство от грабежа, налогов и до предела насытился пленниками-рабами. Однако при этом росла пропасть между богатыми и бедными, особенно в Италии: богачи получали все больше земельных владений, монополизировали ресурсы, гребли лопатой выгодные вложения в провинциях и душили заново завоеванные территории налогами и долгами^[178]. В 133 г. до н. э. в Риме произошел всплеск политического насилия по поводу распределения земли и того, что тяжесть утомительной войны в Испании распределялась нечестно; в результате

открылись шлюзы безжалостных гражданских войн. В следующем году, 132, в Сицилии пришлось подавлять массовое восстание рабов. В том же году в Анатолии восстали «граждане солнца» Аристоника; его города в конце концов были взяты в 128 г. до н. э.

Новости о том, что в Италии происходят гражданские волнения, и о заморских войнах Рима доходили до Митридата в Синопе через путешественников, торговцев, римских изгнанников, греческих и кельтских беглецов, шпионов, посланников и пиратов. Митридат следил за карьерой основных игроков и изучал характеры, слова и дела лидеров, которые вышли на первый план в этот бурный период поздней Римской республики. Это были такие люди, как ожесточенные соперники Марий и Сулла; отважный кавалерийский офицер Серторий, которому было суждено возглавить мятеж в Испании; безжалостный Маний Аквилый, отравитель целых городов, и Лукулл, изобретательный молодой подчиненный Суллы.

Падение царя Югурты

Особенно интересна для Митридата была длительная война Рима с нумидийским царем Югуртой, который некогда был верным союзником. Царство Югурты, где обитали кочевники-берберы, лежало между римской провинцией, которая некогда была Карфагеном и царством кочевников-мавров (Мавретанией). Нумидия давала львов, леопардов и медведей для римских цирков. Югурта первоначально надеялся на мирное сосуществование с Римом, однако увидел, что все его дипломатические усилия тщетны. После ряда переменчивых решений и противоречивших друг другу дипломатических сигналов и в результате плохого военного командования Рим в 112 г. до н. э. объявил войну Югурте.

Митридат мрачно наблюдал за тем, как шла Югуртинская война, и размышлял, что она может означать для его собственной конфронтации с Римом. Североафриканские флора, фауна и медицинские знания также были очень интересны. Рассказывали о загадочном племени псиллов, которые были иммунны к яду змей и скорпионов. Римляне писали, что псиллы настолько «привыкли к укусам змей, что их слюна стала эффективным антивеномом»

(сыворотку-антивенин получают из человеческих антител на живой змеиный яд). Митридат, видимо, с огромным интересом узнал о том, что римские военные врачи собирали слюну кочевников-псиаллов, чтобы лечить легионеров от укусов змей во время Африканских кампаний. Римские авторы шумно обличали псиаллов и других «профессиональных отравителей», которые в то время открывали в Риме магазины. Митридат мог пригласить несколько псиаллов в свою профессиональную команду врачей^[179].

Римские кампании против Югурты дали Митридату практические уроки военного дела. Целый ряд некомпетентных римских командующих смогли выиграть множество битв, но так и не смогли одержать настоящей победы в войне, мотивы которой были сомнительными. Во время мирной передышки в войне нумидийцы — жители Ваги — напали на Римский гарнизон во время праздника. Во время резни, которая была очень похожа на ту всеобщую резню, организованную Митридатом в 88 г. до н. э., они истребили невооруженных военных и их женщин и детей.

Примерно в 107 г. до н. э., когда война шла уже пять лет, римлянами стал командовать Марий. Поклявшись одолеть нумидийцев, он реорганизовал легионы и включил в них воинов-пролетариев. Но победа все еще ускользала от Мария. Каждый раз, когда казалось, что Югурта и его зять Бокх, царь Мавретании, уже прижаты к стенке, они ускользали в пустыню и набирали свежих воинов среди кочевников. У Митридата могла быть та же выгодная позиция, если бы только Понт мог контролировать кочевые племена вокруг Черного моря и за Арменией или заключить с ними союз. Действительно, в грядущих войнах с Римом Митридат и его зять, армянский царь Тигран, смогли избегать преследования со стороны римлян, растворяясь в неведомых землях кочевников, где они набирали новые армии.

Наконец подчиненный Мария — Сулла — подкупил Бокха, чтобы тот предал своего родича Югурту. Хитрый и расчетливый Сулла обещал Бокху часть Нумидии и сомнительный статус «друга римского народа». Бокх предал Югурту. Марий отпраздновал триумф и провел могучего царя Югурту в цепях по улицам Рима. В процессии Мария была показана невероятная добыча: 3 тысячи фунтов золота, 6 тысяч фунтов серебра и 300 тысяч драхм.

После процессии по римскому обычаю душители Мария сорвали с Югурты царское платье. Пытаясь вырвать его золотую сережку, они порвали ушную мочку царя. Царя Нумидии бросили в Туллиан, ту же самую темную тюрьму, где был удушен Аристоник, вождь «граждан солнца». Такой судьбы Митридат хотел избежать. Некогда гордый Югурта сошел с ума и умер от голода в 106 г. до н. э. В том же году родился римский мальчик, который станет протее Суллы по прозвищу «кровожадный подросток»: позднее его назовут Помпеем Великим^[180].

К великому отвращению Мария, его соперник Сулла приписал себе все лавры от этой победы. Сулла любил демонстрировать золотое кольцо-печатку с резной геммой, изображавшей его самого, принимающего капитуляцию Югурты. Были выпущены монеты, показывавшие Суллу на троне над Югуртой, закованным в цепи. Сенат даже одобрил установку мраморной скульптурной группы, где был показан Югурта, стоящий на коленях перед Суллой. Согласно историку Плутарху, это последнее оскорбление «едва не заставило Мария потерять рассудок от гнева». В течение первых «раундов» смертельной битвы между Марием и Суллой сам Марий посетил Митридата в 99 г. до н. э. Митридат мог услышать подробности о войнах с Югуртой именно тогда и, может быть, узнал больше и о Сулле^[181].

Митридат следил за тем, как людские ресурсы Рима начинают подходить к концу, несмотря на все инновации Мария, с тем, чтобы забрать бедных людей в армию. Военные реформы Мария невольно усилили рост частных армий, состоявших из закаленных в боях плебеев-ветеранов, которые полностью зависели от добычи и были верны только своим командирам. Таких командиров можно было сталкивать друг с другом: так голодный хищник может атаковать конкурента. События, которые потрясли самые основания Рима непосредственно до царствования Митридата и в самом его начале, показывали, как казалось, что страшная машина дает сбой. Может быть, Великая Волчица не так уж непобедима?

Начало царствования

В годы правления Лаодики численность понтийской армии уменьшилась. Чтобы не стать пассивным клиентом Рима, Понту нужна была мощная армия. Митридат начал с малого: он собрал армию из 6 тыс. греческих наемников — примерно размером с римский легион. Это войско из традиционных греческих гоплитов, вооруженных щитами и копьями, было натренировано так, чтобы сражаться в очень тесном строю. Римская военная организация в то время была основана на легионах (ок. 5 тыс. человек в легионе): каждый легион состоял из когорт (число до десяти) из примерно 480 воинов в трех рядах: они были вооружены легкими дротиками и смертоносными мачете; их поддерживало примерно 300 кавалеристов^[182].

В Понте Митридат усердно занимался тренировкой кавалерии и колесничих военных колесниц. Он набрал опытных греческих моряков со всего Причерноморья, организовав большой и эффективный флот. Римляне собрали большой флот во время Пунических войн, но позволили ему прийти в упадок. Теперь корабли Митридата господствовали на Черном море, а плававшие повсюду пиратские флотилии были его союзниками. В начале своего царствования Митридат аннексировал Трапезунд на востоке Понта. Его тайные пиратские убежища сделали Трапезунд совершенной базой для царского флота. Эта ранняя деятельность стала началом великого плана Митридата — создания Черноморской империи.

Семейство Митридата

Между тем Митридат обращал внимание и на свои домашние обязанности. Если он следовал традиционным персидским обычаям, то его медовый месяц начался в первую ночь весны, и в тот день он постился — не ел ничего, кроме яблока и блюда из костного мозга верблюда. Примерно год спустя, около 113 г. до н. э., у Митридата и его сестры Лаодики родился их первый сын. Вполне закономерно, что назвали его Митридатом. У Лаодики от Митридата было еще два сына: звали их Аркатий (по-гречески «Правитель») и Махар («Воин»), В 110 г. до н. э. родилась дочь. Вместо того чтобы назвать ее Лаодикой (как можно было бы ожидать), Митридат выбрал традиционное македонское имя Клеопатра.

Митридат вступал в сексуальные отношения со множеством женщин, которые его привлекали. Известны имена множества любовниц Митридата: помимо Лаодики, были Адобогииона (галатка), Монима (из милетской семьи, поселившейся в Стратоникее), Береника (с Хиоса), Стратоника (Понт) и Гипсикратия (с Кавказа). Митридат стал отцом многочисленного потомства. Я обнаружила в древних источниках имена девятнадцати детей, которые родились у других женщин помимо Лаодики: таким образом, общая численность известных по имени детей Митридата составляет двадцать три.

Мальчики, рожденные у наложниц, получили имена знаменитых персов: Кир, Ксеркс, Дарий, Артаферн (один из полководцев Дария III), Оксатр (брат Дария, который стал полководцем Александра), Фарнак (дед Митридата) и Ксифар. Другие сыновья, упомянутые в источниках, — Митридат Пергамский, Феникс (сын финикийской или сирийской наложницы) и Эксиподр. Человек по имени Архелай вырос как сын полководца Митридата, Архелая, но он заявлял, что настоящим его отцом был Митридат. Это вполне возможно, однако он мог быть и внуком Митридата по женской линии: царь вполне мог выдать одну из дочерей за своего любимого военачальника.

Имя дочери Митридата Адобогиионы было галатским; имена других девочек — греческими: Нисса, Евпатра, Афинаида и Клеопатра Младшая. Свою самую преданную дочь он назвал Дрипетиной — уменьшительное от имени дочери Дария — Дрипеты. Последние две дочери царя получили персидские имена Митридатида и Орсабарис (от *berez*, «блестящая (= Венера)»). Все дети Митридата, как говорят, были довольно красивы — за одним лишь исключением. Внешность бедняжки Дрипетины была испорчена природным недостатком: у нее так и не выпали молочные зубы, так что было два ряда зубов^[183].

Замки, золото, союзники

Митридат начал интенсивную (и дорогую) программу строительства крепостей. Он построил семьдесят пять замков в Понте и своих восточных землях за время своего правления. Это больше чем по одному замку в год. В каждом новом замке были скрытые цистерны, склады оружия, ложные двери и каменные ступеньки в

подземную сокровищницу, вырубленную в скале, как в более древних замках Понта Армения. В этих тайных кладовых хранились обитые железом бронзовые ларцы, заполненные золотом и серебром, имевшие огромное стратегическое значение в грядущих кампаниях. Строительные проекты были признаком дальновидности Митридата и его помешательства на безопасности, но они также говорят и о том, что деньги у него водились^[184].

Каков же был источник, казалось бы, бесконечного запаса золота у Митридата? Этот вопрос мог озадачивать римлян и их соседей точно так же, как волнует он и современных историков. Нам известно, что процветание Понта основывалось на торговле и богатых природных ресурсах — золоте, серебре, железе и драгоценных минералах. Состоятельные предки Митридата прятали клады монет в замках по всему царств (они были недоступны царице Лаодике, когда она была регентом). Как Митридат Великий стал настолько богатым — остается тайной. Каким-то образом у него всегда были деньги в течение всех длительных войн с римлянами. Царь мог не только быстро набрать армию, но у него всегда были деньги и на то, чтобы хорошо платить воинам.

Митридат получал существенные доходы от дани и того, что он контролировал черноморскую торговлю зерном, соленой рыбой, вином, оливковым маслом, медом, воском, золотом, железом, минералами, красками и пигментами, кожей, мехами, шерстью, льном и другими товарами. Его налоговая политика могла быть мудро рассчитана с тем, чтобы он мог получать прибыль от торговли, не подавляя ее, — эта политика радикально отличалась от политики Рима в то время.

Скифские союзники Митридата контролировали богатые месторождения золота. Кроме того, кочевники грабили курганы — насыпи с погребениями, которыми усеяны степи вокруг Азовского и Черного морей. Современные археологи обнаружили, что многие из замысловато устроенных могил были разграблены в древности — в некоторых даже нашли скелеты древних грабителей. Наши данные заставляют предполагать, что следовавшие одна за другой волны кочевников копали сокровища в курганах на заново завоеванных землях^[185]. Кое-что из найденного в них золота могло попасть в Понт в качестве дани и в ходе торговых соглашений.

Митридат также получал доход от наземной торговли с Индией и Китаем. Шелковый путь открылся в период детства Митридата; первые караваны верблюдов прибыли в Парфию с китайским шелком в обмен на прекрасных парфянских коней в 106 г. до н. э. Когда китайские армии продолжили давление на запад, в бассейн Тарима, а Парфия начала конфликтовать со своими соседями на Ближнем Востоке, караваны переключились с южных на северные дороги через Колхиду и Понт к Черному морю. Опять-таки Митридат должен был поощрять эту торговлю, не налагая на нее излишних налогов^[186].

Еще один источник богатства мог быть связан с обширным черным рынком торговли рабами и добычей, которая доставалась пиратам, базировавшимся на Крите, в Киликии на побережье Сирии и на Черном море. В I в. до н. э. пиратство отнюдь не было мелким воровством и грабежом кораблей на море. Этот обширный подпольный флот был самостоятельной политической силой, террористической военизированной организацией, которая контролировала морские пути в Восточном Средиземноморье и на Черном море. Пиратские гавани на Крите и в Киликии были защищены неприступными крепостями. Корсары не только похищали груз кораблей и захватывали богатых пассажиров ради выкупа; они совершали дерзкие набеги в глубь стран, чтобы угонять толпы рабов, и даже иногда осаждали обнесенные стенами города. Пираты могли действовать как наемники для враждующих партий во время позднеэллинистического периода. И ради поенной стратегии, и для материальной выгоды Митридат продолжал выгодные отношения, которые завязал его отец с пиратскими флотоводцами, и углублял их^[187].

Митридат также сохранял дружбу и полезные торговые связи, начатые его отцом, с Афинами и греческими землями. Он поддерживал греческие и находившиеся под персидским влиянием города Западной Анатолии и установил дружеские связи с Арменией, Сирией, Мидией, Парфией и Египтом^[188].

Если Митридат мог подружиться и со скифами, аннексировать земли вокруг Черного моря, обеспечить добрые отношения с независимыми греческими и варварскими портами и обеспечить мирный торговый климат, то все Черное море могло стать личным «озером» Митридата. Для всех это должно было быть выгодно, особенно для Понта. До Митридата греки и римляне были плохого

мнения о Черном море. Они сравнивали его очертания со страшным скифским луком с его особым двойным изгибом — особенно зловещий образ, поскольку скифских лучников боялись за их страшное умение стрелять отравленными стрелами. До Митридата Черное море считали препятствием, а не возможностью. Его решение контролировать и развивать весь Причерноморский регион было творческой, блестящей новой стратегией^[189].

Черноморская империя

Греческие города северного берега Причерноморья были в постоянном конфликте со степными кочевниками. Они платили дань, чтобы купить покровительство одного племени скифов, сарматов, тавров, фракийцев, роксоланов или других (обычно их всех называли «скифами»), — а потом их заменяла какая-то другая, более сильная группа, которая заново начинала требовать выкуп^[190]. В самом начале своего царствования Митридат принял посольство из стратегически важного царства Боспор Киммерийский (Крым). Царь Парисад попросил Митридата вмешаться и защитить Северное Причерноморье от мародеров. Воспользовавшись этой возможностью, Митридат немедленно послал свою армию и флот под предводительством своего греческого полководца Диофанта и командующего флотом Неоптолема.

После тяжелой кампании Диофант в конце концов одержал победу. Кочевники наконец согласились быть независимыми союзниками Митридата, обещав дань, взаимную защиту и помощь. Скифские и другие воины-кочевники часто упоминаются как наемники в армиях чужестранных вождей, которых они уважали. Умный начальник с большими дипломатическими навыками, Диофант организовал мир со скифами, сарматами и Боспорским царством: все это было очень выгодно Митридату.

В 1878 г. близ Пантикапея российские археологи обнаружили длинную надпись на статуе Диофанта. Она является подробным изложением истории Скифской кампании: в ней названы крепости, воздвигнутые для Митридата, и восхваляется Диофант, как «первый чужеземный завоеватель, который покори́л скифов»: прославляется его

отвага, мудрость и доброта. Еще одна хвалебная надпись (опубликованная в 1982 г.) украшала там статую самого Митридата. Надпись очень значима, поскольку на ней Митридат именуется «царем царей». Это был желанный иранский титул (по-персидски «шахиншах»), который мог в одно время носить только один верховный правитель на Ближнем Востоке^[191].

Внушительная личность самого Митридата, его благородное происхождение и дипломатический дар, наряду с блестящим умением ездить верхом, ловкостью в обращении с луком и стрелами, знанием наречий кочевников и уважением к их культуре, впечатляли скифов и другие северные племена^[192]. Митридат заключил помолвки между некоторыми из его дочерей и вождями кочевников и обещал славу и богатства группам, которые присоединились к нему.

Никто никогда на самом деле не победил кочевников, которые яростно держались за свою независимость. Митридат чрезвычайно гордился своими успехами на севере. Ему нравилось напоминать о том, что его новые союзники, искусные лучники-всадники Центральной Азии, одолевали армии Кира, Дария и Александра. Новое мощное влияние Понта в этой северной области, очевидно, прошло мимо внимания римлян. Даже если сенат об этом знал, то он одобрил бы стабильность, благодаря которой зерно, соленая рыба и другие товары безопасно прибывали в Италию в обмен на оливковое масло и вино. То, как Диофант необыкновенно успешно умиротворил и реорганизовал регион Северного Причерноморья, оказалось необыкновенно успешной военной и дипломатической миссией. Митридат теперь мог пользоваться практически безграничными ресурсами: людьми, зерном, золотом и сырьем.

К 106 г. до н. э. Митридат обеспечил присоединение Крыма и полуострова Тамань к Боспорскому царству. Крепости этого стратегически важного региона и богатые города Фанагория и Пантикапей стали его царскими резиденциями. Основная часть принадлежавшей Митридату коллекции агатов и драгоценных камней, возможно, происходила из этого региона, который также славился гранатами, фигами, яблоками и грушами. Любопытно прочесть у Плиния, что Митридат послал своих садовников, чтобы пересадить и выращивать лавр и мирт в Крыму. Эти два священных растения, характерные для Средиземноморья, были важны для греческой

мифологии, медицины и религиозных ритуалов, символизируя победу. Однако, несмотря на все усилия ботаников, эти растения на севере не прижились^[193].

После трех лет ожесточенных битв Колхида, стратегически важная область вдали на востоке Черного моря, также обещала верность Митридату. Кроме того, он аннексировал гористую западную часть Армении, создав добрые отношения с независимыми анатолийскими и персидскими князьями этих областей. На западе Черного моря Митридат заключил союз с воинственными фракийцами и могущественными бастарнами и роксоланами, находившимися под иранским влиянием — опять-таки после ожесточенных военных действий. Германские галлы (кельты), которые активно сопротивлялись римскому военному наступлению, также поддержали Митридата. Царь теперь правил или был союзником земель вокруг всего Черного моря, за исключением Северо-Западной Анатолии и горного берега к северу от Колхиды^[194].

Карта 5.1. Евразия: земли вокруг Черного моря. (Автор карты — Мишель Энджел)

Начала вырисовываться принципиальная стратегия Митридата по отношению к Причерноморью (см. карты 1.2 и 5.1). Идея была в том, чтобы обеспечить торговую зону взаимного процветания и взимать здесь честные налоги. Такой план должен был пойти на пользу всем, в том числе скифам, которые начали селиться в городах, и даже римлянам, зависевшим от поставок зерна из степей. Митридат мог принять на службу моряков-пиратов Причерноморья, чтобы они присоединились к его «законному» флоту за постоянное жалованье, и награждать других с тем, чтобы они нападали на богатые корабли

государств-«уклонистов», которые отказывались присоединиться к его плану взаимного процветания. Митридат, как организатор, исполнитель и сборщик налогов в этой Причерноморской империи, конечно, получил бы от всего этого огромную выгоду. Но он мог обещать и что все остальные тоже разбогатеют. Действительно, огромное и неожиданное богатство, которое открывают археологи в области Северного Причерноморья — не только в городских районах, но и в деревне, хоре, — показывает большой успех замысла Митридата^[195].

Дальновидность Митридата предлагала позитивную альтернативу хищной жадности Рима и насильственному изъятию ресурсов в ранний период римского завоевания. Вместо того чтобы постоянно вести войну, Митридат предлагал мир. Вместо того чтобы высасывать у людей кровь налогами и долгами, Митридат взимал умеренные налоги и вкладывал деньги в военные меры для обеспечения безопасности. Митридат выступал за новый образ взаимного процветания, в то время как римляне поздней республики стремились к коррупции, эгоистическому обогащению и грабежу. Легко понять, что такая стратегия была очень привлекательной и породила глубокую преданность. Черное море Митридата стало центральной осью, благожелательным посредником в великой евразийской торговой общности. Пока правил Митридат Евпатор («Добрый Отец»), все могли надеяться на долгую и благополучную жизнь.

Но что же с соседями — Каппадокией, Вифинией, Пафлагонией, Галатией? Интриги Митридата в контролировавшейся римлянами сфере к западу от Понта должны были требовать осторожности и деликатности. Фригия и Западная Анатолия представляли еще больше проблем. Сердце провинции Азия было занято римскими войсками, колониальной администрацией, собирателями налогов и десятками тысяч римских поселенцев. Митридату была нужна самая свежая информация об этих территориях.

Несмотря на все свои успехи в построении империи, Митридат начал беспокоиться. Ему не хватало освежающей жизни на природе, которой он наслаждался вместе со своими спутниками в изгнании. Юстин писал: «Митридат проводил время не за пиршественным столом, а в поле, не в развлечениях, а в военных упражнениях». Он хотел быть «не среди сотрапезников, а среди боевых товарищей; с

ними состязался он в конной езде, в беге, в борьбе» — вместо того, чтобы вести светские беседы с царицей Лаодикой и ее придворными^[196]. Как царь мог вернуть радость своих юношеских странствий по Понту и одновременно стремиться к исполнению своих долговременных целей?

Разведывательная миссия

Юстин говорит, что Митридат снова уехал из Синопы со своими близкими друзьями — на этот раз с продолжительной разведывательной миссией. Когда именно произошла эта масштабная поездка, мы не знаем, но это могло быть около 110/108 г. до н. э. Путешествуя инкогнито, эта группа объехала Галатию, Пафлагонию, Каппадокию и Вифинию, собирая сведения для будущих кампаний. «Об этом никто не подозревал», — пишет Юстин. Какой может быть лучший способ получить основательную информацию о соседях Понта, землях, которые царь хотел присоединить к своему царству? Митридат всегда думал на несколько ходов вперед, — как и его герои Кир и Александр^[197].

Митридат исследовал города Анатолии и присматривался к оборонительным сооружениям. Упражняя свою необыкновенную память, он обращал внимание на природные ресурсы, дороги, людей и ландшафт. Особенно в Вифинии (как говорит Юстин), Митридат «переправился в Вифинию и точно был уже владыкой ее, наметил удобные места для своих будущих побед». Как указывает Рейнак, эта разведывательная поездка, безусловно, поддержала амбиции юного царя^[198]. Везде, где царский отряд раскрывал свое инкогнито в греческих и местных городах и деревнях, их восторженно приветствовали. Оракулы, окружавшие рождение Митридата, не были забыты среди противников римлян; его завоевание земель, находившихся под персидским влиянием в Причерноморье, сделало Митридата «царем царей». Для Митридата очень ценно было выслушать местные жалобы на римских поселенцев и узнать, где он может получить поддержку и набрать воинов.

Спутники царя, возможно, устраивали по дороге состязания на ловкость и выносливость. Если Митридат и его отряд хотели

посостязаться с Александром в выносливости и поездках на длинные дистанции (например), им нужно было выполнять следовавшие друг за другом марши на 400 стадиев (всего ок. 150 миль (241,4 км)). Митридат был мощным всадником: древние авторы говорят, что он мог проехать около 1000 стадиев (100–125 миль (161–201 км)) в один день, если ему давали сменных лошадей^[199].

Они посещали уединенные крепости в Вифинии, Галатии и Пафлагонии. В Пафлагонии Митридат, безусловно, посетил Кимиату, крепость, построенную Митридатом I Понтийским. Неподалеку отсюда, близ Пимолисы, находились мрачные глубокие пещеры рудников горы Реальгар, с ее смертельными жилами содержащих мышьяк минералов. Митридатовские крепости также существовали и в Каппадокии; в Галатии находились скрытые замки Блукий и Пей, где хранились великие сокровища. В этих землях господствовали могущественные местные разбойники и вожди — люди, которые могли очень пригодиться в грядущей войне^[200].

Отряд царя мог посетить исторические места, которые были особенно интересны для Митридата, такие как Троя — место легендарной войны между греками и огромными армиями Приама, состоявшими из троянцев и варваров. В Лидии Митридат мог повесить подвеску или браслет на древний платан, который почтил Ксеркс в 480 г. до н. э. Персидский монарх одарил почтенное дерево драгоценными украшениями, золотыми ожерельями, медными браслетами и даже великолепным вышитым платьем. С тех самых пор путешественники вешали свои приношения на ветвях. Гордый во Фригии был еще одной почитаемой достопримечательностью: здесь отважный юный Александр разрубил своим мечом гордые узел^[201].

Мы знаем, что Митридат совершал «паломничества» в те места, где останавливался Александр. Например, в Эфесе, где Митридат расширил область убежища, выпустив стрелу, как это делал Александр, он нашел таверну, которую почтил своим присутствием македонец. В Приене можно было посетить и еще один дом, где останавливался Александр. Отходя ко сну там, где некогда почивал Александр, Митридат — как и многие другие амбициозные завоеватели после него — мог сравнивать свои собственные достижения с достижениями своего героя, который, умирая в 32 года, знал, что он — повелитель мира.

В этом большом путешествии Митридат заезжал в Кизик и Гераклею, два независимых, сильно укрепленных греческих юрода, которые впоследствии бросят ему вызов. Также Митридат посетил Пергам, столицу римской провинции Азия; здесь он слышал множество жалоб на коррумпированное правительство и чудовищное налоговое бремя. Киликия с ее суровым пейзажем и скалистым берегом была еще одной важной остановкой на пути. Это была штаб-квартира отважного сирийского пиратского флотоводца Селевка — доброго друга Понта.

Мы также слышим, что Митридат отплыл на остров Родос — могущественный независимый греческий город-государство со своим собственным флотом. Остров славился тем, что пережил великую осаду правителя Македонии Деметрия Полиоркета в 305/304 г. до н. э.: его операция блестяще провалилась. Он оставил после себя гигантские осадные башни, которые родосцы использовали, чтобы создать гигантскую статую солнечного бога Гелиоса — Колосс Родосский, одно из семи чудес Древнего мира. Колосс рухнул во время землетрясения в 222 г. до н. э. Митридат и его люди могли подивиться фрагментам огромного бронзового тела, все еще рассыпанным по гавани, при этом остерегаясь ядовитых гадюк и гигантских ящериц, которые водились на Родосе. Миссия на Родос была в основном политической. Может ли Родос — союзник Рима, контролировавший часть Ликийи, согласиться подружиться с Понтом? Митридат одарил город богатыми дарами, и родосцы воздвигли мраморную статую Митридата у себя на рыночной площади — агоре.

Затем Митридат отплыл на небольшой остров Делос. На богатом Делосе господствовали италийские купцы; римляне превратили его в огромный рынок рабов. Небольшая греческая община Делоса приветствовала Митридата как покровителя острова и друга Афин. Митридат преподнес votivные таблички в храм Асклепия и Зевсу на горе Кинт и написал две таблички в храме Сераписа, египетского бога исцеления и толкования снов. Этот узел коммерции в Эгейском море имел ключевое значение для получения поддержки греков и новостей из Италии^[202].

На время своей поездки Митридат оставил супругу, царицу Лаодику, евнухов и некоторых из «друзей царя» распорядиться делами. Хотя правителю всегда опасно оставлять дом, ради безопасности

Митридат не сообщил никому о планах своего путешествия, как и о том, когда можно ожидать его возвращения. Митридат и его спутники отсутствовали так долго — по крайней мере год, может быть, и дольше, — что уже думали, что они погибли^[203]. Взяв на себя роль трагически овдовевшей царицы Понта, предвкушая, как она будет править царством, как правила ее мать после убийства отца, Лаодика стала публично оплакивать кончину своего брата-супруга. Скорбящая юная вдова утешалась, крутя романы с друзьями Митридата в Синопе.

Глава 6.

Штормовые облака

Однажды Митридат и его спутники без предупреждения, внезапно появились у врат Синопы: Лаодика и ее любовники были в шоке и ужасе. Однако граждане Понта радостно приветствовали возвращение своего царя домой после долгого отсутствия. За исключением нескольких значимых деталей, о возвращении Митридата домой мы ничего не знаем. Вот реконструкция того, как все могло происходить, основанная на фактах, засвидетельствованных Юстином^[204].

Медовый месяц окончен

Кое-кто, забыв посчитать даты, бестактно поздравил царя с тем, что во время его отсутствия у царицы Лаодики родился еще один сын. Митридат отсутствовал слишком долго, чтобы ребенок мог быть его. Скрыв свою ярость, Митридат обнял жену и затем зашел в детскую на женской половине, чтобы посчитать детей. Готовились праздничные пиры, чтобы отметить возвращение царя. Обходя дворец, царь заходил в царские кухни, чтобы посмотреть на приготовления: он дружелюбно болтал с поварами, служанками и горничными. Все были возбуждены и взволнованы возвращением монарха.

Но двум служанкам, как кажется, не по себе. Митридат отводит их в сторону, препровождает к тенистому портику подальше от посторонних глаз и ушей. Мы знаем, что эти женщины донесли на Лаодику. Давайте представим себе, что это были белокурые галльские девы из дунайских племен, благожелательность которых стремился завоевать Митридат. Светлые глаза служанок расширились, когда царь заговорил на их языке. Он объяснил, что выучил галльский у своего друга и телохранителя Битуита — могучего вождя аллоброгов, чьи земли были захвачены Римом.

Рис. 6.1. Митридат в образе Геракла со львиной шкурой на голове. Высота — 13 дюймов. Александра Великого часто изображали таким же образом. Лувр, Reunion des Musees Nationaux / Art Resource, N. Y.

Проницательный взгляд Митридата и его вопросы заставили женщин выдать их страшный секрет. Они роняют слова, подтверждая его предположения. Царица Лаодика забеременела от одного из его «друзей». Лаодика считала, «что ей удастся как бы зачеркнуть уже совершенный проступок преступлением еще более тяжким». Слуги предупредили Митридата, что его сестра и супруга, мать его наследников, планировала добавить яд ему в пищу на пиру. Они также назвали сообщников царицы ^[205].

Проклиная свою умершую мать за то, что вырастила дочь-предательницу, Митридат немедленно казнил Лаодику и ее сообщников. Может быть, Лаодика пыталась воспроизвести схему своей матери — захватить царство и править в качестве регента юного наследника? Нам не сообщают, как именно погибла Лаодика. Когда было нужно устранить кого-то, Митридат почти всегда выбирал косвенные методы, обычно яд (за исключением двух зрелищных публичных убийств, о которых мы расскажем позже).

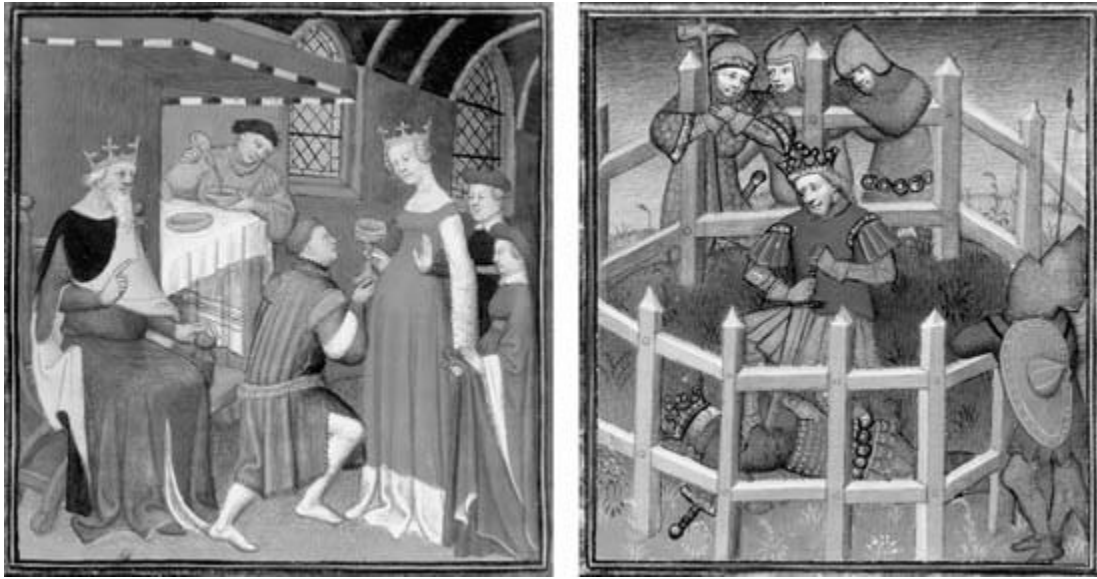

Рис. 6.2. Слева. Митридат отравляет Лаодику, свою супругу/сестру; справа: Митридат побеждает в поединке. Tresor des Histoires / Mithridate fait boire du poison / MS 5077 res, folio 194v.; Cas des nobles hommes et femmes / Mithridate, Roi, MS 5193, folio 24iv, Bibliothèque Nationale de France

Возможно, царь и его ботаник Кратей, как бесстрастные ученые, воспользовались этой возможностью, чтобы проверить и сравнить какие-нибудь быстродействующие яды, испытав их на Лаодике и ее друзьях. Незаконнорожденному мальчику оставили жизнь; может быть, он когда-нибудь будет полезен^[206].

Мы знаем, что после казни Митридат поклялся никогда больше не жениться. От цариц — особенно цариц по имени Лаодика — одни проблемы. Теперь у него было три законных наследника мужского пола и целый гарем, заполненный очаровательными и отнюдь не незаменимыми куртизанками, которые не могли притязать ни на что серьезное. Зачем ему еще раз вступить в законный брак?

После предательства Лаодики царь бросился в спортивные тренировки и создание армии и сокровищницы. Сейчас Митридату было чуть за тридцать: он был в хорошей физической форме и любил состязания; ему нравились турниры по кулачному бою и боксу,

метание дротика, состязания в боевых искусствах, дуэли один на один, поднятия тяжестей и другие испытания силы. Он состязался в скачках верхом и на колесницах по всей Анатолии и Эгеиде; мраморные надписи с Хиоса и Родоса именуют Митридата победителем в конных состязаниях^[207]. В Синопе устраивались пиры с шумными развлечениями: там были шуты, акробаты, мидийские жонглеры огнем, заклинатели змей, волшебники и «люди-змеи». Митридату нравились и утонченные, культурные развлечения. Его двор привлекал самых лучших музыкантов, актеров и поэтов, которые декламировали гомеровские поэмы.

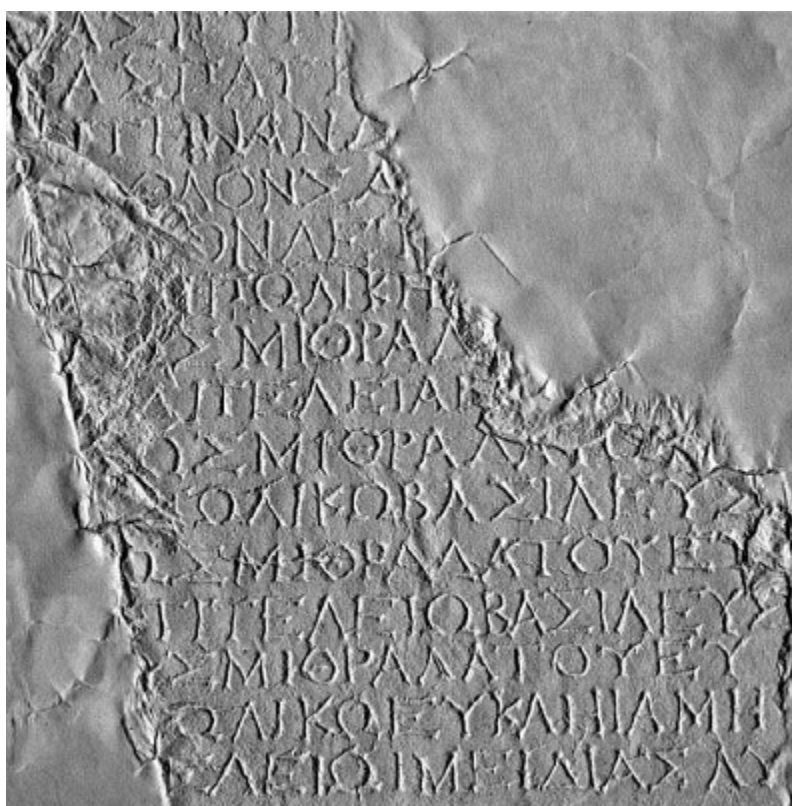

Рис. 6.3. Надпись, обнаруженная на острове Хиос, в которой перечисляются победители в состязаниях всадников и колесничих. Имя Митридата здесь появляется четыре раза

Хорошо известное «неудобство» величия заключается в том, что власть привлекает льстецов — как железные опилки прилепляются к

магниту. Митридат был окружен приспособленцами и льстецами. Особенно один из них, заклинатель по имени Сосипатр, остался в истории как самый бесстыдный прихлебатель при дворе Митридата. В те времена, когда царя мучили сомнения и подозрения, приживалы толпились вокруг, обвиняя друг друга в заговоре против царя. Плутарх, написавший очерк о том, как отличать друзей от льстецов, заметил, что некоторые придворные Митридата так жаждали царской благосклонности, что предлагали себя в качестве подопытных кроликов для медицинских экспериментов^[208].

Митридат выступал «спонсором» соревнований по питью и Синопе, предлагая сказочный приз — целый талант серебра — победителю. Популярный спортсмен из Кизика Каломодрий практически сравнялся с Митридатом в способности поглощать вино. Обычно соревнование выигрывал сам царь, любезно уступая награду серебряному призеру. Но никто не мог превзойти Митридата в способности поглощать тарелку за тарелкой, нагруженные кусками вина и мяса. Митридат даже получил место (под восьмым номером) среди двенадцати Самых Больших Обжор всех времен в Античности! Половина личностей, перечисленных в этом списке, происходит из Анатолии, где есть и пить в огромных количествах было народной традицией, демонстрацией богатства и мужественной энергии. Мощное телосложение Митридата и его энергичность могут объяснить такой огромный аппетит, но прожорливость была и наследием предков. Дарий I хвастался способностью поглощать огромное количество выпивки как одним из своих великих достижений. Люди все еще качали головой в почтительном ужасе, вспоминая способность Александра Великого поднять две дюжины тостов за здоровье своих товарищей за одну ночь — и его жуткое двухдневное похмелье после буйных попок с выносливыми македонцами^[209].

Когда Митридат не состязался в скачках на колесницах и не демонстрировал свою огромную силу и железное здоровье, он набирал воинов для все увеличивавшейся армии Понта. Серьезный исследователь военной истории, он изучал стратегию и тактику знаменитых военачальников. Митридат и его инженеры присоединили лезвия серпов к осям его боевых колесниц — давно забытое нововведение Кира Великого. Чтобы закалить своих пехотинцев, кавалеристов и колесничих, Митридат приказал всем участвовать

вместе с ним в суровой ежедневной «ритмической гимнастике» и полевых учениях. «Как и сам царь Митридат, — писал Юстин, — его армия привыкла к трудностям и стала непобедимой. Вскоре он создал неодолимую военную силу». Митридат собрал нужную ему информацию о соседях, и у него была наготове огромная и мощная армия. Настало время дополнить его Черноморскую империю, захватив Каппадокию, Вифинию и Пафлагонию. Однако это должно было подразумевать прямую конфронтацию с Римом^[210].

Вифиния

Где-то в 108–104 гг. до н. э. Митридат вступил в союз с ловким царем Вифинии Никомедом III. Никомед, как и его отец, был союзником Рима. Но после того как Вифиния помогла подавить мятеж Аристоника, его требование передать Вифинии часть Фригии было отвергнуто в пользу отца Митридата. Поэтому у Никомеда III были веские причины не любить Понт, и он прекрасно владел искусством дипломатических игр с Римом.

Когда римский полководец Гай Марий потребовал у Вифинии войска, чтобы помочь покорить Германию, смелый отказ Никомеда произвел хорошее впечатление на Митридата. Никомед объявил, что у него нет армии, которую он мог бы послать, поскольку все свободные люди Вифинии стали должниками и были проданы в рабство жадными римскими сборщиками налогов. Этот ответ заставил сенат принять закон, который запрещал обращение в рабство свободных граждан государств — союзников Рима.

Союз Митридата с Никомедом пришелся как раз вовремя: римские армии были рассеяны на большой территории, увязли в войне с нумидийским царем Югуртой и старались держать на расстоянии германские племена. Митридат и Никомед договорились о том, чтобы вторгнуться в слабую Пафлагонию. Все сошло гладко. Но когда новости об этом достигли Рима, сенат послал послов, которые потребовали восстановления пафлагонского царя на престоле. В своем дерзком ответе Митридат заявил, что Пафлагония на самом деле принадлежит его отцу по праву наследования.

Я-де удивлен, сказал Митридат, что Рим теперь ставит это под вопрос, поскольку он раньше никогда не сомневался в праве моего отца на Пафлагонию. Ошарашенные высокомерным ответом, послы ничего не смогли противопоставить блефу Митридата и обратились к Никомеду.

Никомед повел себя более скользко. Он с раскаянием пообещал вернуть Пафлагонию ее законному правителю. Затем он переименовал одного из своих сыновей, дав ему традиционное имя древних пафлагонских царей — Филемен.

Никомед нагло посадил этого псевдо-Филемена на трон. Римляне были вынуждены поддаться на хитрость и одобрить этого нового царя. Когда они наконец поняли, что их обманули, озадаченные римские аристократы поторопились домой. Никомед III стал фактическим властителем Пафлагонии.

Митридат, впечатленный хитрым трюком Никомеда, ответил тем, что захватил часть Галатии. Здесь он построил большую крепость — Митридатий. Между тем он размышлял, что можно предпринять в Каппадокии^[211].

Рис. 6.4. Вечный враг Митридата — царь Вифинии Никомед (похожие портреты использовались для изображений Никомеда III и IV). 1944.100.41904, дар Э.Т. Ньюэлла; предоставлено Американским нумизматическим обществом

Убийство в Каппадокии

Каппадокией правила старшая сестра Митридата через своего мужа, царя Ариата VI. У них было два сына (чтобы окончательно все запутать, обоих тоже звали Ариатами, что отражало их персидское происхождение). Согласно историку Аппиану, изначально цари Каппадокии и Понта принадлежали к одной царской династии, и Митридат I владел одновременно Галатией и Каппадокией. Эта история оправдывала то, что отец Митридата косвенно контролировал Галатию и Каппадокию и Митридат хотел делать то же самое.

Гордий, каппадокийский аристократ при дворе Лаодики, был добрым другом Митридата. Предположительно, именно Гордий сообщил Митридату о том, что молодой муж Лаодики начал утверждать свою власть. Независимый Ариат был проблемой как для Лаодики, так и для Митридата. Митридат отдал Гордию приказ устранить царя Ариата VI. Мы не знаем, каким именно образом, но в первую очередь на ум приходит яд. Эта небольшая любезность сделала старшую сестру Митридата Лаодику регентшей при ее старшем сыне Ариате VII, племяннике Митридата. Этим ходом Митридат надеялся, что сможет манипулировать Каппадокией — при том условии, что сестра будет ему помогать ^[212].

Но заговор имел неожиданные последствия. После того как Гордий убил Ариата VI, пройдоха Никомед III, царь Вифинии, увидел для себя лазейку. Не сказав ничего своему союзнику Митридату, Никомед внезапно вторгся в Каппадокию (это случилось ок. 103/102 г. до н. э.). Застигнутый врасплох Митридат поспешил со своей армией на помощь сестре. Но по прибытии он обнаружил, что изобретательная вдова Лаодика согласилась выйти замуж за Никомеда. Его сестра в одной постели с этим ненавистным предателем! Митридату пришло в голову, что, может быть, она и пригласила Никомеда «вторгнуться» в страну. Этот неожиданный альянс означал, что Лаодика и Никомед будут управлять Каппадокией вместе через ее послушного сына Ариата VII.

Митридат быстро «переключил скорость». Он продолжал «спасательную миссию», чтобы посадить своего племянника Ариата на каппадокийский трон. В сражении Митридат одолел армию Никомеда и заставил его и Лаодику бежать обратно в Вифинию. Племянник Митридата Ариат VII стал новым несовершеннолетним правителем Каппадокии. Портрет юноши был включен в круг друзей Митридата на памятнике на Делосе. Однако неопытному юному царевичу нужен был покровитель, если Митридат хотел косвенно контролировать Каппадокию, не беспокоя римский сенат. Дядюшка Митридат предложил, чтобы его племянник пригласил Гордия — убийцу собственного отца юноши! — в качестве советника! Молодой Ариат VII заметил ловушку. Если он примет Гордия, то станет дешевой марионеткой. Если откажется, то у дяди Митридата появится предлог для войны. Ариат отказался и решительно повел армию в бой.

Опять неудача! Мальчик не только унаследовал вызывающие манеры от матери и бабушки: шпионы Митридата сообщили, что Никомед послал ему помощь. План Митридата провалился. Теперь Митридату предстояло встретиться в битве с сомнительным исходом с упрямым подростком. Отчаявшийся Митридат собрал впечатляющее войско: 80 тысяч пехотинцев, 10 тысяч кавалеристов и 600 колесниц с серпами. Эти цифры, скорее всего, несколько преувеличены; но тем не менее впечатляющее войско Митридата говорит о его богатстве и популярности. Но ему страшно не хотелось тратить свою армию на достижение того, что должно было бы стать бескровной оккупацией. Митридат подготовил другой решительный план действий.

Он послал за своим восьмилетним приемным сыном, незаконнорожденным ребенком своей умершей жены Лаодики. О том, что случилось дальше, сообщает в красочных подробностях Юстин — может быть, потому, что свидетелей было так много. Полагаясь на красочный рассказ Юстина, мы можем только добавить несколько небольших деталей, и получится прямо сцена из фильма^[213].

На восходе две армии вышли на поле боя. Мы слышим звон оружия, которое готовят к битве; боевые знамена шумят на ветру. Царь Митридат выезжает на холм между армиями; его видно всем. Он требует встречи со своим племянником здесь, между армиями. Митридат всем напоказ кладет на землю свой лук и стрелы, дротики и отвязывает меч. Подозрительно настроенный Ариат посылает

охранника: тот должен обыскать его дядю и найти спрятанное оружие. Воин начинает нервно ощупывать Митридата от могучих плеч до кожаных сапог. Когда руки парня хватают Митридата за штаны «как-то слишком внимательно», царь прерывает его грубой шуткой: «Берегись-ка, а то найдешь совсем не то оружие, что ищешь!» Смущенный и растерянный охранник отходит в сторону.

Ариат приближается к поросшему травой холмику между армиями, где стоит Митридат — в одиночестве; царь приветливо улыбается. Придворные и воины в передних рядах с обеих сторон смотрят — внимательно, молча. Митридат берет племянника за руку и просит переговорить с ним наедине. Когда они поворачиваются, чтобы пройти вместе, Митридат быстро сует руку в штаны и выхватывает стилет, который лежал, припрятанный, вдоль его члена. Одним жестоким ударом лезвие перерубает горло юноши.

Митридат наклоняется и поднимает из пыли корону убитого племянника. Величаво подойдя к запуганному мальчику у линии войск, он торжественным жестом возлагает корону на его голову и выкрикивает его новое имя: «Да здравствует Ариат, царь Каппадокии!» По сигналу мрачный Гордий выходит вперед и уводит ошарашенного нового правителя Каппадокии прочь. Шокированные зрелищем наследственной смены правителя, которую они только что видели, лишенные царя, за которого они могли бы сражаться, полководцы настоящего Ариата и его воины смущены и беспомощны. Будет только еще один случай, когда Митридат зверски убьет человека на публике, чтобы шокировать окружающих.

Правление Гордия от имени приемного сына Митридата Ариата было популярно в Каппадокии. Но несколько лет спустя, около 96 г. до н. э., Никомед III поднял мятеж. Он послал за младшим братом убитого царя. Эту несчастную пешку провозгласили Ариатом VIII. Митридат отправил армию и подавил мятеж. Что же случилось с Ариатом VIII? Говорят, что мальчик умер «от болезни, вызванной горем». Незаконнорожденный сын Митридата, которого теперь стали называть Ариатом IX, продолжал править вместе с Гордием, который был истинной властью за тронем царя^[214].

Между тем Митридат наладил связи с антиримскими мятежниками в Италии, завоевывал расположение дунайских галлов и осыпал дарами северных кочевников. Он был любимым патроном

греков и посылал посольства в Северную Африку, Египет и в Парфию. Он послал послов с подарками и в Рим. Историк Диодор охарактеризовал их как «большие суммы денег для подкупа сената». В любом случае послы Митридата, философы и государственные люди из Анатолии, были жестоко оскорблены официальными лицами Рима — тягчайшее преступление в римской дипломатии, как было известно Митридату. Его послы немедленно потребовали правосудия в публичном процессе^[215].

Митридат консолидировал свои владения и распространял свое влияние, хотя как хитрость Никомеда III, так и месть римлян вскоре поставят под вопрос прочность его империи. Вскоре после убийства своего племянника Ариата Митридату представилась возможность встретиться лично с одним из наиболее знаменитых представителей римской власти.

Переговоры с Марием

Примерно в 99/98 г. до н. э. Гай Марий — великий плебей, герой войны, который старался поддержать свою власть в Риме, прибыл в Анатолию. Его партия популяров только что проиграла выборы на фоне человекоубийственного мятежа в самом городе. Старые клановые войны перерастали в насилие; это было начало кровавых гражданских войн, которые будут пожирать Рим следующие два поколения. Оставив позади свою верную армию ветеранов, Марий отплыл в Каппадокию и Галатию.

Марий, которому тогда было около пятидесяти восьми (больше чем на двадцать лет старше Митридата), был суровым, отважным лидером, которого любили воины. Он сам копал траншеи, ел воинский паек и спал на земле, как рядовые. Марий храбро сражался в Испании и Африке, а в Германии его легионы истребили более 300 тысяч человек и обратили в рабство более 150 тысяч. По своей физической силе, военному умению и безжалостности Марий был римлянином, которым Митридат мог восхищаться и у которого мог учиться.

Митридат, конечно, очень хотел бы услышать от самого Мария его версию истории с пленением Югурты, мятежного царя Нумидии. Говорили, что амбициозный офицер-патриций Луций Корнелий Сулла

приписал себе всю честь за победу Мария в Северной Африке. Сейчас Сулла находился в Риме со своей собственной армией; он вполне имел возможность полностью захватить власть. Надвигалась гражданская война между этими двумя ожесточенными врагами — более старым Марием и его бывшим протеже Суллой. Враги старались получить командование армией, которую сенат вскоре должен будет послать, чтобы покорить Митридата. Кто же станет самой большой проблемой для Митридата — Марий или Сулла?

Рис. 6.5. Марий, размышляющий на руинах Карфагена. Гравюра Й. Вандерлина, 1842

Марий говорил, что прибыл якобы для того, чтобы исполнить священный обет — посоветоваться с оракулом великой анатолийской богини-матери Кибелы в ее святилище в Пессинунте. Как и большинство великих римлян и других политических лидеров того времени, Марий не только сам был суеверен: он также понимал

значимость религии для политики. Еще мальчиком Марий спас несколько птенцов-орлят: его предсказатели увидели в этом признак того, что он достигнет высшей власти в Риме. В Ливии знамение в виде двух сражающихся скорпионов помогло ему избежать гибели. Мария всегда сопровождала свита из этрусских авгуров, которые интерпретировали знаки судьбы; иногда полководец доходил до того, что сам себе создавал благоприятные предсказания во время походов. Например, в Германии его воины поймали пару коршунов, хорошо накормили их и затем надели на них бронзовые ошейники. Всегда можно было видеть ручных хищников, которые парили над войсками Мария. Мысль о том, что коршуны Мария скоро будут пировать на телах убитых германцев, заставляла римлян быть уверенными в победе.

В бурные годы непосредственно перед поездкой Мария страшные предзнаменования — пылающие копья и щиты в небесах — были видны по всей Италии. В 104 г. до н. э. римские провидцы сообщили, что «оружие в небе внезапно устремилось друг на друга с востока и с запада, и оружие с запада одолело оружие с востока». Во время встречи с Марием Митридат мог вести беседу на арамейском по поводу этих предзнаменований с сирийской пророчицей Мария — Марфой. Ее нашли на гладиаторских играх в Риме: она точно предсказывала, кто станет победителем. Теперь Марий говорил, что «следует совету Марфы во всех своих предприятиях». Она сопровождала его везде; высокие рабы из ее родной Сирии несли пророчицу в роскошных носилках. Одетая в багряное платье с золотой брошью, помахивая маленьким копьем, украшенным лентами, Марфа руководила театрально поставленными религиозными жертвоприношениями Мария^[216].

Если Митридат хотел знать все о Марии, то и Марий тоже хотел больше знать о царе Понта. От своих провидцев и сирийки Марфы Марий знал о предсказаниях, которые окружали рождение Митридата. Он хотел встретиться с этим амбициозным, популярным властителем, прощупать его характер, понять его намерения, поскольку на самом деле Марий прибыл, чтобы разведать ситуацию в Каппадокии. Насколько близка была война? Как мог Марий сделать так, чтобы завоевать себе славу в конфликте, который уже разгорался из-за растущей власти Митридата?

Эта была первая аудиенция Митридата лицом к лицу с харизматичным римским полководцем. Оба лидера были охвачены любопытством, но тем не менее очень хотели казаться сильными и уверенными в себе^[217]. Митридат принял Мария «с великим вниманием и уважением». Прямой как аршин, с вечно презрительным выражением лица и командирским голосом, Марий производил величественное впечатление. Его глубокое презрение к аристократической роскоши и эрудиция были хорошо известны; Митридат для переговоров мог сделать вид деревенского вояки. Может быть, они встретились на царском тренировочном поле. Марий гордился своим умением обращаться с оружием и скакать верхом; он ежедневно упражнялся с гораздо более молодыми воинами. Митридат тоже любил показать себя: они подходили друг другу и в другой жизни могли бы стать друзьями.

Хорошо известны прощальные слова, которые старый полководец сказал Митридату: «Или стань сильнее римлян, или покорись им!» Современные историки не имеют единого мнения по поводу того, каков же был подтекст безапелляционного заявления Мария. Может быть, это было дружеское предупреждение? Может быть, Марий бросал Митридату вызов — потягайся, мол, с Римом? Суровый афоризм Мария дошел до римлян и повысил его статус в сенате^[218].

Буквальный смысл фразы Мария был банален. «Победи или сдавайся» — типовой совет для любого человека в любое время. «Будь сильнее или сдайся» также относилось и к собственной позиции Мария по отношению к Риму и его врагу — Сулле. Расчетливые действия Митридата до сих пор уже показали, что он хотел стать таким сильным, что ему уже никогда не придется повиноваться Риму. Меряясь силами, взвешивая мощь стальной воли друг друга, каждый из них безмолвно чувствовал за банальностью правду: ни для того ни для другого среднего пути не было. Но кем они станут — друзьями или врагами? Мы не можем воспроизвести молчаливый язык их тел, тон голоса или жесты, которые, наверное, говорили столь о многом на этой встрече. Я могу себе представить, что, когда эта простая фраза была произнесена, двое мужчин посмотрели друг другу в глаза, обменявшись понимающими взглядами.

Противостояние с Римом

Благодаря вмешательству Никомеда III каппадокийский «цирк» начал выходить из-под контроля Митридата, вызывая гнев Рима и нарушая привычку Митридата действовать исподтишка. Когда младший сын царицы Лаодики Ариат VIII умер от «горя» и Митридат обеспечил за собой Каппадокию, Никомед стал бояться, что Митридат дальше обратит свое внимание на Вифинию. Чтобы настроить римлян против Митридата, Никомед и Лаодика нашли одного красивого молодого человека и хитро подготовили его, чтобы он сыграл роль «потерянного» третьего сына убитого царя Ариата VI, первого мужа Лаодики. Лаодика препроводила этого нового самозванца в Рим и получила аудиенцию в сенате в качестве царицы Вифинии и Каппадокии. Лаодика поклялась, что этот юноша — ее сын и законный наследник каппадокийского трона.

Митридат немедленно отправил в Рим своего помощника Гордия. Регент Каппадокии произнес блестящую речь-опровержение в сенате. Этот юноша — самозванец! Гордий рассказал, что мальчик на самом деле сын печально известного врага Рима, мятежника Аристоника. Удивительно, что Митридат и Гордий возродили из мертвых призрак мятежников — «граждан солнца» (133–129 гг. до н. э.). Это массовое народное восстание — которое произошло около тридцати лет назад — все еще могло встревожить сенат и заставить действовать последователей Митридата.

Гордий также пытался подкупить римских официальных лиц. Ответ сенаторов был умеренным. Как Никомеду, так и Митридату приказали покинуть царства, над которыми они пытались господствовать. Сенат официально освободил Пафлагонию и приказал каппадокийцам выбрать нового царя, поскольку царская семья теперь вымерла.

В то же самое время Сулла, новый римский претор, отправился в Киликию с легионом (ок. 5 тыс. человек). Ему приказали разгромить тамошних пиратов. Однако по дороге Сулла завернул в Каппадокию. Это было первое, косвенное столкновение Митридата с Суллой, который был на несколько лет его старше. Армия Суллы победила войска, защищавшие Гордия и его юного протеже, которыми командовал полководец Митридата Архелай. Гордию и юному Ариату

IX пришлось вернуться в Понт, и Сулла лично короновал нового каппадокийского властителя — Ариобарзана (ок. 95 г. до н. э.). Угрожающему присутствию Суллы соответствовали и его речи. Он предупредил «царьков» Анатолии, чтобы они отказались от своих последних захватов земель, а не то плохо им придется^[219].

Митридат с отвращением наблюдал за уступчивостью вифинского проныры Никомеда III. Никомед и Лаодика оказались банкротами: они цеплялись за союз с Римской республикой, как за последнюю соломинку. Митридат, загнанный римскими войсками в угол в Западной Анатолии, не сопротивлялся. Он убрал свои войска и стал ждать.

Царь Армении Тигран

Митридат обратил свое внимание на восток, к Армении, которая была далеко от сферы интересов Рима. Ему нужен был сильный, надежный союзник. Пока что царь хотел избежать конфронтации с Римом. Около 96 г. до н. э. Тигран II Армянский вернулся из Парфянской империи (Древняя Персия, современный Иран), где жил последние тридцать лет, чтобы вернуть себе отцовский трон.

Еще мальчиком Тигран (персидское название планеты Меркурий) был послан в качестве царственного заложника к парфянскому двору и вырос там. В Ктесифоне он получил воспитание в рамках парфянской культуры — смесь традиций кочевников и древних иранцев. Персидское влияние в Армении было очень сильным, а мать Тиграна была аланской принцессой из-за Кавказа. Как и царские брачные альянсы того времени, практика отдавать царевичей в заложники была способом обеспечить дипломатические отношения между не доверявшими друг другу союзниками. (Другие примеры — Филипп Македонский, воспитанный в Фивах, и Кир Великий, выросший в Мидии.) Когда отец Тиграна умер, парфяне позволили Тиграну, которому тогда было 46 лет, увенчать себя царской тиарой Армении; было оговорено, что он будет следовать воле парфян, как и его отец. Но у Тиграна были большие надежды на то, чтобы построить Армянскую империю.

Примерно в 94 г. до н. э. Гордий отправился ко двору Тиграна в Артаксате как посол Митридата. Высоким амбициям Тиграна соответствовал его острый ум. Видимо, он был знаком с предсказаниями о Митридите и кометах 135 и 119 гг. до н. э. и тем, как маги благословили долгожданного «царя-спасителя» Понта. Он был в курсе завоеваний Митридата. Союз с человеком, который уже становился императором Причерноморья, мог быть полезен. Тиграну удобно было оказывать протекцию торговле по Северному шелковому пути из Китая в Причерноморье и получать от нее пользу^[220]. Тигран выслушал точку зрения Митридата на текущую политику: Гордий сообщил ему о римских имперских махинациях в Западной Анатолии.

У Гордия было предложение: он посоветовал Тиграну напасть на слабую Каппадокию и устранить римскую марионетку — Ариобарзана. В ответ понтийский царь Митридат предложил его величеству руку любимой дочери, царевны Клеопатры, которой было шестнадцать. Все древние авторы согласны в том, что Митридат проявлял искреннюю заботу о всех своих дочерях и что они платили ему ответной любовью. Фактически искренняя привязанность царя к девушкам делала его дочерей еще более ценными участниками брачных альянсов.

Тигран согласился на такой союз. Армения сражалась против римлян на стороне Антиоха Великого и давала убежище Ганнибалу, который был автором планировки столицы Армении. Но Тигран прожил большую часть жизни в дальней Парфии, будучи недостижим для Рима. Согласно Юстину, Тигран мало знал Рим и не представлял себе, что римляне будут так серьезно возражать на изменение режима в Каппадокии. Тигран подарил Гордию несколько великолепных армянских скакунов для путешествия обратно в Каппадокию, чтобы приготовить путь для нападения Тиграна^[221].

В 94 г. до н. э. Митридату было около сорока, и он был на несколько лет младше своего новоиспеченного зятя. После того как царская свадьба завершила заключение договора, оба монарха стали друзьями и естественными союзниками, уважая друг друга, как равных. Оба обладали сильной волей, были богаты, амбициозны, энергичны и популярны. Оба любили ездить верхом на горячих конях и обожали охоту, наслаждаясь спартанской жизнью на природе, и при этом с наслаждением купались в придворной роскоши. Они охотились

вместе на оленей, кабанов и львов, останавливаясь в охотничьих домиках Тиграна в его лесных и горных поместьях. Хотя оба владели греческим, Митридат быстро выучил парфянский и армянский языки. При дворе оба царя носили дополнявшие друг друга платья в персидском стиле: Тигран — темно-пурпурную одежду и корону, Митридат — сверкающе белую с простой пурпурной диадемой. Как это было у него принято, Митридат подарил Тиграну агатовое кольцо со своим портретом.

Традиционно армянские монархи носили особую тиару, усыпанную звездами, но Тигран в этом отношении был особенным. Его венец был украшен кометой с длинным изогнутым хвостом: это изображение фигурировало на нескольких монетах Тиграна (см. рис. 2.2). Митридат должен был считать этот узор в виде кометы признаком преданности Тиграна Понту и намеком на величественные кометы, возвещавшие явление долгожданного спасителя. Митридат считал себя «царем царей», шахиншахом — древний титул самого могущественного властителя в землях, находившихся под влиянием Персии^[222].

Но у первого великого царя Армении, Тиграна, были свои планы. Старший царь не считал, что исполняет волю Митридата. Взаимная поддержка помогала Тиграну добиваться своих собственных целей — объединить и расширить свое царство. Тигран уже аннексировал часть Каппадокии и распространял свою территорию на юг, захватывая слабое царство Сирия. Он также «откусил» довольно большую часть территории парфян, которые отбивали вторжения кочевников на восточной границе царства. В свое время армии Тиграна опустошат Месопотамию и займут Сирию, Финикию и Киликию. Армянский завоеватель вознаграждал города, которые присоединялись к нему, опустошал те, что сопротивлялись, и переселял целые народы, словно это были пешки на игровой доске. В то время как Митридат ввязался в неизбежные войны с Римом, Тигран начал строить свой сказочный новый город Тигранакерт. Столица должна была сравниться с величием Суз и Вавилона: город был населен переселенными жителями городов, которые Тигран стер с лица земли. Ободренный своими победами — а может быть, и появлением кометы Галлея в период его царствования, — Тигран даже начнет называть «царем царей» себя самого.

Но когда он впервые вступил в союз с Тиграном в 94 г., Митридат не подозревал о великих планах своего нового зятя. После того как Тигран женился на Клеопатре, друзья заключили еще одну сделку. Они договорились, что в их совместных кампаниях в Каппадокии и в других местах Митридат получит города и землю. Все пленные и сокровища должны будут принадлежать Тиграну. Этот союз говорит о том, что доходы Митридата уже были обширны и надежны. Он возвратился в Синопу, начав двигаться в сторону возвращения себе косвенного контроля над Каппадокией. Атака Тиграна будет способом проверить решимость Рима. Приготовления Митридата к войне включали весьма активную чеканку монеты в 93–89 гг. до н. э., чтобы платить большим армиям и за оружие^[223].

Запутанная ситуация в Анатолии стала еще более туманной, и хронология событий тут безнадежно путается. Мы знаем, что, когда армия Тиграна под предводительством полководцев Митры и Багоя вторглась в Каппадокию (примерно в 93 г. до н. э.), новый царь-марионетка Ариобарзан впал в панику. Он бежал и отплыл к своим покровителям — в Рим. Согласно плану, Тигран затем призвал Ариата IX и Гордия из Понта, чтобы они правили Каппадокией на условиях Митридата.

Тигран выполнил свою часть сделки. Ему совсем не хотелось воевать с Римом, и в любом случае Каппадокия обеднела после многих лет грабежа разными армиями. Тигран захватил больше пленных, чем добычи. Армянская армия ускользнула обратно в Артаксату, позволив Тиграну дальше исполнять свои великие планы^[224].

Ловушка для Аквилы

Примерно в то же время Митридат узнал, что его старый враг Никомед III, царь Вифинии, скончался. Ему наследовал его слабый сын Никомед IV — жестокий тиран. Шпионы Митридата сообщили, что единокровный брат Никомеда, Сократ Благой (Хрест), пользуется поддержкой населения. Митридат послал убийцу по имени Александр, чтобы тот устранил Никомеда, но заговор провалился^[225].

Затем Митридат предоставил Сократу командование понтийской армией. Судя по всему, Митридат также обещал Сократу руку своей

дочери Орсабариды — традиционный способ заключения соглашения и поддержания косвенного контроля за тронном (ее имя фигурирует на вифинских монетах того времени). Народ Вифинии приветствовал Сократа, когда он маршировал через вифинские села. Однако, когда Сократ приблизился к столице Никомедии, ситуация стала патовой: Никомед IV забаррикадировался в своем замке.

Между тем Митридат, чтобы отвлечь римлян, послал послов к дальним племенам к северу и западу от Черного моря (фракийцам, киммерийцам, бастарнам, сарматам, роксоланам). Предлагая им награды, он попросил их напасть на Римский гарнизон в Македонии (Северная Греция)^[226].

Однако вскоре римский сенат, на время отложив войну с италийцами (предложив им гражданство), снова обратил внимание на провинцию Азия. Каппадокия и Вифиния должны были быть пассивными царствами-клиентами. Теперь опять оба находились в кризисе, а марионеточные правители — Ариобарзан и Никомед IV — забили в Рим, умоляя им помочь. Сенат был взволнован этими новыми событиями, но не мог послать больше войск: он отправил Манья Аквилия, чтобы тот навел порядок в Анатолии. По указу сената двойной миссией Аквилия в 90 г. до н. э. было вернуть Никомеду IV власть над Вифинией и вернуть Ариобарзана на каппадокийский трон. Оба царя-клиента прекрасно понимали, что правят волей Рима. Аквилия должен был поддержать Луций Кассий, правитель Азии, и один римский легион, размещенный в Пергаме.

Аквиллий был плохим кандидатом для исполнения тонкой дипломатической миссии. Он был сыном Манья Аквилия Старшего — его ненавидели по всей Анатолии как печально известного римского правителя, уничтожившего «граждан солнца» с помощью яда. Он также «славился» коррумпированным управлением в Пергаме. В Риме Аквиллий Старший оказался под судом за чудовищную скупость, злоупотребление служебным положением и взятки, однако ему удалось избежать наказания. Его сыну повезло меньше. Аквиллий Младший, не подозревавший о том, какая страшная судьба его ожидает, отплыл в Вифинию, надеясь сколотить себе состояние так же, как и его отец, вымогая взятки и собирая чудовищные налоги^[227].

Когда его союзник Тигран, царь Армении, оккупировал Восток, а сенат посылал угрожавших ему послов, таких как Сулла и Аквиллий,

Митридат должен был пересмотреть свою стратегию и продолжать проявлять гибкость, не теряя лица. Ему повезло: Сократ Благой внезапно скончался по неизвестной причине. Видимо, он выпил или съел что-то, что не пошло ему на пользу, — как и очень многие люди, земное существование которых было неудобным для царя ядов. Орсабариде вернулась домой, в Понт, и Митридат отозвал понтийскую армию. В результате военный кризис в Вифинии сдвинулся как раз тогда, когда Аквиллий и Кассий прибыли с римским легионом, усиленным набранными в Фригии и Галатии войсками. Никомед IV снова забрался на вифинский трон.

Однако Никомед IV был вынужден очень много занять у римских «спонсоров», чтобы снова обеспечить себе вступление на трон. Он не только заложил финансистам собственное царство, но и обещал огромные выплаты сенаторам, которые вернули его к власти. Запутавшись в шантаже и долгах, лишенный собственной воли, Никомед — если изложить это в словах, понятных для Митридата и его находившихся под персидским влиянием последователей, — падал в пропасть, вынужденный выполнять волю сил Тьмы и Лжи.

Аквиллий и его отряд римских легатов посетили Никомеда в Вифинии. Аквиллий напомнил царю-клиенту о его финансовых обязательствах, по которым он был должен. Однако Никомед стал жаловаться, что вифинские деревни разграблены-де войсками Сократа, которые послал Митридат. Царская сокровищница Вифинии пуста. Ну как же, ныл Никомед, ему расплачиваться с долгами?

Аквиллий выдумал хитрый план. Вифиния разорена? Ну что же, зато Понт богат. Митридат поддерживал претендента на престол, Сократа Благого, который пытался украсть корону у Никомеда. Римские шпионы сообщили, что весь флот Митридата находится в Северном Причерноморье. Аквиллий сказал Никомеду, чтобы тот послал свой флот разграбить незащищенные портовые города Митридата. В то же самое время армия Никомеда должна была совершать набеги на границе, грабя города Западного Понта. Пока Никомед собирал деньги, которые он был должен, Аквиллий пообещал, что римский легион Кассия будет защищать Вифинию от мести Митридата. У Никомеда не было выбора. Он капитулировал и стал выполнять приказы Аквиллия. Никомед происходил из династии

коллорабационистов, и ему было суждено остаться креатурой Рима до конца своих дней^[228].

И так началась война с Римом, которая продлится всю оставшуюся жизнь Митридата.

В конце 89 г. до н. э. Никомед IV послал свои войска, чтобы ге напали на порты Митридата на восток до самой Амастриды, и приказал своей армии напасть на Западный Понт. Никомед вернулся с огромным количеством добычи, чтобы заплатить свои чудовищные долги римским сенаторам, полководцам и другим кредиторам. Хозяин Никомеда, Аквилый, посчитал, что эти набеги станут уроком для высокомерного «царька» Митридата. Однако на сердце у Никомеда был ужас. Ведь во время всех этих набегов его люди не встречали никакого сопротивления. Это было похоже на ограбление никем не охраняемой кондитерской. Где же были местные гарнизоны? Это зловещее молчание Митридата не предвещало ничего хорошего.

Митридат, конечно, прекрасно знал все о провокациях Аквилия: его друзья в Вифинии должны были сообщить ему о плане римлянина. Армия и флот Митридата, все его войска были наготове, но он ничего не предпринял. Вместо этого он послал флот на маневры на север Причерноморья. Он отправил вестников в богатые порты Понта и в города на границах, чтобы предупредить их о грядущей атаке и информировать их о своей стратегии. Согласно ей жители населенных пунктов, которые стали целью атаки Никомеда, должны были бежать в безопасное место, оставив достаточно ценных вещей, чтобы вифинцы могли их разграбить. Никаких понтийских войск во время вторжения видно не было.

Митридат хотел, чтобы у него было «большее количество» и «более благовидных предложений для будущей войны», пишет Аппиан. Он понял, что римляне не доверяли Причерноморской империи, которую он создавал, и тайно хотели разрушить ее. Никомед был слабаком, которого его римские хозяева побуждали атаковать Понт. Эта конфронтация назревала уже давно. Митридат понял, что Рим, занятый Союзнической войной в Италии, не может позволить себе послать в Анатолию еще легионы^[229]. Вторжение Никомеда позволило Митридату расставить ловушку. Римские полководцы в Вифинии и их вынужденные союзники зашли прямо в нее. Теперь перед всем миром Митридат оказался невинной, ничего не подозревавшей жертвой

агрессивной и ничем не спровоцированной атаки на Понт, которую организовала жадная римская волчица.

До этого момента политика Митридата была политикой зондирования и проверки, набегов и отходов; он постоянно проверял реакцию римлян. Он «организовывал кризисы то тут, то там, сея смятение и двусмысленность в Риме», замечает историк Брайан Мак-Гинг, «в то же время тщательно наблюдал, делая Понт непобедимым, и готовился к войне, так что, когда произошел взрыв, все щепки полетели в его пользу». Митридат уже послал выдающегося оратора Ксенокла из Адрамиттия и других посланников в Рим, чтобы изложить жалобы Анатолии сенату. До того как Аквиллий и Никомед вторглись в Понт, царь старался терпеть и приспособливаться^[230].

Митридат излагает дело

Теперь Митридат ухватился за возможность публично предъявить свои претензии Риму. Он послал красноречивого греческого государственного мужа по имени Пелопид на дебаты государственного уровня с представителями Никомеда: судьями должны были быть Аквиллий, Луций Кассий и Квинт Опций в их лагере в Вифинии. Аппиан, у которого был доступ к имперским архивам и воспоминаниям некоторых людей, присутствовавших там, рассказывает, что сказала каждая из сторон. Одним из источников Аппиана стал Публий Рутилий Руф, бывший друг Мария, который позднее написал историю Митридатовых войн (ныне утраченную). Почтенный и приятный провинциальный чиновник в 105 г. до н. э., Рутилий попытался сдержать потерявших совесть собирателей налогов, но был за свои усилия осужден в Риме в 92 г. до н. э. После этого Рутилий остался в Анатолии, где был популярным персонажем. Еще одним источником того, что происходило на этих встречах, стал Луций Корнелий Сизенна, римский воин-историк Митридатовых войн, чья многотомная хроника теперь утрачена, но ею пользовались авторы дошедших до нас историй, такие как Аппиан и Саллюстий^[231].

Современные историки считают речи, зафиксированные у Аппиана, точным отражением тех обид, о которых сообщил Митридат представителям Рима, даже если точные слова уже утрачены.

Митридат — мастер пропаганды, наверное, распространил эти речи между своими друзьями и союзниками в Анатолии и Греции. Митридат также намеревался представить свое дело в сенате, так что его аргументы, видимо, существовали в письменной форме и их могли видеть древние историки^[232].

Митридат, тщательно изучивший традиционную римскую внешнюю политику, считал, что сенат не одобрит решения Аквиллия начать войну. Однако царь подготовился ко всем случайностям, поскольку становилось очевидным, что события в Италии подрывают власть сената и мешают ему контролировать таких амбициозных полевых командиров, как Сулла, Марий и Аквиллий.

Пелопид начал с того, что напомнил римлянам, что отец Митридата был официальным «другом Рима» и что сам Митридат поддерживал такую мирную дружбу. В ответ, говорил Пелопид, «они лишили его Фригии и Каппадокии; последняя всегда принадлежала его предкам и была вновь захвачена его отцом, и Рим не противостоял этому». Указывая на Аквиллия, Пелопид сказал: «Фригия же в качестве дара за победу над Аристоником и «гражданами солнца» была дана вашим же полководцем, твоим отцом, Маний Аквиллий».

Теперь, говорил Пелопид римлянам, «вы спокойно допускаете, что Никомед закрыл вход в Понт, что он делает набеги на нашу землю, вплоть до Амастриды, и угоняет добычу, какую вы сами точно знаете». Ловкое противопоставление мирной торговли и незаконного грабежа выставляло самих римлян в роли пиратов и показывало Митридата мирным защитником черноморской торговли.

«Мой царь не слаб и вполне готов к защите», продолжал Пелопид, но «он ждал, чтобы вы сами собственными глазами стали свидетелями того, что совершается». Пелопид продолжил свою речь просто — он стал намекать на то, что Риму свойственно предавать союзников. «Митридат, друг вам и союзник, просит вас, своих друзей и союзников (так гласит договор), помочь нам, подвергающимся обидам со стороны Никомеда, или запретить ему наносить обиды».

Посланники Никомеда стали возражать против идей Пелопида. Митридат составил заговор против Никомеда, чтобы посадить Сократа Благого на трон силой оружия — так говорили они. Ныне покойный и всеми оплакиваемый Сократ, некогда мирный царевич, попал под

зловещее влияние Митридата. Фактически (заявили они), «он сделал это не столько против нас, сколько против вас, римлян».

«Все это достаточные доказательства его дерзкого отношения к вам, его враждебности и его неповиновения; но посмотрите, какие огромные у него приготовления, как будто к какой-то большой и уже объявленной войне». Вифиняне перечислили огромные армии, которыми командовал Митридат. Понтийская армия включает в себя «союзников, фракийцев и скифов, и всех ближайших племен, теперь, когда Митридат завоевал Крым и Северное Причерноморье. С царем Армении у него брачный союз, а к царям Египта и Сирии он все время посылает посольства». В его флоте уже триста боевых кораблей, и он даже нанимает опытных моряков из Финикии и Египта. «Все эти приготовления, столь огромные, направлены, конечно, не против Никомеда, — предупреждали они, — но против вас, о римляне!»

Посланники Никомеда очертили стратегию Митридата. «Не против Никомеда, но против вас, о римляне, готовит все это Митридат! Дело мудрости, — завели свою речь послы, — не ожидать, когда он сам захочет объявить вам войну, но обращать внимание больше на его дела, чем на его слова, и тому, кто ложно надел на себя маску дружбы, не выдавать верных и постоянных друзей, вифинцев». Митридат не только наш враг, гремели вифинские послы, — Митридат угрожает самому Риму!

Изображая беспристрастность, римляне позволили Пелопиду ответить на обвинения. «Относительно прежних дел, если Никомед считает нужным на что-либо жаловаться, римляне произнесли уже свое решение, — процедил Пелопид. — Что же касается теперешних (*ведь они произошли на ваших глазах*, когда земли Митридата были разграблены, морские пути перерезаны и столь крупная добыча угнана)... — И он повторил свое простое — и вполне разумное — требование: — Вновь обращаемся мы к вам, римляне, с предложением или запретить подобные действия, или выступить на помощь Митридату, несправедливо обиженному, или, в конце концов, о представители римского народа, не мешайте ему защищаться!»

Полководцы уже были на стороне Никомеда IV. Однако красочная речь Пелопида заставила их «смутиться», напомнив, что старый договор Рима с Понтом еще действовал и что собственный отец Аквиллия отдал Фригию отцу Митридата: насильственные действия,

предпринятые Римом, были в резком контрасте с защитой свободной торговли, которую предоставлял Митридат. Действительно, Митридат согласился и увел свои армии; он не вредил Риму. Сенат не посылал Аквиллия затем, чтобы он воевал с Митридатом. Полководцы «долго колебались, какой дать ответ».

Наконец, после длительных консультаций, они «додумались до следующего хитроумного ответа»: «Мы бы не хотели, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед потерпел ущерб».

Пелопид сообщил о результате переговоров Митридату в Синопе. Грубое отрицание римлянами справедливости, причем таким публичным образом, не оставляло Митридату выбора^[233]. Он немедленно позвал своего приемного сына Ариата IX, предоставил ему большую армию и послал его занять Каппадокию. Ариат выгнал Ариобарзана обратно в Рим и вернул себе каппадокийский трон.

Затем Митридат снова отправил Пелопида в римский лагерь с очень важной миссией. Аппиан пересказал и речи на этих встречах — с подробностями, которые передают суть речей Пелопида, и демонстрируют дипломатический и пропагандистский гений Митридата. Речь показывает, насколько умно Митридат построил свои доводы против римского присутствия в Анатолии: он показывал, что Аквиллий — агрессор, которым руководит чистая жадность, и это оправдывает оборонительные действия Митридата.

«Вы уже слышали, о римляне, какие обиды потерпел от вас царь Митридат, — начал Пелопид. Он жестикулировал, и на его кольцо сверкало золотое кольцо с агатом с портретом его государя. — Вы недавно отняли у него Фригию и Каппадокию; с другой стороны, то, что Никомед на глазах у вас причинил ему столько вреда, вы оставили без внимания. Когда мы напоминали вам о нашей дружбе и союзе, вы ответили нам, как будто не мы жаловались, а жаловались на нас, — сказав, что вы считаете вредным для дела римлян, если Никомед потерпит ущерб, — как будто бы он был обиженным».

Следующий отрывок отражает то, что Митридат прекрасно понимал основные законы Рима. «Вы дадите ответ римскому сенату за то, что произошло в Каппадокии!» Пелопид предупреждал Аквиллия, чтобы тот не начинал такой масштабной войны без официального

постановления сената. Если он так поступит, то Митридат «отправит с обвинением против вас своих послов в ваш сенат; он вызывает вас, чтобы вы перед сенатом оправдались в своих действиях».

Затем посол описал, с чем именно придется столкнуться римлянам, если они объявят войну самому могущественному правителю Востока. Он просил их принять во внимание, что «мой царь Митридат царствует в своей наследственной стране... и, кроме того, приобрел много пограничных земель: и колхов — племя, помешанное на войне, а из эллинов тех, которые живут на берегу Понта, и варваров, живущих севернее. Их друзьями, готовыми на все, что он только прикажет, являются для него скифы, тавры, бастрены, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера. Царь Армении Тигран ему тесть, а парфянский царь Арсак — друг. Кораблей у него большое количество, часть готовых, часть еще строящихся, и снаряжение, во всех отношениях заслуживающее внимания».

Пелопид предсказал, что правители Египта и Сирии также поспешат на помощь Митридату. Затем он обрисовал холодящую кровь картину, которая должна была не на шутку встревожить сенат: «Недавно приобретенная вами Азия, Эллада, Ливия и большая часть самой Италии, не вынося вашей жадности и корыстолюбия, уже сейчас ведет с вами непримиримую войну. Не имея еще сил закончить ее, вы пытаетесь начать новую с Митридатом, поочередно натравливая на него Никомеда и Ариобарзана! Вы говорите, что вы друзья и союзники, и носите такую маску, а обращаетесь с ним как с врагом».

Митридат также дал своему послу инструкции — закончить так, чтобы бросить римским полководцам оскорбление, прикрытое угрозой, которая, в свою очередь, была прикрыта ультиматумом. Если они примут его требование справедливости, то Митридат победит; если они попадутся на наживку, то он готов к войне. «Теперь выбирайте! — восклицал Пелопид. — Или запретите Никомеду обижать ваших друзей (и если вы это сделаете, то я вам обещаю, что царь Митридат окажет вам помощь и содействие против италийцев), или разорвите эту притворную с ним дружбу, или пойдите в Рим на суд».

Римские полководцы реагировали точно так, как ожидал Митридат. Аквиллий приказал Митридату держаться подальше от

Вифинии и объявил, что они вернут Ариобарзана на довольно шаткий теперь трон Каппадокии. Затем римские центурионы насильно препроводили Пелопида на границу Понта, поскольку боялись, что он сможет взбунтовать вифинских крестьян в пользу Митридата. Эта деталь говорит о том, что враждебность людей к Риму и поддержка ими Митридата должны были быть ощутимы.

«Не дождавшись решения сената или народного собрания относительно столь значимой войны», пишет Аппиан, Аквиллий немедленно приготовился к вторжению в Понт. Митридат заставил его начать масштабную войну с «другом Рима» без одобрения сената. Решение Аквиллия было резким разрывом с традиционной внешней политикой Рима в эпоху поздней республики. Могущественные и нечестные командиры теперь могли начинать войну ради собственной выгоды, а власть сената таяла^[234].

Аквиллий приказал кораблям заблокировать путь в Черное море. Согласно цифрам, которые приводит Аппиан, в войсках завоевателей было 176 тысяч человек (из которых 12 тысяч были римскими легионерами). Трое командующих заняли свои посты в начале 89 г. до н. э. 40 тысяч воинов Аквиллия собрались на границе Понта к югу от гор Ольгассий. 40 тысяч воинов Кассия прошли к границе Вифинии и Галатии, 40 тысяч легионеров Оппия держали дорогу через Каппадокию. Аквиллий проинструктировал Никомеда IV, чтобы его 56 тысяч вифинцев начали вторжение в Понт^[235].

Митридат был более чем готов их встретить.

Глава 7.

Победа

Аквиллий приказал Никомеду IV вести свою армию в Понт и опустошать на своем пути села. Они не знали, что Митридат мог собрать сокрушительную армию, намного больше того, чем могли предположить римляне. Если верить Аппиану, Митридат командовал 250 тысяч воинов и 50 тысяч кавалеристов (включая все резервы и вспомогательные войска от союзников по всему Причерноморью и из Армении, на которые Митридат мог рассчитывать). Согласно Мемнону, у Митридата было 190 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников^[236].

Митридату было около 45 лет, и воинского опыта у него было мало. Аппиан пишет, что для этой первой, ключевой битвы в его карьере Митридат лично возглавил войска, собравшиеся в Синопе, поставив Дорилая во главу греческой фаланги. Баснословное богатство Понта было выставлено напоказ в рядах гоплитов с прекрасной работы бронзовыми шлемами и нагрудниками, позолоченными копьями и щитами, сверкавшими драгоценностями. Были и лучники, пращники и пелтасты (воины, вооруженные легкими мечами и дротиками), благородные персидско-каппадокийские всадники и скифские и сарматские лучники верхом на выносливых низкорослых степных лошадах, украшенных золотой сбруей. Союзник Митридата Тигран дал 10 тысяч армянских кавалеристов, ехавших на больших парфянских конях. 300 боевых кораблей Митридата и 100 пиратских бирем гордо выставляли напоказ великолепные носы и роскошные украшения. Денег не жалели: это величественное зрелище впечатлило собственных воинов Митридата и матросов, а также население и запугивало врага^[237].

Будучи Верховным главнокомандующим, Митридат твердой рукой направлял стратегическое планирование. Он нашел наблюдательный пункт, с которого руководил боевыми действиями и мог отправить больше войск по мере необходимости. Среди его

опытных полевых командиров были братья Архелай (который уже вступал в схватку с Суллой) и Неоптолем, способствовавший покорению Скифии.

Редким для него жестом доверия Митридат назначил своего сына Аркафия, юношу лет двадцати, главой драгоценной армянской кавалерии. Эллинистические цари обычно косо смотрели на то, чтобы позволять кровным родичам командовать войсками, которые могли обратиться против них. Историки задаются вопросом: почему же Митридат, который был печально известен своей паранойей, передал такой важный командный пост своему сыну? Мне кажется, ответ дает то восхищение, которое Митридат испытывал перед Александром. Все знали о том, что Филипп Македонский поставил своего восемнадцатилетнего сына Александра командовать кавалерией в важном сражении при Херонее в 338 г. до н. э. Отважные маневры Александра оказались ключевыми для великой победы Филиппа. Теперь, в 89 г. до н. э., когда Митридат взял на себя командную роль Ксеркса или мастера стратегии — Дария, наблюдая за сражением с высокой точки, он отдал своему сыну роль юного Александра.

К реке Амний полководцы Митридата привели только небольшой отряд — 40 тысяч легкой пехоты и 10 тысяч всадников из армянских кавалеристов Аркафия; численность вифинско-римской коалиции значительно их превосходила^[238]. Но за рядами людей и коней захватчиков ждал смертельный сюрприз — 130 боевых колесниц Митридата, снабженных вращающимися серпами.

Колесницы, известные патриотически настроенным грекам из эпических поэм Гомера, снова вошли в моду после того, как Грецию завоевали римляне. Но в те дни колесницы использовали только для скачек или парадов, а не на войне. В римском цирке роскошные колесницы везли гарцующие «выставочные» кони и даже страусы и тигры. Боевые колесницы с крутящимися лезвиями в форме серпа, выступающими из осей, были архаичным оружием далекого прошлого, которые усовершенствовал предок Митридата Кир Великий.

Любитель войны на колесницах и скачек, Митридат прекрасно знал, что эти страшные военные машины персов не господствовали на поле боя с тех самых пор, как Александр сражался с Дарием III в IV в. до н. э. Митридат должен был изучить битву при Гавгамелах в 331 г. до н. э., когда Александр нанес поражение Дарию. В этом случае войска

Александра были хорошо подготовлены к встрече с машинами смерти Дария. Македонцы просто открыли свои ряды и пропустили колесницы с серпами, позволив им проехать, а затем атаковали их сзади^[239].

Внезапная тактика Александра в общем и целом положила конец эре войн колесниц. Однако в тот день в 89 г. до н. э. — более двухсот лет спустя — Митридат рассчитывал на то, что его современники забыли маневр Александра — уклонение.

Митридатовы войны начались (89 г. до н. э.)

Когда огромная армия Никомеда приближалась к нему по равнине, полководец Митридата Неоптолем послал своих людей захватить скалистый холмик. Началось сражение. Вифинский авангард ринулся на холм, и Неоптолем быстро продвинулся вперед с еще большим количеством людей, крича Аркафию, чтобы тот вводил в бой свою кавалерию. Армянские всадники Аркафия атаковали фалангу Никомеда — рискованное решение, которое могло привести к множеству жертв. Кажется, этот боевой прием был подражанием подвигам юного Александра в битве при Херонее. Может быть, он пытался повторить поступок Александра, используя кавалерию как шоковое оружие для нападения в лоб вместо того, чтобы беспокоить фланги врага? Эта тактика сработала: атака кавалерии Аркафия дала фаланге Неоптолема больше времени, чтобы вступить в столкновение с ошарашенным врагом.

Пока Аркафий преследовал бежавшую с поля боя кавалерию врага, у него за спиной разразилась кровавая схватка. Может быть, Никомед одержит победу благодаря численному превосходству? Люди Неоптолема отступали. Архелай рванулся на помощь брату, направив вперед клин воинов справа, заставив вифинцев повернуть свои ряды и отбивать атаку свежих войск. Архелай повел себя по-умному: он медленно отступал, отводя вифинцев от войск брата и давая им шанс перестроиться.

Вифинская фаланга Никомеда теперь сомкнула ряды; люди стояли спиной к спине, стараясь защитить друг друга от братьев-полководцев, атаковавших на два фронта. Вглядываясь через пыль, клубившуюся

над полем сражения, Кратер — начальник колесниц Митридата — хитро улыбнулся. Атакованная с двух сторон фаланга представляла собой идеальную мишень. Получив радостный сигнал своего главнокомандующего, кратер пустил в бой колесницы. Колесничие хлестнули своих мощных коней в галоп на полную скорость. Внезапно появились 130 боевых колесниц и, словно живые снаряды, вонзились в толпу людей Никомеда. Острые лезвия, крутившиеся со скоростью в три раза больше скорости самих колес, прорезали сбившихся в кучу врагов. Шок был чудовищным; произошла страшная резня.

На момент сражения натурфилософ Лукреций (100–55 г. до н. э.) был мальчиком, росшим в Италии. Позднее Лукреций написал описание атаки колесниц с серпами, от которого волосы встают дыбом. Его вводная фраза — «говорят» — заставляет предполагать, что эта сцена основана на воспоминаниях выживших или свидетелей^[240].

Так, говорят, лезвия колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидеть отсеченные руки и ноги
Можно в то время, как ум и сознание людей не способны
Боли еще ощутить, причиненной стремительной раной...
Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем..
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
Кони ее со щитом среди колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,
А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных...

Воинов Никомеда, как пишет Аппиан, эта атака повергла в ужас, «когда они увидели людей, разрезанных пополам и еще дышащих или растерзанных в куски, а их тела повисшими на колесницах. Вследствие отвращения перед таким зрелищем, скорее, чем вследствие поражения в битве, они в ужасе смешали свои ряды». Сам Никомед едва спасся: он и его римская свита бежали в лагерь Аквилия на границе; в том же направлении поскакала и его кавалерия. Брошенные своим царем, некоторые из воинов Никомеда все еще храбро сражались, пробираясь

по расчлененным трупам товарищей. Но скоро и они были окружены и побеждены^[241].

Рис. 7.1. Атака колесниц с серпами. Андре Кастань, 1899

Половина войск Никомеда погибла. Выжившие сдались той же ночью. Ликующая армия Митридата захватила брошенный лагерь и взяла весь обоз. Понтийские полководцы были в восторге: они увидели, что в панике Никомед оставил всю полковую казну, — ларец, наполненный серебром и золотом: это были сокровища, которые, как они знали, он высосал из Анатолии. Тысячи пленных были отправлены в Синопу.

Митридат вышел, чтобы встретить пленных. Ликуя от радости победы, царь обратился к ним. Можно себе представить, как Митридат хвалится тем, что горстка праведных воинов, сражавшихся на стороне Истины и Света под руководством лучших греческих командующих, одолела гораздо большую по численности армию завоевателей. Он мог указать и на то, что большая часть его обширной армии пока даже не вступала в бой. Проигравшие, наверное, отважно сражались, но их обманули силы Тьмы. Указывая на повозки брошенных запасов, которые он захватил у Никомеда, Митридат сделал неожиданное заявление. Все пленники были свободны. Его люди распределили

запасы, передав провизию Никомеда, еду, одежду и деньги всем и каждому вражескому воину, чтобы те могли отправиться домой.

Рис. 7.2 Митридат VI Евпатор, серебряная тетрадрахма, отчеканена в Эфесе в 88/87 г. до н. э. На обороте показан Пегас и понтийские звезда и полумесяц. 1967.152.392, завешано Э.М. Ньюэллом; предоставлено Американским нумизматическим обществом

Этот акт благожелательности и другие ему подобные, рассказы о которых передавались из уст в уста, дали Митридату репутацию человека, милосердного к врагам. Филантропия — милосердие к пленному врагу — была греческим идеалом, который разделяли эллинистические монархи. Как и они, Митридат восхищался репутацией Александра за то, что он был «столь же милосерден после победы, сколь и ужасен в сражении»^[242]. Может быть, именно тогда Митридат стал называть себя Евпатором — «Добрый Отцом»?

Многие выжившие после катастрофического римско-вифинского вторжения в Понт были наемниками или призывниками из Галатии и Фригии. У них не было повода возвращаться в Вифинию или помогать проигравшим — Никомеду и Аквилию: они вступили в понтийскую армию. Вифиния и Пафлагония теперь оказались под контролем Митридата. Новости о его впечатляющей победе и о великодушном

освобождении пленных распространились по всей стране, убедив многие города перейти на его сторону; они были рады приветствовать Митридата «как бога и спасителя». Древние писатели рассказывают, что жители многих анатолийских городов, одетые в белые одежды, стекались, чтобы приветствовать Митридата, прося у него помощи против римлян и обращаясь к нему, как к богу^[243].

Между тем в римском лагере

Никомед рванулся обратно, в лагерь Аквилия, где ему пришлось объяснить своим хозяевам, как он потерял столько людей, все припасы и свою военную казну. Аппиан пишет, что Аквиллий и римские полководцы пришли в ужас от этого провала. Слишком поздно они поняли, что они безрассудно «приступили к столь значительной войне необдуманно и опрометчиво». Но еще более тревожным казалось то, что они проиграли войну, которую начали без какого бы то ни было публичного предписания от римского народа. Теперь они стали всего лишь сомнительными вражескими войсками, оказавшимися в ловушке на враждебной территории и без поддержки сената.

Ликующий Митридат выехал из Синопы на своем самом великолепном коне с авангардом из ста сарматов. Его отряд поднялся на гору Скороба в горах Ольгассий. С этих величественных пиков, вздымающихся над густыми сосновыми лесами, они могли осмотреть почти беззащитный лагерь Аквилия. В этих горах было множество местных святилищ: наверное, Митридат исполнил обряд священного огня, чтобы поблагодарить богов — Ахурамазду, Митру и Зевса-Воителя за свою великую победу.

Взойдя на гору Скороба, сто сарматов Митридата застали врасплох восемьсот кавалеристов Никомеда, пытавшихся добраться до лагеря Аквилия. Хотя их было больше — восемь кавалеристов на одного сармата, — вифинцы в ужасе бежали от кочевников. Сарматы захватили большинство из них в плен и привели к Митридату. Царь дал им припасы и отпустил. Как и их соотечественники, они также вступили в понтийскую кавалерию.

Внизу, в лагере Аквилия, Никомед испытал страшное предчувствие. Среди ночи он снова бежал — на сей раз в лагерь

Кассия. Аквиллий, боясь быстрого наступления Митридата, приказал своим 40 тысячам воинов и 4 тысячам всадников отступить. Он надеялся добраться до крепости Протопахион (на востоке Вифинии). Однако армия Митридата под предводительством Неоптолема и Немана (командир-армянин, которого послал Тигран) перехватила его в тот же день. Битва для Аквиллия прошла очень плохо: почти 10 тысяч человек из его войска остались мертвыми на поле боя. Неоптолем захватил лагерь Аквиллия и привел Митридату триста пленников. Следуя своей уже устоявшейся практике «филантропии», он обошелся с ними мягко и отпустил. Все триста встали на сторону добра^[244].

Однако Аквиллий спасся и забрал с собой много денег. Он добрался до берегов Сангария и ночью пересек темную, бурлящую реку. Затем он направился на юго-запад, к Пергаму, где некогда он был правителем римской провинции Азия.

Между тем Кассий и Никомед отступали на юго-запад к крепости, именованной Львиная Голова, близ Нисы на реке Меандр к востоку от Тралл. Эти цивилизованные богатые города поддерживали мятеж «граждан солнца» Аристоника в 122–129 гг. до н. э. Однако проримски настроенный гражданин Нисы по имени Херемон дал людям Кассия 60 тысяч бушелей зерна в Львиной Голове. Археологи обнаружили в Нисе надпись от Кассия с благодарностью Херемону за поддержку^[245].

Первоначально у Кассия было около 40 тысяч человек, однако большинство из них дезертировали и присоединились к Митридату. В панике от неуклонного наступления Митридата, Кассий попытался набрать «зеленых» рекрутов из деревень. Его центурионы приволокли целую толпу из крестьян, торговцев, «ремесленников и сельских жителей». Эти люди были враждебно настроены по отношению к римлянам и симпатизировали Митридату. Аппиан говорит, что Кассий пытался натренировать этих «невоинственных людей», однако у него ничего не вышло, и он был вынужден отказаться от этой идеи. Кассий двинулся дальше на восток, в Апамею — процветающий торговый город. В том городе давно проживала еврейская община, и Апамея также была на стороне Митридата. Страшное землетрясение поразило Апамею, как раз когда туда прибыл Кассий. Снова вынужденный бежать, Кассий теперь вообще отказался от мысли о сражениях и просто надеялся добраться до Родоса — независимого острова, союзника Рима.

Митридат и его армия вскоре прибыли в Апамею, преследуя Кассия по горячим следам. Увидев ущерб, нанесенный землетрясением, Митридат подарил 100 талантов на ремонт домов. Он хорошо знал и то, что некогда Александр Великий также проявил огромную щедрость для реконструкции пострадавшей от землетрясения Апамеи^[246].

Впечатляющие победы в Анатолии

Взяв власть в своих новых землях, Митридат назначил администраторов для управления территориями. Его стиль управления был практичным и гибким. Некоторые земли (Колхида, Боспор) были сделаны вице-королевствами; другие он считал вассальными царствами (например, Каппадокию под властью его сына Ариата, а может быть, и Армению, которой правил Тигран). Некоторые области управлялись военными командирами или наместниками. Митридат сделал удивительный ход, напоминая о его персидском происхождении, — он возродил старинный персидский титул своих управителей в Великой Фригии, назвав их сатрапами.

Митридат приближался, и симпатизировавший римлянам Херемон из Нисы вынужден был спасти свою жизнь. С сыновьями Херемон бежал в Траллы, направляясь в Эфес. К ним присоединилось и множество других беглецов. Победоносный Митридат буквально сметал все на своем пути. Произошел «исход» римлян, живших в глубине материка: они направлялись в большие города на побережье, где искали убежища среди более многочисленного италийского населения: они надеялись спастись, уехав в Италию или на безопасные острова. Вдоль всей дороги в Траллы, извивавшейся по глубоким ущельям и через оранжево-желтые гнилые реки, тянулись могилы. Перед беглецами разворачивался зловещий пейзаж — посвященные Плутону, богу подземного мира, пещеры; они выпускали облака серных газов, смертельные для птиц и зверей; к ним старались не подходить все, кроме странных евнухов — жрецов Кибелы^[247].

Прибыв в Нису, Митридат пришел в бешенство, увидев в городе монумент Кассия прямо на главной площади: там Кассий благодарил Херемона за помощь. Шпионы сообщили Митридату, что предатель

бежал с целыми толпами римлян и их сторонников к побережью. Две замечательные надписи, срочные публичные прокламации от Митридата, обращенные к его сатрапам в Нисе, были обнаружены в конце XIX в. Это было что-то вроде древних плакатов «Разыскивается живым или мертвым», разосланные по всей стране: они содержат очень важную информацию о планах Митридата, о действиях его разведки, его политической риторике и стиле управления, а также о его мстительной решимости уничтожить всех римлян и тех, кто поддерживал их на местах^[248].

Первое письмо гласит:

«Царь Митридат — сатрапу Леониппу привет.

В то время как Херемон, самый ненавистный и враждебный нашему государству человек, всегда был союзником наших смертельных врагов, а теперь — узнав о моем приближении — перевез своих сыновей, Пифодора и Пифия, в безопасное место и сам бежал, я:

провозглашаю, что если кто-либо возьмет Херемона, или же Пифодора, или же Пифия живым, то получит сорок талантов, а если же кто принесет мне голову кого-то из них троих, то получит двадцать талантов».

Вскоре Митридат получил новости от своих шпионов. Теперь он знал, что Херемон добрался до Эфеса и отослал своих сыновей с Кассием на Родос. Царь продиктовал своему сатрапу другой публичный приказ: «Херемон устроил переправу беглых римлян со своими сыновьями на Родос. Теперь — узнав о моем приближении — он укрылся в храме Артемиды Эфесской. Отсюда он продолжает связываться с римлянами, общими врагами всего человечества. Его самоуверенность перед лицом преступлений, которые он совершил, может стать началом движения против нас. Подумай, как тебе любыми средствами доставить нам Херемона или как арестовать его и заключить в тюрьму, пока я не освобожусь от врага».

Очевидно, Митридат считал Херемона и других людей, сотрудничавших с римлянами в Анатолии, столь же опасной угрозой, как и сами римляне. Их нельзя было оставлять в живых и позволять им связываться с римлянами и создавать движение сопротивления. Мятежников против власти Митридата следовало уничтожить при поддержке населения Анатолии. Фразой «римляне, общие враги человечества» Митридат удачно обыграл слова, которые

использовались в собственной, хорошо всем известной пропаганде Рима: Рим называл себя «общим благодетелем (или спасителем) человечества». Остроумно перефразировав это выражение, Митридат превратил представление римлян о себе в пародию, которая была понятна врагам римлян по всей стране^[249].

Кроме того, агенты Митридата также искали Аквилия и Никомеда. Никомед спешил в Пергам, надеясь застать Аквилия. Но Аквиллий уже направлялся на Родос, отчаянно пытаясь соединиться с Кассием и бежать в Рим.

А что же насчет Оппия, третьего римского командующего в этой не разрешенной властями войне? Оппий разбил лагерь в Каппадокии с 40 тысячами воинов, большинство из которых дезертировали после поражения Никомеда. Теперь Оппий с остатком войска пробирался в Лаодикею на реке Лик и обратился к процветающему городу Афродисий, прося подкреплений. В 1982 г. археологи обнаружили две надписи, которые говорили о том, что помощь Оппий получил. Между тем Митридат провел свои победоносные армии через Фригию, уничтожив римскую власть в провинции Азия^[250].

Рис. 7.3. Пленный римский полководец (справа), вынужденный прислуживать Митридату (слева). Faits et dits memorables, Frangais 289, folio 482, Biblioth6que National de France

Когда Митридат обратил в бегство римскую коалицию, его с ликованием приветствовали в Вифинии, Галатии, Каппадокии и Фригии. По пути он конфисковал огромное количество золота и серебра, которое собирали бывшие монархи, и завладел множеством военного снаряжения. Места, где располагались эти сокровища, Митридат мог заметить в начале своего царствования. Приказав полководцам закрепить за собой юго-запад Малой Азии, сам Митридат повел наступление через Фригию; ряды его войск росли: к нему присоединялись его сторонники по мере того, как город за городом клялся в верности царю-спасителю. Его приветствовали, как освободителя, в той самой стране, которая стала очагом восстания «граждан солнца» Аристоника в 133–129 гг. до н. э. Всегда помня о значимых исторических событиях, Митридат свернул с пути, чтобы поставить палатку рядом со старым постоялым двором, где некогда жил Александр Великий, — место, которое он уже посещал во время одного из своих «разведывательных» путешествий^[251]. Добытые раньше сведения теперь оказались бесценными.

Поскольку Лаодикея на Лике была занята Оппием и его людьми (эта местность славилась своими черными овцами) и она стала первым городом, который сопротивлялся Митридату, царь окружил Лаодикею и послал вестника. «Жители Лаодикеи, — провозгласил герольд, — царь Митридат обещает, что никто из вас не пострадает, если вы выдадите римского полководца Оппия!»

Лаодикейцы позволили воинам Оппия уйти; многие присоединились к Митридату. Затем под улюлюканье толпы лаодикейцы вытолкнули ликторов (личную охрану) Оппия, одетых в красные туники и со знаменами своих легионов из городских ворот, а затем — и самого Оппия. Оппию пришлось провести следующие несколько лет в качестве «любимого» пленника в свите Митридата. Царь не причинил Оппию никакого вреда, но ему нравилось показывать «ручного» римского полководца во всех городах, которые он посещал^[252].

Афродисий присоединился к Митридату. В надписи описано, как город раньше посылал послов в Рим, моля перед сенатом от имени всех греческих городов Малой Азии освободить жителей от жадных сборщиков налогов^[253]. Оставались отдельные очаги сопротивления, прежде всего в Ликийи, которая была союзницей Родоса: Патара, Тельмесс, Аполлонида, Термесс, Стратоникея, Магнезия на Меандре и Табы все еще держались. Митридат послал войска, чтобы осаждать их, под командованием Пелопида, посланника, который до войны спорил с Акнилием и римскими полководцами. Другие города — Траллы, Пергам, Адрамиттий, Кавн, Книд, Митилены, Милет, Эритры, Смирна, Иас, Керам, Магнезия близ Сипила, Ариканды, Эфес и острова Кос, Лесбос, Самос и Хиос — все охотно перешли на сторону Митридата. Родос теперь оставался для Кассия и Аквилы единственной надеждой.

Когда новости о великих победах Митридата дошли до римского флота, который блокировал вход в Черное море, греческие моряки испустили крики радости. Они захватили корабли для Митридата, который теперь контролировал все Черное и Эгейское моря. Митридат устроил свой Генеральный штаб в великолепном дворце царя Аттала III на укрепленном акрополе Пергама, бывшей столицы римской провинции Азия. Во дворце все, что оставалось на тот момент от старых ботанических садов Аттала, и его токсикологические заметки и образцы, конечно, должны были очень интересовать Митридата и его медицинскую команду. Царь назвал именем своего друга детства Дорилая город во Фригии — Дорилайон. Митридат начал чеканить прекрасные серебряные тетрадрахмы со своим портретом в Пергаме, и город Смирна также выпускал бронзовые монеты с его изображением. Другие города, в том числе Эфес, Милет, Траллы и Эритры, выпустили новые золотые статыры, чтобы провозгласить во всеуслышание свою независимость от Рима^[254].

Услышав о его победе, отчаявшиеся италийские мятежники, сражавшиеся за свою жизнь в Италии, послали послов к Митридату. Предводитель марсов, Силон, умолял Митридата объединить силы. В ответ на просьбы послать армию в Италию, чтобы помочь победить римлян, Митридат «обещал, что поведет свои армии в Италию после

того, как подчинит Азию». Археологи обнаружили «спецвыпуски» золотых и серебряных монет того времени с изображением Диониса (бога освобождения) и девизами Митридата, выбитые в память о связи между Митридатом и мятежниками в Италии^[255].

Первыми действиями Митридата в роли спасителя Анатолии были социальные реформы, нацеленные на то, чтобы возместить местным жителям ущерб, нанесенный римлянами и их сторонниками, на который они жаловались. В ходе того, что историк Луис Баллестерос Пастор назвал «Митридатовой революцией», Митридат отменил общественные и частные долги, отменил займы, которые люди были должны кредиторам из Рима и Италии, получив таким образом поддержку средних и низших классов. Митридат также даровал всем освобождение от налогов на пять лет, что было на руку богачам. Эти радикальные действия подчеркивают, что сам Митридат был очень богат и теперь стал еще богаче благодаря недавно конфискованным сокровищам. Но можно сказать и что «новый порядок» Митридата породил гибридное государство — доброжелательную монархию с персидским уклоном, просвещенную благодаря греческим демократическим традициям: она была реальной альтернативой римской администрации, которая угнетала провинции в эпоху поздней республики. Олигархические власти, контролировавшиеся римскими консулами, в Анатолии были уничтожены, а в следующем году Митридат смог приказать своим городам даровать людям широкие права гражданства, а также гражданские права^[256].

Просчитывая свои действия на несколько ходов вперед, Митридат, наверное, думал, как можно поступить с множеством римлян, которые все еще оставались жить в Анатолии. Рисковать он не мог: нельзя было допустить появления римского движения сопротивления, которому помогали бы местные союзники римлян — такие, как Херемон. Если он сможет завоевать Эгеиду и Грецию, то Рим будет вынужден уйти из Восточного Средиземноморья. Адриатическое море тогда станет новой границей между Востоком и Западом, между владениями Митридата и Римом. Если война продолжится, то континентальная Греция должна снова стать традиционным полем боя, где восточные державы сталкивались с западными. Митридат послал в Афины послов, дабы

передать хорошие новости и дать им знать, что он собирается освободить Грецию^[257].

Может быть, именно в это время Митридат преподнес в подарок свои великолепные доспехи городам Немея и Дельфы в Греции. Если верить древним авторам, по его шлемам, нагрудникам, поножам и оружию можно было представить себе, каким великаном в жизни был Митридат. Доспехи, сверкавшие драгоценными металлами и камнями, были впечатляющих размеров — может быть, их нарочно сделали слишком большими. Митридат, наверное, восхищался огромными доспехами мифических героев Троянской войны, выставленными напоказ в Трое, и, конечно, знал знаменитую историю с психологическими боевыми приемами, которые применял в Индии Александр Македонский. Александр приказал своим кузнецам скопать несколько гигантских доспехов и предметов вооружения, которые он — вместе с гигантской конской сбруей — оставил в лагере, чтобы напугать войска индийцев и заставить их покориться^[258].

Историки — как древние, так и современные — дивились необыкновенным успехам Митридата в Первой Митридатовой войне. Меньше чем за год из мелкого царька богатого маленького царства на Черном море он превратился в одного из самых могущественных правителей Древнего мира. В 89 г. до н. э. Митридат произнес публичную речь, где перечислил свои впечатляющие победы, осудил римлян и призывал своих соратников продолжать борьбу. Пелопид, Ксенокл, Метродор — ненавистник римлян и другие государственные мужи-философы, видимо, помогли Митридату приготовить текст выступления. Одетый в свое самое прекрасное персидское платье и штаны, унизав пальцы агатовыми кольцами (считалось, что они делают речь оратора убедительной), Митридат, наверное, произнес свою речь в большом театре в Пергаме. Амфитеатры часто использовали для политических собраний; в Пергамском театре могло поместиться 10 тысяч человек.

Древние историки сохранили эту речь. Наверное, множество различных версий этого очень важного устного выступления, содержавшего и официальную формулировку государственной политики, и объявление войны, передавалось как устно, так и письменно как среди врагов Митридата, так и его друзей. Митридат был настоящим гуру пиара, и он, конечно, разослал копии речи своим

союзникам. Отклоняясь от своей обычной краткости, историк Юстин пишет: «Я считаю, что должен включить эту речь полностью в мою сокращенную версию истории Трога так, как она была написана изначально». Юстин отыскал полную копию речи, которую считал оригинальной и дословной. Современные историки указывают на то, что они считают преувеличениями и пропагандистскими искажениями, а также риторическими эффектами, но и это также может подтверждать, что версия Юстина частично отражает подлинную речь Митридата. Есть очевидные признаки позднейших добавлений от враждебно настроенных к Митридату авторов: например, кажется маловероятным, что Митридат стал бы публично хвалиться, что убил Сократа Благого, царя Вифинии и своего племянника, царя Каппадокии Ариата.

Вне зависимости оттого, являлась ли версия, опубликованная Юстином, дословной записью речи, произнесенной Митридатом в тот самый день в Пергаме, она является точным изложением программы Митридата, его зарубежной политики и оснований, которые были у него для войны с Римом. Она дает самый лучший взгляд, какой только может быть, на то, как Митридат изображал сам себя — как наследника и объединителя греческой и персидской культуры (идеальная альтернатива Риму), и она объясняет, почему его фигура была такой убедительной и привлекательной для стольких разных групп людей вне Рима^[259].

Объявление войны

Речь Митридата была достаточно длинной. Вот ее основная суть, где пересказ сочетается с прямыми цитатами из версии Юстина.

«Было бы желательно, — начал Митридат, — обсудить, должно ли с римлянами воевать или жить в мире с ними. Но ведь в том, что следует сопротивляться нападающим, не сомневаются и те, кто не надеется на победу. Дело сейчас не в том, можно ли оставаться в бездействии, — уже произошло сражение; надо подумать, какими способами вести войну и на что можно надеяться.

Я уверен в победе. Что римлян победить можно, вам ясно не меньше, чем мне. Разбили же уже Аквилия в Вифинии, а Мальтина в

Каппадокии. Римляне не непобедимы: самниты в Италии разбили римские армии. Римляне были в трех битвах разбиты Пирром, царем Эпира. Ганнибал шестнадцать лет пробыл в Италии как победитель, а если он не захватил саму столицу, так это не потому, что римское войско ему помешало, а вследствие происков его врагов и завистников на родине. В Анатолии римляне внушили себе глубокую ненависть из-за хищности проконсулов, поборов откупщиков, злоупотреблений в судах. С тех пор как основан Рим, италийские племена упорно боролись за свою свободу. Галлы, которые славятся своим мужеством и отвагой, вторглись в Италию и овладели многими крупнейшими городами. Сейчас, подобно урагану, кимвры из Германии наводнили Италию, несметные тысячи диких и жестоких людей».

Митридат располагал впечатляющими «разведданными»: его шпионы и друзья в Италии и провинциях очень хорошо его информировали. В следующей части своей речи царь рассказал о том, что узнал о борьбе Рима с италийскими племенами и грядущей гражданской войне^[260].

«И сейчас, в настоящее время, вся Италия охвачена восстанием, идет Марсийская война, италики требуют уже не свободы, но участия в управлении государством. Но не менее, чем от этой войны, происходящей в Италии, римляне страдают от внутренней борьбы, борьбы между разными партиями из влиятельнейших лиц в государстве, и эта назревающая война гораздо опаснее италийской.

Даже если римляне могут выдержать войну с каждым из этих племен в отдельности, то, когда поднимутся все, они будут уничтожены. Откуда же (спрашивал Митридат) у римлян будет время для войны с ним? Все равно придется сразиться с римлянами рано или поздно. Нужно воспользоваться удобным моментом и быстро собрать силы. Римляне сейчас в трудном положении — как раз самое время!»

Затем Митридат изложил свои претензии к Риму:

«Римляне, по существу, начали со мной войну, когда я еще был ребенком, отняв у меня Великую Фригию, которую они же в свое время уступили моему отцу. Еще Селевк Каллиник отдал эту область в качестве приданого за сестрой прадеду моему Митридату. Когда римляне приказали мне уступить Пафлагонию, разве это не было войной? Мой отец получил Пафлагонию не насилием!

С горечью я повиновался их постановлениям. Разве я не уступил Фригию и Пафлагонию? Я отозвал моего сына из Каппадокии, которую занял по праву победителя, а каппадокийский народ умолял, чтобы ему дали в цари Гордия, моего друга. Я даже убил в угоду римлянам вифинского царя Сократа Благого, против которого сенат постановил вести войну. И разве это все смягчило римлян? Нет, они с каждым днем вели себя все более и более жестоко.

По наущению римлян напал на меня Никомед, сын танцовщицы. Когда я выступил, чтобы отомстить, римляне сами выступили против меня».

Но, продолжал Митридат, я не единственная жертва римлян.

«Римляне преследуют царей не за проступки, а за силу их и могущество. Так поступили они с дедом моим, Фарнаком I, ставшим наследником пергамского царя Эвмена. Они плохо поступают даже с союзниками. После того как при помощи войск Эвмена они покорили и великого Антиоха, и галлов, и македонцев, римляне считали его врагом и повели войну с его сыном Аристоникум. Никто не имел больше заслуг перед римлянами, чем нумидийский царь Масинисса — ему приписывают и победу над Ганнибалом. И, однако, с Югуртой, внуком Масиниссы, римляне вели войну в Африке с такой беспощадностью, что, победив его, заставили испытать и темницу, и позорное шествие за колесницей императора.

Римляне вменили себе в закон — ненавидеть всех царей, очевидно, потому, что у них были такие цари, от одного имени которых они краснеют, — туземные пастухи, сабинские гаруспики, коринфские изгнанники, этрусские рабы и их сыновья.

Римляне гордятся своими основателями, Ромулом и Ремом. Как они сами говорят, основатели их государства вскормлены сосцами волчицы! Поэтому у всего римского народа и души волчьи, ненасытные, вечно голодные, жадные до крови, власти и богатств».

Моя родословная благороднее, чем у римского плебейского сброда, хвалится Митридат.

«Предков со стороны отца я могу назвать Кира и Дария, основателей Персидского государства. Со стороны матери я происхожу от Александра Великого и Селевка Никатора, основателей Македонской державы. Более того, подвластные мне народы не только равны народам Римской державы: ни один из народов, мне

подвластных, не знал над собой чужеземной власти, никогда не подчинялся никаким царям, кроме отечественных, взять ли Каппадокию или Пафлагонию, Понт или Вифинию, а также Великую и Малую Армении, не говоря уж о Скифии!

До меня только два царя, Дарий и Филипп, некогда осмелились не то что покорить, а только вступить в Скифию. Защитой же скифам служат — помимо оружия и храбрости — незаселенные степи и холода. Эти великие цари с трудом спаслись оттуда бегством. К войне я приступал с робостью и неуверенностью, так как сам был в то время неопытен и неискушен в военном деле. Теперь у меня именно из этой страны набрана большая часть войска.

Теперь же я начинаю войну при других условиях. Ведь нигде нет такого мягкого климата, как в Азии, более плодородной почвы, нет страны более приятной из-за большого количества городов. Эта война, о которой трудно сказать, будет ли она более легка или более выгодна, станет скорее празднеством, чем походом. Ведь вы слышали о недавно накопленных богатствах царства Аттала и о древних сокровищах Лидии и Ионии, которые мы идем не завоевывать, а вступить во владение ими!

Я уже покорил весь Понт, овладел Каппадокией, Пафлагонией и Боспором, которые принадлежали мне по праву наследования. Я единственный из всех смертных покорил Колхиду и Скифию. Мои воины и мои враги могут быть свидетелями моей справедливости и щедрости».

Вся Азия ждала меня, заявил Митридат. Просто представьте себе, какая великая армия получится у нас, если вы последуете за мной к славе!

Возбудив энтузиазм своих последователей словом и делом, Митридат, царь-спаситель Азии, с головой увяз в омуте своей пожизненной борьбы против Рима. Его основными целями теперь было консолидировать свою власть в Южной Анатолии, продемонстрировать господство на море в Эгейде, изгнать римлян с Востока и освободить Грецию. Если сенат решит послать против него Суллу или Мария, то он хотел оказаться в самом выгодном положении. Лучше будет победить римлян позже, в Греции, чем сражаться с ними на территориях, которые он, Митридат, уже успел занять. Итак, владея анатолийским побережьем и входом в Эгейское море, Митридат

призвал флотилии пиратов и другие корабли союзников, чтобы те присоединились к его понтийской армаде, которая отправилась из Черного моря в Эгейское, дабы занять Родос. К этому острову устремились также и Аквиллий и Кассий.

Сокровища и страсть

Митридат продолжал идти через Южную Анатолию в сопровождении свиты из «спичрайтеров», евнухов, врачей, телохранителей и войск. Граждане Эфеса отпраздновали прибытие Митридата, свалив статуи, которые римляне воздвигли в их городе. Митридат отплыл на остров Кос, где его приняли с ликованием. Народ Коса передал целый клад из денег и сокровищ, который разместила в храме Асклепия на хранение царица-регент Египта Клеопатра III (супруга Птолемея VIII, наследника лучшего друга Александра Великого). И одним из этих сокровищ оказался ее внук, юный сын царствующего правителя, египетского царя Александра. Легкоуправляемые царские наследники могли оказаться очень полезны: Митридат принял мальчика к своему двору и вырастил его со своими сыновьями.

Среди сокровищ Клеопатры были великолепные произведения искусства, статуи, картины, вазы, фаянс, драгоценные камни, ювелирные изделия, царские одежды и сундуки с золотыми и серебряными монетами. Целый караван с драгоценностями послали с многочисленной охраной в Понт. Одна вещь была совершенно особенной: она хранилась в кедровом сундуке и была тщательно обозначена ярлыком — антикварный выцветший пурпурный плащ, который некогда украшал плечи Александра Великого. То, что Митридату удалось завладеть этим драгоценным памятником старины, придало уверенности и самому царю, и его последователям: он — истинный наследник Александра, тот, кто сможет освободить Грецию от римского ига.

Митридат увез с Коса также огромный клад монет — 800 талантов. Если верить иудейскому историку Иосифу Флавию, монеты предназначались для Иерусалимского храма, и иудеи Анатолии отправили его на Кос на хранение^[261].

Затем Митридат захватил Стратоникею, где смешивались македонские и местные традиции: город поддерживал мятеж Аристоники. Именно в Стратоникее (согласно Аппиану, а может быть, и в Милете, как писал Плутарх) внимание Митридата привлекла молодая и эгоистичная македонская женщина. Монима, дочь знатного гражданина Филопозмена, была красавицей, «о которой много говорили греки». Плутарх пересказал завораживающую историю о сватовстве к ней.

*Рис. 7.4. Митридат и Монима, пытавшаяся выторговать себе титул царицы.
Иллюстрация к пьесе Расина «Митридат» (художник неизвестен)*

Все прекрасно знали о том, что случилось с первой женой Митридата — его сестрой Лаодикой; все знали и о том, что царь не желал сделать никакую другую женщину своей официальной супругой-царицей после предательства Лаодики. Митридата Монима

очень привлекала. Он счел, что она станет жемчужиной его гарема, и начал переговоры с ее отцом.

Но сама Мони́ма отвергла предложение Митридата — пятнадцать слитков золота. Ей нужно было больше. Мони́ма потребовала брачного договора и стала настаивать, чтобы Митридат предоставил ей царскую диадему и титул царицы. Митридат считал Мони́му неотразимой. Царь вырос среди сильных и своенравных женщин, был по характеру отчаянным азартным игроком, и его привлекали мощные личности, чей интеллект дополнял его собственный. В последний десяток лет встречи царя с женщинами ограничивались лишь легкомысленными свиданиями в гареме. Мони́ма знала, что победа — афродизиак. Митридат ликовал из-за своей удачи, чувствовал энтузиазм и согласился на условия девушки. Царские писцы приготовили брачный контракт, и золото передали Филопоэмену. Митридат назначил отца Мони́мы своим управителем в Эфесе. После того как царь повязал пурпурно-золотую ленту вокруг головы своей новой царицы, пара удалилась в частные апартаменты в дворце Пергама, дабы познакомиться поближе^[262].

Между тем в Риме

Тревожные новости дошли до Рима: несанкционированная атака Нико́меда IV на Понт по наущению Аквилія. Сенаторы слышали, как вестники пересказывают подробности этого позорного поражения, говорят о том, как бежали три римских полководца, за которыми следовал Митридат в своем триумфальном шествии через провинцию Азия. Утрата римлянами чести и владений требовала быстрых и решительных действий. Сенат объявил войну (постфактум!) царю Митридату VI Евпатору. Два консула-соперника, Марий и Сулла, бросили жребий, чтобы узнать, кто получит командование в уже давно ожидавшейся Митридатовой войне. Боги не благоволили Марию. Желанное место полководца получил Сулла.

Однако сам город Рим был разорван гражданской войной и убийствами; практически всю Италию охватил мятеж. Имевшиеся у Рима войска уже сражались сразу на нескольких фронтах; как же сенат мог найти «лишние» легионы, чтобы послать их через все

Средиземноморье? Сулла был слишком занят гражданской войной против Мария и его союзников, чтобы отправиться в Азию. Превосходные разведывательные источники Митридата опять же позволили ему действовать как раз вовремя. То, что Рим отложил военный ответ, дало ему время, чтобы построить больше кораблей и машин для морской осады, дабы напасть на Родос, в то время как армии Митридата маршировали освобождать Грецию.

Кризисная обстановка в Риме сопровождалась тяжелой экономической ситуацией. Для финансирования легионов Суллы не было денег. Сенаты проголосовали за неслыханную чрезвычайную меру. «Их средства в то время были столь ограничены, а амбиции неограниченны настолько», писал Юстин, что сенат захватил древние сокровища легендарного царя Рима Нумы, наследника основателя города — Ромула. Царь Нума оставил свои сокровища шестьсот лет назад, наказав использовать их только для святых жертвоприношений богам. Когда Митридат радостно пересчитывал золото в своей «бухгалтерии», агенты сената в отчаянии распродавали самые священные сокровища Рима тому, кто заплатит больше. Аппиан отметил, что рыночная цена наследства Нумы составила всего лишь 900 фунтов золота. «Это было все, что Рим смог потратить на столь великую войну»^[263].

Между тем непосредственной целью Митридата был Родос. Остров приготовился к войне, обратившись за помощью к Тельмессу и другим союзникам в Ликийи.

Пленение Аквилы

Аквилу удалось добраться до берега, отплыв с Лесбоса. Он уже слышал, что Опий стал несчастным пленником Митридата; Никомед IV уже плыл в Рим; где был Кассий, неизвестно. Аквилый нанял судно, чтобы добраться до Митилены на Лесбосе. Там он надеялся устроить отъезд обратно в Италию. Согласно историку Диодору, Аквилый нашел убежище у местного врача. Однако жители Митилены были на стороне Митридата. Они послали отряд «самых отважных юношей в дом, где был Аквилый. Они схватили Аквилы и заключили его в оковы» и отвезли его на корабле обратно на материк, где передали римлянина

людям Митридата. Воины посадили драгоценного пленника на осла и выставили его напоказ перед улюлюкающей толпой. Во время всего пути в Пергам воины заставляли пленного повторять свое имя — Маний Аквиллий — и исповедоваться в преступлениях против жителей Анатолии^[264].

Рис. 7.5. Дорога в Пергам, акрополь и дворец Митридата вдали. Гравюра на стали, Т. Айлот, 1840. Предоставлено Ф. Деховым

Все узнавали имя Аквилия по пути в Пергам. Испуганные римляне в этой области старались не высовываться и сидели дома. Все остальные проклинали память печально известного отца пленника — Мания Аквилия Старшего, бывшего римского правителя Пергама, бывшей столицы римской провинции Азия. Все отчаянно ненавидели его за удушающие налоги: он разрабатывал настолько вопиющие схемы отъема денег, что его даже отдали под суд за вымогательство, но оправдали. Все помнили, как Аквиллий Старший отравил невинных людей — мужчин, женщин и детей, попавших в западню в городах, которые поддерживали мятеж «граждан солнца».

Недовольство из-за эксплуатации таких вымогателей налогов, как Аквиллий и его сын, продолжало кипеть в Анатолии, считавшейся

римлянами настоящим Эльдорадо, переполненным золотом и природными ресурсами, которые им оставалось только разграбить. Когда юный Митридат был еще в изгнании, старший Аквиллий вмешивался в дела царства его матери — Понта, истощив казну займами под огромные проценты. Официально предполагалось, что проценты на налоги в провинциях должны были устанавливаться в Риме, но место сборщика налогов продавали тому, кто заплатит больше: затем откупщик выжимал сколько мог в личных целях, в то время как римские суды закрывали на это глаза. Аквиллий-младший получил выгодное назначение в провинции Азия и, как и его отец, был виновен в том, что взимал завышенные налоги и брал взятки. А теперь, как все знали, высокомерный Аквиллий-сын шантажировал царя Вифинии Никомеда IV, заставив его вторгнуться в Понт — из чистой жадности^[265].

Греки и анатолийцы пылали ликованием и местью: они проклинали закованного в цепи римлянина на его жалком ослике. И какой бы унижительной ни была эта поездка, еще больше Аквиллий страшился встречи с царем Митридатом. Ситуация перевернулась с ног на голову, римляне бежали, а Митридат правил Азией.

Человек на осле не мог и вообразить, что ждало его в Пергаме.

Глава 8.

Террор

Во дворце в Пергаме Митридат проводил сразу два медовых месяца: один — политического, другой — личного характера. В перерыве между романтическими интерлюдиями с его новой любовью Монимой царь наслаждался победами и обдумывал публичное наказание для Аквилия. Римлянин заслуживал смерти за вторжение в Понт и разграбление Анатолии. Глашатаи царя собрали народ к Театру Диониса, возвышавшемуся на крутом склоне Акрополя, где Митридат только что произнес речь, объявлявшую войну против Рима.

Толпа смотрит, как в центре театра подбрасывают топливо в пылающий костер. Затем появляется гигантская фигура, хорошо известная в Пергаме, — невероятно высокий воин Бастарна (из племени бастарнов в Карпатах). Верхом на огромном коне он величавой поступью объезжает костер, таща за собой длинную цепь. За ним на цепи ковыляет Аквилей. Напряжение растет, драматизированное перечисление преступлений заключенного заводит публику.

Затем с преувеличенной торжественностью привозят горсть золотых монет из сокровищницы Митридата. Блестящие монеты позвякивают, когда их старательно укладывают в огромный каменный тигель, висящий над огнем. Через несколько минут монеты расплавлены. Слабая догадка о том, что случится, брезжит в сознании толпы и самого Аквилия. Тогда его тюремщики силой открывают ему рот и вливают расплавленное золото в глотку жадного римлянина. Последняя дьявольская трапеза для страстного любителя золота^[266].

Своим шокирующим зрительным эффектом драматическая постановка казни Аквилия напоминает прилюдное убийство Митридатом его племянника Ариата на виду у двух вражеских армий и Каппадокии.

Рис. 8.1. Ужасающая казнь с помощью расплавленного золота — по заслугам жадным римлянам — стала поэтическим символом справедливости после 88 г. до н. э., когда Митридат приказал казнить Аквилу. Здесь изображена казнь М. Лициния Красса парфянским царем в подражание тому, как Митридат несколькими годами ранее казнил Аквилу. Pierre Coustau, Pegma, 1555, Glasgow University Library, Special Collections

Поколением позже, в 53 г. до н. э., царь Парфии, подражая Митридату, влил золото в глотку другого богатого римского захватчика, бывшего предметом ненависти за его жадность, — М. Лициния Красса. Грубая символичность смерти от расплавленного золота сделала это зверство олицетворением жестокой — хотя и не лишенной поэтической справедливости — мести в Средние века и после. Образ разозленного порабощенного народа, который заставляет империалиста получить свою порцию золота, прочно укоренился в общественном сознании еще пятнадцать столетий спустя. Европейские историки и художники заимствовали эту сцену для того, чтобы изобразить, как Монтесума, последний император ацтеков, наказал ненасытную страсть испанских конкистадоров к желтому металлу^[267].

Однако в 88 г. до н. э. жестокую казнь Митридатом ненавистного римлянина затмило еще более ужасающее происшествие:

хладнокровная резня десятков тысяч италийских поселенцев в провинции Азия.

Смерть римлянам

После того как Митридат разбил армии римской коалиции и начал уверенное движение через центральные регионы Анатолии, римляне и их сторонники бежали от него к побережью. Среди них были Херемон Нисский с семьей и римский военачальник Кассий. Декреты Митридата, в которых за Херемона предлагалось вознаграждение, проливают новый свет на положение дел в римской провинции, не до конца проясненное античными текстами. Надписи свидетельствуют, что италийские беженцы — со своими домашними и рабами — бежали в Эфес, Адрамиттий, Кавн и другие крупные города на побережье.

Таким образом, в течение нескольких месяцев перед резней 88 г. множество римлян и других жителей Италии уже ночевали в храмовых святилищах ради безопасности. Легионеры из потерпевших поражение римских легионов также присоединились к потоку беженцев. Это значит, что латиноязычное население в этих городах возросло перед тем, как был фактически исполнен приказ об их убийстве. Стекаясь в крупные города, отчаявшиеся беженцы становились еще более уязвимыми. Этот массовый исход помогает объяснить чудовищный успех распоряжения Митридата, которое практически уничтожило присутствие римлян в Малой Азии.

Приключения одного выжившего римлянина прослеживаются в античных источниках. В Риме ходил слух, что бывший провинциальный военачальник Рутилий Руф спасся от смерти в период массовой резни, поскольку переоделся в греческую одежду. Некоторые выходцы из Италии действительно избежали судьбы своих соотечественников, одевшись в характерную греческую одежду, но Рутилия Руфа, вероятно, пощадили, потому что его так уважали в Анатолии за попытку защитить провинцию от безжалостных сборщиков налогов. Было хорошо известно, что римский сенат наказал Рутилия за его снисходительность, вынеся ему приговор по вымышленным обвинениям. В 92 г. до н. э. он поселился в Смирне, к северу от Эфеса, где народ встретил его почестями и цветами.

Судя по всему, друзья в Смирне предупредили Рутилия о резне и организовали для него безопасный переезд в Митилену на Лесбосе — том же острове, где был захвачен в плен Аквиллий. Итальянский ученый Аггилио Мачрочинкве недавно выдвинул предположение, что Рутилий мог сыграть определенную роль в передаче Аквиллия Митридату. Античный историк Феофан Митиленский даже передает историю, вовлекающую Рутилия в подготовку резни 88 г. до н. э. В любом случае нам известно, что Рутилий остался в живых и написал воспоминания о войнах Митридата, оказавшие большое влияние на последующих авторов. К сожалению, воспоминания Рутилия не сохранились, как и очень многие произведения античной литературы^[268].

Аппиан пишет, что несколько итальянских беженцев собрались на Родосе. Среди них были Кассий, командовавший войском совместно с Аквиллием в момент поражения, и сыновья Херемона Нисского. Сыновья выжили, однако сам Херемон остался в Эфесе и, как считается, погиб вместе с другими римлянами в храме. Рассказы о том, почему Рутилий спасся, а Херемон предпочел остаться, — это всего лишь две из тысяч личных историй о героизме и трусости, спасении и гибели, теперь затерянных в истории.

Ужасные события того дня в Эфесе, Пергаме, Адрамиттии, Кавне, Траллах и других городах были изложены в первой главе. Среди прочих городов, выступавших на стороне Митридата, где также произошла массовая резня, были Ниса, Апамея, Книд, Милет, Эритры и острова Эгейского моря Кос, Лесбос и Хиос. Нам известно, что их считали замешанными в этом, поскольку именно эти места были жестоко наказаны Суллой, римским военачальником, пришедшим отомстить за резню^[269].

Эта резня поднимает множество вопросов. Как координировались действия? В какой точно момент это случилось? Где был Митридат? Как он мог быть уверен в том, что столько людей выполнят его приказ? Мы уже видели, насколько сильное недовольство вызывало жестокое владычество Рима, налоги и рабство среди греков и в Анатолии. Победы Митридата заставили ненавистных римлян обратиться в бегство. Однако ярость, с которой на них напали в 88 г. до н. э., говорит о том, что к итальянским поселенцам питали исключительную ненависть все слои общества. Для этого было множество оснований.

Историк Рима Дж. П.В.Д. Балдсон привел сведения о «положительной и негативной репутации» Рима, собранные из античных авторов. Многие древние авторы восхищаются традиционной римской культурой и военным искусством, отвагой и доблестью, но в то же время Балдсон отмечает, что римлян этой эпохи многие ненавидели за «равнодушные и оскорбительное поведение вне своей родины». Марк Корнелий Фронтон, знаменитый италийско-ливийский оратор (р. 95 г. н. э. в Карфагене), написал, что «римлянам не хватает тепла, они равнодушны». Диодор Сицилийский, греческий историк, который писал сразу после войн Митридата, замечает, что «в былые времена римляне придерживались лучших законов и обычаев [и] с течением времени они получили величайшую и славнейшую империю, известную истории. Но... древние обычаи уступили пагубным склонностям». Отношения между римскими властями и колониями часто бывали отравлены «взаимными подозрениями и неравенством сил», даже среди местной элиты. Высокомерие и превосходство привело к возникновению стереотипа «отвратительного римского» дельца, настойчиво ищущего выгоду и власть, обирающего и порабащивающего местные роды.

Стандартные римские взгляды на коренное население Ближнего Востока были также стереотипны. Римляне считали анатолийцев глупыми, низшими существами, прирожденными рабами. Физические черты покоренных народов были грубы по сравнению с римскими. К примеру, римляне утверждали, что сирийцы, евреи и греки Малой Азии от природы покорны. Они покупали вифинийцев и сирийцев из-за их роста для ношения паланкинов; галлы, как считалось, лучше, чем испанцы, подходили для выпаса скота и т. д. Римляне выдумывали обидные поговорки и мерзкие оскорбления по национальному признаку, такие как «Карийцы хороши только для испытания ядов» и «Все фригийцы от битья становятся лучше»^[270].

Личные и политические мотивы Митридата для этой резни были еще более запутанными. Интересно поразмышлять на тему, знал ли он о подобной резне римлян в Нумидии в ходе Югуртинской войны. Во время праздника в Ваге простой народ и нобили, объединившись, осуществили заранее продуманное убийство римских военных и их семей, которые были расквартированы в городе (108 г. до н. э.). Марий, ветеран Югуртинской войны, мог рассказать об этом убийстве

Митридату во время их встречи, однако Митридат мог узнать о нем и из каких-то других источников. Послужила ли резня в Ваге или подобные ей нападения на римских переселенцев и торговцев в ходе Югуртинской войны моделью для резни 88 г. до н. э.? Если так, то предвидел ли Митридат жестокий ответ на его план со стороны Рима? После Ваги римский военачальник Метелл, мстивший за погибших, приказал воинам изрубить всех жителей города на маленькие кусочки. Митридат должен был знать, что Рим будет искать мести, но, скорее всего, он полагал, что трудности у римлян дома, в Италии, предотвратят немедленный ответ на его приказ. Возможно, он также предчувствовал разрушительный упадок экономики, усугубленный потерями римлян в Азии. Он думал, что у него еще есть время укрепить Грецию и занять Родос так, что война с Римом произойдет далеко от его понтийской родины и ограничится разгромом легионов Суллы на Греческой земле^[271].

Жестокость и продуманность этой резни — помимо других мрачных происшествий — ставит вопрос о психологическом состоянии Митридата, по крайней мере для современных людей (можно отметить, что ни один античный писатель не считал его сумасшедшим). Датский исследователь Т. Беккер-Нельсен, основываясь на современном списке психических характеристик, недавно рассмотрел вопрос о том, не было ли у Митридата «пограничного», или «психотического», расстройства личности. Ряд черт характера, проявленных Митридатом, — невероятное чувство собственного достоинства; харизматическая натура, склонная к манипуляции; театральность; импульсивное и грубое поведение; его разносторонние преступные способности, — подходит под описание некоторых психопатов. Тогда как другие черты его поведения, такие как неразборчивые сексуальные связи, паранойя, поиск возможностей для использования своей власти, даже политические убийства, были нормой для беспощадного мира эллинистических царей. Некоторых характерных психопатологических особенностей у Митридата не было: есть свидетельства о том, что он испытывал глубокие эмоции, в том числе любовь, волнение, раскаяние и уныние, нес ответственность за свои действия, поддерживал долговременные отношения и планировал долгосрочные проекты. Недавно созданная категория «успешный психопат», возможно, будет наилучшим определением для

Митридата, человека, который проявлял жестокость, склонность к эксплуатации, напыщенность, но при этом смягчающие социальные характеристики и интеллект позволили ему добиться успеха и признания. Сегодня такие люди преуспевают в политике, юриспруденции, медицине и спорте — областях, в которых сумел отличиться и Митридат (см. приложение I)^[272].

Как сообщает Мемнон, Митридат «убил 80 тысяч римлян, рассеянных по городам Анатолии, поняв, что они служат помехой его замыслам». Как предположила Роза Мэри Шелдон, исследователь шпионажа в античном мире, Митридат мог узнать, что римская община передает сведения в Рим, чтобы саботировать его планы. Утверждение Мемнона и радикальное распоряжение Митридата наводят на мысль, что к этому моменту уже поднялось движение сопротивления или саботажа, возглавляемое римлянами и их сторонниками. Эту догадку подтверждают и объявления Митридата о розыске Херемона^[273].

Митридат мог отдать приказ о массовой резне в знак солидарности с италийскими повстанцами и в качестве ответа на их просьбу помочь в разгроме римлян. Были также предположения, что, помимо уничтожения противников и потенциальных нарушителей порядка, конфискация имущества римлян принесла Митридату большое состояние. А падение в результате этого веры в Рим, которая была основана на непомерных налогах и доходах в Азии, было Митридату на руку. Сатрапы, стоявшие во главе городов-убийц, обещали разделить конфискованное имущество римлян с Митридатом. Но кажется весьма вероятным, что деньги не были его основной целью — ведь он уже был богаче, чем легендарные цари Мидас и Крёз, вместе взятые. Когда впоследствии Митридат обвинил Хиос в том, что часть конфискованного имущества не была отдана ему, дело было скорее в наказании предателей, а не в потерянной прибыли^[274].

Митридат строил планы искусно и с осторожностью. В предыдущих главах мы рассмотрели, как Митридат использовал косвенное управление, договоры, подкуп, убийства, военные действия, риторику, пропаганду, дипломатические хитрости в первые два десятилетия своего правления, чтобы убедить римлян покинуть Анатолию и Грецию. Теперь началась открытая война. Может показаться, что две не терпящие отлагательств причины заставили

Митридата отдать приказ об уничтожении римского населения, оставшегося в Анатолии. Во-первых, хотя его победы привели к изгнанию множества римлян, в том числе тысяч легионеров, многие остались, особенно в многонациональных портовых городах. Эти города были печально известны своей склонностью переходить с одной стороны на другую; как центры торговли, они зависели от предпринимательской деятельности. Митридат знал, что нельзя полагаться на то, что они останутся верны ему, если война с Римом пойдет плохо. Он не мог себе позвонить дать сопротивленческому движению сплотиться вокруг римских поселенцев и их сторонников на подвластных ему территориях в то время, пока он был занят в Греции и на Родосе.

Во-вторых, убийство гарантировало и провозглашало повсюду надежную приверженность его делу. Все города и территории, чьи несходные, но прочно связанные друг с другом граждане — греки, евреи и анатолийцы — дали согласие на убийство римлян, были теперь окончательно привязаны к Митридату. К другим выгодам от «этнической чистки» относится освобождение множества рабов и должников, которые могли бы присоединиться к его армии, поддерживая репутацию царя, известного своей щедростью по отношению к не-римлянам, как богатым, так и бедным^[275].

Митридат, возможно, издал указ в Эфесе, но где он был в день резни — неизвестно. Исследователи разведки в Античности гадают, как был передан этот тайный приказ: устно? письменно? в виде кода? Бесчисленные античные свидетельства говорят о том, что особо секретные послания передавались записанными на восковых табличках или спрятанными в подошвах сандалий, внутри мертвых кроликов, под попонами лошадей, вплетенными в волосы женщин или в хвосты коней или даже в виде татуировки на выбритой голове посланника. «Шпионский успех» Митридата до сих пор остается большой загадкой, как замечает Шелдон. «Мы по сей день не знаем, как Митридат координировал это действие, как он поддерживал связь со своими агентами или как держал этот убийственный план в секрете» в течение месяца, особенно в таких местах, как Траллы, где приказ обсуждался в собрании^[276].

88 г. до н. э. был полон поразительных событий. Невозможно установить точную последовательность, в которой произошли казни

Аквилія, массовая резня римлян, битвы за Родос и Греческая кампания, но одно ясно: сценарий массовой резни был приведен в движение как минимум за тридцать дней, что позволило Митридату сконцентрироваться на операции, которая разворачивалась в двух направлениях: исключительно важное освобождение Греции и завоевание Родоса.

Афинион, посланник Митридата в Афинах

Греки в Анатолии, на островах Эгейского моря и в континентальной Греции смотрели на Митридата Евпатора как на героического борца за свободу, который мог восстановить демократию на родине демократии. За несколько месяцев до резни граждане Афин решили на голосовании отправить философа Афиниона в Пергам, чтобы тот на аудиенции у Митридата просил его освободить Грецию от власти Рима. Философы традиционно играли роль послов, но в этом случае все должно было произойти вопреки возражениям римлян в Афинах, а может быть, и втайне.

Митридат тепло принял Афиниона и преподнес ему типичные для царя драгоценные подарки: золотое кольцо с агатом, на котором был вырезан портрет Митридата, и прекрасное пурпурное одеяние. Они стали хорошими друзьями. Афинион написал на родину множество писем, уверяя афинян, что Митридат восстановит их демократическое государственное устройство и культуру, и обещая мир и привилегии, в том числе освобождение от долгов.

История Афиниона описана в негативном свете Афинеем, высокомерным автором периода империи, жившим в Египте во второй половине II в. н. э. В его «Пире мудрецов», собрании различных римских сплетен и народных преданий, Афинея писал, что, «когда вся Азия отпала [от римлян]», философ Афинион отплыл обратно в Афины. Все афиняне — мужчины, женщины и дети, граждане Афин и иностранцы — собрались и некотором подобии парка в Керамике, на кладбище вдоль Священной дороги, чтобы поприветствовать Афиниона на входе в Дипилонские Ворота. Рассказ Афинея, написанный двумя столетиями позже, в период расцвета Римской империи, полон сарказма по отношению ко всем тем, кто в то время

возлагал надежду на «революцию» Митридата. Но источники, которые использовал Афиней, имели доступ к оригинальным сообщениям о возвращении Афиниона и, возможно, даже рассказам очевидцев. Не забывая, что Афиней, разумеется, искажил историю ради развлечения напыщенной элитарной имперской аудитории, мы должны читать между строк, чтобы представить себе чувства живших под властью римлян жителей Афин в эпоху Митридата^[277].

Афиней называет Афиниона «небывалой причудой фортуны», демагогом, который продал свой «рваный плащ философа за пурпурное покрывало», дабы «въехать в Афины в паланкине с серебряными ножками». Афиней изображает афинян доверчивыми глупцами, которые понадеялись, что Митридат может принести им «славное» будущее. Он высмеивает преклоняющиеся толпы, собравшиеся снаружи нового дома философа, «битком набитого коврами, картинами, статуями и грудями серебряной утвари». Афиней дополняет картину шествия паланкином, богатыми одеждами и блестящим золотым кольцом — знаками высокомерия, лицемерия и жадности Афиниона. Однако очевидно, что все эти предметы были традиционными подарками от царя Митридата, целью которых было показать афинянам, что Афинион действительно является его посланником.

Керамик и Священная дорога были заполнены толпами взволнованных граждан, собиравшихся на Агоре — публичной площади, где Афинион должен был выступать. По дороге в его честь были организованы речи, жертвоприношения и возлияния. На Агоре Афинион взобрался на огромную деревянную платформу, которая была расположена перед портиком Атгала, большим крытым рынком. Со сцены, где римские полководцы, управлявшие Грецией, держали суд, Афинион передал собравшемуся афинскому народу свое драматизированное послание от царя Митридата. Афинион начал с традиционного для греческих ораторов скромного замечания: «Афиняне! Положение дел и польза отечества велят мне поведать обо всем, что мне известно; но я не могу решиться — так важно и невероятно то, что я должен сказать». Все слушатели в один голос крикнули, чтобы он продолжал.

«Вы услышите, о чем и не смели мечтать, что и во сне не могло привидеться. Царь Митридат владеет Вифинией и Верхней

Каппадокией, у ног его вся Азия вплоть до Памфилии и Киликии, ему служат оружием цари Армении, Персии и вожди народов Меотиды и всего Понта на 30 тысяч стадиев вокруг. Римский командующий в Памфилии Квинт Оппий выдан царю и следует за ним в оковах; бывший консул Маний Аквиллий, этот сицилийский триумфатор, связан цепью по рукам и ногам, и бастарн-великан, пяти локтей ростом, тащит его пешего за своим конем. Из остальных римских граждан одни лежат, простершись у алтарей богов, а другие, сменив римские одежды на родные квадратные плащи, снова называют себя по исконным родинам. И все города, воздавая царю сверхчеловеческие почести, именуют его богом. Пророчества со всех концов света возвещают грядущую власть над миром. Поэтому и во Фракию, и в Македонию уже отправлены великие воинства, и все края Европы на его стороне: вокруг него толпятся послы не только от италиков, но и от карфагенян, готовых общими усилиями сокрушить Рим».

Здесь Афинион помолчал, чтобы дать толпе обсудить неслыханные известия, потер лоб и продолжал: «Афиняне! Мы не должны сносить более того безвластия, которое поддерживает у нас римский сенат, контролирующей наши власти. Римляне закрыли наши храмы и повергли в прах наши гимнасии. Наши театры пусты, а суды и философские школы безгласны! Они отняли у народа даже Пникс, наше священное место собраний!»

После этой пылкой речи толпа ринулась в театр Дионисия и избрала Афиниона главнокомандующим народной армией. Афинион принял на год пост главнокомандующего. «Афиняне, — сказал он, — выбрав сейчас меня, вы самих себя избрали. С вашей помощью я сделаю все, что в ваших силах». По древней демократической традиции были избраны девять архонтов — высших должностных лиц. Археологи обнаружили надпись, сохранившую их имена, которая показала, что все эти люди были из знатных афинских семей.

Афиней (как и другие писатели эпохи римского владычества) охарактеризовал философа как диктатора, стремящегося к власти: «Через несколько дней Афинион стал тираном». И тем не менее, как Афиней сам пишет, Афиниона избрали демократическим путем большинство афинских граждан в согласии с традиционной практикой древнего Афинского государства. Другие противоречия в рассказе Афиней выявляют его антидемократическую направленность и

привычку к банальным для того времени оскорблениям. К примеру, он называет мать Афиниона «низкой египетской рабыней» и обвиняет его в том, что тот через учительство заработал баснословные богатства, и в то же время поносит его за нищету. Историк Страбон, писавший через поколение после войн Митридата, также утверждал, что Митридат «навязал Афинам тиранов, которые угнетали город насилием». На самом деле, как считают современные историки, эти правители были избраны в ходе голосования большей частью электората, включавшего в себя все классы общества^[278].

Восстановление демократии в Афинах предоставило Афиниону власть в городе, который прежде контролировался римскими завоевателями и их сторонниками из элиты города. Рассказ Афиня о том, что случилось в Афинах после этого, искусно снабжен деталями, иллюстрирующими «царство террора», установленного народным большинством. Описание этих событий, возможно, основано на свидетельствах римлян и проримской аристократии, которые после избрания Афиниона сумели избежать преследования и смерти. Афинион расположил у городских ворот стражу, но многие римляне и их сторонники ночью перелезли через стены. Афинион послал за ними в погоню воинов, которые либо убивали, либо бросали их в тюрьму. Были собраны городские советы и народные суды. Афинян, сотрудничавших с римлянами, судили за предательство. Осужденные приговаривались к физическому наказанию или смертной казни, их имущество подлежало конфискации. Позднее в том же году из-за перебоев в торговле в городе стало не хватать еды и запасов. Афиниону пришлось отдать приказ о строгих ограничениях на ячмень и пшеницу. Говоря словами ехидного Афиня, «он кормил неразумных афинян птичьими пайками, по хойнику ячменя на четыре дня»^[279].

Дал ли Митридат Афиниону знать о своем тайном намерении уничтожить римлян в Анатолии? Отдал ли Афинион подобный приказ в Афинах? Жестокая расправа с римлянами и их сторонниками в Афинах после избрания Афиниона очень напоминает то, что происходило в городах Анатолии в 88 г. до н. э. Митридат обращался как к богатым, так и к бедным, но сопротивление оказывали всегда аристократы. В Афинах же союзники римлян среди олигархических семей расстались с жизнью. Например, в Адрамиттии, где римляне также были уничтожены, местный философ и государственный

деятель Диодор, сторонник Митридата, был избран военачальником. По приказу Диодора были убиты несколько членов городского совета — несомненно, это были аристократы — приверженцы Рима^[280].

Восстановленная в Афинах демократия, учитывая, что Афинион и его преемник Аристион пришли к власти на волне антиримских настроений, проторила дорогу в Грецию для объединенных освободительных войск Митридата. Толпа союзников-варваров, ведомая сыном Митридата Аркафием, прошла маршем от Понта через Вифинию и Фракию в Северную Грецию. В то же время многочисленный понтийский флот и армия, возглавляемые Метрофаном, заняли Эвбею и Фессалию. Одновременно с этим войска Архелая силой заняли Делос. Священный остров служил сокровищницей Эгейского региона, находившегося под контролем Рима. Связанное давними союзами с Афинами греческое население Делоса поддержало Митридата в самом начале его правления и воздвигло в его честь памятник, украшенный статуями царя и десяти его приближенных. Но теперь Делос был связан обещанием оказать помощь Риму. После резни 88 г. до н. э. италийские поселенцы, господствовавшие на острове, взялись за молоты и разбили прекрасные мраморные портреты памятника в честь Митридата на Делосе, уничтожив лица Митридата и его приближенных.

В это время верфи Митридата работали, расширяя флот для атаки на Родос, до сих пор верный Риму. И вот, простившись с царицей Монимой, Митридат взошел на флагманский корабль в качестве Верховного командующего флотом, отправленным к Родосу. Жители Родоса поспешили «укрепить стены и порты и расположить везде военные машины, набирая на материке подкрепление»^[281].

Битва за Родос

Родос, о чем Митридат был прекрасно осведомлен, яростно защищался от Деметрия Полиоркета, «Осаждающего города», в 305–304 гг. до н. э. Изнурительная битва вошла в историю как одно из величайших сражений Античности. Инженеры Деметрия сконструировали высочайшую и мощнейшую механическую осадную башню, которая когда-либо была построена. Этот «захватчик городов»

был высотой 130 футов (39,6 м), весил 160 тонн и был снабжен 16 тяжелыми катапультами. Для использования этой башни требовались смены в более чем 3 тысячи человек. Железные пластины делали башню огнеупорной, а занавески из мокрой шерсти и водорослей защищали окошки от обстрелов зажженными стрелами и пылающими масляными гранатами. Деметрий также развернул 180-футовый (55-метровый) таран, которым управляла тысяча воинов, и соорудил огромные сверла — ими бурили отверстия в стенах. Несмотря на эту технику, после года жестоких сражений Родос отбил нападение Деметрия. Обе стороны покрыли себя вечной славой. Прославленное поражение Деметрия получило материальное выражение. Жители Родоса расплавили металл с оставленной им осадной башни, чтобы создать из него великого Колосса Родосского^[282].

Митридат намеревался догнать и перегнать Деметрия. Подготавливая атаку с моря и суши, инженеры Митридата сконструировали самбуку — массивную башню, укрепленную на двух кораблях. Она была снабжена подвижным мостом, сплетенным из лозы, чтобы взбираться на стены города с моря. Тогда же сухопутные силы Митридата сосредоточились в Кавне; оттуда они должны были отплыть, чтобы соединиться с понтийским флотом у Родоса.

Аппиан и другие историки оставили описания битвы за Родос. Когда великий флот Митридата с великолепными резными рострами и фантастическим снаряжением показался на горизонте, жители Родоса приняли радикальные меры — «выжигание земли», — уничтожая и сжигая пригороды, чтобы лишить Митридата укрытия и провианта. Флот Родоса под главенством испытанного и храброго греческого флотоводца Дамагора выдвинулся вперед, готовый к лобовой атаке на понтийские корабли. Митридат, плывший во главе на своей квинквиреме (крупнейший корабль на тот момент), увидел, что его флот сильно превосходит числом родосский, и приказал своим кораблям взять противника в окружение. Но Дамагор быстро укрылся в укрепленной стеной гавани Родоса, а жители острова приготовились сражаться с городских стен. Митридат разбил лагерь в выжженных предместьях вне города, пока его корабли непрерывно проверяли гавань на прочность^[283].

Но Родос сохранял свое преимущество в обороне. Дамагор направил бирему (маленький быстрый корабль с двумя рядами весел)

против одного из торговых кораблей Митридата. Митридат послал в сражение множество военных кораблей, ревностно сражавшихся, однако его моряки были неопытны и недисциплинированы по сравнению с искусными родосцами. Дамагор искусно таранил корабли Митридата. Родосцы забрали многочисленные дорогостоящие ростры и богатую добычу, в том числе понтийскую трирему с командой.

На следующий день Дамагор послал шесть быстрых кораблей на поиски пропавшего корабля. Царская квинквирема Митридата и двадцать пять его самых быстрых кораблей отправились в погоню. Дамагор хитро избегал встречи с Митридатом весь день, выманивая его далеко в море. На закате, как и ожидал Дамагор, Митридат приказал своим кораблям возвращаться. Тогда Дамагор налетел на них, тараня вражеские корабли в темноте. В смятении, пока Митридат кричал приказы своим матросам, одна из его союзнических трирем — с Хиоса — сильно протаранила корабль самого Митридата. Квинквирема царя каким-то образом пережила последствия удара. В тяжелой битве Митридат продолжил сражаться. Но Дамагор потопил два понтийских корабля и преследовал еще два до самого ликийского побережья.

Оглушенный невероятным успехом малочисленной армии Родоса, Митридат с подозрением размышлял о столкновении с хиосским кораблем во время ночного сражения. Не было ли оно намеренным? Он приказал высечь хиосского впередсмотрящего и рулевого. С этого дня, говорит Аппиан, Митридат «почувствовал гнев ко всем хиосцам». Однажды он найдет способ расквитаться.

Рис. 8.2. В ходе морского сражения за Родос в 88 г. до н. э. корабль Митридата был протаранен союзным кораблем Хиоса (в центре). На переднем плане: стрелки наводят на цель горящие стрелы. Скриншот из видеоигры «Взлет и падение: война цивилизаций», студия Midway Games, Inc.

Грозные предзнаменования начали подрывать боевой дух Митридата. В выжженных предместьях города, где Митридат стоял лагерем, стая ворон внезапно напала на стервятника. Затем в ту же ночь «огромная звезда» (метеорит?) упала на то самое место, где стервятник был заклеван до смерти. Царские маги и предсказатели зловеще перешептывались.

Родосская кампания шла не лучшим образом. Где сухопутные войска царя? Войска Митридата должны были взойти на торговые корабли и триремы в Кавне и присоединиться к нему. На деле же они начали плавание, но сильный шторм помял флот и принес его к Родосу в совершенно небоевом состоянии. Моряки Дамагора вышли в море и «наткнулись на корабли в тот момент, когда они были все еще разобщены и переживали последствия шторма. Дамагор захватил несколько кораблей, протаранил и потопил другие и еще больше кораблей сжег». Родосцы захватили четыреста пленников в тот день.

Несколько дезертиров из армии Родоса появились в лагере, испрашивая аудиенции у Митридата. Возможно, дела пошли на лад. Они провели царя к высочайшей горе острова, двухчасовой подъем в горы приводил к укрепленному Храму Зевса. Здесь Митридат решил оставить нескольких воинов, дав им указание зажечь поздно ночью сигнальный огонь. Затем он послал половину своей армии в укрытие к кораблям, велел другой половине незаметно пройти на позиции с помощью лестниц. По сигналу с горы все должны были одновременно атаковать Родос с моря и суши. Но несколько родосских караулов, расположенных на другом холме, заметили тайные передвижения и зажгли огонь. Армия и флот Митридата, думая, что это сигнал из Храма Зевса, были введены в заблуждение и напали слишком рано. Родосцы поспешили к стенам и разбили людей Митридата. Судя по всему, родосцы были готовы к неожиданной атаке. Не были ли эти «дезертиры» двойными агентами?

Настало время привести в действие самбуку. Хитроумное изобретение невероятных размеров, верхом на двух кораблях встало у внешней стены храма Исиды, великой богини-покровительницы Азии. Задняя стена храма составляла часть укреплений порта. Люди Митридата усердно трудились, чтобы привести в действие блоки самбуки и поднять мост на стену так, чтобы воины, собранные на небольших кораблях под лестницами, могли ворваться в город.

Родосцев сковал страх при виде колоссальной осадной машины. С ее приближением также должно было возрасти смятение Кассия и небольшой группы римских беженцев за стенами. Войска Митридата начали подниматься на самбуку. Внезапно родосцы издали радостный крик. И в тот же момент мерцающий призрак богини Исиды появился на вершине храма! Богиня бросила в самбуку и людей, взбиравшихся по ней, огненный шар. Огромная машина, пылая, упала в море.

Родосцы всегда были мастерами огненного оружия. Во время сражения с Деметрием в 305 г. до н. э. все ночное небо пылало от захватывающей огненной атаки снарядами, вымоченными в сере и смоле. Деметрий был поражен: родосцы выпустили более восьмисот горящих снарядов за одну ночь! Теперь Митридат оценил решение Деметрия заключить с Родосом мир. Выдали богиня, разящая огнем, иллюзией, спровоцированной внезапной и ужасающей огневой мощью родосцев? Или это был еще один метеорит? Игра света? Это не имело

значения: деморализованная армия Митридата видела в гневе Иисиды очень плохое предзнаменование.

Митридат отчаялся захватить Родос. Непобежденный, но расстроенный, он отплыл к побережью Ликии, оставив обуглившиеся обломки своей самбуки плавать в море под стенами храма. Дамагору, желавшему покончить с Митридатом, впоследствии выпадет еще один шанс, но от этой дуэли нас отделяют еще годы^[284].

Фурии

На побережье Ликии Митридат и его военачальник Пелопид решили осадить Патару (по-ликийски Птгара) — союзника Родоса и Рима. Кроме того, расположенный вблизи храм Аполлона был известен почти так же, как Дельфийский. Если Митридат получал пророчество от этого оракула, он и его прорицатели должны были наблюдать за стайкой священных рыб, вызванных дудочкой, пока жрецы Аполлона разбрасывали по воде кусочки мяса. Если рыбы съедали обрезки, все было хорошо; если же они отталкивали приношения хвостами, дела обстояли плохо. Учитывая знамения, сопровождавшие эту кампанию Митридата, рыбы, скорее всего, повернулись к царю хвостом.

Ликия была также центром поклонения анатолийской и греческой богине-матери Эни, Кибеле и Латоне, матери Аполлона и Артемиды. Святилище Латоны было обнаружено археологами в богатой растительностью долине Ксанфа неподалеку от побережья Патары. Митридат приказал своим людям вырубить старые деревья вдоль белого песчаного пляжа. Он знал, что эта роща посвящена Латоне, но отчаянно нуждался в дереве для реконструкции своих осадных машин. Той ночью царь ворочался в своей палатке. Богиня Латона явилась ему во сне и предупредила Митридата, чтобы он не вырубал ее священные деревья. Митридат и его маги относились к снам очень серьезно: они анализировали и записывали сны не только самого царя, но и сны его наложниц^[285].

С утра пришли новые дурные вести. Несколько греческих островов вслед за Делосом обещали оказать помощь Риму. Их следовало наказать. Изобретательные противники, разгневанные боги,

плохие предзнаменования, ужасная погода, упрямые рыбы — теперь все, даже некогда верные ему союзники, казалось, оборачивалось против него. В сердце Митридата гнездились сомнения; паранойя, словно гидра, подняла свои головы. Сначала Исида, теперь Латона. Богини-матери, казалось, больше всего недовольны Митридатом. Как же их умиротворить? Суровые прорицатели из царской свиты начали шепотом вспоминать имена фурий, демонов правосудия, которые преследовали убийц, особенно тех, кто лишил жизни свою мать или членов семьи.

Ужасающие ведьмы со скорпионьими хвостами, с волосами из ядовитых змей и глазами налитыми кровью были неумолимыми мстительницами, преследовавшими преступника, пока он или она не сходили с ума от мук совести и страха. Фурии довели до сумасшествия известных греческих героев, и смертные — даже императоры — боялись их. Митридат, воспитанный на греческих мифах и драматургии, мог поверить, что фурии преследуют его за его убийства, особенно матери и брата с сестрой.

Может ли это объяснить сенсационную историю о жертвоприношении невинной девушки фуриям после неудачи в Родосской кампании? Этот эпизод появляется в списке предзнаменований римского историка Ливия. Сам список потерян, однако сохранился в книге «О чудесных явлениях» Юлия Обсеквента. На 88 г. до н. э. сообщается о нескольких знамениях в Риме, связанных с «приготовлениями Митридата к войне против союзников Рима». Некоторые, например явление Икиды во время битвы за Родос, подтверждаются другими источниками.

Митридат и его прорицатели отправились к священной роще фурий, темному тисовому лесу. Беременная овца и горлица были обычными жертвенными животными для дочерей Ночи. Как только Митридат начал разжигать огонь для овцы и горлицы, потусторонний хохот наполнил рощу. Ливий и Обсеквент сообщают, что это наполнило страхом всех присутствовавших и прервало ритуал. Прорицатели Митридата посоветовались и сказали царю, что он должен принести в жертву на алтаре фурий непорочную деву. Привели юную девушку. На следующий вечер Митридат вновь начал произносить заклинания, нож был наготове у шеи жертвы. Но внезапно девушка сама начала смеяться пугающим невеселым смехом. Ее истерический

хохот, напоминающий ужасный хохот фурий, совершенно сорвал жертвоприношение.

Рис. 8.3. Портрет Митридата, мрамор, в натуральную величину. Фотография из Государственного музея Эрмитаж, Санкт-Петербург

Вероятно ли, что Митридат действительно собирался принести в жертву человека? Это звучит чудовищно, но такая практика была неизвестна как в его мире, так и в римском. Согласно Геродоту, персидским магам нравилось убивать живые существа собственными руками: животных, змей, птиц, бабочек и муравьев. Нам известно, что иногда прорицатели требовали человеческого жертвоприношения, ритуально убивая юных мальчиков и девочек, чтобы добиться победы в битве. Например, когда Ксеркс вторгся в Грецию в 480 г. до н. э., его прорицатели живьем похоронили девятерых детей из греческих семей. Со своей стороны, Афины и Спарта убили персидских послов в качестве ритуального жертвоприношения, а несколько греческих военачальников принесли обеты фуриям перед битвой: то ли для того, чтобы получить прощение за убийство невинных, то ли для того, чтобы священные мстительницы заняли их сторону. Митридат знал греческие драмы Эсхила, Софокла и Еврипида, рассказывавшие, как

царь Агамемнон принес в жертву собственную невинную дочь Ифигению ради удачного плавания в самом начале Троянской войны.

Но человеческое жертвоприношение было не просто чем-то из старых мифов или глубокой древности. Как это ни удивительно, в 97 г. до н. э., всего за десять лет до поражения Митридата под Родосом, римский сенат счел необходимым издать декрет, ставящий человеческое жертвоприношение вне закона. Друиды в Галлии и жрецы в Испании и Карфагене практиковали сакральное убийство человека, но указ сената имел целью предотвратить эти «варварские» практики в самом городе Рима. В самом деле, римляне приносили людей в жертву совсем недавно. Во время войн Ганнибала римляне похоронили живьем двух греков и двух галлов, как было приказано прорицателями, толковавшими Книги сивилл. Подобное жертвоприношение было совершено не далее как в 114 г. непосредственно перед Югуртинской войной, когда так же были похоронены заживо два грека и два галла^[286].

Эти недавние прецеденты, соединенные с знаниями Митридата о персидских и греческих царях, совершавших жертвоприношения непорочных дев перед началом серьезных войн, добавляют правдоподобности сообщениям античных авторов о том, что Митридат пытался принести юную девушку в жертву. Невозможно установить, мучила ли Митридата совесть из-за убийства его матери, брата и сестры — не говоря уже об убийстве восьмисот римских поселенцев. Но жертва фуриям могла успокоить разгневанных божеств, снять вину за убийство и обеспечить победу — во всем этом Митридат видел просто войну. Ритуал мог быть также полезен как пропаганда религиозности Митридата. Чем необычны сообщения римлян о жертвоприношении Митридата, так это тем, что они лишены какого-либо удивления или гнева. Тот факт, что жертвоприношение девушки все же не было совершено, только добавляет сообщениям правдоподобности.

После этих неудачных событий Митридат снял осаду Патары. Он мог оправдывать себя тем, что попытки захватить Родос и Патару сейчас были запрещены богами. Оставив Пелопида продолжать войну в Ликии, Митридат приказал Архелаю по пути в Грецию «найти союзников убеждением или силой» в Эгейском регионе. Передав военные действия в руки своих военачальников, царь вернулся в

Пергам, чтобы сосредоточиться на производстве оружия и осадных машин, строя еще больше кораблей и возводя еще больше укреплений для Греции. Он отпраздновал свой сорок шестой день рождения как подобало великому гурману. Аппиан говорит, что Митридат также проводил немало времени, наслаждаясь объятиями его новой жены Монимы. Пока царь был на войне, возлюбленные обменивались множеством любовных писем, наполненных тоской и страстью^[287].

Неудачи — возможно, углубленные опасениями по поводу его собственной тактики убийств — привели к проявлениям у Митридата паранойи. Недавний провал с хиосской триремой у Родоса вызывал у него недоверие к союзникам. Царь прибег к жестким мерам наказания, устраивая трибуналы для суда над теми, кто замышлял против него, похожие на трибуналы, уже действовавшие в Афинах и Адрамиттии. Обвиненных в подготовке переворота против царя или поддержке римлян ставили перед Митридатом и его судьями. Многие были осуждены, но эти трибуналы не кажутся простыми конвейерами, штамповавшими смертные приговоры. Как мы видели ранее, Митридат дал назначение оратору Метродору, как исключительно независимому судье. Возможно, именно Метродора следует благодарить за оправдание его коллеги оратора Диодора из Сард, который часто выступал в защиту Митридата в Риме. Оклеветанный льстецами Митридата в подстрекании городов к восстанию, Диодор смог доказать свою невиновность и не погиб от царского гнева^[288].

Несмотря на патовую ситуацию с Родосом, власть Митридата простиралась от Черного моря и западной границы Азии до Греции, а его флот господствовал в Эгейском море. План по уничтожению римлян в Азии работал как часы. Необъятные золотые запасы Митридата росли, сам он наслаждался своей новой любовью и грелся в лучах народной лести, его армии и корабли были непобедимы. Его военачальники спешили к Греции по суше и по морю, чтобы завершить построение новой версии великой Греко-Персидской империи Александра в исполнении Митридата. Теперь все зависело от кампании в Греции.

Глава 9.

Битва за Грецию

С нетерпением ожидая новостей из Греции, Митридат одновременно следил и за событиями в Италии. Как выяснилось, его захват провинции в Малой Азии был самой маловажной проблемой Рима на данный момент. Римские легионы сражались с италийскими повстанцами в сельской местности, в Риме разразилась гражданская война. Сулла, противник Мария, был избран на должность консула. Олигархическая группировка Суллы воевала с партией популяров, которые были преданы Марию. Популяры изгнали Суллу из города, после чего он взял командование над римским легионом и отправился подавлять мятежников из племени марсов. Вдохновленный сном, в котором Кибела, Великая мать богов, вручила ему молнию, Сулла штурмовал и захватил Рим с жестокими уличными боями. Сулла объявил награду за голову Мария, пустившегося в бега, но многие римляне остались преданы старому воину.

Но, даже будучи главой Рима, Сулла остается в ненадежном положении. Священные сокровища из римских храмов уже проданы для финансирования войны с Митридатом. После побед Митридата в Малой Азии и Греции его влияние набирает силу, он обещал помощь италийским повстанцам. Римское влияние на Востоке будет навеки утеряно, если Сулла не одержит победу над Митридатом. Полный триумф над самой страшной угрозой республике со времен Ганнибала поможет Сулле стать из воина героическим завоевателем. Но посмеет ли Сулла покинуть Италию? Как он сможет бороться с Митридатом и одновременно удерживать контроль в Риме?

В 87 г. до н. э. проблемы Суллы обостряются, когда преданный Марию Цинна получает место в сенате. Этим же летом появляется комета Галлея, предвещающая беды Риму. Цинна дает клятву сохранять мир с аристократической партией Суллы, но его обещание звучит неискренне. Люди Мария готовы идти на тех, кто поддерживает Суллу, и жизнь жены и детей Суллы оказывается в серьезной опасности [\[289\]](#).

Какой путь выберет Сулла? Митридат предполагает, что Сулла, сенат и римляне хотят отомстить за убитых им в Средней Азии италийцев. Но он возлагает надежды на хаос в Италии, который свяжет им руки на некоторое время. После того как освобождение Митридатом греческого мира становится свершившимся фактом, он может надеяться, что Риму придется принять новое распределение сил и признать Митридата Великого, царя царей, новым Александром у руля возрождающейся Греко-Персидской империи^[290].

Освобождение Греции

Пока война разоряет Рим, Митридат торжествует победу в Греческой кампании. Комета Галлея была расценена его волхвами и союзниками как добрый знак. В Афинах философ Аристион, выбранный как сторонник Митридата, сменяет Афиниона. Имя Аристиона появляется вместе с именем Митридата на монетах 87–86 гг. до н. э.

Идеализированный портрет Митридата, отпечатанный на монетах, с полуоткрытым ртом и пышными волосами очень напоминает портрет его героя Александра. На реверсе монеты чеканятся изображения, напоминающие о персидских связях Митридата, — крылатый Пегас, звезда и полумесяц.

Другие монеты изображают Диониса Освободителя, проводя ассоциацию с оппозиционными силами италийских рабов и бунтовщиков. Митридат старается сделать так, чтобы его портрет был известен всем. Он нанимает лучших греческих мастеров, так как понимает важность эстетически приятной валюты для пропаганды. Его монетная система несет в себе послание о том, что Митридат — великий объединитель и защитник греческой и персидской цивилизаций. Зная, что его непревзойденные монеты будут внушать восхищение, коллекционироваться и отбираться для кладов, Митридат создает их для потомков. В самом деле, эксперты в нумизматике признают монеты с портретом Митридата одними из самых прекрасных древних монет.

Рис. 9.1. Слева: портрет Митридата, серебряная тетрадрахма, 86/85 г. до н. э., идеализированный профиль, сходный с профилем на монете Александра (справа), с растрепанными волосами и полуоткрытым ртом. Монеты Митридата отличаются искусным исполнением и динамикой движений. 1980.109.66, собственность А.Ж. Fecchi, и 1944.100.45726, собственность Э.Т. Ньюэлла, печатается с разрешения Американского нумизматического общества

Митридат также заказывает множество колец с печаткой со своим портретом, которые он дарит друзьям и союзникам. Такие кольца даруют своему носителю политическое влияние. Кроме того, они несут и пропагандистский смысл, как и в случае с кольцом с печаткой Суллы, изображающим его победу над Югуртой, и с кольцом с портретом Митридата, выставляемым напоказ Афинионом в Афинах.

В 87 г. до н. э. военачальники Митридата Архелай и Метрофан осадили контролируемый Римом Делос. Разрушения были ужасающими: город был разграблен и сожжен дотла. Тысячи крепких рабов, неожиданно освобожденных от римских оков, вступили в греческую освободительную армию. Полководцы Митридата фактически убили всех безоружных италийских купцов Делоса, а их жен и детей продали в рабство. Примерное количество убитых на Делосе оценивается в 20 тысяч человек, доводя потери среди римского мирного населения в 88–87 гг. до н. э. до по меньшей мере 100 тысяч человек, возможно больше.

Метрофан и Архелай овладели ценностями острова и захватили сундуки из великого храма Аполлона. Они хранили большую часть

награбленного на маленьком лесистом острове Скиаф, где располагалась морская военная база Метрофана и госпиталь. Но какова судьба священных сокровищ Аполлона, веками хранившихся в его храме? Традиционно сокровища Аполлона на Делосе охранялись Афинами. Митридат решает доставить сокровища Аристиону в Афины в сопровождении 2 тысяч избранных воинов. Этот широкий жест подтверждает обещание Митридата освободить всю Элладу от римской зависимости^[291].

Аристион использует сокровища для финансирования революции, начатой Афинионом. 2 тысячи понтийских воинов, посланных Архелаем, завершают зачистку римлян и их сторонников, оставшихся в Аттике. Они также обучают и тренируют греков с континента, чья армия была еще давно расформирована римскими надзирателями. После, говоря словами одного современного историка, «с нелепой и гордой преданностью», Афины объявляют войну Риму и заявляют о своем союзе с царем-спасителем Митридатом Великим. Афины все еще наслаждаются своим авторитетом во всей Греции и нероманском мире. Когда-то великие, а сейчас города-призраки Спарта и Фивы прекращают свое старое соперничество с Афинами и вступают в Понтийский союз, опережая приход освободительной армии Митридата. Войска полководца Архелая, в основном состоящие из галлов из Галатии, с восторгом встречают в Пелопоннесе, Аттике и Беотии. Пока они двигаются на север, отряды нетерпеливых, но плохо натренированных и бедно вооруженных воинов из Спарты, Афин и других греческих городов вступают в освобожденные войска рабов в рядах армии Архелая^[292].

Митридат разделяет свои войска на три направления атаки. Одна из частей войска, под командованием его любимого сына Аркафия (показавшего себя в битвах против Аквилия и Никомеда) и полководца Таксила (названного так в честь индийского принца, добровольно подчинившегося Александру Великому), двигается через Фракию в Македонию. Они командуют частью примерно в 10 тысяч варваров-пехотинцев (зовущихся Бронзовые щиты) и 10 тысяч всадников из Фракии, Сарматии, Скифии и Армении. Как только Аркафий и Таксил берут контроль над Амфиполисом на границе, Македония переходит на сторону Митридата. Эта победа позволяет им отправить богатые поставки продовольствия Архелаю в Пирей, афинский порт^[293].

Карта 9.1. Первая Митридатова война: Анатолийская, Эгейская и Греческая кампании.

Архелай обеспечил безопасность Южной и Центральной Греции, после он оккупирует Аттику, территорию Афин и Пирей, формируя вторую часть армии. Третья часть под командованием Метрофана, захватившего Эвбею, создает штаб в Халкиде. Его флот подходит к самому берегу Фессалии. (В это время Неоптолем и Дромихет с еще большим количеством людей плывут из Анатолии в Халкиду, а Дорилай в полной готовности стоит в Понте с подкреплением в 80 тысяч хорошо обученных воинов.) Три армии Митридата должны соединиться в Македонии. Если все пойдет по плану, то маленький изолированный Римский гарнизон будет зажат этим «трезубцем» к лету 87 г. до н. э.

Но командующий римским аванпостом в Македонии решается на отважную предупредительную стратегию, чтобы притупить

«резубец» Митридата. Он посылает войска навстречу варварскому полчищу Аркафия и приказывает своему легату Бруттию вступить в бой с Метрофаном в море. Маленький флот Бруттия преуспел — Метрофану пришлось беспомощно смотреть на то, как его моряки бьются в волнах, моля о пощаде. Люди Бруттия убивают их одного за другим.

Бруттий преследует Метрофана обратно до Эвбеи, заставив его оставить незащищенными госпиталь и базу на Скиафе. Бруттий занимает остров, грабя и захватывая тысячи воинов. Военнопленные (многие из них были ранены или больны) надеялись на человеческое обращение со стороны римлян. В кампании за Родос командующий флотом Дамагор с уважением отнесся к пленным воинам Митридата. Даже Митридат был известен тем, что миловал римских военных и их союзников в своих первых сражениях. Но Бруттий был намерен мстить за италийских жертв в провинции Азия и на Делосе. Он разделил пленных на две группы: рожденных свободными и римских рабов, вступивших в армию Митридата. Центурионы Бруттия объявили, что свободные люди будут отпущены. Но перед этим они методично отрезали пленникам руки. Покалеченные воины были освобождены, но уже никогда не могли снова поднять меч или щит. А сбежавшие рабы? Они все были распяты, пригвождены к крестам и оставлены умирать на Скиафе.

Но, даже воодушевленный своим успехом, Бруттий не мог завершить прямую атаку на Эвбею. Даже с тысячным подкреплением из Македонии он был все еще в меньшинстве. Вместо этого он идет через Беотию, чтобы попытаться остановить вторую часть армии Митридата, возглавляемую Архелаем. Армии встретились у Херонеи, на широкой равнине, окруженной скалистыми холмами, где пролегал путь из Северной Греции в Южную. Здесь разразилось столько битв, что эту равнину называли «танцевальной площадкой Ареса», бога войны. Это было то же самое поле битвы, на котором отец Александра, Филипп, одержал победу над греками в 338 г. до н. э.

Бруттий и Архелай бились здесь три дня. Как прокомментировал это Альфред Дагган, Бруттий не терял присутствия духа, пока «типично римская бюрократическая волокита не заставила его прервать кампанию». Он получил сообщение от молодого подчиненного Суллы, Луция Лукулла, извещающее о том, что Сулле

поручено вести войну с Митридатом. Бруттию было приказано вернуться в Македонию. Бруттий подчиняется. Это позволило Архелаю оккупировать Беотию и расквартироваться на зиму в Пирее. В это время городская армия Аристиона забаррикадировалась в Афинах. Они чувствовали себя в безопасности за высокими стенами и укреплениями, защищавшими город и порт^[294].

Тем временем в Пергаме

Митридат, должно быть, был раздражен потерями на Скиафе, но он мог все еще упиваться своим впечатляющим успехом. Он был популярен, преуспевающий, победоносен. Его великое будущее, предсказанное оракулами и кометами, наконец сбывалось. Он вырвал Азию из тисков Рима и правил Вифинией, Каппадокией, Пафлагонией и Анатолией. Римляне были изгнаны из Азии. Его полководец Архелай владел Эгейским морем и континентальной Грецией. Сын Митридата, Махар, был наместником царя в Понте и на Босфоре, включая скифские земли по ту сторону Азовского моря. Его любимый сын Аркафий, с боями продвигающийся на юг, победил маленький гарнизон Бруттия в Македонии. Аркафий покорил Северную Грецию и уже назначал наместников для своего предполагаемого царства.

Пока послы из бунтующих городов в Италии, Северной Африке, Египте, Парфии и Сирии пели хвалу Митридату, царь-спаситель собирал еще больше золота и раздавал сокровища, княжества и провинции своим друзьям. Союзные города выпускали благодарственные указы, чеканили монеты с его именем и изображением и воздвигали ему портретные статуи в своих агорах. Царь заказал впечатляющие статуи самого себя. Дворец в Синопе украшали большие серебряные и позолоченные изображения предков Митридата, но он превзошел их грандиозностью. У нас есть сведения о по крайней мере двух статуях, отлитых из чистого золота, одна в человеческий рост, другая 10 футов (3 м) в высоту. Золото должно было не только впечатлять своей ценой: это был священный цвет огня, солнца и Митры^[295].

Чтобы отпраздновать успех Митридата, в Пергаме было запланировано роскошное празднество. В театре Диониса, где

Аквиллий причастился на своей жуткой «последней вечере», царские инженеры клали последние штрихи на грандиозную механизированную статую Ники, богини победы, подвешенную на тросах за занавесом высоко над царской ложей.

В день празднования царь Митридат и царица Монима, облаченные в богатые наряды, кивали и улыбались публике со своих убранных шелком, мягких тронов, в то время как хоры пели, чиновники произносили речи, а актеры представляли различные земли, приносящие благодарности царю-освободителю за его благодеяния. Кульминацией торжества должно было стать появление крылатой богини победы, держащей в руках настоящую корону. С помощью блоков и рычагов богиня должна была волшебным образом спуститься, чтобы возложить корону на голову Митридата, а затем так же волшебным образом подняться обратно на небеса. Если там присутствовали свидетели ужасающего падения в толпу колоссальной самбуки в Родосе, они должны были задержать дыхание в попытке сдержать предчувствие беды.

Их страх был оправдан. В тот момент, когда рабочие опускали тяжелую статую перед царской ложей, тросы оборвались. Крылатая богиня с грохотом обрушилась на землю, корона победителя разлетелась на куски. Мертвая тишина, затем смятение и сутолока. Толпа и царь в страхе содрогнулись. Члены царской семьи были спешно уведены подальше от сцены ужасного предзнаменования.

Митридат, как и следовало ожидать, впал в депрессию, но ненадолго. Через несколько дней царь нарушает свое уединение и созывает предсказателей, волхвов, советчиков и шпионов. Он детально изучает все доклады с фронта, тщательно всех опрашивает, требуя самую свежую информацию. Он был уверен, что в тот самый момент, когда упала статуя богини победы в Пергаме, какое-то бедствие должно было произойти с одной из его армий в Греции или Азии. Его расспросы не принесли ничего, кроме самых положительных докладов с командных постов. Но он все-таки услышал обрывок зловещей новости. В тот самый день Луций Корнелий Сулла отплыл из Италии в Грецию с пятью римскими легионами^[296].

После этой новости в и без того отягощенной заботами душе Митридата, наверное, появился холодок тревоги. Находясь далеко от места событий, он не мог самолично контролировать свои армии в Греции. Но он был уверен в своих превосходных полководцах. И в конце концов, как может тридцатитысячное войско Суллы одержать победу над мириадами воинов Митридата?

Но люди Суллы были закаленными в битвах дисциплинированными профессионалами. Эти выносливые ветераны будут яростно бороться за Суллу, пока получают щедрую плату добычей. Что за человек был их командир? Римский биограф Суллы Плутарх рисует портрет высокомерного, отталкивающего человека с гипнотически внушительной внешностью и бесконечной жаждой власти. Выходец из малоизвестной и небогатой аристократической семьи, Сулла (р. 138 г. до н. э.) провел свою юность на пирушках в компании артистов-босяков. Богатая куртизанка оплатила его политическую карьеру. В 50 лет Сулла все еще сохранял свои дурные привычки, но приобрел любовь к искусству и литературе и завоевал репутацию подающего надежды, храброго военного вождя. Проницательный и расчетливый, Сулла мог в то же время быть опрометчивым и непредсказуемым. Сулла, как и многие другие лидеры, хорошо понимал, что своенравное поведение делает человека похожим на бога, ведь ни друзья, ни враги не знают, чего от тебя ожидать. Чередование мягкости с внезапными вспышками жестокости было проверенным методом тиранов всех эпох, включая Митридата.

Рис. 9.2. Луций Корнелий Сулла, римский бюст, 80–75 гг. до н. э. Археологический музей, Венеция. Scala / Art Resource, N. Y.

У Суллы были светло-рыжие волосы, светло-серые глаза и очень бледная кожа. Согласно Плутарху, имя Сулла («Прыщи») было оскорбительным намеком на его дурной цвет лица. Возможно из-за какого-то дерматологического заболевания, его кожа была усыпана крупными, ярко-красными пятнами. Шуты издевались над лицом Суллы, сравнивая его с багрово-красным месивом из шелковицы, посыпанным белой мукой; в наши дни можно было бы жестоко сравнить его лицо с пиццей. Тем не менее властность Суллы и его пронзительные серые глаза придавали ему зловещий вид.

Несколько лет назад, когда Сулла победил армию Тиграна в Каппадокии, чтобы восстановить династию Ариобарзанидов, вавилонский прорицатель предсказал Сулле его судьбу. Взглянув в холодные, пристальные глаза римлянина, отметив его высокомерность, его яркие рыжие волосы и странную кожу, провидец предсказал Сулле, что он предназначен для великой власти. В своих мемуарах (утраченных, но цитируемых Плутархом и другими биографами) Сулла с гордостью рассказывает о разверзшейся в земле пропасти, изрыгавшей в небо длинные языки пламени. Интерпретируя это

предзнаменование, прорицатель предсказал, что «смелый муж редкой доблести и необыкновенной внешности примет управление Римом». Сулла отождествлял себя с этим человеком из-за своих «золотых волос и великих и благородных деяний».

Как только корабли Суллы отправились в плавание через Адриатическое море, его политический соперник Цинна нарушил свое обещание о мире. Цинна выпускает закон, отменяющий командование Суллы и объявляющий его врагом Рима. Так случилось, что Враг Римского государства номер один выступил в поход против Самого опасного врага Рима^[297].

Порвав с Римом, Сулла вынужден обеспечивать свои пять легионов на неприятельской земле без каких-либо поставок или денег из Италии. Годовая отсрочка после разгрома означала, что, вместо того чтобы плыть прямо в Анатолию, сокрушить Митридата и вновь завладеть Малой Азией, Сулле пришлось одержать победу над многочисленным и победоносным понтийским войском, занявшим Грецию. Высадившись в Греции, Сулла потребовал деньги, подкрепление, лошадей, мулов и провиант из Этолии, Фессалии и Беотии. Как только Сулла подошел к Фивам, жители города испугались из-за своего союза с Митридатом и пообещали обеспечить римлян железом, катапультами и оружием. Отправив половину своих легионов напасть на Аристиона в Афинах, Сулла отправился в Пирей. Он мог бы просто осадить эти города и ждать, пока голод и жажда не ослабят Пирей и Афины, но был слишком обеспокоен событиями в Риме, выходящими из-под его контроля. Сулле не терпелось вернуться в Италию величайшим героем.

Битва за Пирей

Так же как и стены вокруг Афин, стены Пирея были сооружены из известняковых блоков с верхними рядами кладки из кирпича и дерева. Сулла сразу же отправил своих людей попробовать взобраться на высокие стены, но из-за защитников Архелая понес тяжелые потери. Легионы Суллы были вынуждены отойти в более безопасное место, захватив близлежащие города Элевсин и Мегара.

Из Фив начали поступать боеприпасы и техника, а Сулла очищал место для мулов. Ему были нужны по крайней мере 10 тысяч тягловых животных, чтобы управлять огромными осадными механизмами и башнями. Для постройки этих машин он приказал своим людям вырубить прекрасные оливковые деревья во всей округе, древние священные рощи Афины. Одного из легионеров Суллы, рубящего оливы, убило ударом молнии, но предсказатели настаивали, что это хорошее предзнаменование, потому что голова упавшего воина указывала на Пирей. Затем воины Суллы принялись разбирать длинные стены Пирея, соединяющие порт с Афинами. Они собрали камни, бревна и землю в огромную гору для катапульта и осадных машин^[298].

А внутри крепости Пирея два человека сговорились предать Архелая и помочь Сулле. По иронии судьбы, несмотря на широко известное освобождение рабов Митридатом, эти заговорщики были афинскими рабами. Может быть, они, как полагал Плутарх, «просто искали безопасности в непредвиденных обстоятельствах»? Возможно, эти люди страдали от жестокости хозяев. Как бы то ни было, они тайно писали сообщения о планах Архелая на свинцовых шарах и бросали их аккуратно так, чтобы они не навредили римским рабочим. После нескольких таких странно нацеленных залпов Сулла подобрал один из шаров. Надпись на нем гласила: «Завтра пехота Архелая сделает вылазку, чтобы атаковать ваших рабочих, в то время как его всадники бросятся с обеих сторон на оба фланга вашей армии». Предостереженный таким образом, Сулла устроил засаду и перебил людей Архелая.

Пока осадная насыпь Суллы росла, Архелай установил на крепостных валах Пирея многочисленные катапульты и послал за подкреплением к Дромихету (армия Неоптолема осталась в Халкиде). В это напряженное время перед битвой Архелай вооружил всех своих гребцов и распределил лучников и метателей по стенам, чтобы защищать лучников с огненными стрелами и катапульты. Другие сосредоточились за воротами, готовые выскочить и сжечь вражеские машины.

Аппиан и Плутарх рассказывают, что первая битва за Пирей бушевала много дней. Архелай вел решительное наступление, заставившее римские легионы отступить. Подчиненный Суллы,

Мурена, отчаянно выкрикивая приказы, сумел продвинуть войско вперед, несмотря на то что шансы были не на их стороне. Но в этот момент еще один римский легион вернулся с наряда по сбору дров. Побросав бревна, легионеры ринулись в бой. Римлянам удалось убить больше 2 тысяч людей Архелая, а остальных загнать обратно за стены. Архелай, охрипший, но сохранявший выдержку, гнал людей продолжать бой. Аппиан рассказывает, что храбрый военачальник Митридата так долго стоял на своем месте, даже когда ворота захлопнулись за его спиной, что потом с трудом унес ноги. В последний момент его подняли на стену с помощью веревок.

Архелай мог доложить своему царю в Пергаме, что Пирей твердо стоял против Суллы. А Афинам тем временем грозил голод. В Пирей шли обильные поставки зерна, так как Сулла не мог остановить корабли в укрепленном порту. Архелай попытался доставить пшеницу в Афины под покровом ночи. Но доносчики в Пирее предупредили Суллу, забросав его еще большим количеством посланий на свинцовых шарах. Сулла устроил засаду на несколько обозов с припасами. Едва Архелай осознал, что в его городе появились предатели, пришли печальные новости от Неоптолема из Халкиды. Один из подчиненных Суллы атаковал город, убив 15 тысяч воинов и захватив вдвое больше пленников.

Работы над осадной насыпью Суллы продолжались вне Пирея. Всю зиму Архелай продолжал забрасывать римских рабочих камнями из катапульт, свинцовыми шарами, копьями и горящими стрелами. Подкопщики Архелая незаметно прокопали туннель под горой, вынося оттуда бочки земли. Внезапно гора обвалилась, убив римских воинов и опрокинув военные машины. Римляне заново отстроили насыпь и прокопали свой туннель. Туннели встретились под землей. Мечи и копья зазвенели в темном туннеле; сверху Сулла наносил удары в стену тараном, пока из нее не вывалился кусок. Он направлял град горящих стрел в башни с катапультами Архелая.

Но пирейские башни были странным образом невосприимчивы к огню. Архелай знал секретный метод. Он покрыл свои стены и башни слоем квасцов, непрозрачных кристаллов, образующихся в вулканических парах, привозившихся из Смирны, Сирии и Египта. Квасцы использовались в дублении, окрашивании тканей и медицине; растворенные в воде, они делали тверже гипс и укрепляли веревки.

Нанесенный на дерево, этот состав эффективно защищает от огня. Люди Суллы, незнакомые с квасцами, оказались в тупике. В конце концов римляне разожгли огромный костер из сосновых бревен под деревянными балками в поврежденной стене. Копируя тактику, изобретенную спартанцами в Пелопоннесской войне, Сулла подбросил в пламя серу и сосновую смолу, отчего оно выросло в бушующий пожар, извергающий ядовитые газы. Горящая стена обвалилась, убив много защитников крепости^[299].

Укрепляя свое преимущество, Сулла послал людей взобраться на стены посреди ночи. Они убили спящую стражу, но воины Архелая скинули атакующих со стены и выбежали из крепости, чтобы поджечь осадные башни Суллы. Началась полномасштабная битва при свете костров и пылающих снарядов. Большое количество защитников Пирея погибло от огня с осадных башен Суллы, каждая из которых могла метнуть двадцать тяжелых свинцовых шаров и снарядов зараз на расстояние 400 ярдов (366 м). В 2004 г. в Греции было сделано редкое археологическое открытие — найден скелет воина, убитого на месте снарядом из катапульты. Это наглядно показывает, какой чудовищный ущерб наносили осадные машины Суллы^[300].

Деморализованные и напуганные войска на стенах «могли предложить только слабое сопротивление неослабевающим нападениям Суллы». Чувствуя слабость, Сулла напирал еще больше, продолжая посылать свежие отряды и подбадривать их: «Это наш главный шанс!» Но Архелай отвечал на вызов Суллы, посылая свежие войска на замену лишенным мужества и умоляя своих людей продолжать битву. Потери с обеих сторон были очень велики. Источники Аппиана сходятся во мнении, что Архелай вновь «превосходил всех в выносливости и доблести». Его люди вздохнули с облегчением, услышав, как Сулла дает сигнал к отступлению. Несколько дней они работали над восстановлением стен. Сулла попробовал в последний раз провести атаку, задействовав всю свою армию. Но римлянам пришлось отступить под градом снарядов с восстановленных стен^[301].

Архелай наградил своих людей подарками за их храбрость. Замечательная находка в виде одного из таких подарков оживляет для нас битву за Пирей более чем 2 тысячи лет спустя и раскрывает этническое разнообразие освободительной армии Митридата в Греции.

Серебряный браслет, подаренный одному из воинов в 86 г. до н. э., несет на себе такую надпись: «В Пирее полководец Архелай дарует это... Аполлонию, сирийцу, как награду за его мужество»^[302].

Вынужденный забыть об идее с ходу взять Пирей, Сулла должен был готовиться к очень долгой осаде. Но он все еще не мог блокировать порт и помешать поставкам провианта и подкрепления Архелаю с моря. Стратегия Митридата по захвату Эвбеи и Македонии и господству в Эгейском море приносила свои плоды.

Корабли и сокровища

Кипя ненавистью к грекам и стремясь поскорее выиграть эту проклятую войну и вернуться в Рим, Сулла осознавал, что ему нужно много денег и флот, чтобы разбить силы Митридата в Греции. Но, будучи «врагом Рима», он не мог ожидать помощи от сената. Сулла отправил послание на Родос с требованием кораблей, но напрасно. На Родосе были корабли, но флот Митридата и пираты контролировали все Эгейское море. Сулла посылает своего помощника Лукулла с дерзкой и секретной миссией — плыть на Родос и в Александрию, чтобы достать корабли и матросов. Затем каким-то образом провести этот флот, ускользнув от армии Митридата, обратно к Сулле.

Лукулл вышел в путь ночью на быстром судне. Стараясь действовать незаметно и часто меняя корабли, Лукулл сумел проскользнуть мимо блокады Митридата и бродячих пиратов. Он провел зиму в Родосе и в начале 85 г. до н. э. прибыл в Александрию. Но Сулла ничего не знал о его успехе.

В это время Сулла решил свои финансовые проблемы. Он захватил священные сокровища Греции, разграбил Храмы Зевса в Олимпии и Асклепия в Эпидавре. Отобрав для себя самые красивые изделия, он расплавил все остальное серебро, чтобы заплатить своим людям и закупить провиант.

Самой древней и богатой сокровищницей Античности были Дельфы, их неприкосновенность традиционно обеспечивалась высокопоставленными гражданами со всего греческого мира. Богатые монархи на протяжении веков отдавали в дар Дельфийскому храму Аполлона великолепные сокровища и предметы искусства. К примеру,

в VI в. до н. э. царь Лидии Крѐз пожертвовал храму 117 огромных слитков золота, множество статуй из чистого золота, включая льва весом более 500 фунтов (227 кг), огромные серебряные урны и золотые чаши, и другие поразительные вещи, украшения и оружие. Стражи в Дельфах были в ужасе, получив грубое распоряжение Суллы: сокровища Аполлона перевозятся к нему для «сохранности». Если он сочтет необходимым переплавить имущество бога, Сулла гарантирует, что «кредит» будет выплачен.

Сулла послал грека Кафия завладеть сокровищами, приказав ему записать вес каждого ценного предмета. Но, только шагнув за порог храма, Кафий внезапно разрыдался. Он не мог заставить себя тронуть сокровища Аполлона, которые избежали даже грабежей царя Персии Ксеркса в 480 г. до н. э. и мародерств галлов два века спустя. Он отправляет отчаянное послание Сулле, в котором клянется, что во внутреннем святилище можно услышать, как бог играет на своей лире. Сулла отвечает: «Ты не понимаешь? Музыка означает одобрение Аполлона! Привези мне сокровища немедленно».

Дельфийские сокровища были погружены на мулов. Только одна вещь осталась, один из царских подарков царя Креза, описанный историком Геродотом: огромный, рельефный серебряный сосуд вместимостью в 5 тысяч галлонов. Готовых расплакаться стражников заставили распилить прекрасный сосуд на кусочки, чтобы погрузить на мулов. Плутарх, служивший позднее жрецом в храме Аполлона, чувствовал их боль. В прошлом, сетовал он, дисциплинированные римские военачальники не только жалели греческие святилища, но и сами жертвовали богам дары. Но эти полководцы, как писал Плутарх, «обладая царственной возвышенностью духа, соблюдали умеренность в расходах, ограничиваясь скромными и строго определенными гратами» и были совершенно не похожи на алчного и грубого Суллу, «положившего начало этому злу» в Греции и Италии.

Среди сокровищ Дельф Сулла вновь выбрал самые лучшие вещи для себя. Одна из них стала его личным амулетом — изящная маленькая золотая фигурка Аполлона. С этого дня, как пишет Плутарх, Сулла всегда носил на шее этот амулет. Перед битвами он напоказ доставал маленькую статую и целовал ее, прося бога послать скорую победу^[303].

Падение Афин

Пока Лукулл вел переговоры по поводу кораблей в Египте, Сулла обосновался в лагере около Афин. От Дипилонских Ворот афиняне в ужасе наблюдали, как римские воины вырубают священные рощи Академии Платона и Ликея Аристотеля. Из бревен были собраны осадные механизмы, располагавшиеся на каждом кусочке земли, где философы, начиная с Сократа, напрямую передавали свои знания от поколения к поколению. Сулла завладел драгоценной библиотекой работ Аристотеля и Феофраста, спасенной из плесневелых погребов в Скепсисе (около Трои) и хранившейся в Афинах. Одаренный афинский студент по имени Леней мог быть захвачен, как раб Суллы, именно в это время — много лет спустя он будет переводить записи Митридата по токсикологии на латынь^[304].

Граждане Афин, изнывающие от голода, демонстративно поднимались на крепостные валы, высмеивали римлян, издевались над уродливым, багровым как шелковица, лицом Суллы и громко распевали похабные песенки о его жене. Их лидер, философ Аристион, надел свой бронзовый шлем и нагрудник и танцевал в них на стене, выкрикивая оскорбления. Ослушавшись приказа Аристиона, группа членов городского совета решила молить Суллу о пощаде.

Они пытались напомнить римскому полководцу о героической истории Афин, начиная с мифического Тесея, заканчивая великой победой эллинов в Персидских войнах. Сулла прервал их: «Прекратите молоть вздор!» Он отослал их прочь: «Я здесь не для того, чтобы выслушивать уроки истории. Рим послал меня, чтобы подчинить вас, афинские бунтовщики».

Римская разведка доложила Сулле, что голодающие афиняне уже пытаются собирать травы за пределами стен Афин. Все овцы, козы, рогатый скот, кролики, куры, черепахи и другие животные в городе давным-давно исчезли. Масло тоже закончилось, погас огонь даже в священной лампе Афины в Парфеноне. Дождь из черного пепла, выпавший в прошлом году, оказался плохим предзнаменованием, а обычного дождя, который бы заполнил цистерны, горожане так и не дождались. В городе не было ни пшеницы, ни ячменя, ни фруктов, ни олив. Съели даже сорняки, росшие в Акрополе. Люди Суллы

обнаружили, что горожане варят в котлах коровьи шкуры и кожаные сандалии, «употребляя все, что хоть как-то годилось в пищу». Ходили даже слухи о каннибализме.

С звериной радостью Сулла велел своим людям выкопать глубокий ров вокруг стен, чтобы окончательно задушить город. Плутарх изумлялся, почему Сулла был «охвачен такой чудовищной и неутолимой страстью наказать Афины»? Был ли он возмущен бывшей славой Афин? Или он «был спровоцирован грубыми оскорблениями, изливающимися на него и его жену с крепостных стен Аристионом и другими афинянами»? Аппиан, описывавший события несколько веков спустя, был уверен, что гнев Суллы против греков вызвал «их поспешный и нелепый переход на сторону варваров» (то есть Митридата): к тому же полководец был раздражен «их неумеренными оскорблениями». Каждый день, который Афины смогли простоять, был потерянным днем для Суллы, пока его враги в Риме укрепляли свои силы, а Митридат торжествовал в Пергаме^[305].

Плутарх ярко описывает разрушения, нанесенные Суллой Афинам. Уроженец Херонеи, Плутарх (р. 46 г. н. э.), беседовал с пожилыми жителями Афин, чьи предки два поколения назад пережили осаду Суллы. Другими источниками информации стали личные дневники Суллы и служивших с ним легионеров, а также комментарии Аппиана и Павсания. Сулла дает своей армии приказ разрушить стены Афин. Он узнал, что самое слабое место, между Агорой и кладбищем Керамик, плохо охранялось. Даже в наши дни мы можем наблюдать свидетельства атак Суллы; часть камней из его катапульта до сих пор находится на кладбище Керамик.

Граждане, оборонявшие стены, были храбры и полностью преданы Митридату и свободе, но они не могли сравниться с пятью легионами римлян. Голодающие люди, бродившие и умиравшие внутри крепости, были слишком слабы для битвы. В полночь Сулла лично повел войска в наступление.

Рис. 9.3. Снаряды катапульт от осады Суллой Афин, которые можно до сих пор увидеть на кладбище Керамик за Дипилонскими воротами. Немецкий институт археологии, фотограф Hedwig Brueckner

Громкие крики, римские воины перелезают через стены и таранят ворота. Они бегут по темным улицам с обнаженными мечами, жаждущие в точности исполнить приказы своих командующих грабить, насиловать и убивать. Не жалели никого, даже женщин и детей. Исключением были только рабы — они считались добычей, ценившейся не меньше, чем спрятанные афинские сокровища, награбленные римлянами.

«Великая и безжалостная бойня» прокатилась по Афинам, жемчужине древней греческой цивилизации. Афины, пережившие пожар Ксеркса около пятисот лет назад, Пелопоннесскую войну и Македонское завоевание, были совершенно разрушены. Под ужасающие звуки трубы и леденящие кровь крики многие отчаявшиеся собирались с последними силами, чтобы броситься на обнаженные клинки врага. Другие, «не ожидая от Суллы человечности», убивали свои семьи и самих себя. Совершая свое кровавое дело, римские воины находили в домах человеческое мясо, приготовленное для еды. «Так, — сокрушается Аппиан, — Афины

наполнились ужасом». Плутарх описывает кровь, текущую от Агоры к кладбищу Керамик. «Единственной возможностью оценить количество погибших в ту ночь было бы измерить, сколько крови впиталось в землю», — пишет Плутарх.

Когда началась атака, Аристион со своими людьми «сбежал в Акрополь», последнюю цитадель последних устоявших афинян. По пути Аристион поджег деревянные балки знаменитого Одеона, концертного зала Перикла, чтобы оставить Суллу без дерева для осады священного холма^[306].

На следующий день, пока Сулла был занят продажей рабов, его офицеры начали штурм последнего оплота афинян в Акрополе. Жажда вынудила Аристиона и его людей сдаться через несколько дней. Сулла захватил сокровища Акрополя — 600 фунтов (272 кг) серебра и 40 фунтов (18 кг) золота. Он немногословно воздал дань древности Афин, гордый тем, что сохранил город от сожжения и помиловал несколько выживших из Акрополя. Затем, когда небеса разверзлись и полил долгожданный дождь, который уже не мог спасти обороняющихся, Сулла казнил Аристиона, последнего избранного лидера демократических Афин.

Примерно три столетия спустя греческий историк Павсаний осудил безжалостные разрушения, нанесенные в 86 г. до н. э. Афинам Суллой, который «превозмог жестокостью все, что вы могли ожидать от римлянина». В течение следующих двухсот лет Афины так и не расцвели заново^[307].

Не в силах больше ждать, когда сдастся осажденный Пирей, Сулла переносит сюда все свои войска, катапульты, тараны и осадные башни, в надежде взять Архелая грубой силой. Сулла сам вел атаку, объезжая свои войска верхом на огромном белом боевом коне, громко воодушевляя и обещая награду добычей. Его люди, «горя честолюбивым желанием совершить это великое и славное дело — овладеть столь крепкими стенами, прилагали все старания».

Надвигающаяся волна взбешенных римлян поразила Архелая. Мудрый тактик, в любой другой момент жадный до битв, он приказывает своим людям покинуть стены и бежать к кораблям в укрепленном порту. За их спинами разъяренный Сулла грабит Пирей, поджигает мощный Арсенал Филона, верфь и все остальные здания, вызывающие восхищение еще с древних времен. Победа была наконец

за ним, хотя Сулла и не получил ничего, кроме трофеев, пепла и руин. У него не было кораблей, чтобы преследовать Архелая. Кусая локти от разочарования, Сулла наблюдал, как бесстрашный полководец Митр и дата ускользает со своей десятитысячной армией^[308].

Рис. 9.4. Афины, разграбленные римской армией Суллы. Leutemann. Media Storehouse

Херонея

Присоединившись к остальным силам Митридата в Фессалии, Архелай узнал трагические новости от Таксила, командующего войсками вместе с Аркафием. Эти новости нанесли тяжелейший удар по находившемуся в Пергаме Митридату. Любимый сын царя Аркафий заболел в Македонии и умер около горы Тисея в Фессалии. Несмотря на безвременную кончину, Аркафия можно назвать счастливейшим из сыновей Митридата. Его отец был в нем полностью уверен. Он умер как победоносный герой и не видел от Митридата ничего, кроме гордости и любви, в отличие от своих братьев, которым было суждено погибнуть в сетях измен и подозрений.

Сборная армия Митридата насчитывала теперь 120 тысяч человек и 90 серпоносных колесниц. У каждой нации из этой многоязычной

армии был свой полководец, подчинявшийся, в свою очередь, Архелаю. Это полчище двинулось к югу, в то время как Сулла продвигался на север. В конце лета 86 г. до н. э. две армии сошлись в Фокиде. Архелай вновь и вновь выводил свои войска, пытаясь спровоцировать битву. Но Сулла отступил. Согласно Аппиану, войска Суллы насчитывали только около 30 или 40 тысяч человек.

Как и предполагал Архелай (и Сулла понимал это), вид надвигающихся полчищ войск Митридата с воинами из стольких незнакомых земель представлял грозное зрелище для римских воинов. Вызывающая роскошь вооружения варваров внушала почтительный ужас римлянам. «Жавшиеся друг к другу в своих траншеях», воины видели мечи, инкрустированные драгоценными камнями, сверкающую броню, «украшенную серебром и золотом, богатые цвета мидийских и скифских лат и кольчуг, блеск бронзы и сверкающую сталь»^[309].

Шум нескольких дюжин различных языков наполнил воздух. Митридат собрал рекрутов с многих земель: бывших римских рабов, греков, и пиратов. Там были фракийцы, македонцы, бастарны, сарматы, скифы, тавры, меоты, с Кавказа пришли колхи, гениохи, албаны, иберы; были понтийцы, вифинцы, фригийцы, пафлагонцы, каппадокийцы, халдеи, киликийцы, галаты, «народ башен», халибы, тибараны, армяне, мидийцы и сирийцы. Некоторые восточные народы привели с собой верблюдов, представляющих своим видом и запахом странное зрелище для римлян с привычными им лошадьми. Многие из варваров носили длинные волосы и украшали себя золотыми, медными и серебряными серьгами, браслетами и ожерельями. Воины из Фракии, Сарматии, Скифии, Трапезунда и Колхиды выставляли напоказ свои огромные татуировки, символизирующие зрелость и отвагу, что не могло не приводить в замешательство римлян, которые использовали татуировки для клеймения рабов и дезертировавших легионеров. Расхаживающие с гордым видом и выкрикивающие оскорбления варвары устрашали римских воинов, даже притом что никто не понимал их речи^[310].

Тем не менее такое разнообразие языков и культур не могло не причинять неудобств военачальникам Митридата. Непокорные варвары часто игнорировали приказы и даже нападали на города и деревни в Беотии в ожидании начала битвы.

Сулла решил затаиться и отправил своих воинов на тяжелые работы — рыть рвы и захватывать укрепления в округе, чтобы отвлечь их. Он полагал, что они вскоре устанут от тяжелого монотонного труда и будут жаждать боя. В это время он послал шпионов на разведку, обмениваясь с ними секретными сообщениями. Для этого Сулла использовал надутые, а затем высушенные свиные мочевые пузыри. Сообщение было написано на надутом мочевом пузыре, который затем высушивался и помещался в сосуд с маслом. Масло аккуратно заливалось в пузырь и заполняло его, пузырь прилипал к стенкам сосуда. Получатель разбивал сосуд и отвечал таким же способом [\[311\]](#).

Шпионы сообщили Сулле, что армия Архелая передвинулась на юго-восток и разбила лагерь в скалистых холмах над Херонеей. Это было мудрое решение — выгодная для обороны высокая площадка с хорошим обзором лежащей впереди равнины. Очевидно, что Архелай не рассчитывал на битву в этом месте. Два грека из Херонеи, перешедшие на сторону римлян, Анаксидам и Гомолоик, обратились к Сулле с планом. Они знали о тайной тропе высоко над лагерем Архелая и предлагали незаметно подкрасться по этому пути и закидать палатки врага камнями, таким образом заставив армию в беспорядке выбежать на равнину. Сулла согласился. Пока участники нападения выдвигались в путь, Сулла передвинул свои войска и занял широкий луг на выгодном склоне напротив стиснутого вражеского лагеря. Если он сможет заставить Архелая в спешке собрать свою армию на неровной поверхности, они окажутся окружены валунами и скалами, неспособные совершить маневр или отступить.

Внезапное нападение сработало! Ни с того ни с сего на ничего не подозревающих воинов Митридата стали падать валуны. Столпившись в замешательстве, они, спотыкаясь, побежали вниз по крутым утесам, некоторые падали на свои же копья. Атакующие спустились вниз и убили еще по меньшей мере 3 тысячи человек. Выжившие обрушились на главный лагерь, спровоцировав эффект домино из ужаса и хаоса. Это был шанс Суллы — и он немедленно напал на сбитую с толка армию Архелая.

Численное превосходство Архелая было потеряно. В этой какофонии из выкрикиваемых на разных языках команд он отправляет кавалерию навстречу Сулле. Но его всадников отеснили обратно на скалы. Отчаявшись, Архелай отправляет шестьдесят серпоносных

колесниц прорваться сквозь легионы Суллы. Его целью было воссоздать неожиданное нападение, которое помогло разбить Никомеда в 89 г. до н. э. Но ситуация была далеко не идеальной. Для военных колесниц необходим долгий разгон на ровной поверхности и эффект неожиданности. Колесницы не смогли набрать достаточной скорости в замкнутом скалистом пространстве, и все увидели, как они приближаются. Плутарх рассказывает, что римляне взорвались громким хохотом и просто отступили в сторону, воспроизводя маневр, использованный армией Александра в 331 г. до н. э. Серпы бессмысленно разрезали воздух, колесницы проехали по пустому месту. Все возницы были убиты копьями арьергарда армии Суллы. Бурно аплодируя, римляне просили еще колесниц, как если бы они находились на соревнованиях на трибунах арены в Риме.

Пока войска Суллы неуклонно наступали, Архелай собрал остаток своих людей на отвесных скалах. Варвары решительно сдвинули щиты и выставили вперед копья. Когда римляне подошли ближе, они с изумлением обнаружили, что передние ряды армии Архелая состоят из 15 тысяч римских рабов! Они узнали этих людей, освобожденных декларацией Митридата в 88 г. до н. э., по их татуировкам. С яростными насмешками, римские воины побросали свои копья и достали короткие мечи, готовые прорваться сквозь стену ничтожных рабов и добраться до «настоящих» бойцов. Но Плутарх рассказывает, что плотные шеренги бывших рабов, кипящих ненавистью ко всему римскому, показали потрясающее мужество и достоинство перед наступающим врагом. Они стойко держались на протяжении долгого времени. В конце концов им пришлось отступить под градом горящих снарядов и копий арьергарда Суллы.

Теперь Архелай сам ведет конницу в нападение. Невероятным успехом было уменьшение численности римской армии вдвое. Атакуя окруженных римлян, варвары, подстегиваемые командирами, сражались «на высшем уровне доблести». Затем Таксил, полководец Митридата, повел своих варваров с бронзовыми щитами в бой. Среди этого шума людей, лошадей и оружия, эхом отражавшегося от склонов холмов, Сулла врывается в вихрь битвы, выкрикивая указания. Его конница пошла в стремительное наступление вместе с присоединившимися к ней отрядами Мурены.

Оба крыла армии Архелая отступили. В ограниченном пространстве, ослепленные вихрями пыли и страхом, многие из его людей безрассудно бежали навстречу римским шеренгам, другие рассеялись по холмам. Архелай отчаянно пытался собрать остатки своей армии, но ему не хватало места для перегруппировки. Воодушевленные римляне прижимали бегущие войска к скалам и уничтожали врага мечом и копьем. Митридатовская греческая освободительная армия была раздавлена. Римляне взяли в плен тысячи воинов, и только 10 из 120 тысяч спаслись. Выжившие вернулись в Халкиду, свое убежище в Эвбее, на кораблях Архелая.

Мало кто поверит нелепому утверждению Суллы, что он потерял меньше двадцати человек в Херонее. Но он все еще командовал значительного размера войском. Его люди соорудили гору из варварского оружия, серпоносных колесниц и трофеев. Отобрав самое лучшее для своего триумфа в Риме, Сулла «сжег гору трофеев как жертву богам войны». Он планировал праздновать свою победу в Фивах, но, в качестве наказания для города за поддержку Митридата, он захватил половину его территории и «отдал» ее богам. Так Сулла, по его циничному заявлению, заплатил за сокровища, которые он «одолжил» у богов в Дельфах, Эпидавре и Олимпии^[312].

Сулла воздвиг в Херонее два памятника в честь своей победы в одной из величайших битв древней истории. Памятники Суллы подражали стилю тропеумов времен греческой архаики (гр. *tropaion*, от *trophe*, «решающий момент») — ветвящееся дерево с украшением в виде лат, щитов и оружия побежденных. Необычное оружие и доспехи колоритной варварской армии Митридата, высеченные в мраморе, являли собой поразительное зрелище.

Плутарх, всю жизнь изучавший «танцевальную площадку Ареса» в Херонее, видел римские памятники своими глазами (они все еще стояли во времена Павсания в 180 г. н. э.). Свой первый тропеум Сулла воздвиг на обрыве, с которого на лагерь варваров скидывали камни. Его основание было исписано именами Марса, Зевса, Афродиты и тех двух херонейцев, которые руководили этим нападением. Другой памятник стоял на поле боя около ручья, где армия Архелая в первый раз отступила.

Рис. 9.5. Мраморный памятник Суллы в Херонее и Орхомене имел вид типичного римского тропеума — дерево, украшенное доспехами и оружием варваров (в данном случае даков). Слпок с колонны Траяна. Музей Виктории и Альберта, Лондон

Первый памятник Суллы был найден в 1990 г. археологом Джоном Кэмпом и студентами Американской школы античных исследований в Афинах. Их открытие позволило современным историкам впервые определить точное местоположение засады с камнями. Греческие надписи совпадают с описаниями Плутарха. Прямо под памятником Кэмп обнаружил необработанную каменную кладку, остатки варварского лагеря, известного во времена Плутарха под названием «Архелай»^[313].

Сулла изобразил два своих тропеума на монетах, выпущенных в Греции (и впоследствии в Риме). После триумфа в Херонее Сулла велел называть его Феликс («Удачливый») и хвастался в своих мемуарах, что греческие оракулы предсказали ему еще одну скорую

победу в этой местности. Но коварный полководец Митридата Архелай был все еще на свободе с солидной армией и флотом. Сулла, все еще нуждающийся в кораблях, не мог преследовать его. Архелай плавал между греческими островами, заходя даже далеко на запад, до Закинфа напротив Италии, и конфисковывал и захватывал столько денег и продовольствия, сколько хотел. Аппиан отмечал, что Архелай и его люди вернулись в Халкиду «скорее как пираты, чем как воины»^[314].

Орхомен

В это время из Рима пришли известия, омрачившие победы Суллы на поле боя. В 86 г. до н. э. Цинна и Марий устроили массовую резню сторонников Суллы. Новоизбранный соконсул Цинны, Флакк, был официально назначен на замену Сулле в войне против Митридата. Флакка, неопытного и не пользовавшегося популярностью у своих войск, сопровождал молодой офицер Фимбрия. Они спешили в Грецию с двумя легионами, чтобы перехватить командование у Суллы, готовые начать против него войну, в случае если он окажет сопротивление. Вынужденный повернуться спиной к Митридату, Сулла готовится к битве со своими римскими противниками. Везение «Удачливого» Суллы было переменчиво. Когда он двигался на запад навстречу Флакку и Фимбрии, пришли тревожные новости с греческого фронта, который он только что оставил. Войска Митридата каким-то образом вернули Беотию.

Как свидетельствуют все древние источники, Митридат в Пергаме был потрясен известиями из Херонеи. Беда застала его врасплох, и в сердце отца, оплакивающего кончину сына, начал закрадываться страх. Часть его приближенных предположила, что такие неравные потери могли быть следствием предательства. Но Митридат отреагировал быстро и яростно. В первую очередь он собрал налоги в Анатолии. Набрав еще одну огромную армию из всех подвластных ему земель, Митридат посылает своего самого надежного друга из Понта, Дорилая, на подмогу Архелаю.

Дорилай отправился в Халкиду с огромным флотом и 80 тысячами свежих, хорошо натренированных и дисциплинированных

воинов, жаждущих отвоевать обратно Грецию и поквитаться с Суллой за унижительные потери в Херонее. За спиной Суллы Дорилай и Архелай с объединенной армией в 90 тысяч бойцов укрепились в Беотии. Два полководца решили разбить лагерь в Орхомене, восточнее Херонее. Для такой армии с превосходной конницей из 10 тысяч всадников широкая голая равнина вдоль реки Мелан была лучшим в Беотии полем для битвы. Но они старались избегать тростниковых болот по краям равнины^[315].

Сулле пришлось развернуться назад и броситься в Орхомен. Отметив выгодные и неблагоприятные условия ландшафта, он сразу же велел вырыть широкие траншеи, которые загнали бы врага в коварные болота. Но Архелай и Дорилай ответили смелой атакой кавалерии, обратившей нервничающих римлян в бегство. Сулла метался назад и вперед, но его воины были слишком напуганы угрожающим видом всадников Митридата. В конце концов Сулла соскочил с лошади, схватил знамя и пробился через своих легионеров с криком: «Римляне, я встречу смерть достойно без вас! Когда вас спросят, где вы предали своего вождя, вы должны рассказать об Орхомене!»

Его слова подстегнули войско. Обе стороны храбро сражались в свирепой битве. Сын Архелая, Диоген, всадник, был убит. Лучники варваров были так сильно прижаты римлянами, что не могли даже натянуть свои луки. Набирая пучки стрел в руки, они орудовали ими как мечами, чтобы удержать римских воинов. Но все же Архелай и Дорилай провели печальную ночь, собирая своих убитых. Невероятно, но они потеряли 15 тысяч человек.

Почуяв кровь, Сулла решил уничтожить вражеский лагерь на следующее же утро, призывая своих людей закончить дело раз и навсегда. Он должен был убедиться, что Архелай не сможет снова убежать и собрать еще одну армию. Архелай поднял своих людей, и началась последняя ужасная битва. Его воины спустились с деревянных брустверов и стояли с обнаженными мечами напротив войска римлян, продвигавшихся за своими щитами. Повисла невыносимо долгая пауза, когда ни один человек не двигался.

Казалось, это продлится вечно. Но внезапно чары рассеялись — один отчаянный римский легионер выскочил вперед и убил воина перед собой. После этого словно разверзся ад. «С обеих сторон были

стремительные атаки и стрельба, сопровождавшиеся геройскими поступками», — пишет Аппиан. Армию Митридата, как этого ни старался избежать Архелай, сдвигали к болотам. Многие варвары падали в глубокие омуты и тонули. Другие гибли, моля о пощаде на своих странных языках, которые передразнивали их убийцы. Трупы воинов Митридата забили стоячий пруд, где беотийцы собирали тростник для своих знаменитых флейт. Архелай числился погибшим.

Двести лет спустя после битвы Плутарх и его собратья из Херонеи еще часто находили в грязи луки и стрелы, тисненные шлемы, бронзовые щиты, фрагменты доспехов, декорированные копья и мечи, все изготовленное варварами. Даже в наши дни остатки металла выходят на поверхность болотистой почвы, оставаясь единственным памятником воинам греческой освободительной армии Митридата.

Военное мастерство Суллы и потрясающая власть его личности над легионерами стали факторами его впечатляющих достижений в Беотии, как и преданность и мужество его войск, закаленных в боях. Пехота Митридата была такой же храброй и стойкой, но не обладала важными преимуществами. Античный историк Мемнон рассказывал, что варвары не знали, как организовать поставки продовольствия; Сулла напал на них из засады, когда они неосторожно отправлялись за провиантом. Каждая из групп варваров говорила на своем диалекте и отличалась своим стилем в бою. Организация таких разных культур, отрядов, никогда раньше не воевавших вместе, добавляла проблем с координацией и дисциплиной. Старомодные греческие тяжеловооруженные пехотинцы Дорилая показали себя слишком громоздкими и медленными по сравнению с умелыми, быстрыми и маневренными римскими войсками, являвшимися частью военной системы Мария.

Сулла воздвиг еще один памятник в честь своей победы в Орхомене, одержанной наперекор пугающим случайностям. Также он отчеканил монеты, изображающие три памятника его победам. А на его мясистых веснушчатых пальцах рядом с кольцом-печаткой, изображающим победу над Югуртой, появилось еще одно кольцо с огромным агатом с вырезанными на нем тремя тропеумами^[316].

В 2004 г. греческий крестьянин, вспахивающий свои хлопковые поля в Орхомене, обнаружил памятник Суллы 86 г. до н. э. Крестьянин выкопал мраморную колонну и ее обломки с помощью бульдозера и

анонимно подкинул их в местный музей археологии. В конце концов крестьянина нашли, и греческий археолог Елени Кундури извлекла из-под земли остатки тропеума. Этот памятник еще одной выдающейся битвы античной истории оказался еще более удивительным и искусно выполненным, чем найденный в Херонее в 1990 г. Этот 23-футовый (7-метровый) памятник также представлял собой ветвящееся дерево, одетое в оружие и доспехи побежденной армии. Мраморные фрагменты изображают пару поножей, нагрудник, копья и другое оружие и снаряжение, в том числе колесо от колесницы, напоминающее о серпоносных колесницах Митридата. Надпись на памятнике прославляет победу Суллы над царем Митридатом и его союзниками и благодарит Афродиту за эту победу^[317].

После победы Сулла отдает своим людям жестокий приказ разорять Беотию, вырубать оливковые рощи и сжигать виноградники и посеvy. Это была очередная месть Греции за поддержку Митридата. Но война была далека от завершения. Сулла все еще не знал, удалось ли Лукуллу достать корабли. Ему приходилось постоянно наблюдать за двумя легионами Флакка и Фимбрии, надвигающимися, чтобы перехватить у него командование войсками. Сулла собирался расквартироваться на зиму в Северной Греции и заняться строительством собственных кораблей.

Совершенно вымотанный, но торжествующий победу на поле Орхомена, Сулла даже не подозревал, что в это время на краю болота, до сих пор красного от крови побежденной армии, появилось почти незаметное движение. В гаснущем свете сумерек какая-то неясная тень появилась из зарослей тростника. Это был Архелай. Хитроумный полководец выжил в битве, спрятавшись на два дня в болоте. Теперь он направился к берегу, нашел небольшую лодку и в одиночестве двинулся в сторону Халкиды, своего штаба. Архелай мобилизует все отряды армии Митридата в Эгейском море и Анатолии^[318].

Глава 10.

Поцелуй убийцы

Сколько было суждено продлиться «золотому веку абсолютной власти и неограниченной свободы» Митридата? В 86/85 г. до н. э. ответ на этот вопрос дали боги войны. За прискорбной потерей Митридатом своего любимого сына Аркафия последовали бесчисленные потери греков. Как же армия Суллы смогла уничтожить такое множество людей?

Друзья Митридата нашептывали ему об измене. После поражений в Греции свои подозрения высказал и Дорилай. Предатели представляли большую угрозу — с изменами были связаны потери в Греции, были и те, кто сговорился с римлянами. Митридат опасался, что союзники в Анатолии перестанут его поддерживать, быть может, станут подстрекать врагов, даже замыслив вероломное убийство. Прежде чем брожение могло охватить царство, он послал арестовать перебежчиков. Перед царскими токсикологами остро встала задача создания антидота для всех возможных ядов^[319].

В руках Митридата по-прежнему находился стратегически важный остров Эвбея, эгейские полководцы также пользовались его доверием. Но в армии Архелая было много бойцов из Галатии. Может, кто-то из них помогал Сулле? Галаты были известны своими предательствами. Митридат был уверен, что, если Сулла продвинется в Анатолию, Галатия непременно ему поможет. Необходимо было что-то предпринять.

Галатия

Митридат пригласил шестьдесят князей из правящих семей Галатии, чтобы они находились в Пергаме в качестве его «гостей». По сути, они стали заложниками, находившимися под наблюдением. Поредориг, один из полководцев, человек сильный и здоровый,

задумал убить Митридата. Убийство должно было совершиться во время суда, проходившего в небольшой беседке, расположенной высоко над ущельем. Поредориг и его товарищи собирались с ловкостью Супермена опрокинуть ее в пропасть. Но Митридату сообщили об этом заранее, и он отказался присутствовать в суде.

Тогда Поредориг разработал новый план. «Гости» из Галатии должны были напасть на него во время ближайшего пира. Но и об этом заговоре царю стало известно. Он схватил Поредорига и его сообщников, а других полководцев, вместе с членами их семей, собрал на празднество. В меню царя было достаточно мышьяка, чтобы убить его и всех гостей. Однако трем князьям удалось выжить, бежать в Галатию и снарядить там войско. Они вытеснили оттуда Евмахия, сатрапа Митридата. Несмотря на попытки со стороны Митридата все тщательно спланировать, случилось то, чего он боялся. Галатия вышла из-под его контроля.

Теперь же нужно было дать урок другим. Поредориг и его сообщники были приговорены к казни мечом в Пергаме. Их тела запретили хоронить, оставив гнить на окраинах города^[320].

Пока галатов вели к месту казни, Митридат думал о своей привязанности к одному из них, красивому юноше по имени Беполитан. А ведь их беседы были такими дружескими! Конечно, такой невинный юноша не заслужил смерти за заговор старших! Плутарх говорит, что Митридат был очень опечален, представив себе смерть этого юноши. Быть может, Беполитан напоминал Митридату о его погибшем сыне Аркафии? Царь в срочном порядке отдал приказ, чтобы спасти жизнь юноши. Поредориг и его соратники уже были брошены на съедение воронью. Но как рассказывает Плутарх, вмешательством судьбы Беполитан был красиво и дорого одет, когда его схватили. И тот, кто вершил казнь, захотел заполучить его красивое одеяние себе. Чтобы не запачкать его одежду кровью, воин «неспешно снимал ее, когда увидел, что к нему бегут посланники Митридата, выкрикивая имя юноши».

Потому Беполитан остался жив, когда его товарищи уже лежали непогребенными. На следующий день стражники Митридата увидели, что над голым телом Поредорига плачет молодая женщина. За то, что она, вопреки закону, пыталась прикрыть его тело грязью, она была приведена к Митридату. Почему она посмела ослушаться его приказа?

Узнав, что она была возлюбленной Поредорига, царь смягчился. Он разрешил ей похоронить должным образом того, кто готов был стать его убийцей. Митридат знал известную трагедию Софокла «Антигона», в которой тиран казнил молодую девушку за то же преступление. Переиграв известную историю со счастливой концовкой, он тем самым упрочил свою репутацию милостивого правителя.

Согласно Плутарху, эти две правдивые и подробные истории о сочувствии Митридата к невинным людям передавались из уст в уста спустя столетие после его смерти в противоположность другим рассказам о его беспощадности и жестокосердии. Разбавив непреклонность несколькими благородными жестами, можно придать иной власти благой вид; что и вызвало уважение как друзей, так и врагов, а также могло успокоить нечистую совесть. Митридат был знаком с легендами о великодушии Александра по отношению к отважным мужчинам и женщинам, к тому же милосердие было важной добродетелью персидских царей.

Митридат все еще полагался на вождя из Галатии Коннакорига и любил галатскую принцессу Адобогиюну, сестру князя, которому Митридат не доверял. Фрагмент бюста Адобогиины был найден археологами в руинах Пергама. Возможно, она покорила сердце Митридата в то время, пока он проводил «чистку» среди царских семейств Галатии. Мы можем предполагать, что царь спас ее от яда, который он подал на смертоносном пире^[321].

Хиос

Параноидальные мысли не давали Митридату вернуться на Хиос, процветающий остров, чьи моряки разбили царский военный корабль во время битвы за Родос. В прошлом Хиос был союзником Рима: гнездились ли там очередные предатели? Некоторые из аристократов Хиоса присоединились к Сулле после резни 88 г. до н. э. Когда Митридат послал на остров шпионов, их вести обрекли остров на гибель.

Мастер злых наказаний, граничащих с театральным представлением, Митридат написал подробные инструкции

полководцам Дорилаю и Зенобию. Мечь Митридата началась с внезапной атаки на Хиос. Армия Зенобия захватила город и объявила: гражданам Хиоса следует явиться в собрание, чтобы выслушать Митридата. В более счастливые времена он выиграл состязание колесниц на Хиосе. Гордостью города является письмо от Александра Великого, написанное после захвата Хиоса в 333 г. до н. э. (сейчас выставленное в музее этого острова). Александр изгнал всех жителей Хиоса, кто помогал его врагам. Теперь Митридат Великий написал Хиосу собственное письмо. Он обвинил их в пособничестве врагам, отметив, что его первые подозрения появились, когда хиосская трирема попыталась потопить его корабль.

Почему, спрашивал он, «вы отказались конфисковать собственность римлян, хотя дали на это согласие? Почему вы дали римлянам сбежать к Сулле? За пособничество Сулле и заговор против меня, все мои друзья, говорю я, должны приговорить вас к смерти! Но я милосерден, — так писал Митридат. — Я удовлетворюсь тем, что вы сдадите оружие и отправите ко мне в качестве заложников детей аристократов Хиоса». Жители Хиоса сдали свое оружие и выдали молодых юношей и девушек из аристократических семей Зенобию и Дорилаю, которые выслали их в Пергам.

Но Митридат еще не до конца расправился с Хиосом. Зенобий зачитал другое письмо от царя: «Мне известно, что вы по-прежнему привержены Риму! Но вместо того чтобы убить вас, как вы того заслуживаете, я решил, что вы выплатите 2 тысячи талантов». Один талант был равен 6 тысячам драхм; 2 тысячи талантов представляли собой очень большое количество серебра. Общий годовой доход Афин в период расцвета империи был равен тысяче талантов. В пору Митридата 2 тысячи талантов были равны 12 миллионам драхм. Зарплата наемника равнялась 1 драхме за день активной службы. Итак, 2 тысячи талантов обеспечили бы годовую службу армии в 35 тысяч бойцов.

С плачем хиосцы сняли убранство с храмов и собрали женские украшения, чтобы выплатить штраф. Следуя секретным указаниям Митридата, Зенобий собрал всех в театре — мужчин, женщин, детей и рабов, кроме иноземцев, — чтобы взвесить имущество. Страх объял толпу, когда Зенобий прогремел: «Вы обсчитали царя!»

Воины окружили театр и выстроили людей в шеренгу вплоть до самой гавани. Внутри театра Зенобий отобрал рабов хиосцев и провозгласил их свободными. Этот акт со стороны Митридата был в значительной степени пропагандистским. В Античности Хиос был известен тем, что стал пионером работорговли в греческом мире, делом, которое впоследствии приносило значительные прибыли Делосу, находящемуся под господством римлян. На Хиосе было богатое общество с избытком рабов — в V в. до н. э. на острове было больше домашних рабов, чем в любом другом греческом городе за исключением Спарты^[322].

Затем воины грубо отделили мужчин от детей и женщин. Они прогнали обе группы через строй воинов вплоть до моря. Все население Хиоса было посажено на корабли Митридата. Корабли, заполненные несчастными, плачущими хиосцами, уплывали, в то время как бывшие домашние рабы наблюдали за этим с берега. Они плыли в Черное море, где должны были провести остаток своей жизни в качестве рабов в шахтах далекой Колхиды, принадлежащих Митридату. И снова, выдумав для Хиоса это наказание, Митридат, возможно, разыгрывал другую известную греческую трагедию, «Троянок» Еврипида^[323].

За 2 тысячи талантов хиосцы купили рабство! Это несчастье породило в эпоху Античности ироничную пословицу: «Хиосец наконец приобрел себе хозяина». Римский писатель Афинея считал, что работорговцы-хиосцы сами виноваты в своей судьбе, и в XIX в. к «древнему злодейству Хиоса» часто апеллировали антирабовладельчески настроенные общества. Например, поэт-аболиционист Джон Гринлив Уиттьер написал свое известное стихотворение «Митридат на Хиосе» в 1864 г., во время американской Гражданской войны. Уиттьер превозносил Митридата за то, что он «справедливо наказал эту проклятую рабством землю».

В цепях, избитые кнутом, рабы рабов
Владыки Хиоса отправились в изгнание...
Рыбак-то в собственные сети угодил,
А хиосец хозяина купил!^[324]

На Хиосе Митридат захватил еще один трофей в свой гарем, очаровательную молодую женщину по имени Береника. Она, видимо, была очень молода, потому что ее мать отправилась в царский гарем вместе с ней. Береника, вероятно, была выбрана из детей аристократов, посланных в Пергам. Как и галатская принцесса Адобогииона, Береника была спасена от участи своих соотечественников всемогущим, сострадательным — и сладострастным — царем.

Еще один медовый месяц подошел к концу: Митридат теперь становился недоволен царицей Монимой. Плутарх пишет, что ее брак не был счастливым — она жаловалась, что «получила хозяина вместо мужа». Возможно, царь суеверно полагал, что его своенравная жена-гречанка стала причиной его неудачи во время Греческой кампании. Так или иначе, в какой-то момент после ужасного знамения — крушения статуи Победы и поражения в Греции, которое, казалось бы, предрекло это событие, — Монима была отослана. Она выехала с пышностью, возможно, на персидской армамаксе, собственной четырехколесной золотой повозке с пурпурным балдахином, в сопровождении царских евнухов и в роскоши прожила остаток жизни в Понте^[325].

Митридат наслаждался своими недавно заполученными любовницами. Он смаковал звуки имени Береники. Она была его новым талисманом. По происхождению македонское, имя Береника означает «Приносящая победу».

Восстание и репрессии

Выполнив свою задачу на Хиосе, Зенобий приблизился со своей армией к Эфесу. Обеспокоенные неудачами Митридата в Греции и судьбой Хиоса, эфесцы настояли, чтобы Зенобий вошел в город один и без оружия. Он согласился и нанес визит Филопомену, отцу Монимы и наместнику Митридата в Эфесе. Возможно, дабы заверить его в том, что о Мониме в Понте хорошо заботились. Эфес с самого начала поддерживал Митридата, всего лишь два года назад согласившись убить римлян. Нам неизвестно, что Митридат планировал применительно к Эфесу, но граждане богатого торгового города испытывали беспокойство, отказавшись явиться на зловещее собрание

в театре. В ту ночь жители Эфеса убили Зенобия. Ничего личного, только бизнес — город зависел от стабильной торговли и сделал ставку на Рим. После убийства город пришел в боевую готовность, запасая еду и готовясь защищаться.

Рис. 10.1. Монима и Митридат — драматичная сцена. Иллюстрация к пьесе Расина «Митридат», гравюра Жирарде

Другим городам теперь оставалось выбрать один из двух жестоких путей: путь Хиоса или Эфеса. Траллы, Гипепы, Месополь. Смирна, Колофон, Сарды и другие города, прежде бывшие союзниками Митридата, последовали примеру Эфеса и восстали. Митридат отреагировал с яростью, выслав армии, чтобы жестоко отомстить восставшим (может быть, именно тогда Митридат отравил своего соперника в гонках на колесницах, Алкея Сардского?). Чтобы предотвратить новые измены, Митридат разослал во многие

анатолийские города распоряжения об освобождении рабов, отмене долгов, распространении гражданских прав на иноземцев. Эти привилегии вызвали раздражение у аристократии, но завоевали прочную поддержку среди бывших рабов, должников и новых граждан в каждом городе^[326].

Некоторые из ближайших сторонников царя, взбудораженные событиями в Греции и Западной Анатолии, начали устраивать секретные собрания. Видные люди среди греков стали задумываться о своей преданности Митридату. Два человека из Смирны предложили двоим людям с Лесбоса устроить заговор против Митридата. Но один из них, будучи личным другом царя, донес на других. Они договорились, что Митридат спрячется под его кроватью, чтобы из первых уст услышать план заговора. Эти три человека были замучены до смерти.

Теперь паранойя Митридата развернулась в полную силу. Его опасения получили подтверждение: предательства и бунты не были домыслом. Но драконовские меры лишили его поддержки высших классов, и многие воспользовались обстановкой страха, чтобы разделаться с собственными врагами. Митридат щедро награждал доносчиков. Заговоры продолжались, и совсем рядом с домом. Однажды ночью в Пергаме обнаружилось, что восемь его жителей собираются убить царя. Митридат казнил их. Согласно источникам Аппиана, около 1600 человек, подозреваемых в предательстве, лишились жизни во время очередной «чистки»^[327]. У нас нет сведений о том, как именно они погибли. Но многие из этих людей против своей воли стали «подопытными кроликами» во время экспериментов Митридата с ядами. Царь был известен тем, что испытывал яды и противоядия на приговоренных к смерти заключенных.

В 85 г. до н. э. шпионы Митридата принесли очередные плохие новости. Помощник Суллы Лукулл совершил невероятное! Несмотря на пиратов и зимние морские грозы, он собрал флот. Владыка Египта Птолемей с радостью встретил Лукулла, пригласив его осмотреть пирамиды со всей роскошью. Но Лукулл отказался, переживая по поводу того, что его начальник Сулла испытывал трудности при осаде Афин. Лукулл принял в дар золотое кольцо с изумрудом и гравировкой, свидетельствующей о расположении Птолемея, а также достаточное количество денег для того, чтобы нанять корабли и моряков из Сирии,

Финикии, Памфилии, с Кипра и Родоса. Он плыл на родосском флагманском корабле под командованием старого врага Митридата, флотоводца Дамагора, который в 88 г. до н. э. вытеснил с Родоса флот понтийцев.

Продвигаясь на север, они завладели Косом, Самосом и Хиосом. Но флотоводец Митридата Неоптолем (брат Архелая) лежал в засаде у небольшого острова Тенедос. В морской битве, которая последовала за этим, Дамагор обратил Неоптолема в бегство.

Не в этот ли момент, как полагает историк Рейнак, Митридат стал окончательно осознавать, что ему не выйти победителем из войны с Римом? Сулла одержал верх. Однако царь все еще видел в этом некоторые положительные моменты. Причиной его поражения в Греции были не предательство или разочарованность со стороны греков; его армии отважно сражались, но потерпели поражение от профессиональных, технологически оснащенных римских легионов. Даже при этих обстоятельствах, Сулла около двух лет бился за Грецию, а Архелай удерживал ключевой пункт — Эвбею. Соперник Суллы Флакк потерял большую часть своих кораблей во время бури на Адриатике. От разведчиков Митридат узнал, что легионеры Флакка ненавидели его; многие хотели примкнуть к Сулле. Тем временем в Риме был убит Марий, но сторонников Суллы убивали ежедневно, что было для него сильным стимулом вернуться как можно скорее.

Флакк обошел Суллу, продвигаясь по Фракии. Оказалось, он собирался вторгнуться на территорию Митридата один! Сулла следил за соперничающей римской армией со своими легионами, а Лукулл подтягивал обширный флот. Митридат все еще имел в распоряжении две сотни кораблей и армию в 80 тысяч человек в Анатолии, под командованием Дорилая. Настало время для резервного плана. Возможно, помочь выиграть время могла дипломатия — мирный договор. Раздумывая о своих огромных потерях в Греции и полагая, что Сулла очень стремится вернуться домой, Митридат отдал Архелая распоряжение, чтобы он заключил мир на как можно более выгодных условиях^[328].

Сулла и Архелай встретились в римском лагере недалеко от Делиона, в Беотии. Оба были опытными наемниками, которые надеялись заключить сделку повыгоднее. Их первые удары в сторону друг друга за столом переговоров были направлены на то, чтобы определить линию противника. Как Архелай хорошо знал, Сулла хотел побыстрее закончить войну, чтобы иметь возможность привести армию назад в Италию, убить там своих врагов, отпраздновать триумф и стать в Риме полновластным диктатором. Архелай предполагал, что возвращение Греции и переход Азии к Митридату должны удовлетворить Суллу. «Если ты пообещаешь вернуться в Италию сейчас, мой царь Митридат обеспечит тебе очень щедрые средства на ведение войны, множество кораблей и столько войска, сколько тебе потребуется. Со всем этим ты сможешь уничтожить популяров Мария и захватить Рим!»

Ответное предложение Суллы было таким же дерзким. «Почему бы тебе не бросить Митридата и не привести ко мне всех его наемников? Вместе мы сокрушим Митридата, и я сделаю тебя царем Понта!» Оба полководца продемонстрировали, что крайне оскорблены предательскими предложениями другого. Выложив карты на стол, они начали переговоры^[329].

Сулла перечислил преступления Митридата, осудив захват им обширных территорий; проведенное им изъятие общественных запасов и святынь союзных с Римом городов; захват принадлежащей Риму собственности, земель и рабов; его убийство римских союзников; и великую резню мужчин, женщин и детей в Италии, и даже рабов италийской крови в 88 г. до н. э. «Какую же ненависть питает к Италии Митридат! И теперь он прикидывается, что хочет нашей дружбы и прощения — но лишь после того, как я уничтожил 160 тысяч его войск в Греции!»

Архелай холодно ответил: «Причиной этой войны стала жадность других римских полководцев. Мой царь согласен лишь на честные условия». Вот какие условия выработали в итоге полководцы:

- Возвращение к территориальному status quo 89 г. до н. э.: Греция принадлежит Риму. Митридат сохраняет свои владения на 89 г. до н. э., но уходит из Пафлагонии, Вифинии и Каппадокии, давая возможность Никомеду и Ариобарзану вернуться на трон.

- Сулла пообещал объявить Митридата другом и союзником Рима за выплату им штрафа в размере суммы стоимости войны.
- Митридат должен предоставить Сулле семьдесят полностью оснащенных, бронированных бронзой военных кораблей.
- Митридат должен освободить всех римских военнопленных, включая послов и офицеров, находящихся в плену.
- Все римские дезертиры и римские беглые рабы, присоединившиеся к армии Митридата, должны быть выданы Сулле.
- Будет объявлена всеобщая амнистия; не должно быть репрессий против приверженцев той или иной партии.

Архелай сражался за Митридата как наемный полководец на протяжении нескольких лет. Война за освобождение Греции была проиграна с потерями, которые заставили Митридата протрезветь от своих амбиций. Как любил указывать Сулла, в Беотии «шагу нельзя было ступить от множества мертвых тел», остатков великой армии Митридата. Архелай заключил необыкновенно выгодное для Митридата перемирие, сыграв на нетерпеливости Суллы. Один из пунктов их договора был личный: Сулла давал Архелаю имение на Эвбее в 10 тысяч акров (40,5 км²). Архелай выводил из Эвбеи свои войска и соглашался сопровождать Суллу в Дардан, чтобы завершить заключение перемирия с Митридатом.

По дороге Архелай заболел, Сулла заботился об Архелаете так, как если бы он был одним из его офицеров. Расположение Суллы к Архелаю и его забота о нем стали для некоторых придворных Митридата поводом для подозрений в том, что между ними был заключен тайный сговор и что Архелай каким-то образом «поддавался» в битвах при Херонее и Орхомене — сомнительная идея. В своих мемуарах, ныне утраченных, Сулла оправдывал свое обращение с Архелаетом. Похоже, что Сулла уважал полководца как доблестного противника и понимал, что нуждается в его поддержке, чтобы убедить Митридата принять условия договора быстро. Митридат направил к Сулле и Архелаю послов, чтобы оспорить два условия мира. Митридат хотел сохранить Пафлагонию, которая, как он всегда уверял, принадлежала ему по наследству. Также он отказался передавать семьдесят кораблей. Послы коварно намекнули, что Митридат мог бы заключить более выгодную сделку, если бы ему пришлось вести переговоры с «другим вашим полководцем,

Фимбрией». Сулла впал в бешенство. «Как! Митридат все это время сидел в Пергаме, издали руководя этой ужасной войной! Он должен смиренно благодарить меня за то, что не лишился своей правой руки, которой он подписал смертный приговор тысяче невинных римлян. Он по-другому запоет, когда я вступлю в Азию».

Архелай вмешался. Согласно мемуарам Суллы, полководец слезно молил о возможности лично убедить Митридата принять условия договора. «Если мне не удастся, — клялся Архелай, — я наложу на себя руки!» Эта эмоциональная сцена, возможно, была выдумана Суллой, но он послал Архелая вести переговоры с Митридатом^[330].

Вмешиваются Фимбрия и Лукулл

У Митридата на руках были гораздо более сильные карты, чем могло показаться, но разыгрывать свой козырь он должен был аккуратно. Гражданская война в Италии была изнурительной. Сулла отчаянно пытался вернуться, но внезапно осознал, что очутился в новой чрезвычайной обстановке. И сам Митридат был вместе с ним в одной лодке. Развивалась невероятная ситуация. Прежде чем их мировой договор окончательно вступит в силу, на горизонте замаячила странная параллель.

Противник Суллы, Флакк, достиг со своей армией Вифинии. Но, извлекая преимущество из некомпетентности своего начальника, младший офицер Флакка, Фимбрия, возглавил мятеж против пожилого человека. Флакк («Заячьи уши») бежал в столицу Вифинии, Никомедию. Но Фимбрия и его люди преследовали его и обнаружили Флакка, укрывшегося в колодце. Фимбрия отрубил Флакку голову и швырнул ее в море, оставив чайкам тело на берегу.

Римский сенат гневно отказался поддерживать Фимбрию, который был теперь вне закона, но контролировал два легиона. Митридат теперь имел дело с двумя бродячими римскими армиями на своей территории, под командованием полководцев вне закона, заклятых врагов, каждый из которых желал извлечь выгоду из неудачи Митридата. Сулла опасался, что безжалостный Фимбрия, горячая голова, приверженец Мария, украдет его победу над Митридатом, доставшуюся ему так тяжело. Такое непредвиденное развитие событий

означало, что Фимбрия был отныне общим врагом и Митридата, и Суллы!

Отрезанный от Рима, Фимбрия отчаянно нуждался в том, чтобы расплатиться со своими войсками богатой добычей. Он остановил свой взгляд на Пергаме. Он отдаст на разграбление дворец Митридата и прославит себя войной с Митридатом. На своем пути Фимбрия разорял страну «как ураган», уничтожая города, отказавшиеся открыть ворота его армии. В Илионе, древней Трое, люди напомнили Фимбрии, что, согласно мифу об основании Рима, Троя была священным городом-прародиной для Рима. Фимбрия сардонически поблагодарил горожан и потребовал открыть ворота. Оказавшись внутри, он истребил мужчин, женщин и детей. Многие укрылись в храме Афины; Фимбрия приказал, чтобы храм был сожжен дотла вместе со всем городом, и разрешил своим людям разбой. Свидетели описывали невероятное зрелище: мраморная статуя Афины осталась стоять среди пепла, оставшегося от ее храма. Плутарх отмечает, что Троя не знала такого сокрушительного разгрома с того момента, как Агамемнон отдал на разграбление город Приама во времена легендарной Троянской войны. В самом деле, Фимбрия торжествующе разглагольствовал о том, что ему понадобилось только десять дней, чтобы сровнять с землей Трою, тогда как у Агамемнона ушло на это десять лет^[331].

Пока Сулла спешил помешать полководцу вне закона, своему сопернику, Митридат выслал войско, которое вел его старший сын, Митридат Младший. Но Фимбрия подстроил ловушку и убил 6 тысяч из конницы Митридата. Фимбрия продолжал двигаться к Пергаму. Стены Пергама были крепки, но после раскрытых недавно заговоров Митридат не мог больше доверять горожанам. Опасаясь, что они могут выдать его Фимбрии до того, как он заключит мир с Суллой на благоприятных условиях, Митридат был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Из Пергама он бросился в Питану на побережье. Фимбрия продолжил преследование и осадил Питану.

Как будто бы по сигналу, внезапно появляется Лукулл со своей армией. Фимбрия приказал Лукуллу блокировать порт Питаны, заперев Митридата, ужасного врага Рима, внутри города. «Ты и я вместе прославимся благодаря этой войне, — обещал Фимбрия, — и подвиги Суллы в Греции будут забыты». Что же произойдет теперь?

Лукулл был предан Сулле; он терпеть не мог Фимбрию, союзника ненавидимого Мария. Лукулл объявил, что его флот принадлежит Сулле. Он отказался блокировать Митридату путь к спасению, чтобы царь мог подтвердить соглашение, разработанное Суллой и Архелаем. Это было чрезвычайно опасное положение. Если бы Лукулл объединился с Фимбрией, Митридату пришел бы конец. Вместо этого Лукулл позволил Митридату сесть на корабль и проследовать от Питаны до Лесбоса. Там Митридат присоединился к флоту Неоптолема и прибыл в Дардан^[332].

Здесь на равнине, недалеко от Трои, в виду обеих армий, в конце 85 г. до н. э. Сулла и Митридат встретились лицом к лицу. Они оба были начеку, но очень желали объявить мир.

Скреплено поцелуем

Каждый из них был опытным «шоуменом» и умел показать товар лицом. Каждый зарабатывал очки пропаганды с помощью ораторского искусства и языка тела, чему были свидетелями тысячи на равнине у Дардана, что было записано для истории Аппианом и Плутархом. Митридат, побежденный, но не разбитый, хотел произвести сильное впечатление. Его сопровождали 200 кораблей Неоптолема, 20 тысяч пехотинцев Дорилая и 6 тысяч кавалерии, и «множество серпоносных колесниц». Свита победителя была куда более скромной: Сулла привел тысячу пехотинцев и 200 всадников.

Митридат в древнем персидском облачении вышел вперед, протянув руку. Сулла, стоя навытяжку в римской военной форме, сухо осведомился, собирается ли Митридат принять условия, одобренные его полководцем Архелаем. Митридат ответил не сразу. «Конечно, — выплюнул Сулла, — просители говорят первыми — молчать могут победители».

Митридат нарушил драматическое молчание, указав на то, что он и его отец были хорошими друзьями Рима. Он начал с обвинений против римских послов, против уполномоченных сената и военачальников за те обиды, которые они нанесли ему, вернув Ариобарзана в Каппадокию, отняв у него Фригию и оставив без внимания нанесенные ему Никомедом оскорбления. «И все это, —

сказал он, — они сделали из-за денег, беря их попеременно то у меня, то от них. То, в чем можно было бы упрекнуть большинство из вас, римляне, — это корыстолюбие. Война была вызвана вашими военачальниками, и все, что я совершил для самозащиты, мне пришлось делать скорее по необходимости, чем по своему желанию».

Тут Сулла, перебив его, сказал, что он давно слышал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии. «Ты вызывал меня сюда совсем под другим предлогом, говоря, что охотно примешь то, что тебе будет предложено; но я, конечно, не побоюсь кратко ответить тебе на твои жалобы. В Каппадокию я лично вернул Ариобарзана, будучи наместником в Киликии: таково было решение римлян; ты со своей стороны послушался нас, хотя ты мог возражать и переубедить нас или уже больше не возражать, раз это было признано правильным. И Фригия была тебе дана противозаконно; и он постановил, чтобы Фригия не платила податей сенату, и сделал ее самостоятельной. Никомед же жалуется, что ты подослал к нему и Александра, чтобы убить его, и так называемого Хреста (Благого) Сократа, чтобы отнять власть; и вот он, ограждая себя ото всего этого, вторгся в твою страну; если же ты в чем-либо потерпел обиду, тебе нужно было отправить послов в Рим и ожидать ответа. У тебя издавна было это предрешено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, ты придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что, еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, что ты отправлял посольства к соседним царям, строил корабли, созывал и кормчих, и штурманов. Твой коварный замысел уличается главным образом временем твоего выступления: когда ты заметил, что Италия отпала от нас, ты подстерег момент, когда мы были заняты всем этим, и напал на Ариобарзана, Никомеда, галатов и Пафлагонию, напал на Азию, нашу собственную область. Все это доказывает всю твою жестокость, все твое нечестие и всю глубину ненависти к нам».

Играя на чувствах присутствовавших офицеров, военных и должностных лиц, Сулла продолжал бичевать Митридата за его военные преступления, даже объявив себя «спасителем» Греции от «рабства» Митридата. «Ты быстро прошел через нее [Грецию] всю и лишил эллинов свободы».

Последний козырь Митридата остался невысказанным: «Договорись со мной, или я договорюсь с Фимбрией». Зная, что он обладает превосходством, он спокойно прервал страстную речь Суллы. «Он согласился на заключенные Архелаем условия».

Перед толпой Сулла и Митридат обнялись и закрепили поцелуем Дарданский мир. Каковы были чувства каждого во время этого сердечного, традиционного ритуала? Интересно было бы принять во внимание культурные различия. Римляне скрепляли договоры с помощью *osculum pads*, обоюдным поцелуем в щеку. Персы, равные по положению, целовали друг друга в губы, но вышестоящий принимал поцелуй от нижестоящего в щеку. Был ли поцелуй Митридата притворным и принял ли он поцелуй в щеку Суллы как от нижестоящего? Что происходило в голове Суллы, когда он целовал человека, который лишил жизни десятки тысяч римлян?

Митридат обещал уйти из Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии. Он не хотел отказываться от титула «царь царей». Вызывала раздражение необходимость пройти процедуру формального примирения с омерзительными царями-марионетками. Митридат согласился передать римлянам перебежчиков и бывших рабов в своих армиях, но следовать этим договоренностям намерения у него не было. Он все-таки освободил Оппия, пленного римского полководца, который служил личным слугой царя с момента его поражения в 89 г. до н. э. (Оппий отправился в храм исцеления на Косе, чтобы прийти в себя после мучительного испытания.)

Митридат заплатил контрибуцию, которую требовал Сулла, — 2 тысячи талантов. Как мы видели выше, Митридат некоторое время назад наложил дань в 2 тысячи талантов на Хиос в качестве наказания за бунт хиосцев. Если принять во внимание тогдашние обстоятельства и богатство царя, контрибуция, которую потребовал Сулла, была ничтожной суммой — Митридат мог просто передать Сулле то, что выплатили хиосцы. Он вернул Сулле 70 кораблей, наряду с 50 лучниками, но все еще располагал больше чем сотней кораблей и армией в 80 тысяч человек^[333].

Митридат Великий отплывает обратно в Понт, в свою исконную твердыню, оставив Суллу разбираться с неуправляемым Фимбрией. Война между Митридатом и Римом была окончена. Обе стороны дали слово придерживаться условий мира — с одним исключением.

Римский сенат, контролируемый популярными Марией, никогда бы не признал Дарданский мир, заключенный Суллой. Но кто бы мог представить, помимо неугомонного царя Понта, что в 85 г. до н. э. произошел только первый этап конфликта, который будет длиться в течение всей жизни.

«Зачистка» Суллы

Легионеров Суллы Дарданский мир не впечатлил. На самом деле они пришли в ярость. Они слышали красочную речь Суллы, в которой он напомнил о преступлениях, которые совершил против Рима его самый злейший враг. Митридат убил 150 тысяч невинных римлян в один день! Теперь же они увидели, как Сулла поцеловал этого свирепого убийцу и позволил ему беспрепятственно отплыть на кораблях, нагруженных небывалыми богатствами, в свое царство у моря. Где справедливость?

Мягкие условия Суллы были обусловлены его быстрым отъездом в Рим после отвоевания Греции и наказания Анатолии, а также его убеждением в том, что Аквиллий, союзник Марии, несет ответственность за развязывание войны^[334]. Но Сулла осознал гнев легионеров и умерил его, объяснив, что сейчас очевидной опасностью был Фимбрия. Что было бы, если бы Митридат присоединился к Фимбрии? Как бы они продолжили воевать против таких объединенных сил? После того как мы победим Фимбрию, как обещал Сулла, мы получим несметные богатства и победа в Италии будет наша.

Сулла прошел маршем до лагеря Фимбрии и потребовал, чтобы тот сдал два легиона, которыми он командовал незаконно. Фимбрия отказался, указав на то, что Сулла назван врагом римского народа. Война между римскими легионами на чужой земле казалась неизбежной. Пока воины Суллы укрепляли лагерь и рыли окопы вокруг лагеря Фимбрии, произошло удивительное событие. Люди Фимбрии вышли из лагеря и энергично начали помогать своим братьям-римлянам. В отчаянии Фимбрия бежал в Пергам и вошел в великий храм Асклепия, где так много римлян отдали свою жизнь в 88 г. до н. э. Здесь Фимбрия приставил к груди меч и положил конец своей жизни, упав на него. По словам современника, греческого

историка Диодора, Фимбрия «должен был бы умереть тысячью смертей» за тот ужас, который он принес с собой^[335].

Сулла, обратившись с восхвалением к Ликий, Родосу, Стратоникее, Магнесии, Патаре и другим областям, сотрудничавшим с Римом, отправил войска, чтобы наказать города, присоединившиеся к Митридату. Демонстративно игнорируя условия договора об амнистии, где запрещались репрессии против чьих-либо приверженцев, он двинулся вперед, чтобы жестоко отомстить Анатолии за поддержку Митридата. Сулла наложил дань на всю провинцию Азия в необычайную сумму 20 тысяч талантов, что в *десять раз* больше того, что он потребовал с Митридата.

Он поручил своему расторопному офицеру с кротким нравом Лукуллу собрать эту сумму. Сулла расквартировал свои неуправляемые войска в частных домах и заставил анатолийцев платить невероятные суммы за «привилегию» кормить и одевать высокомерных «гостей». Все освобожденные рабы были возвращены в рабство. В Эфесе и других городах Сулла принудил народные собрания занять деньги за непомерные проценты, они «стали закладывать ростовщикам кто театры, кто гимнасии, кто свои укрепления и гавани и всякое другое общественное достояние». Сулла также похитил многие произведения искусства и сокровища. Все эти деньги и собственность пошли в личную военную казну Суллы.

Многие города сопротивлялись. Ответной мерой стали боины, которые устраивали воины Суллы, несмотря на его многочисленные речи о том, что «не придут никогда на мысль римлянам ни такие нечестивые избиения или другие варварские поступки». В этот период хаоса, отхода войск Митридата и неистовства злопамятного Суллы эскадры пиратских кораблей терроризировали побережье Эгейского моря, совершая атаки на порты и укрепления в прибрежных городах и на островах от Милета до Самофракии. Сулла бессердечно позволил разбойникам беспрепятственно грабить и сжигать города, как, например, Иасос, поддержавший Митридата. Экономическая разруха была глубокой и продолжительной. Многие из таких городов не восстановят то благополучие, которым они наслаждались под властью Митридата, до царствования Константина четыреста лет спустя^[336].

В 84 г. до н. э. Сулла объявил, что завершил свой поход. Он оставил своего энергичного молодого офицера Мурену, чтобы занять

Фригию, с двумя легионами, которые подчинялись раньше Фимбрии. На обратном пути в Италию Сулла ненадолго остановился в Греции. Он посетил горячий источник, чтобы вылечить таинственный недуг и приготовить к отправке тысячи предметов искусства, известных картин, ценных манускриптов, прекрасных скульптур и других древностей, включая огромные колонны из незаконченного Храма Зевса Олимпийского в Афинах. Несколько кораблей, нагруженные награбленным добром Суллы, затонули из-за шторма по пути в Италию; археологи отождествили содержимое по крайней мере одного кораблекрушения с частью его сокровищ. Со дна моря современные дайверы подняли большое количество мраморных колонн, бронзовые статуи Эроса и Диониса и мраморные скульптуры Афродиты, Пана, Сатира и др.^[337]

Сулла вернулся в Италию с 40 тысячами людей, многие из которых были рекрутами из Македонии и Фракии. Историк Бэрри Штраус предполагает, что одним из тех, кто служил в этих вспомогательных войсках, мог быть Спартак, фракиец, который спустя десять лет станет гладиатором и возглавит великое восстание рабов в Италии^[338].

Ужасы, обрушившиеся на Азию и Грецию, теперь повторились в Италии. В 83 г. до н. э. кульминацией безжалостных конфискаций земель, проскрипций и убийств, учиненных Суллой, стала кровавая бойня среди сторонников Митридата такого чудовищного масштаба, что, по мнению римского историка Диона Кассия, жестокие пытки и убийства Суллы превзошли даже резню, устроенную Митридатом в 88 г. до н. э. «И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом, — сообщает Плутарх. — Мужей резали на глазах жен, детей — на глазах матерей». Блаженный Августин пишет: «Сколько пролили они римской крови, какое опустошение и опустение внесли в Италию!» Воины Суллы уничтожили 18 тысяч людей Мария в Фиденции; в Капуе 7 тысяч врагов были убиты; в Сигнии — 20 тысяч; однажды Сулла приказал убить 6 тысяч невинных людей, запертых в Большом цирке; а за другой день Сулла казнил 12 тысяч человек, обвиненных в симпатии к Марию. Сулла стал диктатором в 81 г. до н. э. Во время его триумфа, сообщает Плиний Старший, Сулла выставил напоказ 115 тысяч фунтов

(52 163 кг) серебра и 15 тысяч фунтов (6804 кг) золота, трофеи всех его побед^[339].

Вторая Митридатова война (83–81 гг. до н. э.)

Что было на уме у Митридата, когда он возвращался в свой край, решительным образом сократившийся после изнуряющего первого раунда поединка с Римом? Среди противоречивых чувств — досада, негодование, облегчение, отчаяние, надежда, решимость, подозрение и расчет — возобладало одно. Он царь Митридат VI Евпатор Дионис *Vazraka* («Великий»), благородный потомок персидских и македонских монархов, император империи на Черном море, божественным образом избранный воин Свободы, Света и Правды, враг Тьмы и Лжи, единственная подлинная альтернатива римскому империализму на Востоке^[340].

Он знал, что римский сенат не ратифицировал мирный договор, подписанный в Дарданах, который он и Сулла скрепили поцелуем. Ведь не было письменного документа с подписями, с оговоренными условиями мира. Насколько прочным являлось устное соглашение с римским отступником, склонным к опустошению Италии? Такая же мысль возникла у Мурены, полководца, которому доверили 12 тысяч фимбрианцев, оставленных Суллой в Анатолии. Мурена («Угорь»), объединивший людей Суллы в битве за Пирей, был одним из тех, кому были отвратительны мягкие условия мирного договора. Он решил взять дело в свои руки. Необдуманное, эгоистичное решение Мурены возобновить войну играло на руку Митридату.

Но сначала Митридату нужно было разобраться с домашними делами. Он решил не отдавать всю Каппадокию Ариобарзану: простой народ любил Митридата, и он всегда считал Каппадокию частью своего царства. Волнения, нарастающие в Колхиде и среди некоторых племен на Боспоре Киммерийском, срочно требовали внимания. Чтобы убедить племена, жившие на севере Черного моря, в своей силе, Митридат увеличил свой флот и собрал еще одну армию. Извлекая уроки из своих поражений в Греции, Митридат отказался от своего старомодного, неизменного построения гоплитов и натаскал сражаться свою пехоту в маленьких, более гибких соединениях,

распределившись на малочисленные колонны, способные с большим успехом воевать с римскими легионами. Он увеличил количество легковооруженных стрелков и лучников. Он также принял личное решение — сражаться в первых рядах, если это будет необходимо. Большая кавалерия, состоящая из храбрых, хорошо натренированных персидских и армянских рыцарей, была сердцем его новой армии. Эти силы были отправлены на подавление своенравного севера, где его сын, Махар, был наместником Боспорского царства^[341].

Жители Колхиды потребовали, чтобы старший сын царя, Митридат Младший, был их правителем. Как только Митридат пошел им навстречу, они вновь выказали свою верность. Не имея никаких доказательств, Митридат инстинктивно чувствовал, что его сын затаил желание свергнуть отца. Митридат послал за своим сыном и наследником, который преданно служил ему в войне против Фимбриии. В конце концов, его сын был потомком королевы Лаодики Младшей, сестры царя, его первой жены, которая была казнена за заговор против него. Унаследовал ли старший сын Лаодики вероломство с молоком матери? Возможно, он затаил злобу из-за убийства матери. Митридат, скорбя, заковал сына в золотые оковы и приговорил к смерти. Мы можем представить, что для такой печальной необходимости он приготовил самый мягкий и быстрый яд в своей лаборатории, возможно, это был болиголов, смешанный с опиумом (смертоносный напиток, испробованный философом Сократом), или действенный токсин из Индии, *dikairon*. Заслуживающий доверия перс Моаферн из Амасии (двоюродный дедушка историка Страбона) стал наместником Митридата в Колхиде.

Параноидальные мысли продолжали одолевать царя. Вопрос о преданности Архелая терзал его разум. Чем больше Митридат размышлял об этом, тем больше он убеждался, что его лучший полководец слишком многое уступил Сулле в переговорах о мире. Слух о подозрениях царя достиг Архелая. Действительно ли Архелай был перебежчиком? Это неизвестно, но опытный солдат удачи понимал, что пришло время поостеречься. Архелай переметнулся к римлянам (его брат Неоптолем остался верным командиром флота Митридата в Эгейском море). Вполне возможно, что Архелай был источником большого количества информации, ставшей известной

римским историкам, о личности Митридата, стратегии, количестве войск и других фактах.

Архелай потребовал встречу с Муреной. Он убедил римского полководца в том, что Митридат создает большой флот на Черном море и готовит еще одну большую армию с тайным намерением возобновить вражеские действия против Рима. Мурена был жаден до грабежа и собственного триумфа, причем «издевательским образом искал поводов к войне», дал себя убедить нанести упреждающий удар до того, как Митридат сделает первый ход^[342].

Летом 83 г. до н. э. без всякого объявления войны Мурена прошел маршем в глубь Западной Каппадокии и как молния ударил по гарнизону Митридата в Комане Каппадокийской. В этом большом священном городе, который, как говорили, был основан потомками Агамемнона после Троянской войны, находился баснословно богатый Храм любви, похожий на святилище в Комане на Понте. В храме находилась древняя статуя Артемиды. Говорили, что Агамемнон принес в жертву Артемиде свою дочь Ифигению — меч Ифигении был одной из тех ценностей, которыми обладала Команд^[343].

Большая часть конницы Митридата погибла во время нападения Мурены. Застигнутый врасплох и гневающийся из-за предательства Архелая, Митридат тем не менее неукоснительно воздерживался от эскалации войны. Он отправил послов к Мурене с протестом касательно того, что он нарушил мирный договор. Мурена же саркастически «ответил, что этого договора не видел». Мурена вернулся к грабежу денег и украшений в Храме любви и разместил зимние квартиры в Каппадокии.

Но Митридат все еще воздерживался от ответа, следуя стратегии сдерживания и политической прозорливости. Он отправил посольство в Рим, чтобы воззвать к сенату и Сулле, зарегистрировав официальную жалобу, что Мурена нарушил условия Дарданского мира. Он намеревался дождаться их ответа до того, как ответить на самочинную агрессию Мурены. В этот же момент его давний каппадокийский друг Гордий как полководец занял место предателя Архелая.

Весной 82 г. до н. э. Мурена пересек Галис, кативший свои воды вместе с талым снегом, и вторгся в вотчину Митридата. В это лето и осень легионы Мурены совершили набеги на четыре сотни понтийских деревень, набрав повозки добра. Он отправился восвояси

со своей добычей через Галатию, которую контролировали римляне. Митридат все еще не предпринимал ничего, лишь выслал шпионов следить за Муреной.

Сулла и сенат отправили доверенное лицо, чтобы расследовать обстоятельства жалобы Митридата на Мурену в 81 г. до н. э. Этот посол встретил Мурену и объявил, что сенат приказал ему прекратить нападения на Митридата, заключившего мир с Римом. Но, как докладывали соглядатаи Митридата, посланный также признал, что сенат не издал письменного декрета соответствующего содержания. Затем соглядатаи увидели, что чиновник о чем-то шепчется наедине с Муреной. Мурена вновь напал на земли Митридата! Теперь у Митридата было полное право считать, что посланник передал тайное сообщение из Рима к Мурене с разрешением для него пойти на Митридата полноценной войной. Это было шито белыми нитками даже больше, чем самочинное начало, которое было положено войне Аквиллием и Никомедом в 89 г. до н. э.

Митридат приказал Гордию ответить ударом на удар. Гордий быстро собрал местное ополчение, желая сражаться за Митридата. Они заняли позицию напротив двух лагерей Мурены на другой стороны реки Галис. Сам Митридат на благородном коне явился во главе своей новой многочисленной армии. Почти не имея личного опыта в военном деле, Митридат решительно бросился в бой против Мурены, целеустремленного молодого ветерана римских побед под командованием Суллы. Хорошо осознавая, что его царственные персидские предки никогда не принимали участия в настоящих битвах, Митридат, в возрасте 51 года, теперь соревновался с молодым Александром в его решении ринуться в гущу битвы.

Противоборствующие армии схлестнулись в жаркой схватке на берегу реки. Митридат одержал победу, устремившись через реку, и обратил Мурену и его воинов в бегство — вверх по склону. Отдавая приказание своим меньшим по размеру и подвижным военным соединениям, Митридат, несомненно, наголову разбил римлян. Под градом стрел армянских лучников Митридата подлец Мурена со своим войском бежал на запад по горным местам «по непроезжей дороге». Митридат и Гордий изгнали оставшиеся гарнизоны Мурены из Каппадокии. Вся страна приветствовала Митридата как освободителя. Блестящая победа над Муреной оказалась столь необходимой порцией

хороших новостей. Начавшая было убывать народная любовь вновь возросла, и Митридата Евпатора снова приветствовали как царя, спасшего народ от неистовых римлян. Он все еще был Добрым Отцом, который прогнал волков-опустошителей^[344].

Именно в это время в один прекрасный день юный патриций из фракции Мария по имени Юлий Цезарь (р. 100 г. до н. э.) поступил на службу в римскую армию. Когда он по морю отправился в Анатолию, его схватили пираты из Киликии и хотели получить за него выкуп, однако Цезарь спасся с помощью хитрой уловки (использовав даже отравленное вино). Свои первые лавры за военные подвиги он снискал на Лесбосе, где римляне убили пять сотен воинов, союзников Митридата, и обратили в рабство 6 тысяч людей. Цезаря послали в Вифинию, чтобы он потребовал корабли у Никомеда IV. Казалось, что временное пребывание Цезаря при дворе в Вифинии длилось дольше, чем это было необходимо. До конца его жизни враги припоминали ему прозвище Царица Вифинии, заявляя, что он стал любовником Никомеда^[345].

В это время в Риме Сулла в спешке старался остановить Мурену, пока его дурацкая война не аннулировала победу Суллы над Митридатом. Сулла отправляет сурового трибуна Габиния — пригрозить Мурене строгим наказанием. Как посол мира со стороны Суллы, Габиний также организовал встречу между Митридатом и Ариобарзаном, чей трон снова начал шататься. Митридат подготовил свои условия с позиций праведного гнева и военной силы. Митридат сосватал свою четырехлетнюю дочь Афинаиду Ариобарзану, чтобы скрепить новый дружеский союз на своих условиях. Одними из условий союза, которые он предъявил, стали не только сохранение Западной Каппадокии, но и передача ему еще и большого куска Центральной Каппадокии. Отчаявшись обеспечить стабильность в регионе, где все козыри были на руках у Митридата, Габиний и Ариобарзан были вынуждены согласиться.

Затем все явились на веселый пир в персидско-македонском стиле на широкую ногу, который дал ликующий Митридат. Как в старые довоенные времена, Митридат был распорядителем на торжестве, окруженный счастливыми друзьями и прекрасными супругами. Он щедро раздавал награды самым лучшим певцам и кифаредам, шутам и жонглерам. Он раздавал золото тем, кто отличился в лихих

состязаниях в выпивке и еде. Согласно Аппиану, все на этом пиру — Ариобарзан, Гордий, Дорилай, даже Монима — предались шумному веселью, кроме мрачного римлянина в конце стола — Габиния^[346].

Огонь на горе

Митридат также отметил свою победу над Муреной торжественным ритуалом, огненной церемонией на горной вершине, чтобы отблагодарить Зевса и Митру. Аппиан, описывая церемонию, говорит, что Митридат следовал в ней древним традициям своих предков, Кира и Дария. Он узнал о ней при дворе отца, мальчиком в Синопе.

Митридат и его окружение поднялись на гору Буюк-Эвлия-Даг, к святилищу Зевса-Воителя. Археологи обнаружили множество надписей в этой важной для науки местности, где сохранился культ, отразивший влияния автохтонного анатолийского и иранского населения. В этом, как и во многих других похожих местах поклонения в Каппадокии, жрецы-зороастрийцы, прозванные «хранителями огня», присматривали за вечным пламенем (горело оно за счет нефти) на алтаре. Маги Митридата в высоких войлочных тюрбанах, бормоча заклинания и взмахивая своими *barsom* (миртовые палочки), приносили в жертву огню, земле, ветру и воде белых животных. Затем, следуя древней персидской традиции, главный маг, сам Митридат, принес бревна на вершину, уложив их в громадную поленницу. Вокруг алтаря он соорудил подмости из бревен и ветвей и накрыл пир из мяса и хлеба для празднующих.

Рис. 10.2. Персидский царь-маг, совершающий ритуал огня. Ритуал огня Митридата проводился в традиционной манере его персидских предков. Деталь краснофигурной вазы 3297, стороны А, «Вазонисец ала», IV в. до н. э. Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek, Munich

Митридат надел пурпурный головной убор, усеянный серебряными звездами, и снежно-белую накидку мага поверх своей пурпурной мантии царя. Он взобрался на самый верх поленицы, чтобы совершить священные возлияния: молоко, мед, вино и масло. Горстями бросая сладко пахнущие ладан и мирру на подношения, Митридат прочел искреннюю молитву, обращенную к богам. Его молитва не была записана, по она, возможно, напоминала молитву, произнесенную Киром, как ее записал Ксенофонт: «Зевс Отчий и ты, Гелиос, и вы все, остальные боги, примите эти жертвы в знак признательности моей за все мои удачи». После того как царь спустился, маги преклонили колени у основания высокого сложенного

костра и разожгли костер опахалами из лавра, позаботившись о том, чтобы не осквернить священное пламя своим дыханием.

Этот впечатляющий костер в честь богов горел в течение нескольких дней, освещая ночное небо. Жар был таким нестерпимым, что никто не мог приблизиться к алтарю. Вздвигающееся пламя можно было увидеть за 1000 стадиев, около 115 миль (185 км), и с кораблей Митридата в море. Созерцая огонь на горе, Митридат и его союзники все еще могли горячо верить в его выдающуюся судьбу^[347].

Глава 11.

Жить по-царски

«Как борец, готовый к следующей схватке», восторженно пишет Плутарх, Митридат «поднялся на ноги, несмотря на нанесенный ему Суллой удар». И теперь, как указывает Аппиан, после своей славной победы над Муреной, Митридат «предался отдыху».

Война за Грецию обернулась катастрофой: Афины были разрушены, а потери — огромны. И все же в каком-то смысле исход войны стал предтечей того феномена, который современные военные стратеги назовут «Тетское наступление». Свое современное название он получил после того, как в 1968 г. во время вьетнамской войны северовьетнамская армия провела полномасштабную серию атак по Южному Вьетнаму. Хотя наступление можно назвать крайне неудачным, боевой дух формально одержавших победу союзников — США и Южного Вьетнама был сломлен силой и целеустремленностью противника. Северный Вьетнам получил международную поддержку и в конечном итоге выиграл войну. Таким образом, под «Тет-эффектом» подразумевается крупная, но неудавшаяся военная кампания против более сильного противника, которая тем не менее получает одобрение общественности, так как признается «борьбой за правое дело». Идея «славной неудачи», «благородного поражения» была популярна и в Античности; к самым известным примерам можно отнести поражение Спарты при Фермопилах, поход Ганнибала, восстания Аристоника и Спартака. Юстин применяет «Тет-эффект» к поражению Митридата: он «...уступил победу величайшим полководцам... только чтобы вновь обрести еще больший почет за свои потери». В Риме Цицерон отмечает удивительную способность Митридата вновь собрать войско после такого большого числа поражений. Каким-то образом, восклицает Цицерон, «...Митридат побежденным достиг большего, чем если бы он был победителем!»^[348].

Диктатор Сулла продолжает править в Риме. Многие из верных Марию популяров вынуждены были бежать из Италии. Эти

изгнанники — ветераны и государственные деятели, занимавшие высокие должности при правлении популяров, объединились в группы на восточной и западной границах империи и подняли восстание. Другие направились в Испанию и присоединились к Квинту Серторию, римскому военачальнику, возглавлявшему испанскую повстанческую армию. Третьи присоединились к Митридату в Понте. Эти опытные римские офицеры привели с собой 6 тысяч воинов — целый легион — и обучали новые полки Митридата римской дисциплине и тактике ведения боя.

С этого момента Митридат не растрачивал средства на дорогостоящее вооружение и снаряжение армии — в конечном итоге они лишь становились трофеями врага. Больше никаких шелковых тентов и шикарных бассейнов для увеселения наложниц на кораблях; никаких доспехов, щитов и мечей, инкрустированных золотом и драгоценными камнями.

Митридат соблюдал условия Дарданского мира. Он понимал, что заключить его удалось только благодаря замешательству Суллы. Но он был намерен обеспечить безопасность своего Черноморского царства. Как отмечает Аппиан, Митридат послал армию покорить племя ахейцев, живших на севере Колхиды. Считавшие себя потомками героев Троянской войны, жестокие ахейцы были известны тем, что обманом завлекали чужеземные корабли к своим скалистым берегам и затем приносили выживших после кораблекрушения моряков в жертву своим богам. Учитывая, что жили они в гористой местности, подчинить их себе было трудной задачей. Много воинов Митридата погибли, попав в засаду или замерзнув в снегах. Ахейцы так и не были побеждены, и на союз с ними нельзя было рассчитывать, но часть из них позже присоединилась к войску Митридата, а опыт ведения боя в горах оказался весьма полезным в будущем^[349].

Митридат всегда оставался бдительным, старался не упустить возможности и вовремя заметить угрозу. Почти десятилетие он правил в относительном мире.

Агаты на блюде и мышьяк в вине

Митридату была присуща любовь к зрелищности и театральности — зачастую он устраивал целые представления, чтобы продемонстрировать свою удивительную способность съесть отравленное мясо или вино. Подобные вечера не только служили развлечением, но и способствовали укреплению репутации неуязвимого человека, так тщательно взращиваемой царем ядов. И конечно, эти ужасные действия были частью его исследований.

Давайте представим себе один из подобных банкетов. Вечернее представление наверняка включало в себя отравление какого-то несчастного заключенного, приговоренного к смерти, — Митридат придерживался «этического» подхода Аттала III Пергамского и экспериментировал только на преступниках. В Древней Греции смертный приговор обычно приводился в исполнение с помощью отравления болиголовом. Но Митридат последовательно исследовал действие широко известной и редкой фармаки, и приговоренные к смерти были его подопытными. По крайней мере, один пример этому нам известен: однажды к Митридату был прислан гонец с письмом и посылкой от его друга, царского лекаря Зопира из Александрии. В письме Зофир сообщал Митридату, что гонец был приговорен к смерти, и предлагал царю опробовать на нем присланное противоядие^[350].

Итак, пока гости занимают свои места на скамейках, индеец в тюрбане гипнотизировал кобру игрой на флейте, псиллы — заклинатели змей — позволяют ливийским гадюкам кусать себя. Скифские шаманы доят яд из клыков степных гадюк. Обмакнув наконечник стрелы в яд, скифский лучник стрелял в преступника, и стрела со свистом проносилась над головами гостей. В другой вечер старый ботаник Кратей отмерял порцию сока какого-нибудь ядовитого растения. Театральными движениями он окроплял ядом какое-либо аппетитное блюдо и подавал его другому приговоренному. Митридат подробно рассказывал присутствующим на представлении гостям, что именно происходит с отравленным. Напряжение возрастало, когда слуги предлагали отведать то же блюдо гостям — конечно, уже без яда. К этому моменту умирающие жертвы уже были вынесены из зала для дальнейших тайных экспериментов с антидотами.

С величавыми жестами и добродушными шутками, Митридат внушает благоговение гостям, проглотив каплю змеиного яда.

Кульминация вечера наступает, когда царь ядов приглашает своих гостей насыпать в его блюдо с жареным ягненком или в чашу вина немного мышьяка или белладонны. Митридат был не просто токсикологом; он был магом, чародеем. Оба этих качества работали на создание образа неуязвимого царя. С любезной улыбкой царь ядов поднимает свой кубок и произносит тост^[351].

Поэт и специалист по античной филологии А.Е. Хаусман был поражен реакцией придворных и высокопоставленных гостей на удивительную стойкость Митридата к ядам. Особую известность получил данный отрывок из поэмы 1896 г.:

Итак, жил-был один король
Всем им, хотят ли, не хотят,
Подкладывают в пищу яд.
Он был умен и собирал
Отравы всякие, вкушал
Сперва чуть-чуть, потом взахлеб,
Привычный отвергая гроб;
Всегда и весел, и здоров,
Он ужасал своих врагов.
Они подсыпали мышьяк,
Он ел, не умирал никак:
Они дрожали, жглись уста:
Яд не убил. Мораль проста.
— Я слышал также, аккурат
Прожил два века Митридат.

Благодаря своему долголетию и умению обращаться с ядами имя Митридата стало нарицательным в западной литературе и культуре. Его имя запечатлено в термине «митридатизм», что означает практику систематического принятия малых доз смертельных субстанций для выработки иммунитета. В отношении каких-то ядов эта техника является успешной. Вполне возможно, например, стать невосприимчивым к определенным дозам мышьяка, которые будут смертельны для других, — в античные времена было выявлено, что некоторым жителям Ливии, Армении или Египта были не страшны

укусы местных ядовитых насекомых, скорпионов и гадюк. Митридат также установил, что небольшие порции змеиного яда могут быть переварены, если их проглотить, и смертельны только при попадании в кровь [\[352\]](#).

Растущая популярность яда как оружия в Римской империи вдохновила римского сатирика Ювенала пошутить, что смертельное оружие вроде «холодной стали может снова стать популярным, если люди последуют примеру старика Митридата и перепробуют все образцы в фармакопее, пока станут невосприимчивы к любому лекарству». Почти два тысячелетия спустя в «Митридате» поэт и философ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) представит образ царя ядов, требующего все больше и больше ядов, чтобы опробовать их на себе, от шпанских мушек до цианида:

Подай агат на блюде мне
И шпанских мух в моем вине,
Мне яств со всех концов Земли,
С небес, со дна подать вели.
Любая снедь — улитки, сталь,
И дичь, и агнец; соль, хрусталь,
Дуб, павианов, мох, моржей
Ты мне на стол неси скорей.
В шербет собирай болиголов —
И цианид для сладких снов [\[353\]](#).

Тайное противоядие Митридата

Во времена Античности считалось, что если яд натурального происхождения, то есть получен из растения, животного или минерала, то противоядие к нему тоже будет натурального происхождения. Митридат соединил токсичные и лекарственные фармака в свой собственный «антидот» (позже названный Митридатием). Традиционно противоядия включали в свой состав вещества, которые, как считалось, могли обратить действие ядов. Среди наиболее популярных ингредиентов были: корица, мирра, кассия, мед, бобровый

мускус из гениталий бобра, ладан, рута, танин, чеснок, лемноская земля, хиосское вино, древесный уголь, кислое молоко, золототысячник, аристолохия (кирказон), имбирь, ирис (фиалковый корень), *Eupatorium*, волжский ремень, гиперикум (зверобой), шафран, грецкие орехи, фиги, петрушка, акация, морковь, кардамон, анис, опиум и другие ингредиенты с берегов Средиземного и Черного морей, Аравии, Северной Африки, Евразии и Индии. Современной наукой установлено, что некоторые из этих веществ могут противостоять болезням и токсинам. Например, сера, содержащаяся в чесноке, нейтрализует мышьяк в крови. Древесный уголь абсорбирует и фильтрует большое количество разнообразных токсинов. Проанализировав химический состав лемносской глины, ученые пришли к выводу, что в ней содержатся минералы, обладающие абсорбирующими и антибактериальными свойствами. Чеснок, мирт, корица и зверобой также являются антибактериальными средствами. Последние научные исследования многих типичных ингредиентов митридатия показали, что эти вещества приводят к возникновению противотоксичных биореакций в иммунной системе. Некоторые растения, традиционно используемые африканскими народными целителями, могут нейтрализовать даже яд кобры и гадюки^[354].

Основываясь на научных трудах Аттала III, Никандра Колофонского и других своих предшественников, Митридат описал свойства сотни ядов и противоядий, экспериментируя на заключенных, сторонниках и самом себе. «Путем неустанных исследований и самых разных экспериментов», пишет Плиний, он искал способы «превратить яды в полезные лекарства». Легко можно представить Митридата и его сторонников (Кратея, Папия, греческих колдунов и лекарей племени агров) в защитных масках, изготовленных из свиных мочевого пузыря (их использовали древние алхимики), экспериментирующих с, скажем, египетским бесцветным «огненным ядом», полученным из раствора соды (карбоната натрия, широко известного в Египте) и реальгара или мышьяка. Укрепляющие здоровье эссенции в сочетании с минимальными дозами ядов образовывали электуарий, кашу, скрепленную медом. Из полученной пасты делали таблетки величиной с миндальный орех. Каждое утро царь начинал с того, что тщательно разжевывал свой секретный антидот и запивал его ключевой водой. Очевидно, этот состав не вызывал никаких физических проблем и

только укреплял его иммунную систему, так как древние историки сходятся во мнении, что в течение всей своей долгой жизни Митридат отличался отменным здоровьем и сексуальной активностью^[355].

После смерти Митридата его личная библиотека и документы были перевезены в Рим и переведены на латынь секретарем Помпия Ленеем (95–25 гг. до н. э.). Плиний, изучавший записи Митридата, восхвалял его эрудицию. «Митридат... был привязан к жизни более всех своих предшественников, что не только известно по слухам, но и подтверждается фактами, — пишет Плиний. — Один он придумал ежедневно пить ядовитые снадобья после предварительного приема противодействующих средств, для того чтобы вследствие привычки всякий яд оказался безвредным». В середине своего царствования Митридат «собрал подробные знания по медицине со всего царства, которое занимало большую часть суши». В его библиотеке можно было найти трактаты о лекарствах, использовавшихся галльскими друидами, месопотамскими лекарями и индийскими практиками аюрведы («долгой жизни»). В противоядии Сушрута (ок. 550 г. до н. э.) насчитывалось восемьдесят пять ингредиентов, а в махагандхахасти Чараки (300 г. до н. э.) — шестьдесят^[356].

Вполне вероятно, что Митридат изучал труды Демокрита, посвященные египетскому царю Менесу, который еще в 3000 г. до н. э. выращивал ядовитые и целебные растения; также мы знаем, что Митридат вел переписку с Зопиром Египетским, который поделился с царем «всемогущим противоядием» из двадцати ингредиентов. Соратником Митридата был также основатель влиятельной медицинской школы в Риме Асклепиад Вифинский. Он отказался от приглашения царя работать в Синопе, но посвятил ему несколько научных работ и поделился формулами противоядий.

Возможно, Митридату удалось разыскать последних живущих в окрестностях Трои офиогенов («рожденных от змей»), чтобы узнать секреты ядов. Кроме того, в 88 г. до н. э. Митридат принимал посланников италийского народа марсов, известных своими лекарствами на основе ядовитых веществ. Известно, что врачеватели из племени агров в свите царя доили степных (кавказских) гадюк для создания противоядий и лекарств. Недавно специалисты, изучавшие традиционные методики врачевания с использованием яда степных гадюк на территории Азербайджана (древний Баку), пришли к выводу,

что небольшие дозы могут остановить угрожающее жизни кровотечение (как мы увидим позднее, если бы об этом знали агрские лекари более 2 тысяч лет назад, Митридата можно было бы спасти). В настоящее время кристаллизованный яд кавказской гадюки является ценным фармакологическим ингредиентом^[357].

Основным принципом, лежащим в основе рецепта противоядия Митридата, было совмещение лекарств и антидотов с небольшими порциями ядов. Этим же принципом затем будут руководствоваться Аттал и индийские лекари. В древности было известно множество ядов, начиная от яда гадюк, скорпионов и медуз до ядовитых соков тисового дерева и темно-алых кристаллов киновари. Плиний описывает около 7 тысяч ядовитых субстанций в своей энциклопедии по естественной истории и перечисляет десятки растений (некоторые из них сами по себе ядовиты), которые могут стать противоядиями, как, например, дубровник, пластинчатые грибы, полынь, золототысячник, синюха и кирказон^[358].

Мышьяк, печально известный как «порошок наследников», должен был быть первым ядом, против которого Митридат стал бы искать антидот. Мышьяк воздействует на белки, необходимые для метаболизма. Однако в малых дозах ферменты, образующиеся в печени, связываются и инактивируют мышьяк. Если принимать яд в малых дозах, то этих ферментов вырабатывается все больше и то количество яда, которые обычно становится смертельным, не принесет вреда. Применима ли подобная логика к растительным ядам? Митридат проверял, насколько устойчивы к таким ядам крысы, насекомые, птицы и другие существа. Плиний и Авл Геллий указывали в своих трудах, что в состав митридатия входила отравленная кровь понтийских уток. Известно, что некоторые виды уток, жаворонков и перепелов без вреда для себя могут потреблять ядовитый болиголов и, так как токсичные алкалоиды не выводятся из их организма, их кровь и мясо тоже превращаются в отраву^[359].

Из каких еще ядов состоял митридатий? Возможно, из отравленного понтийского меда — для пчел отравленный нектар был безвреден, и считалось, что в малых дозах мед способствует повышению тонуса. В «рецепт» Митридата также входили рептилии — ядовитые сцинки, саламандры, даже гадюки, так как в древности

люди верили, что все ядовитые животные вырабатывают антитоксин к своему собственному яду.

Недавние научные эксперименты показывают, что несмертельные дозы змеиного яда могут способствовать выработке иммунитета и позволяют человеку без вреда для себя принять в десять раз больше яда, чем если бы не было предварительной «вакцинации». Подобный процесс действует при укусах некоторых насекомых и с разными токсинами. Удивительные исследования «парадоксального» процесса под названием гормезис показывают, что очень маленькая доза токсинов активирует защитный механизм, поэтому случайное принятие большей дозы не приносит такого вреда. Как ученые описывают эту новую концепцию, весьма близкую к теории Митридата, малые дозы ядовитых веществ могут принести пользу и использоваться наравне с вакцинами^[360].

Помочь понять, почему Митридат был настолько невосприимчив к яду, может зверобой (*Hypericum*), включенный во многие рецепты митридатия. Молекулярные биологи недавно обнаружили, что зверобой обладает поразительным свойством нейтрализовать ядовитые вещества. Благодаря этому печень начинает вырабатывать мощные ферменты, которые могут нейтрализовать действие более тысячи потенциально опасных веществ. Ученые высказали предположение, что, если зверобой входил в состав митридатия, он мог приводить организм в состояние «боевой готовности», сыграть роль «химической системы наблюдения», способной «засечь» и нейтрализовать «потенциально смертельные дозы» самых разных ядов^[361].

После смерти Митридата римские врачи заявили, что овладели секретом митридатия. Отравление, как и страх быть отравленным, стали частью повседневной жизни Рима. Правитель Сулла даже издал указ, предусматривающий жестокое наказание для торговцев ядами. Ювенал как-то заметил:

...купи себе то, что состряпал
Царь Митридат; если хочешь срывать еще новые фиги,
Новых повыврастать роз, — запасись непременно лекарством:
Должен его принимать пред едою и царь и родитель^[362].

Как рецепт Митридата оказался в руках римских императоров? Возможно, однажды Митридат поведал секрет противоядия своему другу Асклепиаду, известнейшему врачу Рима. Врач по имени Элий прописал митридатий Юлию Цезарю, который был в Понте всего лишь через шестнадцать лет после гибели Митридата. Элий был соратником Асклепиада, а тот, возможно, был лично знаком с царем^[363].

Недалеко от Аппиевой дороги была обнаружена интересная надпись времен первого римского императора Августа (р. 63 г. до н. э.). В ней повествуется о некоем Л. Лутации Паккии (имя неримского происхождения), называемом «торговцем фимиамами из рода царя Митридата». Рейнак предполагает, что Л. Паккий — освобожденный раб или родственник Митридата и «главный парфюмер» царя. Но сомнительно, чтобы Паккий, как и любой другой аптекарь того периода, продавал только ароматы; иначе зачем поставщик «фимиамов» для царского двора стал бы выставлять напоказ свое родство с легендарным царем ядов? (Нет ничего удивительного в том, что Паккий представлялся «торговцем ароматов», — торговля ядами жестко ограничивалась законами Суллы.) Многие члены семьи Митридата и его друзья обосновались в Италии. Надпись наводит на мысль, что Паккий мог знать (или утверждал, что знает) оригинальный рецепт митридатия и изготавливал знаменитое «фирменное» противоядие в Риме. К тому же позже другой Паккий, возможно сын первого, разбогател, продавая римлянам «особое» лекарство. Его рецепт был засекречен и завещан Паккием Младшим императору Тиберию, преемнику Августа, в 14 г. н. э.^[364]

Был ли рецепт Паккиев той самой основой для более позднего императорского рецепта, разработанного лекарем Нерона Андрوماхом, который, как утверждалось, был усовершенствованной версией митридатия? В новом рецепте насчитывалось шестьдесят четыре ингредиента; измельченных ящериц Андромах заменил на измельченных ядовитых змей и добавил семена опийного мака. В 2000 г. итальянские археологи сделали удивительное открытие на вилле около Помпей (79 г. н. э.). В одном из больших чанов были обнаружены останки рептилий и некоторые лекарственные растения, в том числе и маковые семена. Археологи пришли к выводу, что чан использовался для приготовления митридатия Андромаха^[365].

Каждый римский император после Нерона (ум. 68 г. н. э.) неукоснительно принимал противоядие, которое его личный врач называл разновидностью противоядия царя ядов. Рецептов становилось все больше и больше, в их состав включались все более дорогостоящие и редкие ингредиенты. Спустя столетие после смерти Митридата Цельс из Галлии упомянет о смеси весом почти 3 фунта (1,3 кг), включавшую в себя тридцать шесть ингредиентов. Этой смеси хватало на шесть месяцев, и ее рекомендовалось запивать вином. В 170 г. н. э. Гален Пергамский, который прописал жидкий митридатий императору Марку Аврелию, добавил в снадобье еще опиума и дорогого вина, что значительно улучшило его вкусовые качества и гарантировало, что пациент будет с удовольствием принимать лекарство каждый день. Позже число ингредиентов в средневековых рецептах доходило до ста восьмидесяти четырех^[366].

Арабские (*tiryaaq-i-faruq*, *mithruditus*) и персидские (*daryaaq*) рецепты противоядий древних и средневековых исламских рукописей по токсикологии следовали идее Митридата о необходимости совместного использования ядов и противоядий. Выдающийся философ и лекарь испано-арабского происхождения Аверроэс (р. 1126 г.) в своем трактате о *tyriaq* предостерегал от чрезмерно длительного употребления противоядия здоровым человеком. По его мнению, это «отравляло природу человека» (очевидно, он намекал на современных ему тиранов-параноиков, одержимых ядами). В 667 г. н. э. исламские послы из Рума или Румии (Восточная Римская империя) подарили китайскому императору династии Тан противоядие митридатий (по-китайски *tayeqie*, *diyējia*), которое описывалось как темно-красная масса, по размерам и форме напоминающая желчный пузырь свиньи. На рисунках в китайских рукописях изображены чужестранцы в персидских одеждах, приносящие пилюли митридатия в дар императору^[367].

Со Средних веков митридатий получил широкое распространение и в Европе. Согласно европейским законам аптекари должны были выставлять на всеобщее обозрение бесценные ингредиенты и готовить митридатий прямо на площадях. Спустя более чем два тысячелетия со смерти Митридата аристократы и особы королевской крови, от Карла Великого и Альфреда Великого до Генриха XIII и Елизаветы I, неукоснительно, в течение всей своей жизни принимали митридатий,

приготовленный по тому или иному рецепту. Снадобье, приготовленное для королей, хранилось в богато украшенных сосудах, изображавших сцены из жизни Митридата (см. рис. 15.3). Были еще и более дешевые рецепты митридатия для бедных. Универсальный антидот царя ядов стал «долгожителем» среди медицинских рецептов: еще в 1984 г. его легко можно было купить в Риме^[368].

Рис. 11.1. Сосуды с митридатием, XVI–XVII вв. Из коллекции Wellcome History of Medicine Museum, Лондон. Фото: Christopher Dufflin

Большинство из дошедших до нас рецептов противоядий на латыни, иврите, греческом, индийском и арабском языках, а также ранние исламские медицинские рукописи включают в себя целый ряд фармак растительного, животного и минерального происхождения для борьбы с ядами и болезнями. Однако, за исключением добавления Андромахом измельченных змей в снадобье Нерона, большая часть этих противоядий необязательно должна была содержать яды. Но древние писатели соглашались с Плинием, который утверждал, что невосприимчивость Митридата к ядам объясняется тем, что он регулярно принимал их небольшими порциями вместе со смесью определенных противоядий. Как писал Плиний, он «придумал

ежедневно пить ядовитые снадобья после предварительного приема противодействующих средств, для того чтобы вследствие привычки всякий яд оказался безвредным»^[369].

Хотя мы можем угадать некоторые нейтрализующие компоненты, которые Митридат с большой вероятностью добавлял в свое противоядие, остается загадкой, какие именно яды присутствовали в снадобье и в какой пропорции. Свою работу Митридат хранил в тайне. Полагают, что в оригинальном утерянном рецепте было более пятидесяти ингредиентов, многие из них представляли собой дорогостоящие вещества из далеких земель. Однако странно, что в тех записях, которые были переведены после смерти Митридата, содержится информация только о самых простых ингредиентах, за исключением крови понтийских уток. Даже Плиний, выдающийся натуралист, удивился отсутствию каких-либо загадочных ядовитых веществ в изучаемых им записях Митридата. Плиний поднял на смех рецепт, написанный рукой царя на клочке бумаги: «Смешай вместе два грецких ореха, две фиги и двадцать листков руты, добавь щепотку соли: тот, кто примет это снадобье, на целый день будет защищен от ядов». Как отмечает Плиний, такой банальный рецепт нельзя принимать всерьез; некоторые современные историки считают, что это подделка или розыгрыш^[370].

Так что же случилось с рецептом Митридата? Можно представить несколько вариантов развития событий. Возможно, в римских архивах хранятся сведения только о ранних исследованиях Митридата, за которыми последовали более успешные эксперименты, данных о них у нас нет. Подлинные записи могли быть утрачены или специально спрятаны в хаосе Митридатовых войн. Документы могли быть зашифрованы. Древние алхимики использовали коды или непонятные языки; для Митридата, искусного в языках, зашифровать записи было несложно. Возможно, императорские врачи, которым были переданы записи Митридата или рецепт Паккия, сохранили в тайне настоящий рецепт, но затем он был забыт или утерян. Может быть, письменные свидетельства о настоящем рецепте были уничтожены по приказу Митридата или вверены ближайшим союзникам, например Тиграну, который, как и Митридат, отличался крепким здоровьем и долголетием. Возможно, рецепт был уничтожен, когда Каллистрат, секретарь Митридата, был убит римскими воинами. Помпей мог сжечь

часть архива царя, как он сжег бумаги Сертория. Или же, как предположил историк Ален Тувед, Помпей заполучил рецепт, но сохранил его в тайне, посвятив в нее лишь свое ближайшее окружение^[371]. Наконец, возможно, письменной инструкции к приготовлению митридатия никогда и не существовало; вероятно, она была надежно сохранена в поразительной памяти Митридата.

До тех пор пока не появятся новых свидетельств — например, записанный на папирусе или камне рецепт, чью подлинность можно доказать, или запечатанные царские сосуды с остатками митридатия, или мумифицированный труп Митридата, сохранившийся настолько, что можно было бы сделать аутопсию и взять образцы волос и костей, — универсальное противоядие царя ядов утрачено безвозвратно. И все же честолюбивая мечта Митридата создать «противоядие от всех ядов» еще живет. Сергей Попов, ведущий ученый в сверхсекретной советской программе по разработке биооружия (база которой была на родине лекарей агров), бежал в США в 1992 г. Сейчас Попов работает над усовершенствованием биозащиты широкого спектра, «универсальным» противоядием для выработки иммунитета к большому числу биотоксинов и патогенов «оружейного класса». Как и неоднозначная фармака митридатия, разработки Попова могут послужить как во зло, так и во благо^[372].

Для того чтобы обезопасить себя от отравления, Митридат принимал дополнительные меры безопасности: на кухнях несли службу часовые, были наняты придворные дегустаторы. Утверждалось, что некоторые металлы, кристаллы и камни могут помочь обнаружить и даже нейтрализовать яд в вине или в пище. Безусловно, у Митридата и его соратников были специальные «чаши для яда», кубки из электра — сплава золота и серебра. Если в такие кубки налить отравленное вино, в результате химической реакции по их металлической поверхности с потрескиванием проходила переливающаяся рябь. Считалось, что магическими свойствами против ядов обладают красный коралл, янтарь, «адамас» и глоссопетра (букв, «камни-языки»). Эти «камни» (окаменелые зубы огромных акул из известняковых отложений) «покрывались испариной» или меняли свой цвет при контакте с ядом; смолотые в порошок, они нейтрализовали его. И действительно, карбонат кальция, содержащийся в окаменелостях, вступает в реакцию с мышьяком. В ходе химического

процесса под названием хелирование молекулы мышьяка исчезают под воздействием карбоната кальция^[373].

Митридат экспериментировал с ядами не только для выработки иммунитета к ним. Какие яды лучше использовать для успешного убийства, которое нельзя раскрыть? А что, если кто-то окажется в такой же ситуации, как Ганнибал или Югурта, когда враги вот-вот настигнут и негде скрыться? Какой яд идеален для самоубийства? Мы знаем, что у Митридата всегда были с собой «смертельные пилюли». Такие же он дал Дорилаю, своим полководцам и близким друзьям. Безусловно, такие «капсулы», спрятанные в кольцах, браслетах, амулетах или рукоятках мечей, содержали в себе чрезвычайно быстрый, относительно безболезненный смертельный яд, у которого не было известного противоядия^[374].

Агаты и искусство

Земли Митридата были богаты минеральными ресурсами. Возможно, любовь к геммологии, науке, изучающей магические свойства драгоценных металлов и камней, появилась из-за таких токсичных красителей, как красная киноварь, желтый мышьяк, голубой азурит и зеленый малахит. Митридат написал трактат о свойствах янтаря, символизирующего солнце. Он вел переписку с ведущим геммологом того времени — Захалием, вавилонским евреем, посвятившим свои научные труды царю. Особенно нравились Митридату агаты — прекрасные полупрозрачные разновидности халцедона. Считалось, что тому, кто долго смотрел на цветные полосы и пятнистые, закручивающиеся узоры агата, будут сниться хорошие сны; что сицилийские агаты отпугивают скорпионов; а колдуны советовали атлетам надеть амулеты из красных агатов, чтобы стать неуязвимыми. Для того чтобы стать убедительным оратором, Захалий советовал носить кольцо из гелиотропа (букв, «отражающий свет», зеленый яшмовый агат, испещренный красными пятнышками оксида железа). Митридат часто передавал своим послам агатовые кольца со своим портретом, чтобы помочь им отстаивать его позицию на переговорах с римлянами и др.^[375]

Большую известность получила обширная коллекция агатовых колец (дактилотека) Митридата. В своей любви к резным драгоценным камням Митридат следовал по стопам Александра Великого, благодаря которому впервые стало популярным сложное искусство глиптики — вырезания животных, растений, мифологических сцен и других изображений на печатях-интальях и камнях (а также рельефов на сардониксе, многослойном агате). Единственным, кому было позволено выгравировать портреты Александра на драгоценных камнях, был Пирготел, личный резчик царя. Как и Александр, Митридат покровительствовал искусным мастерам и резчикам.

Коллекция Митридата, который считался знатоком драгоценных произведений искусства, насчитывала тысячи кубков, кувшинов, блюдец и чаш, сделанных из отполированных агатов, привезенных из Родопских гор, Крыма и Колхиды, а также ониксовые и каменные кристаллы из Каппадокии. Только в его сокровищнице в Талавре находилось около 2 тысяч ониксовых и золотых кубков, кратеров и рогов для вина. Полагают, что бесценный отполированный агатовый кувшин, хранящийся в Лувре, принадлежал Митридату. Умелые мастера смогли получить уникальный темно-коричневый цвет кувшина, медленно нагревая родопский агат в меду.

Редкостная красота коллекции Митридата положила начало моде на агаты среди римской аристократии. После его смерти в 63 г. н. э. дактилотека оказалась в руках римлян. Помпей пожертвовал несколько сундуков с резными агатами римскому храму Юпитера; Юлий Цезарь принес шесть агатовых колец Митридата в дар храму Венеры; остальные кольца были переданы храму Аполлона. Некоторые из агатов и миниатюрных портретных гемм Митридата дошли до наших дней. Во времена Крестовых походов венецианцы разграбили Константинополь, множество прекрасных агатов Митридата разошлись по королевским домам Европы. Агаты из богатых кладов и царских могил друзей Митридата, его посланников и наложниц, а также некоторые, принадлежавшие самому Митридату, оказались в дактилотеке Екатерины Великой, насчитывающей около 10 тысяч древних камей. В настоящее время в Санкт-Петербургском музее Эрмитаж хранится большая коллекция изысканных камей, многие из которых были найдены в богатых могилах эпохи Митридата в Крыму^[376].

Рис. 11.2. Ваза Митридата. Отполированный резной сардоникс (родонский агат), высота — 7 дюймов (17,8 см). Цвет жженого сахара получен путем нагревания в меду. Лувр.

Фото: Réunion des Musées Nationaux / Art Resource, N. Y.

Митридат также собирал украшенные драгоценными камнями шкатулки, золоченое конское снаряжение, редкости и украшения, доспехи и оружие, инкрустированное драгоценными камнями, ювелирные изделия, старинные наряды, ковры и гобелены и уникальные научные инструменты. От Дария I он унаследовал старинные скамьи и стулья, да и сам Митридат любил делать мебель из кленовых и ореховых деревьев. Во время государственных церемоний царь восседал на роскошном троне под шелковым балдахином, держал в руках украшенный скипетр и ездил на инкрустированной драгоценными камнями колеснице. Благодаря открытию Великого шелкового пути из Китая и Индии к Черному морю (120 г. до н. э.) Митридат мог покупать парчу, нефрит, киноварь, редкие специи, экзотические лекарственные снадобья и выносливых верблюдов из Бактрии и Маргианы (Афганистана и Туркменистана). Почитатель изобразительного искусства, Митридат мог позволить себе самое лучшее качество и самых искусных мастеров (Рейнак считал,

что у самого Митридата была «душа художника»). Портреты, которые он делал на монетах, отличались чистотой и красотой, живостью и энергичностью. Их превосходное качество свидетельствовало о том, что Митридат был искусственным покровителем высокого искусства. Некоторые профили, изображенные на монетах, с развевающимися от ветра волосами, создавали футуристическую иллюзию скорости и прогресса, что намекало на то, с какой легкостью Митридату удавалось избежать опасностей (см. рис. 9.1, 12.1, 13.2)^[377].

Прекрасный бронзовый кратер, высотой более 2 футов, показывает мастерство ремесленников при дворе Митридата — равно как и то, какая сложная судьба была у его сокровищ. Этот кратер, часть его щедрого дара греческим союзникам, в ранние годы правления был подарен греческому гимнасию (колледжу, возможно афинскому). Учащиеся этого колледжа называли себя *Eupatoristai* в честь своего покровителя, Евпатора, обещавшего освободить Грецию. Во время первой Митридадовой войны этот кратер был, предположительно, захвачен Суллой и перевезен в Рим. Две сотни лет спустя кратер принадлежал уже императору Нерону, который хранил его в своей вилле в Анцио. После того как по приказу папы Бенедикта XIV кратер был извлечен из-под обломков виллы, он стал центральным элементом коллекции римского Капитолийского музея^[378].

Во время правления Митридата многонациональный Понт, расположенный на берегу Черного моря, стал мыслительной и культурной столицей Древнего мира, привлекавшей утонченных художников и ученых со всего света. Поклонник греческой поэзии, литературы, музыки и театра, Митридат оплачивал постановку пьес, драматические чтения и музыкальные соревнования. Тираннион Грамматик, выдающийся оратор, был одной из многих «звезд» при дворе царя. Современный греческий поэт Константинос Кавафис (р. 1863 г.) представил, о чем думал каппадокийский поэт при дворе Митридата.

Рис. 11.3. Бронзовый кратер Митридата, высота 27 дюймов (68,6 см), 120–63 гг. до н. э., найденный в вилле Нерона в Анцио Бенедиктом XIV, пожертвование МС1068.

Капитолийская коллекция, Рим

В поэме Кавафиса поэт читает сочиненную им эпическую поэму о Дарии I, написанную по заказу Митридата. Внезапно его прерывает слуга, кричащий о наступлении римской армии. В ужасе поэт понимает, что любовь к поэзии Митридата уступит его любви к войне. Прежде чем спрятаться в укрытии, поэт находит идеальную фразу, чтобы описать и персидского царя, и, косвенно, Митридата. Последние слова на странице были таковы: «Упоенье и гордыня»^[379].

Музыкальная пауза

Как мы уже увидели, увеселительные вечера царя могли включать в себя развлечения самого разного толка, от шумных питейных соревнований и шокирующих публичных отравлений до утонченных культурных мероприятий. Как-то раз музыкант взял с собой свою красавицу дочь на один из царских пиров. Девушка сыграла на кифаре

для смаковавшего выдержанное сладкое вино Митридата. В те времена арфистки были большой редкостью. Митридат был очарован, возможно вспомнив, что и мать Аристоника играла на кифаре. Македонское имя девушки, Стратоника, само по себе было добрым знаком («Стратоника» означало «Победа в войне»). Плутарх пишет, что Стратоника «так быстро завладела сердцем Митридата, что тот сразу же провел с ней ночь», ни слова не сказав ее отцу.

Рис. 11.4. Стратоника вполне могла быть похожа на эту кокетливую, играющую на кифаре девушку. Греция, терракота, ок. 200 г. до н. э. Erich Lessing / Art Resource, N. Y.

Проснувшись следующим утром, пребывавший в смятении отец обнаружил, что столы его ломятся от серебряных кубков и золотых блюд. Слуги и улыбающиеся евнухи протягивали ему прекрасные одежды. Перед его скромным домом стояла лошадь, оседланная так же роскошно, как и личные скакуны воинов царя. Предположив, что эти сказочные убранства были всего лишь чьей-то шуткой, музыкант хотел было сбежать, но слуги все ему объяснили. Стратоника стала любимой наложницей Митридата, теперь к ней относились с таким почтением, что царь пожаловал ее отцу имущество недавно почившего богатого друга. Наконец-то сомнения колеблющегося музыканта были

развеяны. К добродушному удивлению Митридата и всех жителей города, отец Стратоники надел свою новую пурпурную одежду и проехал по всем улицам города на своем новом скакуне, крича: «Все это мое! Мое! Я безумно счастлив!»^[380]

Кабира

Доктора, аптекари и ботаники присоединились к художникам, стекавшимся со всех сторон в Понт, как и архитекторы, ученые и военные инженеры, такие как Никонид из Фессалии и Калимах, которые конструировали катапульты, осадные механизмы и другие передовые машины. Конечно, не все из этих дерзких научных экспериментов были успешными — вспомним, например, сломавшуюся на Родосе самбуку или инцидент со статуей Ники в Пергаме. Однако грандиозные проекты в Кабуре стали разительными примерами научных интересов Митридата и его неограниченного богатства.

В молодости Митридат был поражен естественной красотой и неприступностью стоящей на Ликосе Кабуры, окруженной отвесными скалами и буковыми, кленовыми, ореховыми, сосновыми и еловыми лесами. Там находились весьма важные залежи киновари (токсичной ртутной руды, используемой для изготовления красителей). Возможно, царю ядов был известен тот токсикологический факт, который современные ученые узнали лишь недавно: Меркурий в почве окрашивает местные дикие грибы. На отдаленном пригорке Митридат возвел Кайнон Хорион («Новый замок»), крепость-сокровищницу, где хранились ценные вещи. В ее подвалах лежали не только золото, серебро и бесценные произведения искусства, но и личные бумаги Митридата, его письма и судебные архивы. Страбон, побывавший там, отмечает, что крепость находилась в 200 стадиях (примерно 25 милях) к северу от Кабуры. В 1912 г. были обнаружены развалины крепости с сохранившимися подземными каменными лестничными пролетами^[381].

В Кабуре были заключены младшие сестры Митридата — Ниса, Роксана и Статира, обреченные на вечное девичество. Новая наложница царя, арфистка Стратоника стала госпожой Кабуры:

возможно, их с Митридатом сын, Ксифар, родился именно там. Митридату нравилось отдыхать в этом роскошном и безопасном дворце. Тщательно орошаемая территория, на которой росли ивы, тополя, виноградные лозы, яблони, была окружена обширными садами, где царские ботаники ухаживали за растениями, а утки пощипывали чемерицу и болиголов. В Кабире находился большой зоосад Митридата, в котором содержались редкие существа, привезенные в дар от далеких союзников и торговых партнеров: страусы, кобры и скорпионы, крокодилы, фазаны из Колхиды, бактрийские верблюды, возможно, индийский слон и тигры. Митридат, Дорилай и их друзья зачастую оставались в охотничьем домике и охотились на зайцев, куропаток, перепелов, лис, рысей, медведей и кабанов. Образцом для всех этих роскошеств послужили персидские сады, зоопарки и охотничьи угодья, созданные Киром, Ксерксом и Дарием. Он также следовал примеру Александра, который содержал целый экзотический зверинец — львов, медведей, мангустов и страусов.

Одной из достопримечательностей Кабиры стал очень высокий водопад. Вдохновленный изумительной силой и размером водопада, Митридат и его инженеры обуздали стремительный поток. Они сконструировали первую водяную мельницу. Она была описана Страбоном, посетившим развалины мельницы после окончания Митридатовых войн. До изобретения водяной мельницы люди и быки, прилагая невероятные усилия, поворачивали тяжелые жернова, чтобы перемолоть зерно. После того как Страбон описал мельницу Митридата из Кабиры, технология водяных мельниц распространилась по Италии и Европе^[382].

Повелитель языков

Удивительная память Митридата и легкость, с которой ему давались языки, стали легендой еще при его жизни (книга на нескольких языках до сих пор так и называется — «митридат»). Царь был наделен этим даром с детства. Но возможно, ему помогла и специальная техника для тренировки памяти, которой его научил ведущий придворный философ Метродор Ненавистник Римлян.

Метродор изобрел устройство запоминания, имевшее в своей основе знаки зодиака и мифы. Двенадцать созвездий подразделялись на 360 «хранилищ», каждый «отсек» относился к какой-либо категории информации. Эта техника была незаменима для экспериментов с ядами и изучения языков.

Митридат намного превосшел Кира Великого, который знал имена всех своих командиров и сатрапов. Только один человек в истории Античности мог похвастать лингвистическими способностями, близкими к способностям Митридата. Как писал Плутарх, египетская царица Клеопатра «говорила на многих языках и принимала иностранных посланников, не обращаясь к переводчикам». Она говорила на греческом и латыни, неплохо знала эфиопский, коптский, иврит, мидийский, арабский, сирийский и персидский. Говорят, что Митридат настолько свободно владел языками, на которых говорили его подданные и воины, что никогда не нуждался в переводчиках. Авл Геллий отмечает, что «он свободно говорил на языках 25 народов, которыми правил, и на каждом из этих языков говорил как на родном». Плиний, лично изучавший библиотеку и письма Митридата, писал, что «Митридат, царь двадцати двух племен, творил суд на стольких же языках, обращаясь на собраниях к каждому племени без переводчика». Валерий Максим называет лингвистические способности Митридата результатом «упорного труда»^[383].

Многонациональный двор Митридата, его союзники и армия представляли уникальную возможность для изучения языков. Возьмем, например, Колхиду. Согласно источникам, в этом регионе проживают более ста племен, каждый из которых говорит на своем диалекте — как пишет Плиний, римским торговцам в Колхиде помогали 130 переводчиков. На юге Колхиды говорили на 26 разных языках. Вряд ли Митридат знал каждый из языков этих отдаленных земель, но он мог объясниться с большинством своих подданных.

На каких же языках Митридат мог с легкостью говорить и читать? Мы можем быть уверены насчет следующих: греческий, македонский, персидский, латынь, арамейский/иврит, парфянский, армянский, старый и новый фригийский, каппадокийский языки и галльский диалект, на котором говорила галатка Адобогииона, его любовница. Возможно, он также мог изъясняться на авестийском (древнеиранском языке, использовавшемся в зороастрийских молитвах); санскрите

(индийские медицинские тексты); египетском и карфагенском; кельтском/галльском (возможно, языке аллоброгов — родном языке его телохранителя Битуита). Он немного говорил на анатолийских языках, таких как карийский, мисийский, исаврийский, лидийский, ликийский и писидийский, и, может быть, имел поверхностные знания сирийского, эламского и шумерского (его использовали еще в религиозных текстах эпохи Селевкидов). Он вполне мог изучить италийские диалекты, марсийский, оскский и умбрский, фракийский (на котором изъяснялись многие кавалерийские полки) и гетский (на котором говорили в Томах, что на реке Дунай). Также можно указать устаревшие формы ассирийского или хеттского языков и диалекты Колхиды, Сарматии и Скифии.

То, что Митридат знал много языков, позволяло ему вести конфиденциальную переписку, не опасаясь, что его личные дела будут преданы огласке. В тот спокойный период после подписания Дарданского мира царь правил без особых происшествий, укреплял границы своей Черноморской империи, сооружал новые крепости, занимался обучением армии, заключал новые союзнические соглашения и обдумывал стратегию в отношении Рима^[384]. А чем же в это время занимались его друзья и враги?

Тигран Великий, царь царей

Теперь римляне контролировали Вифинию и западную часть Анатолии. Для того чтобы собрать огромную дань в размере 20 тысяч талантов, назначенную Суллой, сборщики налогов вернулись в Анатолию. Плутарх сравнивает их с «гарпиями, крадущими пищу у людей», причиняя «несказанные и невероятные несчастья». На самом деле основная часть дани уже была уплачена Сулле. Римские кредиторы получили 20 тысяч талантов, но чрезмерно высокие проценты увеличили размер долга до астрономической суммы 120 тысяч талантов. Анатолийские семьи вынуждены были продавать своих молодых сыновей и девственных дочерей в рабство и публичные дома; города продавали священные статуи и подношения, переданные для богов в храмы. Римские кредиторы были беспощадны: должник сначала подвергался пыткам и лишь потом продавался в рабство.

Покою Анатолии не давали два бесчинствовавших римских легиона, которыми командовали Фимбрия и Мурена^[385].

Как и предвидел Митридат, Галатия, «буферная зона» между Понтом и Вифинией, заключила союз с Римом. Каппадокия не могла решить, принять ли ей сторону Митридата или Ариобарзана, ставленника Суллы. Союзник Митридата и его зять Тигран Армянский захватил Сирию. После бесконечной череды интриг между сирийским царем Грипом и его кровожадными родственниками сирийцы решили пригласить на царство более стабильного монарха. Одни хотели пригласить Митридата править Сирией, но другие (возможно, и сам Митридат) боялись, что это привлечет чрезмерное внимание Рима. В 83 г. до н. э. сирийцы избрали своим царем Тиграна Армянского.

Тигран был могущественным и деспотичным правителем. После Дарданского мира титул «царь царей» оставался никем не занятым. Его присвоил Тигран. Теперь он правил царством, простиравшимся от Сирии до Каспийского моря, от Артаксаты до Месопотамии. Армии Тиграна увеличивались за счет войск из Аравии, Кавказа и Центральной Азии, но Рим не был особенно обеспокоен, после того как Сулла вытеснил Тиграна из Каппадокии в 95 г. до н. э. Новый царь царей строил для себя великолепный укрепленный дворец на реке Тигр, названный Тигранакертом («Городом Тиграна»)^[386].

Сулла: надушенный труп

Около 80 г. до н. э. Митридат отправляет послов в Рим с надеждой наконец подписать мирное соглашение пятилетней давности. Но Ариобарзаниды отправляют жалобу Сулле на то, что Митридат до сих пор удерживает часть Каппадокии. Сулла приказывает Митридату сдать Каппадокию, как это было обговорено в Дардане. Митридат подчиняется и отводит свою армию. Он вновь отправляет своих послов в Рим, готовый заключить договор.

Но в это время Сулла неожиданно покидает свой пост. Внушающий страх жестокий тиран возвращается к своему прежнему образу жизни, пьет и пирует с музыкантами и проститутками. В возрасте 60 лет Сулла умирает от таинственного и отвратительного заболевания (78 г. до н. э.). Как рассказывает Плутарх, внутренности

Суллы начали гнить, превращая все его тело в кишашую червями массу. Слуги безуспешно пытались вычистить кишаших личинок. Сулла часами принимал ванны, «но паразиты не поддавались никакому вычищению». После смерти Суллы его молодые соратники отвезли тело в Рим для кремации. Чтобы замаскировать зловоние, женщины потратили огромные количества специй и ароматов: только на погребальный кортеж ушло 210 литров благовоний. Огромная фигура Суллы была вылеплена из ладана и корицы и помещена на погребальном костре рядом с телом. В день похорон из свинцовых облаков лил дождь. Как рассказывает Плутарх, все вздохнули с облегчением, когда дождь прекратился ровно на столько времени, сколько понадобилось, чтобы огонь уничтожил все омерзительные останки^[387].

Реакция Митридата на известия о недуге и кончине Суллы неизвестна, но его чувства должны были колебаться от злорадства до мрачных предчувствий. Посланники Митридата вновь вернулись домой без соглашения с Римом. Был ли сенат слишком занят, чтобы встретиться с послами Митридата, или был недоброжелательно настроен? На самом деле многие в Риме считали войну с Митридатом неоконченной. Митридат мог сравнивать свое положение с трагедией Югурты и Северной Африке. Югурта боролся за достижение жизнеспособного мира с Римом, но сенат снова и снова отказывался подписать условия его капитуляции, а в конце концов он был выдан Сулле и убит.

Рис. 11.5. Римский портрет Суллы, на котором как будто видна его жестокость и порочность. Государственное античное собрание и Глиптотека, Мюнхен

Рис. 11.6. Ароматизация тела Суллы, Карикатура Джона Лича, «Комическая история Рима». Гилберт Эббот Э. Беккет, 1852

По всеобщему мнению, Митридат выполнил условия мирного договора в Дардане. Он честно предпринимал попытки заключить договор с римским сенатом^[388]. Он подчинился последнему приказу Суллы оставить Каппадокию. Его действия вполне напоминали действия человека, жаждущего мирного урегулирования. Попытки договориться с республикой, которая уже была при последнем издыхании, разочаровывали и изматывали царя. Но ситуация приносила и интересные возможности для такого амбициозного, находчивого и предприимчивого человека, как Митридат.

Каппадокия

Митридат держал совет со своим старым союзником Тиграном. Без Суллы Рим был не в состоянии навязывать так и не подписанный договор. Два правителя договорились, что Тигран должен захватить Каппадокию. В этот раз они намеревались победить.

Армянская армия была колоссальной. Тигран выстроил 120 тысяч пехотинцев и множество шеренг боевых колесниц. Его полководец Митробарзан вел тяжелую кавалерию, насчитывавшую 12 тысяч человек. Айрудзы Тиграна («всадник» с армянского) были преимущественно парфянскими катафракториями в кольчугах и на больших, тяжело вооруженных конях из Нисы. Историк Саллюстий прославлял армянскую армию как «выдающуюся красотой своих коней и доспехов». Также под командованием Тиграна находилось 12 тысяч конных лучников с отравленными стрелами, способных поразить цель с 200 ярдов (183 м).

Иудейский историк Иосиф оценивал армию Тиграна в 500 тысяч человек, включая всех сопровождавших лагерь: людей, которые вели верблюдов и мулов, нагруженных поклажей, провизией и сундуками с золотом и серебром; семьи и слуг; пастухов со стадами рогатого скота,

овец и коз. Армия Тиграна напоминала «полчища саранчи или песчаную бурю».

Тигран занял Каппадокию без какого-либо сопротивления. Согласно его договору с Митридатом в 95 г. до н. э., земля Каппадокии отходила к Понту, в то время как Тигран забирал все трофеи и пленных. Армия Тиграна собрала 300 тысяч мужчин, женщин и детей из Каппадокии. Им не было нанесено никакого вреда, и семьи сохранялись вместе, им даже было разрешено взять немного имущества и животных. Эту огромную толпу выселенных людей вели на юг, чтобы заселить новый город на Тигре. Помимо них Тигран поселил в Тигранакерте пленных греков из Сицилии, евреев из Палестины и кочующих арабов. Это вынужденное переселение целых народов — весьма масштабный пример практики, к которой издревле прибегали могущественные завоеватели^[389].

Серторий и белая лань

Противоречивая внешняя политика Рима во время гражданских войн позволила количеству средиземноморских пиратских кораблей «увеличиться в сотни и тысячи раз». Пираты, одержимые жадностью и объединившиеся с Митридатом и Серторием в Испании, стали представлять собой существенную военную силу. К радости обоих военачальников, ни один римский корабль теперь не был полностью в безопасности. Во время одного из своих ораторских выступлений в Риме Цицерон рассказывал о переписке между Митридатом и Серторием с помощью курьеров на пиратских кораблях^[390].

Серторий посылает в Понт двух военных стратегов, Луция Магия и Луция Фанния. Они убедили Митридата, что восстания в Испании и Анатолии могут обернуться успехом, обрисовывая радужное будущее, когда более благоразумная Римская империя, возглавляемая сдерживаемыми Марием популярами, будет править Западным Средиземноморьем, а Митридат останется царем своей Черноморской империи.

Серторий, последняя надежда популяров, в совершенстве владел искусством партизанской войны, маскировки и организации засад. Он

снискал воинские почести (и потерял глаз) в Галлии, а также помог подавить марсийское восстание в Италии. Мятежный правитель Испании, он основал «сенат в изгнании» для сподвижников Мариа, находящихся в бегах. И хотя Серторий мечтал о том, чтобы провести остаток своих дней на идиллических Канарских островах, «вдали от тирании и бесконечных войн», он согласился возглавить испанское движение сопротивления и одерживал победу за победой над римскими легионами. Серторий владел многими языками и являлся храбрым революционным лидером, его любили легионеры и жители Испании.

Однажды испанский охотник преподнес Серторию в дар белоснежную лань. Украшенная венком из цветов, лань следовала за суровым полководцем по всему лагерю, к большому восторгу его людей. Эта лань-альбинос была послана богиней войны, Дианой (Артемидой), объявил Серторий. Лань спала в его палатке и шепотом предупреждала об опасностях. Когда бы шпионы ни сообщали Серторию об одержанных победах, он утаивал это. Он выводил свою белую лань, уверяя воинов, что она предрекает успех. На следующий день Серторий объявлял всем об одержанной победе, подтверждая тем самым пророчество лани^[391].

Начало Третьей Митридатовой войны

Серторий был во многих отношениях римским двойником Митридата. Гражданская война «наполнила Сертория злобой» против олигархического Рима. Как правителя Испании, алчность и жестокость римских сборщиков налогов разочаровала его. Как и Рутилий Руф в Анатолии, Серторий сочувствовал коренным народам, угнетаемым римским правительством в провинциях. Благодаря тому, что он снизил налоги и правил мягко, испанцы пригласили его возглавить их восстание против Суллы. Судя по описанию Плутарха, харизматичный характер Сертория очень напоминал характер Митридата. Серторий «вдохновлял своих последователей свежими надеждами, предлагал новые предприятия и помогал им держаться вместе, несмотря на трудности».

Авторитет Сертория широко распространился по Средиземноморью. Торговцы, пираты и послы из Испании потчевали Митридата рассказами о победах Сертория. Римляне — советники Митридата сравнивали Сертория с Ганнибалом и уговаривали Митридата вступить с ним в союз. «Если ты, самый могущественный царь в мире, объединишь свои силы с самым удачливым в мире полководцем», — говорили они, то Рим, и так ослабленный гражданскими войнами и восстаниями рабов в Италии, будет парализован неодолимым наступлением с двух фронтов^[392].

В 76 г. до н. э. по Италии прокатилось сильное землетрясение. В этом же году Серторий одержал великие победы над римскими армиями. В следующем, 75 г. до н. э. Серторий и Митридат начали серьезные переговоры. Митридат обещал поставить корабли и деньги для совместной войны с Римом. Взамен он просил Сертория признать его правителем бывшей провинции Азия, восстанавливая за ним земли, отданные Митридатом по договору с Суллой. Серторий ответил Митридату, что он может занять Вифинию, Каппадокию, Галатию и Пафлагонию, но настоял, что Западная Анатолия должна остаться римской провинцией. Нахальство Сертория удивило Митридата. Плутарх описывает реакцию царя: «Этот Серторий дошел до берегов Атлантического океана и уже смеет размечать границы нашего государства! Можете себе представить, что он попросит, когда станет главой Рима?»^[393]

Несмотря на небольшие разногласия по поводу Анатолии, Серторий и Митридат заключили договор, скрепив его клятвами. Серторий согласился отдать Митридату власть над Восточной Анатолией и отправил своего полководца Марка Вария с армией в Понт. Митридат отправил Серторию 40 кораблей с 3 тысячами талантов серебра — в полтора раза больше, чем 2 тысячи, которые он заплатил Сулле в 85 г. до н. э. В 76–74 гг. до н. э. в преддверии войны монетный двор Митридата огромными темпами выпускал золотые и серебряные монеты.

Полководец Сертория, Марк Варий, вместе с Митридатом «захватили несколько городов в Азии». Плутарх не называет их, но можно предположить, что это были города, жестоко наказанные Суллой за поддержку Митридата, уже без римских гарнизонов. Митридат любезно (и мудро) позволил полководцам Сертория войти в

эти города Анатолии в качестве освободителей. От имени Сертория, нового сострадательного римского союзника Митридата, города были объявлены свободными и освобождались от налогов. Неожиданно, как пишет Плутарх, угнетенные люди Анатолии «были заново вдохновлены надеждой на лучшие дни» и жаждали скорого начала милостивого правления Митридата и Сертория^[394].

В Вифинии, «жалкой марионетке» Рима, в 75/74 г. до н. э. умирает бездетным Никомед IV. Его действия подозрительно напоминают последнее завещание Аттала III, отдавшего Фригию Риму — Никомед тоже передает свое царство империи.

Сенат отправляет правителя, Котту, чтобы сформировать новую провинцию. Это послужило искрой, которая разожгла Третью Митридагову войну. Митридат немедленно называет завещание фальшивкой. Союз с Серторием дал Митридату новые возможности и новые надежды. Односторонний римский захват Вифинии был, по мнению Рейнака, «равносилен объявлению войны — он нарушил равновесие, установленное Дарданским мирным договором»^[395].

Царь Понта бросился в лихорадочные приготовления к возвращению своей империи. Он поместил огромное количество зерна со степей в хранилища по всему Черному морю. Обычно Скифия присылала 180 тысяч медимн зерна и 200 талантов серебра в год в качестве дани. Но в этом году, согласно источникам Аппиана, Митридат получил ошеломляющий объем зерна — 2 миллиона медимн: этого было достаточно, чтобы прокормить 300 тысяч человек в течение года. Все лето, осень и зиму Митридат вырубал лес на постройку кораблей и закупал натренированных и сильных лошадей. Его оружейники ковали копья, мечи и щиты, подобные римским; его инженеры конструировали осадные механизмы; его вербовщики собирали толпы воинов для тренировок с римскими командирами^[396].

Митридат созвал армии из Каппадокии, Колхиды, Армении, Скифии и прочих земель. Из отдаленных территорий амазонок, вдоль рек Фермодонт и Дон до Каспийского моря, пришли конные воины-женщины, объединившись с воинами-мужчинами из племен добывавших железо халибов и гениохов, с таврами из Крыма и левкосирийцами из Восточной Каппадокии. Мужчины и женщины из Сарматии присоединились к воинственным племенам «царских» сарматов, дандариев и язигов с Азовского моря, кораллам и полчищам

фракийцев с Дуная, Родоп и Балкан. Древние источники сходятся во мнении, что самыми храбрыми варварами Митридата были бастарны с Карпат.

Всего, согласно Аппиану, Митридат собрал 140 тысяч человек пехоты и 16 тысяч человек конницы, обслуживаемых огромным количеством вьючных животных, носильщиков, дорожных рабочих, снабженцев и других сопровождающих лагеря. Он увеличил свой флот вдвое — до 400 кораблей. Бывший наемный полководец Митридата, Архелай, перешел на сторону Рима. Но его командный состав впечатлял: римляне Марк Варий, Луций Магий и Луций Фанний присоединились к Дорилаю, Гордию, Неоптолему, Диофанту, Таксилу, Гермократу, Александру Пафлагонскому, Дионисию Евнуху, Евмаку (бывшему сатрапу Галатии), Коннакориксу (Галату), Митрофану и Аристонику^[397].

В 74 г. до н. э. Серторию было около 50 лет, а Митридату около шестидесяти. Никогда не встречавшись, они тем не менее распознали друг в друге родственные души и сходные интересы. Несмотря на личное стремление каждого к миру и безопасности, два лидера поклялись вести войну с могущественными силами Рима. Каждым из них очень многое было поставлено на карту.

Глава 12.

Падающая звезда

Четыре белоснежных коня влекли золотую колесницу, инкрустированную драгоценными камнями, сиявшими в первых лучах утреннего солнца. Колесничего не было. Прекрасные кони проскакали бешеным галопом по выветренной всеми ветрами скале и рухнули в искрящееся море под ними.

Была заря первого дня весны 74 г. до н. э. Великолепное жертвоприношение Митридата, о котором рассказал Аппиан, — жертва солнечным богам, Митре и Гелиосу, и Посейдону, богу океана и землетрясений, — было совершено, дабы обеспечить успех в новой войне с Римом. Яркий образ — величественные белые скакуны, тонущие в море, — сохранился в последующей римской, византийской, средневековой и современной традиции. Например, почти пятьсот лет спустя раннехристианский автор Сидоний Аполлинарий описал великолепный замок в Галлии, украшенный драматичным изображением жертвы Митридата. В 1678 г. английский драматург Натаниэль Ли описал, как Митридат сбросил с обрыва «повозку, в изумрудах всю, и полную коралловых трезубцев, и сотню скакунов, как вихрь диких»^[398].

Современные историки ничего не пишут об этом грандиозном ритуале, но его мультикультурное значение было вполне понятно сторонникам Митридата. Жертвоприношения коней Солнцу практиковали древние греки, троянцы, скифы и персы. Древние персидские цари приносили в жертву коней, дабы почтить Солнце; по традиции маги убивали пять белых коней для реки Евфрат; а когда Ксеркс вторгся в Грецию, персы принесли лошадей в жертву реке Стримон во Фракии. На Митридата, видимо, также повлияло великое жертвоприношение коней на Родосе — может быть, он его даже видел.

Каждую весну родосцы — великолепные моряки, которым удалось справиться с флотом Митридата, — гнали колесницу с

четырьмя конями в море, дабы почтить Гелиоса, который вел свою солнечную колесницу по небу^[399].

Вдобавок ко всему Митридат также совершил великое огненное жертвоприношение, как он уже сделал после своей победы над Муреной. Исполнив ритуалы, дабы умиловить этих могущественных богов-мужчин, Митридат отправился в Пафлагонию во главе своей армии. Тут он произнес ободряющую речь к своим воинам.

Основания для войны

Митридат подробно рассказал о своих знаменитых предках и с гордостью описал, как его маленькое царство стало великим под его скипетром. Царь подчеркнул, что его армии никогда не были побеждены римлянами, когда он лично вел их в бой. Митридат хвалился своими обширными ресурсами и мощной обороной. Римляне, объявил он, руководствовались «корыстолюбием и жадностью» и хотели поработить всех. «Почему сенат отказался оформить Дарданский мирный договор письменно? Потому что римляне выжидают удобного момента, чтобы вновь напасть на меня! Поддельное завещание вифинского царя Никомеда показывает, что они жаждут владеть нами».

Митридат подчеркнул, что у римлян серьезные проблемы и в самом Риме, и в других странах. «Римляне сейчас заняты серьезной войной с Серторием в Иберии, а в Италии идет междоусобная война. Из-за их порочности нет у них никакого союзника и никто по доброй воле не является их подданным!» Указывая на своих трех римских полководцев — Вария, Фанния и Магия, Митридат воскликнул: «Смотрите! Лучшие из них — враги своему отечеству и союзники нам!»

После этой пылкой речи Митридат отправился в Вифинию. Римский правитель Котта бежал в Халкедон. Кизик послал Котте 3 тысячи гоплитов, но большая часть вифинцев приветствовали Митридата, как своего освободителя, — они страдали под пятой сборщиков налогов, которых прислал Сулла. При приближении Митридата испуганные римляне рванулись в Халкедон. толпясь у

городских ворот. Но ворота были прочно закрыты Коттой, который скрылся внутри. Когда прибыла армия Митридата, произошла безжалостная резня. Римские гражданские лица и кизикские воины, брошенные за пределами ворот, «погибали, находясь между врагами и друзьями, простирая руки к тем и другим»^[400].

Рис. 12.1. Портрет Митридата на серебряной тетрадрахме 75/74 г. до н. э. Полуоткрытый рот и похожие на гриву волосы, которые еще больше развеваются по ветру, чем на более ранних монетах, вызывают ощущение движения — движения вперед на огромной скорости. 1944. 100. 41480, дар Е.Т. Newell, предоставлено Американским нумизматическим обществом

Между тем бастарны, воины Митридата, прорубились через массивную бронзовую цепь, защищавшую гавань Халкедона, сожгли 40 кораблей и захватили 60. В морском сражении пало лишь 30 бастарнов, но больше 3 тысяч римских, халкедонских и кизикских моряков расстались с жизнью. На суше Митридат потерял 700 человек, но больше 5 тысяч римлян были убиты и 4500 взяты в плен в первом сражении Третьей Митридатовой войны. Римский полководец Луций

Лициний Лукулл, разбивший лагерь на реке Сангарий, пытался ободрить свои легионы после такого страшного разгрома^[401].

Митридат, ликующ по поводу своей победы, надеясь снова обрести свою анатолийскую империю, пошел на укрепленный порт Кизик — врата в Азию. За армией из 120 тысяч пехотинцев, 16 тысяч кавалеристов и 100 колесниц с серпами тянулась целая орда маркитантов и строителей дорог и мостов; говорили, что в целом войско Митридата насчитывало до 300 тысяч человек^[402].

Между тем в Риме

Лукулл, протеже Суллы, стал консулом в Риме в 74 г. до н. э. Его товарищ по консульству Котта был послан управлять новой провинцией Вифиния. Лукулл завидовал своему конкуренту Помпею (он тоже был протеже Суллы, только более молодым и жестким): Помпей как раз завоевывал себе лавры, сражаясь с новым союзником Митридата Серторием в Испании.

Конечно, именно Лукулл был выбран для войны с Митридатом в 74 г. до н. э. Сенат, опасаясь, что Митридат планирует напасть на саму Италию со своей армией, обещал 3 тысячи талантов на набор флота. Однако Лукулл хвастался, что ему не нужен флот, чтобы одолеть Митридата. Он сам набрал три легиона и принял команду над двумя легионами Фимбрии, все еще размещенными в Анатолии: всего у него было около 30 тысяч пехотинцев и 2500 всадников.

Не только сам Лукулл находился в серьезном меньшинстве: «фимбрианцы» тоже окажутся проблемой. Они были причастны к мятежам и гибели двух предыдущих полководцев, Флакка и Фимбрии. Суровые бойцы, но при этом ленивые и неуправляемые, эти легионеры были, по словам Плутарха, испорчены «привычкой к роскоши и жадной наживы», а также недисциплинированным руководством Мурены. Как гнилые яблоки, «фимбрианцы» могли втайне «заразить» армию Лукулла своей жадной добычей и открытым неповиновением.

Во время этой новой войны Рима, целью которой было уничтожить врага, названного Лукуллом «новый Ганнибал», ломались верность и дружба, царил опустошительный хаос и колесо Фортуны совершало неожиданные обороты. Конфликт — который называют борьбой между олигархической гегемонией Рима и демократическими идеалами выборов, свободы и национализации земли — привлекал участников со всех уголков Древнего мира, от Испании до Каспийского моря, с реки Дон до Персидского залива. Опасные земли, катастрофическая погода и даже небесные чудеса — странные явления и сами боги — примут участие в этом эпическом состязании между Лукуллом и Митридатом^[403].

Падающая звезда

Советники Лукулла подсказывали ему, что он должен захватить Понт, который остался незащищенным, пока Митридат был в

Вифинии. Главным сторонником этой точки зрения был Архелай — полководец-перебежчик, бывшее украшение войска Митридата. Может быть, Архелай вспомнил, как раньше Сулла предлагал короновать его самого царем богатого Понтийского царства Митридата во время переговоров в Дардане. Однако Лукулл лишь презрительно фыркнул: «Зачем мне обходить зверя, чтобы идти войной на его опустевшее логово?» Затем Лукулл увидел огромную армию, которую набрал Митридат. Ошеломленный римлянин отступил — ему была нужна хитрая стратегия, чтобы разбить такие огромные силы.

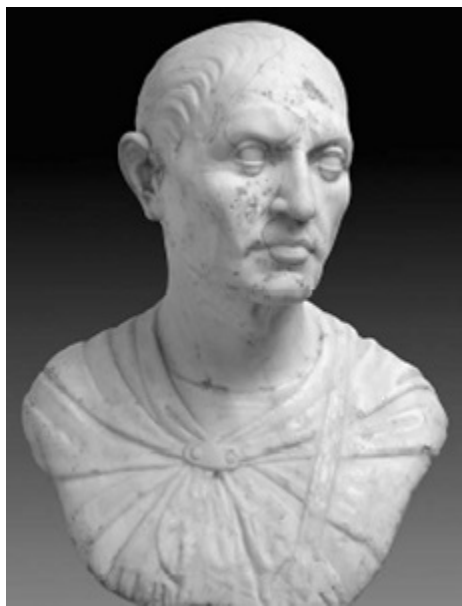

Рис. 12.2. Лукулл, мраморный бюст. Фотография. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Митридат немедленно спровоцировал сражение, послав армию под руководством римлянина М. Вария, одноглазого полководца Сертория. В Офрии Лукулл вышел ему навстречу, дабы ответить на вызов. Армии стали лицом друг к другу на равнине под ясным голубым небом и собирались вступить в бой.

Внезапно небо будто расколосось. Огромный пылающий предмет из расплавленного серебра разорвал небеса и врезался в землю между двумя армиями. Войска, как пишет Плутарх, «разошлись без боя»,

однако «расходились» они, скорее всего, на бешеной скорости. Писатель Майкл Кёртис Форд в своем приключенческом романе про Митридатовы войны представил себе, что на обе армии обрушился настоящий дождь из комков земли и режущей металлической «шрапнели», когда пылающее небесное тело врезалось в землю. Форд рисует сцену, когда Лукулл и Митридат удивленно смотрят в загадочный кратер с разных сторон. Взгляды двух полководцев встретились: каждый пытался прочесть, какое сообщение от богов увидел другой в этом событии. В изображении Форда командиры без слов пришли к соглашению вступить в бой в другой раз^[404].

Что же это был за неземной предмет? Ричард Стотерс, метеоролог НАСА, который изучает древние наблюдения астрономических событий, проанализировал этот инцидент, используя научную категоризацию «неопознанных летающих объектов». Поскольку у этого события были тысячи свидетелей, находившихся совсем рядом, Стотерс считает, что рассказ Плутарха заслуживает доверия. Ослепляющий свет днем говорит о большой величине объекта. Чтобы его ясно увидели армии, стоявшие примерно на расстоянии полета стрелы, огненный предмет, как считает Стотерс, должен быть больше 4 футов (1,2 м) в поперечнике.

Только что упавший метеорит (метеор, который приземлился на землю и пережил это столкновение) обычно черный; поэтому Стотерс предположил, что яркий серебристый цвет, о котором упоминает Плутарх, относится к горящему метеориту или болиду — исключительно яркому метеору, — когда он летит по небу до того, как удариться об землю. Метеориты почитались в древности в святилищах Пессинунта, Трои, Кизика, Абидоса и Эфеса. До нас не дошло каких-либо древних источников по поводу того, что предмет из Оффрии мог быть подобран и помещен в святилище. Хотя Стотерс думает, что все данные говорят о метеорите, в строго научных терминах это событие можно назвать «близким контактом первого рода», то есть наблюдением на близком расстоянии большого неидентифицированного космического объекта, который не оставляет очевидных физических следов. Поскольку оригинальный греческий текст Плутарха, без сомнения, доказывает, что свидетели действительно осматривали объект на земле, то, видимо, вполне можно считать, что битва была прервана падением крупного метеорита

— может быть, в Офрии когда-нибудь можно будет найти метеоритный кратер. После удара об землю свидетели сравнили размеры и очертания метеорита с пифосом — очень большим керамическим кувшином для хранения жидкостей с заостренным дном. Интересно, что, когда метеориты пролетают через земную атмосферу, они вполне могут принять суженную форму «носа ракеты», похожую на эллинский пифос.

Современные историки мало обращают внимания на это происшествие — лишь предполагая, что обе стороны увидели и этом дурное предзнаменование. Рейнак, например, пишет, что Лукулл использовал зловещее «падение болида» как предлог избежать сражения, находясь в меньшинстве. До нас не дошло никаких данных, чтобы понять, как маги Митридата или прорицатели Лукулла действительно восприняли это необыкновенное явление. Но можно сделать некоторые обоснованные догадки. Правда, что римляне того времени боялись комет, падающих звезд и метеоров. Обе армии встревожились и разбежались. Но я думаю, более вероятно, что после как Митридат, так и Лукулл, и гадалки с обеих сторон могли бы найти и *позитивный* смысл в этом событии.

Метеоры ассоциировались с анатолийской богиней-матерью Кибелой, символом которой был упавший на землю камень. Лукулл, а также Митридат и его окружение знали про священный черный камень Кибелы, который почитался в Пессинунте (Марий совершил туда паломничество в 98 г. до н. э., надеясь на победу над Суллой). Лукулл присутствовал как раз тогда, когда сам Сулла во сне был ободрен явлением Кибелы, которая протягивала ему молнию. Поклонение Кибеле стало популярным в Риме после Второй Пунической войны. Сивиллины книги провозгласили, что Рим сможет победить Ганнибала, только если «небесный камень» Кибелы перевезут в Италию. С огромной торжественностью священный метеорит богини перевезли из Пессинунта в Рим в 204 г. до н. э. Итак, когда в 73 г. метеорит в Офрии спас Лукулла от битвы с намного превосходившими по численности войсками, Лукулл мог посчитать, что это чудо — знак покровительства Кибелы.

Рис. 12.3. Свидетели описывали метеорит, ударившийся об землю на поле боя между армиями Лукулла и Митридата, как огромный, пылающий объект, напоминавший гигантский пифос (кувшин) из расплавленного серебра. Художник попытался показать размеры и форму метеорита. Иллюстрация Мишель Энджел

Митридат, понимая, что Кибела была богиней победы и защитницей анатолийских городов, также мог рассматривать это природное явление как хороший знак. Из-за того, что метеорит прервал битву, его предсказатели могли растолковать это происшествие либо как знак того, что он победит Лукулла без кровопролития, либо — что боги запретили сражаться в это время. Митридат и его священнослужители обычно рассматривали ярко пылающее пламя в небесах как хорошее знамение, указывая на потрясающий звездопад, случившийся на его рождение, его коронацию и его избиение римлян в 88 г. до н. э. [\[405\]](#)

После того как серебристый огненный шар с небес прервал битву на холме Офрия, Митридат воспользовался темной, дождливой ночью, чтобы дойти до Кизика не замеченным Лукуллом. Митридат захватил в плен 3 тысячи жителей хоры Кизика и начал, как он считал, непродолжительную осаду, чтобы взять город.

Митридат послал Метрофана, чтобы тот блокировал гавань, пока его армия поставит лагерь на склонах гор. Кизикийцы начали терять надежду — от Лукулла не было ни слова после позорного поражения при Халкедоне. Зловещие осадные машины начали окружать городские стены — работа инженера Митридата, Никонида. Наконец Лукулл начал приближаться. Но воины Митридата пугали жителей Кизика, указывая на армию, находившуюся в отдалении: «Видите? Это армянские и мидийские войска, их прислал на помощь Митридату Тигран!»^[406]

Разведка Лукулла докладывала, что Митридат зависит от фуража и припасов, которые доставляли морем, чтобы прокормить его гигантскую армию. Лукулл, как он пояснил своим офицерам, как говорится, бил врага по желудку и прилагал все усилия к тому, чтобы лишить его пропитания, не превращая войну в зрелище. Однако Митридат, по совету Таксила, удерживал горную тропу к той территории, которую Лукуллу нужно было занять, чтобы отрезать Митридата от фуража и пищи для его легионов. Воины Лукулла были не в восторге при мысли о том, чтобы напрасно простоять лагерем всю зиму. Никакой надежды на добычу!

Тем временем Митридат получил удручающие новости из Испании. Его союзник Серторий был убит. Герой популяров Мария был заколот во время ужина с «друзьями». Легионы Помпея легко разбили то, что осталось от испанских бунтовщиков. Убийство Сертория было тяжким ударом по популярам, которые присоединились к Митридату. Одним из них был Луций Магий, полководец, посланный Серторием делиться информацией с Митридатом.

Магий сообщил Митридату, что два легиона Фимбрии — когда-то верные Марию — хотят изменить Лукуллу. Он говорил, что тот позволил Лукуллу поставить лагерь, где ему вздумается, ибо зачем же ему стремиться к бою и кровопролитию, если Митридат может без боя победить врагов. Митридат доверился Магию и отозвал стражу с горной тропы. Нам недостает ключевых деталей, чтобы объяснить этот по всем показателям иррациональный поступок. Был ли Магий предателем? Возможно, но другое видение было предложено

биографом Лукулла. Магий действовал добросовестно, основываясь на тайных переговорах с ненадежными фимбрианцами. В конце концов, они предали двух предыдущих полководцев, и их злила строгость Лукулла. Древний историк Мемнон намекает на предложенную фимбрианцами сделку, которая закончилась катастрофой^[407].

Каковы бы ни были истинные мотивы Магия, дать захватить тропу было роковой ошибкой. Фимбрианцы остались верны, и Лукулл занял высоту над Митридатом. Оказавшись в западне, между римлянами и горами, Митридат мог получать припасы только по морю. Но зимой перевозки по морю станут невозможными. Лукулл едва мог поверить своей удаче.

Скорость стала теперь ключом к победе. Митридат атаковал Кизик всеми силами, которые у него были. Его воины использовали стенобитные орудия и катапульты. Одна колоссальная осадная башня, в высоту больше чем 100 локтей (ок. 140 футов / 43 м), поддерживала такую конструкцию катапульты, которая могла бомбардировать город стрелами, камнями и горящими снарядами. Было применено и другое невероятное хитроумное изобретение: два больших, связанных вместе корабля заняли позицию напротив стен города, обращенных к морю. Это была новая версия невероятной самбуки, что была использована на Родосе, с подъемным мостом, чтобы воины могли перебраться через стены^[408].

Митридат, как и Лукулл, надеялся на победу без риска: они оба хотели избежать кровавой битвы или долгой осады. Потому первым решением Митридата стало погрузить 3 тысячи пленных из Кизика на корабли. Он приказал своим флотоводцам грести в гавань на глазах у жителей Кизика, защищавших его стены, обращенные к морю. Как и ожидал Митридат, пленные кричали, обращаясь к своим согражданам и умоляя пощадить их в таком ужасающем положении^[409]. Но руководитель обороны Кизика не был тронут: «Если вы оказались в руках врага, следует терпеливо перенести свою участь! Крепитесь!»

Когда он увидел, что жители Кизика не сдадутся даже ради того, чтобы спасти своих сограждан, Митридат опускает мост самбуки. Кизикийцы были ошеломлены, когда увидели, что вражеские военные бегут «воздушным» путем к их стенам. Но остальные люди Митридата медлили последовать за первой вылазкой, и жители Кизика быстро

оправились от шока. Они выливали горячую смолу на корабли, вынуждая отвести это хитроумное приспособление от стены.

Затем Митридат развернул все свои осадные механизмы на земле. И снова жители города организовали эффективную оборону, сбрасывая камни, чтобы разбить осадные машины и машины с огромными abordажными крюками. Защитники покрыли деревянные парапеты мокрыми шкурами и пропитали каменные стены уксусом, чтобы не дать им загореться от дождя горящих снарядов, пущенных Митридатом. По словам Аппиана, кизикийцы «вообще не упустили ничего, доступного храбрым мужам», чтобы противостоять атаке. Но, как знал Митридат (и что доказано современными учеными), если пропитанный уксусом известняк достаточно нагреется, он начнет разрушаться. Сильный жар от огненных снарядов взорвал часть стены^[410].

Жители Кизикии не покладая рук трудились всю ночь, чтобы закрыть пролом. Затем, как утверждает Плутарх, «само божество, благосклонно взирая на отвагу кизикийцев, старалось их ободрить», и Кизику помогли женские божества, которые, видимо, противостояли Митридату во всех его войнах. Чрезвычайно сильный зимний шторм опрокинул все осадные башни Митридата. В черте города подошло время ежегодных жертвоприношений в честь Персефоны, защитницы Кизика. Для ритуала в ее честь требовалась черная корова, но стада были на пастбищах, которые находились по ту сторону залива. Случилось чудо, и черная корова доплыла до города. Персефона явилась сама, призывая свой народ дать решительный отпор «понтийскому трубачу». Кизикийцы воспрянули духом^[411].

А в лагере Митридата люди духом пали. Это его судьба — всегда навлекать на себя гнев богинь? Его друзья и советники настоятельно советовали снять осаду с Кизика, города, находящегося, что было совершенно очевидно, под защитой очень могущественных божеств — или волшебников.

Но царь получил и хорошие известия. В Италии гладиатор по имени Спартак собрал армию из шести сотен рабов, которая в конечном итоге увеличилась до 70 тысяч, и разбил несколько римских легионов. Говорили, что Спартак был фракийцем; он мог принадлежать к племени, находящемуся в союзе с Митридатом. Спартак симпатизировал движению бунтовщиков Сертория и,

возможно, мог присоединиться к ним; он мог видеть военные действия в Греции, когда Сулла разбил там Митридата. В пантеоне трех самых опасных врагов Рима Спартак стоял наравне с Ганнибалом и Митридатом. Стоит заметить, что и Плутарх, и Аппиан с восхищением писали о военных умениях Спартака и его гуманистических идеалах. Вести о победах Спартака над Римом вдохновили Митридата. Он потерял своего союзника Сертория в Испании, но теперь римляне столкнулись с опасным недругом на Италийской земле^[412].

Среди этих радостных известий была новость о том, что военачальник Митридата Евмах (бывший сатрап Галатии) одерживает победы на юге Анатолии, расправляясь со многими римлянами вместе с их семьями. Тем не менее Митридату отчаянно необходимо было преуспеть здесь, в Вифинии, прежде чем его запасы иссякнут. Он упорно придерживался честолубивой стратегии. Всю зиму его саперы копали туннели под стенами города, и его воины соорудили огромный наклонный въезд с Диндименских высот (словно предвещающая недоброе, эта гора была посвящена Кибеле). Новые осадные башни были построены вдоль этой насыпи.

Припасы истощались. Зимние шторма не давали кораблям доставлять Митридату большие запасы зерна по Черному морю. Некоторые из его голодающих воинов, ушедших в поисках пищи, были схвачены Лукуллом, который хитро осведомился у каждого, сколько еды осталось в палатках его когорты. Исходя из их ответов, Лукулл рассчитал, что у Митридата очень скоро закончатся все припасы. Ликуя, что его стратегия «бить врага по желудку» работала, Лукулл обещал своим нетерпеливым легионерам, жалующимся на отсутствие добычи, что они одержат победу без пролития крови.

Военачальники Митридата пытались скрыть от него голод. Но царь вскоре узнал правду. Он пришел в ужас, когда узнал, что его воины едят траву, вьючных верблюдов и мулов и даже мертвых соратников. Чума возникла из-за сотен незахороненных трупов, которая уносила столько же жизней, сколько и голод. Не было травы для голодающих лошадей. Митридат решил отправить всю свою кавалерию по круговому маршруту в горы на зиму. Лошадям, вьючным мулам и мохнатым бактрийским верблюдам составил компанию большой контингент раненых и больных воинов. На морозе слабые люди и животные с трудом пробирались сквозь лед и снег^[413].

Лукулл преследовал их с 5 тысячами людей и кавалерией. Разразилась метель; многие римляне пали от обморожения. Но Лукулл продвигался вперед и атаковал медленно двигающуюся кавалерию Митридата у реки Риндака. Многие пали в снегу, и Лукулл захватил 15 тысяч воинов Митридата, 6 тысяч лошадей и нагруженных животных. Для многих римских легионеров это была первая встреча с двугорбыми верблюдами, доставленными из отдаленной Бактрии в снега Вифинии. Лукулл нарочно провел эту длинную процессию ослабленных пленников и животных перед глазами деморализованных людей Митридата^[414].

Этот унижительный спектакль усугубили другие плохие вести. Жители Галатии возненавидели Митридата за убийство их благородных семей, и теперь армия Галатии в союзе с Римом вытеснила полководца Митридата Евмаха из Южной Анатолии.

Кизикийцы все еще располагали большим количеством зерна, которое они остроумно сберегли от порчи, перемешав с землей Халкидики (углекислая известь). Лукулл послал нескольких римских воинов в город, чтобы те копали контртуннель. Они даже смогли обманом заставить самого Митридата зайти в собственный туннель. Римский центурион внутри Кизика послал царю сообщение с обещанием сдать город. То, что Митридат в самом деле согласился встретиться с этим человеком в туннеле, показывает его отчаяние в тот момент, как и его личную храбрость. Митридат один спустился в подземный коридор. Пока он осторожно приближался к смутной фигуре, римлянин внезапно устремился вперед с мечом. Митридат развернулся и бросился за дверь в туннель, со стуком закрыв ее в последний момент!

Кизикийцы возрадовались, когда разразилась еще одна зимняя буря. Ветер поднял гигантские волны, и новые осадные машины начали скрипеть и качаться. Внезапно шквал ветра налетел «с невероятной силой», сокрушая осадные башни. В близлежащем Илионе (древняя Троя), где статуя Афины выстояла после разграбления, учиненного Фимбрией, говорили, что видели образ Афины. Богиня, тяжело дышащая и растрепанная, только что вернулась из спасенного ею Кизика.

Столетия спустя Плутарх прочтет все о чудесных явлениях богини на мраморной надписи в Илионе.

Мстительные богини, предательская погода, кошмарные превратности судьбы, раздражающая стойкость Кизика, ужасная чума и голод вдобавок с постоянным натиском Лукулла убедили Митридата в том, что у него нет другого выбора, кроме как снять осаду. Как ни смешно, в лагере царя было невероятное количество золота, но еды не было. Прибегнув к последней мере, Митридат приказал своему флотоводцу Аристонику отплыть с грузом в 10 тысяч золотых слитков. Идея заключалась в том, чтобы подкупить жадных до добычи римлян золотом, отвлекая Лукулла, чтобы Митридат и его армия смогли спастись. Но кто-то предательски передал этот план Лукуллу. Римляне захватили все золото еще до того, как корабль отплыл. Положение Митридата стало в действительности опасным^[415].

Отравленные пилюли

Митридат оставил осаду города Кизик. Он пробрался к своим судам под покровом ночи и, собрав флот, отправился к Геллеспонту. Пехота преодолела то же расстояние, но по суше. Многие бойцы утонули, пытаясь переплыть реку, заполненную подтаявшим снегом. Лукулл бросился в погоню, убил около 20 тысяч человек и взял очень много пленных. Оставшиеся в живых пехотинцы добрались до Лампсака, где смогли найти приют.

Лукулл окружил город. Однако Митридат выслал пиратский флот, чтобы вывезти своих воинов и все население Лампсака. Лукулл был оставлен осаждать город-призрак. Митридат отплыл в Никомедию, оставив в Геллеспонте пятьдесят кораблей с 10 тысячами своих лучших воинов, под предводительством трех военачальников: одноглазого римлянина М. Вария, Александра из Пафлагонии и Диониса Евнуха. Но очередная зимняя буря пронеслась над Вифинией; значительная часть военно-морского флота Митридата погибла в море.

Лукулл поспешил обратно в Кизик принять лавровый венок победителя, а затем вернулся в Геллеспонт набрать флот. Он разделил свои войска на несколько отрядов и поставил во главу каждого из них по военачальнику. Лукулл надеялся, что так сможет увеличить свои шансы на победу. Один, Воконий, должен был плыть на восток в Никомедию, чтобы разбить Митридата. Остальные покорили города

Вифинии. Описывая события, Аппиан и Мемнон сообщают, что римские войска не только воевали друг с другом за добычу, но убивали множество людей в храмах, где те искали убежища, воспроизводя ужасные сцены резни римских гражданских лиц в 88 г. до н. э. Корабли, полные награбленных богатств, в их числе была и золотая статуя Геркулеса, отплыли в Рим. Однако многие особенно перегруженные суда затонули во время зимних штормов в Черном море^[416].

Возле Трои Лукулл решил разбить свою палатку внутри святилища Афродиты. Богини благоволили к нему. Однажды Афродита явилась к Лукуллу во сне и, трясая, разбудила: «Почему ты спишь, Великий Лев? Олень близко!» Он выскочил из постели и обнаружил, что гонцы вернулись ночью. Тринадцать военных кораблей Митридата были замечены в Эгейском море. Они собирались присоединиться к остальному флоту в Лесбосе под командованием Вария, Александра из Пафлагонии и Диониса Евнуха. Римляне считали, что военно-морской флот Митридата был готов к отплытию через Средиземное море и атаковать Италию^[417].

Флот Лукулла преследовал трех военачальников. Однако они вытянули свои военные корабли, носы которых были покрыты бронзой, на берег небольшого острова Лесбос. Разочарованный, Лукулл обогнул остров и высадил воинов на берег. Они пешком пересекли весь остров, намереваясь напасть на врага с тыла. Так Лукулл смог захватить в клещи воинов Митридата. Некоторые остались в своих выброшенных на берег кораблях, намереваясь сражаться с римлянами на обоих фронтах, другие попытались отплыть, но были окружены и убиты. Выжившие бежали в глубь острова.

Лукулл приказал своим войскам «щадить того, у кого нет одного глаза». Согласно Плутарху, Лукулл хотел захватить Вария живым, чтобы лично навлечь унизительную смерть на римского сенатора, который поддерживал Мария и служил Серторию, а затем и Митридату. Легионеры Лукулла обнаружили Вария, прятавшегося с Александром из Пафлагонии и Дионисом Евнухом в пещере. Митридат всегда обеспечивал своих военачальников ядом на случай подобных ситуаций. При приближении римлян Дионис Евнух взломал капсулу, проглотил горькую отраву и сразу умер.

Александр и Варий были взяты в плен. Лукулл сохранял Александру жизнь, чтобы показать его в качестве трофея во время своего триумфа. Сенат награждал полководца официальным триумфом, если тот истреблял по крайней мере 5 тысяч врагов в одном сражении в международной войне. Сотни тысяч римлян приходили поглазеть на побежденных варваров и их семьи: они были закованы в цепи и одеты в свою национальную одежду. Пленные тащились за замысловатыми картинами, изображавшими основные битвы и события в кампании, и на телеги, груженные оружием, доспехами и другими трофеями. Когда парад заканчивался, пленников можно было заключить в тюрьму, продать в рабство, освободить или задушить перед статуей Марса, бога война. Согласно Аппиану, Лукулл незамедлительно замучил и убил Бария на острове, заявив, что будет «неподобающе» провести римского сенатора в триумфе^[418].

Согласно источникам Плутарха, Митридат понес опустошительные потери. В этой первой кампании против Лукулла почти все 300 тысяч воинов Митридата (на суше) и обслуга лагерей погибли или были взяты в плен (Мемнон пишет, что в плен попало 13 тысяч человек). Лукулл послал официальное сообщение, завернутое в листья лавра, что означало великую победу, римскому сенату. Его письмо было встречено с огромным облегчением, поскольку боялись, что Митридат вторгнется в Италию с моря. Лукулл отплыл в Никомедию, где ожидал, что найдет понтийского «дикого зверя» загнанным в угол одним из его командиров — Воконием. Лукулл ждал, что ему удастся лично схватить Митридата и провести его в своем триумфе.

Однако его надежды не оправдались. Воконий по личным причинам сделал крюк: вместо того чтобы преследовать Митридата в Никомедии, Воконий отплыл на Самофракию, где занялся тем, что праздновал свою инициацию в таинства мистериального культа моряков^[419]. Скрипя зубами, Лукулл обнаружил, что «зверь» уже ушел из Никомедии и отплыл в Понт с оставшимися у него кораблями. Война, которая, как объявил Лукулл, окончилась, еще продолжалась.

На помощь приходят пираты

И снова погода и богини обернулись против Митридата. В Черном море бушевал еще один чудовищный шторм. Все говорили, что эту бурю послала богиня Артемида. Она пришла в бешенство, поскольку несколько пиратов Митридата разграбили ее храм в Приапе — место, славившееся великолепным вином и всевозможными неприличными и развратными обрядами. Пираты «развлеклись» в Приапе по пути, отправляясь на помощь воинам и народу Лампсака (об этом уже было рассказано выше). Теперь сильные ветра и вздымающиеся волны разрушили около шестидесяти кораблей Митридата. Потом еще много дней море выбрасывало на берег обломки — и почти 10 тысяч раздутых, искалеченных трупов.

В самый разгар бури собственный корабль Митридата, нагруженный сокровищами и атрибутами царской власти, был поврежден; его заливали бушующие волны. Корабль начал тонуть. К нему подплыла легкая бригантина. Ее вели пираты: их атаман Селевк из Киликии прибыл на помощь царю. Спутники Митридата, боясь, что флибустьер задумал что-то нехорошее, просили царя не оставлять корабль. Однако Митридат и Селевк были старыми друзьями; Митридат уважал пирата за познания в морском деле, а его корабль был быстрым и прочным^[420].

Митридат отважно перепрыгнул через борт на качающуюся доску маленького кораблика, доверив свою жизнь пиратам. Они исчезли в провале ревущей бури. Придворные уже не надеялись снова увидеть царя.

Несмотря ни на что, Митридат и его спасители-пираты добрались до Гераклеи. Сообщники отвлекли граждан пышным пиром за пределами города, в то время как Митридат, Селевк и его пираты пробрались в город. На следующее утро царь собрал народ, радостно приветствовал их как освободитель и раздал всем золотые и серебряные монеты. Оставив в Гераклее гарнизон из 4 тысяч человек с командиром-галатом по имени Коннакориг, Митридат и его пираты отплыли по бурному морю и в плохую погоду домой, в Синопу^[421].

Из Синопы Митридат отплыл в Амис. Обдумав здесь ситуацию, вспомнив свои многочисленные чудесные спасения из лап смерти, Митридат остался оптимистом. Ситуация, безусловно, была опасная, но его подданные в Понте держались крепко и готовы были храбро сражаться против римлян. Что же теперь предпримет Лукулл? Может

быть, он уйдет, посчитает, что нейтрализовал Митридата, или же будет преследовать царя и войдет в Понт? Как обычно, Митридат хотел предусмотреть все случайности.

Митридат не мог позволить всей своей большой семье и гарему попасть в руки римлян. Было невыносимо думать о том, что они переживут ужас, изнасилования и пытки перед тем, как их притащат в Рим и убьют в самом волчьем логове. Многие из его детей уже были в безопасности в Боспорском царстве. Другие члены царской семьи, в том числе и его сестра Нисса, были заперты в башне в Кабире. Его любовница Стратоника и сын Сифар также были в Кабире. Дрипетина, любящая дочь Митридата с двойными зубами, была повелительницей Лаодикеи — ради безопасности она перебралась в крепость Синора в сопровождении Менофила, достойного доверия врача-евнуха^[422].

Митридат решил послать остальных своих домочадцев в крепость в Фарнакии на скалистом восточном берегу Понта, в страну своих старых союзников, «народа башен». Этот караван сопровождали евнухи; в числе путешественников были две незамужних сестры царя, Роксана и Статира, царица Монима и Береника, наложница с Хиоса со своей матушкой.

Спустившись в тайные подвалы в Синопе, Митридат наполнил ларец огромным количеством золота и драгоценных подарков. Он приказал одному из придворных передать это сокровище его союзникам в Скифии в обмен на дополнительную помощь. Однако, хотя царь об этом и не подозревал, этот человек был скорее оппортунистом, нежели оптимистом. Он сбежал и передал это сокровище Лукуллу. Царь, не смутившись этим, послал вестников своему сыну Махару, правившему тогда Боспором, и своему зятю Тиграну, прося их о помощи. Митридат поставил командовать над городом Амисом своего специалиста по осадному искусству, Каллимаха. Со своим другом Дорилаем, магом Гермием (греко-бактрийское имя) и остальными приближенными Митридат отправился в свою крепость Кабиру на зиму 72/71 г.

Из этой прочной базы он и Дорилай набрали новую армию, собрав около 40 тысяч пехотинцев и 4 тысячи кавалеристов. Большинство современных историков считают, что ни Махар, ни Тигран не ответили на срочные сообщения Митридата. Однако эти новые подкрепления, безусловно, прибыли из Скифии и Армении. Согласно Мемнону,

Махар собирался послать в Синопу зерно и припасы, и дочь Митридата Клеопатра убедила Тиграна помочь ее отцу^[423]. Некоторые подкрепления должны были защитить Амис и Синопу. Митридат также разместил гарнизоны и разведчиков по дорогам в Кабиру, чтобы весной они следили за приближением Лукулла. Он поставил своего сына Феникса от финикийской наложницы командиром, приказав ему устроить огненные маяки от границ до Кабиры, чтобы сигнализировать о движении римских войск.

Лукулл оказался в тупике. Он официально — и преждевременно! — заявил о победе над самым страшным врагом Рима, а потом позволил Митридату ускользнуть. Между тем мерзкий Помпей не только подавил мятеж в Испании, но и приписал себе (как многие говорили, не вполне честно) все почести за подавление великого мятежа рабов в Италии. Спартак был убит, и 6 тысяч его сподвижников были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги. По совершенно разным причинам эти волнующие новости огорчили как Митридата, так и Лукулла. Митридат потерял важного политического союзника в Италии; конкурент Лукулла Помпей теперь восходил на вершины власти.

У самого Лукулла запасы тоже подходили к концу. Боевой дух его легионов был шатким, легионеры ворчали — пограбить, дескать, некого. Многие в штабе Лукулла советовали ему бросить воевать. Лукулл игнорировал эти советы. Он понял, что единственный способ остановить Митридата — это убить его. Римлянин приказал своей армии вторгнуться в Понт: как раз это и предвидел Митридат. Для этого Лукуллу пришлось нанять 30 тысяч галатов. Каждый из этих «вьючных» галатов тащил на плечах целый бушель пшеницы, плетясь за римскими легионами^[424].

Вторжение в Понт

Когда римляне перебрались в Западный Понт, они встретились с необыкновенным богатством и изобилием. Воины Лукулла захватили столько добычи и столько пленных, что от такого избытка цены на все серьезно упали. Цена раба-мужчины снизилась до 4 драхм, а вол продавался за драхму (дневной заработок легионера). Когда они шли

по Митридатовой стране изобилия, воины, которые раньше с воплями требовали добычи, теперь бросали или уничтожали потерявшее ценность добро — или пленных.

Лукулл оставил свои войска осаждать Амис и Евпаторию и послал еще один легион осаждать Фемискрию — отдаленную крепость на реке Фермондонт, в одной из сказочных стран всадниц-амазонок. Митридат послал в эти города людей и оружие. В Амисе защитники города постоянно нападали на римский лагерь и даже провоцировали легионеров на поединки, словно разыгрывая славные поединки гомеровских героев на полях Трои. В Фемискрии, названной в честь царицы амазонок, римляне усердно трудились под землей, копая «такие большие туннели, что в них разыгрывались великие подземные сражения». Однако люди Лукулла оставили осаду после того, как защитники прибегли к совершенно необычной тактике. Они швыряли в туннели ульи с разъяренными пчелами. Потом, когда обезумевшие римляне колотили руками, отбиваясь от роев кусачих насекомых, остроумные фемискирийцы выпустили диких зверей — хорьков, лис, волков, кабанов и медведей — в подземные туннели^[425].

Пока часть римлян воевала с отважными и изобретательными подданными Митридата, сам Лукулл той осенью и зимой вел большую часть своих легионов извилистыми тропами через Понт. Оставив далеко за спиной богатый и цивилизованный Западный Понт, они вошли на территорию сельских племен, таких как халибы и тибарены. Как ни смешно, Лукулл ничего не знал о том, что в этой дикой стране прячется больше семидесяти тайных укреплений и секретных сокровищниц, построенных Митридатом.

Лукулл занял своих людей грабежом деревенок и разорением садов. Лукулл был гурманом по натуре, и его очаровали сочные красные ягоды Керасия («Города вишен»). В Италии вишни были неизвестны. Лукулл не только тщательно сохранял косточки после своих пиров, но и выкопал множество вишневых ростков, чтобы отправить их обратно в Рим. Может быть, он подражал Александру Великому, который привез из Армении в Грецию абрикосовое дерево. Однако, по мнению изнывавших от нетерпения воинов и командиров, Лукулл, видимо, совершенно не знал, что делает, — ухаживает за деревцами и отправляет людей в бесполезные рейды! Армия снова требовала битв и добычи.

«Мы ни одного города штурмом не взяли! Зачем мы только тратим время, грабя эти никому не нужные деревеньки бедных племен? Когда же мы обогатимся добычей? Зачем мы оставили за спиной богатый город Митридата — Амис? Зачем следовать за нашим беспомощным полководцем в эту глушь, пока наш самый большой враг перестраивает свою армию?»

«Именно поэтому мы здесь и торчим! — ответил Лукулл в речи, обращенной к своей армии, оправдывая свою стратегию проволочек. — Пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, чтобы он оставался на месте в Кабире и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом — Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом».

Лукулл вспомнил, в каком выгодном положении находились Югурта и его зять Бокх: они постоянно исчезали в североафриканской саванне и возникали снова с новыми силами. Его предупреждение насчет того, что Митридат может скрыться на Кавказе, оказалось еще более точным, чем подозревал сам Лукулл.

Лукулл также нарисовал пугающую картину огромной армии Тиграна. «От Кабиры всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие общины переселяет, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предает смерти и уводит в неволю их жен и дочерей! Он уже давно ищет предлога для войны с нами — к чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, зачем загонять его в объятия Тиграна — ведь тогда нам придется сражаться с Тиграном Великим и его мидийцами и армянами! Нет, — сказал Лукулл, — лучше будет дать ему время собрать собственные силы и снова воспрянуть духом. Тогда при Кабире мы разобьем его окончательно».

Лукулл был способным и честным командиром: он пытался предотвратить «забастовку» своих воинов — большинство из них были безземельными легионерами, тосковавшими по дому, жаждавшими богатств и славы; они были измучены долгими годами службы в Анатолии еще с Первой Митридатовой войны. Несколько забегаая вперед, Плутарх пишет, что Лукулл, римский аристократ,

который не мог влезть в душу рядовому, недооценил недовольства своих легионеров: «Не думал Лукулл, что все это доведет солдат до такого безумия, до какого они дошли впоследствии»^[426].

Битва за Кабиру

Весной Лукулл наконец пошел на Кабиру. Предупрежденный огненными сигналами, которые послал ему со сторожевых башен его сын Феникс, Митридат сам повел 4 тысячи всадников навстречу Лукуллу. Его свирепые всадники, скифские кочевники, заставили римлян в ужасе бежать. Самый храбрый офицер армии Лукулла попал в плен. Его привели в палатку Митридата; лицо римлянина перекашивалось от боли — в него попало несколько стрел. «Будешь ли ты моим другом, если я пощажу тебя? — спросил царь, благосклонно улыбаясь пленнику. — Если ты заключишь с римлянами мир — да. Если нет — я враг!» Царь восхитился мужеством римлянина и пощадил его^[427].

Феникс, сын Митридата от куртизанки, разрывался между сыновней преданностью и страхом поражения. Феникс, как и полагалось, передавал сигналы, чтобы предупредить отца о приближении Лукулла, но потом перебежал к римлянам, приведя с собой своих разведчиков. Лукулл, однако, опять был в тупике: как же избежать всадников Митридата, которые были лучше его собственных? Пробраться в неприступную Кабиру не получится — ее защищают горы и густые леса. Но Лукуллу повезло. Случилось так, что его люди захватили двух охотников-греков. Они согласились провести римлян наверх по горной тропке к крепости, которая нависала над Кабирой. Ночью Лукулл зажег все костры в своем лагере. Это была хитрость. Затем он и его армия последовали за охотниками по этим «американским» горкам и через глубокую пропасть по каменному мостуарке (его фундамент существует и сейчас). На заре Лукулл разбил лагерь: он видел лагерь Митридата в Кабуре, но был вне пределов досягаемости. Патовая ситуация — ни один из командиров не решился на открытое сражение^[428].

Однажды люди Митридата отправились на охоту. Преследуя оленя, они были отрезаны несколькими римскими всадниками. Глядя

из лагеря высоко над схваткой, люди Лукулла радостно закричали. Однако прибыли подкрепления от Митридата и обратили в бегство римлян, которые были в меньшинстве. Лукулл отважно поскакал вниз, на равнину, и приказал своим бегущим всадникам повернуть назад и атаковать войска Митридата. Его продуманная смелость привела к победе.

В другой битве при Кабире люди Лукулла побеждали. На сей раз сам Митридат в сверкающих доспехах вскочил на белого коня, поскакал вперед один и созвал свои войска. Царь — удивительно подтянутый и смелый для мужчины за шестьдесят — возглавил внушительную атаку кавалерии, и испуганные римские легионеры побежали, прорываясь через деревья вверх по склону.

Митридат послал по всей стране вестников, гордо объявив о впечатляющей победе над римлянами. Его шпионы сообщили, что Лукулл, у которого уже кончались припасы, выслал десять когорт (около 5 тысяч воинов) в Каппадокию, чтобы добыть зерно. Вот это был шанс для Митридата на сей раз нанести удар по желудку римлян — как поступил с ним Лукулл при Кизике^[429].

Митридат отправил Менандра, чтобы тот перехватил конвой Лукулла, возвращающиеся из Каппадокии. Постоянное напряжение из-за битв и их неясного исхода начинало действовать людям на нервы и мешало принимать верные решения. Авангард всадников Менандра перехватил римский обоз с припасами, который гуськом шел по крутой тропинке, спускавшейся к Понту. Однако Менандр оказался слишком нетерпелив: он не стал ждать, когда они дойдут до открытой равнины. Боевые кони скользили на каменистой тропке, и римские пехотинцы смогли столкнуть людей и коней со скалы. Несколько кавалеристов добрались до лагеря Митридата раньше остальных. Они все преувеличили, и это несчастье превратилось в страшное бедствие: они говорили, что, кроме них-де, никто не выжил. Как заметил Аппиан, потери были большими, но не непоправимыми, однако все эти слухи нагоняли страх на лагерь Митридата.

Митридат остался непреклонен. Он послал еще один большой отряд, чтобы отрезать другой возвращавшийся конвой Лукулла: им руководил Адриан. Однако на сей раз войска Митридата действительно были полностью уничтожены. Согласно Плутарху, в Кабиру вернулись лишь двое выживших. Митридат попытался скрыть

истинный масштаб этой подлинной катастрофы. Плутарх говорит, что он списывал эту «небольшую неудачу» на неопытность своих полководцев. Однако, когда Адриан «торжественно прошествовал мимо его лагеря в сопровождении множества повозок», нагруженных зерном и оружием погибших всадников Митридата, все в Кабире — где люди уже были как на иголках — поняли страшную правду.

Наконец, после всей этой цепи несчастий, в том числе и потери флота, оптимизм оставил Митридата. «Царь впал в уныние», — пишет Плутарх, и его воинов охватили «смятение и неодолимый страх». Как только Лукулл получил новости о победе Адриана, он собрался напасть на Кабиру. В ту ночь Митридат собрал своих близких спутников — Дорилая, мага Гермея, евнухов-советников Бакхида и Птолемея и своих полководцев к себе в палатку. Все были согласны в том, что бегство — единственный выход. Их план был в том, чтобы встретиться в Комане, богатом, укрепленном городе с Храмом любви, а потом искать убежища в Армении у Тиграна. Еще до зари все они поспешно навьючили свой багаж на коней за воротами и помогли нагрузить караван мулов — мешок за мешком — золотом, царскими регалиями и сокровищами^[430].

Мне кажется, что Митридат последовал практическому совету своего старого друга, царя Боспора Парисада: «Всегда надевай свои самые лучшие одежды, когда произносишь речи перед воинами. Но если надо бежать, облачись в одежды простого человека, чтобы скрыть свою личность как от врага, так и от своих подданных»^[431]. Переодевшись для бегства из царских одежд в неприметное платье, Митридат спрятал кинжалы и самые необходимые лекарства и яды под одежду. До зари ему нужно было сделать еще кое-что. Как говорит нам Аппиан, «потеряв совершенно надежду на сохранение своего царства», Митридат поручил евноху Бакхиду чудовищную миссию. Евнух должен был поехать в крепость в Фарнакии. Здесь он должен был казнить царский гарем до того, как римляне доберутся до них.

Митридат планировал дать своим полководцам приказ отступить на заре. Однако его перепуганные воины услышали ночью движение и немедленно поняли, что командиры их бросают. В лагере началась паника. Воины, охваченные ужасом и гневом, беспорядочно разбежались в темноте. В этом хаосе люди нападали на свои собственные обозы. Митридат выскочил из палатки и побежал среди

своих воинов, крича и умоляя их успокоиться на всех известных ему языках. Его заместитель Дорилай, надев пурпурное платье, рванулся, чтобы присоединиться к царю в этой суматохе. Они попытались успокоить толпу, объяснив, что они не бросают армию, что все уедут вместе при дневном свете.

Однако в этой безумной давке слов царя никто не услышал. Он разделился с Дорилаем. Царский провидец Гермей оказался одним из тех, кого толпа у ворот раздавила насмерть. А как же Митридат? Царя унесло — одного, пешего — в этой суматохе, он смешался с толпой, которая рванулась по темной дороге в Коману.

Лишившись своей диадемы и роскошных украшений, Митридат стал безымянной фигурой в бегущей толпе. Где-то далеко у него за спиной, у врат Кабиры, отчаявшиеся воины продолжали грабить обозы друзей царя. Кто-то хватал прекрасных коней, а другие убивали за драгоценный кинжал командира, за чьи-то сверкающие кольца или чей-то пояс, наполненный золотыми монетами. Именно в этом безумии Дорилай — постоянный спутник Митридата с детства и все годы в изгнании — встретил свою смерть. Его ударил кинжалом один из его собственных людей, стараясь завладеть пурпурным плащом полководца^[432].

Когда Лукулл узнал о бегстве Митридата, он послал всадников преследовать беглецов. Им был дан строгий приказ: царя брать живым вместе с его личными бумагами. Лукулл сам повел пехотинцев на штурм Кабиры. Когда римляне окружили город, все еще охваченный смятением и истерией, Лукулл приказал легионерам удержаться от убийств и не грабить, пока они не наведут порядок. Однако его люди, которым все это не понравилось — ведь они уже два года просидели без добычи и презирали сдержанность своего предводителя, — отказались повиноваться. Ослепленные невероятным богатством Кабиры — серебряные сосуды, ювелирные изделия, драгоценные камни, царские украшения и изысканные пурпурные одеяния, вышитые золотом, — римляне хватали любую добычу, которую могли унести. Они стали убивать без разбору. Лукулл мог только смотреть на все это и не мог их остановить.

Рис. 12.4. Легионеры Лукулла захватывают крепость Митридата и резиденцию в Кабире.

Автор неизвестен

Наконец, когда измученные легионеры уснули, прижимая к себе свои сокровища, Лукулл внимательно осмотрел заброшенный дворец, укрепления и башни Кабиры. Он нашел еще больше сокровищ, хранившихся в подвалах. Нашел он и темницы, сломав замки, и там — многих родственников Митридата, которых все уже давно считали погибшими. Плутарх пишет, что, освободив их, Лукулл «мало сказать принес им избавление — он воскресил их». Среди этих несчастных людей была Нисса, младшая сестра Митридата. Почти сорок лет, с тех пор как она еще была маленькой девочкой, Нисса была скрыта от мира — чтобы она никогда не смогла выйти замуж. Нисса присоединилась к пленному полководцу Митридата, Александру, с тем чтобы позднее ее провели в триумфе Лукулла. Нет никаких свидетельств о том, как именно спаслись Стратоника и ее сын Сифар, — но каким-то образом им удалось добраться до тайной крепости Кайнон Хорион, а Лукулл об этом не узнал.

Рис. 12.5. Царица, супруга Митридата, Монима пыталась повеситься на собственной диадеме — трагическая сцена, популярная в Европе в раннее Новое время. Рисунок Клода Виньона Старшего (1593–1670). Лувр, Rduion des Musdcs Nalionaux / Art Resource, N. Y.

Когда Лукулл завладел Кабирой, Бакхид прибыл в Фарнакию, чтобы выполнить свое страшное поручение. Это задание было как раз для него. Страбон описывает этого евнуха как безжалостного параноика, который всегда подозревал всех в измене. Бакхид заручился помощью других евнухов, чтобы казнить семью Митридата самыми удобными способами — чтобы они не попали в руки толпы римских легионеров.

Плутарх оставил для нас подробное описание этой горестной ночи: у него был доступ к рассказам свидетелей, которые потом попали в плен или дезертировали к римлянам. Эта сцена во всем ее душераздирающем ужасе вдохновляла художников, композиторов, поэтов и драматургов на воссоздание давней трагедии. Среди женщин

в Фарнакии были юная Береника и ее мать, спасенные со своего порабощенного острова Хиос — только для того, чтобы теперь погибнуть на штормовых берегах Черного моря. Монима, образованная греческая красавица, которая не соглашалась принять золото Митридата, настаивая на диадеме и титуле царицы, также оказалась в Фарнакии. Плутарх писал: «Явился Бакхид и велел женщинам самим умертвить себя тем способом, который каждая из них сочтет самым легким и безболезненным». Мы не можем узнать, что в тот момент было на уме у евнуха — когда он стоял там, держа в одной руке кинжал, а в другой — чашу с ядом. Однако последние слова некоторых женщин были записаны для потомства^[433].

Монима оплакивала свой неудачный брак. Разорвав пурпурную ленту, украшавшую ее волосы, она крутила ее в руках, рыдая: «Я обменяла свою свободу и красоту на плен в окружении варварских евнухов!» Митридат, говорила она, некогда обещал отвезти ее в Грецию, где она надеялась найти счастье. «Только во сне я видела то счастье!» Монима завязала диадему вокруг шеи и повесилась на потолочной балке. Однако лента порвалась. Сжимая в кулаке разорванные концы диадемы, она кричала: «Проклятый лоскут! И этой услуги ты не оказал мне!» Она плюнула на диадему и отбросила ее. Монима обнажила шею, чтобы Бакхид перерезал ее горло кинжалом.

Береника приняла чашу с ядом. Когда она поднесла ее к губам, ее мать закричала, умоляя Беренику поделить чашу с ней. Вместе они выпили яд, и дочь убедилась, что мать выпила больше. Доза немедленно убила старшую женщину, однако Береника была молодой и сильной. «Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отравы никак не могла прикончить», а Бакхид торопился — так пишет Плутарх. Евнух задушил девушку.

Рис. 12.6. Сестры Митридата Статира и Роксана принимают яд. Иллюстрация к пьесе Расина «Митридат», гравюра П.-Ж. Симона

Две незамужних сестры Митридата, Роксана и Статира, которым было уже за сорок, оказались следующими. Обе выбрали яд. Как и Монима, Роксана негодовала, осыпая брата проклятиями. Однако Статира спокойно выпила свою чашу и не произнесла не единого упрека. Вместо этого Статира попросила Бакхида передать брату ее благодарность. Даже когда его собственная жизнь была в опасности, заявила она, он не забыл о сестрах и наложницах. Она похвалила Митридата за то, что он сделал так, что они не будут страдать в руках римлян, но умрут на свободе — *eleutheria*^[434].

Глава 13.

Цари-изменники

Когда мы последний раз видели Митридата, его смела отчаянная толпа, убегая прочь из Кабиры. Древние источники говорят о том, что произошло дальше, но чувства царя мы можем себе лишь представить. Без сомнения, он раз за разом просматривал в своем воображении мучительную панораму его поражений на суше и на море. Беспокойство за товарищей и за свое царство смешивалось с картинами смерти, которой он лично повелел предать свою семью, царицу, любовниц, детей. Но, вне всякого сомнения, Митридат также заставлял себя думать дальше, просчитывать возможности на выживание. Если бы у него только была лошадь... Внезапно он слышит знакомый голос, зовущий его по имени, обращающийся к нему как к царю. Сквозь море беглецов он замечает Птолемея, одного из его советников-евнухов, и других друзей верхом на лошадях, ведущих мулов, нагруженных царскими сокровищами. Евнух предлагает царю сесть на его лошадь. Обменявшись поспешными словами, Митридат и его спутники направляют лошадей к Комане. Римская конница преследует их по пятам.

Их настигает передовой отряд галатов Лукулла. Кажется, это конец для неуловимого противника Рима. Но Митридат выхватывает кинжал и наклоняется, чтобы разрезать сумки на спине ближайшего мула. Водопад золотых монет устремляется вниз. Пока ссорящиеся друг с другом галаты собирают с земли золотой след царя, Митридат исчезает.

Эти жадные воины лишили Лукулла его добычи, великого врага, которого римляне преследовали почти двадцать лет, наполненных невзгодами и опасностью. Историю о том, как Митридат осуществил свой трудный побег, ослепив своих преследователей золотом, часто пересказывали в Риме. Это происшествие, казалось, подтвердило ощущение того, что кампания Лукулла была направлена скорее на то, чтобы завладеть сокровищами Митридата, чем на сокрушение

смертельного врага Рима. В сенате Цицерон сравнил уловку царя с разбросанным золотом и знаменитый побег ведьмы Медеи, разбросавшей разрубленные конечности своих жертв, чтобы отвлечь преследователей.

И еще одна группа легионеров нарушила приказ Лукулла — привезти живым личного секретаря Митридата. Каллистрат нес с собой личные бумаги Митридата, невероятно желанный приз. Римские воины действительно захватили Каллистрата, но затем убили его в схватке, произошедшей из-за его пояса с деньгами, набитого пятью сотнями золотых монет. Окровавленные личные бумаги царя были бездумно отброшены прочь, и впоследствии их так и не нашли (был ли среди них секрет формулы митридатия?)^[435].

Тем временем беженцы из Кабиры достигли Команы, Храма любви, где так давно Митридат останавливался с Дорилаем и его друзьями. К ним присоединилась конница из примерно 2 тысяч всадников. Маленькая компания Митридата включала ключевых игроков: полководца Таксила и других военачальников, полевого медика Тимофея и шаманов-агров. Пополнив запасы, беглецы поехали к Талавре, где Митридат укрыл фамильные ценности и золото. Затем они направились через горные проходы к Армении^[436].

Поскольку понтийский флот уже не господствовал на Черном море, а армия Митридата была уничтожена, поскольку все больше и больше людей дезертировало, он должен был ожидать, что его сын Махар заключит соглашение с римлянами. Единственная его надежда на собственное спасение была связана с Тиграном, который, разумеется, укрыл бы своего тестя. Но мог ли Митридат также каким-то образом убедить Тиграна — ныне самую серьезную защиту против римского владычества на Востоке — помочь ему вернуть свое царство?

Лукулл и его армия прибыли к Талавре четырьмя днями позже. Слишком поздно! Римский полководец получил удручающие известия. Его добыча вновь ускользнула. Митридат с 2 тысячами всадников уже проскользнул через границу в Армению, где правил всемогущий Тигран и его варварские орды.

Много грабежа, никакой добычи

В 70 г. до н. э. Лукулл окончательно потерял след своей цели. Когда он узнал, что Митридат также лишил его возможности захватить живыми членов царской семьи, Лукулл выразил сожаление по поводу потери невинных жизней. Историки изображают Лукулла человечным, но он сожалел и о потере трофеев, которыми можно было бы похвастаться в Риме. Отныне задача захватить или убить Митридата становилась недостающей кульминацией его миссии. Лукулл отправил невозмутимого молодого командира по имени Аппий для того, чтобы тот потребовал от Тиграна передать им беглого военного преступника.

Лукулл продолжил захват понтийских крепостей и осаду городов, оставшихся верными Митридату. Дед историка Страбона был местным понтийским лидером, контролировавшим пятнадцать крепостей. Но из-за того, что Митридат казнил некоторых его родственников за измену, дед Страбона решил сдать крепости Лукуллу. Это было ошибкой, как сообщает Страбон: римляне не только отказали в обещанной награде, но и после того, как Лукулл вернулся в Рим, его преемник Помпей арестовал деда Страбона и других родственников как вражеских военных.

Благодаря противоосадным орудиям Каллимаха Амис мог долгое время отбиваться от римлян. В конце концов Каллимах поджег город, прежде чем сбежать по морю. Пока пламя взбиралось по стенам, Лукулл безуспешно умолял войска спасти прекрасный город, прежде чем разграбить его. Но легионеры перекричали его, стуча щитами и копьями, требуя добычи. Они предавались мародерству и резне всю ночь, устраивая еще больше поджогов с помощью факелов. Лишь перед рассветом проливной дождь погасил пожары. Но разрушение было тотальным. Во время дневного привала Лукулл осмотрел руины и не смог сдержать слез. Каллимах лишил его возможности совершить великий жест милосердия. Лукулл принялся отстраивать Амис. Александр Великий восстановил демократию в городе, когда освободил его от власти Персии, и Митридат не был единственным лидером, пытавшимся следовать его примеру. Лукулл, будучи филэллином, намеренно напомнил о жесте Александра, заявляя, что он «освободил» разрушенный город от Митридата^[437].

В Синопе Митридат оставил главными евнуха и пирата. Они были необычной парой: Бакхид спас царских жен от участи худшей, чем смерть, а Селевк из Сицилии спас Митридата во время шторма. Они

решительно противостояли римлянам (хотя в какой-то момент Селевк рассматривал возможность истребить горожан и сдать город Лукуллу за вознаграждение). Когда стало очевидно, что Синопа падет, Бакхид и Селевк сожгли все свои военные корабли, набили сокровищем несколько пиратских судов и отправились в Колхиду.

Лукулл смог спасти Синопу от полного разрушения своими жаждущими трофеев людьми, но они убили более 8 тысяч синопцев. Лукулл лично разграбил самое ценное из собственности Митридата, включая его великолепную библиотеку, произведения искусства и научные приспособления. Два выдающихся трофея были отмечены Страбоном. Одним была статуя основателя города, аргонавта Автолика (синопцы пытались защитить ее, закутав ее в лен, но римляне обнаружили сверток, брошенный на морском берегу). Другим трофеем была вещь, взятая из дворца Митридата, «глобус Биллара». Этот астрономический «глобус», или «сфера» (термины, использовавшиеся для механических планетариев), не был описан Страбоном, но есть причины полагать, что это было известное изобретение. Митридат весьма интересовался технологией и собирал ценные предметы^[438].

Итальянский историк Аттилио Мастрочинкве выдвинул любопытную теорию. Могли глобус Биллара быть таинственным антикитерским механизмом, старейшим сложным научным приспособлением, которое когда-либо было найдено? Этот сложный бронзовый механизм с зубчатым приводом — первый компьютер в мире — был найден в 1901 г. водолазами на затонувшем римском корабле недалеко от Антикитеры, острова к северу от Крита. Трехсоттонный корабль затонул между 70 и 60 гг. до н. э. на пути к Италии, полный награбленного в Третьей Митридатовой войне. Водолазы также вытащили великолепные мраморные и бронзовые статуи, датированные монеты и украшенный орнаментом бронзовый трон — все сокровища, добытые из побежденных анатолийских городов, союзных Митридату, возможно включая Синопу. Станный бронзовый механизм, видимо, принадлежал Митридату или кому-либо из его окружения.

Рис. 13.1. Антикитерский механизм. Национальный музей Афин. Копия в Американском компьютерном музее, Бозмен, Монтана. Фото Мишель Маскиелль

В 2008 г. с помощью передовых технологий удалось дешифровать сложный принцип работы антикитерского механизма и обнаружить надписи. Технологическое совершенство механизма поражает: он рассчитывал точные передвижения небесных тел (особенно интересные для магов и Митридата). Заново обнаруженная надпись предполагает, что механизм был создан в 150–100 гг. до н. э. в Сиракузах или в Александрии (по крайней мере, как предполагают ученые), местах, связанных с известным ученым Архимедом. Похожий, но более старый «небесный глобус», изобретенный самим Архимедом, был выкраден из Сиракуз римлянами в 212 г. до н. э.

Исследователи, изучающие антикитерский механизм, в недоумении: каким образом это невероятное устройство, выполненное в традиции изобретений Архимеда, оказалось среди сокровищ Митридата, захваченных римлянами? Они предполагают, что механизм принадлежал проримскому греку, жившему в Родосе. Но идея Мэстросчинкве о том, кто антикитерский механизм мог быть потерянным глобусом Биллара, взятым Лукуллом из Синопа, довольно убедительна. Насколько мы знаем, Митридат водил дружбу с лучшими учеными и интересовался изобретениями. Мэстросчинкве утверждает,

что сфера Биллара была астрономическим приспособлением, и обращает внимание на то, что после Страбона она ни разу не упоминалась. Было бы удивительным совпадением, если два редких и важных «небесных глобуса» оказались бы потерянными в один и тот же период времени. Не будет неразумным предположить, что сфера Биллара из Синопы находилась на римском корабле с сокровищами, потерянном в море возле Антикитеры. Если Мастрочинкве прав, Митридат, с его страстью к изобретениям, Лукулл, набивший себе руку на грабеже редчайших ценностей, и удача водолаза все вместе дали нам уникальный шанс увидеть одну из вершин развития древней науки^[439].

После падения Синопы сын Митридата Махар, наместник царя Боспора и Скифии, отправил Лукуллу золотую корону стоимостью в 1 тысячу золотых монет — это с полной ясностью говорило о том, что Махар желает быть официальным «другом Рима». Согласно Плутарху, именно этот момент убедил Лукулла, что он решительно завершил войну с Митридатом^[440].

Однако Лукуллу было совершенно нечего делать, пока его человек, Аппий, не вернется с Митридатом на привязи. Лукулл пустил слух о своем намерении реорганизовать Понт как одну из римских провинций в Азии. Как мы видели, военный штраф Суллы в 20 тысяч талантов обернулся «невообразимыми и невероятными несчастьями», претворяемыми в жизнь сборщиками налогов, которые пытали и порабощали должников. Даже несмотря на то, что анатолийцы уже выплатили более 40 тысяч талантов ростовщикам, из-за завышенных процентов от налога невыплаченный публичный долг теперь равнялся 120 тысячам талантов, ошеломляющему количеству серебра. Все римские источники восславляют Лукулла за его честные попытки облегчить налоговый гнет и установить порядок в Анатолии^[441].

В 69 г. до н. э. от Аппия все еще не было слышно ни слова. Несмотря на это, Лукулл отметил свою победу над Митридатом празднествами, гладиаторскими состязаниями и жертвами. Единственным недостающим звеном был покоренный Митридат в цепях, царь, совершивший столь много преступлений против Рима и его союзников. Больше полутора лет прошло с тех пор, как Митридат и поисковый отряд Аппия исчезли в Армении. Где они могли быть?

Тигран Великий

Хитроумные советники Тиграна обещали отвести Аппия в Антиохию в Сирии. В течение многих месяцев они вели римлян обходными путями. Наконец бывший сирийский раб из команды Аппия указал прямой путь на Антиохию. Там Аппию было приказано ожидать царя царей, который был занят подчинением Финикии. Пока он ждал — целый год, — Аппий встретился со многими вассалами Тиграна. Они потчевали его различными историями о захватывающих дух богатствах и величайшем могуществе повелителя, который побеждал огромные нации и перемещал различные народы по всей территории Ближнего Востока.

В конце концов шахиншах Тигран явился в блеске своей славы, облаченный в красно-белую тунику, пурпурную мантию с позолоченными звездами и усеянную кометами тиару, верхом на белом коне с четырьмя вассалами, скачущими по сторонам. Пока его охранники заняли места на помосте со скрещенными на груди руками, монарх устроился на великолепном троне. Аппия призвали в большую залу. Это была первая встреча Тиграна с римским легатом. Не впечатленный всей этой пышностью и особой повелителя, Аппий грубо вручил ему письмо от Лукулла и на простом — и довольно неделикатном — (вероятно, греческом) языке пересказал суть своей миссии. «Приветствую, Тигран. Лукулл, император римской армии и правитель провинции Азии, послал меня, чтобы я позаботился о Митридате, который должен быть доставлен в Рим в качестве пленника в знак нашего триумфа. Сдайте Митридата сейчас же. Если вы этого не сделаете, Рим объявит вам войну».

Забавно описывает это Плутарх: «Возможно, в двадцать пять последних лет с его величеством никто не разговаривал при дворе так грубо. Тиграну пришлось сделать усилие, чтобы сохранить благостное выражение лица во время речи Аппия». Но все присутствующие содрогнулись, когда надменный римлянин не обратился к Тиграну как к царю царей. Каждый ощущал гнев Тиграна. Но Тигран спокойно ответил: «Я не выдам Митридата. Если Рим начнет войну, царь царей сможет защититься. Вы можете быть свободны».

Аппий готовился к отъезду. Его прервали слуги Тиграна, сгибавшиеся под тяжестью дивных прощальных даров. Аппий

отказался от них. Прибыли другие. Аппий выбрал одну простую серебряную чашу и «со всей скоростью поспешил присоединиться к императору Лукуллу».

Когда Аппий вернулся с одной лишь пустой серебряной чашей, Лукулл почувствовал необходимость поспешить с резким ультиматумом. По словам Плутарха, война, которая была объявлена против Митридата и началась в далеком 88 г. до н. э., — война, которую Лукулл дважды объявлял и выиграл, — внезапно перешла в «бездумную атаку на гигантскую территорию». Ведомый гордостью и жаждой славы, Лукулл решил бросить все силы на участие в бескрайней войне на неведомых землях, простирающихся от Кавказа до Красного моря, от Антиохии до Селевкии, против дикой местности — глубоких рек и безымянных пустынь, и непроходимых гор, покрытых вечным снегом, защищенных «несказанными тысячами воинов-кочевников родом из бесчестных воинственных племен». Воины Лукулла, непокорные в лучшие времена, были на грани восстания, когда услышали приказ о выдвижении против империи Тиграна. Еще раньше Лукулл сыграл на страхе своих людей перед варварскими армиями Тиграна. Более того, как знали Тигран и Митридат, у Лукулла не было власти и полномочий, чтобы организовать кампанию, которая должна была проходить уже за Евфратом. В Риме в то время был мощный протест в сенате: популяры обвиняли Лукулла в осознанном продлении бессмысленной войны с целью увеличить личную власть и прибыль. Лукулл был явным агрессором в этой новой кампании.

Оставив два наименее надежных легиона (дерзких фимбрианцев) занять Понт, Лукулл направился в Армению с 12 тысячами пехотинцев и около 3 тысяч конницы для сражения с Тиграном и ареста Митридата, чье местонахождение оставалось неизвестным^[442].

Одинокая крепость

Мы оставили Митридата, когда он скакал в Армению с 2 тысячами всадников. Тигран организовал для Митридата возможность остаться в одном из своих охотничьих владений и приказал местным предоставить все необходимое и развлечения — поваров, актеров,

музыкантов, хорошее армянское вино и танцовщиц. Учитывая всем известную любовь Митридата к истории и литературе, вероятно, греческая классическая литература также была под рукой. Это долгое промедление — год и восемь месяцев, если быть точным, — в Армении было необходимой передышкой^[443].

Здесь, в безопасности, Митридат мог оплакать свои ужасающие потери. Но из того, что известно о его характере, достижение душевного спокойствия не займет у него много времени. Необходимость укрыться в горной крепости могла пробудить в нем сладкие и одновременно печальные воспоминания о том, как он бродил по Понту со своими друзьями в тревожные годы после убийства его отца. Как в рассказах древности и мифах Греции и Персии, в которых герои преодолевали невозможные напасти, бедствия, думалось, закалили Митридата. Казалось, что Лукулл сейчас потерпел полный провал, но опасность оставалась — рано или поздно римляне возобновят войну. Как ему подготовиться? После бегства из Кабиры в 70 г. до н. э. Митридат вернулся к основам выживания, по сути дела это была более взрослая версия его юношеского изгнания, когда он вел бродячий образ жизни, нанося косвенные удары и избегая прямого конфликта. Что бы ни ждало его, поражение или победа, Митридат собирался остаться в движении до конца своих дней — это была его личная и военная стратегия.

В течение почти двух лет, проведенных в Армении, Митридат и его советники разработали новые тактики, которые будут определяющими на оставшемся этапе его грандиозной борьбы с Римом. На новый подход его отчасти вдохновила классическая история — рассказы Геродота и Ксенофонта о конфликтах между Персидской империей и Скифией и более поздние сообщения о реформировании конницы Александром в Афганистане. Югурта и Аристоник также применяли методы «асимметричного» ведения войны против римлян. В прошлом Митридат полагался на генеральные сражения, отправляя свои превосходящие числом войска гоплитов, выстроенные в жестком порядке, маршировать в долину для решающей битвы. В грядущих же столкновениях ключевыми станут атаки легкой подвижной кавалерии. С этого момента его военная стратегия будет такой же, как его дипломатические ходы: он будет искать слабые места, наносить

ложные удары, делать резкие выпады и отходить, оставляя римлян в недоумении, вымотанными, без возможности ударить в ответ.

Как же еще проводили свой день беженцы из Понта, помимо изучения ошибок прошлого и планирования стратегий? Скорее всего, Митридат и его люди поддерживали превосходную физическую форму с помощью военных тренировок и соревнований атлетов. Другим времяпрепровождением могло быть посещение армянских храмов любви, похожих на храмы в Понте и Каппадокии. Разбросанные по Армении, эти идиллические святилища были временными спальнями для девушек, посвященных богине Анаитис (Анахит) в течение года до свадьбы. Многие из этих молодых женщин происходили из богатых семей. Согласно Страбону, они выбирали сексуальных партнеров соответствующего социального статуса и щедро одаривали мужчин. Энергичного царя Митридата, должно быть, встречали с распростертыми объятиями. В озерах и реках Армении водились бобры — возможно, их тестикулы были источником известной силы Митридата.

Пастбища Армении давали обильный корм для лошадей, а Митридат и его люди могли охотиться на оленей, кабанов, львов, рысей, медведей, снежных барсов и птицу. Высокогорные плато изобиловали травами и дикими цветами. В пору короткого лета горный воздух наполнялся ароматом шалфея, можжевельника и чертополоха, пахнущего жимолостью, который называли «цветами солнца», священными для зороастрийцев. Помимо сияющих желтизной ирисов, горные склоны были усыпаны ядовито-голубыми аконитами, загадочным наркотиком *silphium* и необычным паразитом полыни с лилово-малиновыми лилеобразными цветками. Другое интересное, крайне ядовитое растение несло свисающие гроздья темно-красных ягод на длинном стебле. Примерно 10 процентов из тысяч видов растений Армении признаны современными учеными лечебными. Митридат и его лекари, вероятно, знали их все и даже больше. Богатые жилы золотой руды и пурпурного армянского мышьяка залегают в горах. В течение года мы можем представить Митридата и его агров собирающими и испытывающими новые ингредиенты для противоядий^[444].

Плутарх писал, что Тигран оскорбил Митридата тем, что выслал его в отдаленную негостеприимную землю. Но свидетельства

указывают на то, что цари выказывали друг другу взаимное уважение и понимание^[445]. Они оставались друзьями с тех пор, как заключили союз в 94 г. до н. э. На деле их политика, конечно, различалась: царь Тигран, которому было около семидесяти, был настоящим автократом, плохо осознающим угрозу Рима, тогда как Митридат, в возрасте около шестидесяти пяти, перенял демократические традиции и уже несколько десятилетий имел дело с Римом. Они оба были наделены удивительной физической силой и живостью ума, сохранявшимися в течение всей их долгой жизни (не получал ли Тигран, как один из друзей царя, ежедневную дозу Митридатия?). Оба правителя воспитывались для отправления персидских огненных культов, и каждый верил в то, что божественная комета Митры благословила их правления. Несмотря на то что Митридат восторгался греческой культурой куда больше, чем Тигран, у них была общая персидская культура, они разделяли любовь к охоте, образованность и грандиозные амбиции. Более того, у них были общие цели, и каждый из них ненавидел Рим как некую темную силу, противостоящую справедливости. Другой крепкой связующей нитью была дочь Митридата Клеопатра — она была избранной женой Тиграна и советником, которую он ценил выше младших жен.

Верный военный союзник, готовый откликнуться на призыв, Тигран никогда не выражал особого энтузиазма по поводу Римских войн Митридата, предпочитая не привлекать к своей империи внимание Рима. Империя Митридата была удобным буфером. Вместо того чтобы отмахнуться от Митридата, Тигран позаботился о безопасности и удобстве Митридата на расстоянии, не вызывая гнева Рима. А затем просто вернулся к своим делам — пока Аппий не привез оскорбительное требование Лукулла.

Ультиматум Лукулла побудил Тиграна лично встретиться со своим тестем. Тигран сердечно принял Митридата у себя во дворце. Воссоединение с царицей Клеопатрой имело особое значение, учитывая судьбу многих детей Митридата. Два правителя провели вместе три дня наедине. Без переводчиков. Без свидетелей. Основываясь на документах, найденных после смерти Митридата, Плутарх предполагал, что их разговор вращался вокруг обвинения других. Он указал на случай с Метродором (Ненавистником Римлян), долгое время пользовавшимся благосклонностью Митридата, который

был отправлен с просьбой о помощи к Тиграну. Тигран признался, что Метродор убедил его удовлетворить просьбу, но затем честно заявил, что это может быть не в интересах Армении. Философ таинственным образом погиб. Плутарх предположил, что Метродор, возможно, был убит Митридатом, чье изумительное чутье на предателей сохраняло ему жизнь больше полувека^[446].

Убить гонца

Два правителя, несомненно, обменивались сведениями о тех, кому можно доверять, но кроме этого они также говорили о практических, неотложных вопросах. Тигран щедро передал старому другу 10 тысяч лучших армянских всадников. С вновь обретенной надеждой Митридат собирался отправляться из охотничьего лагеря в Понт с новой армией. Тигран думал, что вопрос исчерпан.

Но именно тогда прибыл гонец, крича, что приближаются римляне. Прежде чем он успел перевести дух, царь царей отрубил ему голову за нарушение спокойствия. Как говорит Мак-Гинг, Тигран разумно предположил, что это сообщение было ложным; он был уверен в том, что Лукулл не имел полномочий для вторжения в Армению. Это было логичное умозаключение, но Лукулл следовал собственным абсурдным планам, яростно напав на Армению, потому что Тигран отказался выдать Митридата. После того как Тигран казнил гонца, никто больше не осмеливался оповестить царя о приближении Лукулла. Можно с уверенностью предположить, что никто не говорил и о сильном землетрясении, которое не так давно уничтожило несколько городов Сирии. Землетрясение убило 170 тысяч человек; предсказатели толковали его как знак того, что власть Тиграна над Сирией вскоре закончится. В отличие от Митридата, который всегда искал самых последних новостей, какими бы они ни были ужасными, царь царей, писал Плутарх, оставался в коконе «неведения, пока пламя войны пылало кругом»^[447].

Пока Тигран со своей армией стоял лагерем в Таврических горах, Лукулл уговорил недовольные войска в 15–20 тысяч человек перейти через Евфрат в Армению. Его целью был Тигранакерт, где находились жены и прочие ценности Тиграна. Лукулл предполагал, что атака на

город вынудила бы Тиграна на сражение и после его поражения он выдаст Митридата. А легионерам будет вдоволь добычи. Хотя город еще строился, стены Тигранакерта возвышались на 70 футов. Часть войска римлян расположилась для осады, Лукулл же встал лагерем в долине на другом берегу Тигра.

Наконец храбрый полководец Тиграна Митробарзан осмелился доложить его величеству о римском вторжении и угрозе, нависшей над Тигранакертом. Митридат, в охотничьем лагере, также получил невероятные вести от одного из своих шпионов. Митридат немедленно отказался от планов по восстановлению своего царства и с конницей повернул обратно на помощь Тиграну. Такое развитие событий было волнующим, если не пугающим — появился шанс разбить римлян, прибегнув к огромным силам Тиграна. Митридат отправил вперед письма и гонцов к Тиграну, предлагая замечательное решение, основанное на его собственных неудачах и новых идеях касательно противостояния легионам. «Не бей римлян в лоб, — предупредил он. — Измотай их и окружи конницей. Опустоши местность, чтобы изнеможение и голод сократили их численность». Митридат отправил вперед полководца Каксила с теми же словами: «Обороняйтесь! Избегайте прямых столкновений с непобедимыми римлянами».

Но Тигран решил атаковать в лоб. Решение не было безумным, если учесть численное превосходство его войск, но было бы лучше, последуй он мудрому совету Митридата: уж он-то знал, какой героизм способны проявить римляне, даже если уступают противнику числом. Согласно Плутарху и Аппиану, Тигран собрал войско примерно в 250 тысяч человек, в числе которых 20 тысяч лучников-кочевников и пращников и 55 тысяч конницы (17 тысяч из них — катафракты, конные воины в тяжелой кольчуге, несущие длинные копья, верхом на крупных нисейских лошадях в броне). Последними шло множество плотников, строителей дорог и мостов, носильщиков, конюхов, поваров, снабженцев и семей, всего 35 тысяч человек. Традиционно обученные гоплиты или же племенные воители (как яростные охотники за головами из Таврических гор), каждая группа в национальном доспехе, с традиционным оружием и сотней диалектов, — эта колоссальная варварская сила была собрана из Армении, Мидии, Сирии, Коммагены, Адиабены, Аравии, Парфии и Бактрии^[448].

Внутри строящегося города находился еще один «бурлящий котел» населения Тигранакерта из каппадокян, евреев, греков, арабов, ассирийцев, жителей Адиабены и Кордуены (Гордиены) и прочих безымянных переселенных народов — в том числе значительное количество профессиональных актеров, — все они были переселены Тиграном и теперь находились в окружении римлян.

Тигран повел свою могучую армию к подножию Таврических гор. Царица Клеопатра была в безопасности в Артаксате, старой укрепленной столице Армении. Но, как и предполагал Лукулл, Тигран беспокоился о том, что римляне могут захватить его младшую жену Зосиму и остальной гарем в Тигранакерте. Митридат не смог защитить свой собственный гарем во время обороны Понта. Возможно, он или Таксил помог спланировать спасение гарема Тиграна на основе новой стратегии удара и отступления. Неожиданно 6 тысяч кочевников прорвали римское окружение, осадившее город. Всадники промчались к башне, грубо схватили жен Тиграна, детей и ценности и поскакали обратно.

С холма, возвышавшегося над рекой Тигр, Тигран и его старший сын (Тигран, от Клеопатры) смотрели на армию римлян, похожих на муравьев, на другом берегу реки. Они казались такими незначительными. Люди Тиграна отпускали колкие шутки о проклятых римлянах, пока его армянские, мидийские и адиабенские полководцы лениво прикидывали, как будут делить добычу. Знаменитая остроумная фраза Тиграна вошла в историю как парадоксальные последние слова: «Если это послы, то их много, если же враги, то их чересчур мало!»

Только Таксил, опытный полководец Митридата, с беспокойством глядел на римлян, облачающихся в сияющие шлемы и доспехи, поднимающих начищенные щиты и штандарты и выстраивающихся в боевой порядок. Где был Митридат? Он был в пути, но не видел необходимости торопиться, ведь он предполагал, что Лукулл будет приближаться осторожно, как он делал это в Вифинии и Понте. Никто не предполагал, что Лукулл спровоцирует сражение^[449].

Однако стратегия Лукулла была полностью противоположна тому, чего ожидал Митридат. Seriously уступая по численности войск, римляне прибегли к молниеносной атаке на громоздкую армию Тиграна. Для Лукулла, скачущего во главе своей армии, в красном

плаще с золотыми кистями, в металлическом нагруднике, сияющем в лучах октябрьского солнца, это был звездный час. Наконец-то его люди были впечатлены. Спешившись, Лукулл поднял меч и закричал: «Этот день — наш, мои верные воины!» Он подал сигнал к атаке прежде, чем лучники Тиграна успели выстрелить, и приказал фракийской и галатской кавалерии нанести удар по вражеской тяжелой коннице с тыла, не оставляя ей времени для маневра.

Не веря в то, что такая ничтожная сила могла пойти в атаку, Тигран мог лишь выдавливать из себя одни и те же слова раз за разом: «Что?! Они действительно напали на нас!» Поражение было сокрушительным. Стена катафрактов Тиграна спешно развернулась и отступила, мчась по собственной же пехоте, растапывая десятки и тысячи. Тяжелая конница Тиграна столкнулась с обозами. Смятение и ужас одолели людей. Римляне резали и преследовали бегущего противника до самой ночи. В кои-то веки легионеры Лукулла следовали командам и не останавливались ради добычи, миля за милей оставляя сияющие доспехи, оружие и украшения лежащими на земле.

Лишенный мечты о легкой победе, в ужасе от катастрофического поражения, Тигран с сыном и приближенными поспешил к предгорью. В порыве чувств царь царей снял свою тиару и передал ее сыну, настаивая на том, чтобы тот спасал свою жизнь. Не желая выделяться как член царской семьи, царевич доверил тиару на сохранение рабу. Отец и сын разными дорогами отступили в горы.

Лукулл потерял всего 100 человек ранеными и 5 убитыми, в то время как, по его утверждению, более чем 100 тысяч пехоты Тиграна и большая часть его кавалерии погибли. Многие сбежали, многие были взяты в плен. Среди пленных оказался раб, хранивший тиару Тиграна: его пленение объясняет то, что мы знаем о личной реакции Тиграна на результат битвы. Древние и современные историки восхищаются этим великолепным поражением, битвой, не знавшей равных. Никогда еще римляне не сражались с противником, настолько их превосходившим числом, и никогда еще они не выигрывали сражение столь уверенно, несмотря на чудовищный перевес. А. Дугган в 1950-х годах описал битву в расистско-колониальных терминах, сравнивая сирийских и месопотамских воинов с «немогущим скотом» и замечая, что «пустынные арабы думают только о том, как бы присоединиться к

сильной стороне». Дугган даже утверждал, что исход битвы был ярким примером превосходства Запада над «раболопными азиатами»^[450].

И все же разномастная, нелепая армия Тиграна, напоминавшая великую многонациональную армию Ксеркса в 480 г. до н. э., до сих пор была невероятно успешна. Очевидно, однако, что многочисленные и многоязычные силы Тиграна страдали от проблем с логистикой, дисциплиной и командованием — очень похожих на те, с которыми столкнулся Ксеркс. Войска Тиграна были плохо подготовлены, стратегия «блицкрига» Лукулла и его опытные легионеры застали их врасплох. Действительно, историки отмечают военные успехи Лукулла: неспешно и осторожно изматывал быстрого как молния Митридата и теперь с помощью скорости и неожиданности разбил тяжелую военную машину Тиграна. И все же, несмотря на все его успехи в битвах, Лукуллу не удалось схватить Митридата или Тиграна и предупредить их возвращение с новыми силами.

Восстание из пепла

Спускаясь с гор в долину Тигра со своими 12 тысячами всадников, Митридат не знал, что битва была уже проиграна. Его сердце упало, когда он встретил первых воинов Тиграна, в панике бегущих прочь. Насчитав тысячи раненых беглецов, несущихся вверх по равнине, Митридат оценил масштаб катастрофы. Можно было бы ожидать, что в этот отчаянный момент Митридат, переживший волну личных несчастий и лишившийся надежды на возвращение даже его собственного Понтийского царства, упрекал Тиграна за его глупое высокомерие и желание спасти только самого себя. Но, как отмечает Плутарх, действия Митридата были в его духе и заслуживали похвалы: вместо того чтобы бросить Тиграна, он продолжил спускаться с гор в поисках своего старого друга.

Рис. 13.2. Слева: портрет Митр и дата на монете 75–74 гг. до н. э. По мере нарастания кризиса изображение Митридата с дико растрепанными волосами на монетах становилось более похоже на Диониса, чем на Александра; судя по всему, монеты чеканились в спешке. Серебряная тетрадрахма, 1944.100.41479, передана Э.Т. Ньюэллом, Американское нумизматическое общество. Справа: Тигран Великий. Getty Images

Митридат нашел царя рыдающим в одиночестве на обочине дороги, несчастного и униженного, лишившегося тиары и подчиненных. Спустившись с лошади, Митридат обнял Тиграна, и они оплакали свои несчастья. Но Митридат быстро вернул себе самообладание и решительность. Покрыв плечи Тиграна своим плащом, он предложил ему свою лошадь. Он не переставал ободрять его, когда они повернули в сторону гор и поспешили в Артаксату. Митридат, вероятно, убедил Тиграна, что они все еще могут выполнить свои великие — и теперь переплетенные — предназначения. Результат этой битвы должен был убедить Митридата, что его новая стратегия непрямой войны была единственным способом противостоять римлянам^[451].

Перед лицом ужасных потерь разгромленные цари начали вынашивать планы по созданию новой армии. Тигран любезно назначил Митридата командующим и стратегом их новых объединенных сил, отдавая должное мудрости своего старого друга и его опыту в борьбе с римлянами.

Миссия невыполнима

Когда Митридат и Тигран скрылись в Северной Армении, Лукулл остался на равнине, намереваясь осадить Тигранакерт. Впервые римляне столкнулись с необычным секретным оружием — горячей субстанцией, которая сжигала все: дерево, металл, кожу, лошадей и человеческую плоть. Это вещество, поражается Дион Кассий, «настолько горючее, что сжигает все, к чему прикасается, и его трудно потушить какой-либо жидкостью»^[452].

Многие люди и машины были сожжены, но в конечном итоге Лукулл взял имперский город после того, как наемники Тиграна открыли ворота. Он захватил царские хранилища с 8 тысячами серебряных талантов, невообразимо дорогие одежды, украшения и другие драгоценности. Каждый легионер получил по 800 драхм (что равнялось более чем двухгодичному жалованью) и столько добычи, сколько он мог унести. Обнаружив группу актеров, спрятавшихся в театре, он приказал поставить спектакли, чтобы отпраздновать победу. Затем, приказав своим людям разрушить Тигранакерт до основания, римский полководец спас жен знатных людей от изнасилования и организовал возвращение выходцев из Каппадокии на родину. От Тигранакерта не осталось и следа. Его местонахождение неизвестно, хотя в 2006 г. армянские археологи объявили о захватывающей находке: рядом с Тигром они обнаружили стены огромного хорошо укрепленного эллинистического города^[453].

Вдохновленный успехом, Лукулл решил не придавать значения тому, что Митридат и Тигран были свободны и скрывались на севере. Повернув к востоку, он атаковал Самосату, богатый город Коммагенского царства, небольшого государства на Евфрате. Будучи союзником Митридата и Тиграна, Самосата контролировала стратегически важные торговые пути из Азии на север в Понт. Но жители Самосаты использовали то же ужасающее оружие, что и защитники Тигранакерта: «воспламеняемую тину, так называемую мальту, которую извергают пруды в пустыне», как писал Плиний.

Защитники выливали на римлян мальту со стен. Она прилипает, как горящий мед, к каждому, кто пытается убежать, говорит Плиний, а вода только сильнее разжигает это пламя. Мальта уничтожила осадные

машины Лукулла и расплавила оружие и плоть его бойцов. Зажигательные смеси были хорошо известны на Среднем Востоке почитателям Ахурамазды и Митры, но еще неизвестны Риму. Мальта была вязкой, легковоспламеняемой нефтью, добывавшейся из нефтяных озер в пустынях Северного Ирака, Сирии и Восточной Турции.

Страх перед горячей мальтой заставил Лукулла отступить от Самосаты. Вступив в Кордуену, его армия пострадала от еще одной биохимической атаки. Лучники на лошадях внезапно набросились на войско, их стрелы летели даже тогда, когда они уже скакали прочь и исчезали в холмах. Лукулл потерял множество людей в этих стычках. Их раны были «очень опасны и неизлечимы», писал Дион Кассий. Кочевники не только обмакивали железные наконечники стрел в смертельный яд, но и сами эти наконечники были сделаны так, чтобы обламываться внутри раны^[454]. Лукулл отступил к Тигру, его легионеры решительно протестовали против трудностей и отсутствия новой добычи. После первой волны побед и добычи кампания теперь казалась бесконечной и бесцельной. Почему они продолжали сражаться с новыми врагами-варварами в этих богом забытых землях, пока цари-изменники Митридат и Тигран спешили к Артаксате?

Если верить Плутарху, Лукулл убедил себя, что он уже нейтрализовал Митридата и Тиграна. Они были стариками, говорил себе Лукулл, недостойными более внимания. Как атлет в триатлоне, писал Плутарх, Лукулл мечтал теперь о покорении Большой тройки, величайших империй, известных миру. Сначала Митридат, затем Тигран, а теперь — Парфия! Военная сила Парфии неуклонно росла на территориях, где сейчас находятся Ирак и Пакистан. Связанный с Митридатом и Тиграном свободным договором, царь Парфии отказался пообещать, что сохранит нейтралитет. Используя этот отказ, чтобы оправдать свое вторжение в Парфию, Лукулл отправил посланника в Понт с приказами для двух легионов — «паршивых овец», «фимбрианцев», — оставленных в царстве Митридата. Они должны были соединиться с ним в Месопотамии, чтобы помочь в завоевании Парфии.

Но два легиона «фимбрианцев» отказались подчиняться — они угрожали покинуть Понт. Известия об их мятеже достигли легионеров Лукулла на Тигре. Они бранили Лукулла за то, что он повел их на

такое опасное и сумасбродное дело. Так внезапно Лукулл, несмотря на свой блистательный талант стратега, перестал быть полководцем римской армии на Востоке. Его авторитет испарился. Лукулл, который со всем своим мужеством и умом никогда не умел понять нужды простых воинов, был теперь никем посреди непокорной и изнуренной битвами толпы^[455].

В это время в Армении

В 69 г. до н. э. Митридат и Тигран, действуя из своей базы в Артаксате, без устали прочесывали страну вдоль и поперек, чтобы собрать новые армии. Они наняли бойцов из Армении и воинственных племен Колхиды, Кавказа и закаспийских степей. Митридат, как главнокомандующий, лично отобрал 70 тысяч армян для формирования пехоты. Остальные были заняты в производстве оружия и доспехов. Таксил разделил новую армию на когорты римского типа и обучил их римским тактикам сражения: это было необходимо, чтобы выдворить римлян из Понта.

Но Митридат также серьезно относился к своему греко-персидскому наследию, опыту Дария и Александра. Он рассчитывал на маневренность небольших подвижных формирований, которые могли бы разбить римлян в Армении и восточных областях Понта, где продвижение кавалерии Лукулла было бы сковано неровностью местности. Митридат набрал необыкновенно многочисленную кавалерию, около 35 тысяч всадников и всадниц с Кавказа (между Черным и Каспийским морями) и закавказских регионов. У кочевников Кавказа и степей каждый мужчина и каждая женщина были потенциальными воинами, поскольку оба пола обучались верховой езде и стрельбе из лука (что повлияло на греческие и римские мифы об амазонках). Эта легковооруженная проворная кавалерия верхом на низкорослых лохматых лошадях должна была стать ударной силой новой армии Митридата.

Вероятно, именно во время набора войск Митридат встретил всадницу из кочевников по имени Гипсикратия («Сила гор»). Ее возраст неизвестен, но она могла быть лет на тридцать или сорок младше Митридата. Исходя из ее имени, можно предположить, что ее

родиной был Кавказ. Гипсикратия сначала занимала должность царского конюха, ухаживая за его лошадьми; затем она стала его личной прислугой и любовницей. Они вместе наслаждались охотой и верховой ездой. Выносливость и смелость амазонки соперничали с царскими, а учитывая любовь Митридата к литературе, истории, искусству и образованным женщинам, можно также предположить, что она была под стать ему и по уму. Отдавая должное ее «мужественной натуре и необыкновенной смелости», он звал ее мужским вариантом ее имени — Гипсикрат. Отношения Митридата и Гипсикратии напоминают знаменитые мифические пары — Тесея и Антиопу, Ахилла и Пентесилею, Геркулеса и Ипполиту, — он знал также и историю об Александре и царице амазонок с Кавказа. Как мы увидим, Гипсикратия будет поддерживать Митридата в его авантюрах^[456].

Митридат и Тигран собрали в хранилищах огромные запасы зерна и отправили послов в Парфию с просьбой прислать денег и войска. Личное письмо Митридата к парфянскому царю приводит римский историк Саллюстий. Написано ли это письмо рукой самого Митридата или нет — предмет спора историков, однако его содержание и стиль соответствуют другим его письмам и речам. Митридат сохранял копии своей переписки — они были обнаружены после его смерти — и действительно имел дружеские отношения с Парфянской царской династией в начале своего правления (они были включены в число его друзей на памятнике на острове Делос). Вот выдержка из письма 69 г. до н. э., демонстрирующего ненависть Митридата к Риму и дипломатию убеждения (так сильно отличающуюся от подхода Лукулла и Аппия)^[457].

«Царь Митридат шлет привет царю Аршаку (начало письма). Все те, кого в счастливые для них времена просят принять участие в войне, должны подумать, будет ли им тогда дозволено сохранить мирные отношения, затем — достаточно ли справедливо, безопасно, достойно или же бесчестно то, что у них испрашивают. Что касается тебя, то если бы тебе было дозволено наслаждаться постоянным миром, если бы злейший враг не был вблизи твоих границ и если бы разгром римлян не должен был принести тебе необычайную славу, то я не осмелился бы просить тебя о союзе и понапрасну

надеялся бы связать свои несчастья с твоими счастливыми обстоятельствами.

Ведь у римлян есть лишь одно, и притом давнее, основание для войн со всеми племенами, народами, царями — глубоко укоренившееся в них желание владычества и богатств. Или ты не знаешь, что римляне, после того как Океан преградил им дальнейшее продвижение на запад, обратили оружие в нашу сторону и что с начала их существования все, что у них есть, ими похищено — дом, жены, земли, власть, что они, некогда сброд без родины, без родителей, были созданы на погибель всему миру? Ведь им ни человеческие, ни божеские законы не запрещают ни предавать, ни истреблять союзников, друзей, людей, живущих вдали и вблизи, ни считать враждебным все, ими не поработенное, а более всего — царства».

Митридат критикует лицемерие римлян и их предательство в отношении тех, кого они на словах считали друзьями. «Римляне ограбили Анатолию на 10 тысяч талантов, когда предали Антиоха Великого; они сделали рабом царя Пергама Эвмена; они подделали завещания Аттала III и Никомеда IV, чтобы взять власть над Анатолией». Затем Митридат описывает убийство римлянами трагического героя Аристоника, настоящего сына царя Аттала. То, что он вспоминает восстание Аристоника через более чем пятьдесят лет, говорит о том, что бунт «граждан солнца» все еще помнили на антиримском востоке вплоть до Парфии, места, где зародился персидский культ солнца.

«У тебя большие силы в виде людей, оружия и золота, поэтому я и стараюсь заключить с тобой союз, а римляне — тебя ограбить. Теперь, пожалуйста, и рассуди, что будет в случае нашего поражения: станешь ли ты сильнее, чтобы оказать сопротивление, или же, по-твоему, война окончится? Войне с римлянами нет конца. Они должны быть сокрушены».

Здесь Митридат делает свой выпад: «Заключи с нами союз. Мое намерение, раз царство Тиграна не затронут войной, а мои солдаты искушены в военном деле, — закончить войну вдали от твоей страны, малыми твоими стараниями, при нашем личном участии; но в этой войне мы не можем ни победить, ни быть побеждены без опасности для тебя». Он заключает: «Нас же они ненавидят за то, что мы мстим за всех поработенных ими. А ты, владеющий Селевкией, величайшим

из городов, и Персидским царством с его знаменитыми богатствами, чего ждешь ты от римлян, если не коварства ныне и не войны в будущем? Больше всего ожесточены они против тех, победа над кем сулит им огромную военную добычу; дерзая, обманываемая и переходя от одной войны к другой, они и стали великими. При таком образе действий они все уничтожат или падут».

Митридат потерял своего сильного союзника на Западе. Сертория. Спартак был мертв. Теперь он надеялся убедить Парфию, что Рим несет серьезную угрозу и что в интересах Парфии помочь Митридату и Тиграну. Однако в итоге царь Парфии, проведя переговоры и с Митридатом, и с Лукуллом, отказался помогать обеим сторонам.

Лукулл гоняется за тенью

Мятеж войск заставил Лукулла оставить мечту о подчинении Парфянской империи. Летом 68 г. до н. э. Лукулл вновь поставил перед собой давнюю цель — вырвать Митридата из-под защиты Тиграна (ведь пока Митридат был жив, он был угрозой для Рима). Легионеры Лукулла согласились отправиться в штаб Тиграна в Артаксате, спроектированной Ганнибалом. Лукулл любил называть Артаксату «Армянский Карфаген»^[458].

На пути в Армению римляне, к своему удивлению, не нашли никакого провианта, несмотря на то что стояла середина лета. Высокое армянское плато от 4 до 7 тысяч футов (1,2–2,1 км) окружено заснеженными горными цепями высотой 10 тысяч футов (3 км). На таких высотах фрукты и зерно еще не успели созреть. Воинов постоянно беспокоили нападениями лучники верхом на лошадях. К великому ужасу легионеров, эти воины — мужчины и женщины — совершали набеги типичными для кочевников маленькими отрядами, нападали и разбегались. Римлянам этот способ сражаться казался трусливым. Но он был успешен: легионы находились под постоянным огнем, не имея возможности перевести дух.

Наконец огромное облако пыли возвестило о приближении Тиграна и Митридата. Два вражеских командира появились, окруженные с двух сторон кавалерией из Атропатены (Азербайджан), во главе настолько великолепной и мощной армии, что Лукулла

внезапно охватил страх. Он развернулся, чтобы атаковать фланговые отряды из Атропатены, но они скрылись в холмах вместо того, чтобы встретиться его лоб в лоб. Возможно, именно в этой битве македонские всадники Лукулла начали массово переходить на сторону Митридата^[459].

Лукулл не мог вступить в сражение ни с Тиграном, ни с Митридатом. Они превратились в постоянно исчезающие тени. Лукулл, словно пес, шел за ними по пятам. Он захватил множество пленных и собрал большое количество экзотических трофеев. И все же каждая новая стычка не становилась решающей. Казалось, что Лукулл и его армия преследуют иллюзию. За мимолетными столкновениями следовала давящая тишина. Они ни разу не потерпели поражение по-настоящему, но и выиграть сражение никак не могли. К осени Лукулла завели на армянские высокогорья с золотисто-коричневой пожухлой травой и щелочными озерами. Плутарх пишет, что он все еще надеялся на решающее сражение, которое бы «окончательно сломило сопротивление врага».

Плутарх, Аппиан и другие античные (и современные) историки подвергли критике «слабые» военные действия Митридата, Тиграна и их армии варваров, обвиняя их в «позорном» бегстве. Аппиан, например, заметил, что в течение всего лета и осени Лукулл не мог «вызвать Митридата на битву». Плутарх даже утверждал, что Митридат «с позором сбежал», поскольку «не могу выносить криков» и шума битвы. Варварские воины «не блистали в сражении», продолжает Плутарх, «даже в незначительной стычке с римской кавалерией они освобождали дорогу идущей вперед пехоте, рассыпаясь налево и направо». К великому раздражению римлян, атропатенские и гордиенские всадники неуклонно скакали прочь, вместо того чтобы «встретиться с римлянами в ближнем бою». «Преследование было продолжительным и утомительным. Римляне, — заключает Плутарх, — были измотаны»^[460].

Именно так. Историки — и Лукулл — не смогли понять новую военную тактику, принятую Митридатом. Он перенял асимметричный стиль битвы, в котором его варварские воины не знали равных. Митридат и Тигран отступали в ближнем бою, избегая прямых конфликтов и поворачивая энергию врагов против них самих. В то время как римляне ощущали все большее раздражение и

растерянность, варвары и их выносливые маленькие кони чувствовали себя дома в ландшафтах, становившихся суровыми по мере наступления зимы. Они точно знали, где найти провиант, воду, укрытие и место для засады. Они следили за передвижениями Лукулла и его людей, пока Лукулл не мог понять, где находится он сам, где прячется его враг и когда он нападет в следующий раз.

Митридат, сообразительный знаток истории, видимо, изучил рассуждения Ксенофонта о трудностях его греческой армии гоплитов в сражении с лучниками-всадниками из той же области, где сейчас находился Лукулл. Как было упомянуто выше, Митридат также знал о том, что Александр создал новую приспособленную к горным условиям легковооруженную и высокомобильную кавалерию, чтобы соответствовать высокой выносливости воинов, с которыми он столкнулся после вторжения в Афганистан (330 г. до н. э.). Тактика была похожа на ту, которую использовали Югурта и дунайские союзники Митридата против Лукулла в Понте.

Митридат мог также вспомнить, как кочевники в Скифии обвели вокруг пальца Дария и его персидскую армию в 512 г. до н. э. Как заметил греческий историк Геродот, кочевники «владеют искусством самосохранения лучше, чем кто бы то ни было... и никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого». Заманивая Дария в глубину страны скифов, кочевники исчезали, как только Дарий пытался напасть на них. Дарий послал гневное письмо предводителю скифов: «Зачем ты все время убегаешь? Почему скитаешься по всей земле, пытаясь улизнуть? Если ты так слаб, сдавайся! Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною!» Но, как отметил Геродот, стратегия скифов определялась не страхом и трусостью; она имела психологический и военный смысл. В результате того, что каждый раз, когда персы были готовы напасть, они бежали, а затем внезапно наносили удар и скрывались, Дарий был выведен из равновесия, а пути подвоза провианта растянулись до предела. «Снова и снова, — пишет Геродот, — минутная победа Дария оборачивалась затруднительным положением». Таким образом, кочевники провели Дария через всю скифскую территорию до самого Дуная, ни разу не вступив в бой^[461].

В 68/67 г. до н. э. Митридат устроил так, что Лукулл оказался в том же затруднительном положении, в котором тогда находился Дарий.

Римская армия, непривычная к погоде на таких высотах, устало шла — измотанная, голодная, протестующая. Где прятался враг? Как воздух мог быть таким холодным, когда солнце ярко светило на голубом небе? Неожиданно, намного раньше, чем ожидали римляне, началась зима. Снег покрыл землю; ветки сосен обросли сосульками; реки крепко замерзли. Солнечные лучи не давали тепла, а блеск снега слепил людей. Мороз кусал пальцы ног и рук, дыхание «застывало на усах и бородах, скоро превращаясь в сосульки, которые причиняли боль». Лед на темных реках ломался, когда лошади пытались пересечь их, и острые края резали им ноги. Закутанные в тонкие плащи, legionеры шли вперед единым строем через узкие ущелья и замерзшие болота. Они все время дрожали от холода, сбиваясь в кучи в промозглых палатках и растапливая лед для питья^[462].

Недовольство legionеров вылилось в «шумные собрания» в их палатках по ночам и угрозы дезертировать. Пытаясь предотвратить еще один бунт, Лукулл убеждал их быть стойкими: вскоре они уничтожат город, построенный Ганнибалом, и захватят Митридата, торжествуя над двумя «самыми ненавистными врагами Рима». Но Плутарх сообщает, что воины заставили Лукулла оставить преследование царей-отступников. Он отвел свою армию вниз к Тигру, где царил мягкая зима.

Здесь Лукулл повел своих людей на штурм Нисибиса, принадлежавшего брату Тиграна Гурасу. Защищал этот город не кто иной, как инженер Митридата Каллимах, бывший, как мы видели, противником Лукулла в Амисосе. Гурас сдался; его оставили в живых для триумфа. Каллимаха доставили к Лукуллу. Он обещал показать, где находятся тайники со сказочными сокровищами Митридата, но Лукулл пытал Каллимаха до смерти за то, что тот сжег Амис, не дав греческому городу ни единого шанса на спасение. Когда Каллимах умер, знания о хитро спрятанных тайниках с золотом и драгоценностями было потеряно, — этот не замеченный римлянами клад, вероятно, до сих пор ждет своего открывателя^[463].

Лукулл и его армия были истощены. Военачальники и legionеры ругали его за то, что он был высокомерен, равнодушен и думал только о том, как бы разбогатеть. С недовольством сравнивая своего командующего с Помпеем, который одержал победы в Испании и Италии и заботился о благополучии своих воинов, они игнорировали

просьбы Лукулла возобновить преследование Митридата. В 67 г. до н. э. армия Лукулла встала лагерем в Нисибисе и отказалась идти дальше.

Подъем Митридата в Понте

Митридат мог восстановить свое Понтийское царство. Тигран должен был прибыть позже, чтобы вернуть Каппадокию. Вернувшись вместе с аграми, Тимофеем, Гипсикратией, своим телохранителем Битуитом, римскими дезертирами и хорошо натренированной армией из 8 тысяч пехотинцев и конницы, Митридат был тепло принят его народом. Многие с охотой присоединились к его новой армии, когда он обошел старые крепости, расставляя гарнизоны^[464].

Полный оптимизма, весной 67 г. до н. э. старый воин, которому теперь уже было около 67 лет, повел свою армию против двух фимбрийских легионов (около 12 тысяч человек), все еще занимавших Понт. Это были воины, отказавшиеся покинуть свою вялотекущую службу, чтобы присоединиться к Лукуллу в Месопотамии. Как заметил историк Евтропий, их небрежность и жадность дали Митридату шанс вернуть себе Понт. Захваченный врасплох, римский легат отчаянно пытался увеличить свои силы, вооружая рабов, которые были у «фимбрианцев». Мог ли он стать тем, кто наконец остановит Митридата Великого? Он привел свою армию рабов и легионеров на поле, где весь день продолжалось сражение. Римляне отступили, оставив за собой пятьсот человек мертвыми^[465].

Хотя римская угроза все еще виднелась вдали, это была ободрившая всех победа. Восстав, словно феникс из пепла, Митридат вновь переживал взлет. Но во время сражения в первых рядах царь получил свое первое ранение. Стрела пробила его щеку, едва не задев глаз. Его пришлось унести с поля боя. Несколько дней войска в беспокойстве опасались за его жизнь, поскольку он оставался в критическом состоянии. Шаманы-агры вылечили рану от стрелы, использовав тайное средство: змеиный яд как коагулянт для остановки кровотечения. Митридат вернулся в седло как раз вовремя, чтобы несколько дней спустя отбить новое нападение римлян.

Снова вмешалась природа, еще раз послав необычные погодные явления. Перед началом битвы, как писал Аппиан, начался странный ураган с завывающим ветром, «равных которому люди не помнят». Буря снесла палатки в обоих лагерях, бросая людей и вьючных животных в пропасть. Оба войска перегруппировались. Как оказалось, следующая битва стала решающей.

Римляне напали на Митридата ночью у Зелы. Надев шлем и доспехи, Митридат собирал своих людей. Они завели легионеров в траншеи, залитые дождевой водой и грязью, вскоре их заполнили мертвые римляне. Но в самом сердце битвы храбрый центурион вдруг поравнялся с лошадей Митридата и со всей силы вонзил свой меч в его бедро. Те, кто был рядом с Митридатом, — возможно, Битуит и Гипсикратия — немедленно порубили римлянина на куски, но Митридат был ранен и обильно истекал кровью. Вновь царя унесли с поля боя. Дух победы растаял в тревоге и отчаянии. Переживет ли их бесстрашный командир такое тяжелое ранение?

Воины толпились на поле, пытаясь хоть мельком взглянуть на лежавшего на грязной земле Митридата, которого обступили полевой врач Тимофей и шаманы агров. Второй раз за эту кампанию для медицины произошло историческое событие. Снова агры остановили поток крови, используя змеиный яд. Митридат пришел в себя. Все знали, что от такой же глубокой раны бедра страдал Александр, и помнили, как его врачи подняли его над македонской армией, убеждая воинов, что их любимый командир жив. Теперь врач Митридата Тимофей поднял его так, чтобы ликующие воины смогли его увидеть^[466].

К позднему вечеру Митридат Непобедимый вновь был на коне, атакуя римский лагерь. Но лагерь был пуст: выжившие бежали в страхе, оставив мертвыми 7 тысяч человек. Осматривая поле боя, Митридат и его люди насчитали 24 трибуна и 150 центурионов — самое большое число военачальников, убитых за один раз в битве за историю Античности. Возвращение власти Митридата над Понтом в этой великой битве при Зеле в 67 г. до н. э. было одним из самых неожиданных и выдающихся триумфов в его долгой карьере. Он возвел огромный трофей победы на поле битвы в благодарность Зевсу Стратиоту.

Лукулл прибыл в Понт после разрушительного поражения в заполненных грязью траншеях. Он возглавил рассеянные фимбрийские отряды, но не организовал похороны для тел 7 тысяч римлян, разбросанных на поле боя. Это пренебрежение, если верить Плутарху, было последней каплей для его деморализованных легионеров.

А Митридата давно там не было. Верный своей новой стратегии, он ушел в Западную Армению, за пределы досягаемости. Тигран уже был в пути, чтобы помочь обеспечить безопасность его царства. Лукулл отдал приказ идти туда, где две эти великие армии должны были встретиться, надеясь разбить обоих непокорных царей раз и навсегда. Но уже потерпевшие поражение фимбрийцы покинули свои посты и бежали. Огонь мятежа начал распространяться по легионам Лукулла. В этот момент, пишет Плутарх, фортуна окончательно оставила Лукулла. «Его путь стал настолько несчастливым и беспорядочным, что Лукулл по своей собственной вине практически потерял все, чего достиг». Лукулл в слезах переходил от одной палатки к другой, умоляя воинов послушаться его. Легионеры насмеялись над командиром, бросая к его ногам свои пустые кошельки и говоря ему, чтобы он сражался с врагами один, раз он один знает, как получить за это денег^[467].

Лукулл беспомощно стоял рядом, пока Тигран Великий прошел по Каппадокии, подчинив ее в третий раз с тех пор, как начались Митридатовы войны. Остается только гадать, сообщил ли Лукулл что-то толпам бродячих каппадокийских беженцев, переселенных Тиграном в Тигранакерт, а теперь освобожденных Лукуллом и отправленных на родину — как раз к новому вторжению Тиграна.

В Риме популяры низложили Лукулла за затягивание войны и разграбление дворцов Митридата и Тиграна. Он потратил годы, деньги и жизни, как уверяли его критики, «заставляя своих воинов сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях», в то время как ему следовало уничтожить могущественного врага Рима. Лукулл уверил сенат, что он уже совершенно подчинил Митридата. Теперь из Рима прибыли должностные лица и наблюдали абсолютную анархию и провал его миссии, миссии, которую не удалось выполнить Сулле и которую Лукулл взялся завершить. Лукулл в 52 года был освобожден от своей

должности, его легионеры были освобождены от службы. В 66 г. до н. э. Гней Помпей — получивший также прозвище Великий от своего патрона Суллы, который восхищался его жестокостью, — был назначен командующим в войне с Митридатом. В свои 40 лет Помпей уже отпраздновал два триумфа; к его заслугам причисляли (многие говорили, что несправедливо) поражение и Сертория, и Спартака.

Помпей и его старый враг Лукулл встретились в деревне в Галатии. Сжав зубы, они поздравили друг друга и перешли к словесной дуэли. Помпей унижал Лукулла, а Лукулл сравнивал Помпея с ленивым стервятником, который садится на жертвы, убитые другими. Он предупредил, что Митридат — неуловимый враг-призрак. Помпей отправил шестнадцать сотен легионеров сопровождать опозоренного командира в Рим. Остальные легионеры охотно перешли под командование Помпея^[468].

Рис. 13.3. Помпей (слева) принимает командование в Митридатовых войнах от Лукулла (справа). Гравюра, Августин Мирыс, 1750 г.

Лукуллу, возвратившемуся в Италию с кораблями, груженными добычей, пленными и его драгоценными саженцами вишневых деревьев, было разрешено отпраздновать Триумф. Его шествие

начинали одетые в броню парфянские воины, за ними следовали десять серпоносных колесниц Митридата. Злополучный брат Тиграна Гурас нес тиару Тиграна: они должны были замещать самого Тиграна. Отсутствие Митридата, разумеется, тоже бросалось в глаза. Его представляла его золотая статуя в полный рост и огромный бронзовый щит, украшенный драгоценными камнями. За статуей устало шла подавленная сестра Митридата Нисса, захваченная в плен в Кабире, и около шестидесяти военачальников и советников Митридата. Затем везли бронзовые носы 110 военных кораблей Митридата. На 50 коврах возвышались груды золота Митридата, 56 мулов везли более чем 2,5 миллиона серебряных монет — все награбленное Лукуллом в Понте и Тигранакерте^[469].

Рис. 13.4. Лукулл впервые привозит в Рим вишневое дерево. Journal des gourmands, Париж, 1806–1807

Лукулл употребил эту военную добычу на жизнь с таким размахом, что вошел в историю как наиболее печально известный римский распутник и гурман, просиживая на роскошных виллах и устраивая шикарные пиры с экзотическими деликатесами (прилагательное «лукуллов» теперь используется для описания экстравагантного празднества). О возмутительном стиле жизни Лукулла ходили анекдоты в то время, как гурманы хвалили его за то, что он впервые привез в Италию вишню. Однако через несколько лет после передачи командования Помпею Лукулл начал сходить с ума. Он умер сумасшедшим в 57 г. до н. э., отравившись, как поговаривали некоторые, чрезмерной дозой любовного напитка^[470].

Но все эти события были еще далеко в будущем. Митридату, приободрившемуся после успешного возвращения своего царства, пусть оно было и ослаблено, будущее казалось блестящим. Упорство и его новая тактика взяли свое. Он знал, что Помпей не мог себе позволить начать новую войну против него прямо сейчас. Рим и Помпей столкнулись с трудностями на море, и это нельзя было не принимать во внимание. В период войн пираты — более тысячи кораблей, оснащенных серебряными веслами, позолоченными парусами и навесами из пурпурного шелка, — заполонили все Средиземное море от Сицилии до Гибралтара, убивая, грабя и похищая сколько им было угодно^[471]. Пока Помпей взял на себя задачу уничтожить пиратские логова по всему Средиземному морю, от Сицилии до Гибралтара, Митридат восстанавливал силы и богатства, сидя в своей штаб-квартире в Понте.

Глава 14.

Конец игры

Из своих домов на деревьях в рододендроновых лесах «народ башен» наблюдал за тем, как армия Помпея марширует по царству Митридата. Еще юным царевичем Митридат подружился с этим свирепым племенем. Они знали секрет местного дикого меда — мощного нейротоксина, подкосившего греческую армию Ксенофонта в 401 г. до н. э. Попробовав этот мед, его бойцы падали на вражеской территории, открытые для атаки.

К огромному облегчению Ксенофонта, в итоге его люди выздоровели.

Однако в 66 г. до н. э. мед будет использован как специально приготовленное биологическое оружие против римских захватчиков, не принимавших во внимание опыт Ксенофонта.

«Люди башен» расположили соблазнительные соты на пути Помпея. Митридат недавно прошел через их территорию впереди Помпея. Следовали ли «люди башен» предложению Митридата? Это совершенно неизвестно, но эта хитрость, несомненно, понравилась бы царю ядов и была крайне успешна. Передовые когорты Помпея остановились, чтобы насладиться угощением. Пораженные немотой и слепотой, жестокой рвотой и диареей, они лежали, не двигаясь, вдоль дороги. «Люди башен» спустились с деревьев со своими железными боевыми топорами. Когда Помпей подошел к месту происшествия, черное облако мух жужжало над тысячей легионеров, растянувшихся по дороге, липких от меда и крови^[472].

А Митридат? Он был далеко, отчаянный беглец от длинных рук римской власти.

Годом ранее, в 67 г. до н. э., Помпей получил жалование в 6 тысяч талантов, армию из 120 тысяч воинов, 4 тысячи всадников и 270 кораблей, чтобы нанести поражение пиратам, чьи армады с их «гнусной роскошью» господствовали над Средиземным морем. Другие римские кампании, направленные против пиратов, провалились, но Помпей, умело распределив свои ресурсы, захватил и убил в сумме около 10 тысяч пиратствовавших поклонников Митры. Этот грандиозный ответ Рима на угрозу пиратства убедил большую часть оставшихся бандитов переместиться на земли римских провинций^[473].

Успех Помпея принес ему неограниченные военные ресурсы, чтобы взять на себя командование над проваленной Лукуллом войной против Митридата. Цицерон торопил Помпея «смыть пятно позора... которое вьелось слишком глубоко и слишком долго лежит на имени римского народа». Цицерон говорил о неотомщенных зверствах 88 г. до н. э., когда Митридат «одним своим приказанием, по одному условному знаку перебил и предал жестокой казни всех римских граждан во всей Азии, в стольких ее городских общинах». И все же Митридат «не понес кары, достойной его злодеяния», продолжал Цицерон. Он «царствует уже двадцать третий год с того времени, мало того, что царствует, — не хочет более скрываться в Понте и в каппадокийских дебрях; нет, он переступил пределы царства своих отцов и находится теперь на землях ваших данников, в самом сердце Азии»^[474].

Пока Помпей воевал против пиратов, у Митридата был год на то, чтобы укрепить свое царство, увеличить армии и обеспечить безопасность оставшихся членов своей семьи. Его наложницы были отправлены в разные крепости; Стратоника и Ксифар возглавляли Кайнон Хорион; его дочь Дрипетина управляла Синорой; другие дети были вместе с сыновьями Митридата Махаром и Фарнаком в Боспорском царстве. В Понте Митридат поставил около 30 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников для охраны границ. После грабежа римлян провизии не хватало. Это стало бы препятствием для нового римского вторжения, но голод также вел к дезертирству. Митридат жестоко наказывал тех, кого ловили при попытке оставить приграничные заставы.

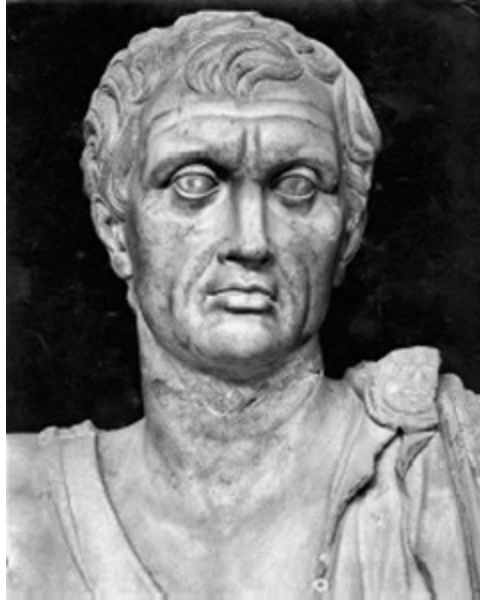

Рис. 14.1. Мраморная статуя, найденная рядом с домом Помпея в Риме, считается идеализированным портретом Помпея. Palazzo Spada, Рим. Alinari / Art Resource. N. Y.

Многие римские военачальники и легионеры покинули Лукулла и присоединились к Митридату. В 66 г. до н. э. они через свои связи узнали и донесли, что Помпей Великий движется от Родоса к Понту с огромной армией и флотом, уполномоченный объявить войну и Митридату, и Тиграну. Помпей даже притворялся, что заключил союз с царем Парфии.

Ищущий почетного способа избежать этой новой войны и твердо решивший отстаивать родину своих предков — царство, которое он только что спас от римского владычества, — Митридат немедленно отправил послов к Помпею. Какие условия мира он ставил? Помпей дал резкий ответ: «Безоговорочная капитуляция — и приведите римских предателей». Митридат передал этот ответ римлянам из его армии. Они убедили царя не соглашаться. Остальные его воины поддержали римских товарищей.

Митридат был впечатлен их реакцией; бескомпромиссность Помпея привела его в ярость. Уверенный в преданности своих сторонников, Митридат поклялся, что они все вместе будут бороться до конца: «Нет! У меня никогда не будет мира с римлянами вследствие

их алчности! Я никогда не выдам! Я не сделаю того, что не было бы к общей пользе!»^[475]

Последняя кампания

Помпей спровоцировал атаку на аванпосты на границе. Митридат послал всю свою пехоту, и римляне ретировались. Выяснив численность грозных войск Помпея, Митридат отступил в горную крепость на юго-востоке Понта, которую Помпей не решался атаковать. Конечно, ведь множество людей Помпея перешло к Митридату.

Создавалось впечатление, что Митридат перешел в оборону. Но однажды ночью, после того как костры в лагере были, как обычно, разожжены, армия Митридата украдкой совершила вылазку из крепости, застав римлян врасплох. Плутарх и Аппиан оба утверждают, что Митридат отступил, поскольку не знал, где в этой области можно найти воду и провиант. Но это выглядит совершенно неубедительно, учитывая его глубокое знание своей страны. Аппиан удивляется: почему Митридат «дал Помпею возможность вступить в его царство»?

Митридат ожидал, что Помпею не удастся найти провианта. Но Помпей сохранил свои линии подвоза продовольствия, вырыл глубокие колодцы и осадил новые позиции Митридата. Через сорок пять дней Митридат убил всех своих вьючных животных, сохранив боевых коней и провизию на пятьдесят дней. Если верить Плутарху, раненых воинов, неспособных идти вперед, добивали их товарищи, чтобы избавить от постыдной смерти от рук римлян. И вновь Митридат и его армия «бежали ночью в полном молчании по непроходимым дорогам» к еще одной крепости.

Дион Кассий считал, что Митридат «боялся и некоторое время отступал, поскольку его силы были меньше». А Аппиан полагал, что Митридат, вероятно, действовал «то ли из страха, то ли из опрометчивости, как бывает со всеми, когда приближается несчастье». Но эти замечания сомнительны, учитывая судьбу Митридата, его характер и недавнюю клятву не опускать оружия. Наоборот, уклончивые шаги Митридата соответствовали его новой военной тактике, которая была основана на военном искусстве кочевников и

методах, изобретенных Александром в Афганистане, и уже успешно применялась против Лукулла. Похоже, что действия Митридата были рассчитаны на то, чтобы заманить Помпея в глубину незнакомой ему труднопроходимой территории между Понтом и Арменией. И действительно, в следующем столетии Фронтин, римский военный стратег, представит эти события как пример общей стратегии Митридата, направленной на то, чтобы обмануть Помпея.

Следующие передвижения Митридата подтверждают это объяснение. Как свидетельствует Аппиан, Помпей с большим трудом следовал за Митридатом по запутанным горным дорогам. Когда Помпей догнал его, Митридат избежал прямого столкновения. Вместо того он, «при помощи всадников отразив тех, которые подходили очень близко, вечером встал в густом лесу». Эта новая тактика привела в недоумение римлян, включая тех, кто служил в армии самого Митридата. Они тщетно пытались убедить царя принять бой с Помпеем лицом к лицу. Но Митридат занял удобную позицию в горах рядом с Дастейрой. Место было естественным образом защищено утесами и острыми скалами так, что проникнуть к нему можно было только по одной крутой тропе, которую охраняли около 2 тысяч воинов Митридата. Митридат снова рассчитывал на недостаток провизии, который заставил бы Помпея повернуть назад^[476].

Кошмар при лунном свете

Там в полнолуние Митридату приснился сон. Он был записан его прорицателями и после его смерти обнаружен Помпеем среди бумаг. Сон начинался счастливо. Митридат плыл с попутным ветром через Черное море, наслаждаясь соленым бризом; его лицо согревали солнечные лучи. Настроение было через край; он стоял на палубе вместе со своими товарищами, и они вели приятную беседу. Вскоре показались зеленые луга и башни Пантикапея. У Митридата появилось теплое ощущение абсолютной уверенности, радости и безопасности. Он и его подружка-амазонка Гипсикратия обретут мир в Боспорском царстве на северном побережье Черного моря, а за спиной у них будут свободные безграничные степи. Внезапно идиллия превратилась в ночной кошмар. Митридат обнаружил, что «он покинут всеми

друзьями и его, ухватившегося за какой-то обломок, бросают морские волны». Царь заметался во сне, и тут его товарищи разбудили его. Была середина ночи, но они кричали: «Помпей атакует!»^[477]

Схватив доспехи и оружие, Митридат, Гипсикратия и командиры поспешили наружу, чтобы выступить против Помпея. При ярком свете луны Помпей наблюдал за их торопливыми построениями и отозвал свою внезапную атаку. Но его военачальники, желая уничтожить Митридата раз и навсегда, предложили коварный план. Полная луна должна была стать союзником Помпея в эту ночь. Садясь, луна светила им в спины, освещая дорогу, по которой они шли. Но, что было еще более важно, когда луна приблизилась к горизонту, тени стали необычайно длинными. Взглянув на схемы, начерченные его военачальниками, Помпей неожиданно понял, что удлиненные тени дезориентируют врагов, не давая им правильно оценить расстояние между армиями.

Вероятно, нельзя назвать неожиданным то, что для него, прожившего жизнь, полную войн и борьбы, невероятных погодных и астрономических явлений — комет, бурь на море, ураганов, метеоритов, — погибелью стала еще одна могучая сила Природы. Конечно, есть какая-то ирония в том, что именно Луна, Царица ночи, привела к падению Митридата, воина Солнца и Света, в ходе его грандиозной борьбы против сил Тьмы, представленных Римом. То, что Помпей решил атаковать ночью, вполне соответствовало образу Рима на востоке, находящемся под иранским влиянием. Примечательно, что Сулла также напал среди ночи. И наоборот, кумир Митридата Александр, как известно, отверг совет своих военачальников атаковать Дария ночью, поскольку не желал «красть победу, как вор»^[478].

Римляне шли в бледно-белом свете луны. Длинные синие тени, протянувшиеся далеко вперед, создавали впечатление, что римляне ближе, чем они были на самом деле. Лучники Митридата, введенные в заблуждение оптическим эффектом, выстрелили слишком рано. Стрелы, не нанеся вреда, упали на землю, намного ближе намеченной цели. Римляне приготвили к бою.

На верху склона множество воинов Митридата все еще вооружались, отступали в тыл с навьюченными верблюдами, чтобы пополнить запасы снарядов. Когда первые ряды войск, охваченные паникой, отступили под стремительной атакой римлян, страх объял

армию Митридата, зажатую в каменном ущелье. В битве при лунном свете поздним летом 66 г. до н. э. люди Помпея вырезали и захватили в плен около 10 тысяч воинов Митридата, многих из них — невооруженными. Помпей захватил лагерь и запасы продовольствия^[479].

Но Помпей был разочарован. Царя Митридата не было ни среди убитых, ни среди взятых в плен.

Митридат и Гипсикратия

Когда началась битва, Митридат с Гипсикратией, которая скакала рядом с ним, повели восемьсот всадников на прорыв через наступление римлян. Битва была чудовищной — Помпей приказал своей пехоте наносить удары по лошадям, чтобы уничтожить веру Митридата в его конницу. Митридат и Гипсикратия с двумя товарищами были отрезаны от остальных. Эти четверо в конце концов прорвались в тыл римлянам и галопом скрылись в скалах за полем битвы^[480].

Гипсикратия в ее персидско-амазонском наряде — короткой тунике, плаще, остроконечной шерстяной шапке-ушанке, кожаных ботинках и облегающих штанах с зигзагообразными узорами — никогда не чувствовала усталости от тяжелой езды или сражения. Она так по-мужски ловко орудовала копьем и боевым топором, что неудивительно, что Митридат звал ее Гипсикратом. И она была предана ему. Эта «героическая амазонка осталась бы со своим возлюбленным до самого конца его долгой одиссеи», как писал Теодор Рейнак. Митридат обрел последнюю, лучшую любовь своей жизни, стойкую подругу на время отчаяния, лежавшее впереди^[481].

После Митридатовых войн, когда по Италии ходили рассказы о последней стадии, как казалось, бесконечной войны, даже римляне с трепетом слушали историю Митридата и Гипсикратии. Через поколение или около того история этой пары стала романтической сказкой о благородстве и отваге, приключениях и верной любви. В изображении Валерия Максима, писавшего в начале I столетия н. э., Гипсикратия была «царицей, настолько любившей Митридата, что ради него она вела жизнь воина, обрезав себе волосы и взяв в руки

оружие, чтобы разделить с ним его ношу и опасности». Когда Митридат был «жестоко разбит Помпеем» и был в бегах среди «диких народов, она следовала за ним, неутомимая телом и духом»^[482].

Рис. 14.2. Амазонки, воинственные женщины-кочевники, изображались в классическом греческом искусстве вооруженными копьем и луком. Они одевались в леопардовые шкуры, облегающие штаны, туники и персо-фригийские колпаки «свободы». Рисунок с изображения на вазе в «Веке сказаний» Т. Булфинча (1897) и Смита (1873).

Слава Гипсикратии расцвела в рыцарских романах. Она была первой в длинной цепочке пажей-женщин, героинь в мужских одеждах, о которых рассказывали повести, баллады и пьесы Шекспира. Средневековые хроники изображают царя и амазонку как друзей, равных между собой, а их любовь приводят в пример идеальных супружеских отношений. Боккаччо (1374) считал, что Гипсикратия «решила стать такой же стойкой и суровой, как любой мужчина, она пересекала горы и долины, путешествовала днем и ночью, ночевала в пустынях и лесах на жесткой земле в постоянном страхе перед врагом, окруженная со всех сторон дикими животными и змеями». Спутница Митридата, высказывал свое предположение Боккаччо, «утешала его радостями, которые, она знала, были ему необходимы»^[483].

Рис. 14.3. Митридат в сопровождении Гипсикратии (и Битумита?). lies dames de renom. De mulierbus ciaris / Hupsicratea. Frangais 598, фолио 116, Национальная библиотека Франции

Гипсикратия является одной из героинь «Книги о Граде женском», знаменитого труда Кристины Пизанской (1364) о женщинах, которые не уступали мужчинам по своей силе, уму и изобретательности. Как и Боккаччо, Кристине импонировала борьба Митридата, отражавшая негативное восприятие в Европе алчной Римской республики, противостоявшей популярным среди народа правителям. «Римляне втянули Митридата в ужасную войну, — писала Кристина. — На кону стояла судьба всего царства, и всегда была угроза смерти от рук римлян», и все же Гипсикратия «сопровождала его во все далекие и странные земли». Кристина изобразила ее светской дамой, «созданной для более утонченной жизни», но отрезавшей свои «длинные золотые волосы и одевшейся как мужчина», не задумываясь о защите своей

кожи от пота и грязи. Ради любви к Митридату Гипсикратия превратила свое «изящное тело» в «хорошо сложенного рыцаря в доспехах», одетого в шлем и «отягощенного кольчугой»^[484].

В действительности Гипсикратия, конечно, была суровой всадницей-воителем, вышедшей из евразийской кочевой культуры, в рамках которой девочки и мальчики обучались ездить верхом, охотиться и воевать друг с другом.

Хватай деньги и беги

На холмах над полем боя Митридат, Гипсикратия и двое их товарищей остановились перевести дыхание. Имена этих двоих Плутарх не приводит. Возможно, одним был Битуит, военачальник конницы из Галлии, отмеченный за то, что храбро сражался рядом с царем. Возможно, другим воином был Гай, сын Гермеса, друга детства Митридата, или полководец Метрофан. Группа из четырех человек вела лошадей по труднопроходимым дорогам прочь от поля битвы. Другие выжившие в сражении при лунном свете присоединились к ним: несколько всадников и около 3 тысяч пехотинцев. Митридат потерял около 10 тысяч человек в ночной атаке Помпея, и все же он и его наиболее верные сторонники вышли из этого испытания живыми.

Митридат повел этот потрепанный отряд в Синору (*Synorion*, Пограничная Земля), свою укрепленную сокровищницу на границе Армении. Рядом с турецким поселком, до сих пор носящим имя Сунур или Синури («Граница»), археологи обнаружили руины оборонительной башни Синоры. Здесь беглецов встретила Дрипетина и евнух Менифил. В Средние века преданность Дрипетины станет образцом дочерней любви. «Девушка была ужасно некрасива», писала Кристина Пизанская, но «она любила своего отца настолько, что никогда не покидала его». Как царица Лаодикеи Дрипетина «могла прожить спокойную и размеренную жизнь... но она предпочла разделить страдания и труды своего отца, когда он отправился на войну. И даже когда могущественный Помпей нанес ему поражение, она не оставила его, но заботилась о нем с любовью и вниманием»^[485].

В Синоре царило волнение и плохие предчувствия, но Митридат уже разработал план. Он отправил посланника к Тиграну с просьбой

об убежище в Армении. Митридату нужно было спешить: Помпей должен был вскоре напасть на их след.

Рис. 14.4. Дрипетина прислуживает Митридату за едой в Синоре. Des dames de renom, De mulieribus claris/Drypelin. Français 598, фолио 113v, Национальная библиотека Франции

Великие сокровища Синоры были необходимы ему, но как перенести большие объемы золота и других ценностей? Без возможности перемещения богатства Митридата теряли смысл. У него не было вьючных животных, только несколько верховых лошадей и пара тысяч преданных сторонников.

Митридат, поскольку он дал клятву, действовал по принципу: один за всех и все за одного. Его решение было оригинальным и щедрым. Царь отдал все свои богатства своим сторонникам, таким образом распределив ношу — и имущество — между многими людьми. Кедровые сундуки, наполненные драгоценными одеждами и украшениями, были распахнуты. Царь раздал одеяния, браслеты, ожерелья и кольца своим воинам. Затем он открыл бронзовые шкатулки с золотыми и серебряными монетами ценой 6 тысяч талантов (что равняется годовому жалованью 100 тысяч бойцов). Он распределил монеты, отдав каждому своему стороннику плату более чем за год и выплатив щедрую премию ветеранам. То, что осталось,

было положено в кожаные мешки. По своей щедрой и действенной раздаче сокровищ решение Митридата напоминало Александра, который разделил свое имущество между верными ему войсками. Это также стало важным свидетельством взаимного доверия и верности Митридата и его сторонников: царство было потеряно, и все же они готовы были делить со своим предводителем опасности и изгнание до конца своих дней.

После этого Митридат и евнух Менифил отправились в хранилище лекарств в крепости и приготовили отравленные пилюли. Плутарх передает, что перед отъездом из Синоры царь снабдил Гипсикратию и «каждого из своих друзей смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки римлян»^[486].

Бегущая армия, вероятно, представляла собой странное зрелище: изношенные доспехи Митридата, завершавшиеся пурпурным плащом, амазонка в необычно пышном убранстве, все пешие и конные воины, покрытые, словно цари, прекрасными одеждами, золотыми и серебряными браслетами и поясами, набитыми деньгами. Планы претерпели небольшое изменение. Тигран, опасаясь мести со стороны римлян (и против совета своей жены Клеопатры, дочери Митридата), отказался укрыть Митридата в Армении еще раз. Более того, Тигран назначил цену за голову своего старого приятеля. Митридат пребывал в сомнениях, считать ли оскорбительной или просто смешной ту скупую плату, которую Тигран обещал за его поимку: всего 100 талантов. Это было меньше, чем цена, предложенная Митридатом за его врага Херимона с сыновьями в 89 г. до н. э.^[487]

Митридат пересмотрел свой план побега. Объявленная вне закона армия шла вперед день и ночь, она была уже за истоками Евфрата. Несколько воинов Митридата, происходившие из этих гор, работали проводниками. Эта область кишела змеями, ядовитыми для иностранцев (на местных жителей яд не действовал). По тайным лесным тропинкам они прошли через земли царских союзников гениохов и «народа башен». Через три дня отряд достиг Колхиды. У Фазиса они могли воссоединиться с евнухом Бакхидом и пиратом Селевком, которые отправились в Колхиду после падения Синопы в 70 г. до н. э. Здесь, как сообщает нам Аппиан, Митридат остановился и «вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил». «Народ башен»,

гениохи, иберы, албанцы, возможно, соаны — воины с отравленными стрелами и странное племя, известное как поедатели вшей^[488].

В стране Золотого руна

Армия Митридата пересекла реку Фазис. В долинах, густо заросших травой, важно расхаживали красно-золотые птицы с радужными сине-зелеными головами и длинными хвостами. Фазисские птицы, известные сегодня как фазаны, ценились за их сочное темное мясо. Митридат повел свою армию дальше на север: дорога кончилась там, где Кавказские горы упираются в Черное море. Здесь, в Диоскурах, торговом городе с мягким климатом, они провели зиму 66/65 г. до н. э.

В начале правления Митридата его армия пыталась покорить в этих горах «одичавших» ахейцев, но потеряла множество людей, пострадав от засад противника и сильных морозов. С юности Митридат увлекался мифологией этой земли. Где-то в горных лугах над его лагерем Медея однажды собирала магические растения и жидкий огонь. Среди снежных скал Кавказа Геркулес освободил Прометея от его цепей. Здесь закончились поиски Золотого руна: античные авторы объясняют, как жители Колхиды использовали шкуры телят для добычи прекрасного золотого песка, который несли реки, бравшие истоки на Кавказе^[489].

Во время этого стратегического отступления, как говорит Аппиан, Митридат «задумал немалое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве». Помпей приближался к Колхиде, собираясь зажать Митридата между морем и непроходимыми горами. И все же, удивляется Аппиан, неугомонный Митридат следовал своему «фантастическому плану» крайне уверенно и энергично. План действительно был выдающийся. Пантикапей в Крыму должен был стать новым центром его Черноморского царства. Боспор в этот момент находился в руках Махара, последнего оставшегося в живых сына Митридата и Лаодики, его сестры и первой жены. К сожалению, Махар последовал по ее изменническому пути и заключил мир с Лукуллом, пока его отец сражался за свою жизнь и мечту. Итак, Митридат собирался, «отобрав страну, где властвовал его

сын, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь воевать с римлянами». Митридат потерял контроль над Черным морем, но большая часть народов, живших вокруг него, сохраняла с ним союзнические отношения. Поэтому первым шагом к осуществлению его хитроумного плана было путешествие вокруг Черного моря по часовой стрелке. Огибая Азовское море, Митридат должен был пересечь Скифию и Сарматию и дойти до Крыма. По пути он, разумеется, намеревался найти еще сторонников и союзников^[490].

На бумаге этот план выглядел вполне осуществимым, но поражает своей невероятной смелостью. Митридат собирался пересечь Большой Кавказ, монолитную стену гор между Европой и Азией, которая тянется на протяжении около тысячи миль (1609 км) от Черного моря до Каспийского. Высочайшие ее точки составляют 8 тысяч футов (5,5 км). Митридат и его маленькая армия собирались предпринять попытку перехода весной 65 г. до н. э., бросив вызов снегу и льду, крутым тропам и опасности лавин.

Последняя стадия этого грандиозного плана, как утверждает Аппиан, была еще более дерзкой. После возвращения Боспорского царства Митридат собирался застать Рим врасплох. Он хотел начать войну с римлянами из Европы, пока Помпей был занят в Азии. Митридат отправился бы на запад, пройдя через земли дружественных ему роксоланов и бастарнов и обогнув Карпаты, вышел бы к Дунаю. Его непрерывно растущая армия прорвалась бы на северо-запад через Паннонию, и затем, повторяя подвиг Ганнибала, Митридат пересек бы Альпы и вторгся в Италию с севера.

Колхида: игра в кошки-мышки

Где же был Помпей в то время, когда Митридат обдумывал свою стратегию? Передвижения Помпея в 66/65 г. до н. э. после битвы при лунном свете остаются в античных источниках неясными, но можно попытаться реконструировать запутанную хронологию. Аппиан и Плутарх говорят, что преследование Митридата давалось Помпею непросто. В землях «народа башен», как мы видели, он потерял тысячу людей из-за отравленного меда. Достигнув Колхиды осенью 66 г. до н. э., Помпей узнал о намерении Митридата бежать через Кавказ.

В понимании Помпея он уже выиграл войну. Митридат, рассуждал он, был изгнан из своего царства, его сын Махар встал на сторону римлян, а на Черном море господствовал римский флот. Помпей не мог себе представить, что кто-либо, а особенно семидесятилетний старик, только оправляющийся от полученных ран, мог пережить путешествие через горную стену. Полагая, что смертельному врагу римлян суждена смерть среди льдов, Помпей решил немного насладиться военным туризмом на краю «цивилизованного» мира. Он был горд тем, что первым из римлян достиг этих знаменитых земель. Ему не терпелось встретить тени Геркулеса, Прометея, аргонавтов и повторить путь Александра к югу от Каспийского моря^[491].

Не будучи уверен в том, где именно находится Митридат, Помпей направил свои войска вдоль рек Фазис и Кура. Обходя предгорья Кавказа, они столкнулись с вооруженными отрядами, которые гордились тем, что смогли оказать сопротивление мидийцам, персам и Александру. Теперь они были крайне активными союзниками Митридата. Под влиянием иранцев они почитали Солнце и Селену (луну) и, как замечает Страбон, «в случае каких-либо тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч». На полпути между Черным и Каспийским морями, в Армази, древнем порте, стоящем на слиянии Арагвы («Быстрая вода») и Куры (рядом с Тбилиси, Грузия), Помпей остановился на зимовку, окруженный враждебными ему иберами и албанцами.

Пока римляне праздновали сатурналии, веселый римский праздник с переменной ролью и пьянством, иберы, албанцы и союзные им племена устроили засаду вокруг лагеря. Их налеты описывают Аппиан, Плутарх, Страбон и Дион Кассий. Варвары насчитывали 60 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников. Римлянам эти высокие, красивые люди казались «плохо вооруженными, одетыми в шкуры животных». В действительности они были грозными воинами, нападавшими, а затем скрывавшимися в лесах^[492].

Помпей систематически поджигал леса, чтобы выгнать их наружу. После боя, обирая около 10 тысяч мертвых тел, римляне обнаружили среди них множество женщин, вооруженных и одетых как амазонки, точно таких, какие изображены на рисунках на греческих вазах (см. рис. 14.2). Их раны свидетельствовали об их мужестве, не уступающем мужчинам. Воины-женщины встречались также среди тысяч

пленников. Согласно Страбону, амазонки одевались в шкуры диких животных, населявших здешние горы и долины за их пределами. Описывая более подробно жизненный уклад амазонок, Страбон утверждает, что основывается на записях (ныне потерянных) давнего друга Митридата философа Метродора и некоего человека, носящего имя Гипсикрат (мужская версия имени Гипсикратия) и «знакомого с этой местностью».

Как уже было сказано, «амазонки» принадлежали к евроазиатским племенам, в которых охота и война были делом как мужчин, так и женщин. Начиная с XIX в. в регионах, где древние авторы размещали амазонок, археологи обнаружили бесчисленные могилы, содержащие скелеты женщин, захороненных с оружием. Считалось, что Александр Великий встретил царицу амазонок Фалестриду и ее триста женщин-воинов именно здесь, между Фазисом и Каспийским морем, в том самом месте, которое сейчас пересекал Помпей. Согласно этой истории, Александр провел с ней тринадцать ночей в угоду страсти царицы. Теперь амазонки сражались на стороне Митридата! Помпею хотелось похвастаться этими пленницами во время своего триумфа^[493].

Место для зимнего лагеря было избрано Помпеем за его стратегически удобное расположение. Дион Кассий говорил, что Помпей занял крепость Армази (построена в III столетии до н. э.), чтобы «взять под охрану перевал на границе, который был практически неприступным» и перекрывал основной путь между Скифией и Арменией через Средний Кавказ. Армази также перекрывала дорогу к восточной оконечности Кавказа. Массивные камни крепости можно увидеть и сегодня, древний мост до сих пор называется Мост Помпея. Весной 65 г. до н. э., считая себя «хозяином перевала», Помпей оставил там гарнизон и приказал римскому флоту патрулировать восточное побережье Черного моря в поисках Митридата. Затем Помпей отправился к Каспийскому морю, чтобы осмотреться и, возможно, убедиться, что Митридат не ускользнул тем или иным образом по южному краю гор (через современный Азербайджан и Дагестан). Но вскоре ему пришлось вернуться: эта земля кишела ядовитыми змеями, скорпионами и тарантулами^[494].

Исполненный «гнева и возмущения» (слова Плутарха), Помпей был вынужден возвратиться по той же дороге. После тяжелого

перехода Куры его армия вновь вступила на вражескую территорию: албанцы, иберы и их союзники вновь подняли голову. После ряда раздражающих налетов Помпей решил попытаться взять след Митридата. Этим летом Помпей снова направился на восток, прокладывая себе путь среди «неизвестных и враждебных народов» вдоль реки Фазис к Черному морю. Здесь, понимая, что Митридат не мог перебраться в Крым ни по морю, ни по северному побережью, Помпей оставил погоню^[495].

На вид бесцельные блуждания Помпея больше всего напоминают игру в кошки-мышки. Казалось, Митридат провалился сквозь землю. Помпей пытался перекрыть или хотя бы определить три наиболее вероятных пути отступления его жертвы из Колхиды: в обход гор по побережью Каспийского моря, вдоль побережья Черного моря или через грозный перевал высочайшего хребта Кавказа — перевал Помпей уже перегородил. Но, как мы увидим, мышь использовала свое преимущество и сумела ускользнуть через тайную мышиную нору, — буквально под самым носом у кошки.

Тигран сдается, Понт захвачен

Помпей теперь пересекал Малый Кавказский хребет на пути в Северную Армению, чтобы напасть на крепость Тиграна Артаксату. Его люди страдали от жестоких лишений, жажды и нападений из засады, поскольку проводники из захваченных албанцев, иберов и амазонок намеренно сбивали его с пути^[496].

В Артаксате Тигран, которому было уже около 75 лет, потерял волю к борьбе. Его сын Тигран (внук Митридата) поднял восстание, а его старый друг Митридат, похоже, в конце концов потерпел поражение. Тигран принял условия Помпея и, распростершись на земле перед ним, отдал ему свою тиару по древнему персидскому обычаю. В обмен на 6 тысяч талантов и капитуляцию Месопотамии, Сирии и Финикии Тигран получил прощение. Он правил Арменией как друг Рима до своей смерти в возрасте 85 лет в 55 г. до н. э. «Умер старым Митридат» — так звучит знаменитый припев, но друг Митридата Тигран умрет еще старше^[497].

Считая, что Митридатовы войны наконец закончены, Помпей осенью 65 г. до н. э. вернулся в Понт и основал Никополь («Город победы») на поле сражения у Дастейры, где он разбил Митридата при свете луны. Он прошел Понт насквозь, захватывая крепости и сокровища, которые «добавили бы великолепия его триумфу». Погреба в Талавре принесли ему кубки из оникса и золота, прекрасную утварь, украшенные драгоценными камнями доспехи и позолоченные конные уздечки, персидские древности и сокровища Коса, в том числе драгоценный плащ Александра Великого^[498].

Когда римляне взяли башню Синоры, евнух Менифил, опасаясь, что его госпожа Дрипетина будет захвачена, убил мечом сначала ее, затем себя. Несколько царских наложниц в других крепостях были взяты в плен и приведены к Помпею — Плутарх отмечает, что он не стал брать их силой. Стратоника, уверенная, что она никогда уже не увидит живым своего царя, сдала Помпею Кайнон Хорион. В обмен на обещание пощадить ее сына Ксифара она открыла римлянам подземную сокровищницу и архив Митридата. Стратоника и Ксифар получили разрешение отплыть в Фанагорию на Таманском полуострове. Там они присоединились к другим членам семьи Митридата под защитой Махара^[499].

Помпей провел много часов, изучая частные бумаги Митридата, поскольку они «проливали свет на характер царя». Человек, на протяжении стольких лет бросавший вызов Риму, вызывал интерес. Позднее распространилось множество слухов и домыслов по поводу того, какие государственные и личные тайны хранили эти документы. Открыл ли Помпей рецепт противоядия Митридата? Бумаги передали в Рим вольноотпущеннику Помпея греку Ленею, служившему у Помпея секретарем, который должен был перевести их на латынь. Жизненный путь Ленея — яркий пример быстро меняющихся судеб множества участников Митридатовых войн. Будучи захвачен в плен в 12 лет во время осады Суллой Афин в 87 г. до н. э., Леней каким-то образом сумел бежать и вернулся в Грецию, чтобы получить образование. Он был пленен во второй раз, но освобожден Помпеем и сопровождал его в дальнейшем во всех его кампаниях. Было бы интересно прочесть характеристику, данную Ленею Митридату, но, к сожалению, она, как и все труды Ленея, была утеряна^[500].

Ничто из архивов Митридата, которые прошли через руки Помпея, Ленея, Плутарха и Плиния, не сохранилось. В I в. н. э. Плутарх и Плиний работали с оригинальными документами. Записи, если верить Плутарху, называли жертв, отравленных Митридатом, а также включали толкование снов царя и его возлюбленных. Здесь были и пачки личной и государственной переписки, в том числе страстные любовные письма, которыми обменивались Митридат и Мони́ма.

Плутарх говорит, что Помпей оставил мысли о преследовании Митридата за пределами Колхиды, поскольку — как и предупреждал Лукулл — в бегах царь был куда более неуловим, чем в битве. Предостережения Лукулла о том, что силы Митридата могут возрасти в тысячи раз, если он бежит на Кавказ, были намного более верны, чем думал Помпей. Полагая, что голод должен погубить Митридата, если ему каким-то образом удастся пройти через снежные горы, Помпей установил блокаду, перекрыв торговые пути, идущие к Боспору (очевидно, он забыл о том, что Крым богат рыбой и зерном). Затем Помпей отправился в путь, намереваясь украсить список своих завоеваний от Атлантического океана до Красного моря. Оставив Понт далеко позади, он пошел на юг, собираясь подчинить Коммагенское царство, Сицилию, Финикию, Сирию и земли арабов и евреев^[501].

Путь через Кавказские горы

Пока Помпей бродил по Колхиде, Митридат завершил свое самое смелое предприятие: весной 65 г. до н. э. он пересек Кавказские горы. К великому удивлению его сына Махара, летом Митридат со своей армией внезапно появился в столице Боспорского царства. Четыре античных историка передают неверные, противоречивые сведения о пути Митридата через горную цепь и вокруг Азовского моря к Пантикапею (к несчастью, рассказ Ливия не сохранился). Ошеломляющее предприятие Митридата было загадкой в Античности и остается таковой по сей день. Исходя из античных свидетельств и географических условий, я предлагаю вариант, который отличается от прибрежного пути, принятого Рейнаком в 1890 г. и поддержанного последующими исследователями.

Дион Кассий пишет, что Митридат «обошел Помпея, ускользнув по реке Фазис» с тем, чтобы «сухим путем достигнуть Меотиды (Азовского моря) и Боспора». Плутарх говорит, что он прошел вокруг Азовского моря вниз к Пантикапею. Страбон утверждает, что от намерения пройти через Диоскуры (перевал Клухор) и страну зигов Митридату пришлось отказаться из-за ее суровости и дикости, он сел на корабль и «только с трудом ему удалось пробраться вдоль побережья». Возможно, по причине того, что Страбон сам был не уверен в своих сведениях, его пассаж отличается неясностью: греческое слово со значением «садиться на корабль» может значить как «отправляться в путь», так и «отправляться на корабле» (английский язык имеет похожее двойное значение для слов «*embark*» и «*launch an attack*»). Оба варианта перевода этого пассажа у Страбона встречаются в научных работах. Ситуация усугубляется тем, что Страбон утверждает, что ахейцы были дружелюбно расположены к Митридату, тогда как Аппиан сообщает, что они были враждебны.

Наиболее детализированным является рассказ Аппиана. Описывая удивление Махара по поводу неожиданного прибытия его отца, Аппиан говорит, что Митридат прошел через перевал, известный как «Скифские Запоры, до тех пор для всех непроходимые для всех», а затем путешествовал по землям неизвестных скифских племен, живущих вокруг Азовского моря и реки Дон, чтобы достигнуть Пантикапея^[502].

У Митридата было несколько вариантов. Он отверг перевал Клухор к северу от Диоскур из-за непроходимости и жестокого племени зигов (имевших в Античности славу людоедов). Проход через Каспийские Ворота на восточной оконечности Кавказской гряды был в 900 милях (1448 км). К тому же иберы, албанцы и другие союзные ему племена должны были предупредить его, что путь на восток перекрыт Римским гарнизоном в Армази и что армия Помпея разыскивает его в районе Каспийского моря. Армази также открывала главный путь на высокий перевал через Центральный Кавказ, Скифские Запоры, упомянутые Аппианом.

Карта 14.1. Кавказ, регион между Черным и Каспийским морями: Понт, Армения, Колхиды, Скифия. Верхняя карта: преследуемый Помпеем, Митридат бежал из Понта в Колхиду и, пройдя через Дарьяльский перевал в Скифию, пересек реку Дон, обогнул Азовское море и достиг Пантикапея. Нижняя карта: часть возможного пути Митридата через Кавказские горы. (Автор карт — Мишель Энджел)

Полагая, что пересечь Центральный Кавказ, как указывают другие три источника, невозможно даже с небольшой армией, Рейнак предположил, что Страбон имел в виду, что Митридат прошел вдоль побережья от Диоскур, достигнув Таманского полуострова (что поднимает вопрос, зачем Митридату огибать все Азовское море вместо того, чтобы пойти прямо к Фанагории и Пантикапею). Во времена Рейнака современная дорога была проложена над побережьем, но в Античности здесь была только узкая полоса песка, преграждаемая глубокими ущельями, болотами и острыми скалами. Рейнак предположил, что Митридат и его армия обошли эти преграды на камарах (узких каяках), которые получили от дружественных им «пиратов» (ахейцев).

Теория Рейнака имеет несколько слабых мест. Армия в 3 тысячи человек, растянутая в цепочку вдоль узкого пляжа, была бы легкой добычей для зигов и ахейских разбойников. Как утверждают Аппиан и другие авторы, на ахейцев нельзя было рассчитывать; это труднопроходимое побережье никогда не было покорено и не стало частью Черноморской империи Митридата. Более того, согласно Страбону, каждая камара могла выдержать только двадцать пять человек, значит, для армии Митридата и снаряжения требовалась сотня таких каяков. При этом флот Помпея патрулировал побережье в поисках Митридата. Если Рейнак прав, этот поступок Митридата впечатляет. Но мне кажется, что путь, описанный Аппианом, — проход через Средний Кавказ, известный как Скифские Запоры, — более вероятен. Он привел бы Митридата через земли союзных ему народов в самое сердце страны скифов, расположенной вокруг Азовского моря, что соответствует сведениям Диона Кассия и Плутарха^[503].

О так называемых Скифских Запорах (или Воротах) до римлян в то время доходили лишь слабые слухи, но в действительности это был наиболее надежный путь через Кавказ, главная дорога евразийских кочевников, купцов и захватчиков. Персы назвали этот стратегически важный проход Дарьял, Дар-э-Алан, то есть «Ворота аланов», одного из кочевых народов Скифии, чья территория лежала за ущельем (мать Тиграна была из аланов; сейчас на этой территории располагается Алания — Северная Осетия). Здесь до сих пор видны руины укреплений 150 г. до н. э. или даже более ранних, которые упоминает Страбон. Узкое ущелье Дарьял с его вертикальными стенами

заслуживает своего древнего названия — Скифские Запоры. Знаменитое своим диким великолепием, Дарьяльское ущелье широко освещено в русском романтическом искусстве и литературе. Грузинская военная дорога (заложена в 1799 г.) идет по этому древнему пути (и стирает его). Сегодня эта область является предметом неутихающего спора между Грузией, Россией, Чечней, Осетией, Ингушетией и др.^[504]

Главная дорога к Скифским Запорам / Дарьялу идет вверх по реке Арагве от его слияния с Курой до Дарьяльского ущелья. Помпей обезопасил эту дорогу, охраняемую крепостью Армази. Но он не знал, что есть альтернативный путь, «черный ход» к Дарьяльскому ущелью.

От Диоскур бросок менее чем в 150 миль (241,4 км) привел бы Митридата к менее известному пути (рядом с современным Кутаиси), отделенному от гарнизона Помпея в Армази 100 милями (161 км) непроходимых предгорий. Согласно описаниям Страбона, эта крутая извилистая тропа следовала вдоль реки Фазис к ее истоку в Кавказских горах. Дорога пересекала 120 мостиков через ревущие потоки и разверзнутые ущелья до Мамисонского перевала (Мамисони), высота которого составляла около 10 тысяч футов (3,3 км) (Осетинская военная дорога, построенная в 1854–1889 гг., была проложена по этому древнему пути). После пересечения еще одного перевала (Роки, 9800 футов (2,99 км), в Южной Осетии, в древности — Иберии) эта дорога соединялась с главным путем к Дарьяльскому перевалу (8 тысяч футов (2,4 км)). Я полагаю, что эта дорога, пугающая, но избегающая враждебных племен и римского флота и обходящая стороной гарнизон Помпея в Армази, была единственной надеждой Митридата на спасение^[505].

Помпей и римляне считали попытку пересечь великую стену, покрытую вечными снегами, на границе известного им мира верной смертью. Но план Митридата, пусть и невероятно опасный, был более реалистичен, чем могло показаться. Многие из его воинов, включая Гипсикратию, выходцы с Кавказа. Они уже знали эту традиционную для кочевников дорогу и были привычны к холодной погоде на больших высотах. В самом деле именно их знание местности, возможно, подсказало Митридату идею переждать зиму в Диоскурах и пересечь Дарьяльский перевал, пройдя по малоизвестному пути вверх по реке Фазис. Митридат мог также узнать об этом важном проходе от

своих скифских союзников или из своих знаний о Кире Великом, который впервые укрепил Дарьяльский перевал.

Кавказ — один из наиболее лингвистически и этнически пестрых регионов земли. Согласно Страбону, семьдесят племен, разговаривавших на семидесяти разных языках, жили высоко в Кавказских горах, питаясь молоком и дикими плодами и охотясь. Зимой, сообщает Страбон, эти народы спускались с гор, чтобы перезимовать в Диоскурах и приобрести соль и другие товары (северная ветвь Шелкового пути прилегала к Каспийскому и Черному морям)^[506]. Нам известно, что зиму 66/65 г. до н. э. Митридат провел в Диоскурах. Следовательно, он мог узнать расположение Дарьяльского и других перевалов от местных горцев, воспользоваться их советами по выживанию и данными разведчиков.

Опыт Митридата в области зимних сражений в Ахее и Кизике и сражений на льду, которые вел его военачальник Неоптолем на Боспоре, равно как и сведения из «Анабасиса» Ксенофонта, могли помочь ему заранее оценить опасности, связанные с пересечением высоко лежащих снежных равнин. Ксенофонт прошел 45 миль по заснеженным горам от Армении до Понта — более короткое путешествие на не столь большой высоте, однако с куда большей армией. Его постоянно тревожили враждебные ему племена, чего Митридат мог избежать. Ледяной ветер резал лица людей Ксенофонта словно нож; множество людей и животных были потеряны в снежных бурях. Воины страдали от обморожений и слепли от снега. Снимай обувь по ночам и закрывай глаза темной тканью, советовал Ксенофонт^[507].

Планируя свой горный поход, Митридат располагал тремя ключевыми преимуществами перед Помпеем. Его маленькая армия была легко вооружена, приучена к горным условиям и пополнялась из местных племен; народы из иранского ареала, жившие на Центральном Кавказе, были его союзниками; и он располагал информацией, полученной от местных, и дружелюбными проводниками.

Страбон сообщает, что крутой проход через Дарьяльский перевал составлял путешествие в 130 миль (209 км), возможно неделю при хорошей погоде. Но 2 или 3 тысячи людей, идущих друг за другом, должны были растянуться как минимум на 5 миль (8 км). Путь

Митридата мог занять месяц. Хотя эта дорога идет существенно выше, чем высочайшие перевалы Альп, Страбон замечает, что перевал можно пройти ранней весной, но только с необходимым снаряжением. В Диоскурах Митридат мог снабдить свою армию зимней одеждой и обувью, сушеной провизией и выносливыми вьючными животными, заплатив за все это золотыми монетами из сокровищницы Синоры.

Специальное снаряжение можно было добыть у горцев, переживавших зиму в Диоскурах. Страбон описывает их обувь, похожую на снегоступы и предназначенную для подъема на вершины: они «подвязывали к ногам из-за снега и льда утыканные шипами широкие куски сыромятной бычьей кожи по форме вроде литавр». Другие «подкладывают под подошвы сапог утыканные шипами деревянные колесики». Для перевозки грузов они делают сани из шкур животных. «Здесь, — продолжает Страбон, — на горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу» и лавинах. Поэтому, как утверждает Страбон, путешественники носят длинные полые внутри палки, которые они могут высунуть из снежного сугроба, чтобы иметь возможность дышать и подать сигнал о своем местонахождении тем, кто сможет их откопать. Он также сообщает, как найти питьевую воду, собранную в больших пузырях воздуха подо льдом, и даже упоминает тучи маленьких высокогорных насекомых, которые выводятся в снегу^[508].

Союзники Митридата должны были держать его в курсе перемещений Помпея зимой и весной 65 г. до н. э. Экспедиция Помпея к Каспийскому морю, предпринятая ранней весной, давала Митридату возможность незаметно проскользнуть к Дарьяльскому перевалу, миновав гарнизон в Армази.

Это новое путешествие в неизвестность напоминает предыдущие смелые походы в окружении верной свиты. Теперь ему было около 69 лет, он был бодр и оптимистичен, рядом с ним находилась любовь его жизни Гипсикратия. Давайте проследуем за ними на север вверх по реке Фазис. Дубы, клены и миндальные деревья уступают место букам, елям и соснам. Золотистые зяблики летают по лесу. Отряд проходит через горные луга, украшенные первыми бордовыми примулами и кобальтовыми горечавками — вестниками весны.

Рис. 14.5. Подход к Дарьяльскому ущелью с юга, вдали виднеется гора Казбек. Фотография Г.Х. Бура, Тбилиси, Грузия, www.hansheinerbuhr.com

Дорога начинает подниматься, пересекая каменные мосты через огромные водопады и зияющие внизу ущелья, вверх, словно на американских горках невероятного размера. Каждую ночь длинная цепочка воинов разжигает костры, все спят завернувшись в меха, где бы на этой узкой тропе они ни остановились^[509]. Была возможность поохотиться (горные козлы, снежные козы, зайцы), но были также и опасности: медведи, персидские леопарды, волки, а также мороз, снежные бури и лавины.

То здесь, то там путники видели краснокрылых стенолазов, крошечных птичек малинового цвета, которых часто принимают за бабочек, сидящих на гранитных стенах. Повернув к востоку, проводники повели отряд Митридата через опасные ледяные поля высокого Мамисонского перевала, а затем перевала Роки.

Когда они достигли границы снега на высоте 9 тысяч футов (2,7 км), деревья исчезли, температура упала, в воздухе стало меньше кислорода. Унылый голос кавказского улара эхом отражался в голых скалах. Затем, когда армия повернула на север, чтобы перейти на главную дорогу к Дарьяльскому перевалу, впереди появился 16.500-футовый (5-километровый) пик горы Казбек, покрытый вечными снегами. Огромные евроазиатские белоголовые сипы парили над черными базальтовыми утесами, мифическим местом наказания Прометея. Вытянувшись в цепочку, армия Митридата проходит через узкие «запоры» Дарьяла, две перпендикулярных скалы («ворота»), проход между которыми менее чем 30 футов (9 м), окруженные снежными пиками^[510].

Путь Митридата с армией через высочайшие перевалы заснеженных Кавказских гор ранней весной был грандиозным путешествием даже для его долгой карьеры, отмеченной дерзкими предприятиями. Воодушевление от завершения этого впечатляющего дела в то время, пока Помпей тщетно искал его по ту сторону гор, должно было восстановить веру Митридата в свою непобедимость и особую судьбу.

Через Скифию в Крым

Через горные луга они без труда спустились в долины, сейчас находящиеся на юге России. В этих местах от широты земли и неба перехватывает дыхание, эта монотонность настолько бесконечна, что достигает поистине величественных размеров. Вид ничем не нарушаемого горизонта, в какую сторону ни посмотри, ошеломляет некоторых путешественников, но мне кажется, что для человека вроде Митридата (и Гипсикратии), который любил ездить верхом и ненавидел сидеть взаперти, это море травы означало свободу. Посреди бескрайней степной равнины выделялись лишь курганы — могильные насыпи, одни древние, другие совсем недавние. Говорят, что степи выглядят незавершенными без лошади и всадника, и они в скором времени встретились армии Митридата. Через земли «скифских племен, воинственных и враждебных», говорит Аппиан, они прошли «частью договариваясь с ними, частью принуждая их силой, так, даже

будучи беглецом и в несчастий, он вызывал к себе почтение и страх»^[511].

Вожди кочевников, населяющих земли вокруг Азовского моря и за Доном, выехали навстречу Митридату со своими отрядами, предлагая дары и лошадей, и проводили его до своих границ. Этот прием отличался от того, который оказали Дарию: у Митридата, должно быть, захватило дух от того, как радушно он был принят в этих безграничных богатых землях его друзей-кочевников. Аппиан указывает, что Митридат был здесь знаменитостью: о его подвигах слагали легенды, все знали о его великой империи и, более всего, восхищались его мужественным и упорным сопротивлением Риму. Ободренный Митридат заключил новые союзы, от всего сердца пообещал отдать своих прекрасных дочерей в жены вождям кочевых племен и добился их участия в его великом замысле пройти через Европу, перейти Альпы и уничтожить римских волков в их логове.

В это время в Пантикапее (Керчь) Махар был поражен вестью о том, что его отец пересек Кавказ через Скифские Ворота. Зная его бешеный нрав, Махар покончил с собой. Зато его брат Фарнак радостно встретил отца: Митридат, как говорили, часто утверждал, что сделает Фарнака своим преемником. Получив власть над Боспорским царством и Скифией, Митридат казнил нескольких бывших друзей, предавших его, в том числе римлян, которые плели заговор против него. Говорили, что евнух Митридата Гавр был организатором многих жестоких пыток и казней. Верный своим идеалам, Митридат пощадил подчиненных, которые действовали по приказу начальников-предателей. Были, однако, и два ошеломляющих исключения. Митридат убил своего сына Эксиподра за подготовку заговора. Он был также в ярости от сделки Стратоники с Помпеем. Предательства сыновей или любимых женщин он не переносил, и его месть была особенно зловещей: он схватил их сына Ксифара и убил его на палубе корабля перед Фанагорийской крепостью. Стратоника с башни с мукой наблюдала за тем, как он выбросил тело Ксифара^[512].

Впавший в подозрительность и жестокость Митридат стал напоминать Александра, который, став в конце своей жизни крайне подозрительным, видел повсюду заговоры и предательства, следил за товарищами и пытал друзей. Но возможно, паранойя и гнев Митридата были усилены серьезной болезнью. Если верить Аппиану, царь

перестал появляться на публике, поскольку его лицо покрылось ужасными язвами. Некоторое время он оставался внутри своего дворца на акрополе (гора Митридат), сверху озирая Пантикапей. К себе он допускал только трех евнухов-докторов. Неужели царя отравили?

Рис. 14.6. Керченский пролив между Крымом (Пантикапей) (слева) и Фанагорией на Таманском полуострове (справа), если смотреть по направлению к Азовскому морю.

Гравюра на стали У.Х. Бартлетта, 1838, предоставлена Ф. Деховым

Эта интригующая медицинская загадка Античности не была в должной мере исследована историками. А. Дагган предположил, что Митридат страдал от сыпи, вызванной «непривычной едой во время его тяжелого путешествия». Представляется более вероятным, что эта болезнь стала результатом серьезного обморожения, полученного во время перехода через Кавказ. Обморожение приводит к появлению волдырей и красных пятен, которые превращаются в бордово-черные пятна некроза и гангрены^[513].

Другое возможное объяснение состоит в том, что язвы на лице, так же как и острая паранойя, были результатом долговременного приема мышьяка — части терапии Митридата против ядов. Длительное употребление мышьяка может стать причиной приступов

неуравновешенности, галлюцинаций и паранойи. Кроме того, мышьяк провоцирует кератоз, который после десяти — двадцати лет приводит к раку кожи. Следует заметить, что под влиянием обморожения вызванные мышьяком опухоли начинают гнить. Обморожение, соединенное с постоянным приемом небольшой дозы мышьяка и других фотосенсибилизирующих токсинов, таких как рута и зверобой продырявленный, судя по всему, являлось причиной кожного заболевания Митридата^[514]. Аппиан говорит, что язвы были излечены (или, возможно, замаскированы) евнухами-докторами. Неизвестно, сколько Митридат не появлялся на публике, вероятно несколько месяцев, избегая столь важного личного контакта со своими сторонниками.

Прошение о мире

Война была для Митридата последним шансом после неудачных попыток переговоров с римлянами. Теперь, когда он отвоевал Боспорское царство и в свете недавних событий (включая унижительную капитуляцию Тиграна Помпею), Митридат рассматривал способы избежать войн с Римом. Он оптимистично полагал, что сможет заключить соглашение, подобное тому, что заключил Тигран. Итак, в то время, когда Помпей был занят аннексированием Сирии в 64 г. до н. э., он получил сообщение от Митридата, который не только был полным сил непобедимым царем-мятежником в Крыму, но он также следил за действиями Помпея.

Митридат пообещал, что, если Рим восстановит его Понтийское царство, он станет данником Рима. Он не просил ни о чем, кроме того, что уже получил Тигран. Но Помпей отклонил это прошение — Митридат должен был выразить почтение лично, как сделал Тигран. С понятной осторожностью и характерной для него гордостью Митридат отказался. Вместо этого он предложил отправить своего взрослого сына (предположительно, Фарнака, своего прямого наследника) с прошением к Помпею.

Отклонено

Помпей отверг и это предложение. Игнорируя Митридата, он продвигался дальше на юг в поисках приключений и славы. Он пошел войной на евреев в Палестине, захватив их царя и святой город Иерусалим. Поздним летом 64 г. до н. э. Помпей напал на Nabateyское царство в Петре (Иордания). Некоторые из его воинов начали роптать, что их командующий уклоняется от своего долга перед родиной — уничтожения реального врага Рима, Митридата. Они слышали о «новом Ганнибале», готовящемся к походу с новой армией через Альпы, чтобы покорить их родину^[515].

Действительно, у Митридата всегда были спонтанные планы и обычно он находил способы их осуществлять. Он «воевал с римлянами более 46 лет с переменным успехом», писал историк Юстин. Он испытал «поражение от величайших полководцев Рима только для того, чтобы сделаться в возобновленной борьбе еще могущественнее и снискать еще больше славы, чем раньше». Как заметил Дион Кассий, «сам Митридат не падал духом под бременем несчастий, более веря своим желанием, нежели силам». Вдохновленный идеей об охране Востока от влияния Рима и мыслью о своем собственном изумительном могуществе, Митридат готовился к войне, которая, как оказалось, стала последней.

Наверное, в это трудное время он часто думал о своих прославленных предшественниках. Дарий посылал шпионов в Италию и намеревался захватить Карфаген, величайшего конкурента Персии в Средиземноморье. Александр, мечтавший о завоевании всей Индии, наталкивался на большие преграды и опасности. Как и его герой, Митридат страдал от тяжелых ран, делился трудностями и сокровищами со своими воинами, «пил из рек, наполненных кровью, переходил потоки по мостам из трупов, спал на траве и соломе, прокладывая путь через снежные горы», претерпевал бури в морях, пересекал засушливые земли. Теперь, несмотря на все поражения, уготованные фортуной, все «осады, преследования, восстания, лишения, бунты определенных народов и поражение царей», Митридат, как и Александр, настроился на «великое предприятие», держался за «большие надежды и отказывался признать поражение»^[516].

Митридат считал, что его просьба мирно управлять родным Понтом была несправедливо отклонена. Поэтому он выбирал из трех

вариантов: капитуляция, побег или атака. Принять безоговорочные условия Помпея, пресмыкаясь, как Тигран? Ни за что. Митридат также отказался бежать, но, если он оставался, война с Римом становилась неизбежной. Царь вернулся к своему «ганнибаловскому» плану захвата Италии.

Аппиан назвал эту схему «невыполнимой». Современные историки спорят, была ли это рациональная стратегия или признак отчаявшегося, даже поврежденного ума. Мак-Гинг, проанализировав внешнюю политику Митридата, размышляет, не был ли этот «дико нереалистичный» план изобретен римлянами или Фарнаком, чтобы представить Митридата возможным завоевателем мира. Тем не менее в 74 г. до н. э., когда сенат финансировал кампанию Лукулла, Рим поверил, что Митридат намерен захватить Италию с моря. Римские историки этой эпохи спорили, мог ли Александр Великий стать успешным захватчиком Италии, как Ганнибал. Как мы можем увидеть, Митридат пообещал италийским повстанцам, что придет им на помощь, когда наступит нужное время. Некоторые римляне думали, что его план захвата был вполне осуществимым. В сенате Цицерон утверждал, что Митридат, «потерявший свое войско и из царства своего изгнанный, даже теперь что-то замышляет, находясь в странах, лежащих на краю света»^[517].

Приспособляемость, внезапность и оригинальность были сильными чертами характера Митридата. Дагган, рассматривавший этот план как «потрясающую фантазию одинокого разума», все же отмечал его полную логичность. Из Крыма было легче перейти дружественные земли к устью Дуная. Поход по Дунаю к Альпам был путешествием длиной почти 600 миль (966 км), то есть половиной дистанции, пройденной неутомимыми войсками Митридата от Понта до Колхиды в Пантикапей. После первого препятствия, Железных Ворот в узком ущелье Карпат, пересечение Альп (через гору и перевал Бреннер, 4500 футов (1,4 км) кажется сравнимым со Скифскими Запорами в Кавказских горах. И они оказались бы в землях галлов и этрусков, страдавших от римского гнета. Рейнак также отметил осуществимость плана. Кто мог предсказать, что произошло бы, спрашивает он, если бы внезапно огромная армия из 100 тысяч варваров под предводительством непобедимого и блистательного царя появилась на просторах Северной Италии?^[518]

«Будучи деятелен от природы», писал Кассий Дион, Митридат обдумал свои многочисленные победы и поражения и решил, что «для него нет ничего недостижимого или безнадежного». Если бы он проиграл, «он предпочитал погибнуть вместе со своим царством, сохраняя прежнюю высоту духа, нежели, лишившись царства, жить в унижении и беславии». Митридат велел своим военачальникам, римским офицерам и Фарнаку готовиться к войне с Италией. Они ввели высокие подати и налоги для того, чтобы компенсировать потерю своего состояния в Понте, начали широкую программу по строительству форта, вербовку рабочих и воинов. К 64 г. до н. э. новая армия Митридата состояла из 6 тысяч боевых подразделений, натренированных по римскому обычаю, и из «великого множества других»: степных кочевников, горцев, стрелков, копьеносцев и пращников. Митридат чеканил монеты хорошего качества; запасался зерном и другим продовольствием; рубил лес на корабли и на осадные машины; основывал фабрики для производства лат, копий, мечей и снарядов; и, наконец, даже убивал тягловых животных, чьи жесткие сухожилия были необходимы для строения катапульта^[519].

Эти военные приготовления обеспокоили и привели в смятение мирное Боспорское царство, которое до сих пор находилось в стороне от войн Митридата. Кроме того, в 64/63 г. до н. э. пугающее стихийное бедствие — сильное землетрясение — стало предвестником изменений. Некоторые вспомнили опустошающее землетрясение, которое предшествовало потере Сирии Тиграном. Землетрясение было описано Дионом Кассием, Титом Ливием и Павлом Орозием: все произошло в то время, пока Митридат принимал участие в празднествах в честь богини Деметры. Эпицентр установить так и не удалось, однако, согласно свидетельству, найденному российскими археологами в руинах Пантикапея, толчки сильнее всего ощущались именно там. По мнению Кассия Диона, землетрясение чувствовалось даже в Риме. Некоторые города-союзники Митридата пострадали от разрушений, что вызвало беспокойство о будущем старого царя^[520].

Восстание на Боспоре

Чтобы защитить оба берега Боспора, Митридат послал своего евнуха Трифона (еврейское имя) командующим в Фанагорию^[521]. В крепости под присмотром других евнухов находилась Стратоника (в трауре по своему убитому сыну Ксифару) и дети Митридата: Артаферн, Евпатра, Орсабариды, Клеопатра Младшая с их младшими братьями — Дарием, Ксерксом, Киrom и Оксатром.

Казалось, что все идет по плану, до тех пор пока дело не дошло до террора и мести. Один житель Фанагории кинулся на евнуха Трифона и ударил его ножом. Этот убийца, носивший греческое имя Кастор, поднял Фанагорию на восстание. Возбужденная приготовлениями Митридата к непопулярной войне, толпа подожгла крепость, чтобы выкурить оттуда царскую семью. Артаферн и дети были захвачены в плен. Одна только бесстрашная дочь Клеопатры Младшей оказала сопротивление и бежала на корабле, посланном Митридатом, чтобы спасти ее.

Восстание в Фанагории породило цепную реакцию в Боспорском царстве. Митридат не доверял своей армии: обязательная служба под командованием человека, считавшегося неудачником, подготавливала почву для мятежа. Он быстро собрал своих дочерей в гареме Пантикапея. Охраняемые дворцовыми евнухами и эскортом в пятьсот воинов, девушки были отправлены к скифским вождям, которым они были обещаны, со срочной просьбой прислать подкрепление в Пантикапей. Две самые младшие девушки, Нисса и Митридатиды, помолвленные с правителями Египта и Кипра, остались с Митридатом.

Властолюбивые советники Митридата из числа евнухов заслужили презрение воинов за то, что изолировали царя от его подданных и проводили среди них чистки. Караван, направлявшийся в Скифию, не успел далеко уйти: воины убили евнухов и похитили юных царевен, намереваясь передать их Помпею за вознаграждение. Аппиан выражает удивление тем, с какой изобретательностью и энергией отреагировал Митридат на эти новые несчастья. «Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом не ничтожным или соответствующим его несчастьям»^[522].

Митридат настойчиво следовал своей идее завоевать Италию с суши. В конце концов, его подвиг перехода через Кавказ превосходил

переход Ганнибала через Альпы. Он знал, что возможность привлечения Ганнибалом на свою сторону повстанцев в Италии ужасала Рим. Подобные перспективы вырисовывались перед завоевателем в Италии и сейчас. Как указывает Аппиан, Митридату было известно, что «многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам», что десятки тысяч примкнули к фракийскому гладиатору Спартаку. Митридат долго искал дружбы с европейскими галлами, которые противостояли Риму, он мог рассчитывать на скифов и других северных союзников. Главной мечтой Митридата было, чтобы он и бесчисленная армия ненавидящих Рим воинов от Каспийского моря до Галлии сокрушили Рим раз и навсегда.

Это был, как признает Аппиан, очень смелый план. Если бы он удался, Митридат покрыл бы себя немеркнущей славой. Его ум был поглощен этой идеей, он спешил установить контакт с галлами^[523].

Но его командиры и воины, равно как и римские изгнанники, были ошеломлены этим стремительным планом. Грандиозный масштаб идей Митридата пугал. Многие отшатнулись от идеи воевать в далекой незнакомой стране, говорит Аппиан, против врага, которого они не могли победить в их собственной. Его боспорские подданные наслаждались самоуправлением двадцать пять лет; сейчас тяжелые налоги и принудительное обеспечение войска, казалось, противоречили основным принципам Митридата и прошлым обещаниям. Некоторые из воинов, прослуживших ему много лет, стали разочаровываться; они надеялись вернуться в богатое Боспорское царство. Из 2 или 3 тысяч тех, кто перешел Кавказ вместе со своим царем, каждый имел полное годовое содержание; они надеялись начать новую жизнь. И стоит заметить, что половина столетия отделяла семидесятилетнего Митридата от самых молодых из его новобранцев.

Некоторые из более старых его последователей воспринимали грандиозный план царя как самоубийственный выход из ситуации. Не без основания они полагали, что это был признак отчаяния. Это открывало Митридату путь к славной смерти в сражении за благородные, но безнадежные идеалы, вместо капитуляции. Намного лучше умереть на поле битвы, чем быть задушенным в конце триумфа Помпея! Митридат тем не менее был еще так глубоко уважаем и любим за свое бесстрашие, щедрость и несломленную уверенность,

что большинство из его последователей остались верными и предпочитали молчать о своих сомнениях. Даже в худших своих злоключениях, восхищается Аппиан, «он вызывал к себе почтение и страх». Он был последним независимым монархом, оставшимся в новом римском мире^[524].

Но одна ключевая фигура осмелилась решительно воплотить в жизнь свои страхи и сомнения. Фарнак, любимый сын и наследник Митридата, был очень встревожен и имел свои причины на это. Царство, в котором он был наследником, погребло бы, если бы его отец действительно попытался завоевать Италию. Фарнак (в свои тридцать) полагал, что сможет договориться с Помпеем, но он должен был отговорить отца от осуществления его безумного плана. Фарнак начал тайно обсуждать с друзьями узурпацию отцовской короны.

Восстание Фарнака

Измена Фарнака была, конечно, открыта всезнающим Митридатом. Заговорщиков послали на пытку и убили. Всех, за исключением Фарнака. Согласно Аппиану, Фарнака пощадили благодаря старому другу Митридата военачальнику Метрофану. Он убедил Митридата в том, что будет плохо и чересчур жестоко предать смерти горячо любимого сына, объявленного наследником. Разногласия были обычным делом в военное время, давал совет старый полководец, но о них забывают, когда войны заканчиваются. Возможно, Метрофан говорил о том горе, которое принесет это внукам Митридата, детям Фарнака Дарию и Динамии («Сильной»)^[525]. Кажется, что любовь к Фарнаку и беспокойство за будущее своего царства пересилили инстинкт самосохранения Митридата. Митридат, который потерял столь многих и столь многое, помиловал своего сына. Это было первым случаем, когда он простил изменника. Когда царь вернулся в свою спальню, сомневался ли он в принятом решении? Или он уже примирился с фактом, что Фарнак станет царем либо сейчас, либо в ближайшем будущем?

Фарнак, возможно размышляя о судьбе многих из своих братьев, последних убийствах Ксифара и Эксиподра и самоубийстве Махара, не мог поверить в то, что его отец мог действительно простить его. Он

прокрался в лагерь изгнанных римлян и «описал им ожидавшую их опасность — о которой они уже знали и сами — вторжения в Италию». Обещая большие награды, Фарнак убедил их бросить Митридата. Затем он послал разведчиков в другие лагеря и на корабли в порту и также склонил их на свою сторону. Было решено, что на следующее утро они поднимут восстание и потребуют, чтобы царь отрекся от престола в пользу Фарнака.

Рассерженные голоса разбудили Митридата в его дворце. Многие из граждан присоединились к восставшему войску, потому что, по мнению Аппиана, они были ненадежны и озабочены бесконечным рядом неудач царя или же потому что они боялись остаться единственными в стороне от этого повсеместного восстания. Митридат послал слуг выяснить, что это за беспорядки. Толпа окружила дворец. Вскоре он сам мог услышать людей, выкрикивающих свои обиды и требования.

— Мы не хотим царя, управляемого евнухами!

— Мы не хотим царя, который убивает своих собственных сыновей, своих полководцев и своих друзей!

— Мы хотим молодого царя вместо старого!

— Мы хотим царем Фарнака!

Митридат спустился на площадь, чтобы урезонить толпу. В это же время несколько испуганных стражников бежали из дворца, чтобы присоединиться к черни. Но подстрекатели в толпе указали на царя, отказавшись принять стражников, прежде чем они докажут свою приверженность, «сделав нечто непоправимое». Несколько человек из толпы побежали к царским конюшням и убили лошадей Митридата. Митридат быстро вернулся в свой дворец. Он поднялся по винтовой каменной лестнице на самую высокую башню^[526].

Из башенного окошка он видел, как Фарнак появился на площади. Он слышал, что люди приветствовали его сына как нового царя. Кто-то в спешке принес священный лист папируса из храмового сада и предложил Фарнаку эту самодельную корону. Громкий гул одобрения раздался из толпы.

Глава 15.

В башне

Что же случилось в башне после того, как царем был провозглашен Фарнак? Свидетель был, очевидно, только один — телохранитель Митридата Битуит, и непонятно, выжил ли он, чтобы рассказать эту историю. Все, что мы знаем, — сведения римских историков, которые восстановили эту сцену, основываясь на противоречивых предположениях людей, находившихся в то время в Пантикапее, интерпретациях улик, найденных в башне, а также слухах и народных преданиях о последних часах жизни Митридата. Давайте сначала посмотрим на то, что рассказывают нам древние писатели, и затем подумаем, как прочесть между строк, чтобы восстановить события и составить осмысленную картину на основании неполных данных.

Самый смертельный из всех ядов

Самым большим страхом Митридата было то, что его выдадут Помпею для позорного выставления на публике и смерти в Риме. Он понимал, что утратил расположение своего народа; он признавал тот факт, что новым царем стал его сын. Его единственной надеждой оставалось уйти в изгнание. Он послал множество сообщений Фарнаку, требуя дать ему безопасно покинуть Пантикапей. Ни один из его вестников не вернулся. Затем Митридат послал старых друзей, чтобы те умолили его сына, но их или убили придворные Фарнака (если верить Аппиану), или же их уговорили обратиться против Митридата (так сообщает Дион Кассий).^[527]

Когда просьбы о безопасном выезде остались без ответа, Митридат оказался в таком же тяжелом положении, как в 182 г. до н. э. Ганнибал, попавший в ловушку в своем дворце в Вифинии. Как и Ганнибал, Митридат подготовился к этой ситуации. Митридат

поблагодарил своего телохранителя и других спутников, которые остались верны ему. Как и в предыдущих катастрофах, Митридат приказал своим евнухам раздать яд женщинам и детям в гареме. Две самые юные царевны, Митридатиды и Нисса, были воспитаны во дворце со своим отцом, что и объясняет то, что они были в башне с ним. (Они были помолвлены, но еще не достигли брачного возраста, так что им, видимо, было где-то от 9 до 13 лет.) Согласно литературным традициям, царь и его дочери приняли яд, в то время как Битуит охранял их.

Митридат раскрыл секретное отделение в рукоятке своего кинжала и вынул небольшой золотой сосуд — прекрасное изделие скифских мастеров. Девушки попросили отца поделиться с ними ядом, прося его оставаться в живых, пока не умрут они. Царь держал их в объятиях, пока они пили из сосуда. Средство подействовало немедленно^[528].

Когда обе девушки умерли, Митридат выпил остальное. Однако яд не убил его. Он энергично ходил туда-сюда, чтобы яд распространился по его телу. Он сильно ослабел, но смерть как и не пришла. Согласно часто повторявшейся легенде — насыщенной иронией и рассказанной почти в каждой древней версии смерти Митридата, царь, который сделал себя неуязвимым перед ядами, потребляя микроскопические дозы отравы всю жизнь, в конце концов так и не смог отравиться. Везде пересказывали последние слова Митридата: «Я, бывший столь долгое время самодержавным царем этой страны, не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда — неверности войска, детей и друзей — я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься»^[529].

Эту выразительную притчу пересказывали средневековые хронисты и повторяли современные историки: ведь ее мораль казалась такой поэтически-уместной для царя ядов.

Однако логика вынуждает нас возразить. Если потребление митридатия действовало благодаря тому, что мы сегодня называем *hormesis* — как, очевидно, считал и сам Митридат, — то зачем же ему было всю жизнь подстраховываться, нося с собой яд для самоубийства, если только это не была тщательно рассчитанная смертельная доза

какого-то особого быстродействующего яда, который не был включен в ежедневную порцию противоядия? Всю свою жизнь Митридат проверял множество ядов на людях и точно знал, сколько ему потребуется, чтобы умереть быстро, в одиночестве и достойно^[530]. С другой стороны, если митридатий на самом деле не спасал от яда, тогда почему эта точно отмеренная доза не подействовала?

Рис. 15.1. Митридат отравляет своих юных дочерей (справа) и приказывает телохранителю Битуиту (слева) нанести ему удар кинжалом. Иллюстрация Адриена Мари, в Church 1885

Есть естественное объяснение, которое отвечает на оба вопроса: до него не додумались современные ученые, но оно очевидно, если основываться на древних источниках. Царь поделил свою дозу на одного с двумя дочерьми, и количество яда уменьшилось минимум наполовину. Осталось недостаточно яда, чтобы убить мужчину такого роста и сложения, как Митридат. Как и его неожиданное милосердие по отношению к сыну-предателю Фарнаку, жалость Митридата к своим невинным дочерям повредила ему самому. Истинная ирония была в том, что за эту жертву царь заплатил своими собственными страданиями. Может быть, это и был подобающий, мифический конец для того, кого приветствовали как спасителя.

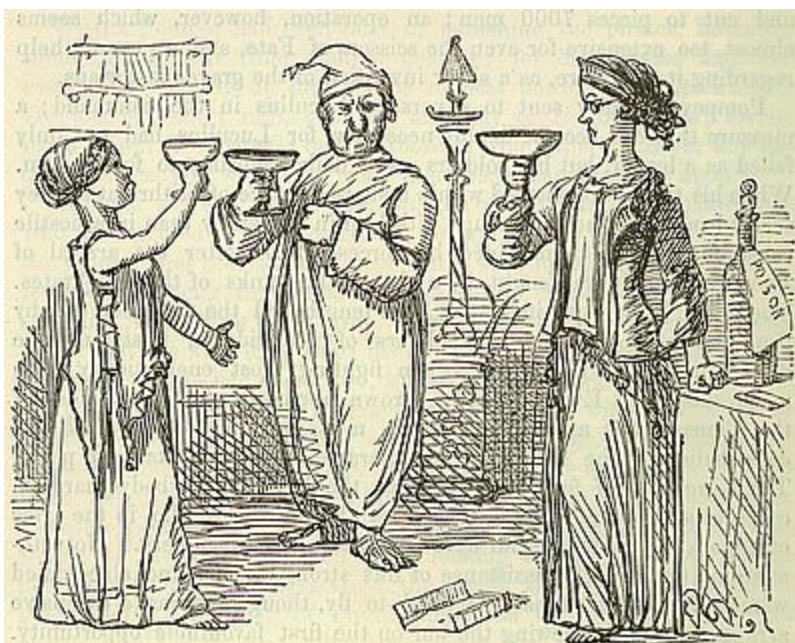

Рис. 15.2. «Необдуманный поступок Митридата». Очень недобрая карикатура Джона Лича, художника из «Панча», на которой изображено самоубийство Митридата и его дочерей в виде сцены из салонной комедии. The Comic History of Rome, Gilbert Abbott, A. Beckett, 1852

Когда стало очевидным, что яд не действует, Митридат достал меч и попытался ударить себя, однако физическая слабость и душевная боль не позволили ему поразить себя. В этот момент царь призвал верного телохранителя Битуита, который затрепетал, видя «величественный облик» своего государя. Если верить аппиановской версии традиции, Митридат стал ободрять Битуита: «Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа». Глубоко взволнованный Битуит «почувствовал жалость к царю, нуждавшемуся в такой помощи, и выполнил его просьбу». Другую версию приводит Дион Кассий: воины Фарнака «мечами и копьями ускорили его гибель». Однако Рейнак разумно предположил,

что воины Фарнака ворвались в башню слишком поздно, чтобы захватить царя живым, и в ярости изрезали его тело^[531].

Рис. 15.3. Битуит ударяет Митридата ножом после того, как царь не смог отравиться из-за того, что всю жизнь потреблял яд. Эта иллюстрация на орнаментированном сосуде XVI в., содержащем Митридатий, должна была стать рекламой для противоядия в нем — такого сильного, что человек уже не может отравиться. Annibale Fontana, 1570. Paul Getty Museum, Los Angeles

Древние историки согласны в том, что, после того как тела были обнаружены в башне, Фарнак послал весть Помпею, который теперь находился далеко в Петре (Иордан), и попросил разрешения править царством своего отца, как друг римского народа. Фарнак забальзамировал тело отца, облаченное в царское платье и доспехи, и отослал его вместе с царским оружием, скипетром и другими сокровищами через Черное море в Понт. Другие триремы везли тела

членов царской семьи (в том числе Ниссы и Митридатиды) и выживших царских детей (Артаферна, Евпатру, Орсабариду и маленьких Дария, Оксатра, Ксеркса и Кира).

Рис. 15.4. Трагическая неоклассическая картина смерти Митридата: здесь показаны воины Фарнака, врывающиеся в башню, как это описал Дион Кассий. Художник Августин Мирыс (1700–1790) изобразил трех мертвых дочерей Митридата

Фарнак также выдал множество греков и варваров, которые служили Митридату, — в том числе людей, ответственных за пленение Мания Аквиллия, казненного с помощью расплавленного золота за то, что тот начал Митридатовы войны двадцать пять лет назад. Присутствие этих людей в окружении царя после столь бурной четверти века свидетельствует о замечательной верности некоторых спутников Митридата^[532].

Победа Помпея

Несколькими месяцами позже новости дошли до Помпея, который находился в лагере где-то между Петрой и Иерихоном. Прибыли

вестники, потрясая дротиками, завернутыми в победные лавры, ликуя по поводу того, что собственный сын Митридата, Фарнак, вынудил царя совершить самоубийство в Пантикапее. Помпей взобрался на вершину поспешно сооруженного холма из попон для грузовых лошадей, чтобы объявить войскам о случившемся. За этим последовали великие празднества и жертвоприношения — как будто бы они действительно выиграли великую битву и убили множество врагов.

Биограф Помпея Плутарх намекает на некое недовольство и раздражение, связанное с неловким положением, в которое попал Помпей. Действительно, что же Помпей делал почти в тысяче миль (1609 км) к югу от Черного моря? Его послали убить или пленить Митридата в 66 г. до н. э., однако Митридат не только спасся, но и мирно правил Боспорским царством последние три года и уже готовился вторгнуться в Италию. Теперь устранение Митридата лишило Помпея законного оправдания для того, чтобы продолжать завоевывать лично для себя славу на Ближнем Востоке. Помпей послал официальное письмо римскому сенату. Эти новости встретили с великим облегчением и радостью, и Цицерон, который тогда был консулом, провозгласил десять дней благодарственных молебнов. Между тем Помпей медленно отправился в Понт, чтобы получить останки своего врага^[533].

Но когда воины Помпея открыли на берегу гроб царя, лицо умершего было совершенно неузнаваемым! Все хорошо знали благодаря широко публиковавшимся портретам на монетах и статуях, как выглядел Митридат, — однако из-за разложения опознать тело было практически невозможно. Если верить Плутарху, бальзамирование провели не очень качественно: лицо разложилось, поскольку не удалили мозг. Конечно, долгое путешествие по морю во влажной среде, выставление напоказ в Амисе в летнее время, воздействие яда, результаты недавних ран лица, полученных Митридатом, а то и повреждения, нанесенные воинами Фарнака, тоже должны были сыграть свою роль^[534].

Пропавшее лицо немедленно вызвало подозрение: действительно ли это тело Митридата Великого? Неужели блистательный нимб Митридата — *xvarnah* (дух или удача) — действительно погас?

«Из суеверия» Помпей отвернулся (а может быть, и просто не захотел смотреть на труп, после того как услышал, что на лицо и смотреть не стоит). Те, кто осматривал тело, опознали его «по шрамам». Современные ученые принимают эти слова всерьез без тщательного анализа. Самый заметный шрам у Митридата, конечно, была отметина на лбу от молнии, которая поразила его в детстве, но на разложившемся лице ее невозможно было бы увидеть. По той же причине нельзя было заметить и шрам на щеке от раны, полученной в сражении в 67 г. до н. э. Тогда остается шрам от удара мечом по бедру (в том же сражении) и недавняя, смертельная рана, которую нанес Битуит (свидетелей этому не было). Если тело действительно было изуродовано людьми Фарнака, как об этом сообщил Дион Кассий, то старые шрамы увидеть было бы трудновато. Бывший друг Митридата, Гай, состоял в посольстве Фарнака (если верить Плутарху). Может быть, он и был одним из тех, кто опознал тело по шраму на бедре. Однако шрамы на бедрах были обычным делом для всех, кто ехал верхом в сражении, а отличительные шрамы Митридата на лице пропали. Это означает, что знаки царского достоинства в гробу были единственным физическим свидетельством того, что умерший был именно царем Митридатом.

Доспехи, кольчуга и поножи соответствовали богатырскому, как говорили, сложению Митридата; шлем был орнаментированным (может быть, и с перьями цвета гиацинта, как у Кира Великого). Были и другие богатые атрибуты царской власти: пурпурный плащ, богатый меч Митридата — одни только ножны стоили 400 талантов; его инкрустированный драгоценными камнями скипетр и золотая корона. Плутарх говорит, что Помпей восхищался этими чудесной работы вещами и «с удивлением рассматривал одежды, которые носил царь, и его великолепное драгоценное оружие». После ухода Помпея римские офицеры и некоторые люди, служившие ранее Митридату, окружили добычу, как шакалы: они забрали ножны и стали пререкаться из-за короны и других сокровищ^[535].

Неизвестно, что чувствовал Помпей на самом деле. Сначала, наверное, это был почтительный трепет: ведь произошло такое значимое событие, кончилась эпоха, ушел из жизни харизматичный, чрезвычайно амбициозный, независимый монарх, который был неумолимым и неуловимым врагом Рима всю жизнь Помпея. Но

Плутарх также намекает и на то, что Помпей ощутил некое опустошение, когда так неожиданно «счастливо закончил все свои дела» в этой кампании, которую провел к большой своей выгоде. Было и явное разочарование: ведь по сути Митридат снова ускользнул, снова бросив вызов, но теперь ему уже никогда нельзя будет отомстить: он отобрал славу у Помпея, возможность лично передать римскому народу и сенату того, кто совершил такое множество оскорблений, десятилетиями ведя войну. Самоубийство — как в древности, так и в наше время — могло стать благородным бегством от тирании или пленения врагами. Оно, кроме того, лишает победителя удовлетворения от убийства врага или отдачи его под суд^[536].

Историк Дион Кассий подчеркивает, что Помпей не подверг тело Митридата какому-либо недостойному обращению или осквернению. Вместо этого Помпей сознательно подражал рыцарскому обращению Александра Великого с останками его персидского врага, царя Дария. Выказав уважение к телу, Помпей похвалил отважные подвиги Митридата и объявил его величайшим царем своего времени. Он оплатил царские похороны и приказал поместить тело рядом с праотцами Митридата. Никакому другому врагу Рима не были суждены такие почести. Как указывает историк Якоб Мунк Хейте, обращаясь с Митридатом так, как обращались с Дарием, Помпей, по сути, понизил «царя-филэллина до восточного деспота», сам таким образом сыграв роль современного римского Александра^[537].

Еще больше вопросов

Где было похоронено тело? Согласно Диону Кассию, Митридата поместили «в фамильной усыпальнице». Плутарх и Аппиан полагали, что царя похоронили «в могилах царей в Синопе», поскольку именно он был царской резиденцией Понта. В 1890 г. Рейнак предположил, что в Синопе должен был существовать новый царский некрополь. Однако традиционный мавзолей праотцев Митридата представлял собой несколько вырубленных в скалах гробниц в Амасии над рекой Ирис (см. рис. 4.4). Обширные современные археологические раскопки в Синопе не выявили никаких гробниц, которые могли бы быть местом погребения самого Митридата или его царственных предков.

Рис. 15.5. Митридат и Гипсикратия совместно принимают яд вместе с дочерьми Митридата и Бутуином. Boccaccio, Des cleres et nobles femmes, ca. 1450. Spencer Collection, New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations

Так что неясности, связанные с телом Митридата, еще больше усугубляются неопределенностью по поводу его могилы. Незнание относительно места последнего упокоения — одна из примет мифического героя, верный признак того, что Митридат перешел в область легенд (см. приложение I)^[538].

Ореол легенды и тайны, окружающий смерть Митридата, поднимает и другие вопросы, на которые древние историки ответа не дают. Например, что случилось с его преданной спутницей-амазонкой — Гипсикратией?

Если бы стало известно или даже начали ходить слухи, что Гипсикратия была отравлена, убита или захвачена в плен, то можно

было бы ожидать, что об этом было бы упомянуто в рассказах о судьбах других членов семьи Митридата и его окружения. Исчезновение из исторических повествований этой интересной женщины, отважной всадницы, которая была так близко связана с Митридатом в последние годы его жизни, оставляет белую страницу, которая слишком любопытна, чтобы забыть о ней. «Любовь царицы Гипсикратии к Митридату была безмерна, — говорил Валерий Максим, — она была предана ему телом и душой». Ее «необыкновенная верность была величайшим утешением и успокоением для Митридата в самых горьких и трудных обстоятельствах, ибо он словно бы был как дома, даже блуждая, как потерпевший поражение, потому что она была в изгнании вместе с ним». Даже Теодор Рейнак попал под очарование этой романтической «искренней страсти», *passion sincere*. Рейнак нарисовал портрет Гипсикратии, «последнего живого воплощения утраченного царства», нежно утешающей Митридата в его поражении^[539].

Романист Майкл Кёртис Форд объяснил исчезновение Гипсикратии, представив себе, что она провалилась в расщелину во льду во время перехода через Кавказ, оставив Митридата в настоящем трауре в первый раз в жизни. В Античности и в эпоху Ренессанса писатели также пытались представить себе судьбу Гипсикратии. В иллюстрированной рукописи трактата Боккаччо «О знаменитых женщинах» (ок. 1450 г.) художник нарисовал Митридата и Гипсикратию, которые пьют чаши с ядом вместе с двумя дочерьми царя и их спутником Битуитом. В нескольких французских трагедиях XVII в. о Митридате Гипсикратия также оказывалась в башне, принимая яд вместе с царем и царевнами.

У Гипсикратии действительно был яд, который Митридат дал ей после поражения в «битве при лунном свете», и она должна была бы совершить самоубийство. Но молодая, сильная, изобретательная и свободная девушка вряд ли считала себя обязанной принять смерть, как наложница — пленница гарема. Альтернативный вариант — при котором Гипсикратия могла выжить — точно так же правдоподобен.

Ни один древний источник не упоминает об Гипсикратии после зимы 623 г. Однако удивительное недавнее открытие русских археологов в Фанагории доказывает, что Гипсикратия пережила переход через Кавказ и была рядом с Митридатом, когда он отвоевал

Боспорское царство. Надпись на основании статуи Гипсикратии чествует ее, как супругу царя Митридата Евпатора Диониса. К несчастью, сама статуя не дошла до наших дней, но надпись говорит, что Гипсикратию почитали, как царицу — супругу Митридата в Боспорском царстве. В этой надписи, как мы увидим, есть и еще один неожиданный и удивительный факт^[540].

Итак, Гипсикратия была в Боспоре до мятежа Фарнака. Однако бездеятельная жизнь при дворе Митридата в Пантикапее, может быть, не подходила для такой независимой воительницы и всадницы. Было бы вполне разумно, если бы Митридат предоставил ей воинский пост, связанный с подготовкой к войне. Может быть, во время восстания Фарнака ее и не было во дворце, и она выполняла какую-то миссию на службе его величества. Митридат часто использовал своих близких друзей в качестве послов. Саму Гипсикратию он мог отослать в гости к кочевникам на севере или западе, чтобы подготовиться ко вторжению в Италию. Она и Митридат могли надеяться встретиться во время похода.

Если Гипсикратия была в Пантикапее в 63 г. до н. э., то можно предположить, что при первых признаках мятежа Фарнака Митридат позаботился об ее безопасности. Может быть, она была среди воинов, которые эскортировали царевен в Скифию? Единственная дорога к спасению лежала в Скифию; она и Митридат могли ждать здесь встречи в случае победы — или в изгнании, если бы царю дали целым и невредимым покинуть дворец.

Могла бы Гипсикратия попасть в плен к Фарнаку и быть переданной Помпею? Если так, такой трофеей был бы на самом виду во время триумфа Помпея. Но это невероятно, поскольку имя царицы не фигурирует в весьма подробном рассказе о празднестве.

Помни, что ты смертен

Триумф Помпея состоялся в 61 г. до н. э., через два года после его победы. В течение двух дней весь Рим дивился столь величественному и роскошному зрелищу: оно превосходило все предшествующие триумфы. Как указывал Аппиан, ни один римлянин никогда не побеждал столь великого врага, как Митридат Великий, и не

завоевывал столько народов, распространив власть Рима до Евфрата и Черного моря.

В гавани можно было увидеть 700 захваченных кораблей и бесчисленные повозки, нагруженные варварскими доспехами и оружием, а также бронзовые носы кораблей. Знамена и надписи восхваляли Помпея, который захватил тысячу замков и 900 городов. Были и телеги, нагруженные целыми талантами серебряных и золотых монет, сосудами и ювелирными изделиями. Носилки были завалены миллионами монет, ларцами с резными геммами — действительно, официальные данные о невероятной добыче Помпея были весьма обширны, и приводить их здесь полностью было бы слишком утомительно. Секретарям Помпея понадобилось 30 дней только для того, чтобы составить инвентарь 2 тысяч ониксовых и золотых чаш изклада Митридата в Талавре: и лишь ничтожная часть добычи фактически фигурировала в этой процессии. Не желая уступать одинокому вишневному деревцу Лукулла, Помпей выставил на всеобщее обозрение даже два экзотических дерева из Иудеи — эбеновое дерево и бальзам.

Толпа из 324 пленных шествовала в триумфе: среди них был внук Митридата, Тигран, сын Тиграна Великого, со своей супругой и дочерьми и Зосима, наложница Тиграна. Бедняжку Ниссу, сестру Митридата, снова выволокли для позорного шествия рядом с пятью сыновьями Митридата — Артаферном, Киром, Оксатром, Дарием, Ксерксом и царевнами Евпатрой и Орсабаридой. Было несколько царей и членов царских семей из числа союзников Митридата, за которыми следовал иудейский царь Аристокбул. Мимо толпы провели и отряд амазонок, захваченных Помпеем на Кавказе. Только Аристокбул и Тигран Младший были задушены после парада.

Как и в триумфе Лукулла, сам царь Митридат блистал своим отсутствием. Вместо него на возвышенной платформе провезли его трон и скипетр; за ними последовали носилки со старинными персидскими диванами и старыми серебряными и золотыми колесницами — сокровища, которые перешли к Митридату от Дария I. Далее следовала большая серебряная статуя деда Митридата, Фарнака I и мраморная статуя Геракла с маленьким сыном Телефом на руках, моделью для которой послужил Митридат (рис. 3.7). Помпей продемонстрировал колоссальную 10-футовую (3-метровую) статую

Митридата из литого золота — это, конечно, превзошло золотую статую Митридата в натуральную величину, которую привез Лукулл.

Помпей также заказал большие рисованные портреты Митридата и его семейства. Еще одна серия гигантских картин показывала ключевые сцены Митридатовых войн. Для зрителя такая повествовательная последовательность изображений была похожа на кадры фильма в замедленной съемке или на картинки в комиксе. Вот Митридат и его варварские полчища атакуют: вот Митридат проигрывает, вот Митридат оказался в осаде. Вот Тигран и Митридат ведут свои великолепные орды; за этим следует изображение поражения этих великих армий и, наконец, «тайное ночное бегство Митридата». Затем — ряд эмоциональных, волнующих картин, где показано, как Митридат умирает в своей башне, выпивая яд «с дочерьми, которые решили погибнуть вместе с ним». Этих сцен, конечно, ни один римлянин не видел — это была художественная вольность и рассказы из вторых и третьих рук.

Помпей занес мятеж Фарнака на свой счет и хвастался тем, что он достиг того, что не удалось Сулле и Лукуллу, — именно он привел к гибели «неукротимого царя» Понта. Надпись на его посвящении военной добычи провозглашала: «Помпей Великий завершил тридцатилетнюю войну [и] обратил в бегство, рассеял, истребил или принял капитуляцию 12 миллионов 183 тысячи человек; потопил или захватил 846 кораблей [и] покорил земли от Азовского моря до Красного моря» и до Атлантического океана. Помпей «вернул римскому народу власть над морями [и] восторжествовал над Азией, Понтом, Арменией, Пафлагонией, Каппадокией, Киликией, Сирией, скифами, иудеями, албанами, иберами, арабами, критянами, бастарнами и, вдобавок к ним, над царями Митридатом и Тиграном»^[541].

Для Рима, как заметил Плутарх, гибель Митридата была все равно что уничтожение 10 тысяч врагов одним метким ударом. Подчеркивание величия Митридата и его окончательного поражения послужило для прославления собственных достижений Помпея. И после четырех десятилетий войн некое восхищение и почтительный ужас окружали этого царя, который затмил всех других царей, благородного правителя, который властвовал пятьдесят семь лет, который покорил варваров, захватил Азию и Грецию и который

сопротивлялся величайшим полководцам Рима и справился с тем, что должно было стать сокрушительным поражением; воин, который никогда не сдавался, но возобновлял борьбу снова и снова и потом — несмотря ни на что — ушел из жизни уже стариком так, как сам захотел, в царство своих отцов.

Жизнь Митридата была «американскими горками» из величественных побед и страшных поражений, где верность переходила в предательство, с минутами божественного счастья и страшной мести, когда игроки как на Востоке, так и на Западе маневрировали, стараясь встать на сторону победителя и сделать самый выгодный вклад на неустойчивой «фондовой бирже» политических альянсов. Митридат никогда не рисковал просто ради богатства или славы — хотя и в этом плане ставки тоже были высоки, — но боролся за то, чтобы продолжали жить его греко-персидско-анатолийские идеалы, и за свободу от римского господства. Неукротимый даже в поражении (этому дивился Аппиан), Митридат «не оставил неиспытанным ни одного пути к нападению». Плиний восхвалял его, как «величайшего царя своего времени». Веллей восхвалял Митридата, как человека «в войне изощренного»: «славный доблестью... всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам Ганнибал». Это был величайший царь после Александра, заявил Цицерон, — такой комплимент привел бы Митридата в восторг^[542].

Помпей тоже отождествлял себя с Александром. Теперь он, так сказать, «рядился в тогу» Александра — и в прямом, и в переносном смысле. Помпей ехал по триумфальному пути в золотой колеснице, усыпанной сверкающими драгоценными камнями всех цветов. На его плечах лежал хрупкий, выцветший плащ Александра Великого — некогда драгоценная собственность Митридата Великого, «эллинизированного иранского Александра». Аппиан сомневался в подлинности плаща, однако людская вера облекла древнюю одежду почетом, каково бы ни было истинное ее происхождение. Когда Помпей любовно расправлял плащ, чтобы он был лучше виден на нем, раб, стоявший у него за спиной, начал шептать в уши победителя традиционное предупреждение: «Помни, что ты смертен»^[543].

Может быть, это *temento mori* заставило Помпея вздрогнуть? Может, в нем возродились тайные сомнения, которые он старательно

подавлял с тех самых пор, как отказался осмотреть искалеченный труп в великолепных доспехах? Прошло уже два года с тех самых пор, как тело упокоилось в гробнице понтийских царей. Однако Митридат оставил в дураках и Суллу, и Лукулла, объявившись снова, когда все уже считали, что он уничтожен. Можно представить, что у Помпея мелькнула мысль: «Конечно, я-то смертен... а вот как насчет Митридата?»

А что, если?..

Биография Митридата останется неполной во многих ключевых деталях, и многое окружено янтарным сиянием легенды, провоцируя наше воображение дополнить то, что мы так хотим знать. Во введении я уже говорила о том, как нарративная история и историческая реконструкция помогают осмыслить неполные данные и восстановить отсутствующие детали и оборванные нити во фрагментарных древних записях, не искажая известные нам факты, возможности и результаты событий. Родственный этому подход, построение сценария «от обратного» или «а что, если?..», позволяет нам сделать разумные предположения по поводу того, что могло произойти при определенных условиях.

Таинственные обстоятельства, окружавшие кончину такого масштабного деятеля, как Митридат, так и манят историков вообразить, что же случилось за сценой в том представлении, которое описали наши фрагментарные источники. Как мы уже видели, сами древние историки иногда спорили по поводу фактов и представляли альтернативные версии одних и тех же событий — например, перехода Митридата через Кавказ и последних минут его жизни. Еще со Средних веков эта неуверенность в древних источниках отражена в многочисленных художественных иллюстрациях или в альтернативных сценариях гибели Митридата. Точно так же, как исчезновение Гипсикратии побуждало и средневековых, и современных историков дописать конец ее биографии, вполне оправданным будет восстановить и возможный альтернативный сценарий для Митридата^[544].

По всем свидетельствам древних авторов, Митридат умер в своем дворце в Пантикапее в 63 г. до н. э. — в результате действия яда, который он сам принял, и от удара меча своего телохранителя (а то и от оружия людей Фарнака). Тело, которое нашли в башне, должно было служить неопровержимым доказательством этого события. Однако на самом деле разложившееся тело, идентифицированное как тело Митридата — когда прошло уже несколько месяцев и очень далеко от места смерти, — оказалось неузнаваемым, если не считать обычного шрама и царских регалий. Все участники событий — от сына Митридата Фарнака и его старых друзей до Помпея и римлян — согласились в том, чтобы считать, что умерший — Митридат.

Однако эта необыкновенная ситуация вызывает множество вопросов. Действительно ли Митридат умер? Неужели это на самом деле было его тело? Такие вопросы уже задавались раньше. Интересно, что великий французский драматург Жан Расин начал свою знаменитую трагедию «Митридат» (1673) с фальшивой смерти Митридата. Опера Моцарта (1770) также открывается явлением Митридата после того, как прошли слухи о его смерти. Историк Брайан Мак-Гинг в 1998 г. предположил, что история о самоубийстве Митридата в башне могла быть придумана Фарнаком — может быть, чтобы избежать обвинений в отцеубийстве (это было совершенно неприемлемо в культурах, находившихся под персидским влиянием). Однако возможны и другие обманные маневры и другие мотивации. Что, если Митридат был все еще жив?^[545]

Если кто-то и был способен устроить хитрость, чтобы обмануть римлян и заставить их поверить, что Митридат умер, — это был сам Митридат. Однажды он подставил своего сына вместо настоящего царя Ариата. Блестящий мастер побегов, он часто избегал плена благодаря хитрости и трюкам и неоднократно путешествовал инкогнито среди собственных подданных. Митридат неоднократно обманывал смерть — и по меньшей мере четыре раза он исчезал и его считали погибшим.

Более того, Митридат был знатоком греческих мифов и театральность и драматические аллюзии были для него родной стихией. Древние трагедии — как и комедии — часто основываются на том, что героя принимают за другого и сюжет вращается вокруг характерных шрамов, родинок, жестов, любимых вещей. Митридат — и Помпей! — знал историю о том, как подделали тело Александра

Великого. Лучший друг Александра, Птолемей, украл его тело из Вавилона и тайно перевез в египетскую Александрию. Чтобы сбить конкурентов со следа, Птолемей велел скульпторам сделать реалистичную восковую фигуру Александра и одел ее в царские платья. Этого двойника поместили на роскошный катафалк из серебра, золота и слоновой кости в одной из собственных пышных персидских повозок Александра. Копия, окруженная царскими регалиями Александра, обманула преследователей, в то время как настоящее тело отвезли в скромной телеге по никому не известной дороге в Египет^[546].

Фарнак мог отослать Помпею двойника, труп человека возраста и телосложения Митридата: можно было увидеть типичный для кавалериста шрам на бедре, недавние раны от меча и разложившееся лицо. Такой обман мог помешать римлянам осквернить настоящие останки Митридата, если он на самом деле умер в башне (никто не ожидал, что Помпей похоронит труп своего врага с почестью в гробницах понтийских царей). Если верить древним историкам, Митридат потребовал позволить ему безопасно покинуть Пантикапей и найти убежище среди своих союзников. Обман с участием подложного трупа могли придумать, чтобы прикрыть последнее великое бегство Митридата.

Далее следует вероятный — хотя, конечно, и романтический — альтернативный сценарий, основывающийся на древних источниках и любопытных средневековых и готических легендах, обращающийся к логическим «вилкам принятия решений», но при этом не заходящий за пределы возможного^[547].

Великий побег

За всю его долгую жизнь, писал Аппиан, «ни один из заговоров от него не скрылся, даже последний», задуманный Фарнаком: «По собственной воле оставив его без внимания, он погиб от него: так низкая душа, получив прощение, оказывается неблагодарной». Но что, если Фарнак на самом деле оказался «благодарным»? Если обман со смертью Митридата и его останками продолжить, то он должен был начаться именно в этот момент — когда Митридат обнаружил заговор

Фарнака. Фарнак знал, что предательство означает смерть — Митридат никогда не щадил жизнь человека, оказавшегося предателем. Он был особенно жесток, наказывая предательство внутри собственной семьи. Неожиданное прощение им Фарнака было полной противоположностью того, чего можно было ожидать, — совершенно не похоже на практичного, жестокого, лишенного чувствительности Митридата^[548]. Прощение гарантировало, что Фарнак станет царем, если не сейчас, то скоро. Каковы были истинные мотивы Митридата?

Прижатый к стенке, когда все уже, казалось, было потеряно, Митридат уже не раз успешно ускользал и избегал преследователей. Нетрудно себе представить, что с помощью старого полководца Метрофана отец и сын могли заключить сделку. Когда заговор впервые был открыт, Митридат все еще полностью держал все под контролем. Для обоих ставки были высоки. Для Фарнака — жизнь или смерть. Только согласившись на условия Митридата, он мог выжить и унаследовать царство своего отца. Митридат, который уже полвека имел дело с римлянами, знал, что Рим никогда не позволит ему править мирно. Его плану вторжения в Италию недоставало ключевой поддержки, а Фарнак был его избранным наследником. Если он простит своего сына, то Митридат сможет передать корону назначенному им наследнику и обещать полностью исчезнуть — в обмен на безопасный проезд и хитрость, чтобы убедить Помпея, что он мертв.

Фарнак носил персидское имя своего прадеда и был воспитан в рамках персидской культуры. Своего сына он назвал Дарием, а мать его дочери Динамии, возможно, была сарматкой (позднее, уже будучи царицей Понта, Динамия носила «амазонскую», в персидском стиле, шапочку, украшенную зороастрийскими символами Солнца). Возможно, Митридат увидел в своем сыне мощную струю своего собственного духа независимости.

Действительно, Фарнак, став царем, пойдет по стопам своего отца: после мирных первых лет царствования как Друг Рима он воспользуется гражданской войной в Риме, чтобы внезапно взбунтоваться, возглавить огромную армию с серпоносными колесницами и мощной кавалерией и повести ее через Колхиду и в Понт в донкихотской попытке вернуть старое царство своего отца^[549].

Так что давайте представим, что во время кризиса, связанного с попыткой государственного переворота Фарнака в 63 г. до н. э., отец и сын договорились между собой, как равные, и этим переговорам способствовал Метрофан. Они, наверное, принесли священную клятву богом Меном и Митрой, которая позволила им обоим с честью остаться в живых. Затем они могли проработать детали этой великой иллюзии.

Давайте проиграем события согласно сценарию, который мог быть

составлен Фарнаком и Митридатом. Тело крупного, физически развитого человека, который должен был сойти за Митридата, должно было быть найдено в башне и переправлено Помпею. Любой кавалерист-ветеран, наверное, имел требуемый боевой шрам на бедре; лицо легко было изуродовать до неузнаваемости едкой известью или кислотой. Нельзя не предположить — может быть, верный командир всадников Битуит по доброй воле предложил себя для великой жертвы? Доспехи, скипетр, корона и другие регалии Митридата должны были завершить иллюзию. Старые приближенные царя, возможно Гай или Метрофан, могли подтвердить, что это именно тело Митридата.

Рис. 15.6. Царица Динамия, бронзовый бюст. Как правитель Боспорского царства, внучка Митридата носит усыпанную звездами персидско-фригийскую шапку, как у амазонок и зороастрийцев. Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото М. Rostovtzeff, 1919

Соблюдая свою часть сделки, Митридат надевает простое платье для путешествий и ночью тайно выбирается из города — так он поступал в прошлом уже много раз (может быть, в крепости были тайные выходы, как у Ганнибала в Вифинии). Царь берет оружие и сокровища, которые может унести с собой: золотые монеты, любимые агатовые кольца, кое-какие ценные бумаги. Куда же он отправится? Бежать по морю невозможно. Единственная безопасная дорога — на север.

Митридат мог поехать и присоединиться к любому скифскому или сарматскому племени в степи. Их идеалы и физическая мощь были сравнимы с его собственными, и он мог говорить на их языке. У Митридата был опыт кочевнической жизни в юности и в начале правления, и когда он спасался от Лукулла и Помпея. Он недавно возобновил дружеские отношения с князьями кочевников. Фарнак поддерживал добрые отношения с этими племенами. Два интригующих факта поддерживают идею о его бегстве в Скифию. Сын Митридата от Адобогиины, Митридат Пергамский, был правителем Боспорского царства после Фарнака. Во время мятежа этот Митридат действительно укрылся среди скифов. Внучка Митридата Динамия, царица Боспорского царства во времена Октавиана Августа, также на некоторое время отправилась в изгнание — ее укрыло сарматское племя, может быть как раз племя ее матери ^[550].

Кто мог бы сопровождать Митридата в это тайное изгнание? Может быть, Битуит, если он выжил (его дальнейшая судьба неизвестна). И конечно, Гипсикратия — а может быть, она и царь уже договорились о встрече. Есть древние прецеденты, чтобы представить себе «постисторическую» вторую жизнь для Митридата и Гипсикратии в землях за Черным морем. Например, в романтических историях о героях и героинях греческих мифов составили пару для идиллической загробной жизни. Они никогда не встречались в Трое гомеровской «Илиады», но в народных преданиях у этой пары было

«поразительное посмертное существование»: они стали любовниками в мифическом раю на Черном море. Интересно, что в опере Скарлатти «Митридат» (1707) предлагается альтернативная история, в которой Митридат и Гипсикратия переодеваются в египетских послов^[551].

В туманной, как болотный огонек, легенде, упомянутой Эдвардом Гиббоном в его «Упадке и разрушении Римской империи» (1776–1788), Митридат даже получает свое последнее отмщение. Я проследила эту традицию к средневековой скандинавской саге, где варварское племя с Азовского моря в союзе с Митридатом осуществило свою мечту — когда-нибудь вторгнуться в Италию. Под предводительством своего вождя Одина это племя, как говорят, бежало от римского господства после победы Помпея, переселившись в Северную Европу и Скандинавию. Они стали готами, которые, продолжая вдохновляться старой борьбой Митридата, отомстили за его поражение, сокрушив Римскую империю. В представлении поэта Уильяма Вордсворта, древняя легенда рассказывает, как

...Сраженный Митридат ушел на север,
В тумане лет сокрывшись, обернулся
Он в Одина, Отца племен, от коих
Империя погибла...^[552]

Итак, предположим, что майским утром 63 г. до н. э., проскакав по широкому простору зеленой травы, усыпанному алыми дикими пионами, Митридат сбросил свое царское облачение и выбрал себе жизнь кочевника на весь оставшийся пек. В этой истории он и Гипсикратия будут жить среди «диких» мужчин и женщин, которые любят странствовать по бесконечным равнинам. В картине, очерченной римским историком Аммианом Марцеллином, степные кочевники «высокого роста и красивого облика, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен», они «кочуют, словно вечные беглецы», одеты в меха и кожаные штаны, носят синие татуировки, питаются молоком, «корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота... без определенного места жительства... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают»; они постоянно живут в кибитках.

«Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше». Умелые воины, они «находят наслаждение в войнах и опасностях... О рабстве они не имели понятия; все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах»^[553].

В этой новой жизни у нашей пары было бы свободное время, чтобы рассказать друг другу историю своей жизни: Митридат пересказывал историю своего царства, Гипсикратия рассказывала о своем народе на Кавказе, среди которого царствует свобода и равенство. Благодаря своей персидской наследственности и противоядиям Митридат мог бы прожить еще пять, десять, а то и двадцать лет, если бы он не умер в башне в 63 г. до н. э.^[554] Со временем Митридат мог бы погибнуть в бою или на охоте или же спокойно умереть во сне. Он бы умер в *eleutheria*, свободе, уверенный в том, что займет высокое место в Истории и в мифе. Друзья Митридата похоронили бы его так, как обычно хоронят кочевников, — с конем и небольшим кладом золотых сокровищ и колец-камей, в безымянном кургане в степи^[555].

Кончину Митридата — случилась ли она в башне, как говорили, в 63 г. до н. э. или же позднее, в тайном изгнании — должна была оплакивать сильная женщина, которую он любил называть мужской формой ее имени — Гипсикрат. Она была моложе Митридата, наверное, ей было около сорока, и ей еще предстояла долгая жизнь. Как она провела остаток своих дней?

То, что последует дальше, — еще одна гипотеза, основанная на возможных условиях, данных в древних источниках, и на новых археологических данных. Давайте начнем с имени — Гипсикратия / Гипсикрат. Только два носителя этого имени известны во второй половине I в. до н. э. Один — подруга-амазонка Митридата, Гипсикратия. Другой — таинственный историк по имени Гипсикрат, связанный с Понтом и с Черноморским царством. Что это — совпадение? Или есть более интересное объяснение удвоению этого очень редкого имени?

Мало что известно о туманном персонаже по имени Гипсикрат. Историк впервые появляется в источниках после 47 г. до н. э. — примерно через шестнадцать лет после смерти Митридата в 63 г. до

н. э., когда Юлий Цезарь подавил попытку Фарнака вернуть утраченное царство своего отца. Захватив Понт, в Амисе Цезарь освободил военнопленного по имени Гипсикрат. Этот Гипсикрат сопровождал Цезаря как его историк в военных походах и писал трактаты по истории, географии и военным делам Понта и Боспорского царства.

Рис. 15.7. Юлий Цезарь. Kunsthistorisches Museum, Vienna, Austria, фото Andrew Bossi, Wikipedia Commons, cc-by-sa-2.5

Труды Гипсикрата не дошли до нас, но их цитировали другие историки. Страбон, уроженец Понта, цитировал Гипсикрата как авторитет по двум весьма значимым темам: военные укрепления Боспорского царства и жизнь и обычаи амазонок Кавказского региона. Следует отметить, что Страбон упомянул Гипсикрата наряду с другим близким другом Митридата — философом Метродором. Иосиф цитирует Гипсикрата по поводу кампаний Юлия Цезаря и Митридата Пергамского. Лукиан, сириец из Самосаты (II в. н. э.), описал Гипсикрата как «историка из Амиса, владевшего всеми науками. И вот еще одна примечательная деталь. Умер старым Гипсикрат. Согласно перечню замечательных долгожителей у Лукиана, Гипсикрат дожил до 92 лет^[556].

Этот ряд поразительных совпадений, объединяющих Гипсикратаю и Гипсикрата, остался не замеченным современными учеными — очевидно, из-за разницы в поле. Однако следует вспомнить, что сам Митридат называл Гипсикратию мужской формой ее имени. Равная Митридату и интеллектуально и физически, она жила мужской жизнью, ездила верхом, охотилась и воевала.

Рис. 15.8. Надпись в честь Гипсикратии, обнаруженная в Фанагории. Ее имя дано в мужской форме — «Гипсикрат, жена Митридата». Фото предоставлено Якобом Мунком Хёйте (по: Кузнецов В. Новые надписи из Фанагории. 2007)

Имя Гипсикратия исчезает со страниц истории после 63 г. до н. э., когда стало известно о смерти Митридата. Все, что мы знаем о человеке, известном как Гипсикрат, особенно что касается областей, в которых, как считалось, он разбирался, — амазонки и царство Митридата — указывает на особу, очень близкую к Митридату (а замечательно долгая жизнь может намекать и на доступ к *митридатию*).

Я считаю, что историк, известный под именем Гипсикрат, был не кем иным, как любимой спутницей Митридата — Гипсикратией.

Найденная недавно надпись к почетной статуе Гипсикратии, описанная выше, служит поддержкой этой идеи. Возможно, эта статуя была воздвигнута во время правления внучки Митридата, царицы Динамии, которая знала Ипсикратию. Удивительно, что в тексте надписи ее имя написано как «Гипсикрат»? *Hypsicrates* — мужская

форма имени *Hypsicratea*. Мы знаем, что Гипсикрат — не просто личное прозвище, но что спутница Митридата действительно публично именовалась Гипсикратом.

Давайте предположим, что в какой-то момент после 63 г. до н. э. Гипсикратия вернулась в Понт. Может быть, переодевшись мужчиной, она начала вести жизнь ученого в Амисе и попала в плен к Цезарю после битвы при Зеле в 47 г. до н. э.

Рис. 15.9. Митридат. Мраморная копия XVII в. с древнего оригинала. Трагедия Расина «Митридат» (1673) очень нравилась Людовику XIV, Королю-солнце (1638–1715). Амфитеатр в саду Большого Трианона, Большой канал, Версаль, MR 2488, 85 см / 33 дюйма в высоту. Rduinion des Mus6cs Nationaux / Art Resource, N. Y.

Еще одна возможность — она сражалась на стороне Фарнака и была взята в плен легионерами Цезаря. Участь пленницы-женщины была незавидной. Выдающийся мужчина, такой как Гипсикрат, находился в выгодном положении. Цезарь, впечатлившись уникальными знаниями о царстве Митридата и его недавней истории, которыми обладал Гипсикрат — а может быть, и зная о «смене пола» и кем на самом деле является ученый, — сделал Гипсикрата своим

личным историком. Даже в политическом отношении такой союз вполне уместен. Митридат и его круг были сторонниками Мария, врагами Суллы и Помпея. Цезарь тоже был за Мария и врагом Суллы и Помпея.

Кто был лучше подготовлен, чем Гипсикратия, для того, чтобы сохранить историю Митридата и его царства? Она любила Митридата и сражалась с ним бок о бок. Она знала все, что знал царь, — его личные истории, желания и достижения. Если Гипсикратия впоследствии писала книги как историк Гипсикрат, она вполне могла быть источником многих подробностей о характере и правлении Митридата, которые сохранили другие древние историки. С самого начала Митридат сознательно был автором собственной жизни. Через Гипсикратию-Гипсикрата он также мог быть ответствен и за создание легенды о нем.

Я очертила продолжение истории Митридата как эксперимент в исторической мысли, но на самом деле Митридат продолжал свою яркую жизнь — в истории, науке и народных легендах еще более 2 тысяч лет после смерти (приложение 2). В своем неукротимом сопротивлении Риму Митридат, спаситель, рожденный под звездой на Востоке, был подлинной альтернативой римскому империализму в бурные последние годы республики. Примерно через шестьдесят лет после кончины Митридата другой Спаситель и защитник Истины и Света родился под другой звездой на Востоке. На повороте тысячелетий, в новом мире, который возник из вооруженного сопротивления Митридата и военного ответа республики, новый царь царей сможет бросить вызов могучей Римской империи и в конечном счете завоевать ее — но не силой оружия.

Митридат боролся против потока истории. Этот бесстрашный, сложный идеологический лидер в конце концов не смог победить Рим насилием и войной. Однако если видеть Рим как символ тирании, то величие картины наследия Митридата, нарисованной Расином, все еще звучит как истина:

Приказывай, и мы, отвагою полны,
Сумеем доказать, что мы — твои сыны.
Мы — две твои руки. Не уходя с Боспора,
И Запад, и Восток воспламенишь ты скоро.

Пусть Рим, когда в кольцо огня он попадет,
Не ведая, где ты, везде тебя найдет [\[557\]](#).

Приложения

Приложение 1.

Мифический герой или девиантная личность?

В следующих двух разделах мы обсуждаем, сколько «очков» набрал Митридат в двух очень разных «тестах»: во-первых, сколько в нем черт традиционных мифических героев и, во-вторых, сколько характеристик от человека с личностным расстройством? Оба «теста», конечно, надо воспринимать с очень большой «крупницей соли»; оба списка можно неправильно использовать, и они, конечно, подразумевают анахронистические предположения, основанные на нашем неполном знании.

Сценарий жизни мифического героя

Необычная биография Митридата соответствует тому, чего можно было бы ожидать от мифического героя: первым эти требования сформулировал в 1914 г. Отто Ранк и усовершенствовал в 1936-м лорд Фицрой Рэглан. Основная модель Ранка сводится к шести пунктам: 1) рождение героя окружено пророчествами; 2) родители — боги, аристократы, царь с царицей; 3) в детстве героя бросили, кому-то отдали или отослали, он разлучился с родителями; 4) его спасли или воспитали приемные родители или воспитатели; 5) герой вернулся на родину отца и доказал свою доблесть; 6) герой заявляет о своем царском рождении и завоевывает почести.

Двадцать два атрибута героя у Рэглана пересекаются с пунктами Ранка, за исключением «пророчеств»; это номер 23 в следующем составном перечне, адаптированном из Ранка, Рэглана и Дандеса (*Dundes* 1990). Вот мой «тест» для Митридата с пояснениями, почему он набирает все 23 очка. Его высокие очки заранее очевидны: за многие моменты он получает сразу несколько очков.

1. *Мать — царица.* Царица Лаодика была царевной из рода Селевкидов.

2. *Отец — царь.* Царь Митридат V Эвергет.

3. *Родители — родственники или находятся в каких-то сложных отношениях.* Они могли быть отдаленными родственниками; у обоих были длинные и запутанные македонские и персидские родословные. Сложные отношения: Лаодику подозревали в том, что она была сообщницей убийства своего мужа.

4. *Необычные обстоятельства перед рождением.* Редкая и красивая комета 135 г. до н. э. совпала с зачатием Митридата.

5. *Считается, что герой — сын бога или послан богами.* Имя Митридат означает «Митрой данный», то есть его авторитет властителя был послан Митрой. Древние иранцы верили, что царь — священная особа, потомок бога солнца. Рождение Митридата исполнило пророчества, предсказывавшие приход царя-спасителя с Востока. Его сравнивали с богом Дионисом и полубогом Гераклом, и он говорил, что является потомком обоих. Он также считал, что происходит от Александра Великого — почитаемой культовой фигуры к 1 в. до н. э. Последователи Митридата считали его самого богом.

6. *В детстве героя пытаются убить, зачастую родственники.* Враги молодого Митридата во дворце пытались убить его; его мать подозревали, что она пытается его отравить.

7. *Оставление, изгнание, разлука; спасается от преждевременной гибели.* Митридат в детстве пережил удар молнии. Его отца убили, когда он был еще мальчиком, и он был оставлен на милость предательницы матери. Митридат-подросток исчез в сельской глуши на семь лет, опять-таки спасшись от преждевременной смерти. Еще одно долгое путешествие, когда его уже считали мертвым, произошло в первые годы его царствования. Юношей он спасся еще от одного заговора с попыткой его отравить, устроенного его сестрой-женой.

8. *Вырос в дальней стране, среди крестьян и диких животных.* Митридат выжил и набрался сил в сельской глуши, охотясь и живя плодами природы в течение семи лет, встречаясь с жителями дальних гор. В своей второй длительной экспедиции инкогнито он посетил свое будущее царство.

9. *О его детстве мало что известно.* Сохранилось очень мало подробностей о детстве Митридата; годы его ранней юности также окружены тайной.

10. *Став взрослым, вернулся в свое царство.* Через семь лет Митридат вернулся в свое Понтийское царство. Потеряв престол уже во взрослом возрасте, он вернул его снова; он снова его лишился, но вновь обрел свое Боспорское царство.

11. *Победа над могущественными врагами.* Митридат одолел опасных врагов при дворе, избавился от собственной матери и других конкурентов. Он также одержал сокрушительные победы над римлянами.

12. *Женится на царице, дочери своего врага или предшественника.* Митридат женился на собственной сестре, царице Лаодике, которая была не только дочерью его предшественника (его отца), но и дочерью его врага (его матери).

13. *Признан царем.* Митридата приветствовали как царя Понта и называли царем царей.

14. *Некоторое время правит мирно.* Первое десятилетие правления Митридата было мирным.

15. *Дает новые законы, устанавливает новый мировой порядок.* Митридат установил новые законы (освобождал рабов, отменял долги, распространял право гражданства) и распространял «новый мировой порядок»: свою новую Черноморскую империю как альтернативу римскому господству.

16. *Позднее теряет милость богов и/или любовь подданных.* Во время войн с Римом знамения говорили о неблагоприятности богов; тяжкие потери заставили союзников оставить Митридата. Его подданные обратились против его правления, которое становилось все более и более жестоким; он столкнулся с уходом друзей, дезертирством, предательством. В конце концов он потерял власть в результате мятежа.

17. *Героя изгоняют с престола и из города.* Лукулл и Помпей оба изгнали Митридата с его престола в Пергаме и Понте, заставив его бросить свое царство и бежать, спасая свою жизнь, сначала в Армению, а потом в Боспорское царство в Крыму. Его сын Фарнак поднял мятеж, снова лишив Митридата трона.

18. *Необычная или таинственная смерть.* Обстоятельства смерти Митридата были необыкновенными, таинственными и связанными с насилием. Забаррикадовавшись в башне, он попытался убить себя ядом. Он умер от меча своего телохранителя; в некоторых источниках

сказано, что он был убит воинами своего сына. Его тело как и не было с уверенностью идентифицировано, его смерть была не «простой», но фактически «двойной» (Дион Кассий XXXVII. 13).

19. *Герой умирает на возвышенном месте.* Митридат умер в высокой башне своей крепости на горе Митридат над городом Пантикапей.

20. *Его дети не наследуют ему.* Сам Митридат обеспечил, чтобы его сыновья не могли наследовать ему, убив или избавившись от всех наследников, кроме одного потенциального наследника — Фарнака, который его предал римлянам и узурпировал престол. Фарнак не унаследовал независимо первоначальное царство Митридата — Понт; по своему статусу он был клиентом Рима. Разгромленный Юлием Цезарем, Фарнак умер в 47 г. до н. э.

21. *Тело похоронено необычным образом, как-то спрятано, неизвестно, где оно находится.* Тело Митридата было плохо забальзамировано и переправлено через Черное море Помпеем. Лицо было неузнаваемым, так что возникли сомнения, действительно ли он умер. Хотя даже Помпей и не мог быть уверен, что это тело Митридата, он похоронил его с роскошью, однако где именно — неизвестно.

22. *Существует несколько почитаемых людьми могил героя.* Помпей поместил тело Митридата в фамильный склеп. Однако источники противоречат друг другу, и ученые все еще спорят, было ли тело Митридата погребено в Синопе или в Амасе.

23. *Пророчества, предсказывающие будущее величие.* Многочисленные пророчества и оракулы предсказывали рождение Митридата, его приход к власти и его великую судьбу.

Личностное расстройство

Соответствует ли Митридат типичному профилю личности «отравителя»? В Греции и Риме яд считался оружием женщин и «изнеженных», находившихся под персидским влиянием варваров; сегодня его часто считают орудием людей жадных, слабых, угнетаемых или трусливых (Stuart 2004, 114–115) или способом убийства, характерным для психопатов, «привыкших все

контролировать, пронырливых, бессовестных людей», которые не испытывают раскаяния за содеянное. Некоторые называют тех, кто отравляет членов семьи, «убийцами-опекунами» (Newman 2005, 18–19). Возможно, это определение более всего подходит Митридату как отравителю своего гарема, поскольку он считал, что защищает свою семью и действует как охранитель их чести. Однако в других случаях Митридат мастерски пользовался тем, что было традиционным оружием для получения наследства и убийства в его мире.

Возможно ли и полезно ли приложить современные инструменты психиатрического диагноза к историческим персонажам, основываясь на том, что сообщается об их поведении и характере? В случае с Митридатом искушение очень велико. Среди множества недостатков этого метода — то, что вся информация нам предоставлена врагами царя. Однако «этот вопрос заслуживает того, чтобы его задали», объявил датский историк Теннес Беккер-Нельсен, который в 2004 г. проанализировал душевное здоровье Митридата. Известные нам поступки царя, его «преступления», чувства и противоречия были подробно описаны в предшествующих главах. Основываясь на доступных нам данных о психиатрической истории Митридата, что можно измерить по современной диагностической шкале оценок для личностных расстройств?

С точки зрения современной психиатрии психопаты — это обычно высокоинтеллектуальные, поверхностно обаятельные личности, которые не способны испытывать глубокие эмоции или эмпатию и постоянно лгут и манипулируют окружающими. Некоторые — но не все — психопаты совершают преступления, связанные с насилием. С психопатией часто путают другие отклонения. Например, «пограничный» тип личности страдает от перепадов настроения, у него ослаблена эмоциональная защита, представление о самом себе постоянно меняется; есть и другие признаки (Беккер-Нельсен отождествляет «пограничную личность» с психопатией). Социопатией называют отклонение, связанное с совершением агрессивных, криминальных действий. Митридата можно назвать социопатом, то есть человеком, который может совершать преступление, но при этом наделен острым чувством добра и зла, основанным на ценностях его или ее определенной социальной группы.

Стандартный доработанный перечень психопатических черт (PCL-R), разработанный и уточненный психологом Робертом Д. Хаэром в 1980-х гг.^[558], насчитывает 20 черт. Самый большой возможный балл — 40; средний человек набирает около пяти. Следующий список обобщает эти черты в четырнадцать характеристик; мы пытаемся определить, приложимо ли это к Митридату, каким он был известен его современникам и древним историкам.

1. *Поверхностный, легкомысленно-очаровательный, умный, четко выражает свои мысли.* Митридат был чрезвычайно харизматичным лидером и блестящим и убедительным оратором. Однако по всем данным он не был поверхностным: его личность действительно привлекала окружающих и у него были свои глубокие принципы.

2. *Преувеличенная самооценка, нарциссизм.* У Митридата была склонность к театральным жестам и очень высокая самооценка. Однако эти черты можно считать «профессиональными» для амбициозного, популярного эллинистического монарха с блестящей родословной, которого почитали как бога и окружали пророчествами его величия. В отличие от своего друга царя Тиграна Митридат был гибок и реалистичен, реагировал на неблагоприятные обстоятельства и мог функционировать как обычный человек, быть равным своим воинам, когда это было необходимо.

3. *Проблемы с поведением в раннем возрасте.* Эксперименты с ядами в детском возрасте и бегство были рациональными реакциями на неблагоприятную атмосферу в семье и то, что его мать и опекуны действительно покушались на его жизнь.

4. *Нет совести, не чувствует вины или раскаяния.* Задokumentированные случаи доказывают, что совесть у Митридата была. У него было сильное ощущение добра и зла, и он чувствовал угрызения совести и раскаяния; иногда это заставляло его прощать тех, кто причинил зло ему.

5. *Отсутствие эмпатии, бесчувственность, хладнокровное насилие.* Как лидер, поставивший себе целью уничтожить римлян в Анатолии, Митридат, безусловно, проявил исключительную жестокость в 88 г. до н. э. и вел себя бесчувственно и хладнокровно и в других случаях. Некоторые из его убийств были политическими решениями, принятыми по необходимости; другие были

запланированной мезтью. Однако, как отмечено выше, многие эпизоды показывают, что Митридат был также способен на сочувствие и прощение, даже когда это шло вопреки его собственным интересам.

6. *Склонность к манипуляции, обманам, постоянная лживость.* Митридат мог манипулировать другими и запугивать их — для дипломата и политика это полезная черта. Царь был с детства приучен чтить Правду в противоположность Лжи и в основном был честен; у него не было репутации лжеца — даже среди врагов. В военном деле он был мастером военных хитростей — в его время позитивная черта.

7. *Отказ принимать на себя ответственность за свои действия, ненадежность.* Хотя во время припадков паранойи Митридат мог легко заподозрить предательство и винить других, зачастую это была рациональная реакция на настоящую угрозу. В общем и целом он ценил верность и был надежным другом и союзником; он принимал на себя ответственность за свои решения — важная черта, связанная с его персидским воспитанием.

8. *Беспорядочные сексуальные связи.* Митридат был сексуально активен, у него было множество партнерш и родилось много детей. Однако гаремы и большое число детей были нормой для македонско-персидских царей в эллинистическую эпоху. Сексуально распущенным его не считали (в отличие от многих современников).

9. *Паразит, живет за счет других.* Митридат был богат, но щедр. Он никогда не был ленив, не паразитировал на других: все восхищались им, как чрезвычайно трудолюбивым и изобретательным человеком.

10. *Импульсивное поведение, легко испытывает скуку, нуждается в стимуляции.* Человек очень умный и творческий, Митридат, возможно, действительно нуждался в постоянной стимуляции: у него были широкие интересы — от ботаники, токсикологии, геммологии и искусства, литературы и музыки до инженерных технологий и изготовления мебели. Есть свидетельства о его склонности к насилию и взрывном темпераменте, однако Митридат обычно вел себя пронциательно и расчетливо, был способен к большому терпению и сдержанности. Он также мог бросать вызов обстоятельствам, подвергаться риску — опять-таки в его время это было полезным качеством.

11. *Не способен к реалистичному, долгосрочному планированию.* Для правления Митридата было характерно долгосрочное планирование, которое он и другие считали реалистичным. Он быстро менял свои стратегии, приспосабливаясь к новым обстоятельствам. Как указывает Беккер-Нельсен, у Митридата была тенденция недооценивать препятствия и противников, но это обычная черта успешных лидеров в любую эпоху.

12. *Поверхностные эмоции, отсутствие страха, отсутствие тревоги или депрессии.* Митридат был отважен, но в то же время испытывал страх. Он переживал сильные негативные и позитивные эмоции — любовь, ненависть, сочувствие, веселость, щедрость, месть, тревогу, страх, скорбь, верность и депрессию.

13. *Неспособность воспринимать искусство и музыку.* По всем данным, Митридат страстно любил искусство, литературу, театр и музыку.

14. *Неспособность формировать долгосрочные отношения и быть преданным, много кратких связей.* Митридату «было трудно создавать прочные союзы», отмечает Беккер-Нильсен, «даже с правителями, которые были его родичами». Однако в беспощадном, жестоком мире, в котором он царствовал больше пятидесяти лет, Митридат был мишенью для множества заговоров и предательств своих врагов и самых близких людей. Однако он поддерживал много отношений с людьми на протяжении очень долгого периода времени — с Дорилаем и другими друзьями детства, своими боевыми друзьями, союзниками, в том числе Тиграном, дочерьми и женщинами, которых любил.

Митридат набирает высокие очки, если рассматривать его завышенную самооценку, и иногда его поведение было жестоким и мстительным. Однако психопатом его назвать нельзя. Как отмечает Беккер-Нельсен, «быть харизматичным — не порок, а безжалостность, братоубийство... великолепие и беспорядочные сексуальные связи» были необходимы для выживания в этой среде. Конечно, низкий счет по шкале PCL-R не обязательно означает честности; человек может совершать плохие поступки и не будучи психопатом.

Недавно было высказано предположение, что некоторые социальные черты, которые ассоциируются с психопатами и социопатами, — поверхностная очаровательность, безжалостная

агрессия, манипулятивность и бесчувственность — отражают варианты поведения, которые очень ценятся в современном бизнесе, спорте, вооруженных силах и политике, что привело к появлению новой концепции — «успешных» социопатов и психопатов. Такое определение могло бы подойти Митридату, для которого антиобщественные и социопатические свойства характера были полезными навыками, способствовавшими выживанию и достижениям, вошедшим в историю. У Митридата также были черты, свойственные успешным современным предпринимателям: он был отважным игроком, легко выдерживал риск, сопротивлялся поражению и был непоколебимо уверен в себе в любой, даже самой неблагоприятной ситуации.

Приложение 2.

«Вторая жизнь» Митридата в искусстве и популярной культуре

Митридат стал легендой еще при жизни и продолжал ею оставаться еще в течение более 2 тысяч лет, вдохновляя на создание произведений литературы, искусства, музыки, популярной культуры и научные исследования. Эта краткая сводка данных является неполной; полный рассказ о наследии Митридата составил бы отдельную книгу. См. сведения об образе Митридата в науке и искусстве от XV до XX в. в Summerer 2009.

Изобразительное искусство

Митридат с его спутницей Гипсикратией фигурирует на множестве миниатюр в средневековых рукописях, например в жизнеописаниях Помпея, Суллы и Лукулла Плутарха, в сочинениях Боккаччо и Кристины Пизанской (рис. 6.2, 7.3, 14.3, 14.4, 15.5); см. другие изображения смерти Митридата и его семьи в Summerer 2009.

Монима, трагическая царица Митридата, была популярной темой в европейской живописи, например у Бартоломео Пинелли (1816); Дженовезио, Nord-Pas-de-Calais, Hotel de Ville, Франция (XVI в.) и рис. 12.5.

Митридат, бюст (Версаль, рис. 15.9).

Митридат, бюст Верхаффена, ок. 1760 (N. Penny, "Lord Rockingham's Sculpture Garder", *J. Paul Getty Journal* 19 (1991): 15.

Митридат, бюст, мрамор, Дворец Джустиниани, Рим, гравюра Монье.

История жизни Митридата, проиллюстрированная на двух расписных сосудах для лекарств XVI в., J. Paul Getty Museum (рис. 15.3).

Иллюстрации к «Митридату» Расина (1673), например рис. 7.4, 10.1, 12.6.

Картины, иллюстрирующие историю фармацевтики; герболог Митридата Кратей фигурирует в средневековых медицинских рукописях, например Codex Vindobonensis Medicus, Мюнхен.

Изображения смерти Митридата в книгах по римской истории, например рис. 15.1, 15.2, 15.4.

Драмы

Пажо, «Монима» (1600), основанная на Плутархе, Флоре и Аппиане.

Беур, «Гипсикратия» (1604), драматизация описания Плутарха в «Помпее».

Готье де Костде ла Кальпренед, «Смерть Митридата» (1635), высоко ценившаяся кардиналом Ришелье и Анной Австрийской, матерью Людовика XIV (*Brfeque* 1983; *Snaith* 2007).

Жан Расин, «Митридат» (1673), любимая пьеса Людовика XIV (*Goodkin* 1986; *Breque* 1983).

Натаниэль Ли, «Митридат, царь Понтийский». Трагедия. Лондон, 1678.

Опера

Существует восемнадцать либретто, основанных на биографии Митридата, в том числе: Альдровандини, «Митридат в Себастии» (1701); Скарлатти, «Митридат Евпатор» (1707); Капелло (1723); Витторио Чинья-Санти и Гаспарини (1767). Первая опера Моцарта, написанная им в 14 лет, — «Митридат, царь Понтийский», Милан, 1770 (*Sadie* 1972, *Breque* 1983; иллюстрации и фото постановки см. в *L'Avant Scene Opera*, специальный выпуск, 1983). Недавние постановки: опера Санта-Фе, 2001; Ковент-Гарден, Лондон, 2005.

Литература

Из-за того, что Митридат так прекрасно знал языки, его имя стало обозначать книгу, написанную на нескольких языках, — «митридат». Например, «Митридат» Конрада Геснера (1516) был исследованием 130 языков. Биография Митридата, и в особенности его особая диета с потреблением ядов в малых дозах, фигурировала во множестве жанров литературы в Европе и США, например:

Уильям Вордсворт, «Прелюдия», 1798–1850.

Натаниэль Готорн, «Дочь Рапачини», новелла, 1844.

Александр Дюма, «Граф Монте-Кристо», роман, 1845.

«Современный Митридат», иллюстрированная сатирическая поэма, *Vanity Fair* (31 декабря 1859 г.), 5, перечисляет яды, которые легко можно купить «на любом бакалейном прилавке».

Джон Гринлиф Уиттгер, «Митридат на Хиосе», поэма, 1865.

Ральф Уолдо Эмерсон, «Митридат», поэма, ок. 1847.

А.Э. Хаусман, «Теренций, глупо холить плешь...», стихотворение, 1896.

Агата Кристи, «Таинственное происшествие в Стайлз», детектив, 1920.

Констангинос Кавафис, «Дарий», стихотворение о поэте при дворе Митридата, 1920.

Дороти Сэйерс, «Сильный яд», детектив, 1931.

Пол Андерсон, «Золотой раб», роман, 1960

Уильям Голдмен, «Принцесса-невеста», роман, 1973; фильм, 1987.

Колин Маккалоу, «Травяной венок» («Битва за Рим: венец из трав»), роман, 1991.

Э.Э. Смит, «Трипланетие», роман, 1997^[559].

Майкл Кёртис Форд, «Последний царь», роман, 2004.

Популярная культура

Митридат фигурирует в видеоигре Total War: Rome (2008).

Игра History Channel, Anachronism (2008), набор из четырех карт «Митридат VI Великий»: «Используйте царя Понта, самого страшного врага Рима, чтобы перехитрить, обойти и оказаться умнее врага», www.TriKingGames.com.

SPARTACVS: Crisis in the Roman Republic 80–71 гг. до н. э. (2009),
настольная игра, где Римская республика играет против союзников —
Митридата, Спартака и Сертория:
[www.//compassgames.com/spartacus.htm](http://compassgames.com/spartacus.htm).

Основные персонажи истории Митридата

Адобогiona — знатная женщина из племени галатов, спасшаяся с пира, на котором были отравлены ее соплеменники, и ставшая одной из наложниц Митридата.

Аквилый — жуликоватый римский чиновник, чья жадность заставила его вторгнуться в королевство Митридата, начав Первую Митридастову войну; за свою жадность был наказан расплавленным золотом.

Ариат VI — слабый подросток, царь Каппадокии, которым управляла его жена, сестра Митридата Лаодика Старшая; попытавшись вернуть себе власть, погиб.

Ариат VII — племянник Митридата, марионеточный правитель Каппадокии. Брошенный им дяде вызов стоил ему жизни.

Ариат VIII — обреченный юный правитель, пешка в руках Никомеда III, который сделал его царем Каппадокии.

Ариат IX — незаконнорожденный сын Митридата, ставший царем Каппадокии.

Аристоник — юный герой-мятежник из Пергама. Руководил в Анатолии мятежом «граждан солнца» против римского господства, когда Митридат был еще ребенком.

Аркафий — сын Митридата от Лаодики, блестящий командир конницы, повел огромную армию варваров на освобождение Греции в Первой Митридастовой войне.

Архелай — суровый греческий военачальник, один из главных полководцев Митридата во время освобождения Греции. Вел переговоры о мире с Суллой, потом присоединился к Лукуллу.

Аттал III — последний царь Пергама, эксцентричный отшельник, посвятивший себя изучению фармакологии. Его завещание, где он оставлял свое царство Риму, опротестовал его сын Аристоник.

Афинион — греческий философ, которого послали афиняне, чтобы попросить Митридата освободить Грецию от Рима; был избран

командующим в Афинах и отбивал осаду Суллы.

Бакхид — один из самых доверенных евнухов — советников Митридата, который должен был спасти царский гарем от судьбы горшей, чем смерть от рук римлян.

Береника — молодая девушка с Хиоса, которую Митридат принял в свой гарем вместо того, чтобы продать ее вместе с соплеменниками в рабство.

Битуит — верный телохранитель Митридата, командир всадников из Галлии: оставался с Митридатом до самого конца.

Гермей — зороастрийский маг, сопровождал Митридата в Кабиру во время войны с Лукуллом.

Гипсикратия — отважная амазонка, женщина-воительница с Кавказа; служила конюхом у Митридата. Была его спутницей в битвах и последней настоящей любовью царя.

Гордий — благородный каппадокиец, друг Митридата, убийца и посол для особых поручений.

Дамагор — умелый родосский флотоводец, союзник Рима, одолел Митридата в морской битве за Родос.

Дарий I — великий царь из династии Ахеменидов, завоеватель Персии; от него Митридату перешли земли его предков.

Дарий III — благородный персидский царь, побежденный Александром Великим; уважение Александра к Дарию повлияло на представления Митридата о новом греко-персидском золотом веке.

Дорилай — мальчик-сирота из аристократического понтийского семейства. Рос рядом с Митридатом как брат в царском дворце; стал другом и верным полководцем царя в Митридатовых войнах.

Дрипетина — преданная отцу дочь Митридата. Страдала от наличия двух рядов зубов.

Каллистрат — секретарь Митридата, который занимался бумагами царя; в них могла быть формула митридатия; убит жадными римскими легионерами.

Кассий — римский полководец-мошенник, который вместе с Аквиллием, Оппием и Никомедом IV начал закончившееся катастрофой вторжение в царство Митридата без разрешения римских властей.

Кир Великий — основатель огромной Персидской империи; как и Митридат, в молодости он бежал, спасаясь от убийц; стал образцом для юного Митридата.

Клеопатра Старшая — любимая дочь Митридата. В возрасте 16 лет вышла замуж за Тиграна Великого и стала царицей Армении.

Кратей из Пергама — прославленный греческий травник, отец ботанической иллюстрации, соратник Митридата по экспериментам с ядами и противоядиями.

Ксеркс — великий персидский царь; сражался с греками при Фермопилах и Саламине; Митридат восхищался им.

Ксифар — сын Митридата от Стратоники; был убит, чтобы наказать его мать.

Лаодика Младшая — младшая сестра Митридата и его первая жена; оказалась предательницей, как и ее мать, царица Лаодика, устроила заговор против Митридата.

Лаодика Старшая — самая старшая сестра Митридата, регент Каппадокии; помешала планам своего брата, выйдя замуж за его врага, Никомеда III, царя Вифинии.

Лаодика, царица Понта, — мать-убийца Митридата, которую подозревали в том, что она отравила его отца. Позднее ее попытки избавиться от молодого Митридата были отменены.

Лукулл — упрямый и способный римский полководец, протеже Суллы; потерял контроль над своими войсками, и ему не удалось уничтожить Митридата и Тиграна во время Третьей Митридатовой войны.

Марий — великий римский предводитель популяров, враг Суллы в римских гражданских войнах; встречался с Митридатом и хотел получить командование в Первой Митридатовой войне.

Махар — сын Митридата от Лаодики, вице-король Боспорского царства своего отца в Крыму; перешел на сторону Лукулла, за что поплатился жизнью.

Метродор, Ненавистник Римлян, — философ и государственный деятель, изобретатель мнемонических и риторических приемов; «спичрайтер» и посол Митридата.

Метрофан — верный греческий полководец Митридата в течение всех Митридатовых войн.

Митридат V Эвергет — царь Понта, отец Митридата, филэллин персидского происхождения; погиб от яда, когда Митридат был еще ребенком.

Митридат Хрест (Добрый) — младший брат Митридата, любимец царицы Лаодики. Прожил недолго.

Монима — умная македонская красавица из Стратоникеи; Митридату она показалась неотразимой, и он согласился предоставить ей титул царицы.

Мурена — амбициозный подручный Суллы; поспешно начал и проиграл Вторую Митридастову войну.

Неоптолем — греческий командир Митридата в Скифской, Греческой и Анатолийской кампаниях.

Никомед III — хитрый царь Вифинии. Недолгое время был союзником Митридата против Рима, затем противостоял Митридату по вопросу о Каппадокии.

Никомед IV — слабый правитель Вифинии; римский легат Аквиллий вынудил его вторгнуться в царство Митридата без всякой причины; так начались Митридастовы войны.

Нисса, Роксана и Статира — несчастные младшие сестры Митридата, которые на всю жизнь оказались пленницами в башне — чтобы они не вышли замуж и их дети не соперничали за трон.

Оппий — плутоватый римский полководец, который вместе с Аквиллием, Кассием и Никомедом IV начал закончившееся катастрофой вторжение в царство Митридата.

Палий — личный враг Митридата, работал в тесной связке с ботаником Кратеем.

Пелопид — греческий философ, оратор и посланник в свите Митридата.

Помпей Великий — римский полководец, искавший славы; победил Спартака и Сертория; принял после неудачи Лукулла командование в последней Митридастовой войне и привел ее к завершению.

Селевк — сирийский пиратский адмирал из Киликии, верный друг Митридата.

Серторий — мятежный римский правитель Испании; командовал армией мятежников, состоявшей из уроженцев Испании и изгнанников-популярков Мария; был в союзе с Митридатом против Рима.

Спартак — фракийский гладиатор, руководил массовым восстанием рабов в Италии; мог планировать вступить в союз с

Митридатом. Митридат воспрянул духом, узнав о мятеже Спартака, и был огорчен его гибелью.

Стратоника — арфистка при дворе Митридата; стала его возлюбленной и госпожой Кабиры.

Сулла — безжалостный римский патриций, полководец, которому было поручено отомстить Митридату за истребление римлян и вернуть Грецию; разрушил Афины и победил в Первой Митридатовой войне.

Тигран II Великий — гордый и несгибаемый армянский царь, объединивший обширную империю на Ближнем Востоке; близкий друг Митридата, его зять и верный союзник.

Фарнак — сын и наследник Митридата от царицы Лаодики; руководил мятежом против своего отца в Боспорском царстве; заключил сделку с Помпеем; в конечном счете был разбит Юлием Цезарем.

Фимбрия — грубый римский военачальник. Сверг своего предшественника, Флакка, и повел своих буйных легионеров разорять Анатолию; их жажда наживы подрывала авторитет Лукулла.

Херемон — богатый гражданин Нисы, который помогал римлянам: Митридат назначил за его голову награду.

Хронология

Некоторые даты указаны приблизительно

486 до н. э. — кончина персидского царя Дария I.

323 до н. э. — кончина Александра Великого.

202 до н. э. — Ганнибал терпит поражение от римлян.

190 до н. э. — Антиох Великий терпит поражение от римлян.

146 до н. э. — римляне завоевывают Грецию. Разрушение Коринфа.

135 до н. э. — появление яркой кометы совпадает с зачатием/рождением Митридата.

134 до н. э. — возможный год рождения Митридата.

133 до н. э. — Аттал III, царь Пергама, завещает свое царство Риму.

133–129 до н. э. — Аристоник предводительствует «гражданами солнца» в Анатолии в их мятеже против римского господства.

120 до н. э. — Митридат V Эвергет убит (отравлен); второе появление кометы; Митридат VI коронован царем Понта.

119/118 до н. э. — Митридат скрывается, чтобы спастись от матери, которая замышляла убить его.

115/114 до н. э. — Митридат возвращается в Понт; его приветствуют как царя. Он женится на своей сестре Лаодике, Северное Причерноморье и Скифия входят в состав его государства.

112–106 до н. э. — Югуртинская война; Рим побеждает Югурту.

108 до н. э. — продолжительная разведывательная поездка Митридата по Анатолии.

107–94 до н. э. — Митридат включает в свою Черноморскую империю Колхиду и Западную Армению, вмешивается в дела Пафлагонии, Каппадокии и Галатии.

96/94 до н. э. — Митридат заключает союз со своим зятем, армянским царем Тиграном.

91–89 до н. э. — Союзническая война, италийцы восстают против Рима.

89–85 до н. э. — Первая Митридатова война.

89 до н. э. — Никомед IV нападает на Понт по наущению Рима. Митридат одерживает решительную победу, освобождает Анатолию; его приветствуют как спасителя. Его супругой и царицей становится Монима, а Пергам — центром новой империи.

88–30 до н. э. — гражданские войны в Риме.

88 до н. э. — Митридат приказывает убить 80 тысяч римлян и италийцев в Анатолии, казнит римского легата Аквилия, который в 89 г. до н. э. начал войну.

88–85 до н. э. — армии Митридата освобождают и занимают Грецию, Митридату не удается взять Родос. Прибывает Сулла, чтобы отомстить за убийство римлян и вернуть Грецию.

87 до н. э. — появление кометы Галлея.

85 до н. э. — Первая Митридатова война заканчивается в пользу Рима. Дарданский мирный договор.

83/81 до н. э. — подчиненный Суллы, Мурена, нападает на Митридата; начинается Вторая Митридатова война. Митридат одерживает победу.

75 до н. э. — Митридат и Серторий заключают союз, чтобы вместе воевать с Римом.

75/74 до н. э. — марионетка Рима Никомед IV умирает, завещает Вифинию Риму; начинается Третья Митридатова война.

73/71 до н. э. — мятеж рабов под предводительством гладиатора Спартака в Италии.

73–70 до н. э. — Лукулл послан, чтобы уничтожить Митридата. Метеорит прерывает сражение в Вифинии; Митридат осаждает Кизик, но Лукулл одерживает победу. Падение Кабиры. Митридат бежит к Тиграну в Армению и перестраивает свою армию.

73–63 до н. э. — Третья Митридатова война.

69–68 до н. э. — Лукулл переходит через Евфрат, одерживает значительную победу над Тиграном и Митридатом; тем удается спастись. Лукулл теряет власть над своей мятежной армией.

67 до н. э. — Митридат совершает поход в Понт, возвращает себе царство в крупном сражении; в то же самое время Помпей очищает Средиземноморье от пиратов.

66 до н. э. — Помпей прибывает в Понт и сменяет Лукулла, наносит Митридату сокрушительный удар в неожиданном сражении

при лунном свете; Митридат со своей армией, спасаясь, бежит в Колхиду.

65/64 до н. э. — Митридат ускользает от Помпея, бежит через Кавказские горы в свое Боспорское царство и планирует вторгнуться в Италию по суше.

63 до н. э. — землетрясение поражает Бос пор. Сын Митридата, Фарнак, устраивает государственный переворот. Митридат совершает самоубийство. Помпей объявляет о своей победе; Митр Платовы войны заканчиваются.

47 до н. э. — Фарнак пытается вернуть утраченное царство своего отца и вторгается в Понт. Разбит в краткой и жестокой битве Юлием Цезарем, который похвалился этим — *Veni Vidi Vici* («Пришел, увидел, победил»).

Библиография

Античные источники

Августин, «О граде Божьем». *Блаженный Августин*. Творения / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб., 1998. Т. 3: О граде Божиим, I–XIII. *Блаженный Августин*. Творения / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб., 1998. Т. 4: О граде Божиим, XIV–XXII.

Авл Геллий, «Аттические ночи». *Авл Геллий*. Аттические ночи / Пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова. СПб., 2007. Кн. I–X. *Авл Геллий*. Аттические ночи / Пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. СПб., 2008. Кн. XI–XX.

Аммиан Марцеллин, «Римская история». *Аммиан Марцеллин*, Римская история / [Пер. Ю. Кулаковского, А. Сонни.] СПб., 1994.

Аполлоний Родосский, «Аргонавтика». *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика / Изд. подгот. Н.А. Чистякова. М., 2001.

Аппиан, «Митридатовы войны» (книга XII «Римской истории»), «Гражданские войны», «Сирийские дела». *Аппиан*. Римские войны. СПб., 1994.

Афиней, «Пир мудрецов». *Афиней*. Пир мудрецов: В 15 кн. М., 2004. Кн. 1–8, 9–15.

Валерий Максим, «Достопамятные деяния и изречения» Valerius Maximus, Memorable Deeds and Sayings. Teubner, 1888.

Вегетий Ренат, «Краткое изложение военного дела». Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат: Аполлодор «Полиоркеттика», Афиней Механик «О машинах». Аноним Византийский «Инструкции по полноркеттике», «Краткое изложение военного дела». СПб.: Алетейя, 1996.

Веллей Патеркул, «Римская история». Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжка / Пер. с лат. Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир. 1995. С. 11–96.

Гален. *Galen*. C.G. Kuhn, Galeni Opera Omnia. Leipzig: 1821–33, rpt. Hildesheim, 1965: G. Fichtner. Corpus Galenicum. Tubingen, 1990.

Selected works by Galen, trans. P.N. Singer. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

Геродот, «История». Геродот. Истории: В 9 кн. Л.: Наука, 1972 / Перевод и примечания Г.А. Стратановского, под общ. ред. С.Л. Утченко. Ред. перевода Н.А. Мещерский.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека».

Дион Кассий, «Римская история».

Евтропий, «Краткая история от основания города». Eutropius. Abridgement of Roman History / Trans. J.S. Watson. London, 1853.

Римские историки IV века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

Иосиф Флавий, «Иудейские древности», «Иудейская война». *Иосиф Флавий*. Иудейская война. Минск: Беларусь, 1991. *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. М.: АСТ-Ладомир. 2002. Т. I–II.

Ксенофонт, «Киропедия». «Анабасис», «Греческая история», «Обохоте». *Ксенофонт*. Анабасис / Перевод, статья и примечания М.И. Максимовой. Под ред. И.И. Толстого. Отв. ред. И.И. Толстой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1951. (Серия «Литературные памятники»), *Ксенофонт*. Греческая история / Изд. С.Я. Лурье. СПб., 1993. *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М., 76. *Ксенофонт*. Охота // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках / Перевел с греческого Г.А. Янчевеикий. Выпуск пятый. Мелкие статьи. (Scripta minora.) С примечаниями, указателем собственных имен и предметов ко всем пяти выпускам и введением с указанием русских изданий Ксенофонта. Митава: В типографии П.Ф. Штеффенгагена и сына, 1880.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. I. Греческие писатели.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1–1. С. 167–200.

Ливий, «История». Livy, History; Epitome: Periochae. Budc edition, 1984. *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Пер. В.М. Смирин. коммент. Н.Е. Боланской. Т. I. М.: Наука, 1989. *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Пер. Ф.Ф. Зелинского, коммент. В.М. Смирин, Г.П. Чистякова. М.: Наука, 1991. Т. II. *Тит Ливий*.

История Рима от основания города / Ред. переводов М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе, В.М. Смирин, коммент Ф.А. Михайловского и В.М. Смирин. М.: Наука, 1994. Т. III.

Лукан, «Фарсалия». *Марк Анней Лукан*. Фарсалия или Поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова, ред., статья и коммент Ф.А. Петровского. М.: Наука, 1951; М.: НИЦ «Лаломир»; Наука, 1993

Лукиан. *Лукиан Самосатский*. Сочинения / Под общ. ред. А.И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001. Т. I–II.

Лукреций. *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей / Пер. с лат Ф. Петровского. М., 1983.

Макробий. *Макробий Феодосий*. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича, общ. ред., сост., вступ. статья М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2013.

Медведков Н. Охота 2300 лет тому назад // Русский охотник. 1892. № 4 (23 января); Охотничьи просторы. 2012 (73). № 3. С. 206–220; 2012 (74). № 4. С. 182–198.

Мемнон. *Метнон*, History of Heracleia Pontica. FrGH 336. *Метнон*. О Гераклее / Введение, перевод и комментарии В.П. Дзагуровой // Вестник древней истории. 1951. № I. С. 282–316.

Обсеквент. *Obsequens*, Book of Prodigies. In Lewis 1976.

Орозий, «Истории против язычников». *Orosius*, Histories against the Pagans. Vude edition, 1990–1991. *Павел Орозий*. История против язычников / Пер., вступ. статья, коммент. и указ. В.М. Тюленева. СПб.; Алетейя, 2001–2003. Т. I–III.

Павсаний. *Павсаний*. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева под ред. Е. Никитюк. М.: АСТ-Ладомир, 2002. Т. I–II.

Плиний Старший, «Естественная история». *Плиний Старший*. Естественная история. Кн. 2 / Перевод с лат., коммент. и послесловие Б.А. Старостина // Архив истории науки и техники: Сборник статей. М.: Наука, 2007. Вып. 3. С. 287–366.

Плутарх, Жизнеописания Александра, Лукума, Помпея, Сертория, Мария, Суллы; Моралии. *Плутарх*. Моралии. Об удаче или доблести Александра Великого / Пер. и коммент. Г.П. Чистякова // Вестник древней истории. 1979. № 4. С. 219–234; 1980. № 1. С. 233–253. *Плутарх*. Моралии. Об удаче римлян / Пер. и коммент. Г.П. Чистякова и Э.Г. Юнна // Вестник древней истории. 1979. № 3. С. 233–251. *Плутарх*. Сочинения / Сост. С.С. Аверинцев, вступ. статья А.Ф.

Лосева, коммент. А.А. Столярова. М.: Художественная литература, 1983. *Плутарх*. Застольные беседы / Изд. подгот Я.М. Боровский, М.Н. Ботвинник, Н.В. Брагинская, М.Л. Гаспаров, И.И. Ковалева, О. Л. Левинская. Л., 1990. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Перевод С.П. Маркиша, обработка перевода для настоящего переиздания С.С. Аверинцева, примечания М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1994. Изд. 2-е, исправленное и дополненное.

Полибий, «История». *Полибий*. Всеобщая история / Пер., вступ. ст. и примеч. Ф.Г. Мищенко, отв. ред. А.Я. Тыжов. СПб.: Ювента, 1994–1995. Т. I–III.

Полиэн, «Стратегемы». Polyaeus, Stratagems of War, 2 vols. Trans. P. Krentz and E. Wheeler. Chicago: Ares, 1994. *Полиэн*. Стратегемы / Изд. А.К. Нефедкин. СПб., 2002.

Римская сатира / Пср. с лат. Сост. и науч. подгот. текста М. Гаспарова. М., 1989.

Саллюстий, «История», «Югуртинская война», «О заговоре Катилины» и фрагменты. *Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения / Изд. В.О. Горенштейн. М., 1981.

Светоний, «Нерон», «О грамматиках и риториках». *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подготовили М.Л. Гаспаров и Е.М. Штаерман. М., 1964.

Страбон, «География». *Страбон*. География: В 17 кн. / Пер. статья и коммент. Г.А. Стратановского под общ. ред. С.Л. Утченко, ред. перевода О.О. Крюгер. М., 1964. Репринт 1994.

Тацит, «Анналы», «Агрикола». *Корнелий Тацит*. Сочинения: В 2 т. / Изд. подготовили А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко и др. Отв. ред. С.Л. Утченко. Т. I. Анналы. Малые произведения. Т. II. История. СПб.: Наука, 1993. Изд. 2-е, исправленное и переработанное.

Флегонт из Тралл. *Phlegon of Tralles*, Book of Marvels. In: Hansen 1996. *Флегонт из Тралл*. Удивительные истории / Пср. с древнегреч. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова, В.Н. Илюшечкина. Вступ. статья и комментарии В.Н. Илюшечкина // Вестник древней истории. 2002. № 3. С. 219–234; № 4. С. 233–247.

Флор. Малые римские историки. *Веллей Патеркул*. Римская история. *Анней Флор*. Две книги Римских войн. *Луций Ампелий*. Памятная книжица / Пер. с лат. Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир, 1995. С. 99–190.

Фронтин, «Стратагемы». *Фронтин*. Секст Юлий Фронтин: Военные хитрости (Стратагемы). СПб., 1996.

Цельс, «О медицине». *Цельс*, *Авл Корнелий*. О медицине / Пер. Ю.Ф. Шульца. Вступ. ст. и ред. В.Н. Терновского. М., 1959.

Цицерон, «О Манилиевом законе (Речь о предоставлении империи Гнею Помпею)», «Тускуланские беседы», «О земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла», «Речь в защиту Луция Валерия Флакка», «Против Верреса», «Учение академиков». *Марк Туллий Цицерон*. Речи: В 2 т. Т. I (81–63 гг. до н. э.) / Издание подготовили В. О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1962. *Марк Туллий Цицерон*. Избранные сочинения / Сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирин. М.: Художественная литература, 1975. *М. Туллий Цицерон*. Речь в защиту Л. Валерия Флакка / Пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории. 1986. № 4. С. 188–215. *Марк Туллий Цицерон*. Учение академиков / Пер. Н.А. Федорова, коммент. и вступ. статья М.М. Сокольской. М.: Индрик, 2004.

Элиан, «О природе животных», «Пестрые рассказы». *Элиан*. Пестрые рассказы / Пер. с древнегреч., статья, примеч., и указатель С. В. Поляковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Ювенал. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского, вступ. статья А.И. Белецкого. М.; Л.: Academia, 1937.

Юстин. *Justin*, Epitome of the Philippic History of Pompeius Tragus. Trans. John Yardley. Scholars Press, 1994. *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

Современная литература

Aggrawal, Anil. 1997. "Arsenic — the Poison of Kings". Science Reporter (February).

Ahlheid, F. 1988. "Oratorical Strategy in Sallust's Letter of Mithridates Reconsidered". Mnemosyne, ser. 4, 41, fasc. 1–2:67–92.

Alam, M.I., A. Gomes. 2003. "Snake Venom Neutralization by Indian Medicinal Plants (*Vitex negundo* and *Embllica officinalis*) Root Extracts". J Ethnopharmacology 86, 1:75–80.

Alcock, Susan. 2007. "Making Sure You Know Whom to Kill". Paper, German-American Frontiers of Humanities Symposium, American Philological Society / Humboldt Foundation, Philadelphia, 2004. *Millenium* 4:13–20.

Amiotti, Gabriella. 1980. "I Greci ed il massacro degli italici nell'88 A.C". *Aevum* 54:132–39.

Anderson, J.K. 1985. *Hunting in the Ancient World*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

Anderson, Poul. 1960. *The Golden Slave*. New York: Kensington.

Andrae, Bernard. 1994–95. "Eracle, Telefo e il re Mitridate VI del Ponto". *Rend. Pont.* 67:111–22.

Antikas, T., L. Wynn-Antikas, J. Naylor, and L. Stefani. 2004. "Perimortem Weapon Trauma to Thoracic Vertebrae of a 2nd Century BCE Adult Male Skeleton, Central Macedonia, Northern Greece". *J Paleopathology* 16, 2:69–78.

Arslan, Murat. 2003. "Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator". *Olba* 8:195–212.

Ascherson, Neal. 1995. *Black Sea*. New York: Hill and Wang.

Badi', Amir Mehdi. 1991. *Les Grecs et les Barbares*, vol. 6, D'Alexandre á Mithridate. Paris.

Badian, E. 1981 [1968]. *Roman Imperialism in the Late Republic*. 2nd ed. Ithaca: Cornell Univ. Press.

Baley, Walter. 1585. "A Discourse of the Medicine Called Mithridatium". London: n.p.

Ballesteros Pastor, Luis. 1996. *Mitridaies Eupator, rey del Ponto*. Granada: Univ. of Granada.

—. 1999. "Marius Words to Mithridates Eupator". *Historia* 48. 4:506–508.

—. 2009. "Troy, between Mithridates and Rome" In Hotje 2009a

Balsdon, J.P.V.D. 1979. *Romans and Aliens*. London: Duckworth.

Barber, E., and P. Barber. 2004. *When They Severed Earth from Sky: How the Human Mind Shapes Myth*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Batty, Roger. 2007. *Rome and the Nomads: The Pontic-Danube Realm in Antiquity*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Bean, George. 1979. *Aegean Turkey*. 2nd rev. ed. New York: Norton.

—. 1989. *Turkey beyond the Maenander*. 2nd ed. London: Murray.

Beard, Mary. 2007. *Roman Triumph*. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Bekker-Neilsen, Tonnes. 2004. "Mithridate Eupator, a Historical Personality". Seminar paper, Danish National Research Foundation Centre for Black Sea Studies, Aarhus, Denmark, June 9. www.pontos.dk

Bengtson, Hermann. 1975 [1956]. "Mithradates". In *Herrschergehalren des Heltenismus*, 251–78. Munich: Beck.

Bierman, A.I. 1994. "Medical Fiction and Pharmaceutical Facts about Theriac". *Pharmaceutical Historian* 24, 3:5–8.

Blavatskij, V.D. 1977. "The Earthquake of 63 BC in the Peninsula of Kerch" [In Russian.] *Piroda n.v., p.p.* (Блаватский, Владимир Дмитриевич. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 55–59. — Пер.).

Bolich, Gregory G. 2006. "Terrorism in the Ancient World". *MHQ Military History Quarterly* (Spring): 52–58.

Bosworth, A.B. and P.V. Wheatley. 1998. "The Origins of the Pontic House". *J Hellenic Studies* 118:155–64.

Bowersock, G.W. 2008. "In Search of Strabo, with Some New Light on Mithridates Eupator and His Concubine". *J Roman Archaeology* 21:598–601.

Braund, David. 1994. *Georgia in Antiquity: A History of Colchis and Transcaucasian Iberia*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Breque, J.-M. 1983. "Mithridate, de Racine a Mozart". *Avant Scene Opera* 54, 8:8–13.

Brunt, P.A. 1971. *Social Conflicts in the Roman Republic*. New York: Norton.

Bryce, James. 1878. *Transcaucasia and Ararat: Being Notes of a Vacation Tour in the Autumn of 1876*. Adamant Facsimile ed. London: Macmillan.

Buitenwerf, Rieuwerd. 2003. *Book III of the Sibylline Oracles*. Leiden: Brill.

Burneti, J. 1982. "The Giustiniani Medicine Chest". *Medical History* 26:325–33.

Callatay, F. de. 2000. "Guerreset monnayages a l'epoque hellinistique: essai de mise en perspective suivi d'une annexe sur le monnayage de Mithridate VI Eupator" In *Economie antique: la guerre dans les economies antiques*, ed. J. Andreau, P. Briant, and R. Descat, 337–364. Saint-Bertrand-de-Comminges: Musee archeologique departmental.

Camp, John, M. Icardi, J. McInerney, K. Morgan, and G. Umholtz. 1992. "A Trophy from the Battle of Chaironeia of 86 BC". *American J Archaeology* 96, 3 (July): 443–55.

Campbell, Duncan. 2006. *Besieged: Siege Warfare in the Ancient World.* Oxford: Osprey.

Casson, L. 1974. *Travel in the Ancient World.* Toronto: Hakkert.

Champlin, Edward. 2003. *Nero.* Cambridge: Harvard Univ. Press.

— *Forthcoming.* *Tiberius.* Princeton: Princeton Univ. Press.

Chaniotis, Angelos. 1997. "Theatricality beyond the Theater: Staging Public Life in the Hellenistic World". *Pallas* 47:219–59.

Charachidze, Georges. 1998. "Les pirates de la Mer Noire (de Mithridate a Nicolas I)". *Comptes Rendus de L' Academic des Inscriptions*, fasc. I (January/March): 261–70.

Charbonneaux, J. 1951. "La Venus de Milo et Mithridate le Grand" *Revue des Arts* 1:12–16.

Christine de Pizan. 1999. *The Book of the City of Ladies (1405).* London: Penguin.

Church, A.J. 1885. *Two Thousand Years Ago: The Adventures of a Roman Boy.* London: Blackie & Son.

Ciaraldi, Marina. 2000. "Drug Preparation in Evidence?" *Vegetation History and Archaeobotany* 9 (July): 91–98.

Ciiliers, L., and F.P. Retief. 2000. "Poisons, Poisonings and the Drug Trade in Ancient Rome". *Akroterion* 45:88–100.

Cohen, Getzel. 2007 [1995]. *The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor.* Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

"Consensus on Terror: New Blueprint for U.N. Reform Includes First Political Definition of Terrorism". 2005. Associated Press news story, July 24.

Corner, George W. 1915. "Mithridatium and Theriac". *Johns Hopkins Hospital Bulletin* 26, 292:222–26.

Cox, T., et al. 2005. "King George III and Porphyria: An Elemental Hypothesis and Investigation". *Lancet* 366:332–35.

Cramer, John A. 1832. *A Geographical and Historical Description of Asia Minor.* N.p.: University Press.

Crook, J.A., A. Lintott, and E. Rawson, eds. 1994. *Cambridge Ancient History*, vol. 9, *Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC.* 2nd ed.

Cambridge: Cambridge Univ. Press.

D'Orazio, Massimo. 2007. "Meteorite Records in the Ancient Greek and Latin Literature: Between History and Myth". In *Myth and Geology*, ed. L. Piccardi and W. B. Masse, 215–25. London: Geological Society.

Duffin, Rachael. 2003. "Why Was Theriac So Highly Esteemed during the Middle Ages?" Ph.D. diss.. Royal Holloway Univ., London.

Duggan, Alfred. 1959. *King of Pontus: The Story of Mithradates Eupator*. New York: Coward-McCann. *He Died Old: Mithradates Eupator, King of Pontus*. 1958. London: Faber & Faber.

Eder, W., and J. Renger, eds. 2007. *Brill's New Pauly: Chronologies of the Ancient World*. Leiden: Brill.

Eich, Armin, and Peter Eich. 2005. "War and State-Building in Roman Republican Times". *Scripta Classica Israelica* 24:1–33.

Eliot, Gil. 1972. *The Twentieth Century Book of the Dead*. New York: Scribner.

Erciyas, Deniz Burcu. 2006. *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids in the Central Black Sea Region of Turkey*. *Colloquia Pontica* 12. Leiden: Brill.

Ferguson, Niall, ed. 2000. *Virtual History: Alternatives and Counterfactuals*. New York: Basic Books.

Fleischer, Robert. 2009. "The Rock-Tombs of the Pontian Kings in Amasya, Turkey". In *Hojte* 2009a.

Flinois, Pierre. 1983. "Mithridate, une haut figure historique". *Avant Scene Opera* 54, 8:4–7.

Ford, Michael Curtis. 2004. *The Last King*. New York: St. Martins.

Fotheringham, J.K. 1919. "The New Star of Hipparchus and the Dates of Birth and Accession of Mithridates". *Monthly Notices, Royal Astronomical Society* 79, 3:162–67.

Freeth, Tony, et al. 2008. "Calendars with Olympiad Display and Eclipse Prediction on the Antikythera Mechanism". *Nature* 454 (July 31): 614–17.

Gaddis, John Lewis. 2002. *The Landscape of History: How Historians Map the Past*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Gatopoulos, Derek. 2004. "Greek Farmer Finds 2,000 Year Old Monument". AP News story. Greek Ministry of Culture report, August 12, www.ekathimerini.com

Gleason, Maud. 2006. "Greek Cities under Roman Rule". In *Companion to the Roman Empire*, ed. D. Potter, 228–49. Oxford: Blackwell.

Glew, Dennis. 1977. "The Selling of the King: A Note on Mithridates Eupator's Propaganda in 88 BC". *Hermes* 105, 2:253–256.

Goldsworthy, Adrian. 2003. *The Complete Roman Army*. London: Thames and Hudson.

Gologlu, Mahmud. 1973. *Anadolu'nun Milli Devlen Pontus*. Ankara, Turkey.

Goodkin, Richard. 1986. "The Death(s) of Mithridate(s): Racine and the Double Play of History". *PMLA* 101, 2:203–17.

Gozalishvili, Giorgi V. 1965. *Mil'ridat Pontiisky* (Georgian, summary in Russian). Tbilisi, Georgia.

Griffin, J.P. 1995. "Mithridates VI of Pontus, the First Experimental Toxicologist". *Adverse Drug Reactions & Acute Poisoning Reviews* 14:1–6.

Gruen, Erich S. 1984. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. 2 vols. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

—. 2004. "Rome and the Greek World". In *The Cambridge Companion to the Roman Republic*, ed. H. Flower, 242–67. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Gurzadyan, Vahe G., and Ruben Vardanyan. 2004. "Halley's Comet of 87 BC on the Coins of Armenian King Tigranes?" *Astronomy & Geophysics* 45 (August): 4.6.

Gutterman, Steve. 2004. "Poisoning Draws Attention to Post-Soviet Cases". Associated Press news story, December 14.

Guyot, P. 1980. *Eunuchen als Sklaven und Friegelassene in der griechischromischen Antike*. Stuttgart.

Habicht, Christian. 1998. *Pausanias' Guide to Ancient Greece*. 2nd ed. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

Hall, A.J., and E. Photos-Jones. 2008. "Assessing Past Beliefs and Practices: The Case of Lemnian Earth". *Archaeometry* 50, 60:1034–49.

Hansen, William, trans. and comm. 1996. *Phlegon of Tralles' Book of Marvels*. Exeter: Univ. of Exeter Press.

Harley, J., and D. Woodward, eds. 1987. *The History of Cartography*, vol. I. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Harris, Robert. 2006. "Pirates of the Mediterranean: What a Terrorist Act in Ancient Rome Can Teach Us". *New York Times*, September 30.

Hcalv, J. 1999. *Pliny the Elder on Science and Technology*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Hind, John. 1994. "Mithridates". In *Cambridge Ancient History*, ed. J. A. Crook, A. Lintott, and E. Rawson, vol. 9, *Last Age of the Roman Republic, 146–3 BC, 129–164*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Hojle, Jakob Munk, ed. 2009a. *Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies 9*. Aarhus, Denmark: Univ. of Aarhus Press.

—. 2009b. "The Death and Burial of Mithridates VI". In *Hwjte 2009a*.

—. 2009c. "Portraits and Statues of Mithridates VI Eupator: Royal Propaganda". In *Hojte 2009a*.

Holland, Tom. 2003. *Rubicon: The Last Years of the Roman Republic*. New York: Random House.

Holt, Jim. 2006. "Math Murders". *New York Times Magazine*, March 12, 11–12.

Hopkins, Keith. 1978. *Conquerors and Slaves*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Hopkins, Mark, 1995. "Droplets of Life or Death: The Venom of Caucasian Vipers". *Azerbaijan International* 3, 2:30–31, 73.

Izady, Mehrdad R. 1992. *The Kurds: A Concise Handbook*. London: Taylor & Francis.

Jonassohn, K., and K. Solveig Bjornson. 1998. *Genocide and Gross Human Rights Violations in Comparative Perspective*. New Brunswick NJ: Transaction Publishers.

Jones, Christopher. 1987. "Stigma: Tattooing and Branding in Graeco-Roman Antiquity". *J Roman Studies* 77:139–55.

Kallet-Marx, R. 1995. *Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 BC*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

Kay, Philip. 2008. "Financial Meltdown in Republican Rome". Lecture, Oxford Roman Economy Project. November 28, <http://oxrep.classics.ox.ac.uk/index.php>

Keaveney, Arthur. 1992. *Lucullus: A Life*. London: Routledge.

—. 2005. *Sulla, the Last Republican*. London: Routledge.

Kesmedzhi, P.A. 2008. *Mitridat Evpator: Istoricheskii ocherk*. [Biography.] Simferopol, Ukraine: Krymuchpedgiz [Кесмеджи, Панаєт

Алексеевич. Митридат Евпатор (Исторический очерк). 3-е изд., испр. и доп. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008].

King, Charles. 2004. *The Black Sea: A History.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Konstan, David. 2002. "Women, Ethnicity and Power in the Roman Empire". *Ordia Prima* 1:11–23.

Kopff, E. Christian. 2007. "Cicero and Tacitus on Empire: Roman Tradition and American Conceptions of Foreign Policy". Paper, Foreign Policy Research Institute, Philadelphia, September 20.

Kreuz, Patric-Alexander. 2009. "Monuments for the King". In *Hojte* 2009a.

Kurkjian, Vahan M. 1958. *A History of Armenia.* N.p.: Armenian General Benevolent Society of America.

Kvideland, Reimund. 2006. "Legends Translated into Behaviour". *Fabula* 47: 255–63.

Lane Fox, Robin. 2004 [1994]. *Alexander the Great.* London: Penguin.

La Penna, Antonio. 2003. "La grande armatura di Mithridate: Nola a Sallustio, Hist. II Fr. 77 Maurenbrecher". *Maia-Rivista de Letterature Classiche* 55, I (January-April): 1–3.

Lee, John W.l. 2007. *A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophons Anabasis.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Lee, Nathaniel. 1797 [1687]. *Mithridates, King of Pontus: A Tragedy.* London. Cawthorn.

Levy, Brooks. 1994. "Money for Mithridates?" *American J Archaeology* 98, 2:311.

Lewis, Bernard. 2001. *A Middle East Mosaic: Fragments of Life, Letters and History.* Modern Library.

Lewis, Naphtali. 1976. *The Interpretation of Dreams and Portents.* Toronto: Hakkert.

Lewis, Naphtali, and Meyer Reinhold, eds. 1990. *Roman Civilization, vol. I, Selected Readings: The Republic and the Augustan Age.* New York: Columbia Univ. Press.

Loewe, Michael. 1980. "The Han View of Comets". *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 52:1–31.

Logan, Nicole Prevost. 1994. "The View from Mount Mithridates". *Archaeology* (November-December): 69–75.

Magie, David. 1950. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. 2 vols. Princeton: Princeton Univ. Press.

Majno, Guido. 1991 [1975]. The Healing Hand: Man and Wound in the Ancient World. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Mallet, Paul Henri, and Sir Walter Scott. 1847 [1770]. Northern Antiquities. Trans. Bishop Thomas Percy. London: Bohn.

Merchant, Jo. 2008. "Archimedes and the 2000 Year Old Computer". *New Scientist* 2686 (December 12): 36–40.

Markey, Sean. 2003. "Ancient Greek Wreck Found in the Black Sea". *National Geographic News*, January 16.

Maskiell, M., and A. Mayor. 2001. "Killer Khilats, Part I: Legends of Poisoned 'Robes of Honour' in India". *Folklore* 112:23–45.

Mastrocinque, Attilio. 1999. *Studi suite guerre Mitridatiche*. *Historia* 124. Stuttgart: F. Steiner Verlag.

—. 2009. "The Antikythera Shipwreck and Sinope's Culture during the Mithridatic Wars". In *Hotje 2009a*.

Matyszak, Philip. 2008. *Mithridates the Great, Rome's Indomitable Enemy*. London: Pen and Sword.

Mayor, Adrienne. 1999. "People Illustrated". *Archaeology* 52 (March/April): 54–57.

—. 2000. *The First Fossil Hunters*. Princeton: Princeton Univ. Press.

—. 2009 [2003]. *Greek Fire, Poison Arrows & Scorpion Bombs: Biological and Chemical Warfare in the Ancient World*. 2nd rev ed. New York: Overlook.

McCullough, Colleen. 1991. *The Grass Crown*. New York: William Morrow.

McGing, Brian C. 1986. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: Brill.

—. 1998. "On the Fringes: Culture, History, and the Kingdom of Pontus". English abstract. *Vestnik Drevnei Istorii [J Ancient History, Moscow]* 37:112.

—. 2003. "Subjection and Resistance: To the Death of Mithridates". In *A Companion to Hellenistic History*, ed. A. Erskine, 71–89. Oxford: Blackwell.

—. 2009. "Mithradates VI Eupator: Victim or Aggressor?" In *Hotje 2009a*.

McNicoll, A.W., and N.P. Milner. 1997. *Hellenistic Fortifications from the Aegean to the Euphrates*. Oxford: Clarendon Press.

Merry, Robert W. 2005. *Sands of Empire: Missionary Zeal, American Foreign Policy, and the Hazards of Global Ambition*. New York: Simon and Schuster.

Metz, Martin; A. M. Piliponsky; C.-C. Chen, et al. 2006. "Mast Cells Can Enhance Resistance to Snake and Honeybee Venoms". *Science* 28, 313 (July): 526–30.

Mitchell, Stephen. 1995 [1993]. *Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor*. 2 vols. Oxford: Oxford Univ. Press.

Moore, L., B. Goodwin, S. Jones, et al. 2000. "St. John's Wort Induces Hepatic Drug Metabolism". *Proceedings of National Academy of Sciences* 97:7500–7502.

Munro, J. Arthur R. 1901. "Roads in Pontus, Royal and Roman". *Journal of Hellenic Studies* 21:52–66.

Naco del Hoyo, T., et al. 2009. "The Impact of the Roman Intervention in Greece and Asia Minor upon Civilians (88–63 BC)". In *Transforming Historical Landscapes in the Ancient Empires*, ed. B. Antela-Bernardez and T. Naco del Hoyo. Oxford: British Archaeological Reports, International Series.

Nappi, Carla. 2009. "Boiatu's Pharmacy: Theriac in Early Modern China". *Early Science and Medicine* (May).

Nazaryan, G. 2005. *Armenian History of Tigranes the Great*. Armenian Highland.com.

Neverov, O.J. 1973. "Mithridates as Dionysus". *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* 37:41–45 (Неверов О.Я. Митридат-Дионис // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 37. 1973. С. 41–45. — Пер.).

Newman, Cathy. 2005. "Twelve Toxic Tales". *National Geographic* 207 (May): 2–31.

Norton, Stata. 2006. "The Pharmacology of Mithradatum: A 2000-Year-Old Remedy". *Molecular Interventions* 6:60–66.

Oberdorfer, Don. 2004. "Tet: Who Won?" *Smithsonian* (November): 117–23.

Oikonomides, A.N. 1962. "A Statuette of Mithridates the Great". *Archaeology* 15:13–15.

Olbrycht, Mark. 2009. "Mithridates Eupator and Iran". In *Hojte* 2009a.

Pain, Stephanie. 2008. "From Poison to Plague: Mithridates's Marvelous Medicine". *New Scientist* (January 26): 52–53.

Parke, H.W. 1988. *Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity*. London: Routledge.

Peck, Henry Thurston. 1898. "Mithridates VI King of Pontus". *Harper's Dictionary of Classical Antiquities*. New York: Harper.

Pillonel, Cedric. 2005. "Les guerres mithridatiques: essai de quantification des armées pontiques". Univ. of Lausanne, Switzerland. www.strahon.ch/mithridate/quantification/article.html

Polupudncv, V. 1993. *Milridat: Istoricheskii roman*. (Historical novel.) Moscow: Izdvo Kvorum (Полупуднев, Виталий. Митрилат: Исторический роман. М.: Кворум. — Пер.).

Racine, Jean. 1665 (1673 |, *Mithridate*. Ed. and comm. G. Rudler. Oxford: Blackwell (Русский перевод Ю. Стефанова в: Расин, Жан. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Комментар. Н. Жирмунской. М.: Искусство, 1984).

Raffi, Aram. 1959 119161. "Armenia, Its Epics, Folk-Songs, and Mediaeval Poetry". Concluding essay in *Armenian Legends and Poems*, ed. Z. C. Boyajian. 2nd ed. London: Dent.

Raloff, Janet. 2005. "Plants Take Bite Out of Deadly Snake Venoms". *Science News* 167 (March 26): 206.

—. 2007. "Counterintuitive Toxicity". *Science News* 171 (January 20): 40–42.

Ramsey, John T. 1999. "Mithridates, the Banner of Ch'ihyu, and the Comet Coin". *Harvard Studies in Classical Philology* 99:197–253.

—. 2007. "A Catalogue of Greco-Roman Comets from 500 B.C. to A.D. 400". *J History of Astronomy* 38:175–97. Also published in *Syllecta Classica*. special issue 17.

Rank, Otto, F.R.S. Raglan, and Alan Dundes. 1990. *In Quest of the Hero*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Reinach, Theodore. 1890. *Mithridate Eupator, roi de Pont*. Paris: Firmin-Didot. Facsimile ed., *Elibron Classics*.

Richards, G.C. 1941. "Strabo: The Anatolian Who Failed of Roman Recognition". *Greece & Rome* 10, 29:79–90.

Rigsby, Kent J. 1988. "Provincia Asia". *Transactions of the American Philological Association* 118:123–53.

—. 1996. *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press.

Root-Bernstein, Robert S. 1991. "Infectious Terrorism". *Atlantic Monthly* 267, 5 (May): 44–50.

Rostovtzeff, M. 1919. "Queen Dynamis of Bosphorus". *J Hellenic Studies* 39: 88–109.

—. 1921. "South Russia in the Prehistoric and Classical Period" *American Historical Review* 26. 2:203–24.

—. 1932. "Mithridates". *Cambridge Ancient History*, vol. 9, ch. 5 Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Sacks, Kenneth. 1990. *Diodorus Siculus and the First Century*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Sadie, Stanley. 1472 "Note on Mozart's First Serious Opera". *Musical Times* 113:41–42.

Sagona, Antonio, and Claudia Sagona. 2005. *Archaeology at the North-East Anatolian Frontier, I: An Historical Geography and a Field Survey of the Bayhurt Province*. *Ancient Near Eastern Studies*. Oakville CT: David Brown.

Samulev, V.F. 2004. *Tsar' Mitridat VI Evpotor: Povesti / rasskazy*. I Novel.I Ialta, Ukraine: Elga^[560].

Sanford, Eva M. 1937. "Contrasting Views of the Roman Empire" *American J Philology* 58, 4:437–56.

—. 1950. "Roman Avarice in Asia". *J Near Eastern Studies* 9, 1:28–36.
Santangelo, Federico. 2007. *Sulla, the Elites, and the Empire: A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East*. Leiden: Brill.

Saprykin, Sergey. 2004. "Unification of Pontus: Bronze Coins of Mithridates Eupator as Evidence of Commerce in the Euxine". Paper, Conference, *Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges*, Sonderborg, Denmark, May 28.

—. 2009. "Religion and Cults of the Pontic Kingdom". In *Hojte 2009a*.
Saprykin, S.Y., and A.A. Maslennikov. 1995. "Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors, Part I". *Ancient Civilizations* 2, 3:261–81.

Sarikakis, Theodore. 1976. "Les Vespres Ephesiennes de Pan 88 av. J.C.". *Epistemonike Epeteris tes Philosophikes (Thessaloniki)* 76:253–64.

Scarborough, John. 2007. "Attalus III of Pergamon: Research Toxicologist". Paper, 27th Annual Meeting of the Classical Association of

South Africa, Cape Town. July 2–5.

—. 2008. "L. Aelius Gallus". In *Encyclopedia of Ancient Natural Scientists*, ed. P. Keyser and G. Irby-Massie, 34–35. London: Routledge.

Scheidei. Walter. 2005. "Human Mobility in Roman Italy, II: The Slave Population". *J Roman Studies* 95:64–79.

Scullard, H.H. 1970. *From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 BC to AD 68*. 3rd ed. London: Butler and Tanner.

Selsky, A., and H. Loven. 2006. "Three Detainees Hanged Themselves". Associated Press news story, June 11.

Sheldon, Rose Mary. 2003. *Espionage in the Ancient World: An Annotated Bibliography*. Jefferson NC: McFarland.

—. 2005. *Intelligence Activities in Ancient Rome*. New York: Frank Cass. Sherwin-White, A.N. 1977. "Ariobarzanes, Mithridates, and Sulla". *Classical Quarterly*, new ser., 27,1:173–83.

—. 1994. "Lucullus. Pompey and the East". In *Cambridge Ancient History*, ed. J.A. Crook, A. Lintott, and E. Rawson, 229–55, vol. 9, *Last Age of the Roman Republic*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Singh, K. Gajendra. 2003. "West vs East, at Daggers Drawn". *Asia Times* (April 3).

—. 2006. "The Great Western Demonology Circus". Editorial. *Al-Jazeera*, April 10. www.aljazeera.com/Opinion

Sitwell. Nigel. 1986. *Outside the Empire: The World the Romans Knew*. London: Paladin.

Smith, William, ed. 1890 118431, *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London: John Murray.

Snaith, Guy, ed. 2007. *La Morte de Mitridate*, by La Calprenede. Critical Edition. University of Liverpool Online Series, French Texts, www.liv.ac.uk/soclas/los/index.htm

Sonnabend, H. 1998. "Ein Hannibal aus den Osten?" In *Alte Geschichte: Wege-Einsichten-Horizonte: Festschrift für Eckart Olshausen zum 60. Geburtstag*. ed. U. Fellmeth and H. Sonnabend, 191–206. Zurich: Hildesheim.

Stoneman, Richard. 1987. *Across the Hellespont*. London: Hutchinson. "Stopping Mithridates". 2005. *Field Notes. Odyssey* (March-April): 12.

Stothers. Richard. 2007. "Unidentified Flying Objects in Classical Antiquity". *Classical Journal* 103:79–92.

Strauss, Barry. 2004. *The Battle of Salami's*. New York: Simon and Schuster.

—. 2005. "The Agony of War under Oars". *Naval History* (February): 39–42.

—. 2009. *The Spartacus War*. New York: Simon and Schuster.

Stuart, David. 2004. *Dangerous Garden*. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Sullivan, Richard. 1980. "The Dynasty of Cappadocia". In *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / Rise and Fall of the Roman World*, 2. Principat, Band 7, ed. E. Temporini and W. Haase. Berlin and New York: De Gruyter.

Summerer, Latife. 2009. "The Search for Mithridates: Reception of Mithridates between the 15th and 20th Centuries". In *Hojte 2009a*.

Swann, John P. 1985. "The Universal Drug: Theriac through the Ages". *Medical Heritage* I, 6:456–58.

Talbert, Richard. 2000. *The Barrington Atlas of the Greek and Roman World, and Map-by-Map Directory*. 2 vols. Princeton: Princeton Univ. Press.

Tezcan, Mehmet. 2003. "The Iranian-Georgian Branch of the Silk Road, 1st to 4th centuries". Paper, 1st International Silk Road Symposium, Tbilisi, Georgia. June 25–27.

—. 2007. "Pontos Kralligi" ("Pontus Kingdom, 3rd c BC to 4th c AD"). In *The Pontos Question from the Beginning to the Present* (in Turkish), ed. V. Usta, 77–108. Serander.

Totelin, Laurence. 2004. "Mithradates' Antidote — A Pharmacological Ghost". *Early Science and Medicine* 9, 1:1–19.

Touwaide, Alain. 2008. "More Than the Sex of Angels" *History of Science Society Newsletter* (April): 4–13.

Traina, Giusto, 1995. "From Crimea to Syria: Redefining the Alleged Historical Earthquake of 63 BC". *Annali di Geojisica* 38, 5–6:479 — Tsetskhladze, Gocha. 2001. *North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies*. Leiden Brill

Ussher, James. 2007 [1658 English, 1654 Latin]. *The Annals of the World*. Ed., rev., and updated by L. Pierce and M. Pierce. Green Forest AR: Master Books.

Utley, Francis Lee. 1965. *Lincoln Wasn't There, or Lord Raglan's Hero*. Washington. DC: College English Association.

Vogel, Gretchen. 2001. "How the Body's 'Garbage Disposal' May Inactivate Drugs". *Science* 291 (5 January): 35–37.

Vollenweider, Marie-Louise. 1995. "218-Mithridates vi assimili a Alexandre le Grand". *Caniees et intailles, vol. I, Le Portraits grecs du Cabinet des medailles, Catalogue Raisonne.* Paris: Bibliothèque nationale de France.

Walbank, F.W. 1984. *A Historical Commentary on Polybius. Vol. 2.* Oxford: Clarendon Press.

Ward, John. 1749–50. "An Attempt to Explain an Antient Greek Inscription, Ingraven on a Curious Bronze Cup". *Philosophical Transactions* 46:488–99.

Warmington, B.H. 1969. *Nero: Reality and Legend.* New York: Norton.

Watson, G. 1966. *Theriac and Mithridatium: A Study in Therapeutics* London: Wellcome Historical Medical Library.

Welles, C. Bradford. 1974 [1934]. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period.* Chicago: Ares.

West, Stephanie. 2003. "The Most Marvelous of All Seas: The Greek Encounter with the Euxine" *Greece & Rome* 50, 2:151–67.

White, Matthew. 2002. "Body Count of the Roman Empire", www.users.erols.com/mwhite28/romestat.htm

Widengren, Geo. 1959. "The Sacral Kingship of Iran". In *The Sacral Kingship, Studies in the History of Religions, suppl. 4.* Leiden. Brill.

Wilbraham, Richard. 1839. *Travels in the Trans-Caucasian Provinces of Russia...* 1837. London: Murray.

Wynne-Tyson, E. 1972. *Mithras.* New York: Barnes & Noble.

Younger Edda (Snorre's Edda. Prose Edda). 1879. Ed. and trans. Edda Snorra Sturlusonar, Snorri Sturluson, and Rasmus Bjorn Anderson. N.p.: Griggs and Co.

Zammit-Maempel, G. 1978. "Handbills Extolling the Virtues of Fossil Sharks' Teeth". *Journal of Maltese Studies* 7:211–24.

Zin'ko, V.N. 2004. *Iz sobranija Kerch(hat)enskogo gosudarstbnogo istorikokul'turnogo zapovednika, tom. [Antic(hat)naja skul'tura.* Kiev: Misietstvo [Античная скульптура: Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника / Матковская Т, Зинько Е., Иллариошкина Е. и др.; рук. проекта В. Зинько, Т.

Матковская; вступ. ст. Т. Матковская; под науч. ред. Л. Давыдова.
Киев: Мистецтво, 2004 (Лапидарная коллекция. Т. 1.)].

Благодарности

Я обязана своему великолепному редактору в Издательстве Принстонского университета Робу Темпио и рецензентам, ценные предложения которых помогли улучшить мою рукопись. Я благодарна за поддержку на ранних стадиях моей работы Сэму Эл ворси, Кирстен Мангес. Сэму Попкину. Сьюзан Ширк, а также членам Союза писателей Принстона (LPG writers group of Princeton). Сердечно благодарю также моего агента Сэнди Дикстра и всех в агентстве. Ценные идеи в разные моменты работы над книгой предлагали Мурат Арслан, Глен Боуэрсок, Давид Браунд, Дениз Бурджу Эрджияс, Том Хабинек, Тони Хэйз, Брюс Хитчнер, Якоб Мунк Хейте, Хенрик Яроновски, Роберт Кеохан, Джон Ма, Брайан Мак-Гинг, Роберт Проктор, Джон Рэмси, Уолтер Шайдель, Джон Стрисино. Мсхмет Тезджан и Филипп Векслер. Я благодарю Джеффри Баумана за то, что помог мне составить хронологию и список действующих лиц, и Луку Грилло за помощь с переводами. Я благодарна за мудрые издательские наставления Лорен Лепов, Дмитрию Каретникову за его внимательное отношение к иллюстрациям, Фрэнку Махуду за приятный дизайн текста и верстку и Барбаре Мэйор за поистине волшебную корректуру.

В 2008 г. группа, посвященная «нашему царю» Митридату, «второму в мире Александру», появилась в сети Интернет на Facebook. ее создали жители Понта — как греки, так и турки. Митридат все чаще фигурирует в Facebook; когда я пишу эти строки, группа насчитывает больше четырехсот человек из разных стран. Я благодарю многих друзей Митридата Эвпатора на Facebook за их единственные в своем роде мнения о Митридате и за поддержку.

Особая благодарность — Питеру ван Альфсну и Елене Столярик из Американского нумизматического общества, а также доктору Джорджу Кермедиеву из Американского компьютерного музея (Бозмен, Монтана). Художник Рубик Кочарян предоставил свою полную смысла картину — портрет Митрилата и Тиграна Великого. Якоб Мунк Хейте и Дик Оссеман разрешили мне использовать свои фотографии связанных с историей Митрилата раскопок в Турции. Моя талантливая сестра Мишель Энджел создала карты и две

художественные иллюстрации. Многие годы Кристофер Даффин предоставлял фотографии и литературные данные о митрилатии противоядиях в Средневековье и раннее Новое время. Ханс Хайнер Бур из Тбилиси (Республика Грузия) поделился своими фотографиями, картинами и личным знанием Кавказских гор. Я благодарна Теду Чемплину за его проницательные комментарии к первым вариантам этой книги, Иану Моррису, Севро Пересу и Элейн Уайз. Я получила огромную пользу от бесед с Крисом Эллингсеном, Деборой Гордон и Барри Страуссом и от изысканий в Сети Н.С. Джилла, К. Криса Хирста, Дэвида Мидоуза и Тима Сполдинга. Эта книга посвящена памяти моего дорогого друга Джеральда Чарльза Олсона. Как человек, одаренный отважным умом, любопытством и стойкостью, он получил бы удовольствие от удивительной истории Митридата. Глубокую благодарность я приношу трем друзьям, которые прочли всю рукопись и предложили свои мудрые замечания: Мишель Маскиелл, Джошу Оберу и Марсии Обер.

За поддержку в исследовательской работе я благодарю Стивена Маседо и Центр изучения человеческих ценностей Принстонского университета; Дениса Фини и кафедру классической филологии в Принстоне, а также Энтони Графтона и членов профессорского совета «Олд Доминион» при Совете по гуманитарным наукам Принстонского университета за 2005–2006 гг. Ричард Мартин и кафедра классической филологии Стэнфордского университета, а также программа по истории и философии науки и технологии Стэнфорда позволили мне сделать первый шаг в науке. Тед Чемплин из Принстона впервые поддержал меня как независимого исследователя: я благодарна ему за дружбу. Хотела бы также выразить свою признательность Государственному университету Монтаны за предоставление почетного диплома доктора в мае 2007 года.

Для Джозайи («Милый мой мальчик»!) — слов недостаточно, но поговорка кочевников о дружбе заключает в себе то, что я хотела бы сказать: «Ибо он разделил мое бремя, когда оно грозило замедлить мой шаг. и шел рядом со мной, когда мы путешествовали налегке».

Иллюстрации

*1. Митридат испытывает яды на осужденном преступнике. Врачи Папиас и Кратеус (справа) демонстрируют аконит клобучковый (*Aconitum napellus*), имбирь (*Zingiber officinale*) и горечавку (*Gentiana lutea*). "Королевский токсиколог", автор Роберт Том, История фармацевтики, Pfizer. Фонд Американской ассоциации фармацевтов.*

2. Митридат и его жена Гипсикратия в походе. Антуан Пайе, 1672 год. Версаль. Réunion des Musées Nationaux/Art Resource, NY.

3. Сцены из истории жизни Митридата, изображенные в замке, начиная с отравления матери и брата (крайний слева); осада Митридата (в центре); его смерть (справа); и заканчивая восстанием Фарнака (на переднем плане). Средневековая миниатюра. Miroir historique; speculum historique/Mithridate, Français 50, folio 172, Bibliothèque National de France.

4. Митридат (слева) принимает противоядие, предложенное его травником Кратеусом (справа). Этот искусно выполненный золотой и терракотовый кувшин "Митридатиум", украшенный сценами из жизни Митридата, является одним из двух кувшинов XVI века для лекарств с глазурованной, водонепроницаемой внутренней частью. Эти кувшины должны были быть выставлены на видном месте владельцем или аптекарем. Аннибале Фонтана, ок. 1570 г., деталь 90.SC.42.1 J. Paul Getty Museum, Los Angeles.

5. Митридат Великий в шапке из львиной шкуры (справа) и Тигран в тиаре (слева) скрепляют свой союз во дворце Тиграна в Артаксате, Армения. На картине Рубика Кочаряна, 2008 г., друзья изображены держащимися за руки, одетыми в костюмы, подобные тем, что присутствуют на современных изображениях эллинистических царей, находившихся под персидским влиянием.

6. Битва при лунном свете. Митридат разбужден придворными (слева), когда Помпей атакует при полной луне. Жизнь Помпея Плутарха, около 1500 г., подарена Людовику XII Французскому. Koninklijke Bibliotheek, Гаага.

7. Кавказские горы, между Черным и Каспийским морями. Митридат, вероятно, пересек Дарьяльский перевал в центре хребта. Снимок со спутника NASA Visible Earth, www.visibleearth.nasa.gov.

8. Митридат (инкогнито) и Гипсикратия. Знаменитые дамы, *De mulierbus claris/Hypsicratea*, Français 599, folio 67, Bibliothèque National de France.

9. Помпей отворачивается от трупа Митридата, в то время как воины спорят за его корону и ножны. Жизнь Помпея Плутарха, около 1500 г., подарена Людовику XII Французскому. Koninklijke Bibliotheek, Гаага.

10. Всадник в степи. Фото David Edwards/National Geographic.

notes

Примечания

1

Русский перевод Ю. Стефанова. (*Примеч. пер.*)

«Сказочные» аспекты: McGing 1986, 44–46; Holland 2003, 43; Goodkin 1986, 205; ср. также; Champlin 2003, 92–96, 237 о фольклорных элементах в истории Нерона. Может быть, какие-то европейские фольклорные мотивы были вдохновлены историей Митридата? Например, любовная история Митридата и его жены-пажа, переодетой мальчиком, могла стать отправной точкой для традиционного персонажа средневековых преданий и шекспировской драмы. То, как Митридат запер своих сестер в башне, чтобы они никогда не смогли выйти замуж, — еще один сказочный мотив. Митридат в скандинавской мифологии: Younger Edda 1879 и гл. 15.

Оба написания встречаются на древних монетах, в надписях и исторических рукописях: Welles 1974, 296 n2; Ward 1749–1750, 490–492; Reinach 1890, 49 n2. Юстин (37. I) говорит, что Митридат сражался с Римом в течение 46 лет; Аппиан (Митридатовы войны. 118; Сирийские войны. 48) пишет, что войны продолжались 42 года; Флор (1. 40) и Евтропий (6. 12) говорят, что 40; Плиний (7. 26. 98) сообщает о 30. Все зависит от того, когда именно, как они считали, начался конфликт. Активное сопротивление Митридата римскому господству началось около 103 г. до н. э.; война с Римом разразилась в 88 г. до н. э.

По поводу типичных средневековых взглядов на Митридата см.: Baley 1585: он восхваляет благородство царя и «дары, которыми он одарил весь мир», далеко превзошедшие «победы и приобретения» Рима в Митридатовых войнах. Machiavelli, *Art of War* (1519), 2. 84–99. Summeget 2009: Митридат был предметом научных работ и источником вдохновения в популярной литературе и операх на протяжении многих столетий; факты использовали, искажали, пропускали, дабы создать позитивный или негативный образ. В XV–XVIII вв. Митридата изображали как трагическую фигуру — жертву предательства, который потерпел поражение в результате заговора.

Corner 1915, 222.

Rostovtzeff 1921, 220 (Ростовцев уехал из России в США в 1918 г.); Reinach 1890, XIV; Gozalishvili 1965. Русские романы: Polupudnev 1993; Samulev 2004. Недавние российские исследования, например Saprykin 2004, Kesmedzhi 2008, Tsetskhladze 2001, Zin'ko 2004; см. также: Hojtc 2009a, Bowersock 2008. Среди подозрений в политических отравлениях противников России, которые фигурировали в СМИ. — убийство болгарского диссидента отравленным зонтиком в 1978 г. и смерть бывшего российского шпиона А. Литвиненко в 2006-м от радиоактивного полония-210, который был в его суши; в 2003 и 2004 гг. два журналиста, критиковавшие Владимира Путина, скончались при таинственных обстоятельствах, а в 2004 г. кандидат в президенты Украины В. Ющенко был намеренно отравлен диоксином «Желтый дождь» советского происхождения, в результате чего его лицо было страшно изуродовано (глава 14: подобную же болезнь перенес перед смертью и Митридат) (Gutterman 2004; Newman 2005).

Я благодарна за обсуждение Геворку Назаряну (www.ArmenianHighland.com), Вахе Гурзядяну и Рубику Кочаряну; см. также: Kurkjian 1958, ch. I. Армяне почитают Тиграна Великого (Тигран Мес) и Митридата, «славного царя Понта», «настоящего союзника» Тиграна. Они «вместе боролись против римского владычества», пишет Юрий Бабаян (в 2002 г., www.armenianhistory.info), осуществляя древнее, возникшее под влиянием зороастризма армянское народное поверье. что «великий герой возьмет меч света в самое тяжелое время — когда мир захвачен злыми тиранами и народы жаждут освобождения» (Nazaryan 2005). Мирдад/Мрхтат — популярное в Армении имя. По поводу иранской точки зрения см, Badi' 1991, ch. 5, "Mithridate Eupatorou la revolt de rAsie". Курдский историк Мехрдад Изади считает, что Митридат был курдского происхождения, а Понт, Каппадокия и Коммагена — древними курдскими государствами (Izady 1992, 16–38, 86).

Я благодарна Дениз Эрджияс и Мехмету Тезджану за то, что рассказали мне о долгом пренебрежении Митридатом в Турции. Популярная книга Мехмета Голголу, изданная в 1973 г., изображает Митридата как местного героя, а его Понтийское царство как «первое национальное государство Турции». Благодарю Мурата Арслана за то, что он изложил для меня содержание этой книги и предисловия к ней, которое написал доктор Сенсер Сахин. Сравнение Митридата и защиты Азии Александром: Arslan 2007, 529. Молчание турок по поводу Митридата может быть связано с тем, что Турцию обвиняют в геноциде по отношению к грекам, проживавшим на территории Понта, и армянам после Первой мировой войны.

Reinach 1890, 417–418; McGing 1986, 176–179; Erciyas 2006. 4–8 (об источниках и данных о царствовании Митридата). Древние источники и надписи: Mastrocinque 1999, 59–75, 119–122; Hojте 2009а.

Враждебность Диодора к Риму; Sacks 1990, 134–137. Цицерон: Balsdon 1979, 170–176; Sanford 1937. Земли вне сферы влияния Рима (см.: Sitwell 1986).

Конан Дойль А. Собака Баскервилей.

«Битые черепки» (Holland, 2003, XX. Ср.: Lee 2007, 280; Goodkin 1986, 204, 216 пЗ). Об уникальности Митридата: McGing 2009; Erciyas 2006, 121.

Пьеса Еврипида «Елена» (412 г. до н. э.) была основана на альтернативной версии легенды о Елене, которая пересказана у Геродота (II. 113–120). Ливий IX. 17–19.

Gaddis 2002, 100–109 — принципы и правила рассуждений «от обратного».

Ferguson, 2000, введение. Выдающиеся примеры древних нарративных историй: Holland 2003; Reinach 1890; Champlin 2003; Strauss 2004, 2009; Lee 2007.

Summerer 2009; Bengston 1975; Matyszak 2008, VI, 152.

Alcock 2007; Tezcan 2003. 2007, 91–102; проект черноморской торговли: www.museum.upenn.edu/Sinop; Центр изучения Черного моря, Орхус, Дания: www.pontos.dk; Hojте 2009а; Китайские исследования по истории Евразии: www.eurasianhistory.com/english.htm.

Mayor 2009; Maskiell, Mayor 2001; Mayor, "Dirty Tricks in Ancient Warfare". *MHQ: Quarterly Journal of Military History* 2 (Autumn 1997): 32–37; Mayor, "Amazons", *Reader's Companion to Military History* (Boston: Houghton Mifflin, 1996).

Усама бен Ладен (1957–2011) был ликвидирован 2 мая 2011 г. в результате американской спецоперации. (*Примеч. пер.*)

Summerer 2009. Korff, 2007, директор консервативного Центра западной цивилизации. Университет Колорадо, Боулдер, выступал за защиту американской «империи» от террористов.

Merry 2005, 217–221, ch. 12, "Ghosts of Mithridates".

Например, в ноябре 2006 г. Абу Айюб аль-Масри, лидер «АльКаиды» в Месопотамии, поклялся, что исламский джихад уничтожит Румию (арабское название римской Восточной империи — Византии). К. Гаджендра Сингх был послом в Иордане во время Войны в заливе в 1990–1991 гг.; в Турции и Азербайджане — в 1992–1996 гг. Колонки за авторством Сингха против иракской войны появлялись в новостях арабской службы новостей «Аль-Джазира» и в Asia Times (Singh 2003, 2006, с поправками Dec. 2006).

Цитируется речь Цицерона «О предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе)» (VII. 19), русский перевод В.О. Горенштейна. (*Примеч. пер.*)

Кау (2008) отмечает, что речь Цицерона «О Манилиевом законе» «замечательна своим современным тоном. Если заменить "денежные обороты в Азии" на "субстандартные кредиты США", а "денежные дела на римском форуме" на "банковскую систему Великобритании", то речь Цицерона могла бы относиться к нынешнему кредитному кризису». Пиратство: Harris 2006.

Champlin 2003, 34–35, 236–237, особенно 46–47 по поводу трактовки легендарных и противоречивых писаний древних биографов.

Balsdon 1979, 60–64. Возражения против европоцентричной исторической точки зрения по поводу делений Восток — Запад, Греция и Рим — Персия, варварский — цивилизованный, плохой — хороший продолжают набирать силу. См.: Summerer 2009; Alain Gresli, Jan. 7, 2009, <http://mondediplo.com/2009/01/07west>, цит. по: Touraj Daryaei, "Go Tell the Spartans", March 14, 2007, Iranian.com, Tzvetlan Todorov's, *La peur des barbares* (Paris: Lafont, 2008).

Если не указано иначе, все ссылки на Аппиана относятся к Митридатovým войнам. Резня: Аппиан 22–23, 54, 61–63. Об источниках Аппиана: Mastrocinque 1999, ch. 4; McGing 1986, 176–179; резня (106, 111, 113–118). Почему не сработали спецслужбы: Sheldon 2003, 85; 2005, 74–77. Название главы — латинский афоризм, который впервые использовала инквизиция ок. 1210 г.: *Neca eos omnes. Deus suos agnoset.*

Валерий Максим (IX. 2) и Мемнон (XXII. 9) сообщают о 80 тыс. убитых; *Плутарх*. Сулла. 24 считает, что потери составили 150 тыс. человек. Другие — Аппиан (61–63), Цицерон (За Флакка. 25; О Манилиевом законе. V. 11), а также Веллей (II. 18) говорят, что были уничтожены «все италийцы» в Анатолии. Sarikakis 1976, 255. Некоторые, например Brunt (1971, 38) и McGing (1986, 111–118), скептически относятся к крупным цифрам потерь и предполагают, что численность италийцев в целом была меньше. Naeo del Hoyo et al. 2009, 6–8. Нижняя оценка — 80 тыс. человек — теперь считается как минимум вероятной. Как указал Бэдиан (Badian 1981, 66, n22), «масштабы резни как таковой в общем и целом сомнению не подлежат». Оценка численности населения для этого периода очень затруднена. Римская перепись 114 г. до н. э. зафиксировала 394 тысячи римских граждан (только мужчин? Или считая и женщин?) в Италии и других местах. В 70 г. до н. э. римлян в Италии и империи, как говорили, было около 910 тыс. Число ок. 4 млн было засвидетельствовано для 28 г. до н. э.: эта перепись, возможно, включала мужчин, женщин и детей в возрасте старше одного года. Считается, что общая численность населения Римской империи в 14 г. н. э. составляла 54 млн человек. См. полезную работу: Matthew White, "Body Count of the Roman Empire" (2002). Я благодарна Уолтеру Шайделю и Брюсу Хитчнеру за обсуждение числа жертв и численности населения. Римские поселенцы «кишели» в Малой Азии: Warmington 1969, 77; Magie 1950, 2:1103 n37; более высокое число могло быть преувеличением Суллы в его речах на поле боя, чтобы мотивировать римские войска. Рейнак назвал эту резню Эфесской вечерей (по аналогии с Сицилийской вечерей, когда местные жители — сицилийцы — истребили французских колонистов); она также известна как Азиатская или Римская вечеря (Reinach 1890, 129–132; Duggan 1959, 61–62; Ballesleros Pastor 1996, chs 8, 10).

Пергам, первая столица римской Азии: Rigsby 1988, 137–141; смешанная демография эллинистических городов в Азии, 130–137; греческие города под властью римлян (Gleason 2006).

Адрамиттий: McGing 1986, 117; Эфес: Rigsby 1996, 385–390; Плиний XXXVI. 21; Павел: Деян. 19: 27, ср.: Павсаний IV. 31.8. Слово «варвары» греки использовали как название негреков; римляне употребляли этот термин для негреков и неиталийцев, даже если речь шла о весьма цивилизованных культурах.

Rigsby 1996, 1–31, 110, 173, 177, 184, 362, 366, 385–390, 400–420, 427, 582–583. На острове Кос пощадили римлян, которые бежали в храм Асклепия: Тацит. *Анналы*. IV. 14. 3. Распространение убежища в Эфесе: Страбон XIV. I. 23. Александр уважал права убежищ (*asylia*) для беглых рабов в Вавилонии: *Плутарх*. Александр. 42.1–2.

Кавн и Траллы: Bean 1989, 139–151, 177–179; Smith 1890; *Дион Кассий*, фрагмент 101. I; McGing 1986, 116.

Rigsby 1996, 402–403.

Аппиан 23; *Августин*. О граде Божьем. III. 22 (написано в 413 г н. э.). О других бедствиях Рима до прихода христианства см.: II. 24; III. 7; III. 23.

Sarikakis 1976, 262–264 сравнил эти убийства с истреблением армян и греков турками в Анатолии в XIX в. и предположил, что убийство римлян осуществлялось городскими толпами должников и рабов, а не азиатскими греками. Амиотти (Amiotti 1980) считает, что убийства осуществляли низшие классы греков и купцы, а не местные жители Анатолии. McGing 1986, 113–117, 122 говорит о том, что Митридат изначально обращался как к высшим, так и низшим классам в Азии и к мятежникам в Италии, замечая: «Обычно считается, что резня осуществлялась "подонками общества", и говорят, что (Митридат) стал представителем "низших" классов в великой борьбе против угнетателей — римлян и "высшего" класса» (113). Иудейские общины были в целом хорошо интегрированы в общество и состояли из богатых граждан анатолийских городов Эфеса. Пергама, Адрамиттия, Афродисия, Апамеи, Лаодикии и Сард: Mitchell 1995, 2:32–37, Дион Кассий (фрагмент 109) говорит, что более поздняя резня греков Суллой далеко превосходила террор 88 г до н. э. Римский историк Тацит также весьма критично воспринимал жестокость римлян. О греко-западноазиатской ненависти к римской жадности и самокритике римлян см.: Sanford 1937, 1950; Vuitenwerf 2003, 222–223. Arslan 2007, 159–174 считает убийства 88 г до н. э. «общим и добровольным восстанием» всех этнических групп против сурового римского правления. Цицерон: Balsdon 1979, 168, n42 (цитата — из речи Цицерона «В защиту Луция Валерия Флакка» (XVIII. 19). — *Пер.*).

Alcock 2007, 7. Отличие римлян от местных жителей в Анатолии:
Balsdon 1979, 220; Mastrocinque 1999, 54–59; Mitchell 1995, 1:30.

Традиции «просвещенной» царской власти Древней Персии: Widengren 1959, 244; рабы: Страбон XIV. 5. 2. Я благодарю Уолтера Шайделя за демографическую информацию касательно рабов (см. Scheidel 2005). Гален из Пергама (р. 130 г. н. э.) о римских рабах в Анатолии: De Progn. Anim. 9. Brunt 1971, 40.

Классическое исследование римского рабства: Hopkins 1978. См. также: Balsdon 1979, 77–81. Татуировки: Mayor 1999; карательная татуировка рабов и преступников, Jones 1987. Monumentum Ephesinum, юридическая надпись из Эфеса, датируется 1 в. до н. э. Этот длинный римский таможенный закон говорит, что рабы, импортируемые в Азию и экспортируемые из Азии, должны носить татуировку «Налог уплачен» от собирающей налог компании; см... Epigraphica Anatolia 14 (1989), sec 51, p. 151 (благодарю Кристофера Джонса).

Происхождение жителей Эфеса от рабов: Афиней VI. 267; беглый раб в Эфесе: Rigsby 1988, 138; излечения в храме Асклепия в Пергаме: Bean 1979, 60–61; рабы и Митридат: McGing 1986, 114–116, 128–129, численность освобожденных рабов — 6 тыс. — подтверждает численность убитых 80 тыс. человек: Duggan 1959, 62.

«Заслуживающие доверия обязательства» и «предварительное ассигнование средств»: теория экономической игры была приложена к конфликтам между нациями-государствами лауреатом Нобелевской премии 2005 г. Томасом К. Шеллингом. Кредитный коллапс, описанный Цицероном: Кау 2008. Звук трубы: *Плутарх*. Сулла. 7; *Диодор Сицилийский* (далее Диодор), фрагмент 38–39. 5. Комета Галлея появляется каждые 76 лет; она была видна летом 87 г. до н. э. Gurzadyan, Vardanyan 2004. Кометы как зловещие предзнаменования для Рима (см. гл. 2).

Кое у кого координированная атака Митридата против мирных граждан вражеской империи в 88 г. до н. э., целью которой было заставить Рим уйти с Ближнего Востока, вызывает ассоциации с современными атаками террористов на западные цели, особенно с синхронизированной атакой исламского джихадиста Усамы бен Ладена на три цели в США 11 сентября 2001 г. (4 коммерческих самолета были угнаны в разных городах и намеренно врезались во Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне, округ Колумбия). Merry, 2005; Korff 2007. Усама бен Ладен хотел, чтобы жертвами стали мирные люди; его мотивом было заставить США изменить свою внешнюю политику. В отличие от плана Митридата бен Ладен, как говорят, планировал выбор целей, исходя из их символической значимости, и число погибших оказалось большим, чем он ожидал.

Восстание Боудикки: *Тацит. Анналы. XIV. 29–39* говорит, что погибло 70 тыс. человек; Дион Кассий LXII. 1–12 называет цифру 80 тыс. и приводит некоторые жуткие детали. Warmington 1969, 77. Приказ царя Ирода убить всех иудейских младенцев мужского пола в Вифлееме (Мф., 2: 16–18) можно было бы назвать геноцидом, поскольку он был нацелен на то, чтобы остановить размножение людей.

Определение геноцида; попытка уничтожить определенную этническую, религиозную, национальную или политическую группу. В сравнительном исследовании геноцида в истории (Jonassohn, Bjornson 1998, 190–191) резня 88 г. до н. э. включена как образец исторического примера геноцида. Holt 2006; Eliot 1972 обсуждают трудности с точным подсчетом жертв, погибших по вине других людей и нравственного отношения к многочисленной «нации мертвых», бесчисленным жертвам массового насилия в истории человечества. Геноцид как «упражнение в построении чувства общности»: Alcock 2007.

Американское Федеральное бюро расследований (ФБР) определяет терроризм как «незаконное использование силы против людей или личности, чтобы запугать или вынудить на какие-то действия правительство, гражданское население или какую-либо часть такового ради исполнения определенных политических или общественных целей» (Bolich 2006).

Террористы или борцы за свободу: "Consensus on Terror" 2005. В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН попыталась сформулировать политическое определение терроризма для всеобъемлющего международного договора против терроризма, геноцида, этнических чисток, военных преступлений и преступлений против человечества.

Я благодарна Р. Брюсу Хитчнеру за беседы о бесчеловечности в римском мире. Я также извлекла большую пользу из дискуссий со специалистом по международным отношениям Робертом Кеоном (Принстон): он считает резню 88 г. до н. э. очевидным примером терроризма и геноцида в древности. Римский терроризм. Volich 2006; Naco del Hoyo et al. 2009.

Alcock 2007, «археология памяти». Многие греческие и латинские авторы также избегали подробных обсуждений этой резни, согласно Sarikakis 1976. 256. Аппиан цитирует три речи Суллы, где постоянно педалируется тема кровавых деталей убийств, 54, 58 и 62. Еще один пример очень больших жертв в результате действий одного лидера: Плиний (VII. 25. 92) говорит, что Цезарь в ходе своих завоеваний погубил больше миллиона человек — «удивительное, даже если и неизбежное зло, совершенное по отношению к роду человеческому». См. также: *Плутарх*. Цезарь: миллион галлов были убиты, миллион попали в плен. Турецкий ученый Мурат Арслан (2007) предполагает, что общее количество людей, убитых Митридатом, было равным общему количеству людей, убитых римлянами в Азии. Об оценке цифр см.: White 2002.

Erçiyas 2006, 23–24. С «научной точки зрения» Эрджияс, Митридат был «смелым», но «проявлял излишний фанатизм» в своей борьбе против Рима (Erçiyas, личное сообщение 3 сентября 2008 г.).

Цифры численности армий и жертв сражений в Митридатовых войнах, которые приводят античные авторы, в основном согласуются между собой. У них был доступ к официальным данным и воспоминаниям свидетелей, которые теперь утрачены. Большинство современных историков считает, что многие цифры преувеличены. Я привожу цифры, которые содержатся в античных источниках, и цитирую мнения современных ученых в комментариях: Callatay 2000; Pillionel 2005. Следует помнить о том, что это была эпоха самых больших армий и величайших сражений в западной истории до начала раннего Нового времени в Европе. Даже если уменьшить цифры вдвое, историки согласны в том, что размеры армий и число жертв в Митридатовых войнах были ошеломляющими.

Цицерон. В защиту Флакка. 25; Учение академиков. II. I; Веллей II. 18. Римское отношение к грекам и наоборот: Gleason 2006, 228–229, 240–242; антипатия между римлянами и «варварами»: Balsdon 1979. 66–67. 161–192; «великая пропасть между Востоком и Западом»: 60. Моммзен был ответствен за появление противопоставления Запада и Востока в 50-х гг. XIX в., изображая Митридата «восточным султаном», который действовал, руководствуясь лишь слепой жестокостью (Summerer 2009).

Юстин XXXVII. 2 Изложение Юстином сочинения Помпея Трога уникально из-за описаний событий и перспектив вне Римской империи и даже с враждебной ей точки зрения; Юстин, видимо, жил во II в. н. э. Трог, который писал в конце I в. до н. э., основывался на источниках, включавших в себя утраченные биографии эллинистических правителей и рассказы их родичей из первых рук. Комета 135 г. до н. э. (*Сенека*, Исследования о природе. VII. 15): «Явилась комета, которая сначала была небольшой, [потом] раскинулась... ее огромные размеры были равны размерам Млечного Пути». Как уже было отмечено ранее, в тот период термин «Азия» относился к землям от Восточного Средиземноморья до Индии. Ближний и Средний Восток, в том числе земли вокруг Черного моря, Анатолия (которую римляне именовали Малой Азией — *Asia Minor*), Армения, Сирия. Персия, Вавилония, Парфия и Скифия составляли Евразию или Западную Азию (Sanford 1937, 453; Ramsey 1999, 230; Афиней V, 213).

«Блеск»: Ramsey 1999, 198–199. Fotheringham 1919, 166: европейские астрономы уже в 1783 г. отнесли кометы Митридата к 135 и 119 гг. до н. э. Две авторитетные энциклопедии Античности — Паули-Виссова (RE 1932) и Oxford Classical Dictionary, 3'd ed., 1996. не упоминают о кометах, как и Hojte 2009a. Reinach 1890, 51 n2 предложил символическую интерпретацию «басни» о комете, 52; он датирует рождение Митридата 132 г. до н. э. Различные даты и продолжительность жизни, которые приписывают Митридату античные источники: см.: McGing 1986, 43, n1: он принимает 133 г., как дату рождения Митридата и 120 — как дату его вступления на престол в возрасте 13 лет; 45–46, история о комете — «иранская легенда». Кометы — «мифы»: Ballesteros Pastor 1996, ch. 2. Кометы на монетах и в пропаганде Митридата, Arslan 2007, 73–76.

Fotheringham 1919. Записи о кометах и рисунки эпохи династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.): Лосве 1980, 12–14; диаграмма кометы-«эзнамена», по. 639, pl. 4, p. 32.

Ramsey 1999, особенно 200 и n9, 206 и n30. Евтропий VI. 12 и Орозий, VI. 5 (возможно, следуя Ливию) дают дату рождения Митридата как 135 г. до н. э. Аппиан 112: Митридат дожил до 68–69 лет и правил 57 лет. Страбон X. 4. 10; Мемнон XXII. 2.

Страх греков и римлян перед кометами, например у Сенеки («Исследования о природе», «О кометах»); *Плиний*. Естественная история. II. 23. Ramsey 1999, 201 и n11; на с. 228–230 Рэмзи предполагает, что последователи Митридата интерпретировали кометы в благоприятном свете, ссылаясь на древние иранские пророчества; монеты с кометой, отчеканенные в 110–80 гг. до н. э., обнаруженные в Причерноморье, 216 и n71; фотографии монет с кометой рис. 1–2. Полумесяц и восьмилучевая звезда (солнце) были символами анатолийского божества Мена и персидского бога Ахурамазды/Митры соответственно, согласно Rostovtzeff 1919, OIOS; Erciyas 2006, 131–132.

Gurzadyan, Vardanyan 2004. Комета Галлея снопа появилась в 87 и 12 гг. до н. э. и в 66 г. н. э. Монеты с кометой Тиграна, возможно выпущенные до 69 г. до н. э., показывают более молодого царя, чем на других монетах. Некоторые ассоциируют появление кометы Галлея в 12 г. до н. э. с рождением Иисуса. Август выпустил монету с кометой в 17 г. до н. э., но к тому времени римляне уже начали принимать интерпретации кометы в персидском духе, считая, что они отмечают рождение или смерть великих лидеров (Ramsey 2007, «Комета Цезаря» в 44 г. до н. э.), 180. 183 (древние источники), 196, nn. 21, 23.

Благодарю Джона Рэмзи за плодотворную дискуссию о кометах в ту эпоху. Рэмзи указывает, что крошечные монеты, выпущенные молодым Митридатом, были анонимными, в то время как Тигран поместил комету на свою тиару вместе с собственным именем на более крупных монетах; может быть, тем самым он выразил большую уверенность по поводу того, что комета символизировала. Тигран мог хотеть ассоциировать кометы со своим собственным правлением Ramsey 2007 отмечает, что хвост кометы Тиграна напоминает кометы 135 и 119 гг. с их длинными изогнутыми хвостами из космической пыли; газовый хвост кометы Галлея никогда ни изгибается.

То, что комета располагалась в созвездии Пегаса, впервые предположил Ramsey 1999, 218–228 Знамение через коня: Widengren 1959, 244. Монеты с Пегасом: McGing 1986, 85, 94–95.

Кометы в форме мечей (Плиний II. 22. 89; *Иосиф Флавий*. Иудейская война. VI. 5. 3; I Пар., 21: 16; Откр., I: 16). Нагре было также характерным оружием Персея — греческого героя, также возникшего под персидским влиянием: он обезглавил Горгону и освободил Пегаса. Ксенофонт. Кир. I. 2. 9. Персей с *harpe* изображен на монетах Понта (Нойте 2009с; McGing 1986, 35, 94).

Пророчества о Риме: Sanford 1937, 437–439 (о мессианских надеждах в римских провинциях), 446; Holland 2003, 31–58; Buitenwerf 2003. См.: Gruen 1984.

Страбон VI. 4. 2, римская экспансия. Жестокость римлян на войне: Полибий X. 15; Ливий XXXI. 34. 4; Walbank 1984, 2: 215–216; Holland 2003, 3–6, 10–11; Naco del Noyo et al. 2009, 12. Ненависть к Риму: Аппиан 23; самокритика римлян: Цицерон. О Манилиевом законе. 65; За Флакка. VIII. 19; Тацит. Агрикола (о жалобах варваров на Рим). Sanford 1937, 1950; Balsdon 1979, 161–192.

Персидские и египетские оракулы: Wjdengren 1959, 248–249; зороастрийский трактат «Бахман Яшт» 3. 13–15. Впоследствии Рим запретил «Оракул Гистаспа» под страхом смертной казни. Sanford 1937, 1950, 35. Предзнаменования звезд и комет: Lewis 1976, 68, 144–147. Оракулы по поводу Рима: Balsdon 1979, 188–189. Название Анатолия происходит от *Anatolo*, древнегреческого слова, обозначающего «восход солнца или другого небесного тела», см.: Lewis 2001, предисловие. Льюис обсуждает трудную историю названий Малой Азии, Анатолии, Востока и Ближнего и Среднего Востока. Пророческие тексты, выражавшие антиримские чувства: Lewis, Reinhold 1990, 1:403–409; Balsdon 1979, 188–192.

Здесь я сократила длинное и запутанное пророчество Публия до одной фразы, выделенной курсивом; полностью речь приводится в «Книге чудес» Флегонта из Тралл в: Hansen 1996, 32–37, 101–112. Sanford 1950, 29–30 по поводу самой истории и ее источников; ср.: McGing 1986, 102–104.

Подлинны́е Сивиллины́ книги, скорее всего, утрачены; дошедшие до нас версии могут датироваться II в. до н. э. Parke 1988; Sanford 1937, 438, 448–449. О Третьей книге Сивиллиных оракулов и евреях — сторонниках Митридата в Азии: Buitenwerf 2003, 220–235, 302–310. См. также: Holland 2003, 31–35.

Афиней V. 211–215; McGing 1986, 84, 102, 118–121, 123. Митридата приветствовали как бога: Widengren 1959, 245, 248–249, в иранских царских традициях Митридат должен был считаться божественным спасителем, что доказывают легенды о его рождении, похожие на легенды о Кире, Митре и Заратустре.

McGing 1986, 170, 107 (цитаты), 102–108, 122, 149–150.

Дионис ассоциировался с мятежом против Рима (Strauss 2009, 33–35; Neverov 1973). Один из предков Митридата по материнской линии носил имя Дионис (Аппиан 10). Дионис в надписях и монетах 105–80 гг. до н. э. Erсіyas 2006, 117, 119, 133, 135, 165.

История с Митридатом и молнией, которая сообщается у Плутарха (Моралии. 624 В; Застольные беседы. I. 6. 2), выглядит не слишком сенсационно и натуралистично: «В действительности, когда Митридат был еще младенцем, молния сожгла его пеленки, не оставив на теле никакого следа, кроме незначительного ожога на лбу, скрываемого волосами». Плутарх заметил, что прозвище Дионис считалось подходящим из-за любви Митридата к вину. Молния и Александр: *Плутарх. Александр*. 11. 1–5; VI. 3. Молния, а также знамение, поданное лошастью, указали, что именно Дарий должен был стать царем Персии: Геродот III. 86–93. Царь-спаситель, отмеченный особыми отметинами: Widengren 1959, 249, 256. Сивиллины книги также намекают на то, что молнией отмечены великие правители (Buitenwerf 2003, 228 и см., например: Артемидор. Сонник в Lewis 1976, 68–69). Молния предсказала рождение императора Августа (Светоний. Август. 94). См.: Ramsey 1999, 199 и nn4, 118; Widengren 1959, 248–249.

Согласно Аппиану (112, 115–116), Митридат был потомком Дария I в шестнадцатом колене и унаследовал его сокровища. Понтийские правители: Eder, Renger 2007, 110–112. См. также: Полибий V. 43. 2; *Саллюстий*. История. II. 73–85; Юстин XXXVIII. 7. 1; *Тацит*. Анналы. XII. 18. Со времен Reinach 1890, 3–5 персидское и македонское происхождение Митридата отвергалось, как амбициозная пропаганда. Его «генеалогия была фиктивной...», «вся пропаганда была вымышленной... при Митридате Евпаторе, чтобы добавить ему респектабельности и знатности», согласно McGing 1986, 13, 14–15, 35–38, 95. «Позднейшая пропаганда»: В. McGing, "Mithradated" в Oxford Classical Dictionary, 3 ed. rev. ed.. 1996. Однако притязания Митридата подтверждаются античными источниками: см. тщательное исследование данных Bosworth, Whealley 1998, теперь принятое в McGing 2009, 2–3, 2003, 84. Происхождение Митридата от Кира, Дария, Селевка Никатора и, возможно, Александра принято Arslan 2007 и Saprykin, Maslennikov 1995, помимо других. О македонском родстве Митридата см.: Ballesteros Pastor 1996, ch. I. Македонско-персидские связи: *Плутарх*. Александр. 70–71. Убийство Барсины и ее сына Кассандром: Павсаний. IX. 6. I.

После резни 88 г. до н. э. Кос приветствовал Митридата, выдав маленького внука Клеопатры III и сокровищницу; Митридат воспитал мальчика по-царски (Аппиан 23, 117). Связи Митридата и Александра: Glew 1977, 254–255; McGing 1986, 44–46, 99, 101–102, 107, 141–142. Похищение Птолемеем тела Александра: *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 64.

Maskiell. *Mayog* 2001, 24–26, символическое и буквальное значение облачения в чужую одежду или царский хилат в Греции, Персии, Индии и в Ветхом Завете. У Плутарха (Александр. XVIII. 6–8) Дарий видит во сне, что Александр надел его царские одежды. У Ксенофонта (Киропедия. I. 4. 26) будущий царь Персии дарит свое великолепное платье самому близкому другу. Дарение платья персидским царем («дорифорикэ»): Элиан. *Пестрые рассказы*. I. 22, также I. 32. В Сивиллиных книгах пурпурный плащ символизирует высокий статус: *Vuitenwerf* 2003, 228. *Иероним*. Житие Павла: одежда епископа святого Афанасия и туника Павла наследуется святым Антонием. Согласно Ин... 19: 23, римский воин получил плащ, который носил Иисус после Распятия. Сегодня на обладание этой реликвией претендуют два города: "Holy Coat", *Catholic Encyclopedia*. Плащ Элвиса Пресли с узором из комет был продан за 24 тыс. долларов на аукционе «Памятные вещи рок-н-ролла» Дика Кларка 1 декабря 2006 г. Демонстрация одежд Хасана Насраллы его последователям из хезболлаха по всему Ливану: *Time magazine*, Dec 11, 2006.

Сравнение Митридата и Александра: Arslan 2007, nn. 114, 122–123, 137, 140–141, 150.

Reinach 1890, 49–56 посвятил целую главу воображаемой картине «счастливой» юности Митридата. Современные историки, в том числе McGing 1986 и Ballesteros Pastor 1996, отказываются строить предположения по поводу юности Митридата, заявляя, что сообщения древних являются легендами. Holland 2003, 43 отбрасывает ранние этапы биографии Митридата, как «цветистую пропаганду, которая читается как сказка». Мемнон (XXII. 2) говорит только, что Митридат «в детстве был серийным отравителем». Аппиан (112) пишет только, что Митридат, когда был коронован как царь, был «сиротой». Страбон (X. 4. 10) упоминает, что Митридат родился в Синопе. Дагган, популярный романист, написавший в 1958 г. биографию Митридата, посвящает юности царя лишь несколько страниц. Романист Майкл Кертис Форд (2004, 23–30) рисует несколько сценок из воспоминаний детства Митридата.

Rank, Raglan, Dundes 1990 является перепечаткой оригинальных работ Ранка и Рэглана. См. приложение I о чертах героя и «счете». «Герой с тысячью лиц» Джозефа Кэмпбелла (1949) сосредоточивается на основных этапах «квеста», или путешествия, героя (см.: Rank, Raglan, Dundes 1990, введение). «Счет» для древних и современных героев из различных культур, таких как Ява, Ирландия, Египет и США, широкодоступен. Я благодарю доктора Томаса Дж. Сенкевича и студентов Монмутского колледжа за несколько подсчетов, процитированных здесь, Сэйдж Адриенну Смит за счет Гарри Поттера и Барри Страусса за счет Спартака. Сатиру на систему мифического героя Рэглана см. в Utley 1965 (спасибо Теду Чемплину). Matyszak 2008, VI отвергает статус «героя» для Митридата.

Эффект снежка: Barber, Barber 2004, 146: «Возможность может быть представлена как вероятность и затем — как факт; это можно может повлечь за собой еще и другие вероятности, которые, в свою очередь, сообщаются как факты». Пропаганда является современной концепцией; прилагать эту концепцию к Античности — анахронизм.

Биография Кира: Геродот I. 108–130. Ср.: Champlin forthcoming по поводу данных о том, что римский император Тиберий сознательно имитировал биографию гомеровского Одиссея. См. рабочий доклад Champlin 2006: www.princeton.edu/pswpc/pdfs/champlin/090602.pdf. Кир Великий стал первым примером модели мифического героя: Rank, Raglan, Dundes 1990, 22–23. См.: Arslan 2007 о том, что Митридат сознательно подражал Александру, как «спасителю», освободившему Анатолию от персидской тирании.

Термин «остенсия» был придуман семиотиком Умберто Эко, чтобы описать действия, которые заменяют слова: этот концепт фольклористы применяют к действиям в реальной жизни, имитирующим легенды и мифы. Определения, примеры и публикации см.: John Lundberg, www.ostension.org; Kvideland 2006.

Геродот I. 136–139. Евнухи: Ксенофонт. Киропедия. VII. 5. 58–69; Strauss 2004, 53–54, 58–59; Balsdon 1979, 227–229; Guyot 1980; Reinach 1890, 405; McGing 2009.

Я доработала рассказ Юстина (XXXVII. 2). Призраки колесничих пугают скаковых лошадей: Павсаний VI. 20. 15–19. О том, как Александр владел искусством верховой езды: *Плутарх. Александр*. 6. McGing 1986. 44 предполагает, что Юстин неправильно понял принципы персидского царского воспитания и что история о коне была изобретена сторонниками Митридата, чтобы подчеркнуть сравнение с Александром. Ксенофонт. Киропедия. I. 4. 5–9 описывает, как молодой Кир любил рисковать, умело ездил верхом и охотился.

Личность Митридата: Bekker-Neilsen 2004; Olbrycht 2009; McGing 2009.

Отравления в древности: Cilliers, Relief 2000.

Страбон X. 4. 10; XII. 3. II; *Плутарх*. Помпей. 42. Митридат также считал Гая, сына Гермеса, своим «приемным братом».

Страбон X. 4. 10; XI. 2. 18. См.: H.L. Jones, введение Loeb ed., Strabo, Geography, I: XIII–XVII. Биография Страбона и Фсофил: Richards 1941, 81. Страбон написал также историю, которая ныне утрачена. См.: Bowersock 2008 о Страбоне и Митридите.

Rostovtzeff 1921, 223. Иранская культура в Понте; McGing 1998; Mitchell 1995, 2: 14–30. Греческие города под властью римлян: Gleason 2006.

История Анатолии после Александра (см.: Mitchell 1995, I: 29–31, 81–85). История Понта во время правления Эвергета, Hind 1994, 130–137; Hojте 2009a. Bosworth, Wheatley 1998; Reinach 1980, 1–47; McGing 1986, 1–42, 93 и п27. Черное море: West 2003. Страбон X. 4. 10; XI. 2. 18; XII. 2. 13; XII. 3. 15, 33, 39; XIV. I. 148; Юстин 37–38; Валерий Максим I. 8; Плутарх. Лукулл. 18.

Религия в Понте: Saprykin 2009; персидская религия и обычаи. Геродот I. 130–142, см.: 1. 138, ненависть персов ко лжи и долгам; см. также: *Ксенофонт*. Кир. Страбон XV. 3. 13–14 (почитание персами «солнца, которое они именуют Митра»), Маги и зороастризм: Аммиан Марцеллин XXIII. 6. 32–38. Огонь: Widengren 1959, 251; Champlin 2003, 227–229. Царское имя Митридат означает, что его царская власть «дарована Митрой», озаряя царя божественным светом: Wynne-Tyson 1972, 21–26. Греческие, местные, персидские, иудейская религии в Анатолии: Mitchell 1995, 1: 11–35; эксплуатация через налоги: I: 30; древнее иранское влияние в Анатолии: 2: 29–30; римская дань, налоги, вымогательство, ростовщичество: Balsdon 1979. 167–170.

Reinach 1890, 52–53; Gleason 2006, 243–247; Геродот I. 136–139.

Плиний XXV. 14. 33 (phamaseon); о других медицинских растениях, открытых другим царем Понта (Полемоном) и Митридатом. см.: XXV. 7. 22 — XXV. 20. 46; многие яды и противоядия, известные магам, обсуждаются в XXV книге Плиния. Парадокс ядов: Newman 2005, 7–9. Научное исследование ядов, известных в Античности: Cilliers, Relief 2000, 91–95; противоядия: 96.

Мемнон XXII. 2 (Jacoby fragment, FGrH 434).

Ксенофонт. Анабасис. 5; см.: Lee 2007, 36–37, 169–171.

Ксенофонт. Киропедия. I. 1. 3–5 (тайны власти); VIII. I. I; VIII. 2. 9; VIII. 8. 2 (добрый отец).

Ксенофонт. Киропедия. VI. I. 27–30, 50–53; VI. 2. 7–8; VII, I. 31, 47; VIII. 3. 33; *Он же.* История Греции. IV. I. 17–19.

Надписи конников о победе: McGing 1986, 92. Митридат управлял упряжкой из шестнадцати коней: Аппиан 112; *Светоний*. Нерон. 24; Champlin 8003, 59.

Ксенофонт. Киропедия. I. 2. 8–13; Страбон XV. 3. 17–19.

Бронзовая статуэтка в Британском музее была идентифицирована как портрет Митридата, одетого как борец или колесничий: босой, он одет в короткую тунику с широким поясом и плащ из львиной шкуры, как у Геракла, и держит венок: Oikonomides 1962; McGing 1986, 100; Ergüyas 2006, 156–158; однако Якоб Мунк Хейте сомневается (личное сообщение, 4 февраля 2009 г.).

История династии Митридата и ее земель: Bosworth, Wheatley 1998. Скифы и другие кочевники: West 2003, 154. 156–157; Batty 2007; Sitwell 1986.

Аппиан 10. Цари-клиенты Рима: Eich and Eich 2005.

Страбон (XI. 2. 12) описывает пиратские корабли и методы пиратов. Аппиан 92–96. См.: Charachidze 1998, рисунок черноморских пиратских кораблей, которые перевозили рабов и добычу начиная с Античности. Необыкновенное богатство Понта в погребальном инвентаре: Егсіyas 2006, особенно ch. 3.

Система дорог Понта: Munro 1901; Плиний VIII. 47. 109. Рыбная ловля на Черном море: King 2004, 32–33. Бобровая струя использовалась также для изготовления парфюма.

Крым, Тамань, Северное Причерноморье в период правления Митридата: Saprykin, Maslennikov 1995; Erciyas 2006, 76, 163–166. История и география Черного моря: Ascherson 1995; King 2004.

Ископаемые на Тамани: Mayor 2000; Флегонт из Тралл в: Hansen 1996, 45; Страбон XI. 2. 10; Logan 1994.

Роскошь в персидском стиле: *Плутарх*. Александр. 36–37, 40; Юстин 38; Афиней 5, 12; Валерий Максим 9.

Плутарх. Лукулл. 31. Детальные цифровые топографические карты всего Причерноморского региона, основанные на данных American National Geospatial Intelligence Agency, см.: Центр исследований Причерноморья (<http://www.pontos.dk/c-resources/terrain-models>). О хронологических данных правления царей Понта и его соседей: Eder, Renger 2007.

Oxford Classical Dictionary s.v. "Hannibal". Влияние Ганнибала на Митридата: Sonnabend 1998; Хитрости Ганнибала: Mayor 2009, 154–155, 188–189.

Юстин XXXVI. 4; Плутарх. Деметрий XX. 2; Диодор XXXIV–XXXV. 3; Rigsby 1988, 123–127. О «Противоядиях» Галена I. I и Аттал: см.: Scarborough 2007: он предполагает, что Никандр из Колофона, составитель противоядий того времени, работал с Атталом III. Аттал: Totelin 2004, 3 n10. Портрет Аттала: Holland 2003, fig. 4. Митридат как «первый в мире токсиколог-экспериментатор»: Griffin 1995.

Lewis, Reinhold 1990, I: 344–345. Завещание Атгала: Mitchell 1995, 1: 29–30, 62. Аристоник и Митридат заявляли, что завещание поддельное: McGing 1986, 157–158; см.: Ussher 2007, 486, 133 г. до н. э. о древних источниках завещания Атгала. Дельфийский оракул предсказывал мятеж Аристоники: Диодор XXXIV–XXXV. 13. Левки, Траллы и Фокея: Bean 1979, 97–98; Bean 1989, 177–178. Блоссий: Scullard 1970, 25, 31, 40. Глубокие причины Митридатовых войн и ранней экспансии Митридата: Mastrocinque 1999, 18–28. Римляне недооценивали преданность местных жителей Аристонику: Sanford 1950, 31–32.

Отчаяние: Oxford Classical Dictionary s.v. "Aristonicus". Страбон XIII. 4. 2–3; XIV. I. 38–39 (нищие люди).

Подробности мятежа Аристоники: Евтропий IV. 20 (Красе); Орозий V; Аппиан 2, 9; Флор I. 35; II. 7. 7–8; Юстин XXXVI. 4, 37; Ливий LIX. 14; Валерий Максим 3; *Саллюстий*. Заговор Катилины. 55. «Дети солнца», Аревордик' или Аревордик: Robert Bedrosian, "Soma among the Armenians, Ethnobotany..." (www.rbedrosian.com); Gevork Nazaryan, www.Armenianhighland.com, 2006; Raffi 1959. Плач Аполлона: Обсеквент в: Lewis 1976. 120.

Статуя Аристоника, друга Александра на Делосе: *Плутарх*. Об удаче Александра. 334. Чемерица во время осад: *Mayor* 2009, 100–103; *Aristonicus* 109–110.

West 2003, 158–161.

Страбон XII. 3. 11. Знание воспламеняющих свойств нефти в древности: Mayor 2009, 207–208, 228–231. Этот образ Медеи взят из «Аргонавтики» Аполлония Родосского (III. 844–862); *Еврипид*. Медея (о каком растении идет речь, неизвестно). Аргонавты: King 2004, 40–42.

Сходство ребенка со взрослым Митридатом: Andreae 1994–1995, 1977; Hojте 2009с. После поражения Митридата в 63 г. до н. э. Помпей поставил эту статую Геракла в своем театре на Марсовом поле в Риме; статуя была обнаружена в 1507 г. на Кампо-деи-Фьори, близ руин театра Помпея, и находится теперь в музее Кьярамонти в Ватикане. Группа Прометея: McGing 1986, 100.

См.: McGing 2009 (идеи по поводу связи Митридата с Александром).

Плутарх. Об удаче Александра. 335; Александр. 4; Плиний XXXV. 10. 92. О портретах Митридата с головой наклоненной влево см.: Нойте 2009с; о подражании Митридата Александру: McGing 1986, 101–102.

Ксенофонт. Киропедия. I. 3; Фох 2004; *Плутарх*. Александр. 32, 45; Об удаче Александра. 330; Страбон XI. 13. 9–10.

Персидские пиры по случаю дня рождения: Геродот 1. 130–135.

Я вообразила сцену смерти отца Митридата, основываясь на сообщениях, что он был отравлен на пиру. Различные историки приводят возраст Митридата на момент коронации как 11–13 лет: данные о комете, которые поддерживают китайские источники, говорит, что в 120 г. до н. э. ему было ок. 14 (см. гл. 2). McGing 1986, 41–43; Ramsey 1999; Страбон X. 4. 10; Юстин 37; Аппиан 112. См.: Реск 1898, s.v. "Mithradates" о спорных датах; например, согласно Мемнону, Митридату было 13, когда умер его отец, в то время как Аппиан говорит, что он правил 57 лет и умер в возрасте 68–69 лет. а Кассий Дион упоминает, что при кончине в 63 г. до н. э. царю было 75 лет. См.: Ussher 2007, 495, 124 г. до н. э. по поводу древних источников о смерти Эвергета.

Юстин IX. 6–7; *Плутарх*. Александр. II. 1–5; LXXVII. 5; Павсаний VIII. 7. 5.

Reinach 1890, 50–51, 53. Мотивы убийства Эвергета неизвестны.

Мы знаем, что оружие постоянно было у Митридата под рукой; и думаю, что он подражал привычке Александра: *Плутарх*. Александр. 19.

Водопад Стикса близ Нонакриды в Аркадии — самый высокий в Греции. *Плутарх*. Александр. LXXVII. 1–5; Павсаний VIII. 17. 6; Геродот VI. 74. Сегодня местные жители стараются не пить из Мавро-Неро («Черная вода») и говорят, что эта вода не удержится ни в одном сосуде. Я благодарна Антуанетте Хейз, эксперту-токсикологу из «Уайет фармасьютикалс», которая высказала гипотезу насчет исключительно токсичной бактерии — калихемицина, которая была открыта учеными в каличе (известковых отложениях) в 1980-х гг. и теперь используется как лекарство от рака; именно она могла послужить основой для возникновения этого мифа (личное сообщение от 9 марта 2007 г).

Юстин XXXVII. 2. 4–6; *Плутарх*. Александр. 8. 19. 4–10; 41. 5–10.
Змея из Гармателии и противоядие: *Maurog* 2009, 89–90 и ссылки.

Mayor 2009, 145–148; Ксенофонт. Анабазис. IV. 8; Lee 2007, 29–30, 229–230. Утки, перепелки и козы с удовольствием едят токсичную чемерицу: Лукреций, 4. Ядовитая рыба: *Элиан*. О животных. XVII. 31.

Страбон XII. 3. 40–41: см. также: XI. 14. 9, свинцовые рудники в Армении.

Токсичные минералы: Плиний XXXIII. 31. 98; XXXIII. 32. 99–100; XXXIII. 36–41; XXXV. 13–15; XXXIV. 55–56. 178; *Феофраст*. О камнях. VIII. 48–60 (токсичные минералы и их добыча). Nealy 1999. 215–219, 235–236, 258–262; Mitchell 1995, I: 82 n23; Smith 1890, s.v. "Arsenikon", "Sandaracha"; Aggrawal 1997; ядовитые минералы: Cilliers, Retief 2000, 95.

Ювенал. Сатиры. VI. 630–634.

Юстин 37; Reinach 1890, 53–54.

Митридат I, основатель Понтийского царства, отправился в изгнание, дабы избежать опасности и укрепить свою власть: Bosworth, Wheatley 1998, 161–164; *Ксенофонт*. Киропедия. I. 4. 13–15; Об охоте: *Плутарх*. Александр. 8–14, 23, 40–41. McGing 1986, 45–47 отвергает историю о добровольном изгнании Митридата как пример пропаганды, выросшей из иранской легенды и желания подражать Александру.

Юстин XXXVII. 2.

Статуи и надписи Митридата на Делосе, датирующиеся 116 или 115 г. до н. э.; Erciyas 2006, 122–123; McGing 1986, 88. Юстин XXXVII рассказывает о двух случаях, когда Митридат исчезал на несколько лет — один раз, когда он был юношей, и второй раз — как истинный царь Понта, путешествуя инкогнито с друзьями по землям, которые он планировал завоевать. Ballesteros Pastor 1996, ch. 2 предполагает, что вторая поездка Митридата была связана с соображениями безопасности и была предпринята, чтобы позволить ему спастись от придворных интриг — своего рода параллель добровольному изгнанию Митридата I.

С точки зрения фольклориста, два отъезда Митридата из Синопы соответствуют двум событиям в схеме жизни мифического героя: 7. Он брошен или изгнан, вдали от дома, спасается от безвременной гибели; 8. Он вырос в дальней стране (см. приложение I). Неудивительно найти удвоение событий, окруженных аурой фольклорных сюжетов в более поздних пересказах (героические эпизоды удваиваются в биографиях и Кира, и Александра). Реск 1898: «Насколько бы правдивым ни был» рассказ Юстина, «очевидно, что когда он (Митридат) достиг совершеннолетия... он был не только одарен высочайшим умением во всем, что касалось военных искусств, его тело было готово ко всяческим трудностям, а дух готов был встретить любую опасность — но и его от природы мощный интеллект улучшился благодаря усердным занятиям».

Юстин XXXVII. 2. 7; *Ксенофонт*. Киропедия. VI. 2. 25–32 —
детальный перечень провизии Кира для экспедиции.

Изображения географических объектов к тому времени были уже разработаны персами и римлянами, так что мы можем предположить, что у Митридата был доступ к карте или диаграмме сети дорог, городов и рек Понта: Harley, Woodward 1987. Форты: McNicoll, Milner 1997.

Ландшафт и дороги Понта: Страбон XII. 3; Munro 1901; Stoneman 1987, 207–220; Erciyas 2006, 37–52. Зевс как Ахурамазда: McGing 1986. 10: жертвоприношения Зевсу-Стратию: Аппиан 66, 70; жертвоприношение Митридата на вершине Буюк-Эвлия-Даг: Mitchell 1995, 2: 22; Erciyas 2006, 41–43.

Замок Амасия на вершине Харсена-Даг: Fleischer 2009.

Страбон XII. 3. 38. Топография, история и археология Понта:
Егсіyas 2006, 37–120; руины крепости Амасия 41.

Страбон XII. 3. 38; Munro 1901, 60–61. География, форты, племена
Понта: Страбон XII. Reinach 1890, 54 и п 4, 55; Cohen 2007, 386–387.

Duggan 1959, 29.

Юстин XXXVIII. 5. 3. По словам Арслана (2007, 72–113), недоверие Митридата Риму началось в 116 г. до н. э., когда Рим взял обратно Фригию.

Археология гробниц: Fleischer 2009. Здесь были похоронены цари Митридат I, II и III, Ариобарзан и Фарнак I; возможно, и Митридат IV и Эвергет. В камерах гробниц покоилось не одно тело: Нојтс 2009b. Хварнах, персидские погребения: Widengren 1959, 254.

Страбон XI. 8. 5; XII. 3. 37; Erciyas 2006, Zela, 51; клады монет: 162–173. Munro 1901, 58–59 (о Талавре).

Кабира — география, дороги, археология: Erciyas 2006, 43–45;
Мен; 131–132.

Яды и колдовство: Hind 1994, 129.

Народы и география Восточного Причерноморья: Страбон XII. 3; соаны: XI. 2. 19; «народ башен», или мосиноэки, также именовавшиеся гептакометами или бизерами: Ксенофонт. Анабасис. V. 4.

Собирательство: Элиан. Пестрые рассказы. XIII. 24. Таинственная «вишня» (*ponticon*) и кислый напиток (*aschy*) впервые описаны Геродотом (IV. 21–25). Вишни: Афиней, II. 50–51; идиллическая сцена с античными мальчиками, ловящими рыбу: Church 1885, 10–13.

Охота на вепря как обряд посвящения во взрослую жизнь в греческом мифе и истории: Гомер. Одиссея. XIX. 430–458; *Ксенофонт*. Киropедия; Об охоте. 10; Anderson 1985.

Ксенофонт. Анабасис. IV. 8.

Митридат «имел одну только слабость — в наслаждениях с женщинами» и не интересовался сексуальными партнерами мужского пола: Аппиан 112.

Цитаты, выделенные здесь курсивом, объединяют несколько пассажей о любви и сексе у Лукреция (IV. 1018–1140).

Геродот I. 199; Страбон IV. II. 14. 16: XII. 2. 3 (Комана Каппадокийская); Диодор IV. 83. 6; Юстин XVIII. 5. 4. Археологические раскопки в Комане Понтийской: Егсіyas 2006, 48–50.

Mayor 2009, 221, 237; Cilliers, Relief 2000, 94.

Уксус и квасцы: Аппиан 74; Mayor 2009, 220–222. Пергамент: Duggan 1959, 13.

«Илиада», принадлежавшая Александру: Страбон XIII. I. 27;
Плутарх. Александр. 8, 26.

Александр в Трос: *Плутарх*. Александр. 15; Башня Приама: Геродот VII. 43; *Гомер*. Илиада. II. 800–865. (Амазонки прибыли под Трою только тогда, когда действие гомеровской «Илиады» уже закончилось и их деяния были описаны в продолжении «Илиады», утраченной поэме «Эфиопида». Скорее всего, здесь автор имеет в виду пассаж в «Илиаде» (IV. 433–439). — *Пер.*)

Кир и царица-воительница: Геродот I. 205; Юстин I. 8; 11.4; XII. 3. 5–7; XLII. 3. 7; Страбон XI. 5. 4; XI. 11.8; Геродот IV. 105–120.

Геродот VII. 60–99.

Античник-романист Чёрч: Church 1885, 286, 294 показал Митридата со смертельно бледным от мышьяка лицом. У романиста Андерсона (Anderson 1960, 202) Митридат — с синими ногтями.

Юстин XXXVII. 3; *Саллюстий*. История. II. 87–88; Мемнон: XXII. 2. «Невозможно сжатая»: McGing 1986, 74, 67–108. Ранний период царствования Митридата: Scullard 1970, 74–79; Reinach 1890, 55–56: «В возрасте двадцати лет, когда он вернул себе корону, Митридат излучал силу и красоту». Его мать Лаодика «тысячу раз заслужила смерть», однако Митридат выказал милосердие, отправив ее в тюрьму, где позднее она скончалась. Duggan 1959, 31–32 изображает дело так: сначала Митридат захватил Синопу, затем пошел на Лаодикею со своей «толпой». По сценарию Даггана, Лаодика сдалась, и милосердный Митридат посадил ее в тюрьму, где она умерла от естественных причин, в то время как Митридат Добрый был судим за измену и казнен. Дагган говорит, что никто и никогда якобы не обвинял Митридата в убийстве собственной матери, однако Мемнон (XXII) пишет, что Митридат убил свою мать и брата, а Аппиан (112) говорит: «Он был склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем: он убил свою мать и брата и из своих детей троих сыновей и трех дочерей».

Примеры инцеста в запутанных семейных отношениях династий Сирии и Египта во времена Митридата: Юстин 39. Геродот III. 31. *hvaetvodatha*, цит. по: у Reinach 1890, 295 n 4. Duggan 1959, 33–34; McGing 1986, 35. Статуи, идентифицированные как Митридат и Лаодика (его сестра/жена), на Делосе: Erciyas 2006, 155. Сценарий жизни мифического героя о гл. 2 и приложении 1. Сестры Митридата: *Плутарх*. Лукулл. 18.

Книги Кратея повлияли на знаменитого врача Диоскорида. Копии рисунков Кратея сохранились в медицинских рукописях. Плиний XXV. 26–28.

Современную научную медицинскую литературу по медицинскому употреблению змеиных ялов см.: www.medicalnewstoday.com: Hopkins 1995; гл. II. Агры: Аппиан 88; Страбон XI. 2. 11. Агариковые грибы (по-армянски Т'пірі и К'цjulay / К'tuch'ula) были посвящены Митре и широко распространены в Понте и в Армении: Bedrosian. "Soma among the Armenians, Ethnobotany", www.rbedrosian.com. См. также: Cilliers, Relief 2000, 93.

Stuart 2004, 114; Плиний XXV. 1. 1–3.

Dikairon как яд; Mayor 2009. 73–74, 86–88 и примечания; Элиан. О животных. IV. 36; IV. 41.

Майор 2009, 91–92, 148–151 и нп.

Текст в коллекции музея Лувра на рис. 5.1 на с. 126 (Charlotte Lepetoukha). Balsdon 1979, 215–216, 214–259 по поводу различия во внешнем виде и обычаях между римлянами и другими народами. Портреты на монетах: McGing, 1986, 97–100; Erciyas 2006; Hojте 2009с.

Персидские кинжалы: *Ксенофонт*. Киропедия. 1. 2. 9; Иосиф. Иудейские древности. XX. 186, описывая оружие сикариев, говорит: «Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и они пускали 8 ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками, а по изогнутости с римскими *sicae*; от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народа, и получили название сикариев». *Плутарх*. Александр. Аппиан III (яд Митридата находился в ножнах).

Элиан. О животных. VII. 46.

Плутарх. Застольные беседы. 6.

Статуя из Инопа на Делосе: Erciyas 2006, 122–125, 134–143, 155; Hojте 2009с. Charbonneaux 1951 отождествляет эту статую с Митридатом, обращая внимание на сходство с Венерой Милосской, относящейся к той же эпохе. Коллекции Лувра, описанная Leretoukha; McGing 1986, 100, n70.

McGing 1986, 89–93 и nn; Krcuz 2009. Неидентифицированные изображения могли принадлежать греческому философу Афиниону, Дионису, сыну Бозция или Метродору из Скепсиса, которые в других местах упоминаются в числе ближних друзей царя. Грип Юстин XXXIX. 2.

Одиннадцать подобных безголовых статуй легионеров на Родосе, в Пергаме и других местах: Ergüyas 2006, 158; Hojте 2009с.

Римская история до Митридатовых войн и во время их: Страбон VI. 4. 2; Евтропий VI. 12. 3; Флор I. 40. 2; Аппиан 62, 112, 118–119. *Фест.* Бревиарий. XI. 3; *Августин.* О граде Божьем. V. 22; Орозий VI. I. 30; *Саллюстий.* Война с Югуртой; *Плутарх.* Сулла. Crook, Lintot, Rawson, 1994; Sherwin-White 1994, 229–255; Mitchell 1995. I: 29–31; Brunt 1971; Scullard 1970, 13–40 (о богатстве, рабстве, мятежах и реформах). Восстания рабов, мятежи и гражданские войны в Италии и послы Митридата в то время: Диодор XXXVI–XXXVII, фрагменты. «Поразительные» методы шпионажа Митридата: Sheldon 2005, 74–77.

Balsdon 1979, 161, 180, 182–192 (о «плохой репутации» Рима и предсказаниях его роковой судьбы). Scullard 1970, 67 (монета), 66–70. Послать волков охранять стада — древний фольклорный мотив, вошедший в поговорку (Motif Index K206.1) (см.: Дион Кассий LVI. 16. 3). О войнах между римлянами и италийцами (Союзническая война) см.: Brunt 1971; Scullard 1970. Монеты: Erciyas 2006, 133.

Страбон VI. 4. 2; XIII. 1. 55. Страбон часто цитирует Метродора, но его сочинения утрачены. *Плутарх*. Лукулл. 22. Римское завоевание Италии: Eich, Eich 2005, 4–20.

Balsdon 1979, ch. 14 "A Generally Good Press for Rome".

Рим как волчица: Eich, Eich 2005; «хищнические интересы» Рима в Анатолии: Hind 1994, 142.

Коринф: Флор II. 16.

Eich, Eich 2005 анализируют связи между распространением гегемонии и выгоды от налогов, дани и грабежа: 26–29.

Иммунитет псиллов и других, противоядия: Плиний VII 2. 13–15.

Саллюстий. Война с Югуртой; Scullard 1970, 48–53.

Плутарх. Сулла. 3; Марий.

Римские армии: Goldsworthy 2003; армия Митридата: Matyszak 2008, 9–12.

Обычаи медового месяца: Страбон XV. 3. 17. McGing 2009 включает незаконнорожденного сына царицы Лаодики Ариата в число сыновей Митридата. Duggan 1959, 42, 8 (Дагган называет только тринадцать детей Митридата). Имя Орсабариды фигурирует на монете того времени, выпущенной в Вифинии; некоторые предполагают, что она вышла замуж за Сократа, претендента на престол Вифинии, которого Митридат поддерживал против Никомеда IV (см. гл. 6). Имя Орсабариды происходит от того же самого персидского корня *berez*, как и Барсина (персидская наложница Александра). Reinach 1890, 297–298 перечисляет 20 детей Митридата. Имя Митридата из Пергама наводит на мысль о том, что это был сын Адобогии от Митридата; она была замужем за Менодором из Пергама (гл. 10); Страбон XIII. 4. 3. Запутанная родословная Адобогии см.: Mitchell 1995, I: 28–29, 35 n102; Reinach 1890, 297 и n5. Феникс, «член царской семьи», см.: Аппиан 79; само имя финикийское: Duggan 1959, 123. Митридат убил Эксиорида в 65 г. до н. э. в Пантикапее: Орозий VI. 5. Орсабариды: Аппиан 117; по поводу даты рождения Фарнака: 17. Сын Митридата от Адобогии получил образование при своем отце; к 64 г. до н. э. он распоряжался Пергамом; он служил при Юлии Цезаре, который даровал ему Боспорское царство: Реск 1898. Сын Архелая, который считал себя сыном Митридата: Страбон XII. 3. 34; XVII. I. II. О Дрипетине см.: Валерий Максим 1. 8. 13. Возможно, у Дрипетины остались молочные зубы или зубы мудрости прорезались рядом с коренными зубами, поэтому некоторые зубы оказались удвоенными (приношу благодарность врачу Роберту Хикмену, доктору стоматологии).

Аппиан 107. Страбон XII. 3. 28 перечисляет многие из этих крепостей: Синория. Гидара, Басгедариза. Имена и расположение замков Митридата: Mitchell 1995, I: 84–85.

Курганы: Ascherson 1996, 126–127; грабеж курганов в древности: Logan 1994.

Duggan 1959, 37. Шелковый путь на север из Ирана в Колхиду и Понт по земле и через Каспийское море: Tezcan 2003; путь шелка и пряностей: Sitwell 1986.

Цицерон. О Манилиевом законе. 31 и далее; Omerod в Piracy in the Ancient World (1924), лит. по: у McGing 1986, 139, описывает близкие связи между Митридатом и пиратами: Holland 2003, 164–171; Arslan 2007.

Мемнон XXII. 3–4. Митридат правил Колхидой и «областями за Кавказом» и был союзником парфян, мидийцев, Армении, Фригии и Иберии (на Кавказе).

Изображения скифских луков: West 2003, 156; Аммиан Марцеллин XXII. 8. 9–13, 37. Черноморская империя: Страбон XII. 3. 2; McGing 1986, 47–64, 169; King 2004, 47–49; Hojte 2009a.

О народах Евразии: Sitwell 1986, ch. 3 и карты.

Хронология завоевания Скифии и Боспора Митридатом неизвестна. Reinach 1890, 57–80; Rostovtzeff 1921, 220; Ergiyas 2006, 124; McGing 1986, 50–65; надписи, 50–52.

Rostovtzeff 1919. 95–96.

Аппиан 112; Юстин II. 3; XXXVII. 3; XII. 2. 16. Блестящая кампания Диофанта в Скифии: McGing 1986, 47–65, 50–51 (надписи с благодарностями Митридату в области Северного Причерноморья), 122; Плиний XVI. 59. 137–138. По поводу нумизматических данных о Причерноморской империи Митридата: Saprykin 2004.

McGing 1986, 57. 61 о городах в устье Дуная. Бастарны — самые храбрые из союзников Митридата (Аппиан 69); об отдельных сарматских племенах см.: McGing 1986, 61–63. Кочевые племена в Северном и Западном Причерноморье и их отношения с Римом и Митридатом: Batty 2007.

Доходы, дань и «огромная власть» в Причерноморской империи Митридата: McGing 1986, 59–65; именно Митридат «развил полный потенциал Черного моря»: 169. Hind 1994, 137–143; Saprykin 2004.

Юстин XXXVII.

Там же. 3. McGing 1986. 66 датирует это путешествие 109–108 гг. до н. э.

Юстин XXXVII. 3; Reinach 1890, 81.

Элиан. Пестрые рассказы. X. 2; Аппиан 112.

Страбон XII. 3. 41; XII. 5. 2; Аппиан 112.

Геродот VII. 31; Элиан. Пестрые рассказы. II. 13; Плутарх. Александр. IX. 2–3.

Blue Guide to Greece 1995, 616–617; McGing 1986, 90–92; Kreuz 2009.

Юстин XXXVII. 3. 6–7.

Юстин XXVII. 3. 6–8.

Митридат поддерживал хорошие отношения с галлами, жившими по Дунаю, и галльский вождь из Подунавья Битуит (Бисфок, Битуик, Бисток, аллоброгское или арвернское имя) был телохранителем Митридата: Валерий Максим IX. 6; Флор III. 2; Гален, de Theriaca, ad Pisonem (см.: Reinach 1890, 410 n2).

Мы не знаем, как звали мальчика. Reinach 1890, 86 n1 208 предположил, что Артаферн был незаконнорожденным сыном Лаодики. McGing 1986, 75 n37.

Юстин XXVII. 4. Надпись с Хиоса, опубликованная в 1932 г., похожая надпись на Родосе: McGing 1986, 92. См.: Oikonomides 1962 о бронзовой статуэтке Митридата в львиной шкуре Геракла, одетого как бореи или колесничий с победным венком.

Выражение про «неудобство величия» происходит из сочинений французского философа Монтеня. Сосипатр: Афиней VI. 252; *Плутарх*. Моралии. Как отличить льстеца от друга. 14. По-гречески слово «сикофант» означает «тот, кто выдвигает ложные обвинения».

Достойный Гаргантюа аппетит Митридата: *Элиан*. Пестрые рассказы. II. 41; XII. 25; I. 27: «говорят, что были такие обзоры»; из 11 поименованных людей 6 происходили из Анатолии; Афиней. X. 9.

Юстин XXXVII. 4. 2. О событиях в этой главе см.: McGing 1986, 66–88; Duggan 1959, 41–47; Scullard 1970, 40–75. Сведения, имевшиеся у Митридата о деятельности римлян: Sheldon 2005, 74–77.

Юстин XXXVII. 4; *Саллюстий*. Война с Югуртой. 37; Диодор XXXVI. 3; Scullard 1970, 48–53; McGing 1986, 37, 68–71. Митридат I владел фортами в Пафлагонии. Форт Митридафейон (см.: Mitchell 1995, 1: 33 и п74).

Аппиан 10; Юстин XXXVIII. I. McGing 1986, 73–74 верит рассказу Юстина. Reinach 1890, 90. Ballesteros Pastor 1996, ch. 2 считает, что Гордий действовал по собственной инициативе.

Юстин XXXVIII. I. 5–10: я добавила подробности про звуки и настроение армии, слова Митридата и то, как Гордий увел юного царя. По поводу хронологии истории Каппадокии: Eder. Renger 2007, 105–106.

Юстин XXXVIII. 2. 2. Мемнон 22 приводит несколько иную версию. Sherwin-White 1977; McGing 1986, 72–77. Представляется, что Митридат сознательно скопировал прием Никомеда — переименовать своего сына и посадить его на пафлагонский трон: Страбон XII. 2. II. Пока что подсчет трупов говорит о том, что Митридат был ответствен за несколько убийств: своей матери, брата и их сообщников; сестры Лаодики и ее сообщников, Ариата VI, Ариата VII, возможно, Ариата VIII и Сократа Благого (ниже).

Диодор XXXVI, 15.

Плиний II. 58. 148; *Плутарх*. Марий. 17.4. См. данные Юлия Обсеквента в: Lewis 1976; Валерий Максим I. 2. 3; *Фронтин*. Стратагемы. I. 11. Я думаю, что рабы Марфы были сирийцами, которых римляне предпочитали держать в качестве носильщиков для паланкинов.

McCullough 1991, 112–118 изображает в своем романе встречу Мария и Митридата; она описывает Митридата как инфантильного и опасного «варвара».

Встреча: *Плутарх*. Марий. 31. 2–3; Валерий Максим II. 2. 4; McGing 1986, 76; Scullard 1970, 58–60; Ballesteros Pastor 1996, ch. 2. По поводу политических событий в Риме в то время см.: Ballesteros Pastor 199: он предполагает, что Марий имел в виду конкретно ситуацию в Каппадокии.

Об этих событиях: Юстин XXXVIII. 2; Аппиан 9–11; McGing 1986, 83–88. Согласно «Стратагемам» Фронтинна (I. 5. 18), легион Суллы сражался с войсками, которыми командовал каппадокийский полководец Митридата Архелай. События в Каппадокии: Sherwin-White 1977; Mastrocinque 1999, 29–46.

Tezcan 2003.

Армения: Eder, Renger 2007, 94–98; Olbrycht 2009; Страбон XI. 14–16; Юстин XXXVIII. 3. Согласно Duggan 1959, 44, Клеопатре было тринадцать, Тиграну — сорок. Я добавила деталь с дарением коней.

«Царь царей» — персидский царский и религиозный титул, который мог носить только один царь в один промежуток времени: Widengren 1959, 244. Одежда Тиграна (он носил свой венец «даже на охоте»): Kurkjian 1958, ch. 13.

Юстин XXXVIII. 3. 5. Чеканка монет: Ergüyas 2006, 128–131; McGing 1986, 101, идеализированные монеты с портретами, которые изображали Митридата как нового Александра, который освободит Азию.

Страбон XI. 14. 15; Юстин XXXVIII. 3; *Плутарх*. Лукулл. 14. 15;
McGing 1986, 77–79.

Аппиан 57. Об убийце Александре ничего не известно. Может быть, это тот самый Александр, который позднее был полководцем Митридата в Третьей Митридатовой войне?

Союзы: Юстин XXXVIII; Аппиан 13; Страбон XII. 3. 1–2; Мемнон, 22. Авл Геллий (XVII. 17) говорит, что двадцать пять народов платили дань Митридату; согласно Плинию (VII. 24), их было двадцать два.

Выбор Аквилія как ошибка и даже провокация, согласно Reinach 1890, 116–117.

Аппиан II; Mastrocinque 1999, 47–58; Badian 1981, 56–58. Цари
Вифинии: Eder, Renger 2007, 99–100.

Аппиан 12. Римский сенат был встревожен взлетом Митридата, однако Аквиллий «серьезно недооценил» его военную силу и влияние: McGing 1986, 81–88.

McGing 1986, 87–88. McGing 2009 (цитата) переоценивает мотивы Митридата, заявляя, что он не был покорным эллинистическим царем: его политика была осторожной, «постепенной эскалацией» для достижения его великих амбиций; Страбон XIII. I. 66.

Аппиан 12–14. О Рутилии Руфе: Ливий 70; Валерий Максим VI. 4; Дион Кассий 28; см.: Usslier 2007 о других упоминаниях у древних. Источники Аппиана: Ballesteros Pastor 2009. Mastrocinque 1999, 59–76; Рутилий Руй 54–58, 62–63; Сизенна как источник речи и диалога 69–70.

Хотя рассказ Аппиана о скатывании к войне «несомненно, является литературным распространением... но в основном не содержит ничего невероятного»: McGing 1986, 80, n53 (цитируя Sherwin-White). Mastrocinque 1999, 59–76 предполагает, что основные источники Аппиана — Сизенна и Сулла — записали эти речи. См.: Olbrycht 2009.

О выборе, который был у Митридата до начала Первой Митридатовой войны, см.: Arslan 2007, 72–126; Matyszak 2008, 29–33.

Предшествующее изложение: Аппиан 15–16; Мемнон 22; Reinach 1890, 116–119. «Шаткий трон»: Duggan 1959, 45. Аквиллий как первый пример развития римской политики в последние годы Республики и тающей власти сената: McGing 1986, 81. Mastrocinque 1999, ch. 2. 3 изображает Аквилия в позитивном свете и полагает, что именно сенат был ответствен за ультиматум, вызвавший войну, см. об этих событиях ch. 4.

Аппиан 17; Мемнон XXII. 6.

Аппиан (17–18) имел доступ к официальным архивам, мемуарам и другим документам. Мемнон XXII. 6. Эти цифры некоторым ученым кажутся завышенными, но их относительный порядок не оспаривается: McGing 1986, 85 n72; Duggan 1959, 48; Аппиан приводит цифры, основанные на армейских рационах, куда включаются носильщики, погонщики мулов, конюхи, слуги и т. п. Ballesteros Pastor 1996: эти цифры отражают широкую сеть союзов Митридата. Согласно статистически-историческому анализу шведского историка Пиллонеля (Pillonel 2005): пропорции войск, приведенные у Аппиана, возможно, были точны, однако общие цифры преувеличены. Подсчеты Пиллонеля показывают, что реалистически Митридат командовал войсками из от 90 тысяч до 112 500 воинов против от 36 до 45 тысяч войск римских союзников плюс от 16 800 до 21 тысячи рекрутов из Вифинии: Matyszak 2008, 34 указывает, что римляне часто преувеличивали численность войск противника; битва и карты, 35–38.

Duggan 1959, 48–56 о подробностях, связанных с войсками, оружием и построением в этой битве: McGing 1986, 108–110. Роскошное вооружение: *Плутарх*. Лукулл. 7; ср.: описание Фукидида (VI. 30–31) о психологическом воздействии, произведенном великолепным афинским флотом в 415 г. до н. э. Позднее Митридат перешел на простое вооружение и военные корабли: McGing 1986, 140; Первая Митридатова война 108–131.

Диодор XVI. 86; Мемнон XXII. 6–7; см.: Munro 1901, 56.

Колесницы с серпами и древние источники: Smith 1890, s.v. "falx", 429. Антиох Великий, царь Сирии, держал несколько колесниц с серпами, но во время его поражения при Магнезии в 189 г. до н. э. они оказались бесполезны, поскольку лучники быстро «сняли» колесничих.

Следующий пассаж объединяет описания Лукреция в III. 656–700 и V. 1321.

Предшествующее сражение: Аппиан 17–18; Мемнон XXII. Леонардо да Винчи был зачарован колесницами с серпами; рисунки в Codex Arundel, folio 1030, 1487, Британский музей. Лондон.

Аппиан 18: Митридат «всех помиловал и, дав денег на дорогу, отпустил домой, создавая себе у врагов славу милосердия». Я предположила, что именно Митридат мог сказать пленникам, основываясь на сведениях Аппиана (18–19) и других речах Митридата. Ср.: Диодор XXXVII. 26. *Плутарх*. Александр. 21, 30. 6: гуманное отношение Александра к военнопленным: Glew 1977, 254–255. Кир Великий также отпускал пленных: Ксенофонт. *Киропедия*. IV. 4.

«Бог и спаситель»: Диодор XXXVII. 26; божественные титулы: Афиней V; Цицерон. За Флакка. 25 говорит, что к Митридату обращались как к Господину, Доброму Отцу, Спасителю Азии и Освободителю. «Явленные» анатолийские боги: Mitchell 1995, 2: I I, ch. 16. McGing 1986, 109, см. 108–125 о начале Митридатовых войн. Glew 1977 обсуждает то, что Митридату с пропагандистской точки зрения было выгодно иметь репутацию «либерального» по отношению к врагам правителя, выгодно было и подражать Александру, включая милосердие к врагам и призывы к отмене долгов.

Об этих событиях: Аппиан 19. Первая Митридатова война: *Hand* 1994, 144–149.

Письмо Кассия в Нису: McGing 1986. 109, n100; Welles 1974, 297–298. Надписи самого Митридата в Нисе: Rigsby 1988, 149–152, 1996. 400–403.

Апамея и Ниса; Страбон XII. 8. 18; XIII. 4. 14; Mitchell 1995, 2: 33.

Страбон XIII. 4. 14; Bean 1989. 177–187, 203–204.

Welles 1974, 294–299. Надписи Митридата в Нисе: Rigsby 1988, 149–153; шпионы Митридата: Sheldon 2005, 74–77.

Welles 1974, 298.

McGing 1986, 110 и nn102, 103.

Юстин XXXVIII. 3. 7–9; Аппиан, 20; Glew 1977, 254: расположение палатки Митридата должно было помочь завоевать симпатии македонцев в Анатолии и напоминало об Аристонике.

Аппиан 20; Erciyas 2006, 23.

Bean 1989, 189.

McGing 1986, союзные Митридату города, 94. 109–112. Монеты Митридата имели широкое хождение в Средиземноморье и на Востоке: клады из них обнаружены в Пирее, Афинах, в Италии, на побережье Анатолии, на Делосе, в Македонии, в устье Дуная, в Армении, на Украине, на полуострове Тамань, в Крыму, в Албании и на Кавказе (Грузия и Азербайджан). Клады монет Митридата были захоронены в Причерноморье около 85, 75 и 65 гг. до н. э.: эти даты отражают кризисы трех Митридатовых войн. Erciyas 2006, 162–173; Saprykin 2004; Saprykin, Maslennikov 1995, 267, 271, 279; Callatay 2000; Levy 1994.

Обращение италийцев к Митридату и его ответ: Диодор XXXVII.
2. 8–11; Erciyas 2006, 132–133.

Ballesteros Pastor 1996; McGing 1986, 114–118, 128–129, 131.

McGing 1986, 89 считает, что Митридат использовал филэллинизм как «орудие для расширения своего царства» и как источник поддержки в его противостоянии Риму.

Огромные доспехи Митридата в Немее и Дельфах: Аппиан 112. Квинтилиан VIII. 3. 82 цитирует фрагмент «Истории» Саллюстия (II. 77): Митридат «был огромного роста и носил соответствующее оружие», Ср.: Флор I. 7. 4; *Плутарх*. Александр. 62; La Penna 2003.

Юстин XXXVIII. 3–7 говорит, что Трог сохранил выступление Митридата как «непрямую речь», поскольку считал, что это более честно и объективно, чем у Саллюстии и Ливия, которые вставляли то, что они называли «прямой речью», в свои истории, но на самом деле перефразируя их в своем собственном литературном стиле (см.: McGing 1986, 106–108).

«Только предположив, что у него были свои агенты н Риме или в провинциях, мы можем объяснить, как он [Митридат] был так хорошо информирован о политической ситуации» в Риме: Sheldon 2005, 74. 75 (пример его методов разведки).

Сокровища Коса: Аппиан 23; Гражданские войны. I, 11; *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XIV. 111 –113.

Монима: *Плутарх*. Лукулл. 18; Аппиан 21, 48; Reinach 1891, 128, 147, 296.

Аппиан 22. Kallet-Marx 1995, chs 9–11 считает, что экспансионистская политика Рима на Востоке была реакцией на вызов, брошенный Митридатом.

Аппиан 21; Диодор XXXVII. 27. Выставление напоказ человека верхом на осле было традиционным древним ритуалом публичного унижения.

О налогах: Brunt 1971, 39–40. Греко-латинское обозначение сокровища — *gaza* — происходит из древнеперсидского; Balsdon 1979, 61; Аппиан 21.

Пергама вмещал 10 тыс. зрителей — вполне логичное место для публичной казни Аквилия. См.: Chaniotis 1997 о любви Митридата к театральным эффектам; вспомним о Нероне, который часто планировал казни как повторение сиен из трагедий: Champlin 2003, 236–237. Сцена казни основана на деталях, которые приводятся у Аппиана 21. Плиний XXXIII. 14.48–49; Афинея V. 50; Диодор XXXVII. 26–27 путают Аквилия с другим римским полководцем, который совершил самоубийство (см.: Веллей II. 18: «Аквиллий должен был бы совершить самоубийство»). Цицерон. О Манилиевом законе. 11; Тускуланские беседы. V. 5 (Аквилия избивали). Ballesteros Pastor 2009, 11 — наказание с помощью золота — традиционная «персидская пытка».

Жадность римлян, смерть Аквилия и казнь Красса в Парфии Ородом II: Sanford 1950, особенно 32–34; Дион Кассий XL. 27; ср.: Плутарх. Кресе. Смерть от расплавленного золота стала синонимом жестокости, например: Цицерон. Тускуланские беседы. V. 14. В XVI в. европейцы утверждали, что ацтекский правитель отомстил испанским конкистадорам за их жажду золота точно так же, как сам Митридат: картина Теодора де Бри «Великие путешествия» (1594) графически иллюстрирует «смерть от золота».

Mastrocinque 1999, ch. 3, цит. по: *Плутарх*. Помпей. 37. Balsdon 1979, 51, 220 и п. 42; Holland 2003, 42–43.

Rigsby 1988, 149–152; Rigsby 1996, 173, 177. Города, которые были союзниками Митридата: Reinach 1890, 130; McGing 1986, 109–120.

Участие правящих классов и низших классов в резне: McGing 1986, 116; Arslan 2007, 159–174. См. также: Введение. Balsdon 1979, 66–71, 78–79, 170–181, 194–200 с древними источниками (в том числе Фронтон). Мнения о римлянах: Sanford 1937; Диодор XXXVII. 3. «Взаимные подозрения»: Gleason 2006, 241.

Balsdon 1979, 73–74 о других истреблениях римлян, торговцев, колонистов и мирных жителей в Нумидии при Югурте; *Саллюстий*. Война с Югуртой. 66–68. Финансовый кризис в Риме: Кау 2008.

Champlin 2003, 236 считает, что Нерон был психически здоровым человеком, хотя его часто изображают сумасшедшим. Bekker-Neilsen 2004 (цит. по: Gordon Banks, 1990, www.gordonbanks.com/gordon/pubs/kubricks.html).

Мемнон XXII. 9; Мемнон считает, что резня произошла уже после битвы за Родос. Sheldon 2005, 75–76, nn. Мотивы Митридата: McGing 1986, 115–116; Scullard 1970, 76–77. Моммзен заявил, что резня была «бессмысленным актом грубой и слепой мести»: Summerer 2009.

Naco del Hoyo et al. 209, 6–8. Солидарность с италийцами: Erciyas 2006, 23. См.: Arslan 2007 — еще один турецкий взгляд на события. Кау 2008: истребление римлян и вторжение Митридата в Анатолию вызвало широкомасштабный кредитный коллапс в Риме, который Цицерон описывает в речи «О Манилиевом законе». Хиос: Аппиан 47.

Еврейское население Анатолии: Mitchell 1995, 2: 32–37. Ballesteros Pastor 1996, ch. 3: римские воины, остававшиеся в Анатолии, стали бы препятствием для Митридата.

McGing 1986, 113. Император Лев; *Полиэн*. Стратagemы. I в Krentz, Wheeler 1994, 2: 1011–15. Sheldon 2003, 85, 60, 63; Sheldon 2005, 74–77; *Фронтин*. Стратagemы. 13.

Афинея V. 211–215 (он основывается на утраченном труде Посидония). Другие источники об Афинионе и Аристионе в Афинах: Аппиан 28, 38; Posidonius FGrH 87 F 36; Страбон IX. I. 20; Плутарх. Сулла. 12–13; Павсаний I. 20. См. также: Ballesteros Pastor 1996, ch. 3; Glew 1977, 255; McGing 1986, 118–121; Mastrocinque 1999, ch. 5.

Надписи архонтов McGing 1986, 119–120; Страбон IX. I. 20. Mastrocinque 1999, ch. 5 предполагает, что римский воин, сражавшийся с Суллой, стал источником для Афиниона и его наследника Аристиона в 88/87 гг. до н. э. (объединены позднейшими историками).

Афиней V. 213–215; Ballesteros Pastor 1996, ch. 3: бежавшие римляне были сторонниками Суллы.

Страбон XIII. I. 66; Scullard 1970, 77.

Аппиан 24.

Деметрий против Родоса: Mayor 2009, 212.

Следующее описание сражения при Родосе основано на: Аппиан 24–27; Диодор XXXVII. 28; Мемнон XXII. 8; Hind 1994. 149–150. Самбука: Полибий VIII. 4; Reinach 1890, 144–147. См.: Strauss 2005 по поводу деталей морских сражений в период расцвета трирем.

Истории, описания и иллюстрации осадных орудий: Campbell 2006, особенно 134–143. О воронах, метеорите и Исиде, метавшей огонь, пишет Обсеквент. «О чудесных явлениях» на 88 г. (см.: Lewis 1976). Интересно, что на Родосе так и не убрали ни статую, ни постройки Митридата: *Цицерон. Против Верреса. II. 2. 159.*

Аппиан 27; Rigsby 1996, 339. Патара — «город в песке» раскопан учеными из университета Акдениз в Анталье.

Обсеквент 56, см.: Lewis 1976, 126. Эсхил. Агамемнон; Софокл. Ифигения (фрагменты); Еврипид. Ифигения (две пьесы). Маги: Геродот I. 140; VII. 114; Плиний XXX. 3. 12. Диодор XIII. 102. 2 об обете фуриям. Нерона, убившего свою мать, преследовали фурии; он попросил персидских магов умиловить ее призрак: Champlin 2003, 91, 98. Человеческие жертвоприношения в римское время см.: Balsdon 1979, 246–248; Scullard 1970, 48. Странно, но современные историки Митридатых войн очень мало пишут об этом прерванном жертвоприношении. Reinach 1890, 148 говорит о нем в примечании по поводу «суеверий» без каких-либо комментариев; см.: McGing 1986, 149–150 (о пропагандистской ценности предзнаменований).

Аппиан 21, 27. Страстные любовные письма: *Плутарх*. Помпей.
37.

Страбон XIII. 4. 9.

События в Риме и Сулла: Keaveney 2005; Santangelo 2007. Комета Галлея в 87 г. до н. э.: Ramsey 2007, 179. Внешняя политика Рима на Востоке: Gruen 2004.

McGing 1986, 123 указывает, что вторжение в Грецию было «прекрасным ходом»; даже если бы Митридат потерял Грецию, то у него была бы сильная позиция для переговоров.

Аппиан 28; Аппиан 110; Мемнон XXII. 7; Павсаний III. 23. 2–6, который называет Метрофана Менофаном. Кампания за Делос и Грецию: Hind 1994, 150–159.

Греческая кампания: *Плутарх*. Сулла; Аппиан 28–45; Веллей II. 18; *Макиавелли*. Искусство войны. IV. 50–52; IV. 68. Duggan 1959, 67–82, цитата 64. Фивы: Павсаний I. 7. Reinach 1890, ch. 3; McGing 1986, 121–127; Matyszak 2008, 59–72.

Мемнон XXII. 10–13. Первая Митридатова война и войска Суллы:
Scullard 1970, 76–79.

Об этих событиях: Аппиан 29; *Плутарх*. Сулла; Duggan 1959, 68.

Плутарх. Лукулл. 37; Юстин XXXVIII. 7; Erciyas 2006, 146–162.
Золото: Страбон XV. 3. 18.

Эта сцена описана у Плутарха (Сулла. 11): Duggan 1959, 69.
Театральные жесты Митридата: Chaniotis 1997.

О предшествующих событиях: Валерий Максим. VI. 9. 6; *Плутарх*. Сулла. I. 2–7; Об удаче римлян. 318; Аппиан 28–37; Keaveney 2005; Scullard 1970, 63–87; Balsdon 1979, 168–169.

Греческие сражения во всех подробностях описаны в античных источниках, в отличие от более поздних сражений Митридатовых войн. Пирей: Аппиан 30–37, 40; *Плутарх*. Сулла. Молниеносность: Obsequens в: Lewis 1976, 127.

Квасцы: Авл Геллий XV. 1. Плиний XXXV. 52.

Фото жертвы катапульты II в. до н. э. из Македонии: Antikas et al. 2004.

301

Аппиан 37.

Серебряный браслет с надписью, опубликованной J.-Y. Empereur в *Bulletin de Correspondance Hellenique* 105 (1981): 566–568, no 7, fig. 48
Фотографию и обсуждение см.: *Nabicht* 1998, 15–16, fig. I. Я благодарен Джону Ма за указание на этот экспонат.

Дельфы: Геродот 1. 51; Павсаний IX. 7; Диодор XXXIX–XXXIX.
7. Об этих действиях сказано у Плутарха (Сулла. 12, 19, 29 об амулете); *Фронтин*. Стратagemы. 1. II; Валерий Максим I. 2. 3.

Аппиан 30; Страбон XIII. I. 54. Леней, взятый в плен в Афинах еще мальчиком, позднее был освобожден Помпеем и сопровождал его в военных походах; после 63 г. до н. э. Леней переводил записки Митридата о противоядиях (гл. 14): *Светоний*. О грамматиках и риториках. 15.

Об этих событиях и высказываниях: Аппиан 30, 38; пепел:
Павсаний IX. 6. 2.

Плутарх. Сулла; Аппиан 38–39; Павсаний I. 20.

Павсаний I. 20. 4; IX. 40. 4; Habicht 1998, 121–122.

Аппиан 39–40. Сулла вынудил Аристиона выпить яд (возможно, болиголов): *Плутарх. Сулла. 23*. Аристион был убит внутри священного Парфенона — храма Афины (Павсаний I. 20).

Реалистичные оценки количества войск при Херонее см. в: Pillionel 2005: он считает, что количество людей, мобилизованных Митридатом в Греции, было весьма впечатляющим. Согласно древним источникам, Сулла получил 6 тыс. человек подкрепления. Аппиан (41) говорит, что у Митридата было 120 тыс. воинов; Мемнон (XXII. 13) считает, что 60 тыс. Плутарх (Сулла. 16. 1) говорит, что у римлян было только 15 тыс. человек пехоты и 1500 всадников, однако его источником был сам Сулла, который был заинтересован в том, чтобы рассказывать, как он якобы победил с маленькой армией. Сулла пришел с 30 тыс. воинов и получил еще 6 тыс. См. также: McGing 1986, 126 n173.

Татуировки: Mayor 1999; Верблюды: *Плутарх*. Лукулл XI. 4; Pillonel 2005.

Император Лев: *Полиэн*. Стратегемы. I в: Krentz, Wheeler 1994. 2: 1011. Sheldon 2005 о посылке тайных сообщений в римскую эпоху. Народное восстание сторонников Митридата в Херонее: Naco del Hoyo et al. 2009, 5.

Плутарх. Сулла; Аппиан 41–45; Павсаний IX. 7; Duggan 1959, 77–78.

Camp et al. 1992

Аппиан 45.

Орхомен: Аппиан 46. 49–53; Matyszak 2008, 78–81. Оценку численности войск при Орхомене см. в: Pillionel 2005. Митридат обещал не взимать налоги в течение пяти лет в 88 г. до н. э.

Плутарх. Сулла. Реликвии этого сражения находятся в Национальном музее; я благодарю Джона Ма за эту информацию. Мемнон XXII. 10–13; Camp et al. 1992, 449–450.

Gatoroulos 2004; "Stopping Mithridates" 2005. Благодарю Рона Страуда, Университет Калифорнии, Беркли.

Аппиан 50; *Плутарх*. Сулла. 22. Дорилай также выжил, но куда именно он отправился — неизвестно.

«Медовый месяц»: Reinach 1890, 148. Дорилай предположил, что опустошительные потери Архелая в Греции — результат предательства: *Плутарх*. Сулла. 20. Пропаганда Митридата и его стратегии в этот период: McGing 1986, 121–136; события 85–81 гг. до н. э.: Duggan 1959, 82–96.

Аппиан 46. Галатия как ключевой союзник Рима: Mitchell 1995, 1:31; галатские правители: Eder, Renger 2007, 102–105.

Плутарх. О доблестях женщин, 23. Митридат постоянно разыгрывал сцены из греческой трагедии: Chaniotis 1997. Сочувствие к влюбленным: *Плутарх*. Александр. 41. Адобогiona: Страбон XIII. 4. 3; Mitchell 1995, 2: 35; Reinach 1890, 297.

Афиней VI. 266: боги были разгневаны на Хиос, поскольку там изобрели рабство, «в то время как все остальные обходились собственным трудом».

События на Хиосе и последствия поражения греков: Аппиан 46–47; Hind 1994, 159–164; Duggan 1959, 79. Согласно Мемнону 23, Дорилай напал на Хиос. Родной город Мемнона, Гераклея, вступил в союз с Римом, напал на корабли Митридата и спас хиосцев.

Любовь Митридата к театральным эффектам и организация драматических событий; Chaniotis 1997; Whittier, "Mithridates at Chios". Цитаты из заметки Уигъера в War Time, 1864. (Перевод стихотворения Н. Живловой. — *Пер.*)

Плутарх. Лукулл. 28. Роскошный транспорт для гаремов: Casson 1974, 54.

Римская надпись 86/85 г. до н. э., обнаруженная в Эфесе, обвиняет Митридата в том, что он «нарушил договор и собрал свои войска |и| пытался захватить земли, на которые не имел права»: Mastrocinque 1999, ch. 3. Алкей Сардский: *Плутарх*. Помпей. 37.

Об этих актах репрессий: Аппиан 48; Duggan 1959, 80–81; McGing 1986, 128–131.

Мир в Дардане: Reinach 1890, ch. 4, особенно 204. О предшествующих событиях: Ballesteros Pastor 1996, ch. 4; Duggan 1959, 80–81; McGing 1986, 130–132.

Дальнейший диалог представляет собой сокращенные цитаты из Плутарха (Сулла. 22), текста, основанного на собственном рассказе Суллы, и Аппиана (54–55). Мемнон XXV; Duggan 1959, 83. Положение в Италии; Диодор XXXVII.

Плутарх. Сулла. 22; *Аппиан* 54. Тема римской жадности: Sanford 1950, 32.

Плутарх. Сулла. 22–24; *Аппиан* 52–53. «Ураган»: *Диодор XXXVIII–XXXIX.* 8; *Дион Кассий XXX–XXXV.* 104. 7; *Lewis* 1976, 127; *Страбон XIII.* 1. 27. См.: *Ballesteros Pastor* 2009.

Ловушка Фимбрии. *Фронтин*. Стратагемы. 111. 17. 5; *Плутарх*. Лукулл. III. 4–7. Matyszak 2008, 86 предполагает, что Митридат заключил соглашение с Лукуллом.

Переговоры о соглашении и действия Фимбрии: Аппиан 54–58; Мемнон XXV; *Плутарх*. Сулла. 22–24. См.: Reinach 1890, 200–209; McGing 1986, 131–138; Ergüyas 2006, 25–26, 124. Римские договоры традиционно заключались с *osculum pads*, «поцелуем мира», объятием и ритуальным поцелуем в щеку. Древние персы целовали равных себе в губы, вышестоящих — в щеку: Геродот I. 35; Страбон XV. 3. 20.

Мотивы Суллы: Mastrocinque 1999. ch. 4; McGing 1986, 130–131.

Спешка Суллы и недовольство легионеров: Holland 2003, I SI-152;
Плутарх. Сулла. XXIV. 4; Диодор XXXVIII–XXXIX. 8.

Мемнон (XXV) говорит, что вопреки своему обещанию не наказывать сторонников Митридата Сулла «обратил многие города в рабство». Многие города были разорены и обеднели: Reinach 1890, 209–211; Buitenwerf 2003, 308–309. Павсаний — грек, уроженец Анатолии II в. н. э., подчеркивал жестокость Суллы и других римлян: он совсем не считал их «освободителями» Греции или Анатолии (см.: Habicht 1998, 120–122). Наказание Суллой Эфеса: Lewis, Reinhold 1990, I: 200–211; Аппиан 63; Duggan 1959, 85–86; Нас, Bean 1989, 53.

Чудовищные налоги, штрафы и грабеж Суллы помогают объяснить его успех в гражданской войне: Mastrocinque 1999, 91–93. Грабеж Суллы: Павсаний IX. 7; Habicht 1998, 121–122; Mastrocinque 2009.

Strauss 2009, 18, 21.

«Деяние Митридата, казавшееся столь ужасным, — истребление всех римлян в Азии в один день — считалось неважным в сравнении с числом людей, убитых теперь, и тем, как они погибли» в руках Суллы: Дион Кассий XXX–XXXV. 109. 8. *Плутарх*. Сулла. 27–34; *Августин*. О граде Божьем. III. 28. Триумф: Плиний XXXIII 5. 16; Beard 2007.

См.: McGing 2009. новое подтверждение гордости Митридата своим персидским наследием, долгосрочные цели и политика «постепенной эскалации» и «подъема ставок» вместо покорности Риму.

Duggan 1959, 87–89, 94. Боспорское царство: Logan 1994, Saprykin, Maslennikov 1995.

Предшествующие события с участием Митридата Младшего и Архелая почерпнуты из Аппиана (64). Эффект болиголова и опиума: Stuart 2004, 111–112.

Ифигения пользовалась мечом, чтобы приносить животных в жертву Афине: Дион Кассий XXXVI.

«Этот подлец» Мурена: Ford 2004, 178; война Мурены, см.: 161–186. «Непроезжая дорога»: Аппиан 64–65. Мемнон (XXVI) говорит, что посланники Митридата к Мурене оказались предателями: McGing 1986, 133–135.

Светоний. Юлий Цезарь. 4; *Плутарх*. Цезарь. II. 6–7. Хитрое бегство Цезаря, 80–75 гг. до н. э.: *Maуor* 2009, 162, nn.

Война Мурены: McGing 1986, 133–136; Mastrocinque 1999, 94–98; Аппиан опирается на Страбона (103–108): Аппиан 66. Мать Афинаиды неизвестна: Sullivan 1980, 1137, 1139. Матерью Афинаиды была Монима, и она была помолвлена с сыном Ариобарзана: Reinach 1890, 298.

Аппиан (66) и Страбон (XIV–XV) приводят детали; см. также: Аммиан Марцеллин XXIII. 6. 32–37; *Ксенофонт*. Киропедия. VIII. 5. 25–26; (молитва) VIII. 7. 3: Mitchell 1995. 2: 22; Widengren 1959, 250–251; Champlin 2003, 225–229.

Плутарх. Серторий. 23; *Аппиан* 67. Массивное Тетское наступление в Северном Вьетнаме в 1968 г. вызвало волну международной поддержки Вьетнаму, обратило общественное мнение в США против войны и заставило США в конечном счете уйти из Вьетнама. В 2004 г., во время войны США в Ираке, министр обороны Дональд Рамсфельд рассчитывал, что исламские повстанцы будут намеренно копировать Тетское наступление, чтобы завоевать «психологическую победу»: Oberdorfer 2004. В новостном сообщении Ассошиэйтед Пресс (2007) американский командир в Ираке предсказал сенсационное «мини-Тетское» наступление исламских экстремистов с целью разрушения поддержки США: Юстин. XXXVII. I. 6–9; Цицерон. О Манилиевом законе. «Проигрыш в сражении [это] еще один источник славы» для Митридата: Goodkin 1986, 207.

Простое вооружение: *Плутарх*. Лукулл. 6; сдержанность Митридата: Duggan 1959, 96–100; Ахейцы: Аппиан 67, 69; Reinach 1890, 76–77, 305, 396. Ахея — это современная Абхазия.

Митридат публично принимал яды «сознательно и ради хвастовства»: Авл Геллий 16. Митридат проверял снадобья на себе, на друзьях и на преступниках: Scarborough 2007. Гален: De compositione medicamentorum per genera XIII. 416 К; De antidotis XIV. 150 К; Зопир: Tolelin 2004, 5.

Иллюзии иммунитета, магии и ловкость о обращении с ядами: Corner 1915. 225–226; маги и магия: Widengren 1959, 252; трюк с укусом змеи: Bierman 1994. 8.

Хаусман. «Геренций, глупо холить плешь...» в сб. «Парень из Шропшира» (русский перевод цит. по; Хаусман А. Небо на плечах / Пер. В. Широкова //День литературы. 2002. № 66. — *Пер.*).
Переносимость местных ядов: Элиан. О животных. IX. 29; Mayor 2009, 92–96 и 272 nn23–24; Majno 1991, 381; Ciiliers, Relief 2000.

Ювенал. Сатиры. Vi. 659–661, написано ок. 80 г. н. э.; Эмерсон. Митридат (перевод стихов Н.Ю. Живловой. — Пер.).

Биологически активные вещества в митрилатии: Norton 2006; ингредиенты: Totelin 2004; растения как противоядие: Raloff 2005; Alam, Gomes 2003. См. Плиния, книги XXIV–XXVI о растительных фармака и антидотах, противоядиях и митридатии; XXV. 3. 5–7 о токсикологии Митридата; XXV. 32. 69 о золототысячнике, открытом Фарнаком I Понтийским; семена буквицы; *aristolochia* для снятия действия ядов: Smith 1890, под названием "Theriac"; Watson 1966; иллюстрации медицинских и смертельно опасных растений: Stuart 2004. 74–75, 109–131; Лемнийская земля: Hall, Photos-Jones 2008.

Плиний XXV. 6; XXV. 26; XXV. 29; Corner 1915, 223. История митридатия и детали его составления: Bierman 1994; Griffin 1995; Baley 1585.

Плиний XXV. 3, 5–8 и см. книгу XXV о растениях-противоядиях (цитата приводится в переводе В.В. Латышева; вариант автора «Митридат был выдающимся исследователем биологии» вряд ли обоснован. У Плиния сказано просто: *diligentissimus vitae* — «чрезвычайно любил жизнь». — *Пер.*). Ciiliers, Retief 2000. 88–89, OIOS (известные в Античности яды). Индийская и китайская версии: Majno 1991, 415–417; исламские, индийские, китайские противоядия, митридатий и эликсиры долгожительства: Nappi 2009.

Ciiliers, Retief 2000. 89. Зопир: Norton 2006, 2; Оски: McGing 1986, 85, n70. Плиний XXV. 2. 5–6; Гален. О противоядиях. XIV. 2 К: 14. 150 К. Асклепиад прожил исключительно долго: Плиний VII. 37. 124. Офиогены и марсы: Плиний VII. 2. 13–15; Кавказские гадюки: Hopkins 1995.

Ядовитые растения: Плиний. XXV; XXIX. 8. 24–26; отдельные ингредиенты митридатия весили «шестидесятую часть денария», а «киноварь, красный свинец», использовавшийся во многих противоядиях, «ядовит».

Свинец: Newman 2005, 8–9; утки и крысы: Stuart 2004, 113–114. Митридат смешивал утиную кровь с «лекарствами, способствующими перевариванию ядов», чтобы создать «самое известное противоядие... "митридатово"»; Авл Геллий 16.

Понтийский мед — одновременно ядовитый и целебный: *Элиан*. О животных. V. 4. См.: Totelin 2004 (полный анализ сведений Плинии о митридатии). Сцинки и саламандры выделяют токсины, включенные в рецепт Митридата: Bierman 1994, 5–6. Яды: Metz et al. 2006. Гормезис: моя благодарность доктору Стивену Галли, департамент патологии, Стэнфорд, личное сообщение от 5 марта 2008 г.: Raloff 2005, 2007, 40.

Vogel 2001; Moore et al. 2000. Мы так и не знаем, как этот процесс нейтрализовал такое количество разных токсинов.

Ювенал. XIV. 251–255. Сулла и Ювенал: Cilliers, Relief 2000, 89–90: отравления в Риме: Stuart 2004, 113–115.

Асклепиад: Totelin 2004, 3–4; врач Цезаря Элин: Norton 2006, с цитатой из Галена: Opera Omnia, vol. 14, De Antidotus. кн. 2; Scarborough 2008.

Подлинный митридатии синтезировать невозможно: Totelin 2004, 13 и примечание о надписи Паккия. Valey 1585 порицает древних «историописцев» за то, что они не Смогли сохранить рецепт Митридата.

Рецепт Андромаха: Griffin 1995; Bierman 1994, 5; Pain 2008; Baley 1585; Чан: Ciaraldi 2000.

Цельс. О медицине. V. 23. 2; Griffin 1995; Corner 1915; Swann 1985; Norton 2006.

Исламские и арабские трактаты о химии растительных, минеральных и животных токсинов и о помешательстве царственных особ на ядах: Stuart 2004, 116. Арабские врачи Разес (ар-Рази, ум. 854 г. н. э.) и Авиценна (ум. 1037 г. н. э.) хвалили противоядие Митридата: Griffin 1995; Corner 1915. Аверроэс: J. Ricordel, "Le traité sur la theriaque d'Ibn Rushd (Averroes)", *Revue d'Histoire de la Pharmacie* 48 (2000): 81–90. Митридатии в Китае: Nappi 2009.

К I в. н. э. производство митридатии уже стало «демонстрацией искусства и науки»: Плиний XXIX. 8. 24–26. Противоядие Митридата вызвало к жизни самые ранние концепции «регулирования медицины»: Griffin 1995, 3 о европейских царственных особах, принимавших митридатии; Bierman 1994, 8 о митридатии в Риме в 1984 г. Baley 1585. См.: Duffin 1903; Swann 1985 о живучести «фирменного» противоядия Митридата.

Митридат выработал сопротивляемость к ядам, принимая «предварительные противоядия»; Дион Кассий XXXVII. 13. Митридат привык к ядам, принимая «Митридатовы лекарства»: Аппиан III. Цельс (О медицине. V. 23. 3) приписывает иммунитет Митридата одним только противоядиям, а не приему малых доз ядов. Плиний XXV. 3. 5–7.

Плиний XXIX. 8. 24–26; XXIII. 77. 149; Totelin 2004, 7, табл. I, 18–19. Критики митридатия: Corner 1915; Swann 1985; Bierman 1994; GrilTi n 1995.

Помпей сжег бумаги Сертория: *Плутарх*. Серторий. 27. Теория
Туведа процитирована у Totelin 2004, 9, nn 39–40.

Остатки митридатия; Ciaraldi 2000. Touwaide (2008) анализирует остатки в медицинских сосудах из кораблекрушений I в. до н. э. — I в. н. э. и изучает древние «макулатурные» ботанические тексты, обнаруженные в переплетах византийских книг. Осадок, названный *Mithridatio*, в роскошном медицинском ларце XVI в. с Хиоса: Burnett 1982, 333 по 36. Лишенные доступа воздуха глубокие поды Черного моря прекрасно сохраняют органические материалы древних кораблекрушений: King 2004, 18–19; West 2003, 166–167; Markey 2003. Благодарю доктора Сергея Попова за обсуждение недавних исследований «противоядий». По поводу «митридатовской» работы Попова над ядами и противоядиями см. его интервью «Биовоины» для передачи Nova, PBS, www.pbs.org/wgbh/nova/bioterror/biow_popov.html.

Царские дегустаторы; *Ксенофонт*. Киропедия. I. 3. 9–10; Newman 2005, 31; Электр: Плиний XXXIII. I; XXXIII. 23; Квинт Серен Саммоник: Liber Medicinalis LX. 5; хелирование: Zammit-Maempel 1978, 218.

Кольца с ядом: Плиний XXXIII. 5. 15; XXXIII. 6. 25–26;
отравленные пилюли для друзей: *Плутарх*. Помпей. 32.

Агат поступал из Фригии, с Крита, Лесбоса, Родоса, Египта, Кипра и из Персии. Захалий (эллинизированное, вместо еврейского Захарий): Плиний XXXVII. 60. 139–143, 169; работа Митридата с янтарем: XXXVII. II. 39, ср.: Champlin 2003, 135; любовь Нерона к янтарю — «слезам дочерей Солнца». Гелиотроп назывался еще кровавой яшмой: Nealy 1999. 264–265, 269.

Плиний. XXXVII. 5–6; XXXIII. 6. 22–28. Аппиан, 115. Портреты Митридата на геммах, особенно те, что напоминают Александра: Vollenweider 1995, по 218; Neverov 1973; Ergiyas 2006, 148–151, 160–162, figs. 73, 74, 85. Hojте 2009с о портретах Митридата на геммах. Благодарю Роберта Проктора за беседу об агатах Митридата и их происхождении.

Александр пользовался роскошной палаткой Дария III, украшениями и мебелью; носил старинные персидские драгоценности и доспехи и использовал ладан, мирру и другие экзотические ароматы: Reinach 1890, 278–293, иит. 285; Плутарх. Александр. 32; Balsdon 1979. 144–145. Бактрийские верблюды и торговые пути: Casson 1974. 55, 123–124; Stuart 2004, 92.

Кратер Митридата, впервые опубликованный в 1745 г.; о надписи см.: Ward 1749–1750; Erciyas 2006, 125.

Покровитель искусств и наук: Аппиан 112; Орозий VI. 4. 6; McGing 1986, 92. Reinach (1890) посвятил целую главу (276–300) характеру Митридата, «эллинистического султана», «души» понтийско-боспорской империи. Cavafy, "Darius", 1920 — «упоенье», иногда переводят как «опьяненье» или «веселье» (здесь русский перевод Е. Солоновича. — *Пер.*).

Стратоника: *Плутарх*. Помпей. 36; Reinach 1890, 296–297.

Кабира и Кайнон Хорион (Кайн) близ Никсара, Турция: Страбон XII. 3. 30–40; *Плутарх*. Помпей. 36–37. Кайнон Хорион и крепости Митридата: Munro 1901, 60–61; Talbert 2000, карта 87, 2: 1233, 1241; Cramer 1832.

Erciyas 2006, 43–46; Страбон XII. 3. 30–40.

Ксенофонт. Киропедия. V; *Плутарх*. Антоний. 27. 3–4 (Клеопатра); Авл Геллий XVII. 17; Плиний VII. 24. 88–90; XXV. 3. 6–7 Валерий Максим VIII. 7; Quintilian XI. 2. Аврелий Виктор (360 г. н. э.) утверждал, что Митридат говорит на 50 языках. См.: Balsdon 1979, 116–145; Gleason 2006, 229; Summerer 2009. Благодарю Joch Katz за помощь в языках Митридата.

Понтийско-боспорская империя: Reinach 1890, 213–275.

Плутарх. Лукулл. 20; McGing 1986, 141.

Юстин XL; Olbrycht 2009; Reinach 1890, 311–313; древние источники о Тигране.

Плутарх. Сулла. 36–38; Страбон X. 1.9; Валерий Максим IX. 3. 8, *Аппиан.* Гражданские войны. I. 105; Keaveney 2005, 175; McGing 1986, 136; Reinach 1890, 305–306; Scullard 1970, 86. Романист Форд (Ford 2004, 157): может быть, болезнь Суллы была вызвана ядами Митридата?

McGing 1986, 137: cp.: McGing 2009.

Юстин XL. 1–2; *Саллюстий*. Заговор Каталины; Книга Юдифь, Иосиф процитированы у Nazaryan 2005. *Плутарх*. Лукулл 21. 3–5; Страбон XII. 2. 9,

Аппиан 92–93, Тайные сообщения Сертория и Митридата передавались пиратами и торговцами: Sheldon 2005, 75, с цитатой из Цицерона. Strauss 2009, 132–134.

У Сертория было «страстное желание поселиться на Островах блаженных и жить там безмятежно», однако друзья-пираты помешали его планам осуществиться: *Плутарх*. Серторий 9, 11 (лань); Плиний VIII. 50. 117; *Фронтин*. Стратегемы. 1. II (лань).

Аппиан 68; *Плутарх*. Серторий. 9 (цитаты); McGing 1986, 137–139, 142.

Обсеквент в Lewis 1976, 128. Об этих событиях см.: Аппиан 68; *Плутарх*. Серторий. 23–24 (Плутарх называет Марка Вария Марием).

Чеканка монеты: Егиyas 2006, 130; Saprykin 2004; Levy 1994; Callatay 2000; *Плутарх*. Серторий. 24; Balsdon 1979, 75, 122.

Евтропий VI. 6. Жалкая марионетка: Duggan 1959. 99; Reinach 1890, 319–320; McGing 1986, 144. Завещание Никомеда IV: Mitchell 1995, I: 62.

Страбон VII. 4. 6; Аппиан 68–69.

Аппиан 69. Племена: Аммиан Марцеллин XXII. 8. 18–30; *Овидий*.
Понтийские элегии. 4; Тристии. II. 198; Страбон VII; Ливий XL. 58;
амазонки: Юстин II. 4.

Аппиан 70. Сидоний Аполлинарий, поэма 22 о замке Понтия Леонтия (ок. 460 г. н. э.); Reinach 1890, 321 п2. В этой же вилле была картина с изображением осады Кизика, см. о ней ниже. Lee 1797.

Царь, как главный маг, осуществлял жертвоприношение коней: Widengren 1959, 251–252; жертвоприношение коней на Родосе, с цитатой из Феста (181), ed. Muller. Троянцы: Гомер. Илиада. XXI. 132. Скифы приносили коней в жертву солнцу: Геродот VII. 113; I. 215–216; «предлагали самое быстрое животное из быстроходных для Бога». *Ксенофонт*. Киропедия. VIII. 3. 24, March N. 5; Pausanias III. 20. 4; Philostratus. Apollonius of Tyana. I. 31; *Тацит*. Анналы. VI. 37; Страбон XL 8. 5. Александр принес в жертву быков и золотую чашу Посейдону в Индийском океане: Arrian. Anabasis. VI. 19. 5. Гелиосу и Посейдону поклонялись в Анатолии: Mitchell 1995, 2: 26.

Речь и эти события: Аппиан 70–71. Речи Митридата и его письма в разных источниках имеют один и тот же стиль и дополнительное содержание, отражающее формат и тон речей Митридата: Erciyas 2006, 26–27; Reinach 1890, 321; Munro 1901, 56 о пути вторжения Митридата. Некоторые высокопоставленные римские командующие поддерживали Митридата (см.: McGing 1986, 145).

Аппиан 70–71. Мемнон (XXVII) говорит, что у Митридата было 150 тыс. человек пехоты, 12 тыс. всадников, 120 колесниц с серпами и столько же рабочих, а римляне потеряли 8 тыс. человек на море.

Битвы за Халкедон и Кизик описаны у Аппиана (72–78) и у Плутарха (Лукулл. 8–12); Страбон XII. 8. 11; Мемнон XXVII–XXIX. Reinach 1890, 318–342; McGing 1986, 146–153; Holland 2003, 154–164; Duggan 1959, 100–129; Matyszak 2008, 108–113. Лукулл и Третья Митридатова война, Keaveney 1992, гл. 5; сложная хронология и древние источники, 183–205. См. также: Hind 1994, 129–138; Mastrocinque 1999, 103–105. Цифра — 300 тыс. человек подтверждается сообщаемым отдельно фактом, что склады зерна Митридата были способны прокормить именно это количество людей в течение года, см. гл. II.

Плутарх. Лукулл. 5. 5, 7 («фимбрианцы»). Рим опасался, что Митридат собирается вторгнуться в Италию с моря: Keaveney 1992, 85–86; Duggan 1959, 103. О постоянном поиске римлянами богатства путем постоянных военных действий в богатых добычей землях см.: Eicli, Eich 2005, 14–15, 23–24.

Плутарх. Лукулл. 8. 5–7; Ford 2004, 203–204. Из источников неясно, присутствовал ли при этом Митридат.

Stothers 2007, 87. Об этом и других метеорах в Античности см.: D'Orazio 2007. «Обе стороны, увидев в этом зловещее предзнаменование, отступили»: Keaveney 1992, 77; Reinach 1890, 324. Метеорит Кибелы: Страбон XII. 5. 3; Milchell 1995, 2: 20. «Звезда» упала близ лагеря Митридата как раз перед тем, как он ушел с Родоса (гл, 8). Метеориты могли сигнализировать, что битву начинать не стоит.

Аппиан 72–78. Хитрости Лукулла у Кизика: *Фронтин*.
Стратагемы. III. 13. 6.

Плутарх. Серторий. 26; Keaveney 1992, 79–80; Мемнон XXVIII. 2.

Campbell 2006, 139–143; корабельная башня Митридата проиллюстрирована там на с. 141. См.: Ford 2004. 215–218. реалистичное описание самбуки.

Эта тактика описана у Аппиана (73) и у Фронтинана (Стратагемы. 5. 22).

Аппиан 73–78. Уксус: гл. 4; Mayor 2009, 220–222.

Аппиан 75; Плутарх. Лукулл. 10; Rigsby 1996, 341–342. Знамена и чудеса были примерами пропаганды римлян против Митридата: McGing 1986, 148–150. Следует отметить, что ритуалы самого Митридата были обращены к божествам мужского пола.

Плутарх. Кресе. 8–11; Аппиан. Гражданские войны.! 16–120;
Strauss 2009.

Аппиан 75–76. Чума в Кизике: Маур 2009, 120–122; осада: Евтропий VI. 6.

Плутарх. Лукулл. 11. Верблюды Митридата: Аммиан Марцеллин
XXIII. 6. 56.

Страбон XII. 8. II; Диодор XXXV11. 22b; *Плутарх*. Лукулл. 11:
Keaveney 1992. 83.

Аппиан 75–76; *Плутарх*. Лукулл. 12; Мемнон XXXV–XXXVI;
Mastrocinque 2009.

Плутарх. Лукулл. 12; Цицерон. О Манилиевом законе. I 8.

Аппиан 77–78. Законы, регулирующие триумф, действовали с 143 г. до н. э.: Валерий Максим II. 8. 1. Казнь вражеских предводителей во время триумфа: Иосиф Флавий. Иудейская война. VI. 423; Smith 1890 под названием "Triumph"; Champlin 2003, 210–215; Beard 2007.

Плутарх. Лукулл. 13.

Результат морских сражений в древности: Strauss 2005. В описании этой сцены я следую McGing (1986, 139): он предполагает, что пиратом — спасителем Митридата оказался его старый друг Селевк. Черное море печально известно своими зимними бурями: West 2003. 166. Скорость плавания: Lee 2007, 169–170; Casson 1974, 149–162.

Мемнон XXIX. 3–4. Позднее Гераклею поразила чума. Коннакориг заключил договор с римлянами, и граждане были истреблены: Мемнон XXXV.

Валерий Максим 1. 8. 13; Аммиан Марцеллин XVI. 7. 9.

Мемнон XXIX. 6; XXXVII. 5. Был ли Метродор вестником, которого Митридат послал к Тиграну? См. гл. 13.

Плутарх. Лукулл. 14; Мемнон XXX; Strauss 2009, 181–194.

Аппиан 78–79, 115. Подробная информация о дорогах, территории и Понтийской кампании: Munro 1901, особенно 56–59. Фемискирийцы заранее подготовили свою «зоологическую атаку»: и здесь перечисляю диких зверей, которые водятся в этом регионе. Насекомые и животные на войне в древности: Mayor 2009, ch. 6.

Плутарх. Лукулл. 14, 15–20 о вторжении в Понт; см. также: Аппиан 78–83; Keaveney 1992. Вишни: Плиний XV. 30; Афиней II 35. Армия Лукулла: Holland 2003, 160–161.

Плутарх. Лукулл. 15. Скифские вожди этих кочевников: Фронтин. Стратегемы. II. 5. 30; Аппиан 79.

Duggan 1959, 125 предполагает, это эти «охотники» были бандитами, которые бежали от Митридата. Дорога Лукулла к крепости и битвы за Кабиру: Munro 1901, 57–58.

Митридат как мастер разведки, часто использовавший шпионов и огневые сигналы: Sheldon 2005, 75.

Аппиан 79–82; *Плутарх*. Лукулл. 15–17.

Царь Боспора Парисад (гл. 5) умер во время восстания под предводительством скифов в 110 г. до н. э.: Полиэн. Стратagemы. VII. 37; Krentz, Wheeler 1994, 2: 693 (дословно текст Полиэна выглядит так: «Парисад, царь Понта, в одном платье выстраивал воинов, в другом же он был, когда подвергался опасности со стороны врагов, а в третьем, когда была причина для бегства, убегал. Ибо, выстраивая войско, он желал быть видным всем, подвергаясь опасности — никому из врагов не быть видным, убегая же ни своими, ни чужими не быть узанным». — *Пер.*).

Путь бегства Митридата: Munro 1901, 52, 58; Talbert 2000, карта 87, 2: 1226–1242; *Плутарх*. Лукулл. 17. Страбон (XII. 3. 33) предполагает, что его дальний родственник Дорилай был потом заподозрен в предательстве против Митридата, однако рассказ Плутарха о гибели Дорилая кажется правдоподобным. Римляне подкупили кузена Дорилая Лагета для того, чтобы тот начал мятеж. Митридат захватил собственность Лагета, но не убил его, и его семья впала в бедность.

Плутарх составил свой детальный рассказ по описаниям перебежчиков и пленных, которые в конце концов оказались в руках Лукулла. Конечно, со временем некоторые рассказы могли быть приукрашены: *Плутарх*. Лукулл. 18; Аппиан 82; Мемнон XXX. I; Страбон XII. 3. II. См. приложение 2 об этих трагических смертях в искусстве, музыке и литературе; Summerer 2009, fig. 6 (гибель Монины (1816)).

Самоубийство, чтобы сохранить свободу, волю, независимость в противопоставлении выживанию при власти тирана: Balsdon 1979, 162–167. Самоубийство или убийство собственной семьи практиковалось во многих древних или современных культурах — чтобы не попасть в руки врага. Одним из множества примеров стала сестра Ганнибала Софонисба, которая приняла яд, чтобы не попасть в руки римлян в 203 г. до н. э.

Плутарх. Лукулл. 17. 4–7; Аппиан 81–82; Орозий 6.4. Ср.: Мемнон XXX. I. Полиэн (Стратагемы. VII. 29. 2) описывает подобную же хитрость, использованную Митридатом в Пафлагонии, когда он отвлек преследователей, разложив на дороге свои прекрасные украшения и золотую посуду. Последняя стадия кампании Лукулла против Митридата и Тиграна, 70–66 гг. до н. э.: Аппиан 82–90; *Плутарх.* Лукулл. 19–37; Мемнон XXX–XXXIX; Дион Кассий XXXVI; Ksavency 1992, 91–128; Duggan 1959, 133–167, 343–376; Sherwin-White 1994, 229–247; McGing 1986, 152–163; *Цицерон.* О Манилиевом законе. 127.

Мой перечень спутников Митридата основан на сообщениях Плутарха и Аппиана о том, кто именно был с Митридатом позднее в Армении и Понте. Местоположение Талавры — путь в Армению: Munro 1901, 58–59; Аппиан 82, 115; *Плутарх*. Лукулл. 19; Дион Кассий XXXVI. 14–16.

Страбон XII. 3. 33. Грамматик Тираннион, член ближайшего окружения Митридата, был захвачен в Амисе, и его отвезли в Рим, где он работал над книгами Аристотеля и Теофраста, награбленными Суллой в Афинах. Позднее он учил Страбона (XII. 3. 16; XIII. I. 54): Плутарх. Лукулл. 19. Мемнон (XXX) говорит, что «многие граждане Амиса были немедленно истреблены», хотя Лукулл пытался остановить убийства, и «Евпатория была немедленно уничтожена». Ксавсней 1992, 93. Гераклея была разрушена после того, как ее предал галатский полководец Митридата Коннакориг: Мемнон XXXIV–XXXVI.

Древние источники противоречиво сообщают о том, что фактически случилось в Синопе: Мемнон XXXVII; Страбон XII. 3. II; Аппиан 83; *Плутарх*. Лукулл. 23.

Глобус Биллара: Страбон XII. 3. II. Masirocinqe 2009. Статуи и антикитерский механизм находятся в Археологическом музее Афин. Недавние научные исследования шестеренок, их назначение, датировка и надпись: Marchant 2008; Freeth et al. 2008.

Плутарх. Лукулл. 24; Мемнон XXXVII.

Плутарх. Лукулл. 20 (цитата); Аппиан 83; Keaveney 1992, 95–98.

Диалог Аппия и Тиграна основан на описании Плутарха (Лукулл. 19, 21); Мемнон XXXI; Reinach 1890, 351; Keaveney 1992, 99–104; McGing 1986, 152–153, Ballesteros Pastor 1996, ch. 7. Армения и Тигран; Reinach 1890, 453–455; Ussher 2007, 4041, 4085–4086, 4199, 4217, 4228–4229, 4264, 4282–4283, 4308. Армянская точка зрения: Kurkjian 1958, ch. 13. Турецкая точка зрения: Tezcan 2007, 100–101.

Мемнон XXXI, Тигран дал Митридату «телохранителем и выказал другие знаки гостеприимства» (38), Митридат оставался в охотничьем домике год и восемь месяцев. Тигран как филэллин. Kurkjian 1958. См. также: Raffi 1959.

Страбон XI. 14. 8–9, 16; XI. 13. 7. Флора и земля Армении — описания ранних путешественников. Stoneman 1987, 186–207; *Ravanea coccinea* (паразит полыни), *Morena orientalis* (цветок солнца), священный для зороастрийцев, www.rbedrosian.com/soma.htm (описания этих растений встречаются в литературе XIX в., их современное название нам обнаружить не удалось. — Пер.).

Плутарх. Лукулл. 22; Аппиан 82; Мемнон XXXVIII; Keaveney 1992, 99–104. Kurkjian (1958) и др. армянские историки отрицают то, что Тигран был «холодным и не расположенным» к Митридату.

Плутарх. Лукулл. 22; Страбон XIII. 1. 55; Мемнон XXXVIII;
Scullard 1970, 102–105.

Мемнон XXXVIII; Аппиан 82–84; Юстин XL. 2; *Плутарх*. Лукулл. 22–24; McGing 1986, 153 n67; Kurkjian 1958.

Плутарх (Лукулл. 26) и Аппиан (85) считают, что у Тиграна было 250–300 тыс. человек; ср. 150 тыс. у Плутарха (Изречения римских полководцев. 203). Евтропий VI. 9; Тигран — 600 тыс. и Лукулл — 18 тыс. Флегон из Тралл, фраг. 12 (в: Hansen 1996, 62) сообщает, что у Тиграна было 40 тыс. пехотинцев и 30 тыс. всадников. Определенно армия Тиграна была огромной и, может быть, вдвое превышала по численности 30 тыс. Лукулла (а численность римлян — 15 или 20 тыс., — возможно, была преуменьшена римскими авторами). См.: Matyszak 2008, 128–129; карты: 132–135. В 1916 г. турецкая армия из 60 тыс. человек прошла по дороге Тиграна через горный хребет Тавр и потеряла 30 тыс. человек из-за холода и голода. Kurkjian (1958, ch. 13) оценивает численность войск Тиграна в 70–100 тыс. человек.

Битва за Тигранакерт описана Плутархом (Лукулл. 25–29); Аппиан 84–86; Мемнон XXXVIII; Дион Кассий XXXVI. 1–3; *Макиавелли*. Искусство войны. II. 76. В художественной литературе: Church 1885, 233–279; Ford 2004, 259–274; *Плутарх*. Изречения римских полководцев. 203. 1–2; Keaveney 1992, 106–111; Sheerwin-White 1994, 239–247. Племена и Тигранакерт см. также; Страбон XI. 14. 14–15.

Плутарх. Лукулл. 28; Аппиан 85; Duggan 1959, 147. Женщины Тиграна были перевезены в Артаксату, но некоторые были позднее захвачены Лукуллом, а другие Помпеем — это может объяснить, откуда мы знаем о более раннем спасении.

Эта сцена подробно описана у Плутарха (Лукулл. 29); см. также: Мемнон XXXVIII; Аппиан 87; Дион Кассий XXXVI. 1–2. Kurkjian 1958, ch. 13 дает современную армянскую точку зрения на катастрофу, причиной которой стал Лукулл.

Дион Кассий XXXVI. 1–2.

Keaveney 1992, 111. Kurkjian 1958, ch. 13 n2 располагает Тигранакерт к северо-западу от Нисибиса под выступом горной цепи Тавр (предлагаются и другие места). Основываясь на древних дорогах, в 1997 г. Т.Э. Синклер предположил, что Тигранакерт находился близ Арзана в Турции (цитировано в: Talbert 2000, карта 89; 1280, 1290). В 2006 г. Армянский институт археологии и этнологии Академии Наук и Ереванский государственный университет под руководством доктора Гамлета Петросяна объявили о раскопках Тигранакерта близ современного Мартакерта (Мияфаркин, Мартирополь. современный Сильван) — города, построенного с помощью продвинутых техник эллинистического времени и с населением ок. 50 тыс. человек; см.: www.armeniadiaspora.net/ADC/news.asp?idH341.

Мальта и отравленные стрелы: Mayor 2009, 234, 245–247; Дион Кассий XXXVI. 5–8; Плиний II. 108–109; Healy 1999, 255; Самосата; Munro 1901, 62; Аммиан Марцеллин XXIII. 4. 15; XXIII. 6. 16, 37. Нефтяные колодцы близ крепости в этом регионе: Stoneman 1987, 205.

Плутарх. Лукулл. 30–31; Keaveney 1992, 112–117; Badian 1981; Duggan 1959, 153–155.

Аппиан 87; Плутарх. Помпей. 32. 8; Евтропий VI. 12. Греков Ксенофонта сопровождали женщины-воительницы: Lee 2007, 272–273. Александр и амазонки: Lane Fox 2004, 276, 432, 531; Гипсикратия — «бесстрашная амазонка»: Reinach 1890, 297. 387. Независимые варварские женщины и их равный с мужчинами статус в то время см.: Konstan 2002. См.: Izady 1992, 194 о древних и современных женщинах-воинах Курдистана. Женщины в армии Митридата: Дион Кассий XXXVI. 49. 3.

Письмо к Аршаку: Саллюстий. История. IV. 69 Maurenbrecher, в сокращении, см.: Lewis, Reinhold 1990. 235–236. Дион Кассий XXXVI. 1–3; Плутарх. Лукулл. 30. 1–2. Ahlheid 1998 дает подробный анализ риторических стратегий в письме Митридата. Многие современные историки спорили о том, подлинно ли письмо у Саллюстия, или же оно было составлено, чтобы изобразить, что сказал Митридат (см., например: Erciyas 2006, 27–28; Sanford 1937, 4.39–440). Этому письму посвящена целая диссертация (L. Raditsa, Columbia University. 1969, процитировано в пространном анализе этого текста у McGing, 1986. 84, 105, 154–162). Нет сомнений в том, что Митридат поддерживал контакты с Парфией; парфийские царственные особы были представлены на памятнике в Делосе. Содержание письма выглядит правдоподобным, язык — вполне в стиле Митридата; письмо кажется либо подлинным, либо основано на других подлинных письмах и речах Митридата. McGing 1986, 155–162. «Письмо отражает подлинный документ, найденный римлянами» в личных архивах Митридата»: Olbryclu 2009.

Плутарх. Лукулл. 31.

Аммиан Марцеллин XXXI. 2. 8: воины-кочевники, легкие и подвижные, «вдруг специально расеинаютсм и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство». Ср.: Юстин XL1: кочевники «сражаются на конях, то направляя их прямо на противника, то поворачивая назад»; они «даже как будто обращаются в бегство, так как при этом преследующие обычно становятся менее осторожны и их легче ранить». Дезертировать македонской кавалерии не удалось: *Фронтин. Стратagemы. I. 7. 8.*

Плутарх. Лукулл. 31. 5–8; Аппиан 88: Лукулл не мог заставить Митридата сражаться. Согласно Keaveney 1992, 118–120, 123, Митридат был храбр с теми, «кто был слабее его», но не мог «встретиться лицом к лицу с врагом, который его превосходил», то есть с Лукуллом.

Фронтин. Стратagemы. 111. 7; *Ксенофонт.* Анабасис. III. 4; Lee 2007; Геродот IV. 46–48, 120–140.

Страбон XI. 13–14. Описание армянской зимы у ранних путешественников: Stoneman 1987, 197. Ср.: Lee 2007, 202, 228 о том, как трудно пришлось Ксенофону в Армении — под снегом и в пересеченной местности.

Плутарх. Лукулл. 32. 3–5; Дион Кассий XXXVI. 6–8.

Путь Митридата из Армении в Понт: Munro 1901, 58.

Кампания за возвращение Понта: Дион Кассий XXXVI. 9–17;
Плутарх. Лукулл. 35; Аппиан 88–90, Евтропий VI. 9.

Использование змеиного яда для остановки крови: Hopkins 1995; Аппиан 88–89; Дион Кассий XXXVI. 9. Александр получил резаную рану бедра, сражаясь с Дарием под Иссом. Случай, когда Александра демонстрировали его войскам, произошел в Индии: *Плутарх*. Об удаче Александра. 341.

Трофей Митридата пол Зелой: Дион Кассий XLII. 48; *Плутарх*. Помпей. 39; Лукулл. 33–35: Keaveney 1992, 124–126; Holland 2003, 172–173.

Плутарх. Лукулл. 35–36; Помпей. 31; Страбон XII. 5. 2: Keaveney 1992, 125–128. Цицерон. О Манидиевом законе, и котором он агитирует за предоставление Помпею полномочий в 66 г. до н. э. для того, чтобы уничтожить угрозу Митридата, избежавшего наказания уже 22 гола после зверств, которые он совершил в 88 г. до н. э. Пока Митридат жив, говорил Цицерон, экономический и политический статус Рима в опасности.

Плутарх. Лукулл. 37; Keaveney 1992, 135.

Плутарх. Лукулл. 39–43; Афиней II. 50–51; V. 274, 12; Аппиан 90–91. Любовные напитки: Плиний XXV. 7. 25; Keaveney 1992, 164–165. Отравленные любовные напитки: Cilliers, Retief 2000, 89.

Кризис, связанный с пиратством: *Плутарх*. Помпей. 24–25; *Аппиан* 91–97; *Цицерон*. О Манилиевом законе; Holland 2003. 164–165.

Страбон XII. 3. 18; Диодор XIV. 30; Lee 2007, 229. Токсичный яд как оружие: Mayor 2009, 146–148, 153–154. Root-Bernstein (1991, 44–45) предполагает, что Кратен разработал свой план, основываясь на опыте Ксенофонта.

Пираты: Аппиан 91–96; «гнусная роскошь»: *Плутарх*. Помпей. 24–30; война Помпея с Митридатом: Аппиан 97–117; *Плутарх*. Помпей. 30–45; Scullard 1970, 88–108. Киликийские пираты почитали Митру; пираты и ветераны способствовали распространению возникших под зороастрийским влиянием культов Митры/Митр по римскому миру после Митридатовых войн: Champlin 2003, 227–229, n30; Wynne-Tyson 1972, 46–47; *Плутарх*. Помпей. 24. 5; Balsdon 1979, 238; Holland 2003, 167–168; Tezcan 2003.

Цицерон. О Манилиевом законе. 121.

475

Речь, о которой сообщает Аппиан (97–98); она основана на рассказах ветеранов и римлян, впоследствии взятых в плен Помпеем.

Предшествующие события описаны Плутархом (Помпей 32); см. также: Дион Кассий XXXVI. 47–50 (дезертиры); *Фронтин. Стратегемы*. 1. !. 7; Евтропий VI. 12–14; Аппиан 97–101. Страбон XII. 3. 28–41.

477

Плутарх. Помпей. 32. Я добавила в сон Митридата Гипсикратию; она в то время была с Митридатом.

Аппиан 100–101; *Плутарх*. Александр. 31. Ночная атака Митридата на Родос закончилась неудачно (гл. 8).

Битва при лунном свете подробно описана у Плутарха (Помпей. 32); см. также: Аппиан 99–100; *Ливий*. Эпитомы. 101; Флор III. 5. 22–24; I. 40. 23; Орозий VI. 4. 4–5. В войсках Митридата были как мужчины, так и женщины: Дион Кассий XXXVI. 48–49. Согласно Фронтину (Стратагемы. II. 1. 12), Помпей атаковал той ночью, чтобы вынудить Митридата выйти и сражаться. Турецкая точка зрения на кампанию Митридата в Понте и Колхиде: Tezcan 2007, 101–104.

Приказ убить коней: *Фронтин*. Стратagemы. II. 33.

Плутарх. Помпей. 32. 8; Евтропий VI. 12; Орозий V. 3–5; VI. Reinach 1890, 3875. Duggan 1959, как и Кристина Пизанская, предположил, что Гипсикратия была куртизанкой, которая была вынуждена надеть персидскую мужскую одежду в первый раз во время атаки Помпея.

Валерий Максим. IV. 6. 2; 6. 6; Орозий VI. 5. 3–5.

Боккаччо (Знаменитые женщины. VI. 323–327) вдохновлялся рассказом Валерия Максима. См. также: *Петрарка. Triumphus cupidinis* III. 28. 30. Гипсикратия во французских драмах XVI–XVIII вв., таких как «Гипсикратия» Беура, 1604, см.: Snaith 2007, 16–17.

Типична критика римской жадности в этой поэме XII в.: «Предательский римский народ... почитал серебро и сходил с ума, стремясь к наживе... они почитают аравийское золото, расшитые греческие платья, слоновую кость и драгоценности Индии... серебро и золото Англии»: Sanford 1950, 36. Макиавелли (Искусство войны. II. 84–99) называет Митридата «отважным» героем. См.: Baley 1585 — ожесточенная атака на Рим и похвала по поводу того, что Митридат дал миру. Christine de Pizan 1999, 110–112.

Битуит сражался бок о бок с Митридатом в битве, отправился с царем в Боспорское царство и присутствовал при кончине Митридата в 63 г. до н. э. Вели лошадей: Орозий VI. 4. Sagona, Sagona 2005, 67 о местонахождении Синоры и археологических открытиях. Talbert 2000, карта 87, "Sinoria" 1256, 1241. Дрипетина: Аммиан Марцеллин XVI. 7. 9; Christine de Pizan 1999, 103–104.

Аппиан (100–101) ясно дает понять, что эта небольшая армия бежала с Митридатом в Колхиду. *Плутарх*. Помпей. 32; Об удаче Александра. 41–42; Александр. 15 о разделе богатств. Воину платили около I драхмы в день; 6 тыс. талантов равнялись примерно 36 миллионам драхм. Reinach 1890, 387–389. Взаимное доверие: Duggan 1959, 175. Ср. то, что римляне рассчитывали на добычу, чтобы расплатиться с воинами: Naco del Noyo et al. 2009, 3.

Награда Тиграна: *Плутарх*. Помпей. 32. 9; Дион Кассий XXXVI. 50; Arslan 2007, 392–405, 463–470.

Аппиан 101. Змеи Евфрата: *Элиан*. О животных. IX. 29 — видимо, левантские гадюки. Страбон XI. 2. 13–19 описывает путешествие Митридата в 4 тыс. стадиев (ок. 500 миль / 804,7 км) из Понта в Колхиду. Древняя Колхида: Braund 1994.

Митридат и Геракл: Егиyas 2006, 148–153; Диоскорида: Аппиан 67, 101–102; Страбон XI. 2. 19; Плиний VI. 5; King 2004, 32; Ascherson 1995, 244–256.

Аппиан 101–102; *Плутарх*. Помпей. 35.

Передвижения Помпея в 66/65 г. до н. э.: Аппиан 103–105; *Плутарх*. Помпей. 33–38; Дион Кассий XXXVI–XXXVII; Страбон XI. I. 6. Помпей прочесывал регион между Каспийским и Черным морями: Sherwin-White 1994.

Аппиан 103. Страбон XI. 4–8 говорит о 22 тыс. всадников; Плутарх (Помпей. 35) говорит о 12 тыс. всадников. Дион Кассий XXXVII.

Аппиан 103; Страбон XI. 3. 3; 5. 1–4. Аммиан Мариеллин (XXII. 8. 26), писавший ок. 350 г. н. э., заявлял, что амазонки якобы все еще обитают между Доном и Каспийским морем. *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 38; *Плутарх*. Александр. 46. 1–2; Курций VI. 5. 24–25, 29; Lane Fox 2004, 276. Гробницы амазонок: Ascherson 1995, 111–124. Союзники Митридата около Фазиса, на Кавказе и далее; Мемнон XXII. 3–4.

Дион Кассий XXXVII. 1–7. Армази — это Армозикон (Гармозика) у Страбона (XI. 3. 5). Археологические раскопки в Армази начались в 1890 г., закончились в 1940-х и возобновились в 1985-м. Дарьяльское ущелье и цитадель Армази (Армазискеви): Talbert 2000, карта 88 и 2: 1255–1267; Braund 1994. Змеи: *Плутарх*. Помпей. 36; скорпионы и пауки; Страбон XI. 4. 6.

Плутарх. Помпей. 35; Дион Кассий XXXVII. 3.

Дион Кассий XXXVII. 3.

Аппиан 104–105; Дион Кассий XXXVII. 51–53; *Плутарх*. Помпей. 33 (Об удаче Александра. 336. 3); Holland 2003, 173–174. Стихотворение А.Э. Хаусмена см. в гл. 11. Сдача Тиграна: Kurkjian 1958; он оплакивает империю Тиграна, которой суждено было остаться «всего лишь мгновенным проблеском в истории — из-за безжалостности римлян и безумной отваги» Митридата.

Аппиан 115.

Судьба Дрипетины: Валерий Максим XVIII. 13; Аммиан Марцеллин XVI. 7. 9; Аппиан 107; Помпей 36. Дион Кассий (XXXV11. 7) дает другую версию: Стратоника, в бешенстве из-за того, что ее бросили, сдала крепость Помпею.

Авл Геллий XVII. 16, процитировано у Totelin 2004, 5. Светоний. О грамматиках и риториках. 15; Balsdon 1979, 56; Baley 1585.

Аппиан 104–106; Плутарх. Помпей. 33, 36–41. Киликия и горы Тавра: Mitchell 1995, I: 70–79.

Дион Кассий XXXVI. 50; *Плутарх*. Помпей. 35. 1; Страбон XI. 2. 13; Аппиан 101–103; *Ливий*. Эпитомы. 101. Перевал Клукхор: Talbert 2000, карта 87. Страбоновское *σμβαῖνον* может означать «отправляться, выходить, отплывать». Jones (Loeb, 1928) переводит: «Лишь с другом он мог идти вдоль берега, большую часть времени он шел вдоль края моря». Ср. перевод Hamilton/Falconer, 1856: «Отплыв на судах». За помощь с переводами я благодарю Хенрика Яроновского, Джона Ма и Джоша Обера.

Reinach 1890, 396–397 и карта. Крытые лодки, *камары* — Charachidzd 1998; Страбон XI. 2. 5; 2. 11–13 о лишенном гаваней берегу Ахеи с острыми скалами. Страбон говорит, что «от намерения пройти через страну зигов ему пришлось отказаться из-за ее суровости и дикости»: тогда он передумал и «царю удалось завершить свое путешествие из Фасиса — без малого 4 тыс. стадиев» (500 миль (805 км). Апиан 67, 69: Митридат сражался с ахейцами в 84 г. до н. э.; они послали воинов в 74 г. до н. э., но на таких союзников нельзя было полагаться. Митридат так никогда и не покорил зигов: они стали «серьезным препятствием для его марша»: McGing 1986, 58, 164 об этом «замечательном путешествии». Непредсказуемые ахейцы: Saprykin, Maslennikov 1995, 276; карта 262–265 — непроходимый берег и суровая западная дорога. Маршрут Рейнака принял и McGing 1986, 164, 179; Gozalishvili 1965; Matyzsak 2008, 154 (с цитатой из перевода 1856 г., см. выше примем. 502). Роман Форда (Ford 2004. 324–328) описывает попытку пойти прибрежной дорогой, от которой отказались в пользу дороги через Клукхор. King 2004, 49. Митридат избегал берега, «поскольку его патрулировали римские корабли». Duggan (1959, 179) следует Аппиану (102).

Encyclopedia Briiannica IIth ed. Крепости: Страбон XI. 3. 5. Карты перевалов: Talbert 2000, карты 87–88. Дарьяльское ущелье иногда называли Каспийскими Воротами, и его путают с двумя другими укрепленными перевалами, которые назывались так же, — один между восточными отрогами Кавказа и Каспийским морем (Диодор II. 2. 3) и другой на Шелковом пути к югу от Каспия. Скифские Запоры или Ворота, Дарьял, Дариэль, Дарьял, Дариоли, Кавказский хребет. Сарматские ворота: Тацит. Анналы. VI. 33. 3. Иберы контролировали крепости и перевалы на Среднем Кавказе, и Каспийские Ворота — проход к Каспийскому морю — иногда оказывались закрыты из-за вызывавшихся штормами наводнений. «Непрерывная общность» Кавказа, за исключением «Армянских и Каспийских Ворот»: Плиний V. 57.

Дороги и перевалы: Страбон XI. 3. 4–5; Вгусе 1878, 43–48, 69–87. Перевал Роки — теперь Рокский туннель на Транскавказской автомагистрали (1971–1981). В 2008 г. разразилась война между Россией, Грузией, Северной и Южной Осетией и Абхазией (Древняя Ахея и земля зигов); русские танки вторглись в Грузию через Рокский туннель. Я благодарю Ханса Хайнера Бура, путешественника и горного проводника в Тбилиси, Грузия, который часто пересекает эти перевалы. Его знания истории и местностей этого региона оказались для меня чрезвычайно полезными и помогли реконструировать путь Митридата.

Тезсап 2003; Страбон XI. 2. 15–16.

Ксенофонт. Анабасис. IV. 5; Lee 2007, 165–167. Полководец Митридата Неоптолем сражался со скифами на льду замерзшего Боспорского пролива: Страбон II. 1. 16; VII. 3. 18.

Страбон XI. 2. 16–19, 5. 6, 14. 4.

Ср.: *Ксенофонт. Анабасис. IV. 5. 19–21*; Lee 2007, 166.

Описания основываются на мемуарах ранних европейских путешественников, которые прошли по пути Митридата в 1837 и 1876 гг.: Wilbraham 1839, 140–142; Bryce 1878, 42–87; описания Кавказа: 88–156. Сложная логистика для большой армии, которая идет гуськом по узким, засыпанным снегом горным проходам, продвигаясь вперед рывками, — ср. Ксенофонт и его зимний переход через армянские перевалы в; Lee 2007, 163–167.

Аппиан 102. Курганы: Ascherson 1995, 126–135.

Путешествие Митридата вокруг Азовского моря и прибытие в Крым; Махар и Ксифар: Аппиан 102, 107. Митридат убил некоторых из оставшихся у него сыновей, вызвавших его подозрения: Дион Кассий XXXVII. 12. Эксиподр: Орозий VI. 5; евнух Гавр: Reinach 1890, 405; Валерий Максим IX. 2. 3. О Пантикапее (Крым) и Малой Скифии: Страбон VII. 4; XI. 2; Ascherson 1995, 220–226.

Плутарх. Александр. 49; Аппиан 107–108. Язвы на лице, которые заставили Митридата скрыться, весьма напоминают изуродованного украинского лидера Виктора Ющенко, отравленного политическими противниками в 2004 г. Как и у Митридата, харизма Ющенко основывалась на общении лицом к лицу. Это и другие отравления в данном регионе; Gutterman 2004; Duggan 1959, 181. В своем романе Форд (Ford 2004, 337) относит язвы на лице за счет стресса и отложенного воздействия раны в щеку, полученной четырьмя годами раньше.

Образцы волос короля Георга III (1760–1820), страдавшего от психического заболевания, содержат мышьяк в высокой концентрации 17 ppm — он всю жизнь потреблял мышьяк по предписанию врачей: Cox et al. 2005. Рута и зверобой (*Hypericum*), которые были составной частью рецептов митридатия, содержат токсичные светочувствительные элементы, которые могут вызвать сильные нарывы. Vogel 2001. Отравление мышьяком: www.loxipedia.org.

Плутарх. Помпей. 41; Иосиф Флавий. Иудейская война. I. 122–155.

Юстин XXXVII. I. 7; Дарий: Геродот III. 136; *Плутарх*. Об удаче Александра. 340–342.

Спор об Александре: Ливий IX. 17–19; Sacks 1990, 135, n75; McGing 1986, 122–123; см.: 165, n95 («дико нереалистичный план» как пропаганда против Митридата). Sherwin-White 1994 также отбрасывает этот план, как слухи. Ср.: Ballesteros Pastor 1996, ch. 13 Речь Цицерона в 63 г. до н. э. «О земельном законе Рулла», 437.

Uggan 1959, 186–187; Ford 2004, 344–346. Карты дороги по суше в Альпы: Talbert 2000, карты 11–12, 19–23; Reinach 1890, 403–404. План вторжения Митридата фигурирует в скандинавской устной традиции, записанной ок. 1250 г. н. э.: Younger Edda 1879, 229–230. См.: Mallett, Scott 1847, 51: в Скифии «Митридат искал убежища и новых средств отомстить. Он надеялся вооружить против амбиций Рима все варварские народы, своих соседей, чьей свободе угрожал [Рим]. Сначала он в этом преуспел, но все эти народы, которые как союзники не составляли единого целого, как воины были плохо вооружены и еще хуже дисциплинированы, были вынуждены уступить... Помпею». Однако одно племя под руководством вождя по имени Один переселилось в Северную Европу и сохранило там мечту Митридата. Эта легенда фигурирует в: Anderson 1960.

Дион Кассий (XXXVII. 11) дивился тому, что ум Митридата, которому было уже 71 год, становился еще более острым, хотя его тело слабело от возраста, боевых ран и после перехода через горы. Аппиан 102, 107–108; *Плутарх*. Помпей. 41; Флор I. 40. 15. По поводу экономики, подготовки к войне и археологии Боспорского царства см.: Saprykin, Maslennikov 1995; Logan 1994.

Этот регион пережил атаки кочевников и завоевания Диофана (гл. 5), но не участвовал в Митридатовых войнах — лишь поставлял дань зерном и рекрутами; Saprykin, Maslennikov 1995. Дион Кассий (XXXVII. 11) считает, что это землетрясение произошло одновременно с пленением детей Митридата в Фанагории. Орозий VI. 5. 1 — во время праздника греческой богини-матери Деметры, приуроченного к сбору урожая пшеницы (или весеннего праздника?), — единственный известный ритуал Митридата, адресованный богине. Археологические данные о землетрясении 63 г. до н. э.: Blavatskij 1977; Logan 1994, 72; Saprykin, Maslennikov 1995, 267, 269, 273; однако ср.: Traina 1995. Это было не то же землетрясение в Сирии, о котором сообщает Юстин XL. 2. 1, которое предсказало разгром Лукуллом Тиграна (гл. 13). Дион Кассий XXXVII. 25 — «мощное» землетрясение произошло в Риме в 63 г. до н. э., с молнией при ясном небе, вспышками огня и чудесными явлениями; ср.: Обсеквент в Lewis 1976, 128.

Rostovtzeff 1921, 221 об иранском, иудейском, греческом и местном населении Боспорского царства; он предполагает, что значительное присутствие иудеев было прямо связано с их поддержкой Митридата против Рима. Артаферну было уже лет сорок, и как наследника, его, видимо, никогда не рассматривали.

Военные Митридата ненавидели «всемогущих» евнухов царя. Об этих и других событиях мятежа см.: Аппиан 108–114. Кастор из Фанагории потом удостоился титула Друга римского народа от Помпея: Sherwin-White 1994. Дальнейшая судьба Клеопатры Младшей и Стратоники неизвестна.

Аппиан, 109. Некоторые предположения Аппиана могут быть его собственной интерпретацией событий, однако у него также был доступ к мемуарам римлян и других, бывших при Митридате. О недовольстве в Боспорском царстве см.: Saprykin, Maslennikov 1995, особенно 281. Rosiovizeff 1921.220 (об угрозе, которую эти северные племена, организованные Митридатом, представляли для Рима).

Аппиан 109. «Последний независимый монарх»: Веллей II. 40. I;
McGing 1986. 171.

Аппиан (110) называет Метрофана Менофано. м (см. Аппиан 28; Павсаний III. 23. 2–5). Дети Фарнака, внуки Митридата: Динамия позже стала царицей Боспорского царства; Дарий, сын Фарнака и внук Митридата, был назначен Марком Антонием царем Понта о 39 г. до н. э.: Eder, Renger 2007, 112–113; Mitchell 1995, I: 38–39; Rostovtzeff 1919.

Аппиан 110–111.

Описанные ниже детали взяты из описаний смерти Митридата у Ливия (*Periöchae* 102); Аппиана (110–12); Плутарха (Помпей 41); Диона Кассия (37. 12–14); Валерия Максима (9. 2. 3); Юстина (37. 1–2, 6); Авла Геллия (17. 16); Аврелия Виктора (I. 76); Орозия (6. 5); Флора (I. 40) и Галена (*De theriaca, ad Pisonem*. 14. 283–284), цит. по: Totelin 2004, 5–6 и n22. Средневековая версия в: Baley 1585. Ramsey 1999, 203 n16: считалось, что Митридат был еще жив в январе 63 г. до н. э., но к ноябрю известие о его смерти достигло Рима. Reinach 1890, 406–413. Его самоубийство должно было произойти поздней весной или ранним летом 63 г.

Я добавила деталь насчет золотого сосуда, основываясь на описаниях у Геродота маленьких золотых вместилищ яда, которые скифские лучники привязывали к своим поясам: Mayor 2009, 78–79. Я также думаю, что Митридат утешал дочерей, когда они умирали. Согласно позднееримской традиции (Орозий VI. 5), Митридат произнес ядовитое проклятие, желая, чтобы его собственные дети обошлись с Фарнаком точно так же. Молился ли Митридат? Если это было так, то, наверное, это было похоже на последнюю молитву Кира Великого. *Ксенофонт*. Киропедия. VIII. 7. 3.

Аппиан 111–112. Сколько лет было Митридату в 63 г. до н. э.? Видимо, ок. 71, если основываться на дате рождения — 134 г. до н. э. (гл. 2). Аппиан (116) подсчитал, что ему было 68 или 69 лет; Евтропий (6) и Орозий (VI. 5) (следуя Ливию) пишут, что ему было 72, и считают, что он родился в 135 г. до н. э. Средняя продолжительность жизни в I в. до н. э. была ок. 50 лет.

Чем именно отравился Митридат? Небольшое количество аконита (монаший капюшон) — нейтроксин. Он действует смертельно и безболезненно; наступает онемение, и человек остается в сознании, пока не прекратится дыхание; в древности аконитом пользовались старики на Хиосе, чтобы покончить с собой. Токсическим составляющим белены является гиосциамин: он вызывает галлюцинации, эйфорию, беспокойство, головокружение, сердцебиение, лихорадку, у кого и смерть. Болиголов, который в Древней Греции и Риме использовали для казни преступников и самоубийств, вызывает постепенный паралич и смерть от удушья, как и аконит. Болиголов могли смешивать с опиумом, чтобы смерть была спокойной, достойной и безболезненной — как у Сократа: Smart 2004, 73–78, 110–112; Cilliers, Retief 2000.

Дион Кассий XXXVII. 13; Reinach 1890, 410. Обращение к Битуиту — Аппиан, III.

Аппиан (113) говорит, что триремы отправились в Синопу; Плутарх (Помпей. 42), говорит об Амисе. Дион Кассий XXXVII. 14. Был ли Метрофан одним из тех, кто был ответствен за пленение Аквилия?

Плутарх. Помпей. 41; *Иосиф Флавий*. Иудейская война. I. I. 139. Notje (2009b) обобщает раздражение и неловкость, которые вызвала эта ситуация. Благодарственные молебны по случаю гибели Митридата: Цицерон. О консульских провинциях. 27. Кампании Помпея на Ближнем Востоке: Sherwin-White 1994.

Египетские бальзамировщики, пользуясь сложными техниками мумификации, вынимали мозг; персы по традиции покрывали тело царя воском и помещали в вырезанную в скале гробницу; свои процедуры бальзамирования были и у скифов: Геродот I. 137–141; IV. 84–86 (по поводу продолжительности путешествия через Черное море).

Передача тела Помпею: Дион Кассий XXXVII. 14; Аппиан 113. Цитата у Плутарха (Помпей 42). Хварнах: Widengren 1959, 246, 251, 254. Reinach (1890, 412) предположил, что по шрамам царя узнал Гай, его старый друг детства. Перья цвета гиацинта: *Ксенофонт*. Киропедия. VI. 4. 2. Гай передал корону сыну Суллы; ножны были украдены Публием и проданы внуку Ариобарзана I, царя Каппадокии: Reinach 1890, 412 n3, 298.

Плутарх. Помпей. 42. Аполлон заставил Митридата покончить с собой в качестве наказания за захват Делоса: Павсаний III. 23. 3–5: Отношение древних к самоубийству см.: Сенека. Нравственные письма к Луцилию. 70. Спокойное, умышленное, достойное самоубийство с помощью яда или оружия одобрялось — оно становилось спасением от неизлечимой болезни, позора, подчинения или тирании, политического угнетения, которое уничтожало достоинство и свободу: Balsdon 1979, 249–252. Самоубийство как «путь спасения от рабства», способ достичь свободы: Eleutheria, 250. Символика самоубийства с помощью яда как «освобождения»: Goodkin 1986, 212. Многие современные военные преступники кончали с собой, чтобы избежать суда и наказания, например Адольф Гитлер и его офицеры в 1945 г. и сербский лидер Слободан Милошевич в 2006 г. Интересно, что во время войн с противником на Ближнем Востоке в начале XXI в. американские военные считали самоубийство военнопленных враждебным актом — «асимметричный ответ» врага: Selsky, Loven 2006.

Дион Кассий XXXVII. 13. Александр повел себя чрезвычайно благородно по отношению к Дарию, выставив его тело для прошения, оплатив погребение в Персеполе и захоронение в царской гробнице персов: *Арриан*. Анабасис III. 22. I; *Плутарх*. Об удаче Александра: Notje 2009b.

Аппиан 113; Дион Кассий XXXVII. 14; *Плутарх*. Помпей. 42. 2–3. Синопа стала новой царской резиденцией при Фарнакс I, однако гробницы в Амасии все еще продолжали использоваться, согласно Страбону — уроженцу Амасии (XII. 3. 29). Археологические исследования в Синопе: Fleischer 2009. Arslan (2007) предполагает, что Помпей имел в виду погребение в Синопе. Hotje (2009b) разумно предположил, что Аппиан и Плутарх ошиблись по поводу Синопы, поскольку царские гробницы понтийских царей находились в Амасии, и Помпей и жители Понта знали, что предки Митридата лежали в вырубленных в скалах гробницах в Амасии.

Валерий Максим IV. 6. 2 (источник — Корнелий Непот?); Евтропий VI. 12; Reinach 1890, 297, 387. Об уникальных отношениях Митридата и Гипсикратии см.: Konstan 2002, 16–17.

Ford 2004; Boccaccio, *Des cleres et nobles femmes*, ca. 1450, f. 47v; Jean Boccace, "Hipsicralee royne de ponce", иллюстрация в *Hupsikrateia et Mithridate le grand. Pompeo Magno Cavalli* (1666). Французские взгляды на Митридата: Flinois 1983; Snaith 2007. Надпись в Фанагории: Bowersock 2008, 600–601, с цитатой из Плутарха (Помпей. 32); Валерий Максим именует ее «царицей».

Предшествующие события основаны на Аппиане (116–117); см. также: *Иосиф*. Иудейская война. I. 6. 6; Иудейские древности. XIV. 3; Лукан 2; *Плутарх*. Помпей. 44–45; Плиний VII, 26; Beard 2007.

Плутарх. Помпей. 42; Юстин XXXVII. I, 6–9; Аппиан 112; Плиний XXV. 3. 5; Веллей II. 18; *Цицерон.* Первая академика. II. I. После Митридатовых и гражданских войн налоговая политика Рима стала более цивилизованной, и Рим «стал легче воспринимать восточные идеи»: Sacks 1990, 184.

Аппиан 117. Эллинизированный «иранский Александр»: Rostovtzeff 1919, 95. Помпей был убит в Египте сторонниками его врага Юлия Цезаря в 48 г. до н. э.

Gaddis 2002; Ferguson 2000. По поводу альтернативной истории в художественной форме см.: Summerer 2009. Я благодарна Мишель Маскиелль за предложение альтернативного исторического нарратива, где Митридат остается н живых; и Деборе Гордон, Иэну Моррису и Джошу Оберу за ценные беседы по поводу следующего сценария.

Racine 1965; см.; Goodkin 1986, 204–207, цитируя замечания Ролана Бартеса, *Sur Racine* (1963) о «неуловимой» и «двойной смерти» Митридата, фальшивой и истинной. «Митридат» Моцарта 1770 г. Sadie 1972 и "Mozart Mithridate", *L'Avant Scene Opera*, special issue, July 1983, очерки, фото и либретто. Политические, дипломатические и эмоциональные интриги Понтийского царства Митридата были очень интересны и для Расина, и для Людовика XIV — в то самое время, когда армии турецкой Османской империи вошли в Европу (в 1683 г. они осадили Вену). См.: Breque 1983; McGing 1986, 166 n98. Согласно Геродоту (I. 137), персы считали, что «совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца... убил собственный сын».

См. гл. 6 о подмене сына Митридата. Митридат считался умершим, пока в молодости был в изгнании, когда он поехал на разведку, уже будучи царем, когда он перепрыгнул на пиратский корабль в бушующий шторм и когда исчез на Кавказе. Хитрость Птолемея: *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 64. Теории заговора по поводу «фальшивой смерти» разных знаменитостей зачаровывали людей еще с Античности: в I в. н. э. были свидетели, видевшие Нерона после его смерти и Александра Великого в 221 г.; Champlin 2003, 20–24, 235–237 — о героях и антигероях, которые «умирают, но все равно возвращаются», например король Артур. Адольф Гитлер, Джон Кеннеди, Элвис Пресли, Мэрилин Монро, Саддам Хусейн.

Кое-кто считает реконструкцию «от противного» просто ностальгией по тому, «что могло бы быть», если только она не используется для проверки причинно-следственных связей. В этом альтернативном варианте развития событий мы можем показать, что, несмотря на тревогу Помпея и Рима, точное место и время смерти Митридата — будь то башня или кочевье в степи десятилетием позже — не изменило бы ход истории (благодарю Иэна Морриса). См.: Bekker-Nielson 2004 по поводу того, были ли жизнь или смерть Митридата «значимы» в широкой перспективе.

Аппиан 112. Митридат в последнюю минуту простил галата Беполитана, считая, что он был невиновен (гл. 10). О личности Митридата см.: Olbrycht 2009; Vckker-Neilsen 2004.

Мятеж Фарнака и попытка вернуть царство отца были сокрушены в битве при Зеле в Понте в 47 г. до н. э. Юлием Цезарем. Победа была столь оглушительной, что Цезарь сообщил результат в знаменитой фразе *Veni, Vidi, Vici* («Пришел, увидел, победил»). Дион Кассий XXXVII. 12–14; XLII. 7–9, 45–48. Динамия: Rostovtzeff 1919, особенно 98–105; Eder, Renger 2007, 112.

О родственниках Митридата, нашедших убежище среди кочевников. Rostovtzeff 1919. 104.

Ахиллес и Елена Троянская наслаждались идиллическим посмертным существованием на легендарном Белом острове на севере Черного моря: West 2003, 162–166.

По поводу этой североевропейско-скандинавской легенды, основанной на скандинавской *sage* IX в., см.: Younger Edda 1879, 229–230 и процитированные источники, особенно влиятельные «Северные древности» Поля Анри Малле (Paul Henri Mallet, Northern Antiquities, 1756), которые Гиббон читал в 1770-м. Mallet, Scott 1847, 51. Henri de Fourville, Histoire de la formation particularise (1903) предположил, что образ героя Одина был первоначально основан на историческом скифском вожде — союзнике Митридата, совершавшем дальние путешествия предводителе караванов и воине, который привнес культуру азиатских кочевников на Север, из города «Асгарда» на Азове после смерти Митридата. (Я благодарю Уильяма Хансена, который помог мне проследить происхождение легенды.) Роман, основанный на этой легенде в творчестве Снорри Стурлуссона, см.: Anderson 1960, 275–282. Wordsworth, Prelude (1798–1850), строки 185–189 (пер. Н. Живловой).

Аммиан Марцеллин XXXI. 2; King 2004, 33–37. История Боспора после Митридата и смерти Фарнака: Rostovtzeff 1919.

Персидские предки Митридата — долгожители: Кир Великий, как говорят, дожил до 100 лет, Артаксеркс — до 86 или 94; Митридат I умер в 84 г., и Тигран Великий — в 85, согласно Лукиану (Macrobii («Долгожители»), 10–14).

Многочисленные курганы были разграблены и раскопаны в окрестностях Азовского моря и степей юга России; еще больше до сих пор не обнаружено. Нет никаких данных, которые подкрепляли бы слух о том, что бригадный генерал сэр Гарри Пейджет Флэшмен (1822–1915) открыл «настоящую гробницу» Митридата в Крыму в 1854–1855 гг.

Гипсикрат: Страбон VII. 4. 6; XI. 5. 1–4. Страбон жеманно сообщает, что Гипсикрат был «ненесведущ» в амазонских обычаях Кавказа — если моя теория верна, то это была родина «историка» Гипсикрат упомянут в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (XIV. 8. 3) (как историк кампаний Юлия Цезаря); фрагмент в FGrH 190 F 3; Орозий V. 3. 5; *Лукиан. Macrobiani* («Долгожители»), 22; Rostovtzeff 1919, 103 и n28; Stern, *Greek and Latin Authors* I. 220; Oxford Classical Dictionary под названием «Может быть, Гипсикратий передал противоядие Митридата врачу Цезаря Элию?»

Идти против потока истории: Митридат «был анахронизмом»: McGing 1986, 171. Racine (1673) 1965, акт 3, сцена I. строки 929–934, перевод мой. Эти слова говорят Митридату его сыновья перед кончиной (русский перевод Ю. Стефанова. — *Пер.*).

См.: *Хаэр Р.Л.* Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М., 2007. (Примеч. пер.)

Впервые роман опубликован в 1934 г. (*Примеч. пер.*)

Какой-либо информации о данном издании переводчику обнаружить не удалось; сотрудники Ялтинской городской центральной библиотеки любезно сообщили нам, что такая книга в библиотеках Ялты отсутствует.